

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1887.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, Москва. Ноября 29 дня 1886 года.

Цензоръ. *Свящ. Юаннъ Петропавловскій.*

СОБОРНЫЯ ПОСЛАНИЯ
СВЯТАГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ЮАННА БОГОСЛОВА,
ОЧЬ ОВЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ. а)

I.

О первомъ соборномъ посланіи святаго апостола и евангелиста
Юанна Богослова.

1. Подлинность посланія. Писатель перваго посланія, извѣстнаго подъ именемъ св. апостола и евангелиста Юанна Богослова, въ самомъ посланіи не называетъ себя по имени, какъ дѣлаютъ прочіе Апостолы въ своихъ посланіяхъ (единственный подобный примѣръ въ посланіи св. апостола Павла къ Евреямъ); только въ началѣ посланія писатель косвенно лишь говоритъ о себѣ, какъ объ очевидцѣ и самовидцѣ земной жизни Господа Иисуса Христа (1, 1—4). Несмотря однакоже на это, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что посланіе это написано св. апостоломъ и евангелистомъ Юанномъ Богословомъ. 1) Вся христіанская древность единодушно признавала это посланіе писаніемъ Юанна Богослова. Уже Поликарпъ Смирнскій, ученикъ апостола Юанна, приводитъ одно мѣсто изъ этого посланія б). Папій іернопольскій пользовался этимъ посланіемъ, по свидѣтельству Евсевія в). У Иринея

а) Изъ приготовленной къ изданію второй книги Толковаго Апостола—„Соборныя посланія“.

б) Послан. къ Филип., гл. 7. 1 Иоан. 4, 3.

в) Церк. Ист. III, 39,

Ліонскаго находятся свидѣтельства о происхожденіи этого посланія отъ апостола Іоанна въ цитатахъ, взятыхъ изъ этого посланія въ сочиненіи противъ ересей ^{г)}. Эти три свидѣтеля особенно важны: Иринеѣ былъ ученикомъ Поликарпа, а Поликарпъ и Папій были непосредственными учениками апостола Іоанна. Неужели можно допустить, чтобы они могли пользоваться посланіемъ какого-нибудь неизвѣстнаго лица, считая его подлиннымъ посланіемъ Апостола и Евангелиста, ихъ общаго учителя? Невѣроятно. Они не могли допустить въ этомъ ошибку. — Таковыя же свидѣтельства о подлинности сего посланія находятся у Климента Александрійскаго ^{д)}, Тертуліана ^{е)}, въ древнемъ такъ называемомъ Мураторіевомъ каталогѣ ^{ж)}, въ сирскомъ переводѣ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, такъ называемомъ, Пешитѣ ^{з)}, у Оригена, Діонисія Александрійскаго ^{и)} и у другихъ. Наконецъ Евсевій причисляетъ это посланіе къ несомнѣнно каноническимъ писаніямъ, и никакихъ сомнѣній въ подлинности его въ древней Церкви не было.—2) Всѣ внутренніе признаки посланія убѣждаютъ, что писатель перваго посланія Іоаннова есть вмѣстѣ и писатель Евангелія отъ Іоанна, и если это послѣднее, какъ выражается Евсевій, безспорно всею поднебесною Церковію принято за Іоанново, то Іоанново же должно быть и первое посланіе. Тотъже образъ и характеръ представленія и изложенія, тотъже духъ и тонъ особенной любви и теплоты сердечной, соединенной однакоже съ отеческою важностію, такая же наконецъ глубина и сила чувствъ и въ Евангеліи и въ посланіи. Примѣчательны сужденія о семъ еще древняго писателя церковнаго, Діонисія Александрійскаго. «Евангеліе (Іоанново) и посланіе, говоритъ онъ, согласны между собою и

г) Прот. ересей III, 16, 5, 8. Ср. Евсев. Церк. Ист. 5, 8.—1 Іоан. 2, 18 и д. 4, 1—3; 5, 1.

д) Стром II. 1 Іоан. 5, 16.

е) Тертул. Adv. Prax. с. 15. 1 Іоан. 1, 1.

ж) Reliqu. Sacr. t. IV.

з) Assem. Biblioth. Orient. t. II.

и) Ориг. у Евсев. Церк. Ист. 6, 25. Dion. тамъже.

одинаково начинаются... Іоаннъ вѣренъ себѣ и не отступаетъ отъ своей цѣли; онъ раскрываетъ все въ одинаковыхъ періодахъ и одинаковыми словами. Внимательный читатель въ каждой изъ упомянутыхъ книгъ часто встрѣтитъ слова: жизнь, свѣтъ, прохождение тьмы; непрестанно будетъ видѣть: истина, благодать, радость, плоть и кровь Господа, судъ, оставленіе грѣховъ, любовь Божія къ намъ, заповѣдь о взаимной нашей любви и что должно соблюдать всѣ заповѣди; также—осужденіе міра, діавола, антихриста, обѣтованіе Св. Духа, сыноположеніе Божіе, во всемъ требуемую отъ насъ вѣру, вездѣ Отца и Сына. Вообще, при непрерывномъ вниманіи къ отличительнымъ чертамъ, невольно представляется одинаковый образъ рѣчи Евангелія и посланія¹⁾. Вообще множество мѣстъ посланія сходствомъ содержанія и изложенія напоминаетъ о томъ, что читается въ Евангеліи отъ Іоанна и указываетъ на одного и тогоже писателя и Евангелія и посланія.

2. Время и мѣсто написанія. Начало посланія и весь тонъ и характеръ его даютъ твердое основаніе предполагать, что оно написано послѣ Евангелія отъ Іоанна. Начало посланія указываетъ на другое писаніе тогоже писателя и даже заимствуетъ выраженіе изъ него, т.-е. изъ Евангелія отъ Іоанна, или самими выраженіями указываетъ на единство писателя. Напримѣръ,—посланіе начинается такъ: что было отъ начала, что слышали, что видѣли и пр., то повѣдаемъ вамъ (ст. 1—3). Но о томъ, что было отъ начала и пр., изложилъ Іоаннъ Богословъ въ своемъ Евангеліи, а въ посланіи какъбы только напоминаетъ о семъ для утвержденія христіанъ въ истинной вѣрѣ и жизни по духу вѣры. Вотъ почему издревле утвердилось въ Церкви преданіе, что это посланіе написано Богословомъ послѣ Евангелія его и даже не очень скорѣ послѣ Евангелія, а спустя нѣкото-

1) Евсев. Церк. Ист. VII. 25.

рое время, вѣроятно въ самомъ концѣ I столѣтія по Р. Христовѣ (см. Предисл. къ 3-й кн. Толковаго Евангелія § 2). Такъ какъ послѣдніе годы своей жизни апостоль Іоаннъ провель въ Малой Азіи и именно въ Ефесѣ, гдѣ онъ и окончилъ поприще земнаго служенія своего, то несомнѣнно нужно и можно полагать, что первое посланіе его написано имъ въ Ефесѣ, какъ здѣсь же написано и Евангеліе его (См. Толк. Евангеліе кн. 3-я Предислов.). Есть древнія надписи, указывающія опредѣленно на это именно мѣсто написанія сего посланія—Ефесъ ^{к)}).

3. Первоначальное назначеніе посланія, побужденіе къ написанію и характеръ.—Несомнѣнно нужно полагать, имѣя въ виду свѣдѣнія о времени и мѣстѣ написанія посланія, а равно и характеръ его, что оно первоначально предназначено было для Ефесскихъ, или вообще Малоазійскихъ христіанъ, для всѣхъ тѣхъ обществъ христіанскихъ въ Малой Азіи, которыя хорошо были извѣстны великому Апостолу, по его многолѣтнему пребыванію между ними, съ тѣхъ поръ какъ онъ принялъ ихъ подъ особенное покровительство и руководство, послѣ кончины ихъ великихъ апостоловъ Петра и Павла. Это—общества христіанскія изъ евреевъ и язычниковъ и, по всей вѣроятности, болѣе изъ язычниковъ, чѣмъ изъ евреевъ (ср. 1 Іоан. 5, 21).

Что побудило Апостола писать къ нимъ это посланіе? Можно съ увѣренностію думать, что—опасность, которая грозила всѣмъ этимъ Церквамъ со стороны лжеучителей. На это есть ясныя указанія въ самомъ посланіи съ сильными выраженіями противъ обольстителей или лжеучителей (напр. 2, 19—22; 4, 1—3. 5 и под.). Лжеучители, которые имѣются въ виду въ этомъ посланіи,—тѣже, которыхъ въ виду имѣлъ Апостоль и въ своемъ Евангеліи (ср. Толк. Евангеліе кн. 3-я Предисл. § 2), только можетъ быть съ болѣе рѣзко обо-

к) См. Scholz. Nov. Testam. II, 155.

значившимся лжеученіемъ и потому болѣе сильно обличаемые. Это лживый гносисъ, совершенно искажавшій евангельское откровенное ученіе о блаженствѣ въ единеніи съ Богомъ и Христомъ и ученіе о грѣхѣ. Видно изъ посланія, что эти лжеучители отвергали божество Иисуса Христа и достоинство Его, какъ Спасителя міра (2, 22; 4, 1—3), отвергали потому и дѣйствительность воплощенія Христа (1, 1; 2, 22; 4, 2; 3, 15; 5, 1), кичились своею мнимою мудростію (2, 3. 4. 29; 4, 6), послабляли порокамъ (3, 4—10), стали думать, что можно быть и во свѣтѣ, исповѣдывать Бога чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ свѣтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ творить дѣла тьмы (1, 6. 7), можно не пламенѣть враждою ко грѣхамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считаться очищеннымъ кровію Искупителя (1, 7. 8; 2, 2. 3), можно любить Бога и быть достойнымъ Его любви, любя міръ враждебный Богу (2, 12—17); нѣкоторые доходили повидимому до такого равнодушія къ вѣрѣ, что считали возможнымъ участвовать въ идолослуженіи (5, 18—21) и т. под.

Соотвѣтственно всему сему общій характеръ посланія увѣщательный и обличительный, хотя прямой полемики нѣтъ, какъ нѣтъ и въ Евангеліи. Апостоль имѣетъ въ виду ту же цѣль, какъ и въ Евангеліи,—утвердить вѣру въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, истиннаго Бога и истиннаго человѣка, чтобы всѣ получили чрезъ Него животь вѣчный (Іоан. 20, 31) и были въ любви и истинѣ.

4. Содержаніе посланія:

Глава 1. Несомнѣнная истинность благовѣствованія о Словѣ жизни (ст. 1—4). Богъ—свѣтъ (5). Общеніе съ Богомъ и Христомъ (6—10).

Глава 2. Христосъ—умилостивленіе за грѣхи всего міра (1—2); познаніе Его и общеніе съ Нимъ, какъ со свѣтомъ, въ любви (3—11); возможность сего общенія для всѣхъ (12—14); противоположная сему любовь міра (15—16). Послѣдняя година, антихристъ и антихристы (17—19). Истинное ученіе Христово, въ противоположность антихристіанскому (20—29).

Глава 3. Сыны Божіи и дѣти діавола (1—10). Братская любовь къ ближнему и ненависть (11—18). Успокоеніе сердца въ Богѣ (19—22). Вѣра и любовь (23—24).

Глава 4. Духъ Божій и духи обольстители (1—6). Любовь Божія и любовь къ Богу (7—10). Любовь къ ближнимъ (11—12). Любовь къ Богу и къ ближнимъ (14—21).

Глава 5. Побѣда вѣрующаго и любящаго надъ міромъ (1—5). Три свидѣтеля на небѣ и на землѣ объ одномъ (6—9). Внутреннее свидѣтельство вѣрующаго (10—13). Дерзновеніе вѣрующаго (14—15). Согрѣшающій братъ (16—19). Богъ истиненъ (20—21).

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВ. АП. И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА.

Г Л А В А I.

Несомнѣнная истинность благовѣствованія о Словѣ жизни (ст. 1—4).

Богъ—свѣтъ (5). Общеніе съ Богомъ и со Христомъ (6—10).

1. Еже бѣ исперва, еже слышагомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ:

2. И животъ явися, и видѣхомъ, и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ.

3. Еже видѣхомъ и слышагомъ, повѣдаемъ вамъ, да и вы общеніе имате съ нами: общеніе же наше со Отцемъ и Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ.

4. И сія пишемъ вамъ, да радость ваша будеть исполнена.

1. О томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о Словѣ жизни.

2. (Ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ).

3. О томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами; а наше общеніе съ Отцемъ и Сыномъ Его, Иисусомъ Христомъ.

4. И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна.

Сложную рѣчь въ стихахъ 1—3 нужно перестановкою словъ упростить и перефразировать такъ: о Словѣ жизни, которое было отъ начала, которое мы слышали, которое видѣли своими очами, которое разсматривали и которое осязали руки наши, мы возвѣщаемъ вамъ.—Словомъ, какъ въ Евангеліи отъ Іоанна, такъ и здѣсь, именуется второе лице достопоклоняемая Троицы Сынъ Божій, въ воплощеніи Гос-

подъ нашъ Іисусъ Христосъ (Іоан. 1, 14; см. прим. къ ст. 1 и 14). Сынъ Божій называется Словомъ потому, что это названіе выражаетъ особенное отношеніе Сына Божія къ Богу Отцу и къ твари, какъ Творца ея, особенно къ разумной твари — человѣку (см. примѣч. къ Іоан. 1, 1). Словомъ жизни именуется Сынъ Божій, какъ здѣсь, такъ и въ Евангеліи, потому и въ томъ смыслѣ, что въ Немъ, какъ вѣчномъ (въ началѣ, отъ начала), есть жизнь самосушая, дающая бытіе всякой твари, въ Немъ источникъ жизни всего живущаго. Такъ и самъ Господь говоритъ о Себѣ, что Онъ имѣетъ жизнь въ Себѣ, слѣдовательно жизнь самосушую (Іоан. 5, 26. 21), называетъ Себя жизнью (Іоан. 11, 25; 14, 6), почему и далѣе Апостолъ называетъ Его жизнью вѣчною (ст. 3 и 5, 21), т.-е. самосушею и источникомъ всякой жизни (ср. примѣч. къ Іоан. 1, 4).—Отъ начала: тоже, что въ Евангеліи отъ Іоанна—въ началѣ; этимъ словомъ какъ здѣсь, такъ и въ Евангеліи обозначается вѣчность Сына Божія, въ томъ смыслѣ, что когда началъ только устрояться міръ, Слово уже было, т.-е. Слово было еще до устроенія міра; а если Оно было прежде устроенія міра, или прежде міра, то значить Оно было прежде времени, ибо начало міра есть вмѣстѣ и начало времени; а бывшее прежде времени было отъ вѣчности, слѣдовательно бытіе Слова есть вѣчное, безначальное; а что не имѣетъ начала своего бытія, то не можетъ имѣть и конца,—слѣдовательно бытіе Слова въ полномъ смыслѣ вѣчное, безначальное и безконечное. — Слово отъ начала было: не произошло или получило бытіе, т.-е. не начинается собою ряда твореній, но уже было, существовало, когда начиналось твореніе міра (см. прим. къ Іоан. 1, 1). «Слово: было—означаетъ не временное существованіе, но само-бытное бытіе извѣстнаго предмета, начало и основаніе всего, что получило бытіе, такое, безъ котораго послѣднее не имѣло бы придти въ бытіе» (Θεοφιλ.). Такимъ образомъ предложеніе, которымъ начинается первое посланіе Іоанна, по сопоставленіи его съ началомъ его Евангелія, значить: вѣчное Слово Божіе, Единороднаго Сына Божія, Господа нашего

Иисуса Христа, мы возвѣщаемъ вамъ.—Мы слышали, видѣли и пр.: мы, т.-е. Апостолы и прочіе ученики Христовы и всѣ вѣрующіе, тогда жившіе и именно только вѣрующіе, по мѣрѣ вѣры. Невѣріе и ослѣпленіе, какъ видно изъ всей евангельской исторіи, Христа Сына Божія видя не видѣло и слыша не слышало, т.-е. видя Его дѣянія, слыша Его ученіе, не разумѣло и не понимало ихъ и все равно что не видѣло и не слышало, было глухо и слѣпо, какъ говорилъ о невѣрующихъ и самъ Спаситель (ср. Матѳ. 13, 13—15) словами пророка Исаіи (Иса. 6, 8—9). Апостолы же и ученики Христовы и всѣ вѣрующіе слышали и видѣли все не тѣлесными только очами и ушами, но и внутреннимъ слухомъ и окомъ вѣры, а потому слышали и видѣли съ пониманіемъ и разумѣніемъ. Значитъ они—вполнѣ достовѣрные свидѣтели всего видѣннаго и слышаннаго, ибо понимаютъ то видѣнное и слышанное, слѣдовательно дѣйствуютъ въ нихъ и внѣшнія чувства и разумѣніе. «Не тѣлесно (только слышали и видѣли), но и разумно и не тѣлесными глазами, но и мысленными.... Ибо Онъ былъ одинъ и нераздѣленъ,—одинъ и тотъ же зримый и невидимый, объемлемый и необъятный, неприкосновенный и осязаемый, вѣщающій, какъ человѣкъ, и чудотворяющій какъ Богъ» (Θεοφιλ.). И притомъ слышать и видѣть Апостолы не по свидѣтельству другихъ, но сами непосредственно, и слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ непреложно свидѣтельство ихъ. — Мы слышали: Богъ-Слово какъ отъ начала, отъ вѣчности, сущее въ лонѣ Отчемъ и обитающее въ свѣтѣ неприступномъ, недоступно было людямъ облеченнымъ брэнною плотію; но мы слышали Его, когда вѣчное и непостижимое Оно явилось во плоти (Юан. 1, 14) и обитало между людьми, полное благодати и истины.—Видѣли своими очами: усиленное выраженіе; видѣли не чрезъ другихъ, но сами собственными своими глазами, видѣли не внутренними только очами вѣры, или духовнымъ созерцаніемъ, не въ видѣніи или во снѣ, какъ древніе пророки и святые мужи, но обыкновенными тѣлесными глазами, просвѣтленными умнымъ разумѣніемъ. — Разсматривали и осязали: Бога-Слово,

воспринявшее естество человѣческое, мы не только слышали и видѣли, но и созерцая разсматривали, т.-е. не мгновенно или кратковременно увидѣли или услышали Его, какъ напри- мѣръ въ видѣніи или созерцаніи пророки видѣли и слышали Его, но разсматривали или созерцали подробно и внимательно, часто, много, продолжительно, въ продолженіе всего земнаго служенія Его роду человѣческому. И не только слышали, и видѣли, и разсматривали пристально и продолжительно, но мы осязали Его собственными своими руками. Слухъ и зрѣніе иногда могутъ обманывать, хотя то невѣроятно, когда видятъ и слышатъ весьма многіе и весьма часто или постоянно; но мы не только видѣли и слышали и разсматривали, но осязали своими руками собственными. Такъ возлюбленный ученикъ Его возлежалъ на персяхъ Его; Тома, а можетъ быть и другіе ученики, чрезъ прикосновеніе и осязаніе удостоившись въ дѣйствительности Его воскресенія, когда Онъ самъ призывалъ ихъ къ тому; прикосновеніемъ и лобзаніемъ ученики часто осязали Его, когда возвращались къ Нему и оставляли Его, такъ какъ былъ обычай въ этихъ случаяхъ лобзать Его; безъ сомнѣнія прикасались къ Нему очень многіе, при чемъ осязали Его, когда вмѣстѣ съ Нимъ путешествовали, окружали Его во время бесѣдъ Его, тѣснили иногда Его и пр. т. п. Особенно же ближайшіе ученики Его постоянно пребывали съ Нимъ, слышали, видѣли, разсматривали, осязали Его, и все это непреложно и непрерываемо свидѣтельствуешь объ истинѣ явленія Бога Слова, Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа во плоти и возвѣщается Апостолами въ лицѣ Іоанна всѣмъ вѣрующимъ и невѣрующимъ.— Ибо жизнь явилась и пр.: это вводное предложеніе, для объясненія сказаннаго слова о Словѣ жизни, которое видѣли и слышали Апостолы и ученики Христовы. Какъ могло быть, что они слышали и видѣли и разсматривали и осязали невидимаго, неосязаемаго, непостижимаго и вѣчнаго Бога, Слово Божіе, духа всесовершеннаго? Ибо жизнь явилась, говорить Апостоль: Слово стало плотію и обитало между нами и мы видѣли славу Его, славу какъ Единороднаго отъ Отца

(Іоан. 1, 14), и потому мы слышали, и видѣли, и разсматривали, и осязали, такъ какъ Богъ-Слово, какъ жизнь самосу-щая, явилось во плоти и обитало и пребывало между людьми (см. прим. къ Іоан. 1, 4). — И свидѣтельствуемъ: такъ несомнѣнно и неоспоримо видѣвъ воплотившееся Слово, Господа Іисуса Христа, мы твердо и несомнѣнно свидѣтельствуемъ о Немъ, свидѣтельствуемъ словомъ и дѣломъ, свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ о Немъ, какъ Сынъ Божіемъ, подателъ всякой жизни и Спасителъ людей, свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ, такъ какъ мы получили божественное повелѣніе свидѣтельствовать и возвѣщать о сей вѣчной жизни, Господѣ Іисусѣ Христѣ (Дѣян. 1, 8; 10, 41. Лук. 24, 47—48 и под.).— Которая была у Отца и явилась намъ: отъ вѣчности пребывающая въ нѣдрѣхъ Отчемъ, Слово жизни, вѣчная жизнь и источникъ всякой жизни, явилось намъ, когда безначальное Слово с'тало плотію (Іоан. 1, 14), восприняло наше человѣческое естество. — Что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ: послѣ вводнаго, объяснительнаго предложенія, краткое повтореніе сказаннаго прежде этого, нѣсколько разрывающаго связь рѣчи, предложеніе о благовѣствованіи Апостолами о Словѣ жизни. «Апостоль возвѣстилъ не такъ, какъ мы, во первыхъ, для краткости рѣчи, потомъ изъ неуваженія къ еллинскому пустословію, далѣе—чтобы показать, что спасеніе наше не въ словахъ, но въ дѣлахъ. Сверхъ сего, Богословъ хотѣлъ неясностію прикрыть то, что выше нечистаго слуха и чѣмъ небезопасно огласить его: ибо давать святыню псамъ и бросать жемчугъ предъ свиніями (Матѹ. 7, 6) несогласно съ здравымъ смысломъ» (Ѳеофил.). Повторяя кратко сказанное, Апостоль указываетъ и цѣль, для чего онъ и другіе Апостолы возвѣщаютъ или проповѣдуютъ ученіе о Словѣ жизни или о Сынѣ Божіемъ, Господѣ Іисусѣ: для того, чтобы вы, читатели посланія, вообще вѣрующіе имѣли общее съ нами, Апостолами, т.-е. чтобы вы такъже вѣровали въ Господа Іисуса Христа, какъ и мы увѣровали; и чтобы чрезъ эту вѣру и вы, какъ и мы, были участниками въ великихъ бла-гахъ, даруемыхъ сею вѣрою, дабы, по слову другаго Апо-

стола, всё вы содѣлались причастниками божественнаго естества (2 Петр. 1, 4), причастниками жизни вѣчной въ общеніи и съ нами и съ Словомъ жизни. Объясняя эту цѣль, Апостоль присовокупляетъ: а наше общеніе со Отцемъ и пр. Это общеніе Апостоловъ съ Богомъ Отцемъ и Христомъ состояло въ томъ, что они, вѣруя въ Иисуса Христа, знали ученіе Его, любили Его и соблюдали заповѣди Его и потому пользовались любовію Бога Отца и І. Христа и были въ благодатномъ единеніи со Отцемъ и Сыномъ, Духъ же Св. обиталъ въ нихъ и были они храмомъ Божиимъ. Такъ <черезъ слово мы принимаемъ васъ въ общники видѣннаго и слышаннаго нами и имѣемъ васъ общниками и Отца и Сына Его Иисуса Христа, а получивъ это мы, какъ прилѣпившіеся къ Богу, можемъ исполняться радостію> (Феофил.).—Сіе пишемъ: значить свидѣтельствуемъ и устно и письменно, возвѣщаемъ устно и пишемъ. Цѣль этого свидѣтельства устнаго и письменнаго, возвѣщанія и писанія, та, чтобы радость ваша была совершенна, полная, чистая, высокая. Такая полнота радости только и можетъ быть въ общеніи съ Богомъ и Христомъ во Св. Духѣ (ср. Іоан. 15, 11; 17, 13 и прим.). <Когда мы въ общеніи съ вами, то испытываемъ величайшую радость, подобную той, какую радующійся свѣтеть доставляетъ жнецамъ при раздачѣ платы, когда и они радуются тому, что ихъ трудами наслаждаются другіе> (Феофил.).

5. И сіе есть обитованіе, еже слышалохъ отъ него, и повѣдаемъ вамъ, яко Богъ свѣтъ есть, и тмы въ немъ нѣтъ ни единыя.

5. И вотъ благовѣстіе, которое мы слышали отъ Него и возвѣщаемъ вамъ: Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ никакой тмы.

И вотъ благовѣстіе и пр.: изложивъ возвышенное благовѣствованіе о Словѣ жизни, вѣчномъ Сынѣ Божіемъ (ст. 1—4), Евангелистъ Богословъ излагаетъ сущность благовѣстія, принесеннаго Словомъ отъ Бога Отца, которое они слышали отъ Него, какъ благовѣстіе апостольское. — Мы слышали отъ Него: можетъ-быть это — точное изреченіе самого Господа, не записанное буквально въ Евангеліи, но

которое точно записано въ семь посланіи Іоанновомъ, точно такъже, какъ точное слово Господа, не записанное въ Евангеліи, записано въ книгѣ Дѣяній въ рѣчи Павла, какъ слово Христово: блаженнѣе давать, нежели принимать (Дѣян. 20, 35; см. прим.); афоризмъ рѣчи повидимому указываетъ на это. Но можетъ быть также, что это изреченіе есть обобщеніе нѣсколькихъ подобныхъ изреченій Христовыхъ въ краткомъ, составленномъ самимъ Іоанномъ, на основаніи подобныхъ словъ Христовыхъ, афоризмъ. Подобное можно видѣть въ Евангеліи Іоанновомъ (Іоан. 12, 44 и дал. и прим.). Дѣло не въ формѣ и буквѣ изреченія, а въ смыслѣ содержанія.— Богъ есть свѣтъ и пр.: и Богъ Отецъ и Христосъ Сынъ Божій называется свѣтомъ, какъ Свѣтъ отъ Свѣта. Въ приложеніи къ Тому и Другому это понятіе образное и изъ всѣхъ понятій, которыми обозначаются они, самое полное и чистое понятіе есть понятіе—свѣта; свѣтъ—это совершеннѣйшее изображеніе и понятіе всесовершеннѣйшаго существа Божія. Въ видимомъ мірѣ свѣтъ есть вещество превосходнѣйшее и благодѣтельнѣйшее; простираясь на все безъ исключенія, онъ все являетъ въ истинномъ видѣ, все освѣщаетъ, все согрѣваетъ, оживляетъ, сохраняетъ, возвращаетъ, радуется. И Богъ-свѣтъ всѣхъ равно любитъ, озаряетъ, оживляетъ, просвѣщаетъ, облаженствуетъ, даруетъ радость, счастье, миръ. Свѣтъ—это полнота всѣхъ божескихъ совершенствъ—благости, всевѣдѣнія, премудрости, святости и прочихъ высочайшихъ свойствъ.—Кажется, въ языкѣ человѣческомъ нѣтъ лучшаго слова и выраженія для изображенія понятія Бога.—И нѣтъ въ Немъ никакой тьмы, т.-е. въ Богѣ всесовершенномъ нѣтъ никакого несовершенства. Въ видимой природѣ тьма есть отсутствіе свѣта; въ переносномъ смыслѣ тьма означаетъ недостатокъ совершенства. Частнѣе тьма означаетъ невѣдѣніе, грѣхъ, ложь. Въ Богѣ нѣтъ тьмы никакой, т.-е. никакой нравственной нечистоты, невѣдѣнія, грѣха, лжи; Онъ всесвятъ и всесовершенъ (см. прим. къ Іоан. 1, 4—9; 8, 12; 12, 46 и пар.). «Итакъ Онъ есть свѣтъ и тьмы въ Немъ нѣтъ, но свѣтъ духовный, привлекающій очи души къ

зрѣнію Его, а отъ всего вещественнаго отвращающій и возбуждающій стремленіе къ нему одному съ самою сильною любовію. Подъ тьмою разумѣть или незнаніе, или грѣхъ, ибо въ Богѣ нѣтъ ни незнанія, ни грѣха, потому что незнаніе и грѣхъ имѣютъ мѣсто (только) въ веществѣ и въ нашемъ расположеніи... А что Апостоль называетъ тьмою грѣхъ, это видно изъ евангельскаго изреченія его: и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объяла (Іоан. 1, 5), гдѣ тьмою онъ называетъ нашу грѣховную природу, которая по своей склонности къ паденію уступаетъ завистнику нашему діаволу, увлекающему ко грѣху. Итакъ свѣтъ, соединяющійся съ нашимъ существомъ, весьма удоболюбимымъ, сталъ совершенно неуловимъ для искуителя, ибо Онъ грѣха не сотворилъ и пр. (Исаи 53, 9)» (Θεοφил.).

6. Аще речемъ, яко общеніе имамы съ нимъ, и во тьмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины.

7. Аще же во свѣтъ ходимъ, якоже самъ той есть во свѣтъ, общеніе имамы другъ ко другу, и кровь Іисуса Христа Сына Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.

6. Если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ, и не поступаемъ по истинѣ.

7. Если же ходимъ во свѣтѣ, подобно какъ Онъ во свѣтѣ; то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ, и кровь Іисуса Христа, Сына Его, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.

Если говоримъ и пр.: сила, рѣшительность и нѣкоторая рѣзкость слова, повидимому, показываетъ, что Апостоль имѣетъ въ виду лжеучителей, искажавшихъ истину о общеніи вѣрующихъ съ Богомъ и пребывающихъ во тьмѣ, хотя мнившихся быть въ свѣтѣ, т.-е. предававшихъ грѣхамъ и порокамъ, хотя мечтавшихъ, что исполняютъ законъ Божій. Но смягчая обличеніе и какъбы прикрывая заблуждающихся, Апостоль поставляетъ и себя какъбы на ряду съ читателями и употребляетъ выраженіе: если мы говоримъ и пр. Мысль Апостола такова: кто говоритъ, что имѣетъ общеніе съ Богомъ, считаетъ себя христіаниномъ, членомъ царства Христова, а между тѣмъ предается грѣхамъ и порокамъ и притомъ сознательно уклоняясь отъ истины и святости: то

таковой лжетъ, оболъщаетъ себя и поступаетъ не по истинѣ, живя и дѣйствуя не такъ, какъ учить жить и дѣйствовать истина. «Итакъ мы, какъ общники свѣта, не должны въ себя приниматьъ тьму, чтобы не понести наказанія за ложь и вмѣстѣ съ ложью не быть отторгнутыми отъ общенія со свѣтомъ» (Θеофил.). Разумѣется глубокая грѣховная порочность, какъ сознательное лживое упорство и коснѣніе во грѣхѣхъ и нераскаянность въ немъ, такъ какъ раскаяніе изглаждаетъ грѣхи (ст. 9). Эта глубокая грѣховная порочность характеризуется сильнымъ словомъ — лжемъ я стоящимъ въ связи съ нимъ выраженіемъ—не поступаемъ по истинѣ. Отецъ лжи, по слову Христову (Юан. 8, 44 и прим.), есть діаволь, не устоявшій въ истинѣ и не поступающій по истинѣ: царство истины закрыто для него, ложь—его жизненное начало, непремѣнная сфера, въ которой онъ только и можетъ жить и дѣйствовать; ложь составляетъ его внутреннее существо и потому ему и свойственна только одна ложь и истины въ немъ нѣтъ. Таковъ и тотъ, кто говоритъ, что имѣетъ общеніе съ Богомъ, а самъ ходитъ во тьмѣ; онъ, какъ діаволь, лжець и истины въ немъ нѣтъ, у него діавольскія склонности, діавольскіе пороки, діавольская грѣховность; истина ему чужда, ему противна.—Если же ходимъ во свѣтѣ и пр.: если не только говоримъ, что стоимъ въ общеніи съ Богомъ, но и дѣйствительно имѣемъ въ духѣ это общеніе и потому ходимъ во свѣтѣ, стремимся къ святости и истинѣ, какъ и Онъ всесвятой и обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ и истинѣ, то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ; разумѣется братское взаимное общеніе вѣрующихъ всѣхъ между собою въ единеніи духа любви и истины. Кто живетъ и ходитъ вѣрою и по вѣрѣ, въ общеніи любви и добродѣтели, тотъ по истинѣ ходитъ во свѣтѣ Божіемъ, и свѣтъ величія Божія отражается въ общеніи любви со всѣми вѣрующими. При этомъ свѣтъ всѣхъ вѣрующіе соединены или имѣютъ общеніе съ Апостолами и со всѣми святыми, живущими на землѣ и обитающими на небѣ; такъ какъ одинъ и тотъже Духъ Божій сообщаетъ духовную жизнь всѣмъ святымъ, и человѣкамъ и ангеламъ.—

И кровь Іисуса Христа и пр.: ходящій во свѣтѣ имѣеть общеніе со всѣми святыми, такъ какъ всѣ имѣють одинъ источникъ спасенія,—кровь Іисуса Христа, которая очищаетъ всѣхъ отъ всякаго грѣха. Такова связь понятій. При представленіи о хожденіи во свѣтѣ и братскомъ единеніи во Христѣ со всѣми вѣрующими, взоръ Богослова устремляется къ тому величайшему и безмѣрному дару милости и человѣколюбія Божія, силою котораго мы только и можемъ ходить во свѣтѣ Божіемъ и имѣть общеніе со всѣми святыми, — къ искупленію всего міра страданіями и крестною смертію Сына Божія. Если мы живемъ свято и праведно, то мы имѣемъ общеніе со всѣми, ибо Сынъ Божій пострадалъ и умеръ за грѣхи всего міра, смертію своею примирилъ весь міръ съ Богомъ, и потому сила заслугъ Его или цѣна крови Его покрываетъ всѣ наши грѣхи, соединяя всѣхъ искупленныхъ въ одно святое общество или тѣло Его—Церковь.—Кровь очищаетъ: пролитою на крестѣ кровію Господа І. Христа Сына Божія совершилось примиреніе всего міра съ Богомъ (Евр. 9, 14), и потому она имѣеть очистительное для всего міра значеніе. Только цѣною страданій и смерти Спасителя міра человѣчество освобождается отъ первороднаго грѣха и осужденія за грѣхъ, очищается вѣрою отъ всѣхъ грѣховъ, содѣланныхъ до возрожденія въ крещеніи, получаетъ прощеніе и тѣхъ грѣховъ, которымъ человѣкъ подвергается по немощи своей природы послѣ крещенія. Такимъ образомъ, общеніе другъ съ другомъ въ единеніи любви и въ союзѣ мира и очищеніе кровію І. Христа поистинѣ являетъ христіанъ единымъ тѣломъ Господа Христа, которое есть Церковь Его (Еф. 4, 16). Это очищеніе и общеніе совершается главнымъ образомъ въ таинствѣ Евхаристіи, подъ условіемъ искренняго и дѣятельнаго раскаянія во грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ (ср. 1 Кор. 11, 18. 29 и пар.).

8. *Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истинны нѣсть въ насъ.*

9. *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды.*

8. Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха: обманываемъ самихъ себя, и истинны нѣтъ въ насъ.

9. Если исповѣдуемъ грѣхи наши: то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякой неправды.

10. *Аще речемъ, яко не согрѣшихомъ, лжа творимъ Его, и слово Его нѣтъ въ насъ.*

10. Если говоримъ, что мы не согрѣшили: то представляемъ Его лживымъ, и слова Его нѣтъ въ насъ.

Если говоримъ и пр.: какъ бы человекъ ни былъ праведенъ, онъ всегда имѣеть грѣхи и чѣмъ онъ праведнѣе, тѣмъ глубже сознаеть свою грѣховность и не можетъ говорить, что онъ не имѣеть грѣха. Цѣною крови Христовой христіанинъ возрождается въ новую жизнь и можетъ ходить во свѣтѣ, но всегда можетъ ниспасть во тьму грѣховную; всегда удобопреклоненъ ко грѣху и грѣшенъ, и потому если кто сталъ бы говорить и увѣрять, что онъ не имѣеть грѣха, тотъ обманываетъ себя, въ самообольщеніи не видитъ себя, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не понимаетъ и не сознаеть истины, поступаетъ не по истинѣ, и истины нѣтъ въ немъ. Возможно ли, чтобы кто-нибудь считалъ себя безгрѣшнымъ? Вѣроятно такъ учили лжеучители и обольщали таковымъ лжеученіемъ, совершенно нелѣпымъ, и эту нелѣпость изобличаетъ Апостолъ. Хожденіе во свѣтѣ не означаетъ того, чтобы вѣрующіе послѣдователи Христовы были совершенно чисты отъ грѣховъ, безопасны совершенно отъ паденія, а означаетъ только то, что они стараются по мѣрѣ силъ исполнять заповѣди Божіи и удаляться отъ всякихъ грѣховъ, а подвергаясь онымъ, очищаются кровію Христовою отъ нихъ. Но съ другой стороны, сознаніе, что христіанинъ грѣшитъ и склоненъ къ паденію, не значитъ, что онъ не можетъ ходить во свѣтѣ, и потому не должно устрашать или приводить въ отчаяніе, ибо кровь Христова сильна очистить его отъ всякаго грѣха при условіи исповѣданія грѣховъ.—Если исповѣдуемъ и пр.: исповѣдывать грѣхи, не значитъ только сознавать ихъ, хотя безъ сознанія исповѣданіе не можетъ быть дѣйственнымъ; не значитъ только раскаиваться въ нихъ, но открыто исповѣдывать ихъ предъ Богомъ и предъ свидѣтелемъ, поставленнымъ вязать и разрѣшать грѣхи (Іоан. 20, 22 — 23), т.-е. при посредствѣ таинства покаянія. Такимъ образомъ смыслъ изреченія таковъ: если христіанинъ искренно сознаеть свои грѣхи предъ Богомъ, сокрушается о нихъ и просить прощенія въ

нихъ у Бога ради крестныхъ заслугъ Христа Спасителя, если исповѣдуетъ ихъ предъ отцемъ духовнымъ, питая желаніе и намѣреніе избѣгать грѣховъ, то онъ получитъ отъ Бога прощеніе оныхъ. Таинство покаянія есть такимъ образомъ необходимое условіе примиренія христіанина съ Богомъ крестною смертію Христовою. «Апостоль повторяетъ нѣсколько разъ свою рѣчь, дабы чрезъ обильныя и частыя обличенія представить всю великость преступленія и преклонить преступниковъ къ исповѣди. Сколь великое благо рождается отъ исповѣди, видно изъ слѣдующихъ словъ: скажи ты прежде грѣхи свои, чтобы оправдаться (Исаи 43, 26). А что для начинающаго ученика учитель часто повторяетъ одно и то же, сначала кратко, потомъ пространнѣе, чтобы сообщить познаніе яснѣйшее, это дѣло обыкновенное» (Θеофил.). — Вѣренъ и праведенъ: вѣрность свою Богъ являетъ въ своихъ обѣтованіяхъ и исполненіи ихъ (ср. Евр. 10, 23; 11, 1. 1 Кор. 1, 9; 10, 13. 1 Сол. 5, 24); что Онъ обѣщаетъ сдѣлать, то сдѣлаетъ, такъ какъ Онъ своему слову всегда вѣренъ, какъ истинный во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ. И праведенъ: или правосуденъ, воздастъ всякому и всему по дѣламъ, справедливый, безпристрастный. Въ приложеніи къ прощенію грѣховъ человѣческихъ и очищенію неправдъ ихъ выраженіе имѣетъ такой смыслъ: какъ бы тяжки ни были грѣхи наши, не должно смущаться и отчаиваться, страшась праведнаго суда и гнѣва Божія. Онъ проститъ намъ прегрѣшенія наши, потому что Онъ не можетъ быть невѣрнымъ въ извѣстныхъ обѣтованіяхъ своихъ о принятіи кающихся грѣшниковъ, ибо кровію Христовою вполне удовлетворяется правосудіе Божіе и жертвою Его прощаются человѣку всякіе грѣхи и очищаются всякія неправды. — Проститъ, или оставитъ: не только сниметъ вину грѣховъ, какъ судія, но уничтожитъ или измладитъ самыя грѣхи, такъ что и помину ихъ не останется ни въ мысли, ни на дѣлѣ; очиститъ, или омоетъ кровію Христовою или уничтожитъ нечистоту. Очищеніе грѣховъ и оставленіе всякой нечистоты есть плодъ искупительной жертвы Христа Спасителя, а наше исповѣданіе грѣховъ и сокрушеніе суть условіе съ нашей стороны,

чтобы быть способными усвоить себѣ спасительное дѣйствіе заслугъ Искупителя.—Если говоримъ и пр.: опять повторяется истина, выраженная въ стихѣ 6-мъ и 8-мъ, съ новымъ усиленіемъ, при новомъ видоизмѣненіи. Выше въ ст. 8 выражено: если мы говоримъ, что не грѣшимъ, здѣсь — если говоримъ, что не согрѣшили; послѣднее выраженіе указываетъ на всякое время, когда мы только начнемъ обращать вниманіе на себя, въ томъ смыслѣ, что мы всегда найдемъ въ себѣ грѣхи, если только не будемъ предаваться самообольщенію. — Представляемъ Его живымъ: сильнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ изреченіи—обольщаемъ себя; не только обольщаемъ себя, но представляемъ Бога живымъ, не только лжемъ (какъ въ ст. 6-мъ) сами, но лгуцимъ и живымъ представляемъ Бога самого. «Если безстыдно скажемъ, что мы не согрѣшили: то совершимъ двойное зло: покажемъ себя лжецами и изрыгнемъ хулу на Бога» (Феофил.). Какимъ образомъ? Кто говоритъ такъ, т.-е. что онъ не грѣшитъ и не грѣшилъ, тотъ отвергаетъ все ученіе самого Христа объ искупительной Его жертвѣ за грѣхи людей, и слѣдовательно самый существенный членъ вѣры христіанской; а не вѣруя въ это ученіе, онъ не христіанинъ, не очищенный кровію Христовою, значитъ не возрожденный; вмѣстѣ съ тѣмъ все Божественное откровеніе онъ считаетъ не истиннымъ, ложнымъ и слѣдовательно и самого Бога представляетъ живымъ, какъбы обманувшимъ человѣка, не сдѣлавшимъ для него всего того, что обѣщался сдѣлать для его блаженства и счастья.—И слова Его нѣтъ въ насъ: «если и при этомъ мы говоримъ, что не согрѣшили, то отвергаемъ Его слова, которыя суть духъ и жизнь (Іоан. 6, 63)» (Феофил.), и такимъ образомъ слова Его нѣтъ въ насъ. Слово здѣсь тоже, что истина въ ст. 8; въ такомъ человѣкѣ нѣтъ истины, а потому онъ или не разумѣетъ, или не принимаетъ слова Божія, открытаго въ Евангеліи, или вообще слова Божія откровеннаго, въ обширномъ смыслѣ.

Епископъ Михаилъ.

МИТРОПОЛИТЬ-СХИМОНАХЪ ТЕОДОРЪ,

ПРОСВѢТИТЕЛЬ СИБИРСКИХЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ а).

• Къ числу лицъ, оставившихъ по себѣ въ Сибири благу ю память своимъ великимъ христіанскимъ благочестіемъ и многоплодными трудами на пользу Церкви Христовой, принадлежитъ приснопамятный святитель Божій, митрополить-схимонахъ Теодоръ, управлявшій Тобольско-Сибирскою епархіею дважды: 1) съ 1702 по 1709 годъ подъ именемъ Филоея, и 2) съ 1715 по 1721 годъ, уже принявши схиму съ именемъ Теодора.

Архипастырь сей извѣстенъ сколько свято-подвижническою жизнью, столько же истинно апостольскими трудами на поприщѣ евангельской проповѣди сибирскимъ остякамъ и частію вогулямъ и татарамъ. Донынѣ память его благоговѣнно почитается не только въ Тобольскѣ, гдѣ онъ архіерействовалъ, и въ г. Тюмени, гдѣ онъ скончался и погребенъ, но и во всей Сибири. Въ назиданіе читателямъ предлагаемъ нѣсколько свѣдѣній о жизни и дѣятельности приснопамятнаго архіерея-схимонаха б).

а) Статья эта служитъ дополненіемъ къ напечатанной въ апрѣльской и майской книжкахъ „Душен. Чт.“ за прошлый годъ статья „Сказанія о нѣкоторыхъ сибирскихъ подвижникахъ благочестія“.

б) Свѣдѣнія эти заимствованы: 1) изъ Словаря *Достопамятныхъ людей Русской земли—Валдайскій-Каменискаго*; 2) *Историч. обзоръ Сибири—Словцова*, и 3) главнымъ образомъ изъ обширнаго изслѣдованія покойнаго ученаго Омскаго протоіерея А. И. Сулоцкаго, подъ заглавіемъ: „*Филовей Леуцискій*, митрополить сибирскій и тобольскій“, издавнаго въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія. Пынь всѣ названныя книги составляютъ библіографическую рѣдкость.

Преосвященный схимонахъ Ѳеодоръ, а до принятія схимы Филоеѣй, митрополить сибирскій и тобольскій, родился въ 1650 году, въ Малороссіи, отъ небогатыхъ, но благороднаго происхожденія родителей, по фамиліи *Лецинскихъ*. Образованіе онъ получилъ въ знаменитой Кіевской академіи, по окончаніи курса въ которой, вступивъ въ бракъ, нѣкоторое время былъ приходскимъ священникомъ, но вскорѣ овдовѣлъ и поступилъ въ братство Кіево-Печерской лавры. Здѣсь онъ постриженъ въ монашество съ именемъ *Филоея* и со всею ревностію предался подвигамъ благочестія, поста, молитвы и послушанія, такъ что вскорѣ обратилъ на себя вниманіе начальства, братіи и посѣщавшихъ знаменитую обитель многочисленныхъ богомольцевъ. За примѣрное благочестіе, трудолюбіе и особенную опытность и распорядительность въ дѣлахъ, какія ему поручались отъ обители, Филоеѣй, чрезъ нѣсколько времени, избранъ былъ въ эконома лавры, должность сколько почетную, столько же и трудную, по обширности и многосложности холяйства богатѣйшей въ Россіи обители. Въ послѣдствіи Филоеѣй возведенъ былъ въ санъ архимандрита и намѣстника, зависѣвшаго въ то время отъ лавры, Брянскаго Свѣнскаго монастыря, но съ оставленіемъ при прежней должности лаврскаго эконома.

Славная по множеству святынь, лавра Печерская была дорога и священна горѣвшему благочестіемъ сердцу Филоея: ревностный инокъ любилъ ее всею душою своею, посвящалъ ей пользамъ всѣ свои силы и способности, въ ней хотѣлъ и жизнь свою кончить. Но Промыслъ Божій велъ его къ иному великому служенію, въ иную далекую страну. Государь Петръ Великій, озабочиваясь просвѣщеніемъ Христовою вѣрою сибирскихъ инородцевъ и сосѣдственныхъ съ ними народовъ, подвластныхъ Китаю, указомъ отъ 18 іюня 1700 года, повелѣлъ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому подыскать изъ малороссійскаго монашескую духовенства челоука не только благочестиваго, но и ученаго, который бы, будучи митрополитомъ въ Tobольскѣ, могъ постепенно распространять св. Евангеліе между сибирскими инородцами и даже въ

сосѣднемъ Китаѣ. Будущему митрополиту тобольскому Государь поставлялъ въ обязанность взять съ собою въ Сибирь двухъ или трехъ просвѣщенныхъ иноковъ, способныхъ изучить китайскій и другихъ инородцевъ языки и тѣмъ содѣйствовать миссіонерскому дѣлу. Выборъ Варлаама Ясинскаго остановился тогда на извѣстномъ ему съ отличной стороны архимандритѣ Новгородъ-Сѣверскаго Спасскаго монастыря Димитріи (Туптало), который 23 марта 1701 г. и былъ посвященъ въ санъ тобольскаго митрополита. Но святитель Димитрій по болѣзни отказался отъ поѣздки въ Сибирь, и вскорѣ, въ январѣ 1702 года назначенъ митрополитомъ въ Ростовъ, гдѣ скончался и, причисленный къ лику святыхъ, нетлѣнно почиваетъ въ тамошнемъ Іаковлевскомъ монастырѣ. На мѣсто же его въ Сибирь избранъ былъ экономъ Кіево-Печерской лавры Филоеѣй Лецинскій, какъ вполне, по своимъ духовнымъ качествамъ, соотвѣтствующій тому высокому призванію и той многотрудной дѣятельности, которыя указывались Монаршею волею архипастырю сибирскому. Филоеѣй посвященъ былъ въ митрополита 4 января 1702 года, въ Москвѣ, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола рязанскимъ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, на 53 году жизни. Въ Tobольскъ онъ прибылъ 4 апрѣля 1702 года, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монашествующихъ, ученыхъ и способныхъ къ проповѣди евангельской. Между этими лицами извѣстны: Варлаамъ Коссовскій, бывший съ 1707 по 1711 г. епископомъ иркутскимъ, въ качествѣ викарія тобольскаго, и архимандритъ Мартиніанъ, первый миссіонеръ въ Камчаткѣ.

Сибирская епархія въ архипастырство митрополита Филоеѣя была чрезвычайно обширна: растянутая на пространствѣ слишкомъ 300,000 квадратныхъ миль, она границами своими имѣла: на сѣверѣ Ледовитое море, на востокѣ Восточный океанъ, на югѣ—земли подвластныя Китаю и Киргизскую степь, а на западѣ—Ураль и далѣе его, внутрь Европейской Россіи, многіе города и крѣпости. Въ тогдашней Сибирско-Тобольской епархіи нынѣ находятся уже шесть самостоятельныхъ епархій: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская,

Якутская и Камчатская съ нѣсколькими викаріатствами, да многіе уѣзды, прежде входившіе въ составъ Тобольской епархіи, вошли въ составъ епархій Оренбургской, Пермской, Екатеринбургской.

Само собою разумѣется, что управленіе такою обширнѣйшею епархіею для преосвященнѣйшаго Филовея сопряжено было съ большими затрудненіями, уже по одному тому, что архипастырю, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ и попечителенъ, не представлялось никакой возможности лично обозрѣть свою паству и чрезъ это успѣвшиѣ, тѣмъ издалека, духовно вліять на нее. Невозможно было скоро прекращать возникавшіе въ ней нравственные безпорядки, уничтожать вредныя заблужденія и суевѣрія, наблюдать надлежащимъ образомъ за подчиненнымъ ему духовенствомъ, замѣщать праздыя мѣста при церквахъ и т. п. Между тѣмъ эта-то обширная, отдаленная паства и требовала особенныхъ заботъ и мудраго, неусыпнаго пѣстунства со стороны своего архипастыря, такъ какъ нравственное состояніе членовъ ея, не только мірскаго, но и духовнаго званія, было крайне печальное. Самъ митрополитъ Филовей по прибытіи въ Тобольскъ, въ донесеніи своемъ Петру I-му такъ характеризовалъ состояніе своей паствы: *пришедъ въ Сибирскія страны, въ церквахъ Божіихъ усмотрѣлъ я великое нестроеніе, а какое нестроеніе, не мѣтъ и писанію предати; а чинится то за великою простотою (духовенства) и нищетою* в).

Опишемъ нѣсколько подробнѣе состояніе тогдашней сибирской паствы по сохранившимся о томъ историческимъ свѣдѣніямъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ укажемъ труды и мѣропріятія преосв. Филовея въ дѣлѣ вѣшнего и внутренняго улучшенія этого состоянія. Прежде всего новый мирополитъ нашель въ Тобольскѣ свой архіерейскій домъ полуразрушеннымъ послѣ бывшаго за годъ до его пріѣзда большаго пожара. Да и сред-

в) Челобитная (очень обширная и интересная) митр. Филовея Петру I-му отъ 31 дек. 1702 г. напечатанная протоіереемъ А. И. Сулоцкимъ въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1859 года №№ 15—19.

ства къ содержанію дома и служащихъ при немъ были очень скудны. Нужно было владыкѣ устроить и свое гнѣздо: вѣдь и птица небесная прививаетъ гдѣ-нибудь въ бурю и генастье, а тѣмъ болѣе необходимо жилью человѣку, хотя бы то и монаху, отрешенному отъ міра. Средствъ на устройство дома не было. Но стараніемъ Филоея и съ помощію благотворителей, домъ скоро устроился въ лучшемъ видѣ. Затѣмъ по ходатайству преосвященнаго, Государь на улучшеніе доходовъ архіерейскаго дома даровалъ новыя дачи и угоды, а Филоею, какъ опытный въ хозяйствѣ еще по экономству въ Кіево-Печерской лаврѣ, вскорѣ улучшилъ и прежнія и новыя вотчины своего дома, поставивъ въ нихъ хорошихъ управителей и самъ неусыпно входя во всѣ подробности хозяйства.

Устраивая свой домъ, митрополитъ въ тоже время, но еще съ большимъ попеченіемъ занимался устройеніемъ епархіи. При вступленіи преосв. Филоея въ управленіе Тобольскую епархію, въ Сибири было слишкомъ мало храмовъ: на пространствѣ 300,000 квадратныхъ миль церквей было всего 160. Приходы были разбросаны на громадныя пространства, отъ чего происходили затрудненія въ совершеніи священниками христіанскихъ требъ. Кромѣ того, прихожане по чрезвычайной отдаленности отъ храмовъ охладѣвали въ усердіи къ нимъ, отвыкали отъ общественнаго богослуженія и весьма легко отпадали въ расколъ, сильно тогда распространенный бѣглыми и ссыльными въ Сибирь раскольниками. Чтобы по возможности устранить всѣ эти неудобства, митрополитъ ревностно заботился объ увеличеніи числа храмовъ, и въ 21 годъ его управленія епархіею число таковыхъ въ Сибири достигло до 448-ми, т.-е. при немъ выстроено 288 церквей.

Въ епархіи было весьма мало духовенства, да и то, какое имѣлось, находилось въ затруднительномъ, а часто и бѣдственномъ положеніи относительно средствъ къ существованію. При этомъ духовенство состояло изъ лицъ необразованныхъ, часто малограмотныхъ, а нерѣдко и совершенно безграмотныхъ. Чтобы восполнить недостатокъ духовенства, преосв. Филоею, какъ потомъ многіе изъ его ближайшихъ преемни-

ковъ, принималъ въ клиръ изъ крестьянъ, казаковъ и другихъ податныхъ сословій. Прежде всего митрополитъ обратилъ вниманіе на матеріальное положеніе духовенства, ибо невозможно священнику или клирику стоять на высотѣ своего призванія, если онъ съ семьею не обеспеченъ насущнымъ, хотя бы черствымъ кускомъ хлѣба. Въ то время сибирское духовенство по городамъ и крѣпостямъ, получавшее прежде жалованье изъ царской казны, въ 1699 г. лишено было этого вспомошествованія. А сельскіе причты не получали руги, не имѣли ни пахатныхъ, ни сѣнокосныхъ участковъ, и если кто-нибудь изъ духовныхъ хотѣлъ заниматься хлѣбопашествомъ, то долженъ былъ платить со своихъ полей въ казну пятую часть добытаго хлѣба. Всѣ причты такимъ образомъ существовали лишь на ничтожные доходы за требоисправленіе у прихожанъ. Ко всему этому духовенство сибирское въ пути, при дальнихъ проѣздахъ, а иногда пѣшеходныхъ странствованіяхъ къ архіерею для рукоположенія и суда, нерѣдко подвергалось различнымъ притѣсненіямъ со стороны свѣтскихъ властей. Въ устраненіе всего этого, по ходатайству митрополита Филоея предъ Государемъ, возобновлена была выдача изъ казны жалованья духовенству городскихъ и крѣпостныхъ церквей, а къ церквамъ сельскимъ велѣно отвести пахатныя земли и сѣнные покосы, или же выдавать денежную и хлѣбную ругу съ прихожанъ. Чиновникамъ же, за притѣсненія, чинимыя ими духовенству, Государь грозилъ строгимъ судомъ и наказаніемъ.

Обращено было митрополитомъ вниманіе и на учрежденіе въ Сибири школъ, въ которыхъ чувствовалася настоятельная нужда, въ особенности для приготовленія достойныхъ служителей Церкви, способныхъ не только учить своихъ прихожанъ, но и приводить къ истинной вѣрѣ невѣдающихъ Бога Создателя. Съ этою цѣлію преосв. Филоеемъ, съ разрѣшенія Государя Петра I-го, открыты были въ Тобольскѣ въ 1704 г. славяно-русскія школы, въ которыхъ учились дѣти духовнаго званія. Такимъ образомъ въ Тобольскѣ основаніе духовныхъ училищъ и просвѣщенія духовнаго положено было даже

ранѣе, нежели въ другихъ російскихъ епархіальныхъ городахъ, исключая важнѣйшихъ: Кіева, Москвы, Чернигова и Ростова. Тобольскія школы содержались изъ доходовъ архіерейскаго дома, въ то время, благодаря заботамъ преосвящ. Филоея, довольно значительныхъ. Кромѣ того, такъ называемыя *милостивныя денги*, собиравшіяся съ архіерейскихъ домовъ и монастырей, Государь предоставлялъ въ пользу Тобольскихъ школъ. Школы эти дали Сибирской епархіи многихъ добрыхъ приходскихъ пастырей, а со временемъ и миссіонеровъ.

При всѣхъ вышеписанныхъ многополезныхъ дѣйствіяхъ на пользу епархіи, митрополитъ Филоей преимущественное свое вниманіе и свою архипастырскую дѣятельность обратилъ на миссіонерское дѣло въ краѣ, гдѣ много было раскольниковъ и невѣрующихъ. Раскольники въ Сибири первоначально появились вслѣдствіе ссылки туда при патріархѣ Никонѣ (въ 1656 и 1660 годахъ) извѣстныхъ протопопа Аввакума, попа Лазаря и монаховъ Іосифа (пзъ армянъ) и Авраамія (изъ евреевъ), бывшихъ первыми насадителями раскола въ Сибири, а потомъ умножились съ 1682 г., послѣ собора въ Грановитой палатѣ и казни Никиты Нустосвята. Во все продолженіе царствованія Петра Великаго раскольники бѣжали за Уралъ толпами, населяли тамъ цѣлыя слободы и города, и сотнями, даже тысячами сожигались и сожигали оболѣченныхъ ими простецовъ. Предмѣстники преосв. Филоея, тобольскіе митрополиты Корнилій, Павелъ и въ особенности Игнатій съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дѣйствовали противъ нихъ. Митрополитъ Филоей принималъ всѣ, зависѣвшія отъ него, мѣры, къ искорененію этихъ плевелъ на нивѣ Божіей и, между прочимъ, отстраивалъ Тюменскій Троицкій мужескій монастырь, какъ разсадникъ миссіонерства среди раскольниковъ, которыхъ въ Тюмени было особенно много. Труды и заботы ревностнаго архипастыря, хотя не всегда и не въ желаемой мѣрѣ, увѣнчивались добрымъ успѣхомъ: были не только единоличныя, но и цѣлыми семьями и селеніями, обращенія заблуждшихъ въ лоно православной Церкви.

Болѣе благоплодна была миссіонерская дѣятельность митрополита Филоея среди невѣрующихъ сибиряковъ, именно туземныхъ инородцевъ, исповѣдывавшихъ частію магометанство, частію буддизмъ, а въ большинствѣ шаманство. Но и успѣхъ въ миссіонерствѣ среди невѣрныхъ послѣдовалъ не вдругъ, не на первыхъ порахъ открытія миссіонерскихъ дѣйствій, а именно тогда только, когда самъ Филоей лично вступилъ на миссіонерское поприще. Господь какъбы испытывалъ, предуготовлялъ, умудрялъ первоначальными неудачами будущаго просвѣтителя сибирскихъ язычниковъ. Первое миссіонерство при Филоеѣ было учреждено въ отдаленной Камчаткѣ. Сибирскіе казаки, при первомъ вступленіи своемъ на этотъ полуостровъ (въ 1697 г.), водрузили на одной рѣчкѣ крестъ, а потомъ при дальнѣйшемъ покореніи страны, въ срубленныхъ ими острогахъ (крѣпостцахъ) устроили часовни. Извѣщенный объ этомъ, преосвященный въ 1705 г. отправилъ въ Камчатку миссіонеромъ привезеннаго имъ изъ Россіи архимандрита Мартиніана, который устроилъ въ далекомъ краѣ, близъ Нижне-Камчатска, иноческую пустынь во имя Успенія Божіей Матери. Въ этой пустыни, нынѣ уже не существующей, постригся въ 1717 г. монахъ Игнатій Козыревскій (изъ богатыхъ казаковъ). Онъ при пустыни на собственные средства устроилъ богадѣльню для престарѣлыхъ и увѣчныхъ своихъ сподвижниковъ по завоеванію Камчатки. Этотъ же монахъ, при разныхъ случаяхъ, крестилъ не мало камчадаловъ. Крестилъ ихъ, но немного, и архимандритъ Мартиніанъ.

Около этого же времени, именно въ 1707 г., митрополитъ Филоей отправилъ миссію въ Китайскую Монголію къ великому Кутухтѣ ^{г)}. Миссія состояла изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ тобольской славяно-русской школѣ. Но миссія эта была неудачна: обмѣнявшись съ Кутухтою подарками и взаимными вѣжливостями, миссіонеры уѣхали обратно, оставивъ при дворѣ Кутухты двухъ молодыхъ учениковъ для

г) Такъ монголы называютъ одного изъ семи буддійскихъ перво-священниковъ, подчиненныхъ тибетскому Далай-Ламѣ.

изученія монгольскаго языка. Но эти вскорѣ возвратились во свояси, встрѣтивъ невниманіе и даже противодѣйствіе своимъ занятіямъ. Видно не пришелъ еще тогда часъ духовнаго прозрѣнія поклонниковъ Будды.

Въ концѣ 1706 г. Государь Петръ I-й указомъ своимъ повелѣлъ: или самому митрополиту Филоею, или назначеннымъ отъ него монахамъ и священникамъ ѣхать къ остякамъ и вогуличамъ съ евангельскою проповѣдію, всѣ кумиры и кумирницы, гдѣ только будутъ найдены, сожигать и истреблять, и на ихъ мѣстахъ строить церкви, часовни и ставить иконы, а самихъ остяковъ и вогуловъ отъ мала до велика крестить. При этомъ повелѣвалось тѣмъ изъ инородцевъ, которые пожелаютъ креститься, сложить податныя недоимки и выдавать изъ казны кафтаны, рубашки и хлѣбъ, а митрополиту и другимъ духовнымъ лицамъ, имѣющимъ отправиться въ миссію, требовать отъ гражданскаго начальства лѣтомъ судовъ для плаванія, а зимою подводъ, проводниковъ, толмачей и обороны. Въ то же время отъ Государя предписано было мѣстнымъ властямъ содѣйствовать зависящими отъ нихъ мѣрами будущимъ вѣропроповѣдникамъ въ ихъ дѣлѣ. Въ исполненіе царскаго указа, преосвященный Филоею въ 1707 г., отправилъ къ березовскимъ остякамъ миссіонеровъ, которые нѣкоторое время и проповѣдывали. Но успѣхъ ихъ проповѣди былъ довольно скудный: весьма немногіе изъ остяковъ согласились креститься, а всѣ прочіе, по привязанности къ вѣрѣ предковъ, и слышать не хотѣли о новой для нихъ вѣрѣ, и миссіонеровъ принимали и провожали съ ожесточеніемъ. Видимо Провидѣніе готовило эту сорную ниву для благаго дѣятеля, самого митрополита Филоею, и часъ къ тому уже близился.

Но вдругъ просвѣтительная дѣятельность владыки Филоею, повидимому, должна была прекратиться: въ 1709 г. онъ тяжело заболѣлъ, принявъ схиму съ именемъ Θεодора и, отказавшись отъ епархіи, удалился на покой въ устроенный имъ Троицкій Тюменскій монастырь. Онъ даже хотѣлъ было совсѣмъ уѣхать изъ Сибири и удалиться *на обшчаніе*, т.-е.

возвратиться на мѣсто своего постриженія, Кіево-Печерскую лавру и тамъ въ тишинѣ уединенія, вблизи святыхъ пещеръ и нетлѣнныхъ мощей угодниковъ Божіихъ, провести остальные дни своей жизни. Туда онъ даже отправилъ и свою собственную архіерейскую ризницу. Но неисповѣдимый въ путяхъ своего промысла Господь Богъ въ это-то именно время и призвалъ благоговѣйнаго старца къ усиленной миссіонерской дѣятельности въ Сибирской странѣ. Въ 1711 году прибылъ въ Тобольскъ первый сибирскій губернаторъ, князь М. П. Гагаринъ. Этотъ дѣятельный и предприимчивый сановникъ, зная притомъ точную волю Петра Великаго о крещеніи сибирскихъ инородцевъ, предложилъ схимонаху Ѳеодору, какъ пастырю свободному, въ то время совершенно поправившемуся здоровью и способному, принять на себя трудъ апостольства, при чемъ общалъ всѣ нужныя къ тому пособія, какія только могли состоять въ его власти. Преосвященный схимникъ, чувствуя въ себѣ еще достаточно силъ тѣлесныхъ и духовныхъ и искренно желая потрудиться на миссіонерскомъ поприщѣ, къ которому всегда было склонно его сердце, принялъ предложеніе губернатора и рѣшился отправиться съ евангельскою проповѣдію къ остякамъ-язычникамъ. Предпріятіе преосвящ. Ѳеодора охотно одобрилъ его преемникъ по тобольской кафедрѣ митрополитъ Іоаннъ (Максимовичъ), снабдившій его сотрудиниками изъ монаховъ и священниковъ; а губернаторъ, князь Гагаринъ, далъ ему судно для плаванія по рѣкамъ, гребцовъ, толмачей, знающихъ остяцкій языкъ, около 10 казаковъ для охраненія миссіи, 2,000 р. денегъ, достаточное количество вещей разнаго рода для раздачи ново-крещеннымъ, и предварительно разослалъ предписанія мѣстнымъ властямъ содѣйствовать миссіи въ достиженіи ея цѣли, напримѣръ, собирать инородцевъ въ прірѣчныя мѣста, удобныя для нихъ и для миссіонеровъ и пр. Обращеніе сибирскихъ инородцевъ къ вѣрѣ въ Іисуса Христа преосв. Ѳеодоръ положилъ начать съ остяковъ, какъ ближайшихъ по мѣсту жительства къ Тобольску. Когда все было готово къ путешествію, архіерей-схимонахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1712 года по

плыль внизъ по Иртышу, вошелъ въ р. Обь и приставалъ почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были по берегамъ рѣкъ остячкія жилища, начиная съ первыхъ въ 85 верстахъ отъ Тобольска до самаго Березова.

Остяки, къ которымъ отправился съ евангельскою проповѣдію митрополитъ Феодоръ, обитаютъ частію по низовью Иртыша и притоку его р. Кондѣ, а болѣе по Оби, внизъ до Обдорска и далѣе, и вверхъ до Сургута, Нарыма и многихъ другихъ мелкихъ рѣкъ. Жизнь этого народца—полуосѣдлая, полукочевая: лѣтомъ они живутъ на открытыхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ, а зимою—въ лѣсахъ. Селенія ихъ самыя малыя: 15, 10, 5 и даже менѣе юрть. Жили они тогда въ землянкахъ, похожихъ на звѣриныя норы. Занимаются остяки даже и теперь исключительно рыбною ловлею лѣтомъ и звѣринымъ промысломъ зимою, а питаются мясомъ звѣрей, дичью, а болѣе всего сырою и сухою рыбою и рыбьимъ жиромъ и только уже въ наши времена привыкли къ хлѣбу. Въ жилищѣ, въ одеждѣ, въ приготовленіи пищи, да и во всемъ остяки отличаются крайнею нечистоплотностію, отъ чего и подвержены разнымъ наружнымъ болѣзнямъ: сыпямъ, воспаленію глазъ, цынгѣ и пр. Словомъ это былъ тогда совершенно дикій и жалкій народъ. Остяки были идолопоклонники шаманскаго толка. Они имѣли нѣкоторое понятіе о Высочайшемъ Существовѣ, признавали Его всеблагимъ и владыкою вселенной и называли *Торымъ*. Но они не строили ему кумирницъ, не дѣлали Его изображеній и даже не молились ему, считая его слишкомъ высокимъ и недоступнымъ для ихъ ничтожества. Ниже Торыма, по вѣрованіямъ остяковъ, были другіе боги, болѣе доступные мольбамъ людей. Изъ этихъ боговъ важнѣйшіе: *Ортикъ*—другъ и помощникъ Торыма; къ нему обращались всѣ и со всякими прошеніями; *Лонгъ*—помощникъ Ортика, вѣстникъ воли высшихъ боговъ и въ частности богъ здоровья; *Елянь*,—прислужникъ высшихъ боговъ и исполнитель ихъ воли, и *Мейкъ*—богъ зла, къ которому обращались съ умолиствительными молитвами въ случаѣ какого-либо несчастія. Но остяки признавали еще множество и дру-

гихъ низшихъ боговъ, земныхъ и водяныхъ, добрыхъ и злыхъ, будтобы покровительствовавшихъ или вредившихъ ихъ промысламъ. Наконецъ остяки считали богами звѣрей: волка и медвѣдя, которые, опустошая стада ихъ оленей и пожирая склады кедровыхъ орѣховъ, иногда не щадятъ и самихъ хозяевъ. Боговъ своихъ остяки изображали въ различныхъ видахъ и всегда въ самыхъ отвратительныхъ: въ видѣ уродливаго человѣка, звѣря или птицы. Для идоловъ строили кумирни и въ каждой юртѣ имѣлся истуканъ. Въ честь идоловъ отправлялись въ разные времена праздники. Въ жертву идоламъ приносили крупную рыбу, оленей и лошадей, при чемъ происходили іляски, ігбнія и наконецъ кропленіе кровію жертвеннаго животнаго и помазаніе его жиромъ рта у бога. Жрецами у остяковъ были *таманы*. Они же исправляли должность лекарей, знахарей и колдуновъ. Изъ корыстныхъ видовъ разными фокусами, чудными въ глазахъ невѣждъ и кое-какими врачебными познаніями, эти люди держали ихъ во тьмѣ невѣрія и невѣжества. Остяки вѣрили въ загробную жизнь, но представляли ее совершенно похожею на земную, слишкомъ чувственно. Къ такому-то народу отправился съ евангельскою проповѣдію архіерей-схимонахъ. Сколько трудовъ и опасностей предстояло вѣропроповѣднику среди народа дикаго, бродячаго по лѣсамъ и тундрамъ, не имѣющаго не только письменъ, но даже словъ въ своемъ языкѣ для выраженія понятій христіанскихъ! Наконецъ проповѣдывать приходилось въ мѣстахъ суровыхъ по климату и малонаселенныхъ, а Ѧеодоръ былъ уже слишкомъ 60-лѣтній старецъ. Но любовь къ Богу и ближнему подвигла его на великое и многотрудное дѣло. Она же вооружила его терпѣніемъ и силою воли, и онъ безбоязненно пошелъ въ путь апостольскій.

Въ первое свое миссіонерское путешествіе преосв. Ѧеодоръ занимался преимущественно истребленіемъ предметовъ идолослуженія: всюду отъ Тобольска и до Березова сокрушались идолы, сжигались кумирни и истреблялась ихъ утварь. Это дѣлалось вслѣдствіе указа Государя Петра I-го, повелѣвавшего: «сибирскому митрополиту Филоею ѣхать во всю землю

вогульскую и остяцкую, и въ татары, въ тунгусы, и якуты, и въ волостяхъ, гдѣ найдеть ихъ кумиры и кумирницы, и нечестивыя ихъ чтителица, и то все пожечь и ихъ, вогуловъ и остяковъ, Божіею помощію и своими трудами приводить въ Христову вѣру, и о томъ явить имъ словесно, и сей нашъ указъ сказать» (Указъ этотъ въ Полн. Собр. Закон. т. V, № 2863). Волю же строгаго Государя нельзя было не исполнить въ точности. Но истребленіемъ капищъ и идоловъ митрополитъ не ограничивался: онъ велъ съ язычниками продолжительныя бесѣды, приспособленныя къ ихъ понятіямъ, доказывая имъ, что истуканы ихъ не суть боги, а просто дерево, камень или металл,—предметы бездушныя, и сообщая въ тоже время главныя понятія объ истинномъ Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ. Въ это первое путешествіе крещенъ былъ остяцкій князь Алачевъ съ 13-ю другими изъ его семейства и рода. Князь этотъ, услышавъ отъ митрополита Феодора, что нѣкогда и вся Россія подобно Сибири поклонялась идоламъ, и что крещеніе ея началось съ Кіева, пожелалъ отправиться туда, и дѣйствительно, при содѣйствіи преосвященнаго и губернатора князя Гагарина, ѣздилъ въ Москву и Кіевъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Возвратившись на родину, Алачевъ съ восхищеніемъ рассказывалъ своимъ родичамъ о российскихъ городахъ и святыняхъ, видѣнныхъ имъ, чѣмъ не мало послужилъ дѣлу обращенія въ христіанство своихъ соплеменниковъ. Князь Алачевъ велъ добрую и благочестивую христіанскую жизнь, служа примѣромъ для новообращенныхъ христіанъ.

Вторичное путешествіе съ евангельскою проповѣдію къ остякамъ преосв. Феодоръ предпринялъ въ 1713 году. Вслѣдствіе сокрушенія идоловъ въ прошедшемъ году, жители многихъ остяцкихъ селеній, лишенные предметовъ своего поклоненія и гибелью ихъ убѣжденные въ ихъ ничтожествѣ и всемогуществѣ Бога христіанскаго, безъ сопротивленія и скоро соглашались креститься и были крещены Феодоромъ. Былъ при этомъ замѣчательный случай, когда и шаманъ остяцкій, т.-е. ихъ жрецъ, врачъ и колдунъ, самъ расположилъ значи-

тельное число своей паствы къ принятію св. крещенія. Шаманъ этотъ, называвшійся *Палемха*, еще съ ранней весны 1713 года, когда въ мѣстахъ, гдѣ онъ шаманствовалъ, не было даже и слуха о прибытіи вновь христіанскаго миссіонера, отказался отъ всѣхъ жертвоприношеній идоламъ и отъ всякой ворожбы. При всѣхъ народныхъ собраніяхъ, вмѣсто обычныхъ заклинаній, шаманъ читалъ вслухъ всѣхъ русскія молитвы (Господи помилуй и др.), которымъ научился у крещенныхъ остяковъ, и открыто говорилъ, что настало уже время, когда остяцкій народъ перестанетъ поклоняться идоламъ, а будетъ вѣровать въ христіанскаго Бога. Такъ устами язычника Господь благоволилъ возвѣстить хвалу свою и приготовить ревностному проповѣднику добрую почву для духовнаго сѣянія. Когда митрополитъ Ѳеодоръ прибылъ въ Мало-Атлымскія (близъ г. Березова) юрты, гдѣ жилъ шаманъ Палемха, то жители этихъ юртъ сами вышли на встрѣчу святителю и покорно заявили: «Старецъ Божій, мы знаемъ, что ты пріѣхалъ крестить насъ. Хотя намъ и жаль прежней своей вѣры, но Богъ намъ не велитъ противиться тебѣ, крести насъ!» По краткомъ наставленіи въ вѣрѣ христіанской, всѣ эти люди были крещены, а во главѣ ихъ шаманъ Палемха, нареченный Аврааміемъ. Другое замѣчательное при этомъ обстоятельство также достойно воспоминанія. Изъ жителей названныхъ Мало-Атлымскихъ юртъ 30 человекъ отказались креститься и бѣжали далѣе на сѣверъ къ Обдорску. Но что же? Куда ни приходили бѣглецы, вездѣ ихъ преслѣдовали ужасныя, небывалыя даже въ здѣшнихъ болотистыхъ мѣстахъ несмѣтныя массы комаровъ, мошекъ, слѣпней и друг., которые ни днемъ, ни ночью не давали имъ покоя. Всюду ихъ преслѣдовалъ безотчетный страхъ: куда ни убѣгутъ, куда ни скроются, вездѣ имъ казалось, что за ними гонятся. Къ довершенію ужаса, бѣглецы вездѣ терпѣли голодь, ибо ни звѣрей, ни птицъ, ни рыбы не могли уловить, несмотря на то, что съ ними были необходимыя для ловли и охоты орудія. Много перемѣнили бѣглецы мѣстъ, но вездѣ встрѣчали одно и то же. Наконецъ они поняли, что все это дѣлается не по

случайному стеченію обстоятельствъ, а по волѣ Бога христіанскаго. «Видно, говорилъ народъ,—пришло время креститься такъ угодно Богу». А потому бѣглецы возвратились въ мѣста своего жительства, добровольно явились къ преосвящ. Θεодору и приняли отъ него св. крещеніе. Разнообразными и дивными путями ведетъ Богъ человѣка ко спасенію.

Въ поѣздку 1713 года преосв. Θεодоръ при содѣйствіи благодати Божіей обратилъ въ христіанскую вѣру 3,500 душъ остяковъ. Такія миссіонерскія поѣздки совершаемы были митрополитомъ до самаго послѣдняго года его жизни, т.-е. до 1727 года. Не будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за миссіонерскими странствованіями преосвященнаго схимонаха,—остановимся только на болѣ замѣчательныхъ случаяхъ, бывшихъ съ нимъ во время этихъ путешествій, а также укажемъ на число обращенныхъ имъ язычниковъ и на способы, которые употреблялъ вѣропроповѣдникъ для утвержденія крещенныхъ инородцевъ въ вѣрѣ христіанской.

Въ 1714 году митрополитъ отправился изъ Пелыма въ Тюмень однимъ путемъ, а сотрудники его въ Тобольскъ другимъ. Путь владыки былъ благополученъ. Но сотрудники его испытали большія неприятели. Имъ нужно было проѣзжать чрезъ одни вогульскія юрты (Кошущкія), гдѣ всѣ жители съ княземъ во главѣ недавно приняли магометанство. Князь этотъ, опасаясь, чтобы его подданные не обратились въ христіанство, и полагая, что между проѣзжавшими чрезъ его юрты миссіонерами находился митрополитъ Θεодоръ, замыслилъ умертвить его. Онъ собралъ большую толпу вооруженныхъ вогуловъ и напалъ на миссіонеровъ, которые и погибли бы отъ злоумышленниковъ, еслибы къ нимъ не подоспѣли на помощь крещеные вогулы и не отбили ихъ. За злой умыселъ князь взятъ былъ гражданскимъ начальствомъ въ Тобольскъ и долженъ былъ подвергнуться строгому наказанію; но преосв. Θεодоръ заступился за него, взялъ его къ себѣ въ Тюмень, ласковымъ обращеніемъ съ нимъ и многократными бесѣдами о христіанствѣ убѣдилъ его принять крещеніе, крестилъ и съ любовію и благословеніями возвратилъ въ

Тобольскъ. Тамъ тогдашній митрополитъ тобольскій Іоаннъ принялъ новопросвѣщеннаго милостиво, щедро одарилъ и, отпуская въ родныя юрты, отправилъ съ нимъ священника, который, при содѣйствіи князя, окрестилъ въ его волостяхъ изъ магометанства 300 душъ.

Въ томъже 1714 г. митрополитъ посѣтилъ *Буренскія* юрты остяковъ, недавно обращенныхъ въ магометанство. На приглашеніе принять христіанство остяки отвѣчали отказомъ. Когда владыка начиналъ говорить имъ о вѣрѣ, они затыкали уши, плевали и ругались. Потомъ они заперлись въ одной большой юртѣ и ни сами не хотѣли идти къ слушанію проповѣди; ни къ себѣ никого не допускали. Преосвященный однакоже не оставлялъ юртъ и время отъ времени посылалъ своихъ сотрудниковъ вызывать къ себѣ остяковъ. Наконецъ разсвирѣпѣвшіе дикари, схвативъ разнаго рода оружіе, повыскакали изъ юртъ и съ яростію напали на миссіонеровъ: одного изъ нихъ стрѣлою ранили въ голову, другаго также стрѣлою ранили въ плечо, третьему пробили насквозь руки. Въ испугъ безоружные Русскіе всѣ убѣжали съ берега на судно. Схимонахъ Ѳеодоръ, въ то время молившійся объ укрощеніи враговъ, остался на берегу одинъ. На него напалъ остяцкій старшина, по имени *Ушанко*, и выстрѣлилъ въ старца изъ ружья, но пуля пролетѣла сквозь платъя, не коснувшись тѣла. Господь и на этотъ разъ спасъ своего вѣрнаго слугу. Осенью тогоже года митрополитъ пріѣхалъ въ Тобольскъ и нашелъ тамъ своего врага Ушанку, арестованнаго и ожидавшаго наказанія за покушеніе на жизнь преосвященнаго. Но незлобивый владыка и Ушангъ воздасть тѣмъже, чѣмъ и упомянутому выше князю Кошущкихъ юртъ: онъ взялъ Ушанку къ себѣ на поруки, отвезъ его въ Тюмень и тамъ мало-по-малу склонилъ его къ принятію христіанства и просвѣтилъ св. крещеніемъ. За начальникомъ послѣдовали и подчиненные—прочіе соумышленники Ушанки, тожѣ находившіеся подъ стражею. И отъ злыхъ дѣлъ, по устроенію всеблагаго и премудраго Промысла Божія, иногда происходятъ благія послѣдствія. Не мало было и другихъ подобныхъ случаевъ, когда свирѣпыя язычники оказывали сильное сопро-

тивленіе вѣропроповѣднику, ругали его, угрожали смертію, стрѣляли въ него и его спутниковъ изъ луковъ и ружей; но Господь Богъ, хранившій своего избранника во всѣхъ путяхъ его, спасалъ подвижника и его сотрудниковъ отъ напрасной смерти.

Но среди непріятностей, лишеній и опасностей многотруднаго апостольскаго служенія схимонахъ Θεодоръ испытывалъ по временамъ и великое утѣшеніе. Такъ, объѣзжая юрты инородцевъ, прежде имъ крещенныхъ, онъ вездѣ встрѣчалъ отъ нихъ самый радушный пріемъ: они съ любовію и радостію, какъ дѣти къ отцу, бѣжали къ нему, падали на землю, цѣловали его руки и ноги, съ покорностію внимали его наставленіямъ, оставляли, по его внушенію, прежніе дурные обычаи, просили строить для нихъ церкви и присылать священниковъ и т. п. Бывали и дивныя явленія благодати Божіей при совершеніи имъ таинства крещенія надъ инородцами, служившія къ утѣшенію самого вѣропроповѣдника, къ укрѣпленію вѣры новокрещенныхъ и къ вразумленію еще непріявшихъ св. крещеніе. Такъ въ 1714 г., крестилась одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка вогулка. Предъ крещеніемъ она такъ была слаба, что во время заклинанія нужно было поддерживать ее, а для погруженія въ рѣку нести на рукахъ,—но лишь вышла изъ воды, какъ тотчасъ почувствовала себя столь хорошо, что сама пошла въ юрту и тамъ сейчасъ же принялась за тяжелую работу. Въ другой разъ крестился десятилѣтній мальчикъ, у котораго до крещенія сильно болѣла нога. Но едва онъ вышелъ изъ купели, какъ тотчасъ сдѣлался здоровъ, такъ что домой уже не шелъ, а бѣжалъ. Такія событія совершались въ глазахъ множества крещеныхъ и некрещеныхъ инородцевъ, и конечно, не оставались безъ благодатнаго вліянія на умы и сердца ихъ.

Число всѣхъ инородцевъ, крещенныхъ митрополитомъ Θεодоромъ во время его миссіонерской дѣятельности, простирается, по самымъ точнымъ изслѣдованіями ¹⁾, до 40,000 душъ обоого пола.

1) Именно протоіерей Сулоцкаго, въ вышеупомянутомъ трудѣ его: „Филоеѣи Лещинскій, митрополитъ сибирскій и тобольскій“.

Не ограничиваясь только крещеніемъ инородцевъ, схимонахъ митрополить употреблялъ всѣ зависящія отъ него мѣры и способы къ утвержденію новокрещенныхъ въ вѣрѣ христіанской. Съ этою цѣлю онъ выстроилъ среди инородческихъ поселеній, въ мѣстахъ болѣе удобныхъ, церкви на деньги, испрошенныя имъ у казны. Въ другихъ мѣстахъ поставилъ часовни, въ иныхъ водрузилъ подъ навѣсами кресты. Церкви и часовни снабдилъ утварью. Во вновь образовавшіеся приходы опредѣлилъ священно-церковнослужителей, которымъ исходатайствовалъ денежное жалованье и хлѣбную ругу, а церквамъ нужные для богослуженія матеріалы, какъ-то: воскъ, ладанъ, церковное вино, масло. Самимъ новокрещеннымъ раздавалъ по юртамъ иконы и кресты. Священникамъ новокрещенскихъ приходовъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность объѣзжать своихъ прихожанъ, какъ бы они далеко ни жили, не менѣе трехъ разъ въ годъ, и при этихъ объѣздахъ обучать ихъ вѣрѣ и совершать у нихъ христіанскія требы. Первоприсутствующіе духовныхъ правленій—уѣздные протоіереи или архимандриты, а также и благочинные е) тоже обязывались посѣщать жилища крещеныхъ инородцевъ два раза, или, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, и также съ цѣлю назиданія ихъ и наблюденія за вѣрою. Кромѣ того для этихъ же цѣлей, а главное для защиты инородцевъ отъ обидъ со стороны сборщиковъ ясака (т.-е. податей) и другихъ проѣзжихъ, были опредѣлены отъ гражданскаго начальства особые *надзиратели* изъ лицъ свѣтскихъ, притомъ образованныхъ, преимущественно малороссіанъ, которыхъ въ то время, послѣ бунта гетмана Мазепы, было много сослано въ Тобольскъ. Въ селеніяхъ остяцкихъ и вогульскихъ набирались мальчики и отдавались въ разные мужскіе монастыри, или въ тобольскій архіерейскій домъ, гдѣ въ особо учрежденныхъ школахъ учились русской грамотѣ и закону Божию. Мальчики эти предназначались къ занятію въ послѣдствіи

е) Всѣ эти должностныя лица назывались, по тогдашнему, *закатчиками*.

священно-церковнослужительскихъ мѣстъ при своихъ приходскихъ церквахъ, или къ должностямъ переводчиковъ и катихизаторовъ при миссіонерахъ.

Преосвященный Ѳеодоръ исходатайствовалъ предъ правительствомъ многія выгоды и льготы для новокрещенныхъ: по его стараніямъ крещеныя инородцы, гонимые отъ всѣхъ язычествующихъ соплеменниковъ, ограждены отъ гоненій маленькими укрѣпленіями съ постояннымъ въ нихъ военнымъ карауломъ; попавшіе въ рабство къ Русскимъ или къ богатымъ инородцамъ же (что тогда въ Сибири было сілошь и рядомъ), получали свободу; всѣ новокрещенные получали льготу въ платежѣ ясака,—освобождены отъ поставки подводъ, и всячески ограждались отъ обидъ и притѣсненій. Бѣднымъ изъ новокрещенныхъ преосвященный часто посылалъ значительное количество хлѣба, иногда холста на одежды и даже денегъ. и все это изъ собственныхъ скудныхъ средствъ. Священникамъ новокрещенныхъ приходовъ строилъ на собственный счетъ дома. Съ новокрещенными владыка обращался привѣтливо, ласково, былъ терпѣливъ къ ихъ природнымъ недостаткамъ—грубости и невѣжеству, стараясь постепенно истреблять эти недостатки мѣрами кроткаго убѣжденія. Вообще Ѳеодоръ любилъ новокрещенныхъ, какъ отецъ родныхъ дѣтей. За то и новокрещенные его горячо любили и искренно считали его своимъ благодѣтелемъ и защитникомъ. Память о преосвященномъ схимонахѣ и донинѣ съ любовію чтится между потомками обращенныхъ имъ инородцевъ. «Добрый былъ старикъ, говорятъ нынѣшніе остяки,—народъ въ обиду не давалъ, комиссары и воеводы боялись его; остяковъ сильно любилъ; вѣрный слуга Божій былъ; святой былъ человекъ».

Въ 1715 году скончался тобольскій митрополитъ Іоаннъ. По Высочайшему повелѣнію управленіе Сибирскою епархіею снова было возложено на преосвященнаго Ѳеодора, несмотря на преклонность лѣтъ его и схимонашество. Не оставивъ миссіонерскихъ поѣздокъ къ инородцамъ, Ѳеодоръ дѣятельно занялся и дѣлами епархіальнаго управленія. Въ 1718 и

1719 годахъ онъ путешествовалъ для обозрѣнія церквей и приходоѡ по нынѣшнимъ губерніямъ: Томской, Енисейской и Иркутской. Въ Иркутскъ владыка прибылъ въ мартѣ 1719 г., апрѣль пробылъ за Байкаломъ, между прочимъ и въ Селенгинскѣ; въ маѣ возвратился въ Иркутскъ, откуда отправился въ обратный путь водою по Ангарѣ и на пути посѣтилъ отдаленный Туруханскъ. Во время вторичнаго управленія сибирскою паствою митрополитъ Ѳеодоръ заботился объ открытіи миссіонерскихъ дѣйствиі, кромѣ сѣвера нынѣшней Тобольской губерніи, и въ другихъ мѣстахъ епархіи; такъ, по его указу архимандритъ Тобольскаго Алексѣевскаго монастыря Порфирій обращалъ въ христіанство татаръ, жившихъ по р. Чулыму, и киргизовъ, кочевавшихъ по рѣчкамъ Кію и Юри, и для тѣхъ и другихъ выстроилъ церкви; а іеродіаконъ Никодимъ ѣздилъ съ евангельскою проповѣдію къ инородцамъ въ Нарымъ, Томскъ, Красноярскъ, Енисейскъ и Мангазею.

Въ 1720 г. митрополитъ Ѳеодоръ снова сталъ проситься на покой и получилъ увольненіе отъ управленія епархіею, съ назначеніемъ ему отъ казны пенсіи по 200 рублей деньгами и по 50 четвертей хлѣбомъ въ годъ. При этомъ онъ получилъ отъ Государя Петра I-го, за свои труды на миссіонерскомъ поприщѣ, похвальную грамоту. Но и послѣ этого вторичнаго увольненія на покой, преосвященный схимонахъ не оставлялъ миссіонерскихъ трудовъ, продолжавшихся, какъ выше сказано, до самой его кончины.

Преосвященный Ѳеодоръ послѣ перваго увольненія на покой жительство имѣлъ въ Троицкомъ монастырѣ, находящемся въ г. Тюмени. Монастырь этотъ основанъ въ 1616 году, и преосвященнымъ Ѳеодоромъ почти вновь отстроенъ и благоустроенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Жизнь какъ въ этой обители, такъ и на епархіи въ Тобольскѣ митрополитъ велъ тихую, уединенную, самую дѣятельную и простую. Въ лѣтнее время для прогулки любилъ ходить изъ своего митрополичьяго дома пѣшкомъ въ Ивановскій монастырь, отстоящій отъ Тобольска на 9 верстѣ, и тамъ на рѣчкѣ Шанталыкѣ, одинъ удиль рыбу. Живя на покой, преосвященный въ часы досуга, осо-

бенно въ зимнее время, самъ училъ читать, писать и пѣть дѣтей новокрещенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и жили у него въ келліи. Самую большую часть бумагъ, выходящихъ отъ него по дѣламъ новокрещенныхъ, писалъ своеручно. Жители г. Тюмени и монастырская братія искренно любили и почитали архіерея-схимонаха за его благочестіе, кротость доброту и учительность.

Преосвященный Ѳеодоръ, судя по его портретамъ и сохранившимся записямъ современниковъ, роста былъ высокаго, и подъ старость нѣсколько согбенъ; носъ имѣлъ длинный, волосы сѣдые. На блѣдномъ лицѣ его были какъбы написаны кротость и одушевленіе.

Пришло время и вѣчнаго успокоенія доблестнаго труженника.—Въ 1727 г. 31 мая схимонахъ-митрополитъ Ѳеодоръ скончался среди облагодѣтельствованной имъ монастырской братіи и дѣтей новокрещенныхъ, на 77 году отъ рожденія. Тѣло усопшаго святителя, согласно его завѣщанію, погребено въ Тюменскомъ Троицкомъ монастырѣ, внѣ церкви, подлѣ сѣверныхъ дверей, противъ самаго входа, «дабы, какъ выразился въ своемъ завѣщаніи преосвященный, — мимоходящіе попирали прахъ его ногами». Надъ могилою его устроено каменное надгробіе, подъ небольшимъ навѣсомъ. Жители Тюмени и другихъ сибирскихъ городовъ и селеній, питая благоговѣніе къ памяти преосвященнаго схимонаха Ѳеодора, ходятъ и пріѣзжаютъ ко гробу его и совершаютъ по немъ панихиды.

Прот. М. Путинцевъ.

МАТЕРИ.

ТРИ БЕСѢДЫ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ.

I.

Хананеянка (Матѣ. 15, 21 -- 28).

Евангельскій разсказъ о хананеянкѣ содержитъ весьма много поучительнаго и трогательнаго.

Послѣ странствованія по Иудеѣ и Галилеѣ Господь направилъ путь свой въ страны Тирскія и Сидонскія. Здѣсь Онъ увидѣлъ и услышалъ то, чего не видѣлъ и не слышалъ у Богоизбраннаго народа Еврейскаго. *Во своя прииде, и свои Его не приима* (Іоан. 1, 11), а здѣсь почтили Его такую вѣрою, какою не почтили соотечественники, даромъ что здѣсь жили язычники. *Истинно говорю вамъ*, сказалъ Господь еще въ Назаретѣ, *никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ* (Лук. 4, 24). Но хананейская женщина встрѣтила Его, бросилась къ Нему, громко зывая: *помилуй мя, Господи, Сыне Давидовъ!* Сжался надо мною: дочь моя жестоко страдаетъ.—Она слышала о чудесахъ Христовыхъ, и этотъ слухъ настолько воспламенилъ вѣру ея, что эта вѣра, какъ увидимъ послѣ, ничѣмъ не могла быть погашена. Что же Христось? Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. Это Онъ милосердый и всещедрый Іисусъ, который обходилъ города и села, *исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю*, теперь остается безмолвнымъ, безучастнымъ къ воплямъ несчастной матери! Даже ученики Его были тронуты криками бѣдной просительницы: «помоги ей, просили они,—слышишь, какъ она кричитъ». Но Іисусъ и тутъ не обратилъ на нее вниманія; Онъ дѣлалъ видъ, будто

ничего- не слышать. Что же дѣлаетъ женщина?—Иная расдражилась бы и озлилась на Иисуса, который слыль величайшимъ благодѣтелемъ, сострадательнымъ къ несчастнымъ, но который такъ безчувственъ къ ея воплю. Другая сказала бы: «неужели я только одна достойна такого презрѣнія?»—Но не такова была эта женщина. Она забѣжала впередъ, загородила Ему дорогу, пала на колѣни, умиленно протанула къ Нему руки, заплакала въ три ручья:—«Господи, помоги мнѣ!» Неужели и теперь не отзовется Иисусъ на вопль ея сердца, на горючія слезы? Онъ отозвался, но такъ, что этотъ отвѣтъ былъ для бѣдной женщины, вѣроятно, горче чѣмъ преемное молчаніе. «Не годится, сказалъ Онъ,—отнять хлѣбъ у дѣтей, и бросить псамъ». Дѣти—это народъ Еврейскій; псы—это язычники, изъ которыхъ была молящая жена, Сирофиникянка. Ну! все порано и разбито: и сердце матери, и честь женщины, принадлежавшей къ богатому и нѣкогда славному племени, которое такъже презирало евреевъ, какъ евреи презирали язычниковъ. Кто не оскорбился бы такими жестокими словами Иисуса? Но вотъ что значитъ сердце матери: соглашается, что она, какъ язычица, не заслуживаетъ лучшаго названія, но въ тоже время кротко и настойчиво напоминаетъ Иисусу: «да, отвѣчала она, но и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ ихъ!»

Кто изъ васъ, братіе, не догадывается, что Спаситель только пыталъ вѣру и смиреніе этой женщины, и хотѣлъ показать надменнымъ іудеямъ и маловѣрнымъ Апостоламъ: какова вѣра язычниковъ? Мѣра искушенія кончилась, наступило время награды. «О, женщина, отвѣчалъ Иисусъ,—велика вѣра твоя! Да будетъ тебѣ по желанію твоему». И испѣлилась дочь ея въ тотъ часъ.

И наши, братіе, желанія и прошенія не всегда исполняются тотчасъ же. И нашимъ молитвамъ Богъ иногда какъ будто не внемлетъ... Можетъ-быть мы недостойны, а можетъ-быть Господь испытываетъ нашу вѣру и терпѣніе. Не унывай, не теряй терпѣнія, надѣйся. Надежда не посрамитъ. *Всегда*

скорбѣти ми, возопиѣ ко Господу, и услыша мя Богъ спасенія моего. Просите и дастся вамъ, шцтите и обрящете, толмыте и отверзется (Матѹ. 7, 7). Аминь.

II.

Наинская вдовица (Лук 7, 11 13).

Господь сжалился надъ слезами матери—наинской вдовицы и воскресилъ ея сына. Кто, братіе, любитъ кого-нибудь такъ глубоко, такъ нѣжно, такъ жарко, какъ любитъ мать свое дитя? — Никто. Кто дольше всѣхъ груститъ объ умершемъ, горюеть, и плачетъ, и молится о немъ?—Мать, мать.

Она носила его подъ сердцемъ девять мѣсяцевъ. Она родила его съ болѣзнію, нянчила со слезами. Она его кормила своею грудью, согрѣвала своимъ дыханіемъ, своимъ тѣломъ, обмывала, одѣвала, нянчила, качала по цѣлымъ ночамъ, не жалѣючи себя для дѣтища.

У животныхъ безсловесныхъ и то видно, какъ мать заботится о своихъ дѣтяхъ. Посмотрите, какъ насѣдка курица весь день безъ устали роетъ кормъ для малютокъ, когда прочія куры грѣются на солнцѣ, какъ она старается укрыть ихъ подъ свои крылья, когда льетъ дождь, шумитъ холодный вѣтеръ! (Матѹ. 23, 37). Куропатка, когда завидитъ, что охотникъ идетъ на ея гнѣздо, взлетаетъ и начинаетъ перепархивать все дальше и дальше, чтобы отманить его отъ своихъ дѣтенышей. Бѣдная! Она за дѣтей подставляетъ свою голову. Даже лютые звѣри, львица, тигрица, и тѣ любятъ, нѣжать, ласкаютъ дѣтей своихъ. Раненая медвѣдица въ послѣдній разъ прижимаетъ своихъ маленькихъ дѣтей къ сосцамъ своимъ, чтобы въ послѣдній разъ попили матерняго молока—на прощанье!

А такъ ли, братіе, дѣти любятъ своихъ матерей?—Къ сожалѣнію, нѣтъ. Еще въ высшихъ образованныхъ сословіяхъ не такъ замѣтенъ недостатокъ любви дѣтей къ матери. У нихъ дѣти всегда покорны или кажутся покорными родите-

лямъ своимъ. У нихъ дѣти всегда очень почтительны къ матери своей, хотя снаружи. Этому учили ихъ съ малолѣтства и няньки и дядьки, и учителя и учительницы. Мать хоть этимъ вышнимъ почтеніемъ дѣтей своихъ утѣшается.

Такъ ли мы, братіе, любимъ своихъ матерей, почитаемъ ихъ, слушаемся ихъ?—Прежде чѣмъ другихъ судить, надобно на себя оглянуться и подумать: Еще можно понять, если дитя не сильно любитъ мать-барыню. Барыня съ дѣтьми не нянчится—на то есть няньки, мамки, кормилицы. Барыня ночью къ дѣтямъ не встаетъ, потому что грудью обыкновенно не кормить, пеленокъ не мѣняетъ, ребенка не замываетъ. А у насъ все это дѣлаетъ мать. Она и кормилица и нянька. Она и рубашки шьетъ, она и пеленки полощетъ. Она сидитъ надъ колыбелью цѣлыя ночи, когда ребенокъ хвораетъ. Она и лекаръ, и сидѣлка, и все тутъ. Она ангель-хранитель. У высшихъ, образованныхъ сословій дѣти, обыкновенно лѣтъ съ десяти, уѣзжаютъ куда-нибудь далеко и надолго—учиться; а потомъ поступаютъ на службу въ войска, или въ дальній городъ. Немудрено, что они въ долгую отлучку отвыкаютъ отъ матери, становятся холоднѣе. А у насъ дитя растетъ до самой свадьбы подлѣ матери, и, послѣ свадьбы ежедневно видитъ ея заботы и попеченія. Если сына отдадутъ въ военную службу, то мать въ каждомъ письмѣ посылаетъ хоть рубликъ, а сама живетъ впроголодь. Это утка, которая выщипываетъ пухъ изъ груди, чтобы мягче было въ гнѣздѣ ея утятамъ. Какъ же намъ не любить ее? Чѣмъ же мы заплатимъ ей? Подумайте и скажите. Аминь.

III.

Избіеніе младенцевъ (Матѣ. 2. 13--18).

Всякому извѣстна евангельская страшная и печальная повѣсть, какъ нечестивый царь Иродъ велѣлъ перебить въ Вифлеемѣ и предѣлахъ его всѣхъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже, надѣясь убить въ числѣ ихъ и родившагося Царя Іудейскаго, т.-е. Господа Іисуса Христа.

Иродъ царствовалъ въ это время въ Иудеѣ, но не былъ истиннымъ царемъ іудейскимъ, потому что былъ чужестранецъ—идумеянинъ, и посаженъ на престолъ ненаслѣдственный, и не по избранію народа, а чужою властію—Римлянами. Поэтому онъ не былъ любимъ народомъ Іудейскимъ, и хорошо зналъ это. Поэтому онъ былъ недоувѣрчивъ, трусливъ и жестокъ, даже къ своему семейству. Объ немъ нѣкто писалъ: «Иродъ взошелъ на престолъ, какъ лисица; царствовалъ, какъ тигръ; умеръ, какъ бѣшеная собака». Услышавъ отъ волхвовъ, что родился Царь Іудейскій, узнавши отъ ученыхъ книжниковъ, что Онъ долженъ родиться въ Вифлеемѣ, градѣ праотца Его Давида, родоначальника царей еврейскихъ, Иродъ пришелъ въ великое смятеніе. Ему уже мерещилось, что вотъ Младенецъ сейчасъ же сядетъ на престолъ Давида отца своего. Нечистая совѣсть представляла ему всякіе ужасы. Онъ думалъ, что вотъ сейчасъ схватятъ его, и предадутъ лютой казни.

Смутился Иродъ и весь Іерусалимъ съ нимъ (Матѳ. 2, 3). Не онъ одинъ, а всѣ смутились, ибо всѣ знали этого царя, знали, что отъ него добра не будетъ. И дѣйствительно, страхъ смѣнился въ немъ яростію, заяцъ сдѣлался волкомъ! Не удалось узнать отъ волхвовъ о родившемся Царѣ, и вотъ отдаетъ онъ безчеловѣчное приказаніе: перебить всѣхъ младенцевъ въ Вифлеемѣ и окрестностяхъ его... «Авось да и Онъ тутъ попадетъ!»

О, Господи! Ручьи неповинной младенческой крови, рѣчки слезъ! Плачутъ матери и сестры, плачутъ бабушки, сосѣди, плачутъ всѣ добрые люди! А больше всѣхъ плачутъ матери, бѣдныя матери, осиротѣвшія матери!

Кто можетъ жалѣть дитя такъ, какъ жалѣетъ родимая мать? Іаиръ просилъ Господа исцѣлить его умирающую дочь, и Господь воскресилъ ее, жалѣя отца. А вдовица наинская, у которой несли хоронить единственнаго сына, ужъ и не просила... Господь безъ просьбы воскресилъ его. «Не плачь!» видно горькія материнскія слезы!

А такъ ли, братіе, дѣти любятъ своихъ матерей? Такъ ли поятъ, кормятъ, одѣваютъ и ласкаютъ свою мать старуху,

какъ она холила ихъ. когда они были безпомощными младенцами? На этотъ вопросъ страшно и стыдно отвѣчать. Сынокъ едва успѣетъ жениться, уже забываетъ отца своего и мать, и знать ихъ не хочетъ. Сынокъ напьется пьяный,—на разговоры матери отвѣчаетъ дерзостями, ругаетъ матернымъ словомъ—это ее свою родительницу, свою няньку, свою кормилицу. Какъ на это поворотится у него языкъ!

Говорятъ, но я не вѣрю, что иной пьяный извергъ поднимаетъ руку на мать... О горе намъ! И надо дивиться долготерпѣнію Божію, если эта рука не отвалится. Что громъ небесный не грянетъ? Что земля живьемъ не проглотитъ нечестивца? Но видно Господь ждетъ отъ нихъ покаянія.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ,— заповѣдано въ ветхомъ завѣтѣ. *Иже злословитъ отца своего или мать, смертію да умретъ*, предписываетъ св. пророкъ Моисей. Положимъ нынче это не исполняется, но вѣдь на судъ Божіемъ все, все вспомнется! Мать Божія, Заступница рода христіанскаго, ни единымъ словомъ не заступится за тѣхъ, которые огорчали мать свою. Господь Иисусъ Христосъ, праведный Судія, который, и умирая на крестѣ, заботился о Матери своей, съ гнѣвомъ изречетъ имъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный. Аминь.*

Свящ. В. Владимірскій.

ПО ПОВОДУ ПРЕДУБЪЖДЕНІЙ

противъ учебниковъ по **Закону Божію** и законоучителей.

Законъ Божій въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается на ряду съ другими предметами. Знаніе Закона Божія, т.-е. катихизиса, священной и церковной исторіи и ученія о богослуженіи, — для учащихся въ этихъ заведеніяхъ такъже обязательно, какъ знаніе прочихъ учебныхъ предметовъ. Законоучитель обязанъ требовать отъ учащихся отчета въ усвоеніи его уроковъ съ такоюже строгостію, какъ и прочіе учителя, обязанъ отмѣчать достоинство успѣховъ по своему предмету баллами, принятыми и для другихъ наукъ. Для полученія аттестата зрѣлости въ гимназіяхъ требуются по Закону Божію не менѣе удовлетворительные успѣхи, какъ и по свѣтскимъ наукамъ. Равенство Закона Божія въ этомъ отношеніи съ свѣтскими науками, проходимыми въ свѣтскихъ училищахъ, оправдывается тѣмъ, что Законъ Божій есть предметъ научнаго знанія, который можетъ быть изучаемъ и преподаваемъ согласно съ такими же учебными требованіями, какимъ должны удовлетворять учебники по свѣтскимъ наукамъ. Къ сожалѣнію, эта безспорная истина встрѣчаетъ возраженія, — и добро бы со стороны ни во что невѣрующихъ, — нѣтъ, со стороны вѣрующихъ, убѣжденныхъ въ необходимости религіи и религіознаго воспитанія, почитающихъ себя искренними христіанами. Въ одномъ изъ московскихъ періодическихъ изданій ^{а)}, въ прошломъ году помѣщена статейка, направленная противъ учебниковъ по Закону Божію. По мнѣнію автора статейки, употребленіе ихъ въ школахъ и также при домаш-

а) „Дѣтская Помощь“. Письмо къ редактору. № 3, стр. 190—197.
часть I.

нѣмъ воспитаніи кромѣ вреда ничего не приносятъ. Все зло, говоритъ онъ, лежитъ въ *раціонализмъ*,—т.-е., какъ онъ говоритъ, въ разсудочности, сухихъ одностороннихъ умствованійхъ въ живомъ дѣлѣ вѣры и жизни. «Въ домашнемъ воспитаніи, въ гимназіяхъ и семинаріяхъ Бога хотятъ дать ученикамъ не въ живомъ чувствѣ Его проявленій, не въ божественной красотѣ Его (?), а въ сухой, отвлеченной формѣ катихизисовъ, схоластическихъ священныхъ исторій и объясненія богослуженія, нерѣдко написанныхъ людьми неодаренными полнотою душевныхъ, слѣдовательно и художественныхъ силъ, ни мало не вдохновенными. зубреніе Закона Божія, обращеннаго къ живой душѣ впечатлительнаго дѣтства, становится безсознательною проповѣдію невѣрія: разсудокъ и хотѣлъ бы вѣрить, а душа страдаетъ отъ системы обученія, опутанной раціонализмомъ». «Не безъ страха,—продолжаетъ авторъ статейки, глядимъ мы на возникающія церковно-приходскія училища. Что дадутъ, по крайней мѣрѣ на первое время, эти училища при господствующей обстановкѣ, въ какой поставлены школа и жизнь духовенства? Масса предполагаемыхъ руководителей народнаго просвѣщенія, прошедшихъ школу раціонализма, не перенесетъ ли и въ народную школу тѣхъ неприглядныхъ приѣмовъ обученія и въ концѣ концовъ не дастъ ли въ лицѣ грамотныхъ крестьянъ—убогихъ умственно и шаткихъ нравственно людей, такихъ же жизненныхъ бродягъ, какими часто являются многочисленные питомцы семинарской школы? Не пора ли русскимъ дѣтямъ дать живое слово вмѣсто мертвой схоластики?»—Что это за живое слово, увидимъ послѣ; но что сказать на указанныя обвиненія?

Есть кое-что въ этихъ обвиненіяхъ, противъ чего не слѣдуетъ спорить. Рѣзкое порицаніе законоучителей имѣетъ отчасти свое основаніе. Есть дѣйствительно законоучители изъ духовенства, которые далеко не соотвѣтствуютъ своему призванію, плохо преподають, ничего не разъясняютъ въ учебникахъ или разъясняютъ не толковито, заставляютъ дѣтей механически зубрить уроки, и строго требуя отъ дѣтей исправности въ приготовленіи уроковъ, не заботятся о нравствен-

номъ вліяніи на дѣтей, забывая, что они должны быть не только учителями, но вмѣстѣ воспитателями дѣтей, должны стремиться къ тому, чтобы дѣти усвоили уроки не одною только памятію и разумѣніемъ, но вмѣстѣ сердцемъ, достигали сердечнаго убѣжденія въ преподаваемыхъ имъ истинахъ. Еслибы достоинство успѣховъ по Закону Божію состояло въ одномъ отчетливомъ усвоеніи его памятію и разумѣніемъ, то въ этомъ смыслѣ и жида могутъ быть отличными знатоками Закона Божія, ибо можно изучать ученіе христіанской вѣры изъ одного любопытства и быть въ тоже время врагомъ ея. Къ сожалѣнію, не всякій законоучитель почитаетъ своею обязанностію не только учить вѣрѣ, но и воспитывать дѣтей въ духѣ вѣры; а есть и такіе законоучители, которые жизнію своею не подаютъ добраго примѣра своимъ ученикамъ, поведеніемъ своимъ соблазняютъ ихъ. Все это бываетъ, но не слѣдуетъ забывать, что бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ большей части школъ среднихъ и низшихъ законоучители пользуются любовью учениковъ благодаря именно своему умѣнью преподавать Законъ Божій, кротости въ обращеніи съ учениками, усердію въ занятіяхъ съ ними и христіанскою любовью къ нимъ. Во время недавняго шатанія умовъ, когда злокачественныя вѣянія проникали даже въ школу, законоучители были главными дѣятелями въ борьбѣ съ этимъ зломъ и если молодое наше поколѣніе не все поголовно увлекалось опасными мудрованіями, за это надлежитъ благодарить преимущественно законоучителей, имѣвшихъ и имѣющихъ доброе вліяніе на учащихся. Недавно померъ одинъ законоучитель гимназіи, и намъ пришлось быть свѣдѣтелями трогательной любви къ нему учениковъ его: гробъ его въ ненастную погоду сопровождали до кладбища и несли на рукахъ не только ученики гимназіи, но и студенты Университета, бывшіе его учениками,—конечно не по наряду начальства, а единственно по личному расположенію къ бывшему наставнику. Порицатель законоучителей выражаетъ сожалѣніе, что они—питомцы семинарской школы—школы раціонализма. Ничему доброму они якобы не могли научиться въ этой школѣ; потому, когда сдѣлаются учителями пародныхъ училищъ, ничего добраго

нельзя ждать отъ нихъ для учащихся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.—Опасеніе неосновательное! Хорошіе приемы преподаванія учащимся въ семинаріи извѣстны отчасти изъ примѣровъ семинарскихъ преподавателей, отчасти изъ преподаваемой тамъ педагогики и практическихъ упражненій, къ которымъ ученики приучаются еще въ семинаріи подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Дурному въ нравственномъ отношеніи семинаріи не учить своихъ воспитанниковъ, и если она не успѣвала уберечь нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ нравственной испорченности, отъ нечестія и невѣрія, вина падаетъ отнюдь не на нее,—она доброе сѣмя съѣтъ на дѣтскихъ душахъ, а плевелы появляются тамъ отъинова: врагъ челоуѣковъ сіе творить руками нигилистовъ и социалистовъ.— Но порицатель законоучительства идетъ еще дальше. Онъ недоволенъ не одними преподавателями Закона Божія, а вмѣстѣ, и еще болѣе, самыми учебниками по Закону Божію. Онъ возстаетъ противъ этихъ учебниковъ подъ предлогомъ ихъ сухости и отвлеченности, схоластичности. Особенно ему неприятны катихизисы. Но какъ же иначе учащійся можетъ познакомиться съ ученіемъ Вѣры, какъ не по руководству православнаго катихизиса, хотя, положимъ, въ отвлеченной и сухой формѣ его? Ученіе Вѣры сообщается въ св. писаніи, въ символахъ вѣры, въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, но сообщается въ каждомъ изъ этихъ источниковъ по частямъ, въ разбивку, безъ надлежащей полноты. Не всякому вѣрующему подсилу получить цѣльное представленіе о составѣ православнаго вѣроученія на основаніи частныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ этихъ разнообразныхъ источникахъ, по указанію ихъ надлежащимъ образомъ уразумѣть смыслъ православнаго вѣроученія въ его связи и частностяхъ. Нужно частныя черты христіанскаго вѣроученія собрать въ одно цѣлое, привести въ стройный порядокъ, уяснить и растолковать. Эта неотложная нужда удовлетворяется посредствомъ православнаго Катихизиса, въ которомъ кратко, но съ достаточною полнотою излагается ученіе Вѣры въ руководство всеѣмъ православнымъ христіанамъ. Знаніе и употребленіе этого руководства обя-

зательно для всякаго, желающаго быть истиннымъ и православнымъ христіаниномъ. Вотъ почему въ первые вѣка христіанства, когда къ Церкви обращались язычники и іудеи, тѣ и другіе не прежде допускаемы были къ крещенію, какъ по достаточномъ усвоеніи ими христіанскаго ученія въ состояніи оглашенныхъ. Оглашенными назывались приготовлявшіеся къ крещенію слушаніемъ катихизическихъ, т.-е. огласительныхъ наставленій, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Оглашенія происходили не только въ храмъ Божіемъ на литургіи оглашенныхъ, но по мѣстамъ въ огласительныхъ училищахъ, въ которыхъ ученіе вѣры преподавалось школьнымъ порядкомъ. Равно и въ настоящее время язычники, на примѣръ сибирскіе инородцы, и евреи приготовляются къ крещенію посредствомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ оглашеній. Равно иновѣрцы изъ христіанъ не иначе присоединяются къ православной Церкви, какъ по предварительномъ наставленіи ихъ въ православной вѣрѣ по православному катихизису. Когда крестятъ младенцевъ, воспріемники принимаютъ на себя обязанность позаботиться объ ознакомленіи ихъ съ ученіемъ Вѣры, какъ только въ нихъ раскроется разумѣніе. Катихизисъ, или оглашеніе здѣсь опять необходимо. Знаніе его необходимо каждому православному не только для того, чтобы онъ самъ былъ твердъ въ вѣрѣ, но чтобы также могъ дать отвѣтъ всякому, вопрошающему его о вѣрѣ. Незнаніе или крайне поверхностное знаніе вѣроученія, разясняемаго въ православномъ катихизисѣ, сопровождается нерѣдко пагубными послѣдствіями. Отъ чего въ наше время въ простомъ народѣ и даже въ образованномъ обществѣ съ такимъ успѣхомъ распространяются разныя лжеученія? Главнымъ образомъ отъ незнанія и неразумѣнія своей Вѣры. Лжеучители пользуются этимъ невѣжествомъ и въ мутной водѣ его легко уловляютъ души. Наши доморожденные ревнители широкой вѣротерпимости не видятъ въ этомъ бѣды. По ихъ мнѣнію, заблужденія въ дѣлахъ вѣры безвредны для души, лишь были бы искренни. Но еслибы это было справедливо, то какое же значеніе имѣеть анаема, которою гро-

зять Апостоль всякому, искажающему благовѣствованіе Христово, хотя бы искажителемъ его явился ангелъ съ неба (Гал. 1, 8)? Какой смыслъ имѣлъ бы тогда строгій судъ Церкви надъ еретиками и раскольниками?—Пусть глумятся надъ этимъ судомъ лжемыслящіе христіане,—но если они еще не утратили вѣры во Христа, то должны бы помнить, что власть порицаемаго ими суда церковнаго не самовольно присвоена Церковію, а дана ей самимъ Христомъ (Матѳ. 18, 17). Въ виду этого понятна забота Церкви объ утверженіи своихъ чадъ въ познаніи Вѣры. Всестороннее и обстоятельное знаніе ученія Вѣры сообщается въ Богословіи. Но Богословіе изучаютъ собственно специалисты въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, для большинства же православныхъ достаточно знать православной катихизисъ—въ пространномъ видѣ или въ начаткахъ. Въ катихизисѣ содержится все существенное, что нужно знать христіанамъ для благоугожденія Богу и спасенія души. Не нравится нашимъ новымъ педагогамъ характеръ *разсудочности и отвлеченности* въ изложеніи катихизическаго ученія. Но какъ же быть иначе? Если религія не есть предметъ одного чувства, а вмѣстѣ знанія, знаніе же усвоется при помощи разсудка, логическихъ приемовъ мышленія, то какъ же безъ этого можетъ обойтись катихизисъ? Религіозная истина есть свѣтъ, источникъ духовнаго просвѣщенія, а свѣтъ могутъ видѣть только зрячіе, органъ же духовнаго зрѣнія въ дѣлахъ религіозныхъ есть, главнымъ образомъ, вѣра,—она воспринимаетъ и проводитъ въ душу свѣтъ откровенія истины. Но какая требуется отъ насъ вѣра,—разумная или слѣпая?—Безъ сомнѣнія разумная: *не дѣти бывайте умомъ*. Стало быть разсудочные приемы въ преподаваніи истинъ Вѣры также необходимы, какъ при передачѣ всякихъ другихъ истинъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣра просвѣщенная, усвоенная при помощи разсудка, тверже вѣры слѣпой. Недоброжелателей катихизиса пугаетъ свойственная ему *сухая*, отвлеченная форма въ раскрытіи истинъ. Говорятъ, будто сухость учебника отталкиваетъ учащихся. Это неправда. Математика и грамматика отличаются не малою сухостію въ рас-

крытіи своихъ положеній, и однакоже никто не возстаетъ противъ преподаванія математики и грамматики подъ предлогомъ ихъ сухости и отвлеченности. Дѣти даже увлекаются рѣшеніемъ математическихъ задачъ. Все зависитъ отъ преподаванія. Отъ преподавателя зависитъ оживить сухія и отвлеченныя положенія катихизическія разъясненіемъ, сближеніемъ умозрительныхъ истинъ съ жизнію, указаніемъ на жизненное значеніе ихъ, на благотворность ихъ въ дѣлѣ спасенія. Сухое катихизическое положеніе тогда перестаетъ быть сухимъ и усваивается учащимися съ живымъ интересомъ.

Не на одну сухость катихизического ученія жалуются наши новые педагоги, — они считаютъ непригоднымъ для дѣтей самое знаніе догматовъ вѣры, составляющихъ главное содержаніе христіанскаго вѣроученія. «Истинный смыслъ христіанства всегда будетъ понятенъ дѣтямъ, говорятъ они, и они чутко отзываются на строки, согрѣтыя великою любовію; но, сколько намъ ни приходилось замѣчать, къ догматической сторонѣ вѣроученія они относятся только какъ къ уроку, сдать который они обязаны ради балловъ. Не испытай, но вѣруй, требуетъ Вѣра; но если взрослые вѣрующіе могутъ дисциплинировать въ извѣстномъ смыслѣ свой умъ, чтобы принять непонятное не испытывая, то такой же дисциплины невозможно требовать отъ дѣтей. Дѣтская пытливость извѣстна, и каждый воспитатель много разъ былъ поставленъ ею въ очень и очень затруднительное положеніе. Если выдвигать впередъ догматическую сторону религіи, то придется постоянно попадать въ такое положеніе...» б) Изъ словъ автора приведенныхъ строкъ выходитъ прямое заключеніе, что должно удерживаться отъ ознакомленія дѣтей съ догматами Вѣры. Почему? Потому что догматъ требуетъ вѣры, а вѣра не допускаетъ испытанія, не удовлетворяетъ пытливости, особенно дѣтской.—Откуда берутъ, будто вѣра не допускаетъ испытанія?—Напротивъ вѣра требуетъ испытанія въ самомъ началѣ своемъ. Она есть

б) „Нѣсколько словъ о религіозномъ воспитаніи“ М. Цибриковой. Записки Учителя, педагогическій журналъ 1885, февраль, стр. 125.

плоды испытанія. Прежде чѣмъ принять на вѣру предлагаемое то или другое религіозное ученіе, надо напередъ разслѣдовать, дѣйствительно ли оно есть истинное, ибо мало ли есть ложныхъ религіозныхъ ученій. «Возлюбленнїи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы внидоша въ міръ» (1 Іоан. 4, 1). Равно испытаніе потребно для утвержденія себя въ принятой вѣрѣ. Слово Божіе возстаетъ противъ вольномыслія, противъ злоупотребленія разумомъ въ обсужденіи истинъ вѣры; такъ Апостолы предостерегали вѣрующихъ отъ послѣдователей лжеименнаго разума (*гностиковъ*); но нигдѣ въ словѣ Божіемъ не воспрещается благонамѣренное изученіе истинъ Вѣры, стараніе приблизить ихъ къ сознанію путемъ разумнаго изслѣдованія. Напротивъ Апостолы заповѣдуютъ христіанамъ возрастать въ познаніи Бога (2 Петр. 3, 18), прeusлѣвовать во всякой мудрости и разумѣннїи духовномъ (1 Кол. 1, 9). Ап. Павелъ молитъ Бога, чтобы Онъ далъ вѣрующимъ во Христа духъ мудрости и откровенія къ познанію Его, и просвѣтилъ очи сердца ихъ, дабы они познали, въ чемъ состоитъ надежда призванія Его (Еф. 1, 17. 18). Онъ же благодаритъ Бога, благодатію Котораго вѣрующіе обогатились въ всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ (1 Кор. 1, 4. 5). Сужденія Апостола о значеніи мудрости человѣческой въ дѣлѣ Вѣры подтверждаются его примѣромъ. Въ посланіяхъ его есть не мало опытовъ разсудочнаго и научнаго раскрытія истинъ вѣры. Отцы и учителя Церкви въ своихъ твореніяхъ, стараясь уяснить и защитить отъ неправомыслящихъ догматы Вѣры, отнюдь не ограничивались свидѣтельствами св. писанія и св. преданія, но прибѣгали къ соображеніямъ разума, призывали на помощь діалектику, философію, естествознаніе и другія науки. И такъ поступали они не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось догматовъ постижимыхъ (когда на примѣръ доказывали единство Божіе противъ многобожниковъ, или бытіе Промысла противъ стойковъ и пантеистовъ, когда объясняли происхожденіе зла въ мірѣ изъ злоупотребленія свободою человѣческою противъ гностиковъ), но и тогда,

когда, опровергая заблужденія еретиковъ, рассуждали о величайшихъ тайнствахъ христіанской вѣры: о тропчости лицъ въ Богѣ, о предвѣчномъ рожденіи Бога Слова, Его воплощенія и под. Они рассуждали объ этихъ тайнахъ, потому что находили въ нихъ стороны доступныя человѣческому разумѣнію. Что же касается до того, что есть непостижимаго въ этихъ догматахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что непостижимое въ догматахъ вѣры не переставало быть для нихъ и не перестаетъ быть для насъ непостижимымъ въ своемъ существѣ, сколько бы мы ни усиливались постигнуть ихъ своимъ умомъ. Личныя свойства Трехъ Упостасей Св. Троицы, совмѣстность въ лицѣ І. Христа Божескаго всевѣдѣнія и человѣческаго невѣдѣнія и т. п., все это останется навсегда запечатлѣнною для насъ, непостижимою тайною. Разрѣшить эту тайну, представить ее въ удовлетворительной для ума ясности никто изъ богослововъ не возьмется,—тайна такъ и останется тайною для ума,—она есть исключительно предметъ вѣры, которой долженъ покориться человѣческій разумъ, въ ожиданіи, пока все объяснится въ будущемъ вѣкѣ, когда мы будемъ зрѣть Бога лицомъ къ лицу, а не сквозь тусклое зеркало и гадательно. До тѣхъ поръ пытливость ума человѣческаго можетъ быть успокоена тѣмъ, что непостижимыя для него тайны—не вымысль, а открыты самимъ Богомъ. Если Богъ открываетъ только истину, то стало-быть непреложно истинно все то, во что Онъ заповѣдуетъ намъ вѣровать, хотя бы это было для насъ непостижимо. Было бы крайнею дерзостію со стороны ограниченаго человѣческаго ума посягать на неприкосновенность тайны, «мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать» (Рим. 12, 3). Говорять: все это удобоприемлемо для взрослого человѣка, одни будто взрослые могутъ дисциплинировать свой умъ такъ, чтобы принять непонятное не испытывая, а дѣтская пытливость этимъ не можетъ удовлетвориться и ставить въ тупикъ воспитателей. Но это напраслина на дѣтей. Напротивъ дѣти гораздо довѣрчивѣе къ тому, что имъ внушаютъ, чѣмъ зрѣлые мужи, и пытливость первыхъ гораздо легче можетъ быть успокоена, чѣмъ послѣднихъ. Пытли-

вые дѣтскіе вопросы ставятъ въ тушикъ только такихъ воспитателей, которые сами недалеко ушли отъ дѣтей въ разумѣніи Вѣры. Мало ли притомъ воспитателей совсѣмъ невѣрующихъ, или равнодушныхъ къ вѣрѣ. Такіе воспитатели способны не успокоить, а только разстроить пытливыхъ дѣтей. Что въ каждомъ непостижимомъ догматѣ есть свѣтлая сторона, указаніе на которыя [можетъ удовлетворить любознательность всякаго непредубѣжденнаго искателя истины, доказательства тому не трудно представить. Возьмемъ догматъ Св. Троицы. Не говоря о томъ, что этотъ догматъ не противорѣчитъ разуму, ибо не въ одномъ и томъ же отношеніи Богъ единъ и вмѣстѣ троиченъ (Онъ единъ по существу и троиченъ въ лицахъ),—ученіе о тайнѣ Троицы рѣшаетъ вопросъ о жизни Божества. Есть прекрасное сочиненіе одного изъ нашихъ богослововъ, въ которомъ ученіе о Троицѣ объяснено изъ ученія о любви божественной. Богъ есть любовь и притомъ безконечная. Любовь по самому существу своему есть не что иное, какъ стремленіе къ общенію съ другимъ, и потому немислима внѣ союза и взаимообщенія лицъ. Ни о комъ не говорятъ, что онъ имѣетъ любовь въ собственномъ смыслѣ, если его любовь сосредоточена исключительно на одномъ себѣ. Это называется себялюбіемъ. Между тѣмъ при томъ представленіи, что Богъ единоличенъ, любовь Божія почти неизбѣжно превращается въ себялюбіе. Единственнымъ предметомъ божественной любви въ такомъ случаѣ представляется міръ; но міръ не вѣченъ. Что же могло быть предметомъ любви Божіей до сотворенія міра?—Созерцаніе совершенствъ предначертаннаго къ бытію міра? Но какъ бы ни были велики эти совершенства, вслѣдствіе ограниченности міра въ немъ не можетъ проявиться безграничная любовь Божія во всей ея безграничной полнотѣ. Высочайшая любовь требуетъ столь же высочайшаго предмета для своего проявленія. И на этотъ предметъ указываетъ ученіе о Св. Троицѣ. Оно даетъ намъ видѣть, что любовь Божія никогда не оставалась безъ проявленія, никогда не была себялюбіемъ: всегда, еще до сотворенія міра, было кого любить, каждое изъ Лицъ Св. Троицы

было предметомъ взаимной любви, міръ же былъ второстепеннымъ предметомъ любви. Въ отношеніи къ міру она проявилась въ твореніи, въ промышленіи о немъ, наипаче же въ искупленіи. Въ послѣднемъ отношеніи любовь къ намъ тріупостаснаго Бога проявилась въ томъ, что Богъ Отецъ восхотѣлъ и предопредѣлялъ, по милости своей, спасти падшаго человѣка, Богъ Сынъ отъ вѣчности принялъ на себя дѣло спасенія человѣческаго рода и совершилъ оное своимъ волевымъ дѣяніемъ, жизнью, ученіемъ, смертію и воскресеніемъ своимъ,—Духъ Святый совершаетъ спасеніе вѣрующихъ, усвоивъ имъ заслуги Искупителя своею благодатію въ таинствахъ. Такое воззрѣніе на отношенія трехъ Лицъ Св. Троицы къ себѣ и къ міру, и умъ, жаждущій истины, просвѣщаетъ, и сердце утѣшаетъ. Потому несправедливо было бы думать, будто этотъ догматъ, какъ и всѣ догматы, не можетъ быть принимаемъ дѣтьми съ сочувствіемъ.—Возьмемъ другой не менѣе трудный для постиженія догматъ—о соединеніи двухъ естествъ въ лицѣ І. Христа. Какая отвлеченность! Какія изумительныя тонкости въ опредѣленіи этого догмата! Удивляются, какъ все это могло быть предметомъ продолжительныхъ и многосложныхъ разсужденій на двухъ вселенскихъ соборахъ, какъ строго караемы были не только Церковію, но и государствомъ еретики, отступавшіе отъ принятаго Церковію ученія о семъ догматѣ. Но на самомъ дѣлѣ тутъ нечему удивляться. На православномъ ученіи объ отношеніи двухъ естествъ въ лицѣ Христа держится догматъ искупленія. Христосъ искупилъ насъ честною своею кровію; но эта кровь имѣетъ искупительное значеніе только потому, что пролилъ ее Тотъ, въ Комъ Божеское естество, чрезъ воплощеніе, соединилось съ человѣческимъ *нелитно и нераздѣльно*. Ибо еслибы человѣческое естество въ лицѣ Исуса было поглощено Божествомъ, еслибы слилось съ нимъ до утраты своей самостоятельности, какъ утверждалъ Евтихій, то Его страданія и смерть за насъ были бы однимъ призракомъ, потому что Божество не можетъ страдать и умирать. Равно еслибы Божеское естество во Христѣ измѣнилось въ человѣческое, то и въ этомъ случаѣ стра-

данія Его, какъ простаго человѣка, не имѣли бы цѣны. Не имѣли бы они цѣны и въ томъ случаѣ, еслибы, какъ училъ Несторій, Христосъ былъ простой человѣкъ, съ Которымъ только нравственно, а не въпостасно соединился Богъ Слово.

Особенно наши новые педагоги не жалуютъ догмата о вѣчныхъ мукахъ. По ихъ мнѣнію, совсѣмъ не слѣдуетъ знакомить дѣтей съ этимъ ученіемъ, и въ доказательство разумности своего мнѣнія одинъ изъ нихъ ссылается на какого-то старичка духовника. Его духовную дочь, «дѣвочку 12—13 лѣтъ, сильно смущала мысль объ адѣ: какъ примирить идею вѣчности мукъ съ справедливостію? Старикъ священникъ сказалъ ей: Богъ—милосердый Отецъ; нечего думать объ адѣ, надо думать только о томъ, какъ бы жить на пользу людямъ, а тамъ положиться на милость Божию» в). Надо полагать, что такой священникъ выдуманъ; но если не выдуманъ, то непохвально поступилъ онъ. Нехорошо при всякомъ случаѣ стращать ребенка мученіями ада, но нехорошо также скрывать отъ него эту угрозу. Она необходима для удержанія насъ отъ грѣховныхъ поползновеній въ случаѣ, если не дѣйствуютъ на насъ другія, высшія побужденія. Нехорошо внушать дѣтямъ, что Богъ только правосуденъ и строгъ; но нехорошо также убаюкивать дѣтей надеждою, что Богъ по безконечной благодати своей не взыщетъ съ нихъ за грѣхи. Это значило бы тоже, что увѣрять ихъ, будто не слѣдуетъ бояться нарушенія заповѣдей Божіихъ,—Богъ все проститъ, вѣдь Онъ безконечная любовь.—Наши новые педагоги вообще не долюбиваютъ догматовъ вѣры, все твердятъ о любви. «Истинный смыслъ христіанства, говорятъ они, всегда понятенъ будетъ дѣтямъ, и они чутко отзываются на строки, согрѣтыя великою любовію». О какой любви они говорятъ? О любви ли Бога къ людямъ, или о любви людей къ Богу и ближнимъ?—Но какую бы любовь ни разумѣли, во всякомъ случаѣ истиннымъ смысломъ христіанства она можетъ быть только въ связи съ

в) Цибрикова, стр. 119 въ журналѣ. Записки Учителя, февраль 1884 года.

догматомъ искупленія. Любовь Бога къ людямъ въ томъ состоитъ, что Онъ Сына своего едиnorodнаго предалъ за насъ, «да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животь вѣчный» (Іоан. 3, 16).—Любовь людей къ Богу должна быть отвѣтомъ на Его любовь, проявленную въ искупленіи. Любовь къ ближнему можетъ быть истинна только тогда, когда истекаетъ изъ размышленія объ искупительной любви Божіей: «Если Онъ такъ возлюбилъ насъ, что послалъ Сына своего въ умиловленіе за грѣхи наши, то и мы должны любить другъ друга» (1 Іоан. 4, 10. 11). Итакъ только во свѣтѣ догмата искупленія можетъ быть понятъ истинный смыслъ христіанства и возвѣщаемой имъ любви. Это легко могутъ усвоить умомъ и сердцемъ не только взрослые, но и дѣти, и если нашъ новый педагогъ знаетъ такихъ дѣтей, которыя къ догматической сторонѣ вѣроученія относятся только какъ къ уроку, сдать который они обязаны ради балловъ, то изъ этого слѣдуетъ не то, что не нужно знакомить дѣтей съ догматами, а то, что надо хорошенько растолковывать имъ важность догматовъ и всячески возбуждать сочувствіе къ нимъ.

Наши новые педагоги, когда возстаютъ противъ положительнаго изложенія истинъ вѣры въ формѣ катихизиса съ его якобы раціонализмомъ, собственно возстаютъ противъ Церкви, какъ нашей учительницы и руководительницы въ дѣлѣ вѣры. Они надѣются помимо Церкви достигнуть познанія истины и дѣтей научить ей. Инаго смысла не имѣютъ слѣдующія слова одного изъ этихъ педагоговъ: «Духа истины, Утѣшителя Богъ пошлетъ намъ, если мы будемъ твердо вѣрить въ Него (*Бога*), всею душою любить Его и любить ближнихъ, какъ самихъ себя»¹⁾. О низпосланіи намъ Духа истины, Утѣшителя, Церковь научила насъ молиться въ извѣстной молитвѣ Св. Духу. Но не надо забывать, что Церковь и сама есть органъ и вмѣстилище просвѣщающей благодати Св. Духа, что она, какъ исполненная сей благодати, есть столпъ и утвержденіе истины, которую преподаетъ намъ

г) „Дѣтская Помощь“ 1883. № 3, ст.191.

черезъ слово Божіе, понимаемое по духу Церкви, черезъ таинства, черезъ богопоставленныхъ пастырей и учителей. Преподается также Духъ Святой по молитвѣ каждаго вѣрующаго, согласно обѣтованію Христову: «аще вы, зли суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отець, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него» (Лук. 11, 13). Но эта молитва о дарованіи Св. Духа должна быть возсылаема къ Отцу небесному непремѣнно въ общеніи съ Церковію. Въ Церкви нѣтъ Духа истины. Нѣтъ Его у хлыстовъ, духоборцевъ, квакеровъ и тому подобныхъ сектантовъ, хотя они мечтаютъ быть обладателями даровъ Св. Духа, принимая за вдохновеніе возбужденіе воображенія искусственными средствами, напимѣръ такъ называемымъ хлыстовскимъ радѣніемъ или верченіемъ. Тѣ изъ нашихъ педагоговъ, которые увѣрены, что пошлетъ имъ Богъ Духа истины, помышляютъ ли при этомъ о Церкви? Не видно. Они говорятъ только о вѣрѣ въ Бога, о любви къ Нему и ближнимъ, какъ о необходимыхъ условіяхъ для полученія Духа Святаго. Но вѣдь вѣровать въ бытіе Божіе, любить Бога и ближнихъ свойственно не однимъ чадамъ Церкви, а также совершенно чуждымъ ея. Кто почитаетъ себя вѣрующимъ въ Бога, любящимъ Его и ближнихъ, а Церкви, полной благодати и истины, чуждается, тотъ никогда не получитъ Св. Духа. Скорѣе получитъ Его чрезвычайнымъ образомъ язычникъ, чуждый вѣры во Христа, но искренно ищущій истины, чѣмъ христіанинъ, пренебрегающій Церковію и ея спасительнымъ руководствомъ въ дѣлѣ усвоенія истины. Теперѣ понятно, почему подобные господа порицають катихизисъ: катихизисъ есть символическая книга Церкви. Не нужна намъ, думаютъ они, эта книга, мы помимо ея можемъ получить Духа истины. А когда найдетъ на насъ Духъ Святой, «тогда, говорятъ они, подъ живымъ религіознымъ наитіемъ на первомъ мѣстѣ станетъ у насъ изученіе природы и искусства, этихъ могучихъ пособій въ дѣлѣ вѣры» ^{д)}. Вотъ къ чему все сводится! Катихиза не надо,—это все резонерство, схоластика,

д) Тамъ же.

«способная—по ихъ выраженію, производить нравственныхъ свещей». Природа и искусство замѣняютъ для нихъ катихизисъ. Конечно природа есть учительница богопознанія: *небеса по-вѣдаютъ славу Божию...*; но природа ничего не даетъ для наученія вѣрѣ во Христа и утвержденія въ ней. А искусство—какое разумѣется? Всякаго ли рода произведенія поэзіи, живописи, ваянія, музыки, зодчества, или собственно запечатлѣнныя христіанскимъ духомъ? Предположимъ послѣднее (лучше предполагать лучшее, чѣмъ худшее); но если все христіанство сводится къ вѣрѣ въ бытіе Божіе, да къ любви, то ничего добраго искусство не дастъ для христіанства. Впрочемъ нашъ педагогъ, приписывающій изученію природы и искусства огромное значеніе въ дѣлѣ религіознаго образованія, не совсѣмъ отстраняетъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ церковное богослуженіе. Подъ вліяніемъ религіознаго наитія, говоритъ онъ, «мы не допустимъ въ области живаго религіознаго воздѣйствія, каково богослуженіе христіанскаго храма, небрежнаго и бездушнаго машинальнаго чтенія на клиросѣ или нестройнаго пѣнія церковнаго хора». Прекрасно; но развѣ дѣло только въ хорошемъ исполненіи церковныхъ пѣснопѣній и въ хорошемъ чтеніи? Дѣло въ поучительности того, что поютъ и читаютъ въ церкви. А въ чемъ заключается эта поучительность? Въ содержаніи: и чтенія и пѣснопѣнія церковныя преисполнены догматическаго содержанія, котораго не жалуютъ наши новые педагоги. Имъ не по дугѣ отвлеченныя догматическія истины а онѣ-то чаще всего встрѣчаются въ церковныхъ чтеніяхъ, напимѣръ въ апостольскихъ посланіяхъ, и въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ — стихирахъ, канонахъ, тропаряхъ. Нѣкоторыя изъ стихиръ такъ и называются Догматиками, по преобладающему въ нихъ догматическому содержанію, именно по глубокому ученію о лицѣ Богочеловѣка, о соединеніи въ Немъ двухъ естествъ неслитномъ и нераздѣльномъ, о лицѣ Богоматери, послужившей тайнѣ воплощенія. Такое содержаніе пѣснопѣній располагаетъ присутствующихъ при церковномъ богослуженіи къ богословскому созерцанію, а не къ эстетическому только наслажденію. По-

тому порицатели катихизиса или должны отказаться отъ своихъ предубѣжденій противъ него въ виду сродства, по богословскому характеру, катихизического ученія съ богослужебными пѣснопѣніями, или должны подвергнуться обвиненію въ непослѣдовательности, сознавая достоинство пѣснопѣній, и уничтожая катихизисъ. Скажутъ ли, что въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ догматы облечены въ художественную форму, — лирическую и потому болѣе удобопріемлема, чѣмъ въ сухомъ катихизическомъ изложеніи. — Художественная форма пѣснопѣній дѣйствительно облегчаетъ усвоеніе догматическихъ истинъ, но благодаря этой формѣ они усвоятся больше памятью, чѣмъ разумѣніемъ. Для достиженія надлежащаго разумѣнія догматовъ потребно предварительное учебное разъясненіе ихъ, которое и предлагается въ православномъ катихизисѣ. Надобно благодарить Церковь за то, что она знакомитъ насъ съ истинами вѣроученія, какъ чрезъ пѣснопѣнія и молитвы, такъ и чрезъ катихизисъ, а не порицать послѣдній. Сухость катихизического изложенія смягчается преподаваніемъ. Но мы уже видѣли, какъ порицатели катихизиса предубѣждены противъ преподавателей, т.-е. законоучителей, противъ ихъ приемовъ обученія. Отъ нихъ они не ждутъ добра, отъ нихъ одно зло, съ которымъ нужно бороться. Что же нужно для этого? — «Для борьбы съ укоренившимся зломъ, говорятъ они, (кромѣ изученія природы и искусства) мы устроимъ духовныя общества, нравственно-общественные союзы, христіанскія Братства» ^{е)}. Видите, куда пошло дѣло. Церковь съ ея просвѣтительными учрежденіями устраняется, выдвигаются на просвѣтительное поприще Братства, — конечно такія, въ составъ которыхъ войдутъ враги «разсудочнаго и схоластическаго» направленія, господствующаго въ катихизисахъ и вообще въ духовныхъ учебникахъ. Надо полагать, что затѣваемые Братства, если будутъ вести свои дѣла независимо отъ Церкви, «подъ живымъ религіознымъ наитіемъ», — будутъ имѣть сходство съ пашковскими, штундистскими и

е) Тамъ же.

другими сектантскими сообществами. Всего хуже то, что предполагаемыя Братства не желаютъ ограничиться просвѣщеніемъ своихъ членовъ, но намѣрены принять участіе въ религіозномъ воспитаніи дѣтей. «Тогда, говорятъ будущіе учредители Братствъ, мы не оставимъ дѣтей нашихъ безъ духовной пищи и будемъ въ состояніи издать, на общія средства, рядъ книгъ—дѣйствительныхъ руководствъ по Ветхому и Новому Завѣту, рядъ житій святыхъ, написанныхъ простымъ, понятнымъ для дѣтей, художественнымъ языкомъ людьми всецѣло преданными Богу и святому дѣлу воспитанія, одаренными художественнымъ, поэтическимъ талантомъ, богатствомъ красоты, и мы снабдимъ эти книги прекрасными картинами, коими снабжаются теперь только сказки (напримѣръ сказки Перро)». Видите, объ ознакомленіи дѣтей съ ученіемъ Вѣры и помину нѣтъ, а все сводится къ художественнымъ рассказамъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи и изъ житій святыхъ,—притомъ съ картинами. На первомъ планѣ выставляется художественный интересъ подъ маскою религіознаго. Конечно рассказы изъ Библейской исторіи могутъ настроить душу на религіозное чувство; но не всякое религіозное настроеніе можетъ быть истинно христіанскимъ. Возьмемъ напримѣръ евангельскіе рассказы о страданіяхъ и смерти Христовой. Читатель или слушатель этихъ рассказовъ видитъ предъ собою невинно страждущаго, съ необыкновеннымъ мужествомъ и преданностію Отцу небесному терпящаго поношенія и муки. Трогательно и вмѣстѣ поучительно! Но что если впечатлѣніе отъ рассказовъ о страданіяхъ Христовыхъ будетъ имѣть только то послѣдствіе, что въ душѣ возбудится сочувствіе страдальцу и желаніе подражать примѣру его терпѣнія? Конечно, и такое впечатлѣніе благотворно, но достаточно ли этого для христіанина? Сочувствіе страдальцу и желаніе подражать его примѣру можетъ возбудить всякій невинный страдалецъ. Въ страданіяхъ же Христа Спасителя должно поражать насъ главнымъ образомъ искупительное значеніе ихъ. А для того, чтобы проникнуться вѣрою въ искупительныя заслуги страждущаго Христа, надобно напередъ знать:

кто этотъ Страдалецъ, Богъ Онъ, или только простой человѣкъ,—для чего надлежало именно Богу пострадать и для сего сдѣлаться человѣкомъ,—какъ велика вина человѣка предъ Богомъ и дѣйствительно ли столь велика, что для заглаженія ея потребна была такая безмѣрная жертва,—какъ въ страданіяхъ Христовыхъ проявилась и неумытная правда Божія, и вмѣстѣ безпредѣльная любовь Божія къ человѣку. Только подъ условіемъ признанія догматическаго значенія страданій и смерти Христовой могутъ производить истинно христіанское дѣйствіе рассказы о нихъ. Въ противномъ случаѣ трогательное дѣйствіе этихъ рассказовъ ничѣмъ не будетъ отличатся отъ плача іерусалимскихъ женщинъ, видѣвшихъ, какъ Христосъ несъ на своихъ раменахъ на Голгоѳу крестъ. Религіознаго значенія плачь ихъ не имѣетъ. Но если нужно имѣть въ виду догматъ искушенія для того, чтобы рассказы о страданіяхъ Христовыхъ производили въ душѣ истинно христіанское чувство, то безъ сомнѣнія надобно напередъ знать этотъ догматъ. Потому возстающіе противъ ознакомленія дѣтей съ догматами подъ предлогомъ ихъ отвлеченности напрасно думаютъ замѣнить ихъ одними рассказами. Рассказы безъ связи съ объясняющими содержаніе ихъ догматами не могутъ быть полезны въ истинно религіозномъ отношеніи.—Возьмемъ еще рассказы о мученикахъ, пострадавшихъ за вѣру отъ еретиковъ. Нужно ли знать сущность религіозныхъ убѣжденій или догматы вѣры, за которые они подвергались гоненію? Безъ сомнѣнія нужно, иначе рассказы о мученикахъ, какъ бы ни были художественны, лишены будутъ истинно религіознаго значенія.—Итакъ ученіе о догматахъ вѣры непременно должно входить въ составъ религіознаго обученія. А для того, чтобы это ученіе твердо и навсегда напечатлѣлось въ умѣ и въ памяти, надобно требовать отъ учащихся, чтобы они заучивали катихизическое изложеніе догматовъ буквально. Но противъ этого требованія возстаютъ наши новые педагоги. «Зубреніе Закона Божія, говорятъ они, становится безсознательною проповѣдію невѣрія». Мнѣніе крайне нелѣпое! Зубреніе, т. е. заучиваніе истинъ вѣры на память, тогда вело бы

къ безвѣрію, когда сказали бы ученику, что отъ него ничего больше не требуется, какъ только зубрить и зубрить, что разумѣніе выученнаго на память—дѣло излишнее, что для того, чтобы быть христіаниномъ, достаточно механически, подобно попугаю, вытвердить слова катихизиса. Но вѣдь ничего подобнаго не внушаютъ ученикамъ законоучители: они или предварительно протолковываютъ задаваемый имъ урокъ, или сначала зададутъ урокъ, а потомъ, при требованіи отчета въ урокѣ, разъясняютъ текстъ его. Первое можетъ-быть рациональнѣе, но и послѣднее не бесполезно. Заучивающій на память заданный урокъ, который предварительно ему не былъ объясненъ, въ самомъ непониманіи его находитъ поводъ размыслить о томъ, чего не понимаетъ, своимъ умомъ дойти до разумѣнія, и этотъ трудъ ученика не пропадаетъ даромъ: чѣмъ усерднѣе онъ старается разъяснить себѣ, чего хорошенько или совсѣмъ не понимаетъ, тѣмъ пріятнѣе ему выслушать разъясненіе отъ наставника, совпадаетъ ли оно съ собственными его догадками, или не совпадаетъ. Но во всякомъ случаѣ буквальное заучиваніе уроковъ по Закону Божію, по крайней мѣрѣ по катихизису,—по другимъ частямъ Закона Божія оно не обязательно,—безусловно необходимо. Необходимо во первыхъ буквально помнить приводимые въ катихизисѣ тексты Священнаго Писанія,—передача ихъ вольною рѣчью повеля бы только къ искаженію ихъ, была бы знакомъ неуваженія къ авторитету Слова Божія. Необходимо затѣмъ буквальное заучиваніе догматическихъ положеній катихизиса. Нельзя положиться на ученика, что онъ своими словами точно воспроизведетъ смыслъ догмата. Догматы вѣры обсуждаемы были на вселенскихъ соборахъ, каждое слово догмата было предметомъ продолжительныхъ соборныхъ совѣщаній и препирательствъ съ еретиками. Потому каждое слово, принятое для выраженія догмата, должно быть священно,—подмѣнить его другимъ какимъ, отъ себя придуманнымъ словомъ даже не безопасно, того и гляди выразишься неточно и погрѣшительно. Катихизическое изложеніе догматовъ вѣры предохраняетъ отъ этой опасности, потому непременно должно быть

заучиваемо буквально. И когда же заучивать удобнѣе, какъ не въ юномъ возрастѣ, когда память бываетъ воспріимчивѣе и живѣе? И что хорошо запомнится въ дѣтствѣ, то на всю жизнь останется въ головѣ; напротивъ мысли, ввѣренныя въ дѣтскомъ возрастѣ не памяти, а одному уму, улетучиваются и забываются,—это каждый знаетъ по собственному опыту. И странное дѣло: глумящіеся надъ зубреніемъ Закона Божія не возстаютъ противъ зубренія въ свѣтскомъ обученіи: въ школахъ принято обременять учениковъ зубреніемъ отрывковъ изъ произведеній свѣтской литературы,—заставляютъ заучивать на память множество стиховъ первоклассныхъ и непервоклассныхъ поэтовъ,—только катихизисъ заучивать не надо! Нашелся даже такой педагогъ (баронъ Корфъ), который утверждалъ, что ученикъ совсѣмъ не долженъ знать учебной книги, что книга эта должна быть только въ рукахъ законоучителя. Къ счастью, нынѣ не даютъ воли такимъ педагогамъ,—дай имъ волю, они натворили бы тоже, что творится во Франціи, гдѣ Законъ Божій совсѣмъ изгнанъ изъ школъ. Не дай намъ Богъ дожить до этого: Законъ Божій долженъ всегда во всѣхъ школахъ стоять во главѣ преподаваемыхъ наукъ, и катихизисъ долженъ быть не просто изучаемъ, но заучиваемъ. Вреда не будетъ, если ученики не будутъ помнить стиховъ Пушкина, Лермонтова и другихъ, но будетъ большой вредъ отъ забвенія истинъ вѣры, краеугольныхъ предметовъ знанія.

Прот. В. Нечаевъ.

ДРЕВНІЕ МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ

СИРИИ, МЕСОПОТАМИИ И ПЕРСИИ,

и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Представивъ, съ помощію Божіею, на страницахъ «Душеполезнаго Чтенія» за предшествующіе годы рядъ статей о древнихъ палестинскихъ лаврахъ и киновіяхъ и подвижникахъ, въ нихъ процвѣтавшихъ, просимъ читателя сего журнала перенестись съ нами на сѣверъ и востокъ отъ Св. Земли—въ Сирію, Месопотамію и Персію. И въ этихъ славныхъ въ исторіи рода человѣческаго странахъ въ первые вѣка христіанства процвѣтало подвижничество, и процвѣтало такъже, какъ въ Палестинѣ и Египтѣ; и тамъ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ св. обители, изъ коихъ многія славились внѣшнимъ и внутреннимъ благоустройствомъ и принимали нерѣдко важное участіе въ событіяхъ Христовой Церкви; и тамъ, и въ обителяхъ, и въ пустыняхъ, безчисленные сонмы душъ, жаждавшихъ нравственнаго совершенства и спасенія, въ тишинѣ уединенія трудились и подвизались о Господѣ, созрѣвая для небесной жизни; и тамъ по временамъ являлись величайшіе подвижники, удивлявшіе міръ христіанскою высотой и необычайностію своихъ подвиговъ, мужи благодатные, въ обилии исполненные даровъ Св. Духа; многіе изъ нихъ обладали высокимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ и оставили по себѣ назидательныя творенія. Кто не знаетъ славныхъ именъ сирійскихъ подвижниковъ: Симеона перваго Столпника, Ефрема Сирина, Симеона Дивногорца? Кому неизвѣстны великіе

отцы-подвижники: Исаакъ Сиринъ, Іуліанъ Пустынникъ, Іаковъ Низибійскій, Θεодоръ Едесскій, Маруѳа Тигритскій, прославившіе Месопотамію? И въ Персіи славою иноческихъ подвиговъ просіяли на весь христіанскій міръ преподобномученики Вадимъ архимандритъ и Милій епископъ. Здѣсь—у сирійскихъ и месопотамскихъ подвижниковъ читатель встрѣтитъ новый родъ подвиговъ, коихъ дотоѣ не знало христіанское подвижничество, подвиговъ, которые могли бы показаться невозможными, еслибы не были достовѣрно засвидѣтельствованы. Здѣсь поучающійся путямъ Божиимъ въ мірѣ и родѣ человѣческомъ умъ увидитъ, что тамъ, гдѣ былъ Эдемъ, первобытный рай, тамъ явился новый рай—иноческія пустыни, въ которыхъ подвижники, люди плоть носившіе, жили подобно безплотнымъ; тамъ, гдѣ стояли нѣкогда могущественныя царства, гдѣ потомъ разостлалась обширная пустыня, тамъ, среди сыпучихъ песковъ и палющаго солнечнаго жара, стали обитать люди, проводившіе святую жизнь въ постѣ, молитвѣ и всякаго рода страданіяхъ, благоугождавшіе Богу и славившіе Его день и ночь,—увидитъ и возблагодаритъ предъ дивными судьбами Всевышняго, верховнаго Міроправителя. Въ св. подвижникахъ Сиріи, Месопотаміи и Персіи предстанутъ нашимъ очамъ живые и разнообразныя примѣры христіанскихъ добродѣтелей; здѣсь и обильная пища сердцу, алчущему нравственной чистоты и святости, и возбужденіе воли къ добру и благочестивой жизни: въ душѣ невольно появится и оцутится порывъ подражать рабамъ Христовымъ если не въ подвигахъ, по крайней мѣрѣ въ святой ревности о благоугожденіи Богу и спасеніи души, той ревности, какаѣ въ нихъ такъ очевидно проявлялась. Приснопамятны—и обители и пустыни этихъ славныхъ въ исторіи Востока странъ, и св. мужи, въ нихъ подвизавшіеся. Объ этихъ-то иноческихъ обителяхъ и пустыняхъ мы, съ помощію Божіею, и намѣрены теперь вести рѣчь, и предлагаемъ просвѣщенному вниманію и боголюбію читателей Душепол. Чт., также въ рядѣ статей, *Сказанія о древнихъ монастыряхъ и пустыняхъ Сиріи, Месопотаміи и Персіи, и подвижникахъ благочестія, въ нихъ процвѣтавшихъ.*

Долгомъ считаемъ предварить читателя: да не ожидаетъ онъ видѣть въ трудѣ нашемъ полныя и обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ существовавшихъ нѣкогда обителяхъ Сиріи Месопотаміи и Персіи, равно и обо всѣхъ подвижникахъ, въ нихъ трудившихся и спасавшихся. Свѣдѣнія о древнихъ монастыряхъ Востока въ церковно-историческихъ сочиненіяхъ скудны и неполны. Древніе церковные писатели не оставили намъ отдѣльнаго труда о монастыряхъ Сиріи и Месопотаміи; а если какіе труды и остались, немногіе впрочемъ, сколько извѣстно, такъ они не изданы въ свѣтъ и доселѣ остаются въ рукописяхъ; таковъ, напримѣръ, трудъ Никона Черногорца о монастыряхъ. Есть правда въ этомъ родѣ и отдѣльный трудъ, изданный въ свѣтъ и въ русскомъ переводѣ: это—*Исторія боголюбцевъ* бл. Теодорита Кирскаго ^{а)}; но самъ же писатель говорить, что онъ написалъ въ своемъ трудѣ повѣствованія не обо всѣхъ св. отцахъ, подвизавшихся въ Сиріи и Месопотаміи, а только о современныхъ ему, и то только о нѣкоторыхъ, о тѣхъ именно, которые показали въ своей жизни особенный какой-нибудь подвигъ, проявили особенную черту нравственного величія. Есть еще отдѣльныя жизнеописанія знаменитѣйшихъ подвижниковъ, составленныя ихъ учениками, напр. жизнеописаніе Симеона Столпника, Симеона Дивногорца, Ефрема Сирина, Теодора Едесскаго; но такихъ жизнеописаній ограниченное число. Намъ остается поэтому удовольствоваться только тѣми свѣдѣніями о древнихъ обителяхъ Сиріи, Месопотаміи и Персіи, какія находятся въ разныхъ церковно-историческихъ письменныхъ памятникахъ, какъ-то: въ Житіяхъ святыхъ, Прологахъ, Синаксаряхъ, у церковныхъ историковъ: Сократа, Созомена, Теодорита, Евагрія и ихъ продолжателей; но и эти свѣдѣнія—отрывочныя: жизнеописатели и историки только вскользь, мимоходомъ упоминають въ своихъ трудахъ о той или другой пустыни, о томъ или

а) Труды Теодорита Кирскаго изд. въ русск. перев. въ 1853 г. подъ заглавіемъ: *Исторія боголюбцевъ или повѣствованія о св. подвижникахъ*, пер. съ греч. Спб.

другомъ мужѣ, тамъ подвизавшемся. Скудость историческихъ свѣдѣній о древнихъ обителяхъ Сиріи, Месопотаміи, Персіи и была, надо полагать, причиною, что въ нашей церковно-исторической литературѣ до сихъ поръ не было о нихъ рѣчи, до сихъ поръ не явилось, сколько извѣстно, ни одного труда, посвященнаго собственно исторіи христіанскаго подвижничества въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи. Просимъ благосклоннаго читателя смотрѣть на нашъ трудъ, какъ на первый опытъ въ этомъ родѣ и съ этой точки зрѣнія такъ и судить о немъ.

Въ Сиріи, Месопотаміи, равно какъ и въ Персіи все располагало и влекло душу къ подвигамъ Господа ради, къ уединенію и безмолвію. Въ горахъ, покрытыхъ и на вершинахъ, и по склонамъ непроходимымъ лѣсомъ, находилось безчисленное множество пещеръ, ущелій и самыхъ дикихъ мѣстъ. На югѣ и юго-востокѣ на необозримое пространство разстилались песчаная пустыни—притонъ дикихъ звѣрей. Въ Месопотаміи—колыбель человѣчества: тамъ явились первые люди и былъ Эдемъ, жилъ Ной, второй родоначальникъ человѣческаго рода. Сирія и страны Евфрата и Тигра, можно сказать, искрещены благовѣстническими стопами св. Апостоловъ; цѣлые сонмы христіанскихъ мучениковъ напоили эти страны своею свящепою кровію. Тамъ съ каждымъ почти мѣстомъ связаны священные преданія; въ каждомъ почти городѣ находятя дорогіе для христіанина предметы. Ниневія и Вавилонъ, Тарсъ и Едесса, Тиръ и Сидонъ, Иліополь и Дамаскъ, Евфратъ и Тигръ, Ливанъ и Антиливанъ—способны настроить къ самому возвышенному размышленію о путяхъ Божіихъ въ нашемъ земномъ мірѣ, къ восторженному созерцанію судебъ Всевышняго въ человѣчествѣ. Въ Едессѣ вѣрующіе поклонялись нерукотворенному образу Христа Спасителя; въ Апамеѣ лобызали часть животворящаго креста Господня. Неудивительно по всему этому, если въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи явились христіанскіе подвижники почти въ тоже время, какъ явились они въ Египтѣ, Палестинѣ и на Синаѣ.

Первые подвижники сирійскіе неизвѣстны; но уже въ половинѣ IV вѣка сдѣлались извѣстны и стали славны въ Сиріи пустынникъ *Маркіанъ*, коего св. Іоаннъ Златоустъ называетъ великимъ, *Симеонъ Ветхій*, основавшій двѣ обители на Аманскихъ горахъ, *Иавелъ*, устроившій нѣсколько общезительныхъ обителей въ Келесиріи. Въ Месопотаміи же *Аонъ*, иначе *Евгеній*, ученикъ Антонія Великаго, первый положилъ начало подвижничеству: онъ основалъ обитель иноковъ въ Фаданѣ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ патриархъ Іаковъ, отваливъ камень отъ колодезя, напоилъ овецъ Рахили; а въ обширной Евфратской пустынѣ первый поселился и сталъ о Господѣ подвизаться отшельникъ *Іуліанъ*, освятивъ ее своими духовными подвигами. Аонъ положилъ начало подвижничеству и въ Персіи: тамъ оно скоро привилось и утвердилось,—явились и обители благоустроенныя, и отшельники, и пустытники. И вотъ, мы видимъ, уже въ первой половинѣ IV вѣка епископъ сузскій Милій, оставивъ послѣ разрушенія Сузъ Сапоромъ святительскую кафедру, удаляется въ Майзанъ—пустыню, лежавшую при впаденіи Тигра въ Персидскій заливъ, поселяется здѣсь близъ нѣкоего отшельника и проводитъ время въ постѣ, молитвѣ и другихъ духовныхъ подвигахъ. Въ городѣ Астхарѣ (древній Персеполю) также въ первой половинѣ IV вѣка управляетъ обителью инокъ и игуменъ Варсавій, пострадавшій потомъ за вѣру въ іюлѣ 345 года съ 10 своими учениками. Во второй половинѣ тогоже вѣка въ Бетъ-Лапетѣ (въ 80 верстахъ отъ Испагани) процвѣтаетъ благоустроенная обитель, основанная славнымъ Вадимомъ архимандритомъ: за вѣру онъ былъ усѣкнутъ мечемъ отъ Сапора II, 9 апрѣля 376 г. Вслѣдъ за первыми подвижниками устремились на путь подвижничества всякаго званія, состоянія и пола люди, искавшіе убѣжища отъ суеты житейской въ обителяхъ, жаждавшіе спасенія души.

Изумленіемъ поражались современники, когда доводилось имъ посѣщать святыхъ подвижниковъ и видѣть ихъ необычайные труды и подвиги, казавшіеся невыносимыми для чловека; благоговѣніе къ дивнымъ труженикамъ наполняло ихъ

сердца, когда они зрѣли изможденное отъ бдѣнія и поста тѣло аввы-старца, но съ благолѣпнымъ лицомъ, свѣтлымъ взоромъ и яснымъ умомъ, съ любовію дававшего богомудрыя наставленія. Св. Іоаннъ Златоустъ, родившійся и выросшій въ Антиохіи, самъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ нѣсколько времени проводившій подвижническую жизнь среди антиохійскихъ пустынниковъ, бл. Теодоритъ, арх. Кирскій, историки Созоменъ и Евагрій, бл. Іоаннъ Мосхъ и св. Софроній, патр. іерусалимскій, всѣ эти очевидцы и свидѣтели подвижничества сирійскихъ и месопотамскихъ тружениковъ Христовыхъ, не находятъ достаточно словъ, чтобы въ совершенствѣ изобразить всю строгость ихъ жизни, всю высоту и необычайность ихъ подвиговъ, ихъ воздержаніе и постъ, ихъ молитву и бдѣніе, ихъ злостраданіе и терпѣніе, наконецъ дары благодати, въ нихъ обитавшей и дѣйствовавшей.

Представимъ здѣсь изображеніе жизни сирійскихъ подвижниковъ, оставленное Іоанномъ Златоустымъ въ бесѣдахъ его къ антиохійскому народу. Глубоко-поучительно это изображеніе для христіанъ всѣхъ временъ ^{б)}.

Въ полночь самъ настоятель будилъ иноковъ, и они тотчасъ вставали, оставляя сонъ съ чистою совѣстію, являясь съ свѣтлою мыслию, съ радостію и въ сердцѣ, и на лицѣ, такъ какъ они не обременяли себя пищею, не предавались мірскимъ печалямъ и никакимъ заботамъ о житейскихъ дѣлахъ. Возставъ отъ сна, они составляли одинъ ликъ и какъ бы едиными устами воспѣвали гимны Богу, славя и благодаря Его за всѣ благодѣянія, отъ Него ниспосылаемыя роду человѣческому; и никакой музыкальный инструментъ не произведетъ той пріятности, того усладительнаго для души согласія звуковъ, какія можно было ощутить въ пѣніи св. мужей, раздававшемся въ пустынѣ среди глубокой тишины. Окончивъ

б) Изображеніе это заимствуемъ изъ статьи: Жизнь св. Іоанна Златоустаго (до пресвитерства), помѣщенной въ Прибавл. къ издан. Твор. Св. Отцевъ въ русск. перев. 1855 г. стр. 198—204. Въ статьѣ сведены въ одно цѣлое черты подвижничества сирійскихъ отцевъ, разсыпанныхъ въ разныхъ бесѣдахъ Іоанна Златоуста.

пѣніе, они съ колѣнопреклоненіемъ возносили молитвы къ Богу о такихъ предметахъ, которые многимъ никогда и на умъ не приходятъ: они просили у Бога не благъ настоящей жизни, о которыхъ и не думали; съ воздыханіемъ и слезами они молились о томъ, чтобы имъ съ чистою совѣстію и преуспѣяніемъ въ добродѣтели окончить сію многотрудную жизнь и благоуспѣшно переплыть сіе бурное море, и чтобы въ день страшнаго суда и будущаго пришествія Христова не услышать онаго грознаго гласа: «не вѣмъ васъ».—Предъ разсвѣтомъ они посвящали нѣсколько времени отдохновенію, дабы возстановить силы для новыхъ молитвенныхъ подвиговъ и священныхъ пѣснопѣній, которые опять начинались съ восхода солнца. Послѣ утренняго служенія они пѣли часы третій, шестой и девятый, и служеніе вечернее, такъ что весь день они раздѣляли на четыре части и каждую часть освящали псалмопѣніемъ и молитвословіемъ. Время между богослуженіемъ иноки употребляли на чтеніе и списываніе душеполезныхъ книгъ, на изученіе Слова Божія и другія благочестивыя занятія: одинъ бралъ книгу Исаи и съ нимъ бесѣдовалъ, иной читалъ писанія Апостоловъ и другія божественныя книги, размышляя о Богѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, о ничтожествѣ настоящей жизни и величіи жизни будущей. Другіе занимались трудами тѣлесными, копали землю, сажали и поливали растенія, готовили пищу, плели корзины, вязали власяницы, кормили нищихъ, ходили за больными и увѣчными, принимали посѣтителей и служили имъ съ полною готовностію и радушіемъ, не разбирая ни ихъ происхожденія, ни ихъ богатства и бѣдности. Нерѣдко иноки вступали въ собесѣдованіе между собою, и ихъ бесѣды исполнены были спокойствія, смиренномудрія и взаимнаго назиданія. Они говорили не о мірскихъ дѣлахъ, но какъбы оставившіе міръ и переселившіеся на небо, они любознательствовали о будущемъ и небесномъ, о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ уготованныхъ святымъ, о настоящей брани противъ козней діавола, о совершенныхъ святыми подвигахъ, и т. п. Несмотря на непрестанные труды, иноки обыкновенно при-

нимали пищу уже при наступленіи вечера. Хлѣбъ отъ собственныхъ трудовъ, вода изъ чистыхъ источниковъ, а для слабѣйшихъ масло, зелень и овощи—вотъ что обыкновенно служило ихъ пищею,—и они употребляли сей пищи не болѣе того, сколько нужно было для поддержанія ихъ тѣлесныхъ силъ: они постились и за столомъ. Ихъ трапеза отличалась тишиною, любомудріемъ и цѣломудріемъ: смятеніе, шумъ, неблагопристойныя слова—все подобное было изгнано отсюда. Скучная и непродолжительная трапеза иноковъ заключалась молитвословіемъ и пѣніемъ благодарственныхъ пѣсней Богу. Окончивъ дневныя занятія и молитвы, подвижники расходились съ миромъ по своимъ келліямъ и ложились для отдохновенія послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ трудовъ. Многіе изъ нихъ спали на голой землѣ и внѣ жилищъ; небо служило имъ вмѣсто крова, луна вмѣсто ночнаго свѣтильника и трава вмѣсто мягкихъ постелей. Ихъ души, проникнутыя страхомъ Божіимъ, приученныя къ самонаблюденію и самообладанію, не теряли власти надъ собою и тѣломъ и во время сна; и оттого самыя ихъ сновидѣнія, плоды душевной настроенности, были чисты и непорочны.—Иноки не имѣли нужды ни въ ночныхъ стражахъ, ни въ запорахъ, и днемъ и ночью; принимая всѣхъ приходившихъ къ нимъ, они не боялись воровства, потому что кромѣ души и тѣла у нихъ ничего не было: все, что они пріобрѣтали трудами своими, шло на насущное пропитаніе братіи или на бѣдныхъ. Объ одеждѣ иноки не заботились; подобно Іліи, Елисею, Іоанну и прочимъ Апостоламъ они носили одежды изъ козьей или верблюжьей шерсти, а нѣкоторые довольствовались одною кожею, грубою и ветхою, и не носили обуви. Даже и тѣ изъ нихъ, которые прежде, живя въ мірѣ, владѣли богатствомъ и почестями и были воспитаны въ роскоши и изобиліи,—и тѣ, поселившись въ пустынныхъ горахъ, оставляли прежнія пышныя и изящныя одежды и носили грубыя и ветхія рубища. Но они знали красоту своего одѣянія, и не захотѣли бы промѣнять его на самыя драгоцѣнныя одежды. Сіи сыны свѣта отринувъ мірскія украшенія, старались душу свою украсить

добродѣтелями, и какъ званые на бракъ небеснаго Жениха, облекались въ брачную одежду. И еслибы ты могъ отворить двери ихъ сердца и узрѣть ихъ душу и всю ея внутреннюю красоту, ты не въ силахъ былъ бы вынести сіянія ихъ духовнаго благолѣпія, блеска ихъ брачныхъ одеждъ и свѣтлости ихъ совѣсти,—и палъ бы на землю. Во всѣхъ поступкахъ, помыслахъ и занятіяхъ своихъ иноки сохраняли глубокое смиреніе. Все возбуждающее гордость и самоувѣніе въ человѣкѣ, удалено отъ селеній святыхъ. Большой тамъ тотъ, кто смиреніемъ превосходитъ другихъ и наиболѣе занимается простыми работами. Правда, тамъ есть высшіе и низшіе по нравственнымъ совершенствамъ; но никто не гордится своимъ превосходствомъ. Всякій старается не о томъ, чтобы имѣть первенство предъ другими и пользоваться отъ нихъ почестями, но чтобы воздавать честь другимъ и смиряться предъ всѣми. Тамъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни славы, ни униженія. Между тѣмъ какъ живущіе въ мірѣ подвергаются бурѣ страстей, заботъ и горестей и всю жизнь проводятъ среди волненій, въ обителяхъ иноческихъ царствуетъ тишина, миръ, благолѣпіе. Тамъ нѣтъ ни смятеній, ни шума, ни возмущеній душевныхъ, ни суетной печали, ни опасностей, порождаемыхъ завистью и злобою. И въ душахъ и въ тѣлахъ святыхъ подвижниковъ все тихо, все пронизуто духомъ мира и единомыслія. Все у нихъ общее и одинаковое—и трапеза, жилище, и одежда, и весь образъ жизни, потому что у нихъ и душа одна—не по природѣ только, но и по любви. У всѣхъ у нихъ одно богатство—богатство истинное, одна слава, слава не мнимая, но истинная, приобретаемая и охраняемая добрыми дѣлами, одна радость, одно стремленіе, одна надежда. Все у нихъ устроено какъбы по нѣкому правилу и мѣрѣ, и во всемъ господствуетъ порядокъ, стройность, согласіе, тщательное соблюденіе единодушія, и все служитъ для нихъ предметомъ духовнаго веселія: потому что иноки не только презираютъ настоящее, уклоняются отъ всякаго повода къ несогласію и враждѣ и питаютъ свѣтлыя надежды на будущее, но и случающіяся съ каждымъ изъ нихъ скорби и радости считаютъ общими для всѣхъ».

Высокое свидѣтельство даетъ св. Іоаннъ Златоустъ и о Сирійскихъ женахъ-подвижницахъ въ одной бесѣдѣ на посланіе ап. Павла къ Ефесянамъ, говоренной въ Антиохіи. «Дѣвы, еще не достигшія двадцатилѣтняго возраста, проводившія все время въ своихъ покояхъ, воспитанныя въ нѣгѣ, почивавшія на мягкомъ ложѣ, пропитанныя благовоніями и дорогими мастями, нѣжныя по природѣ и еще болѣе изнѣженныя отъ усердныхъ ухаживаній, не знавшія въ продолженіи дня другаго занятія, какъ только украшать свою наружность, носить на себѣ золотыя уборы и предаваться сластолюбію, не дѣлавшія ничего даже для себя, но имѣвшія множество служанокъ, носившія одежды болѣе нѣжныя, чѣмъ самое ихъ тѣло, употреблявшія тонкія и мягкія покрывала, постоянно наслаждавшіяся запахомъ розъ и подобныхъ благовоній,—эти дѣвы, бывъ внезапно объаты огнемъ Христовымъ, бросили всю эту роскошь и пышность; забывъ о своей нѣжности, о своемъ возрастѣ, разстались со всѣми удовольствіями и, подобно храбрымъ борцамъ, вступили на путь подвиговъ. Повидимому, говорю я невѣроятное, — однакоже вѣрное. Я слышалъ, что эти столь нѣжныя дѣвы достигли такой строгости въ жизни, что надѣвали на свои нагія тѣла самыя грубыя власяницы; ноги ихъ оставались босыми и ложемъ ихъ были тростниковыя прутья; большую часть ночи проводили онѣ безъ сна. Трапеза у нихъ бываетъ только вечеромъ, трапеза, на которой нѣтъ ни травъ, ни хлѣба, а только бобы, горохъ, елей и смоквы. Постоянно заняты онѣ пряденіемъ шерсти и другими болѣе трудными рукодѣліями, чѣмъ какими занимались у нихъ служанки. Онѣ взяли на себя трудъ лечить больныхъ, носить одры ихъ, умывать ноги имъ. Многія занимаются приготовленіемъ для нихъ пици в).

Съ глубокимъ уваженіемъ отзывается о сирійскихъ и месопотамскихъ подвижникахъ церковный историкъ Созоменъ, жившій въ V вѣкѣ. Сказавъ о подвижникахъ, процвѣтавшихъ въ Палестинѣ, онъ продолжаетъ: «Отсюда надобно идти въ

в) Бесѣда 13 на Посл. къ Ефес. стр. 223. 224. Спб. 1858.

Сирию и къ сопредѣльнымъ съ Сирійцами Персамъ, между которыми, соревнуя любомудрствователямъ египетскимъ, иноки весьма размножились. Между ними у Низибійцевъ, близъ такъ называемой горы Сигоръ тогда особенно славились Ватоей, Евсевій, Варгій, Ала, Аввось, Лазарь, бывшій епископомъ, Авдалеосъ, Зинонъ и старецъ Илюдоръ. Ихъ называли также пасущимися; ибо они положили начало этому новому роду любомудрія. Такое названіе дано имъ потому, что они не имѣютъ жилищъ, не ѣдятъ хлѣба и вареной пищи и не пьютъ вина, но живя въ горахъ, всегда славословятъ Бога молитвами и пѣснями по уставу Церкви. Когда же наступаетъ время вкусить пищу, каждый изъ нихъ, взявъ серпъ, отправляется бродить по горѣ, будто пасущееся животное, и питается растеніями. Между тѣмъ въ Каррѣ славился Евсевій, на престолѣ епископскомъ по охотѣ занимавшійся также любомудріемъ, и Протогенъ, управлявшій Карскою церковію послѣ тамошняго епископа Вита, того знаменитаго Вита, котораго въ первый разъ встрѣтивъ царь Константинъ, говорятъ, признался, что этого мужа давно уже и неоднократно Богъ показывалъ ему въ видѣніяхъ и повелѣвалъ повиноваться словамъ его. Равнымъ образомъ и Аонъ имѣлъ у себя обитель въ Фаданѣ, гдѣ потомокъ Авраамовъ Іаковъ, пришедши изъ Палестины, встрѣтился съ дѣвою, которая потомъ была его женою, и снявъ камень съ колодезя, въ первый разъ напоилъ ея стадо. Говорятъ, этотъ Аонъ въ Сириі, подобно Антонію въ Египтѣ, прежде всѣхъ людей положилъ начало строгому любомудрію... А въ сосѣдней Едессѣ и окрестностяхъ ея, около этого времени, знаменитѣйшими любомудрствователями были—Юліанъ и сирскій писатель Ефремъ, также Варсій и Евлогій, оба въ послѣдствіи бывшіе епископами не какого-нибудь города, но ради и какъ бы въ вознагражденіе за жизнь, рукоположенные въ собственныхъ своихъ монастыряхъ. Точно такъ же поставленъ былъ въ епископа и упомянутый Лазарь. Эти-то изъ числа тогдашнихъ знаменитыхъ любомудрствователей въ Сириі и пограничной съ нею Персіи сдѣлались извѣстны намъ. Правила жительства у всѣхъ ихъ были

такъ сказать общими: сколько можно болѣе пецись о душѣ; посредствомъ молитвъ, постовъ и священныхъ пѣснопѣній приучать ее къ готовности оставить здѣшнія блага и въ этомъ проводить большую часть жизни; а деньги, занятіе житейскими дѣлами, нѣгу тѣла и попеченіе о немъ пренебрегать совершенно. Нѣкоторые изъ подвижниковъ достигли до такой степени воздержанія, что напримѣръ у Ватоея отъ неяденія изъ зубовъ выползали черви; Ала до семидесяти лѣтъ не вкушалъ хлѣба, а Иліодоръ по цѣлымъ недѣлямъ соблюдалъ постъ и многія ночи проводилъ безъ сна. Сирія же, или такъ называемая Кела, и страна за нею, кромѣ Антіохіи, хотя медленнѣе принимали христіанство, не оставались также безъ духовныхъ любуудрствователей. И эти мужи были и казались тѣмъ мужественнѣе, чѣмъ больше испытывали ненависти и козней отъ тамошнихъ жителей: они великодушно противодѣйствовали имъ, не защищаясь и не отмщая за себя, но съ готовностію перенося оскорбленія и побои со стороны язычниковъ. Таковы были, какъ я слышалъ, Валентинъ, котораго одни почитаютъ уроженцемъ Эмиссы, а другіе—Ареоузы; также соименникъ его и Феодоръ, оба изъ Титовъ, нумы Апамейской; также Мароза изъ Нехиловъ, Вассъ, Вассоній и Павелъ, который, происходя изъ селенія Телмиссы, во многихъ мѣстахъ основалъ много монастырей и, какъ слѣдовало, руководилъ ими къ уразумѣнію любуудрїа, а наконецъ въ странѣ такъ называемой Югитѣ устроилъ величайшую и знаменитѣйшую общину монаховъ. Тамъ онъ и скончался, тамъ и гробъ его—предѣлъ жизни долговременной; ибо Павелъ, слѣдуя славному и святому способу любуудрїа, дожилъ до нашего времени. Впрочемъ, и другіе изъ упомянутыхъ монаховъ почти всѣ жили долго... Положивъ въ тѣхъ странахъ начало монашескому любуудрїю, они образовали не мало подобныхъ себѣ подвижниковъ^{г)}.

Время цвѣтущаго состоянія подвижничества въ Сирїи, Месопотамїи и Персіи—IV, V, VI и VII вѣка. Въ эти вѣка

г) Церк. Ист. Созомена, гл. 33. 34. Спб. 1851 въ русск. пер.

на всемъ обширномъ пространствѣ сихъ странъ Востока, и въ обителяхъ, и въ уединенныхъ келліяхъ и кущахъ, и въ пустынныхъ мѣстахъ—въ горахъ, пещерахъ и удоляхъ, безчисленные сонмы душъ подвизались и спасались о Господѣ, возрастая и созрѣвая въ духовной жизни и чистыми и святыми отходили въ другой міръ къ Богу, въ общество ангеловъ и св. Божіихъ человекъ. Но св. подвижникамъ, коихъ помыслы и желанія устремлены были единственно къ душѣ и небу, не суждено было въ полномъ безмятежїи и спокойствїи содѣлать свое спасеніе и работать Господу: слова Спасителя, обращенныя къ ученикамъ своимъ и всеѣмъ вѣрующимъ: «въ міръ скорбни будете», и надъ подвижниками должны были исполниться во всей силѣ. Въ мирныя иноческія обители, въ уединенныя келліи и кущи отшельниковъ и пустынниковъ вторгались по временамъ бури; ихъ посѣщали глубокія скорби и тяжкія страданія. Разумѣемъ ереси, волновавшія въ эти времена Сирію и Месопотамію, и гоненія на православныхъ со стороны императоровъ-еретиковъ и царей персидскихъ. Во всемъ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ нигдѣ не было столько ересей, какъ въ этой части Восточной Римской имперїи. Аріане, несторїане, монофизиты съ отраслями акефалитовъ, северіанъ, іаковитовъ, ѳеопасхиты и иконоборцы—все имѣли главнымъ мѣстомъ своихъ дѣйствій и главнымъ приютомъ Сирію, Месопотамію и отчасти Персію. Ереси проникали и въ обители иноческія и въ пустыни отшельниковъ; но значительнаго успѣха здѣсь не имѣли: подвижники тверды были въ православной вѣрѣ и крѣпко защищали Церковь Христову и истинныхъ чадъ ея отъ злоухищреній и нападеній лютыхъ враговъ. Тяжко приходилось, однако же, по временамъ, страдать св. подвижникамъ. Еретики и зараженные лжеученіемъ императоры видѣли въ инокахъ великую нравственную силу и потому на нихъ обращали главное вниманіе, ихъ преимущественно старались склонять на свою сторону. Императоры нерѣдко сами являлись въ Сирію и, подстрекаемые еретиками и людьми, не расположенными къ монашеству, изливали на подвижниковъ весь свой гнѣвъ и от-

крывали на нихъ жестокое гоненіе. Валентъ, глубоко преданный аріанству, прибывъ въ концѣ 374 или въ началѣ 375 г. въ Антиохію, узнаеть, что сыновья многихъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ, склоненные иноками въ монашество, оставили свои дома, родителей и родныхъ и поступили въ монастыри или удалились въ пустыни, и что въ городѣ сильный ропоть и жалобы на монаховъ. Глубоко ненавидя православныхъ и особенно монаховъ, изъ среды коихъ много выходило дивныхъ мужей, твердыхъ защитниковъ православія и противниковъ аріанства, императоръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и издалъ указъ. которымъ повелѣвалось извлекать иноковъ изъ обителей и пустынь и опредѣлять въ военную службу. Императорскій указъ, по свидѣтельству Іоанна Златоуста, съ безумною радостью принятъ былъ легкомысленными и развращенными людьми и тотчасъ сталъ приводиться въ исполненіе: открылось жестокое преслѣдованіе подвижниковъ. Тогда, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, какъ будто-бы злой духъ вселился въ души всѣхъ: на площадяхъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно собираются праздные люди, всѣ говорили или со смѣхомъ слушали рассказы другихъ о томъ, что сдѣлано съ монахами. Одинъ съ безразсуднымъ самодовольствомъ говорилъ, что онъ наложилъ руку на такого-то монаха; другой поставлялъ себѣ въ заслугу, что онъ прежде другихъ отыскалъ уединенную келью какого либо инока; а иной хвалился тѣмъ, что умѣлъ раздражить судью противъ монаховъ, чрезъ это подвергъ ихъ позору, побоямъ и темничному заключенію. Всѣ хвалились своими дерзостями и подъ покровительствомъ изданнаго указа гнали учителей добродѣтели съ большею наглостью, нежели съ какою другіе гонятъ учителей порока^{д)}. Цари персидскіе также открывали по временамъ жестокія гоненія на христіанъ въ своихъ владѣніяхъ: лютость властителей обращается была главнымъ образомъ на епископовъ и иноковъ, какъ руководите-

д) Жизнь св. Іоанна Златоуста (до пресвитерства) стр. 209 въ Приб. къ Твор. св. отцевъ въ русс. пер. М. 1855 г. ч. 14.

лей христіанъ—подданныхъ. Но ни императоры греческіе, ни цари персидскіе ничего не могли сдѣлать для подавленія и уничтоженія св. обителей и иночества: тверды и стойки духомъ и вѣрою были подвижники: рабы Христовы не боялись угрозъ, не страшились преслѣдованій, готовы были терпѣть всѣ возможныя мученія, даже самую смерть принять, но не уклонялись на сторону еретиковъ, а тѣмъ болѣе не отрекались отъ Христа. Лѣтописи христіанства въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи полны высокихъ примѣровъ самоотверженной преданности Христовой вѣрѣ. Въ многочисленномъ сонмѣ исповѣдниковъ и мучениковъ христіанской Церкви лучезарнымъ свѣтомъ сіяютъ Сирійскіе подвижники: Евгеній и Макарій, пресвитеры Антиохійской церкви, Публія діаконалиса, Дорошея епископъ Тирскій, Месопотамскіе: Евлогій и Варсисъ, епископы Едесскіе, Протогенъ Каррскій, и Вадимъ архимандритъ и Милій епископъ Персидскіе. Такъ велики духомъ, такъ крѣпки въ истинной вѣрѣ были св. подвижники! И вотъ, несмотря на жестокія гоненія и преслѣдованія, которымъ въ цвѣтущее время подвижничества подвергались иноки и отшельники Сиріи, Месопотаміи и Персіи, св. обители стояли и стояли, приготавливая къ небесной жизни своихъ насельниковъ и оказывая великое нравственное вліяніе на православныхъ христіанъ, жившихъ въ мірѣ.

Губительнымъ ударомъ для подвижничества въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи, какъ и вообще для христіанства въ этихъ странахъ, было появленіе въ VII вѣкѣ мусульманъ и утвердившееся съ этого времени владычество ихъ на востокѣ. Въ началѣ VII вѣка въ Аравіи явился Магометъ, образовалъ новую религію, соединилъ арабійскія племена въ одинъ народъ, воспламенилъ его къ распространенію новой вѣры,—и мусульмане, извѣстные въ лѣтописяхъ тогдашняго времени болѣе подъ именемъ Агарянъ и Сарацинъ, съ оружіемъ въ рукахъ, стремительнымъ потокомъ прошли по Азіи и части Африки: къ половинѣ VII вѣка уже были завоеваны Палестина, Сирія, Месопотамія, Персія и Египеть. Образовалось обширное и могущественное мусульманское государство—Кали-

фать, охватившее югъ, западъ и востокъ Азіи и простиравшееся отъ Нила до Индіи и отъ Аравійскаго и Персидскаго заливовъ до Каспійскаго моря и Оксуса (Аму-Дарья). На всемъ этомъ пространствѣ христіане подверглись тяжкому игу почитателей лжепророка, дышавшихъ враждою и ненавистью ко всему христіанскому. Для вѣрующихъ въ истиннаго Бога и Христа Спасителя возобновились времена гоненій за вѣру, какія были въ первые вѣка христіанства, настали ужасы насилія и жестокости: фанатическіе ревнители своей вѣры, Сарацины грабили христіанскіе храмы; обращали ихъ въ мечети, принуждали отрекаться отъ Христа и принимать исламъ, при несогласіи же и отказѣ предавали смерти. Безумные калифы нерѣдко давали повелѣніе клеймить руки христіанъ, какъ это сдѣлалъ калифъ Аль-Мансоръ съ жителями Іерусалима, даже поголовно обращать въ исламъ всѣхъ христіанъ извѣстнаго мѣста. Грабежи, насилія и жестокости мусульманъ по отношенію къ вѣрующимъ во Христа Спасителя усиливались и принимали страшные размѣры особенно при смѣнахъ династій и во время вражды и междоусобій, возгоравшихся по смерти того или другаго калифа между его сыновьями и родственниками: тогда, можно сказать, лились потоки христіанской крови. Такое крайне-бѣдственное состояніе христіанъ въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи подъ владычествомъ аравитянъ, послѣдователей и поклонниковъ Магомета, естественно должно было самымъ губительнымъ образомъ отразиться и на иноческихъ обителяхъ и на подвижникахъ. Мы видимъ изъ отрывочныхъ указаній въ церковно-историческихъ письменныхъ памятникахъ тѣхъ временъ, что со второй половины VII вѣка, когда началось на востокѣ владычество мусульманъ, подвижничество въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи замѣтно стало ослабѣвать; иноческія обители, разоренныя и разграбленныя Сарацинами, были оставляемы иноками, которые отъ нападений изувѣрныхъ чтилелей короля должны были спасаться въ другихъ мѣстахъ, или бѣжать въ другія страны; самые отшельники уже не находили болѣе возможности жить и подвизаться въ уединеніи, въ кельяхъ

и куцахъ, и съ глубокою скорбью оставляли свои столь любезныя душѣ и сердцу пустыни, которыя потомъ навсегда обезлюдѣли. Прошло два вѣка владычества мусульманъ на Востокѣ. Знаменитѣйшія обители Сиріи и Месопотаміи еще существовали, выдерживая всѣ ужасы насилія и жестокостей со стороны фанатическихъ властителей. Въ первой половинѣ IX вѣка, именно въ 836 году, на многочисленномъ соборѣ въ Іерусалимѣ противъ иконоборцевъ, въ числѣ 80 игуменовъ и 1.150 иноковъ, присутствовавшихъ на немъ, находились игумены и иноки 'окрестныхъ монастырей Антіохіи и другихъ мѣстъ. Сирійскія и месопотамскія обители держались еще дольше чѣмъ обители палестинскія. Такъ, славная обитель Симеона Дивногорца, находившаяся на Дивной или Черной горѣ, въ концѣ XI вѣка еще существовала: въ ней жилъ въ это время преп. Никонъ Черногорецъ, оставившій по себѣ много полезныхъ твореній; но уже въ предшествующемъ вѣкѣ начались на востокѣ событія, которыя еще болѣе ухудшили состояніе Сирійской Церкви и повели къ окончательному упадку, запустѣнію монастыри въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи.

Въ началѣ X вѣка Калифатъ распался: явились самостоятельные Калифы въ Сиріи и Египтѣ. Они вели борьбу и между собою и съ главнымъ Калифомъ, столицею коего былъ Багдадъ. Главнымъ поприщемъ кровопролитной борьбы въ средѣ мусульманскихъ властителей были Сирія и Месопотамія. Страшныя бѣдствія терпѣли въ это время христіане на востокѣ, особенно въ Сиріи и Месопотаміи. Въ X же вѣкѣ явились Турки Селдчукскіе: воинственные султаны ихъ вступили въ борьбу съ Калифами, одолѣли всѣхъ и подчинили себѣ всю западную Азію и Египеть. Состояніе христіанъ подѣ владычествомъ Турокъ, принявшихъ исламъ, стало невыносимо, особенно въ слѣдующемъ столѣтіи. Крестовые походы при всѣхъ неимовѣрныхъ усиліяхъ западно-европейскихъ христіанъ не могли сокрушить силу Турокъ и освободить изъ подѣ ихъ страшнаго гнета восточныхъ христіанъ. Турокъ Селдчукскихъ смѣнили потомъ Турки Османскіе, также фанатическіе поклонники лжепророка. И налегла тяжелая рука

ислама на христіанскій востокъ.... И томится съ тѣхъ поръ въ угнетеніи и озлобленіи славная Сирійская Церковь, покорная неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, вѣруя и уповая, что не до конца забылъ ее Господь, что Верховный Міроправитель изведетъ яко свѣтъ правду и судьбу ея яко полудне, и настанетъ время, когда она снова явится въ прежнемъ видѣ—въ полномъ свѣтѣ свободнаго, открытаго исповѣданія Христовой вѣры и высокой нравственно - религіозной жизни ея чады, и выглянуть на свѣтъ Божій столь долго лежавшія въ развалинахъ и запустѣніи ея знаменитыя, дорогія ей св. обители, и процвѣтутъ снова приснопамятныя пустыни ея великихъ отцевъ отшельниковъ. И, благодареніе Всевышнему, занимается уже на христіанскомъ Востокѣ заря—предвѣстница возрожденія христіанства.... Въ Св. Землѣ уже встаютъ изъ развалинъ славныя обители Евѣимія, Θεодосія, Герасима Іорданскаго. Близокъ часъ возрожденія и Сирійскихъ и Месопотамскихъ обителей и пустынь.

И. Сладкопѣвцовъ.

27 ноября 1886 г.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ БЕСѢДЫ

О СТРАДАНІЯХЪ И СМЕРТИ СПАСИТЕЛЯ.

Поминай Господа Иисуса (2 Тим. 2, 8).

Такъ заповѣдалъ ап. Павелъ ученику своему Тимоѳею, а въ лицѣ его и всѣмъ намъ. И мы поминаемъ Христа Спасителя своего. Вся божественная литургія есть постоянное воспоминаніе въ дѣйствіяхъ жизни Спасителя. При каждомъ чтеніи Евангелія, при каждомъ произнесеніи имени Христа мы воспоминаемъ о Немъ.—И всю жизнь Его слѣдуетъ помянуть, но преимущественно страданія и смерть Его, такъ какъ страданіями и смертію Онъ явилъ всю полноту любви своей къ намъ; ими совершилось спасеніе наше, ими умиловленъ Богъ, прогнѣванный нашими грѣхами, чрезъ нихъ мы сдѣлались чадами Отца небеснаго. И всегда слѣдуетъ христіанину помянуть эти страданія и смерть, но преимущественно въ дни каждой недѣли,—среду и пятницу, посвященныя воспоминанію Его страданій и смерти, также во дни Страстной седмицы и во всѣ дни Великаго поста, служащаго приготовленіемъ къ празднику Пасхи. Займемся же собесѣдованіемъ объ этихъ страданіяхъ по тому порядку, въ какомъ они описаны Евангелистами.

Бесѣда первая.

Страданія Спасителя начались еще въ саду Геосиманскомъ. Это было въ послѣднюю ночь Его жизни. Въ сію ночь Спаситель въ Сіонской горницѣ установилъ Пасху новозавѣтную, т.-е. таинство причащенія Тѣла и Крови своей, причастилъ

ими своихъ Апостоловъ, дальимъ послѣднія прощальныя наставленія и потомъ съ пѣніемъ вышелъ съ вечера, направившись къ саду Геосиманскому—любимому мѣстопробыванію своему. Подошедши къ саду, Онъ говоритъ ученикамъ своимъ: *посидите здѣсь, пока Я пойду, помолюсь тамъ*. И взявъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна удалился съ ними въ глубь сада. И вотъ здѣсь-то начало Его страданій за насъ. Онъ начинаетъ ужасаться, скорбѣть и тосковать. *Душа моя*, говоритъ Онъ ученикамъ, *скорбитъ смертельно. Побудьте здѣсь и бодрствуйте со мною*. А Самъ удалившись отъ нихъ на такое разстояніе, на какое можно бросить камень, преклонилъ колѣна, палъ лицомъ на землю и началъ молиться. О чемъ же была Его молитва? Онъ молился Отцу своему объ удаленіи отъ Него чаши гнѣва Его. *Отче Мой*, говорилъ Онъ, *если возможно, да минуетъ Меня чаша сія. Впрочемъ не Моя воля, но Твоя да будетъ*. Это были собственно душевныя страданія, но въ соединеніи съ мыслию о предстоявшихъ Ему тѣлесныхъ мукахъ, они были такъ тяжелы и страшны, что обдавали ужасомъ все существо Богочеловѣка. Кончивъ молитву, Спаситель приходитъ къ ученикамъ. Но ученики Его заснули. Ихъ не беспокоило опасеніе грядущей опасности. Видно они, несмотря на всѣ самыя ясныя предсказанія Спасителя о своихъ страданіяхъ, думали и надѣялись, что Онъ найдетъ возможнымъ избѣжать этихъ страданій. Какъ бы то ни было, только Спаситель не похвалилъ своихъ учениковъ за такую безпечность, когда Учителю ихъ становится такъ тяжело. Онъ говоритъ имъ: *такъ-то вы одного часа не могли пободрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, да не увидите въ напасть. Духъ бодръ, плоть же немощна*. Сказавши это, Онъ опять отошелъ отъ нихъ и опять сталъ на молитву. На этотъ разъ молитва была однимъ выраженіемъ преданности волѣ Божіей. *Отче Мой*, говорилъ Онъ, *если не можетъ чаша сія миновать Меня, да будетъ воля Твоя*. Помолвившись, Онъ опять подходитъ къ ученикамъ своимъ. Такова была Его любовь къ нимъ, что и въ самыя тяжкія минуты своей жизни, Онъ не могъ за-

быть о нихъ. Но учениковъ Онъ опять нашель спящими. Сонливость одолѣвала ихъ. Оставивъ учениковъ, Спаситель пошелъ и въ третій разъ сталъ на молитву. Отъ душевныхъ мученій и борьбы силы Его тѣлесныя ослабли. Потребовалось подкрѣпленіе свыше. И вотъ явился ангель съ неба и укрѣпилъ Его. Укрѣпленный ангеломъ, Онъ продолжалъ молиться, горячо молился, долго еще молился, такъ что кровавый потъ выступилъ на тѣлѣ и капалъ на землю. Кончивъ молитву въ третій разъ, Спаситель идетъ къ своимъ ученикамъ и, нашедши ихъ опять спящими, говоритъ имъ: *вы все спите и поживаете; конечно, пришелъ часъ, вотъ предается Сынъ человеческій въ руки грѣшниковъ. Встаньте, пойдѣмъ, вотъ приблизился предающій Меня.* Все это происходило въ саду Геосиманскомъ въ послѣднюю ночь жизни Спасителя. И до сихъ поръ показываютъ богомольцамъ мѣсто сихъ душевныхъ страданій Спасителя. Бережно хранятъ и масличныя деревья, подъ которыми Спаситель страдалъ и молился.

Христіанинъ! остановись здѣсь и подумай, за что Господь нашъ испытываетъ такую страшную душевную муку еще прежде начала тѣлесныхъ мученій. Вѣдь понятны были бы подобныя душевныя страданія предъ смертію въ какомъ-нибудь преступникѣ, котораго совѣсть пробудилась въ самыя послѣднія минуты жизни, въ какомъ-нибудь самомъ страшномъ злодѣѣ, который никакъ не можетъ избѣжать лютой казни, на которую осужденъ онъ за свои злодѣянія. Но чѣмъ объяснить эти душевныя муки въ Безгрѣшномъ и Праведномъ, въ Комъ не могли найти ни малѣйшаго грѣха самыя злыя враги Его?—Здѣсь начало гнѣва Божія за грѣхи всего міра. Эта душевная тоска, тяжкая сама по себѣ, была, еще предчувствіемъ тѣхъ неимоверно тяжелыхъ страданій, которыя Онъ добровольно принималъ и которыя Ему, какъ человѣку, были страшны. Да, Онъ бралъ на Себя отвѣтственность предъ Правосудіемъ небеснымъ за грѣхи всѣхъ людей, сколько бы ихъ ни было, за грѣхи людей, жившихъ

до Него и имѣющихъ жить послѣ Него. Сложите грѣхи всего человѣчества воедино,—вотъ это-то время теперь и лежало на Спасителѣ нашемъ; сообразно съ этимъ бременемъ предстояли Ему и тѣлесныя страданія; сообразно съ этими страданіями была душевная туга, тоска, ужасъ въ виду этихъ страданій. Итакъ не за свою вину, которой не имѣлъ, Спаситель терпитъ то, что претерпѣлъ въ саду Геосиманскомъ. Терпитъ Онъ за меня и за тебя, слушатель, тоскуетъ за наши безумныя радости, которыхъ мы ищемъ здѣсь, ужасается за наше безстрашіе, съ какимъ мы совершаемъ самые великіе грѣхи, за наше нерадѣніе и безпечность въ виду ежеминутно угрожающей намъ смерти. О, повергнемся предъ Его любовію къ намъ недостойнымъ, предъ Его самопожертвованіемъ для нашего спасенія. Повергнемся съ намѣреніемъ быть непременно вѣрными Ему. Это будетъ самая лучшая благодарность Ему съ нашей стороны. Но Спаситель видѣлъ, что большая часть людей заплатитъ Ему за эти страданія неблагодарностію, большая часть не воспользуется ими, многіе и по увѣрованіи въ Него будутъ измѣнять Ему, вторично распинать Его. Такъ вотъ откуда еще эта предсмертная тоска и ужасъ въ Безгрѣшномъ.

Спаситель нашъ въ молитвѣ ищетъ подкрѣпленія, и утѣшенія, и ободренія Себя. Бѣдный грѣшникъ, какъ же тебѣ обойтись безъ молитвы? Въ минуты трудныя жизни, что подкрѣпить тебя, какъ не молитва? Въ минуты унынія, тоски, недовольства собою, даже жизнію, въ болѣзни, нуждѣ, гоненіи отъ враговъ, отъ напрасныхъ обидъ—какое сильное средство молитва! О, люби молитву: безъ молитвы ты всегда будешь одинокимъ, безъ нея ты легко падешь и среди невеликаго горя. Безъ молитвы ты—жалкое созданіе. А въ минуты предсмертныя? О, послѣдній остатокъ силъ своихъ собери въ это время для молитвы, хватайся за молитву, какъ за спасительный якорь, въ ней найди уладу тоскующей душѣ твоей, съ нею перейди въ тотъ міръ, гдѣ одно занятіе — молитва. Трудно въ это время молиться? Но вотъ не такъ давно умершій святитель воронежскій Антоній два часа предъ самою

смертію провелъ въ молитвѣ. Святитель Димитрій Ростовскій, старецъ Серафимъ Воронежскій такъ и умерли на молитвѣ. Видно всегда можно молиться, много значить молитва.

Богочеловѣкъ молится,—но какъ еще Онъ молится? Онъ въ молитвѣ просить, чтобы Отецъ небесный избавилъ Его отъ смертельной тоски и предстоящихъ страданій, но избавилъ подѣ условіемъ, *еще возможно*. И потомъ исполненіе своей молитвы всецѣло отдаетъ на волю Отца небеснаго: впрочемъ *не Моя, а Твоя воля да будетъ*. Какой высокій примѣръ молитвы! Сколько здѣсь преданности волѣ Отца небеснаго! Молись такъ и каждый изъ насъ. Будемъ молиться о избавленіи отъ тѣхъ или другихъ золь и напастей, будемъ молиться, но не дерзнемъ требовать непремѣннаго исполненія нашей молитвы и не будемъ огорчаться, если Господь не исполнитъ ее. Дадимъ волѣ Всевышняго совершить надъ нами то, что она находитъ нужнымъ для насъ. По волѣ Божіей посылаются на насъ скорби; иногда продлить эти скорби необходимо для нашего исправленія, очищенія, для смиренія нашей гордости, для отвращенія нашего сердца отъ земнаго. Посему когда молимся, будемъ желать чтобы наше желаніе по нашей молитвѣ Господь исполнилъ тогда, когда это будетъ полезно намъ, поможетъ нашему спасенію. Во всякомъ случаѣ будемъ молиться, будемъ просить о томъ или другомъ,—но въ тоже время зывать: *да будетъ воля Твоя*. Будемъ молиться въ духѣ Христовомъ,—и мы успокоимся, утѣшимся, хотя бы и не совершилось по нашему желанію.

Достопримѣчательнъ и внѣшній видъ молящагося Богочеловѣка. *И былъ потъ Его, какъ капли крови. И преклонь колына, помолился. Падъ на лице свое молящеся*. Самъ Богъ, Сынъ Божій, во всемъ равный Богу Отцу, преклоняетъ колына, всѣмъ тѣломъ своимъ святѣйшимъ распростирается по землѣ, унижается до сравненія себя съ прахомъ земнымъ. Какъ же послѣ этого намъ людямъ грѣшнымъ не повергаться предъ Его величіемъ долу,—не дѣлать частыхъ поклоненій до земли? Тѣ, которые по гордости ли, по лѣнности ли, по другимъ ли непохвальнымъ причинамъ не желали бы дѣлать по-

клоненій до земли, пусть устыдятся примѣра Богочеловѣка и смирятся предъ Богомъ, и научатся, какъ нужно молиться. Есть люди, которые говорятъ, что они молятся духомъ. Но вотъ доказательство того, что нужно и въ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ выражать молитвенное настроеніе души. Примѣръ этотъ подаетъ самъ Богочеловѣкъ. Да и какъ же иначе? Душа наша такъ тѣсно соединена съ тѣломъ, что все совершающееся въ душѣ выражается непременно и въ тѣлѣ. Истинно молящійся молится и душою и тѣломъ.

Но довольно о молитвѣ. Возвратимся къ душевно страдающему Спасителю нашему. Окончивши молитву въ саду Геосиманскомъ, извѣстивши учениковъ о скоромъ наступленіи своихъ страданій и приближеніи предателя, Спаситель пошелъ съ ними вонъ изъ сада. Предреченіе Спасителя исполнилось. Въ это время дѣйствительно въ саду показалась толпа людей. Это были слуги архіерейскіе, воины римскіе, вооруженные мечами и дреколями съ фонарями и факелами, по случаю ночнаго времени. Впереди шелъ Іуда, а позади сами члены синагога. Что же нужно было этой толпѣ? Нужно было взять кротчайшаго всѣхъ сыновъ человѣческихъ—Исуса. Іуда далъ имъ знакъ: «кого я поцѣлую, того и берите». И вотъ Іуда, встрѣтившись со Христомъ, сказалъ: «здравствуй, Равви!» и поцѣловалъ Его. Іуда показывалъ видъ, что онъ сейчасъ только воротился изъ города, куда ходилъ для покупки нѣкоторыхъ вещей для праздника. Онъ хотѣлъ скрыть отъ Всевѣдущаго свой замысль, но скоро былъ обличенъ Христомъ. *Другъ, какъ ты здѣсь?* то-есть какъ это ты очутился вмѣсто общества учениковъ Моихъ въ обществѣ враговъ? И потомъ еще яснѣе: *Другъ, лобзаніемъ ли ты предаешь Сына человѣческаго?* Удивительная кротость! Другомъ называетъ измѣнника, врага своего, предателя своего, какъбы этимъ желая послѣдній разъ тронуть его, заставить сознать всю гнусность поступка своего. Но душа Іуды ожесточилась въ злобѣ, не способна была почувствовать всю горячность любви Иисусовой, какъ и прежде не чувствовала ее. Такъ закоснѣвшій во злѣ сынъ не взираетъ ни на какія мольбы,

убѣжденія своего отца и матери, забываетъ все добро, дѣланное ими, и остается неисправимъ.—Иуда отстранился, а Христось очутился предъ лицомъ толпы, какъ будто чего-то ждавшей. *Кого вы ищете?* спросилъ Христось. *Иисуса Назорея*, отвѣчали слуги и воины. *Это я*, говоритъ имъ Христось. Такъ самъ теперь отдается Тотъ, Который прежде такъ часто уклонялся отъ враговъ. Но тогда еще не пришелъ часъ Его, а теперь этотъ часъ наступилъ. Какъ однажды подѣйствовалъ отвѣтъ Его: *это Я?* Вся толпа отъ этихъ словъ пала на землю. Таково могущество словъ Его. Не говорилъ ли Онъ этимъ, что если Онъ предается имъ, то по своей доброй волѣ, а не потому, что не могъ избѣжать отъ ихъ насилія,—и что Онъ не въ ихъ власти, а они въ Его рукахъ? Когда слуги и воины опомнились и встали, Спаситель опять спрашиваетъ ихъ: *кого вы ищете?* Они опять отвѣчали, что Иисуса Назорея. *Если Меня ищете, оставьте ихъ, пусть идутъ*, говорилъ Христось, указывая на учениковъ. Да, Онъ, теперь уже не о Себѣ думалъ. Его участь рѣшена. Онъ думалъ объ ученикахъ. Онъ зналъ, что они теперь еще не способны переносить страданія за Него, потому что еще не получили Духа Святаго, — да имъ еще предстояли подвиги, труды евангельской проповѣди,—потому и повелѣваетъ не трогать ихъ. Но странное дѣло: и ученики какъбы забыли, съ Кѣмъ они, какъбы забыли о всемогуществѣ Учителя своего и вздумали защищаться. *Не ударитъ ли мечемъ?* сказали они Христу, увидавши себя и Его въ опасности. А Петръ, не дождавшись отвѣта, вынулъ изъ ноженъ мечъ и отсѣкъ имъ ухо одного раба, по имени Малха. Неразумный поступокъ! Не въ духѣ Христовомъ поступокъ! Когда это Христось училъ за зло мстить зломъ? Не училъ ли Онъ противному? *Когда ударятъ тебя въ ланиту, поставь ему и другую.* Особенно въ такія минуты подобный поступокъ былъ вовсе неумѣстенъ, и Спаситель его не одобрилъ. *Вложи мечъ твой въ ножны*, сказалъ Онъ. *Всѣ сражающіеся мечемъ, мечемъ и погибнутъ*, какъбы указуя этимъ на будущую несчастную участь Иудейскаго народа, имѣющаго вскорѣ много претер-

пѣть отъ меча Римлянъ. *Или ты думаешь*, продолжалъ Христосъ говорить Петру, *что Я не могу умолить Отца, чтобы Онъ послалъ мнѣ болѣе 12 легионовъ ангеловъ? Но тогда какъ же сбудется писаніе? То-есть, какъ тогда совершится то, за чѣмъ Я пришелъ? Какъ Я пострадаю и умру за грѣхи людскіе? Какъ тогда спасется родъ человѣческій отъ вѣчныхъ мученій? Послѣ этого прикоснулся къ уху Малха и исцѣлилъ его. Ученики поняли, что имъ оставаться больше съ Учителемъ нельзя, и всѣ, кромѣ Петра и Иоанна, разбѣжались. Не оставилъ безъ вниманія Спаситель при этомъ первосвященниковъ и книжниковъ, которые скрывались за толпою. *Какъ будто на разбойника выжили вы съ мечами и дреколіями*, сказалъ Онъ имъ. *Каждый день бывалъ Я съ вами въ храмъ, и это предъ своими страданіями,—и вы не брали Меня. Но теперь ваше время и власть тьмы*, то-есть теперь настало для васъ время дѣлать, что хотите. И не замедлили сдѣлать. Они связали Христа и повели Его. Итакъ связанъ Тотъ, Кто держитъ въ своихъ рукахъ всю тварь, Кто даетъ всѣмъ жизнь, Кто силенъ не только тѣло предать смерти, но и душу смерти вѣчной.*

Остановимся на поступкѣ Іуды. Какихъ благъ, какихъ знаковъ любви не видалъ Іуда отъ Господа-Учителя? Онъ былъ причисленъ къ лику самыхъ близкихъ учениковъ Его—двѣнадцати; онъ три года былъ свидѣтелемъ Его безчисленныхъ чудесъ, Его непримѣрно святой жизни, три года слышалъ Его божественное ученіе, былъ одаренъ отъ Господа и самъ даромъ чудотворенія, былъ допущенъ на тайную вечерю, гдѣ вмѣстѣ съ прочими Апостолами Спаситель умылъ ему ноги. И чѣмъ же заплатилъ Ему за все это? Измѣною и самымъ позорнымъ предательствомъ. Какая неблагодарность можетъ быть выше сей неблагодарности? Но и нынѣ нѣтъ ли такихъ, которые уподобляются подѣ-часъ этому невѣрному ученику Христову? Нѣтъ ли такихъ, къ которымъ и теперь говорить Господь словами, сказанными Іудѣ? «Друзья Мои, какъ это, вы—Мои ученики, явились въ сообществѣ людей, давно отвергшихся Меня, вмѣсто того, чтобы соединиться вмѣстѣ

съ Моими вѣрными послѣдователями въ храмѣ на молитвѣ? Какъ это вы сидите за трапезою чревоугодниковъ, когда бы нужно вамъ спѣшить и готовиться къ той трапезѣ, къ которой Я всѣхъ призываю, то-есть къ вкушенію Тѣла и Крови Моей? Какъ это вы, оставивши Меня, столько васъ возлюбившаго, перешли на сторону враговъ вѣры и нравственности — соблазнительей и губителей христіанскихъ душъ?—Да, съ словами, обращенными къ Іудѣ, обращается Христосъ и нынѣ ко всякой, измѣнившей Ему, душѣ. Грѣшникъ! устыдись своего неразумія, перестань за любовь Христа платить Ему измѣною, разлюби грѣхъ, перейди на сторону Христа. Отдай Ему свое сердце. Онъ милосердъ, Онъ приметъ тебя, только чистосердечно покайся. Онъ принялъ бы, простилъ бы и Іуду, еслибы онъ самъ добровольно не захотѣлъ лучше остаться вдали отъ Христа.

Остановимся еще на словахъ, сказанныхъ Христомъ апостолу Петру, отсѣвшему мечемъ ухо Малха. Спаситель сказалъ: *возврати мечъ твой въ его мѣсто. Всѣ сражающіеся мечемъ отъ меча погибнутъ.* Какъ это наставленіе Спасителя нужно помнить тѣмъ, которые за брань отвѣчаютъ бранью, за обиду обидою! Какъ это нужно помнить людямъ злобнымъ, цѣлые мѣсяцы, годы помнящимъ зло на другихъ! Несчастные такіе люди! Отъ своей злобы они и постраждутъ. За ихъ злость Господь не приметъ ни молитвы ихъ, ни поста, ни милостыни, ни другихъ добродѣтелей—не приметъ за то, что они не имѣютъ самаго главнаго—любви къ ближнему.

Но обратимся еще разъ къ нашему Спасителю. Отъ единого слова Его: *это Я*, все, пришедшее за Спасителемъ, сборище падаетъ на землю. Какъ же великъ, могущественъ нашъ Спаситель въ самомъ уничиженіи своемъ! Вотъ мы часто скорбимъ, что вѣра упадетъ, невѣріе распространяется, враги Церкви Христовой умножаются. Но зачѣмъ же мы забываемъ о всемогуществѣ Главы Церкви—Спасителя? Если то нужно, ужели Онъ не возможетъ въ одинъ моментъ уничтожить всѣ замыслы враговъ вѣры своей? Ежели допускаетъ, стало-быть этому есть причины высшія, кроющіяся въ глубинѣ судебъ

Его. Все равно,—какая была причина, по которой Онъ самъ, Основатель Церкви своей, отдалъ Себя въ руки враговъ, которые связали Его, какъ преступника?—Да, и нынѣ допускается иногда власть тьмы для того, чтобы ясно видно было, кто на сторонѣ Христа, и кто на сторонѣ враговъ, чтобы грѣхъ не прикрывался ложнымъ благочестіемъ, чтобы добродѣтель больше имѣла случаевъ проявлять себя.

Но Христось связанъ: Его ведутъ войны и слуги архіерейскіе первоначально къ первосвященнику Аннѣ, который былъ тестъ Каіафѣ. Анна былъ отставной первосвященникъ, и несмотря однакожь на то, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и большое имѣлъ вліяніе на ходъ дѣлъ Синедріона. Синедріономъ же называлось верховное судилище іудейское изъ 70 членовъ, которые завѣдывали дѣлами, касающимися вѣры. Дѣло Христа Спасителя Анну особенно занимало и въ ненависти къ Христу онъ не уступалъ, если только не превосходилъ и настоящаго первосвященника Каіафу. Итакъ Спаситель на судѣ. Судія всѣхъ судится самъ отъ нечестивыхъ людей. Анна начинаетъ дѣлать допросъ Христу, начинаетъ спрашивать, кто ученики Его и сколько ихъ, и въ чемъ состоитъ ученіе Его. Зачѣмъ это нужно было Аннѣ? Словно хотѣлось ему безпристрастно оцѣнить это ученіе, узнать духъ его, чтобы и самому сдѣлаться послѣдователемъ Его. Нѣтъ, Аннѣ нужно было другое—въ словахъ Христовыхъ найти поводъ къ обвиненію, что Христось проповѣдывалъ новое, противное закону Моисееву, ученіе и за то признать Его достойнымъ смерти. Правда, ученіе Христа было высокое, неслыханное, божественное, небесное ученіе. Но это ученіе нисколько не противорѣчило закону, данному Богомъ на горѣ Синаѣ Моисею, а возвышало, усовершенствовало, уясняло его. Все это конечно зналъ и Анна, знали и всѣ, слышавшіе Его ученіе; посему Христось и отвѣчалъ Аннѣ такъ: «Я говорилъ явно міру, Я всегда училъ въ синагогѣ, въ храмѣ, гдѣ всегда іудеи сходятся, и тайно не говорилъ ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавшихъ, что Я говорилъ». Христось какъбы такъ сказалъ: «у Меня тайныхъ

сборищъ не было никогда. Я проповѣдывалъ истину, а истина свѣта не боится, распространять ее какими-нибудь низкими недостойными путями нѣтъ нужды. Это свойственно одной лжи, потому Я проповѣдывалъ открыто». Съ достоинствомъ сказано! Но такой отвѣтъ показался дерзостію одному слугѣ; и что же онъ дѣлаетъ? Онъ дерзнулъ ударить Христа по щекамъ, сказавъ: *такъ ли Ты отвѣчаешь первосвященнику?* Итакъ Святѣйшій и Безгрѣшный принимаетъ бѣіеніе отъ руки нечестиваго слуги. Не могъ ли Онъ въ одно мгновеніе обратить въ ничтожество сего дерзкаго? Но Онъ кроткій и милосердый еще удостоиваетъ вразумленія его. *Если Я сказалъ худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бѣишь Меня*,—такъ Спаситель обличилъ неразумную ревность слуги по своему господинѣ и это обличеніе со стороны Господа неправеднаго оскорбленія было, можно сказать, первымъ и послѣднимъ. Послѣ уже не услышимъ отъ Него ни одного слова на всѣ обиды и оскорбленія.—Такъ кончился судъ надъ Христомъ у первосвященника Анны! Анна связаннаго Иисуса Христа отправилъ къ настоящему первосвященнику, предсѣдательствовавшему въ синедрионѣ—Каіаѳѣ. Посмотримъ, не лучше ли, не справедливѣе ли будетъ судъ у Каіаѳы.

У Каіаѳы собрались члены синедриона. Была полночь. Но злоба и ненависть видно и ночью не знаютъ себѣ покоя. Законъ запрещалъ синедриону собираться ночью и въ домѣ чьемъ бы то ни было. Онъ долженъ былъ собираться днемъ и непременно въ храмѣ. Но дѣло о Христѣ нужно было кончить непременно къ празднику Пасхи, а до него оставался только одинъ день. Время ли было судьямъ справляться съ закономъ? Но по крайней мѣрѣ какая цѣль у этого незаконнаго сборища? Можетъ-быть синедрионъ хотѣлъ скорѣе разсмотрѣть дѣло о Христѣ съ тѣмъ, чтобы, если Онъ окажется невиннымъ, скорѣе отпустить Его, вмѣсто мытарствъ надъ Нимъ? Нѣтъ, не эта была цѣль у членовъ синедриона. Не разбирать дѣло безпристрастно собрались они,—они Христа еще до суда надъ Нимъ обрекли на смерть,—съ тѣмъ они Его взяли, съ тѣмъ и привели Его на судилище. Нѣтъ, имъ

нужно было теперь этому рѣшенію придать видъ законности, чтобы оправдать себя предъ народомъ, уважавшимъ Христа; имъ теперь нужно только отыскать вины, по которымъ Онъ былъ бы достоинъ смерти. Вотъ съ какимъ намѣреніемъ собрался синедрионъ, и вотъ къ какимъ судьямъ приведенъ теперь связанный Христосъ. Каковы судьи, таковы и судъ. Каковы намѣренія, таково и самое дѣло. Первосвященники стали искать лжесвидѣтельства на Иисуса, чтобы можно было по немъ предать Его смерти. Лжесвидѣтелей нашлось много, такъ какъ за деньги, за разныя обѣщанія, и всегда находятся люди продажныя, способные жертвовать и совѣстью и всѣмъ священнымъ. Но ихъ показанія противъ Иисуса были недостаточны, чтобы по нимъ осудить Его на смерть. Жизнь нашего Спасителя была такъ чиста, свята, безукоризненна, что ни злоба, ни злонамѣренность не могли указать ни тѣни чего-нибудь противозаконнаго. Но вотъ нашлись два лжесвидѣтеля, которые утверждали, будто Христосъ говорилъ о храмѣ такъ: *Я разорю храмъ сей рукотворенный и въ три дня воздвигну другой нерукотворенный*. Лжесвидѣтельство въ полномъ смыслѣ, потому что Христосъ такъ не говорилъ. Онъ говорилъ другое и говорилъ вовсе не о храмѣ вещественномъ—Иерусалимскомъ, а о храмѣ тѣла своего. Онъ говорилъ іудеямъ: *разрушите вы сей храмъ, а не самъ обѣщавшійся разрушить*. Какъ бы то ни было, только и этого было мало для того, чтобы синедриону имѣть вѣрный успѣхъ въ достиженіи своего злаго намѣренія. Оставалось одно: изъ устъ самого Христа услышать что-нибудь къ обвиненію Его. И вотъ первосвященникъ встаетъ съ своего мѣста, становится посреди собранія и говоритъ Христу: *что же Ты ничего не отвѣчаешь? Видишь, сколько они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?* Иисусъ продолжалъ молчать. И что было говорить, когда и безъ Его словъ въ свою защиту ложь была очевидна? Молчаніе Христа волновало, выводило изъ терпѣнія Каіаѳу. Въ досадѣ, въ злобѣ онъ наконецъ именовемъ Божіимъ хочетъ заставить Его говорить: *заклинаю Тебя Богомъ живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ Сынъ Благословеннаго?* Вотъ чего хотѣлось

Каіаеѣ, и желаніе его исполнилось. Христось отвѣтилъ ему: *ты сказалъ, это Я. Даже открылъ больше,—сказалъ о славѣ, которая ожидаетъ Его, какъ Богочеловѣка, во всемъ равнаго Отцу. Даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына человѣческаго, сѣдѣщаго одесную славы и грядущаго на облакахъ небесныхъ, то-есть Меня, нынѣ такъ униженнаго, смиреннаго; вами судимаго, увидите нѣкогда во славѣ Бога-Судіи. Это было сказано къ вразумленію и устрашенію синаедріона. Но слова Христовы возбудили въ судіяхъ одно злорадство. Имъ этого-то только и нужно было. И вотъ первосвященникъ подаетъ видъ, будто въ этихъ словахъ видитъ оскорбленіе величія Божія, такъ какъ всякій, называющій себя равнымъ Богу, произноситъ хулу на Бога,—и въ мнимой ревности о славѣ Божіей онъ раздираетъ одежды свои и говоритъ: *Онъ богохульствуетъ, на что еще намъ свидѣтелей? Вотъ теперь вы сами слышали богохульство Его. Какъ вамъ кажется?* Въ отвѣтъ на эти слова всѣ признали Христа достойнымъ смерти. Послѣ этого Христа взяли слуги архіерейскіе, а члены синаедріона разошлись.—Такова злоба людская! Осуждаютъ на смерть за признаніе Себя Сыномъ Божіимъ, а не обратятъ вниманіе на то, самовольно ли Онъ призналъ Себя таковымъ. Вся жизнь Его, всѣ дѣла Его не свидѣтельствовали ли о Немъ, что Онъ никто другой, а именно Сынъ Божій? Какую противоположность съэтимъ нечестивымъ судилищемъ представляетъ Христось! Тогда какъ судіи волнуются, какъ спокоенъ какъ величественъ въ самомъ униженіи Христось! Онъ то молчитъ, то спокойно признаетъ себя Сыномъ Божіимъ, спокойно говоритъ о имѣющемъ изумить всѣхъ, Его будущемъ величіи, сѣдѣнн одесную Отца, и второмъ пришествіи для суда надъ міромъ. Отъ чего это? Отъ признанія своей невинности, отъ спокойствія совѣсти.*

Позаботимся и мы о чистотѣ своей совѣсти. Въ отношеніи къ ближнимъ своимъ будемъ вести себя такъ, чтобы совѣсть ни въ чемъ не упрекала насъ; будемъ воздавать всѣмъ должное и всѣмъ платить ни чѣмъ болѣе, какъ только любовію. И тогда нечего намъ бояться. Пусть никто не оцѣнитъ нашей

честности и благонамѣренности, пусть подымутся противъ насъ тысячи злыхъ языковъ, пусть весь свѣтъ возстанетъ на насъ, мы одинаково будемъ спокойны среди всѣхъ насмѣшекъ, оскорбленій. Это спокойствіе даетъ сознаніе своей правоты въ отношеніи къ ближнимъ. Но паче всего Богу будемъ угождать, Его волю творить, какъ и Спаситель нашъ жилъ и дѣйствовалъ; за вѣру, за правду будемъ стоять паче всего, за нихъ будемъ готовы на всѣ оскорбленія, лишенія и самую смерть. Суда людей не убоимся,—будетъ другой судъ, судъ Божій, на которомъ каждому воздастся по дѣламъ его. Этому суда будемъ трепетать, къ нему будемъ готовиться, чтобы на немъ Господь помиловалъ насъ.

Свящ. П. Шумовъ.

САУЛЪ.

ИЗЪ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЙ ПО ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

Послѣднимъ судіею былъ, ~~какъ вы, братіе, припомните~~, пророкъ Самуиль а). Онъ побѣдилъ Филистимлянъ, самыхъ сильныхъ враговъ Израильскаго народа, и даже отнялъ у нихъ завоеванные ими города. Подъ его мудрымъ управленіемъ народъ наслаждался миромъ и благоденствіемъ. Но когда онъ состарѣлся, дѣла пошли иначе: сыновья его, которымъ онъ поручилъ управленіе, стали нарушать правосудіе. Между тѣмъ Филистимляне до того забрали силу, что не позволяли Израильтянамъ имѣть свои кузницы, чтобы они не могли выдѣлывать для себя оружіе, и для приобрѣтенія земледѣльческихъ орудій Израильтяне принуждены были обращаться къ Филистимлянамъ. Въ народѣ возникло недовольство, которое наконецъ до того дошло, что старѣйшины собрались къ Самуилу и потребовали, чтобы онъ поставилъ имъ царя. Самуиль былъ пораженъ этимъ требованіемъ,—и справедливо. Требованіе было ~~и странно~~ и дерзко: ~~странно, потому что~~, требуя царя, народъ добровольно отказывается отъ свободы и возлагаетъ на себя иго, котораго не зналъ доселѣ, иго деспотизма, ~~своевѣннаго восточнаго царя~~; дерзко потому, что Царемъ его былъ самъ Іегова, которому принадлежала и вся земля, и самъ народъ, почему и назывался *народъ Божій*,—и отъ котораго непосредственно исходили всѣ законы. Теперь, вмѣсто того, чтобы требовать исправленія безпорядковъ

а) „Душенолезное Чтеніе“ 1886, октябрь.

и смѣны недостойныхъ правителей, онъ самъ распоряжается своею судьбою и такъ сказать низводитъ съ престола Іегову. Это было настоящее возмущеніе. Справедливо оскорбленный, Самуиль, не давъ старѣйшинамъ никакого отвѣта, обратился къ Богу. Несмотря на то, что требованіемъ народа самъ Богъ былъ оскорбленъ, Онъ повелѣлъ Самуилу уступить народу, объяснить ему предварительно, какъ велика власть царя и что, разъ подчинившись этой власти, онъ уже не властенъ будетъ сбросить ее. Несмотря на эти справедливыя представленія, народъ остался при своемъ. Самуиль сталъ ожидать, кого Богъ изберетъ въ цари.

Вскорѣ къ нему пришелъ одинъ челоуѣкъ по имени Саулъ, изъ колѣна Веніамина, спросить, гдѣ ему найти пропавшихъ у него ословъ. Получивъ откровеніе, пророкъ помазалъ его на царство и, въ доказательство избранія Божія, сказалъ ему, гдѣ онъ найдетъ своихъ ословъ, и что встрѣтитъ онъ ликъ пророковъ и самъ исполнится Духа Божія.

Все случилось такъ, какъ сказалъ пророкъ. У Саула однако не закружилась голова отъ такой перемѣны въ его судьбѣ: ничего никому не сказавъ, онъ возвратился къ своимъ сельскимъ занятіямъ.

Между тѣмъ Самуиль собралъ народъ для торжественнаго избранія царя. Когда кинули жребій, то жребій палъ на Саула. Когда онъ представился народу, народъ, пораженный его красотою и величественнымъ ростомъ, въ восторгѣ воскликнулъ: «да здравствуетъ царь!»

Однако нашлись люди, которые были недовольны тѣмъ, что въ цари избранъ былъ челоуѣкъ не знатнаго рода и изъ самаго незначительнаго колѣна:—произошло раздѣленіе въ народѣ. Саулъ какъ будто ничего не замѣтилъ и съ немногими, принявшими его сторону, удалился въ свое колѣно и попрежнему принялся за свой земледѣльческій трудъ, ожидая, чтобы Богъ, избравшій его, самъ утвердилъ его на царствѣ.

Вскорѣ онъ доказалъ, что не по недостатку ^{силъ} ~~энергии~~ онъ не началъ борьбы изъ-за престола, а по рѣдкому благоразумію,

самообладанію и довѣрію къ Промыслу. Вотъ какъ это открылось. Аммонитскій царь осадилъ одинъ израильскій городокъ Іависъ. Доведенные до крайности, жители изъявили покорность; но онъ обѣщаль имъ пощаду, только подъ условіемъ выколоть каждому изъ нихъ правый глазъ. Несчастные жители просили недѣлю сроку, чтобы послать пословъ за помощію. Царь аммонитскій такъ былъ увѣренъ въ безсиліи Израильскаго народа, что охотно согласился дать отсрочку. Когда послы Іависа пришли въ городъ Сауловъ, тамъ поднялся всеобщій плачь. Узнавъ о причинѣ его, Сауль, возвращавшійся съ поля, закипѣлъ гнѣвомъ и, разсѣкши на части пару воловъ своихъ, разослалъ куски во все концы съ объявленіемъ, что такъ же будетъ поступлено съ волами того, кто не пойдетъ за Сауломъ и Самуиломъ. Этотъ рѣшительный голосъ новоизбраннаго царя имѣлъ поразительное дѣйствіе: собрались значительныя силы, и непріятель былъ разбитъ, а Іависъ спасенъ. Народъ, восхищенный геройскимъ подвигомъ царя, потребовалъ смерти тѣхъ, кои не хотѣли имѣть его царемъ; но великодушный царь Сауль заступился за своихъ враговъ. «Никто, сказалъ онъ,—не долженъ погибнуть теперь, когда Господь даровалъ намъ спасеніе!».

Таковъ былъ царь, дарованный Богомъ своему народу: скромный, полный самообладанія, рѣшительный и отважный воинъ и—великодушный. Можно ли было предвидѣть, что вскорѣ онъ растеряетъ эти благородныя качества и—превратится въ тирана.

На второй годъ его царствованія началась война съ Филистимлянами. Филистимляне съ значительными силами вторглись въ предѣлы израильскіе; народъ бросалъ свои жилища и укрывался въ пещеры и ущелья горъ. Сауль, собравъ небольшія силы, готовился выступить противъ непріятеля, но долженъ былъ ждать Самуила. 6 дней онъ напрасно ждалъ его; воины, приписывая это замедленіе нерѣшимости царя, впали въ уныніе и начали разбѣгаться. Сауль, считая неблагоприятнымъ медлить долѣе, на седьмой день, не дождавшись Самуила, самъ безъ священника принесъ жертву. Едва

успѣлъ онъ окончить жертвоприношеніе, какъ явился Самуиль и сдѣлалъ царю строгій выговоръ за то, что онъ не довольно имѣлъ довѣрія къ Промыслу и нарушилъ законъ, принявъ на себя не принадлежащее ему право священника. За это онъ грозилъ Саулу лишеніемъ царства, впрочемъ проводилъ его въ походъ. Война кончилась удачно, благодаря геройству сына Саулова Ионаана.

Послѣ того, какъ Сауль укрѣпилъ свое царство еще нѣсколькими побѣдами надъ Филистимлянами и другими сосѣдними народами, Богъ повелѣлъ ему чрезъ Самуила исполнить завѣтъ, данный еще Моисею, объ истребленіи Амаликитянъ, которые, какъ вы помните, въ началѣ странствованія Израильтянъ вѣроломно напали на заднюю часть ихъ стана. Сауль истребилъ Амаликитянъ, но, вопреки повелѣнію Божію, пощадилъ ихъ царя и сберегъ стада. Когда онъ возвратился изъ похода, явился Самуиль и объявилъ ему уже положительно, что Господь отвергаетъ его также, какъ онъ отвергъ повелѣніе Божіе. Напрасно Сауль оправдывался тѣмъ, что онъ сохранилъ стада для жертвоприношенія. «Послушаніе, возразилъ Самуиль,—важнѣе всѣхъ жертвъ», и собирался уйти; но Сауль такъ крѣпко ухватился за его платье, умоляя остаться и сдѣлать ему честь въ глазахъ войска, что оторвалъ у него полу. «Такъ Господь отторгнетъ у тебя царство, сказалъ Самуиль,—и отдастъ твоему ближнему». Впрочемъ остался и совершилъ съ нимъ молитву.

Съ этого времени характеръ Саула совершенно измѣняется. Отверженный Господомъ и угрожаемый лишеніемъ престола, онъ становится подозрительнымъ; съ тревогою высматриваетъ, стараясь угадать, кто будетъ его преемникомъ; мрачное уныніе и тоска овладѣваетъ имъ. Духъ Божій оставляетъ его и онъ дѣлается добычею злаго духа. Онъ сталъ впадать въ бѣшенство; ему присовѣтовали пользоваться для успокоенія музыкою и указали на юнаго Давида, сына Іессеева, изъ колѣна Іудина, какъ на отличнаго музыканта. (Этотъ юноша уже былъ тайно помазанъ Самуиломъ на царство, по повелѣнію Божію.) Ничего не подозрѣвая, Сауль вызываетъ юношу ко

двору. Когда бѣшенство овладѣвало Сауломъ, Давидъ игралъ предъ нимъ и онъ успокоивался. За это онъ сильно полюбилъ прекраснаго юношу.

Вскорѣ Богъ сдѣлалъ Давида и любимцемъ народа. Началась война съ Филистимлянами. Отправляясь въ походъ, Саулъ отпустилъ Давида домой. Однажды отецъ послалъ его въ станъ провѣдать старшихъ братьевъ, находившихся въ войскѣ, и доставить имъ съѣстные припасы. Когда онъ пришелъ въ станъ, то вотъ какое зрѣлище представилось ему: на равнинѣ, раздѣлявшей враждебныя войска, стоитъ Филистимлянинъ-исполинь 4¼ аршинъ, и поноситъ Израильтянъ и Ягову за то, что никто изъ Израильтянъ не рѣшается вступить съ нимъ въ единоборство. Закипѣло сердце юноши и онъ рѣшился вступить за честь Яговы и Израйля и сразиться съ исполиномъ. ~~Выбравъ нѣсколько валуновъ~~ на землѣ гладкихъ камней, онъ безъ всякаго оружія съ одною пращею, вышелъ на бой съ страшнымъ исполиномъ, вооруженнымъ съ головы до ногъ. Увидя юношу обыкновеннаго роста и безо всякаго оружія, кромѣ пращи, Голиаѳъ—такъ звали исполина—началъ издѣваться надъ нимъ: «развѣ я собака, что ты идешь на меня съ палкою? Вотъ я убью тебя и отдамъ твое тѣло на сѣдѣніе звѣрямъ и птицамъ». — «Ты идешь на меня съ мечемъ, копьемъ и щитомъ, сказалъ Давидъ, — а я иду на тебя во имя Бога Израйлева, котораго ты поносишь, и Богъ предастъ тебя въ мои руки»; и, когда Голиаѳъ устремился на него, онъ вложилъ камень въ пращу и такъ мѣтко пустилъ его, что попалъ въ лобъ; ~~прямо подъ шлемъ~~. Ударъ былъ такъ силенъ, ~~что~~ исполинь безъ чувствъ рухнулъ на земь; Давидъ подбѣжалъ и собственнымъ его мечемъ отсѣкъ ему голову. Увидя смерть своего богатыря, Филистимляне обратились въ бѣгство, а Израильтяне съ радостнымъ крикомъ кинулись ихъ преслѣдовать.

Такъ, благодаря мужеству Давида, была одержана рѣшительная побѣда. Встрѣчая побѣдителей, израильтянки въ пѣсняхъ своихъ поставили Давида выше Саула. «Саулъ побѣдилъ тысячи, пѣли онъ,—а Давидъ десятки тысячъ!» Съ

этой минуты въ душѣ Саула зашевелилась зависть къ Давиду. Онъ не только не выдалъ за него свою дочь, которую обѣщаль побѣдителю Голіаѳа, но еще сталъ искать его смерти. Не разъ подъ видомъ припадка кидаль въ него копье во время его игры. Узнавъ, что Давида любить другая дочь его, Мелхола, онъ даваль ему опасныя порученія, обѣщая выдать ее за него. Съ помощію Божіею, Давидъ удачно исполняль эти порученія, такъ что наконецъ Саулу совѣстно стало обманывать его долѣе, и Мелхола стала его женою. Но родство съ царемъ не только не доставило ему безопасности, но еще усилило ненависть къ нему царя. Саулъ пересталъ даже скрывать свою ненависть къ нему и открыто предлагаль придворнымъ и сыну своему Іонаѳану убить его; посылаль воиновъ схватить его въ домѣ, дерзнулъ было даже самъ идти въ домъ Самуила, чтобы захватить скрывающагося у него Давида, и только уваженіе къ пророку удержало его отъ насилія. Всѣ эти неудачныя попытки погубить Давида до того раздражили злобу Саула, что онъ однажды бросиль копье въ Іонаѳана, пробовавшаго было защищать друга своего Давида. Послѣ этого не оставалось сомнѣнія, что Саулъ питаетъ непримиримую ненависть къ Давиду. Одинъ человекъ, который могъ еще оказать нѣкоторую защиту Давиду, Самуиль—умеръ; надо было бѣжать изъ отечества. Іонаѳанъ со слезами простился съ Давидомъ и, клянясь ему въ неизмѣнной дружбѣ, обнадеживаль его въ помощи Божіей и говорилъ: «Ты будешь царемъ, а я буду первымъ по тебѣ». Оставляя отечество, Давидъ по дорогѣ зашелъ къ первосвященнику и, скрывая свои отношенія къ царю, просиль у него, подъ предлогомъ военнаго порученія отъ царя, свѣстныхъ припасовъ и меча. Первосвященникъ далъ ему мечъ Голіаѳа, хранившійся въ скииніи и, за неимѣніемъ припасовъ, хлѣбы предложенія. Узнавъ объ этомъ, Саулъ пришелъ въ такое бѣшенство, что страшно вымолвить: велѣль убить первосвященника и священниковъ; по для исполненія этого злодѣяства долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи иноплеменника.

Между тѣмъ Давидъ искаль убѣжища, котораго не могла

дать ему родина,—у враговъ, которымъ причинилъ столько зла,—у Филистимлянъ. Но тамъ едва не погибъ: его узнали и онъ спасся только тѣмъ, что притворился сумасшедшимъ. Куда же было теперь дѣться? Гдѣ искать спасенія? Пришлось опять воротиться въ отечество. И въ это страшное для него время, какъ олень преслѣдуемый охотниками, не находя нигдѣ убѣжища, Давидъ успѣлъ, такъ сказать на бѣгу, оказать помощь отечеству, не могшему защитить его. Узнавъ о нападеніи Филистимлянъ на одинъ городокъ роднаго ему колѣна Іудина, Давидъ съ кучкою, раздѣлявшихъ съ нимъ ненависть царя, родныхъ и друзей, отразилъ враговъ. Узнавъ объ этомъ, Саулъ спѣшилъ захватить Давида. Давидъ скрылся въ пустынѣ. Саулъ, преслѣдуя его по пятамъ, зашелъ ночевать въ одну пещеру, въ которой укрылся Давидъ съ своими товарищами,—и заснулъ. Давиду совѣтовали убить своего врага, но онъ не только самъ не поднялъ руки на помазанника Божія, но и другимъ не позволилъ, а только отрѣзалъ полу у его одежды. Когда на утро Саулъ удалился на значительное разстояніе, Давидъ, показывая ему отрѣзанную полу, жаловался на несправедливое гоненіе. Устыдился Саулъ и, повидимому, раскаялся, но не надолго. Вскорѣ онъ опять пустился преслѣдовать Давида и расположился однажды ночевать въ пустынѣ. Давидъ, скрывавшійся не подолку въ пещерѣ, прокрался съ племянникомъ въ станъ Сауловъ и взялъ копье, воткнутое въ землю въ головахъ Саула, и чашу; потомъ отойдя на значительное разстояніе, окликнулъ военачальника Саулова и упрекалъ его въ томъ, что онъ дурно охраняетъ царя. Услыхавъ голосъ Давида и увидавъ въ его рукахъ свое копье и чашу, Саулъ опять началъ раскаиваться и упрасивалъ Давида воротиться къ нему, обѣщая ему безопасность. Но могъ ли Давидъ довѣриться ему послѣ столькихъ опытовъ его ненависти и вѣроломства?

Это было послѣднее свиданіе Давида съ Сауломъ. Давидъ опять удалился въ Филистимскую землю и нашелъ убѣжище у одного изъ филистимскихъ царьковъ. Вскорѣ у Филистимлянъ началась война съ Сауломъ. Давиду предстояла страш-

ная необходимость обагрить руки въ крови своихъ, потому что его покровитель потребовалъ, чтобы онъ съ своими товарищами присоединился къ его войску. Въ счастію Давида филистимскіе вожди, не довѣрившіе ему, уговорили царя удалить его.

Филистимляне расположились на горахъ Гелвуйскихъ. Саулъ выступилъ противъ нихъ. Но это былъ уже не прежній Саулъ. Чувствуя, что Богъ оставилъ его, онъ волновался тайнымъ страхомъ, который еще усилился, когда Богъ, вопрошенный имъ, не далъ ему отвѣта. Но страхъ до того усилилъ въ немъ желаніе знать будущее, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ волшебству, которое прежде преслѣдовалъ. Отыскавъ одну волшебницу, онъ пришелъ къ ней переодѣтый и потребовалъ, чтобы она вызвала ему тѣнь Самуила. Желая обольстить суетвѣра, она начала свои волхванія, но вдругъ сама была поражена неожиданнымъ видѣніемъ: явилась тѣнь, въ которой Саулъ узналъ черты Самуила. На вопросъ Саула: какой будетъ исходъ завтрашней битвы? Тѣнь изрекла ему страшный приговоръ: «Завтра ты и сыновья твои будете со мною». Саул упалъ безъ чувствъ. На другой день произошло кровопролитное сраженіе. Израильтяне были разбиты, три сына Сауловы, въ томъ числѣ и Ионаѳанъ,—пали; самъ Саулъ, преслѣдуемый врагами, чтобы не отдаться имъ живымъ, палъ на свой мечъ. Филистимляне отсѣкли ему голову и положили ее въ храмъ своего бога Дагона, а тѣла его и его сыновей повѣсили на стѣнахъ одного города. Жители спасеннаго нѣкогда Сауломъ Іависа ночью сняли ихъ и предали честному погребенію. Давидъ почтилъ Саула и друга своего Ионаѳана трогательною пѣснію. «Какъ это пали сильные? съ горестнымъ изумленіемъ спрашиваетъ пѣвецъ.—Не говорите объ этомъ въ Геѣѣ и Аскалонѣ (города филистимскіе), чтобы не радовались филистимлянки. Горы Гелвуйскія! да не сходить на васъ ни роса, ни дождь, потому что на васъ поверженъ щитъ сильныхъ,—щитъ Сауловъ. Саулъ и Ионаѳанъ, достолюбезные и неразлучные въ жизни, неразлучны и въ смерти. Дочери Израиля! плачьте о Саулѣ, который доставлялъ вамъ возможность про-

водить жизнь въ довольствѣ и утѣхахъ. О, братъ мой Іонаанъ, въ которомъ было все мое утѣшеніе. Тоскую по тебѣ».

Такъ бѣдственно кончилъ свое царствованіе, начавшееся такъ счастливо, первый царь израильскій. ~~Но какъ начало, такъ и конецъ, совершенно~~ соотвѣтствуютъ поразительной противоположности характера, обнаруженной имъ въ началѣ и концѣ своего царствованія. Изумительна поразительная пере-
мѣна, произшедшая въ характерѣ Саула. Этотъ царь, съ ожесточеніемъ преслѣдующій невиннаго и кроткаго юношу-героя, избивающій священниковъ за то только, что глава ихъ, не знавшій о ненависти царя къ Давиду, сдѣлалъ ему одолженіе,—свирѣпый, вѣроломный, малодушный—тотъ ли это Саулъ, котораго мы видѣли въ началѣ царствованія? Какъ могла произойти такая ужасная пере-
мѣна въ одномъ и томъ же человѣкѣ?—Припомнимъ, съ какого времени началась эта пере-
мѣна. Она началась съ той первой войны съ Филлистимлянами, когда онъ не имѣлъ терпѣнія дожидаться Самуила и дерзнулъ посягнуть на право священниковъ. Въ-
мѣсто того, чтобы исправить эту ошибку, онъ усилилъ вину свою, нарушивъ другое прямое повелѣніе Божіе, данное ему чрезъ пророка Самуила. Очевидно Саулъ стремился освободиться изъ-подъ вліянія пророка, дѣйствовавшаго по повелѣнію Божію и быть вполне самовластнымъ или лучше самовольнымъ государемъ; но онъ забылъ, что онъ только намѣстникъ невидимаго царя, Іеговы; стремясь къ самовольной власти, онъ ни много-ни мало дѣлался возмутителемъ противъ небеснаго Царя. Нельзя было допустить этого, и Самуилъ по повелѣнію Божію, рѣшительно возсталъ противъ него. Вотъ роковой моментъ, съ ~~котораго началось паденіе Саула.~~

Исторія ~~Саула~~ представляетъ поразительный примѣръ того, какое роковое значеніе имѣетъ часто первый фальшивый шагъ. Человѣкъ, стоявшій на высокой горѣ, вдругъ осту-
пился; если онъ не поспѣшитъ ухватиться за что-нибудь чтобы удержаться,—онъ быстро и неудержимо стремится въ пропасть. Если человѣкъ, совершивъ преступленіе, не спѣшитъ его исправить и упорно останется въ немъ, то

это фальшивое положеніе, въ которое поставило его преступленіе, вынуждаетъ его, для поддержанія себя, совершать новыя преступленія; эти въ свою очередь требуютъ новыхъ. Такъ преступленія быстро возрастаютъ и въ количествѣ и въ качествѣ, такъ что человѣкъ наконецъ тонетъ въ преступленіяхъ и становится чудовищемъ, какимъ и сдѣлался Саулъ.

Посмотрите теперь на Давида. Какой свѣтлый образъ! Но что еслибы онъ уступилъ искушенію убить Саула, чтобы разомъ освободиться отъ его преслѣдованій, да кстатѣ и овладѣть престоломъ, на который онъ уже и имѣлъ право по избранію Божію? Это преступленіе легло бы тяжкимъ бременемъ и неизгладимымъ пятномъ на его душѣ и обезславило бы его въ глазахъ народа. Это еслибы и не помѣшало ему достигнуть престола, то непременно лишило бы его любви народной, а сознаніе своего преступленія и потеря народной любви сдѣлали бы его можетъ-быть столь же подозрительнымъ и жестокимъ, какимъ сдѣлался Саулъ. Давидъ, какъ и всякій человѣкъ, не былъ безгрѣшенъ; онъ впадалъ въ грѣхи и въ грѣхи очень тяжкіе, но всегда спѣшилъ искреннимъ покаяніемъ разорвать гибельный союзъ съ грѣхомъ. Наконецъ особенно важно то, что онъ никогда не покушался повторить гибельную попытку Саула: онъ твердо помнилъ, что онъ только намѣстникъ Іеговы, и потому покорно склонялся предъ вѣстниками воли Божіей—пророками. Оттого онъ утвердилъ престолъ за своимъ потомствомъ и сдѣлался любимымъ царемъ, идеаломъ царя для Израиля. Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

СУЕВѢРІЕ И РАСКОЛЪ.

Слово въ 14-ю годовщину Братства св. Петра Митрополита,
21-го декабря 1886 г.

*Азъ Свѣтъ въ міръ придохъ, да всякъ
вѣрующій въ Мя, во тьмѣ не пребудетъ
(Іоан. 12, 46).*

Господь І. Христосъ, Единородный Сынъ Божій, есть Свѣтъ отъ Свѣта. Такъ именуется Сынъ Божій по единосущію Его съ Богомъ Отцемъ. И вотъ Сей Свѣтъ отъ Свѣта въ определенное предвѣчнымъ Совѣтомъ Божиимъ время приходитъ въ міръ, въ плотскомъ образѣ, для просвѣщенія людей свѣтомъ истины, для изведенія всякаго вѣрующаго въ Него изъ тьмы заблужденій и невѣдѣнія. Въ семъ просвѣщеніи имѣли нужду всѣ люди, не исключая избраннаго народа, но преимущественно язычники.

Великая тьма невѣдѣнія и заблужденій господствовала между язычниками, пока не озарилъ ихъ свѣтъ Евангелія. Язычники руководимы были однимъ свѣтомъ разума и совѣсти; но свѣтъ сей при недостаткѣ свѣта божественнаго откровенія едва замѣтенъ былъ среди окружающаго мрака. Они помрачены были многобожіемъ, — кланялись свѣтиламъ небеснымъ и ихъ изображеніямъ, боготворили землю, море, вѣтры, источники, растенія, и также истуканы, сдѣланные изъ камня, дерева, металла; боготворили животныхъ, — птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, гадовъ; боготворили людей, отличившихся во время жизни силою, благоразуміемъ, благодѣяніями; воздавали божескія почести даже живымъ людямъ, на-

примѣръ римскимъ кесарямъ; боготворили изображенія вещей отвлеченныхъ, какъ-то: славы, счастья,—золъ физическихъ: лихорадки и другихъ болѣзней, и золъ нравственныхъ: пьянства, сладострастія, воровства, обмана. Все боготворили кромѣ единого истиннаго Бога! Богопочтеніе язычниковъ выражалось въ обрядахъ пустыхъ и суевѣрныхъ, жестокихъ и безчеловѣчныхъ, безстыдныхъ и безнравственныхъ. Такъ они употребляли разныя гаданія по полету птицъ, по снамъ, по дыму, по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, по волшебнымъ жезламъ, приносили въ жертву людей, подвергали себя и другихъ бичеванію и различнымъ истязаніямъ, предавались распутству, невоздержанію и пьянству въ честь боговъ, совершали срамныя пляски въ честь боговъ, почитая все это не только позволительнымъ, но и священнымъ.

Заблуждаясь относительно богопочтенія, язычники имѣли самыя превратныя понятія о душѣ, о загробной жизни, о нравственныхъ обязанностяхъ. Напримѣръ у нѣкоторыхъ языческихъ народовъ даже самые законодатели и мудрецы одобряли ненависть къ врагамъ, презрѣніе къ бѣднымъ и несчастнымъ, воровство, убіеніе больныхъ и увѣчныхъ дѣтей, престарѣлыхъ, развратъ и другіе пороки,—что остается у нѣкоторыхъ язычниковъ доселѣ. Не исчисляемъ всѣхъ заблужденій, во тьмѣ которыхъ до озаренія свѣтомъ Евангелія ходили язычники вообще и въ частности предки наши Славяне. Благодареніе Христу Свѣту истинному, изведшему насъ изъ тьмы въ чудный свѣтъ свой, научившему насъ истинному богопочтенію, истинному познанію о нашей душѣ и ея назначеніи, о нашихъ нравственныхъ обязанностяхъ. Благодареніе Ему, осіявшему насъ столь обильнымъ свѣтомъ вѣдѣнія истины, что нынѣ простолюдины и младенцы знаютъ о Богѣ и чловѣкѣ гораздо больше, чѣмъ знали мудрецы міра языческаго.

Евангельское ученіе не только разсѣяло мракъ языческихъ заблужденій, но и озарило насъ свѣтомъ гораздо большаго вѣдѣнія, чѣмъ какое сообщено было въ самомъ откровеніи ветхозавѣтномъ. Хранители сего откровенія, ветхозавѣтные вѣрующіе знали о Богѣ и путяхъ живота вѣчнаго гораздо

меньше, чѣмъ чада Церкви повозавѣтной. Сему такъ и надлежало быть: Ветхій завѣтъ служилъ только приготовленіемъ къ Новому. Тамъ только обѣтованія о Христѣ, пророчества и прообразованія; здѣсь видимъ исполненіе обѣтованій, пророчествъ и прообразованій. Вмѣстѣ съ этимъ естественно должно было наступить время высшаго вѣдѣнія для всего рода человѣческаго. Такъ ученіе о тайнѣ Св. Троицы, о тайнѣ воплощенія Сына Божія и искупленія, о благодати Св. Духа, возраждающей и освящающей, о жизни загробной для насъ стало гораздо доступнѣе, чѣмъ ветхозавѣтнымъ вѣрующимъ, которымъ даваемы были только намеки на сіи истины. Въ евангельскомъ законѣ также несравненно полнѣе, чище и возвышеннѣе раскрыты нравственные обязанности и указаны гораздо высшія побужденія къ исполненію ихъ, чѣмъ въ законѣ Моисеевомъ. Такъ мы знаемъ, что грѣшно не только убивать, но и гнѣваться, не только любодѣйствовать, но и питать нецѣломудренныя помыслы. Насъ научило Евангеліе исполнять заповѣди закона Божія не по надеждѣ на земныя награды и не по страху гражданскихъ наказаній, какъ было въ В. завѣтѣ, но по чистой любви къ Господу, изъ любви къ намъ предавшему Сына своего Единороднаго на крестъ, также по надеждѣ на обѣтованныя блага небесныя.

Свѣтъ истины, принесенный Христомъ, усваивается вѣрою въ Него: «Азъ Свѣтъ въ міръ приидохъ, да всякъ вѣрующій въ Мя во тмѣ не пребудеть». Но къ прискорбію вѣра въ Христа, хотя въ силу заповѣди Христовой (Мат. 28, 19) проповѣдуется повсюду, не вездѣ водворилась. Она давно существуетъ, но до сихъ поръ есть много людей, ходящихъ во тмѣ и сѣни смерти, — язычниковъ, не вѣдающихъ Христа, до сихъ поръ втрое больше чѣмъ христіанъ. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предѣлы христіанства даже сократились. Египеть и вся сѣверная Африка въ первые вѣка христіанства населены были милліонами христіанъ и имѣли нѣсколько сотенъ христіанскихъ епископовъ, а теперь тамъ не насчитаемъ десятка тысячъ христіанъ. Мракъ магометанскаго лжевѣрія распространился тамъ, гдѣ въ обиліи

нѣкогда сіяль свѣтъ истины. Такой же ущербъ отъ магометанскаго насилія понесла христіанская вѣра въ Малой Азіи, бывшей нѣкогда однимъ изъ главныхъ средоточій церковной жизни. Можно, конечно, утѣшаться тѣмъ, что христіанство, теряя въ одномъ мѣстѣ, вдвое-втрое больше пріобрѣтаетъ послѣдователей въ другихъ. Но не менѣе прискорбно то, что въ самыхъ нѣдрахъ христіанства всегда были и теперь есть, не говоря о еретическихъ лжеученіяхъ, слѣды языческаго суевѣрія. Такъ у насъ на Руси долгое время многіе изъ христіанъ продолжали держаться языческаго суевѣрія: русскіе люди не вдругъ могли отвыкнуть отъ языческихъ привычекъ и обличаемы были пастырями Церкви въ двоевѣрїи. Народъ, по зову священника, ходилъ въ христіанскій храмъ, но въ то же время молился языческимъ божествамъ подъ овиномъ, у озера, на берегу рѣкъ, болотъ, у большихъ камней, и особенно у дупловатаго дерева. На ряду съ иконами крещенные русскіе люди ставили въ кіотѣ истуканы языческіе и святые иконы называли богами. При рожденіи дѣтей, вслѣдъ за христіанскимъ крещеніемъ народъ продолжалъ совершать языческіе обряды въ честь Ладо, въ честь Рода и роженицы. Праздникъ въ честь Ярилы или Купалы господствовалъ по мѣстамъ еще въ концѣ XVIII столѣтія и въ Воронежѣ уничтоженъ былъ святителемъ Тихономъ. Языческія гаданія, ворожба, различеніе дней добрыхъ и несчастныхъ, суевѣрное употребленіе словъ св. Писанія, ношеніе ладонокъ, вѣра въ силу заговоровъ и т. п., все это до сихъ поръ господствуетъ на Руси и не въ одномъ простонародїи. Вызываніе духовъ, распространенное въ послѣднее время, есть тоже языческое дѣло. Но какъ ни дико явленія подобнаго суевѣрія, все же оно не удаляетъ слѣдующихъ ему отъ Церкви. Они чтутъ власть Церкви, ходятъ въ храмъ Божій, часто каются въ своемъ суевѣрїи, хотя не отстаютъ отъ него. Къ сожалѣнію есть такія суевѣрія, которыя совсѣмъ отторгаютъ христіанъ отъ Церкви. Мы разумѣемъ расколъ. Нельзя не признать, что въ расколѣ старообрядчества господствуетъ духъ жалкаго, языческаго суевѣрія. Христіанство есть религія духа и истины,—обряды имѣютъ въ

ней второстепенное значеніе. Но пристрастіе раскольниковъ къ обряду, къ буквѣ, къ внѣшности въ дѣлѣ богочтенія доходить въ нихъ до крайности, которая уподобляетъ ихъ суевѣрамъ-язычникамъ.

Возьмемъ поклоненіе кресту Христову. И православные и старообрядцы чтутъ благоговѣнно крестъ Христовъ, какъ орудіе нашего искупленія; но для православныхъ безразлична форма креста Христова, для нихъ одинаковое священное значеніе имѣетъ крестъ осьмиконечный, шестиконечный, четырехконечный, даже трехконечный. Дѣло не во внѣшнемъ составѣ креста, а въ томъ, что на крестѣ плотію насъ ради распять Сынъ Божій. Не такъ смотритъ на крестъ большая часть старообрядцевъ: они почитаютъ истиннымъ и спасительнымъ только поклоненіе кресту восьмиконечному, а крестъ четырехконечный порицаютъ, хотя сами осѣняютъ себя четырехконечнымъ крестомъ. Предпочтеніе креста осьмиконечнаго, якобы одинаго спасительнаго, четвероконечному, даетъ справедливый поводъ къ обвиненію ихъ въ томъ мнѣніи, будто Христотъ спасъ насъ не распятіемъ на крестѣ, а рогами креста. Какъ это оскорбительно для чистой вѣры въ силу креста Христова!—Ревнители креста осьмиконечнаго и порицатели четвероконечнаго думаютъ, что они стоятъ за вѣру, на самомъ же дѣлѣ они стоятъ за суевѣріе.

Возьмемъ крестное знаменіе. Оно съ одинаковымъ благоговѣніемъ употребляется православными и старообрядцами, ибо съ нимъ соединяется исповѣданіе вѣры въ искупительную силу крестной смерти Христовой. Но православные и старообрядцы не одинаково совершаютъ крестное знаменіе,—одни крестятся тремя перстами, другіе—двумя. Троеперстіемъ выражается вѣра въ Св. Троицу. Мы для того соединяемъ исповѣданіе этой вѣры съ крестнымъ знаменіемъ, чтобы видно было, почему мы почитаемъ спасительною крестную смерть Христову,—она спасительна для насъ потому, что претерпѣлъ ее не простой человѣкъ, а Единородный Сынъ Божій, одно изъ лицъ Св. Троицы. Но старообрядцы крестятся двуперстно въ знакъ того, что Христосъ, пострадавшій на крестѣ, имѣетъ

два естества—Божеское и человѣческое. Ради этого значенія двуперстія, Церковь разрѣшаетъ употребленіе его ревнителямъ стараго обряда, лишь бы они не порицали троеперстія, и изъ-за разности въ обрядѣ не хулили Церковь. Къ сожалѣнію не такъ смотрятъ на сіе дѣло старообрядцы-раскольники. Самыя тяжкія хулы они изрыгаютъ на троеперстіе, не обращая вниманія на знаменованіе этого обряда, на соединяемую съ нимъ вѣру въ Св. Троицу. Ихъ не вразумляетъ снисхожденіе православной Церкви къ употребленію двуперстія. Они не удовлетворяются этимъ снисхожденіемъ, а требуютъ, чтобы Церковь вмѣстѣ съ ними похулила троеперстіе и сдѣлала для своихъ чадъ обязательнымъ двуперстіе. Ревность поистинѣ неразумная! Пристрастіе къ излюбленному обряду ослѣпило ихъ до того, что они стоятъ за него, какъ за догматъ, забывая, что обрядъ не догматъ, и что если Церковь отмѣнила для чадъ своихъ двуперстіе, отмѣнила отнюдь не потому, что возсталъ противъ догмата, въ немъ выражаемаго, а единственно потому, что подъ предлогомъ догмата раскольники кощунственно сдѣлали этотъ обрядъ знаменіемъ своей вражды къ Церкви. Кромѣ вражды тутъ есть и грубое суевѣріе. Стоя горюю за двуперстіе, они думаютъ, что стоятъ за вѣру, за которую никто ихъ не осуждаетъ, тогда какъ въ сущности они стоятъ за суевѣріе, ибо въ пальцахъ полагаютъ спасительную силу.

Возьмемъ достопоклоняемое имя Спасителя. Для насъ, православныхъ одинаково священно и полное названіе Его *Иисусъ*, и сокращенное *Исусъ*. Но ревнители раскола почитаютъ правильнымъ и спасительнымъ единственно сокращенное имя Христово; а полное имя, нами произносимое, есть, по ихъ словамъ, имя инаго бога, даже антихриста. Вопросъ о числѣ буквъ имени Христова есть вопросъ не религіозный, а грамматическій, а они изъ грамматическаго вопроса сдѣлали религіозный. Вѣра во Христа Спасителя имѣетъ предметомъ своимъ догматъ о Его Богочеловѣчествѣ и о совершенномъ Имъ искупленіи, а отнюдь не звукъ Его имени. Утверждать, что вся сила въ звукѣ имени Христова, а не наипаче въ вѣрѣ во

Христа, свойственно суевѣрамъ. Ревнители раскола думаютъ, что они стоятъ въ этомъ случаѣ за вѣру, — на самомъ же дѣлѣ они стоятъ за грубое суевѣріе.

Возьмемъ богослужебныя книги. Въ православной Церкви служба правится по новоисправленнымъ книгамъ; но она не отвергаетъ и старопечатныхъ, не взирая на многія неисправности въ нихъ текста, — она дозволяетъ употребленіе ихъ единовѣрцамъ. Не такъ смотрятъ на это раскольники. Они всячески хулятъ новоисправленные книги, утверждаютъ, будто въ нихъ содержится новая вѣра, много ересей, что спастись можно только по старымъ книгамъ, что по нимъ спасались всѣ русскіе святые, жившіе до патріарха Никона. Такое пристрастіе къ старымъ книгамъ поистинѣ есть грубое суевѣріе. Спасаетъ не та или другая буква книги, не цвѣтъ и форматъ бумаги, а вѣра православная, которая одинакова и въ старыхъ и новыхъ книгахъ. Напрасно ревнители старыхъ книгъ думаютъ, что они стоятъ за вѣру, — они стоятъ за суевѣріе.

Тоже должно сказать объ иконахъ. Похвальна привязанность старообрядцевъ къ иконамъ стариннаго письма; но непохвально то, что они уничтожаютъ иконы, написанныя по правиламъ новѣйшаго искусства, но правильно, съ сохраненіемъ церковнаго приличія. Каковы бы ни были иконы по характеру письма, наше чествованіе ихъ относится не къ письму, не къ рисунку, не къ краскамъ, не къ формѣ досокъ, но къ ликамъ Господа и святыхъ Его, на нихъ начертаннымъ. Какъ неосновательно предубѣжденіе раскольниковъ противъ иконъ новаго письма, видно изъ того, что чрезъ нѣкоторыя изъ нихъ благодать Божія нерѣдко проявляетъ свою чудотворную силу, — таковы напримѣръ иконы Черниговской Богоматери, Трехъ радостей, Споручницы грѣшныхъ. Одно только суевѣріе служитъ причиною крайняго пристрастія къ старымъ иконамъ. Они думаютъ, что стоятъ за вѣру, — на самомъ же дѣлѣ они стоятъ за суевѣріе.

Не исчисляемъ другихъ грубыхъ суевѣрій, свойственныхъ раскольникамъ. Опутанные суевѣріемъ, они предубѣждены

противъ истины, не выносятъ свѣта ея и какъ бы ни были сильны и очевидны доказательства въ пользу истины, они видя ничего не видятъ, слыша ничего не слышатъ. Положеніе ихъ поистинѣ достопаечно. Оно отчуждаетъ ихъ отъ Христа. Христось пришелъ просвѣтитъ людей, да всякъ вѣруй въ Него во тмѣ не пребудетъ. Они вѣруютъ во Христа, но вѣруютъ по своему и ходятъ во тмѣ. И это оттого, что, вѣруя во Христа, они чуждаются Церкви, которая есть тѣло Его, бѣгаютъ отъ законныхъ пастырей Церкви. *Слушайи васъ, Мене слушаеъ*, сказалъ Христось Апостоламъ и въ лицѣ ихъ преемникамъ ихъ служенія. Но раскольники слушаютъ не тѣхъ, кого Христось повелѣлъ слушать, а своихъ слѣпыхъ, зараженныхъ суевѣріемъ вождей. Слѣдствіе понятно: если слѣпой водить слѣпца, оба находятся въ опасности попасть въ яму. Образумьтесь, несчастные! Куда вы идете? Въ Церкви нѣтъ спасенія. Идите въ Церковь. Она одна спасетъ васъ отъ ямы, куда влекутъ васъ слѣпые вожди. Церковь— наша мать,—она всегда готова принять васъ въ свои материнскія объятія. Въ ней, и только въ ней, свѣтъ истины. Сбросьте съ очей вашихъ повязку суевѣрія и предубѣжденій противъ Церкви,—и осіаетъ васъ свѣтъ истины, и не погибнете въ тмѣ. Господи, пошли свѣтъ твой и истину твою въ ихъ умы и сердца, да узрятъ они, какъ пагубно идти путемъ раскола, и да обратятся на путь свѣта и спасенія.

Прот. В. Нечаевъ.

ДВА ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

I.

МИЛОСТЫНИ КЪ ДАЮЩИМЪ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

(Слово дѣвицѣ Мононіи, како спасе ю святой Макарій, немилостивѣ сѣ бывши. Прол. март. 30).

Господь говоритъ: *сотворите себѣ други отъ мамы неправды, да, егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя крове* (Лук. 16, 9). Что это значить? Это значить, что земнымъ, тлѣннымъ, скоропреходящимъ богатствомъ можно, однакоже, при правильномъ употребленіи его, приобрѣсть себѣ друзей—бѣдныхъ, нищихъ, вообще требующихъ помощи и пособія здѣсь, на землѣ, а они могутъ намъ доставить вѣчныя обители на небесахъ, такъ какъ такое употребленіе богатства есть добродѣтель, за которую послѣдуетъ награда въ царствѣ небесномъ» (Толк. еп. Мих. на 9 ст. 16 гл. отъ Лук. стр., 474). И св. Златоустъ говоритъ: «кто раздаетъ богатство бѣднымъ, тотъ употребляетъ оное въ пользу души своей» (Слово о скудости). Туже истину подтверждаютъ и примѣры.

Жившая въ Александріи дѣвица, по имени Мононія, несмотря на то, что была инокиня, любила деньги, собирала золото и отличалась скупостію. И несмотря на то, что была богата, она никогда ничего не подавала ни страннѣмъ, ни убогимъ, ни вдовицамъ, ни монастырямъ. Жившій въ то время въ Александріи, святой Макарій пресвитеръ, великій нищелюбець, пожелалъ образумить Мононію и для сего придумалъ слѣдующее средство. Въ юности онъ занимался отдѣлкою

драгоценныхъ камней и всѣ знали объ этомъ. И вотъ онъ разъ пришелъ къ Мононіи и сказалъ: «принесли ко мнѣ два весьма дорого стоящихъ камня; и не знаю, куплены они или украдены; только просятъ за нихъ всего пятьсотъ златницъ, тогда какъ они стоятъ несравненно дороже». Сребролюбивая Мононія пала къ ногамъ Макарія и стала умолять, чтобы онъ купилъ ей эти камни. Старецъ сказалъ: «поди сама и посмотри». Но Мононія, какъ инокиня, отказалась отъ этого и вручила Макарію пятьсотъ златницъ. Онъ эти деньги распредѣлилъ въ пользу бѣдныхъ. Прошло нѣсколько времени. Такъ какъ Макарій пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ, Мононія стыдно было нарочно спросить его о деньгахъ, и она все выжидала случая, когда бы удобнѣе переговорить съ старцемъ. Случай наконецъ представился. Однажды Мононія увидала св. Макарія въ церкви и спросила, купилъ ли онъ камни. Макарій сказалъ, что купилъ, и предложилъ ей посмотреть ихъ. Мононія съ радостію согласилась и пошла за старцемъ. Онъ же, приведши ее въ пріютъ, устроенный на ся деньги для бѣдныхъ, сказалъ ей: «какой хочешь посмотреть камень—первый или второй?» — «Какъ тебѣ угодно», отвѣчала она. Тогда Макарій привелъ ее въ отдѣленіе, гдѣ жили хромыя, слѣпыя и ослабленные мушны. «Вотъ, сказалъ онъ, указывая на нихъ,—первый камень». Потомъ привелъ ее въ женское отдѣленіе и, указывая на призрѣваемыхъ, сказалъ: «вотъ второй камень; и вотъ что: если тебѣ угодно мое дѣло, то пусть такъ и будетъ, а если не угодно, то возьми отъ меня свои деньги назадъ». Сильно уязвлено было сердце сребролюбивыя, и хотя она ничего не сказала старцу, но опечалилась настолько, что пришедши домой слегла въ постель и жестоко заболѣла. Тутъ самъ Господь вразумилъ ее. Ей явился свѣтоносный мужъ и показалъ ей мѣста мученій грѣшниковъ. Мононія ужаснулась. Тогда явившійся сказалъ ей: «не бойся, отъ всѣхъ этихъ мукъ избавилъ тебя преподобный Макарій, купивши тебѣ два драгоценныхъ камня, которые ты видѣла». Послѣ этого Мононія выздоровѣла и сдѣлалась необыкновенно милостива къ бѣднымъ.

Итакъ справедливо говорить бл. Августинъ, что «предъ враты геенскими стоитъ милосердіе и не попускаетъ ввергнута въ темницу никогоже» (Бесѣда 39, вопр. 50). И если и противъ воли употребленное въ пользу бѣдныхъ богатство низвело такую милость Божію на душу грѣшницы, то насколько же щедродаровитѣе наградить Господь тѣхъ, которые добровольно, изъ любви къ Нему, подѣлятся своимъ богатствомъ съ братіями нуждающимися! О, поистинѣ, «Богъ, дающій сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пищу, подастъ обиліе посѣянному вами и умножитъ плоды правды вашей» (2 Кор. 9, 10). И слушайте, что еще отъ лица Господня говоритъ блаж. Августинъ: «Землю Я воспріялъ, воздамъ небо; временное воспріялъ, воздамъ вѣчное; хлѣбъ получилъ, хлѣбъ и отдамъ, но небесный и вѣчный; гостинницу получилъ, домъ отдамъ; находясь въ болѣзни, посѣщенъ былъ, спасеніе воздамъ; въ темницѣ былъ и посѣщенъ былъ, воздамъ свободу» (Въ трактатѣ о роскоши и скупости). Не будемъ же поэтому забывать благотворенія и общенія, помня, что таковыми жертвами благоугождается Богъ (Евр. 13, 16). Аминь.

II.

О НЕОСУЖДЕНІИ БЛИЖНИХЪ.

(Слово святаго отца Анастасія Синайскаго о пѣкомъ отцѣ преставльшемся, иже не осуди никогоже. Прол. марта 30).

Хотите ли, братіе, избѣжать праведнаго осужденія за грѣхи на судѣ Божіемъ? Если хотите, то соблюдайте одно изъ главныхъ условій: никого не осуждайте. Не будете осуждать и васъ не осудитъ Господь. Въ этомъ Онъ самъ для васъ неложный свидѣтель. «Не судите, говорить,— и не судятъ вамъ, и не осуждайте, да не осуждены будете» (Лук. 6, 37). Такъже и святые отцы учатъ. «Не суди, говоритъ святитель Димитрій Ростовскій,—аще не хочещи быти осужденъ» (Соч. св. Дим. Т. I., стр. 365). И сказанное Господомъ на самомъ дѣлѣ на неосуждающихъ исполняется.

Св. Анастасій Синаитъ повѣствуетъ слѣдующее: Одинъ монахъ, проведшій жизнь свою въ небреженіи и лѣности, впалъ въ тяжкую болѣзнь и сталъ близокъ къ смерти. А въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, было обыкновеніе, чтобы къ умирающему собираться всей братіи и не отходить отъ одра кончавшагося дотолѣ, пока не испуститъ онъ послѣдній вздохъ. По этому обычаю братія и собралась къ упомянутому иноку и при видѣ его были не мало изумлены. Онъ умиралъ нисколько не страшась смерти, съ благодарностію къ Богу и съ веселымъ лицомъ. Они сказали: «братъ, мы знаемъ, что ты проведъ жизнь свою небрежно; скажи же намъ, что тебя такъ радуешь и веселитъ въ смертный часъ?» Инокъ отвѣчалъ: «Подлинно, честные отцы, небрежно я жилъ; но вотъ что случилось со мною. Былъ я на судѣ Божиемъ и ангелы вынесли рукописаніе моихъ грѣховъ, прочитали мнѣ ихъ и спросили: знаешь ли, что это твои грѣхи? Знаю, сказалъ я, но съ тѣхъ поръ какъ отвергся міра и постригся, я никого не осудилъ и злобы ни на кого не держалъ, а потому и молю Господа, чтобы исполнилъ на мнѣ свои слова: *не осуждайте, да не осуждени будете, оставите и оставится вамъ*. И только я сказалъ это, тотчасъ же ангелы разодрали рукописаніе моихъ грѣховъ и потому-то я теперь безпечаленъ и съ радостию отхожу къ Господу». Послѣ этихъ словъ инокъ мирно скончался. Въ виду такой милости Божіей, явленной брату, никого не осуждавшему, будемъ и мы, братіе, раздражать ему и отвращать очи свои отъ чужихъ грѣховъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть за чужими грѣхами, будемъ углублять въ себѣ сознаніе собственныхъ немощей, а отъ такого сознанія родится смиреніе, а чрезъ смиреніе произойдетъ къ Богу приближеніе. А когда къ Богу приблизимся, тогда и всепрощеніе въ грѣхахъ своихъ получимъ и царствія Божія наслѣдниками быти сподобимся. Аминь.

Свящ. В. Гурьевъ.

ЗАПИСКА ВОПРОСОВЪ О ИКОНОПИСАНИИ

съ отвѣтами московскаго митрополита Филарета.

Синодальный оберъ-прокуроръ С. Д. Нечаевъ въ отноше-
ніи своемъ къ митрополиту Филарету отъ 7 ноября 1833 г.,
писаль, что Государь Императоръ, снисходя къ ходатайству
повопоставленнаго отъ Св. Синода черногорскаго епископа
Петра, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: изготовить для чер-
ногорскихъ церквей мѣстныхъ образовъ Спасителя и Божіей
Матери на пять тысячъ рублей, съ назначеніемъ отпуска сей
суммы изъ капиталовъ Коммиссіи духовныхъ училищъ. Озна-
ченные образа мѣрою въ длину 1 ¹/₄ арш., въ ширину ³/₄ арш.,
должны быть написаны для удобства пересылки на холстѣ
и, по желанію епископа Петра, въ древнемъ греческомъ вкусѣ:
Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи, а равно Божія Ма-
терь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, сидящими на
престолахъ съ коронами на главахъ, и съ изображеніемъ у
подножія Божіей Матери луны. Но какъ въ Санктъ-Петер-
бургѣ не нашлось художниковъ, которые бы занимались ико-
нописаніемъ въ древнемъ греческомъ вкусѣ, а въ Москвѣ
ихъ не мало, то С. Д. Нечаевъ покорнѣйше просилъ москов-
скаго архипастыря оказать содѣйствіе къ надлежащему испол-
ненію и въ возможно непродолжительномъ времени (къ бу-
дущей навигаціи, въ которую предназначено отослать всѣ
иконы на корабль въ Черногорію) даннаго ему порученія.—
Резолюція отъ 9 ноября: «Преосвященный (*Николай*), упо-
требя въ посредство каедральнаго протоіерея (*А. И. Тяже-*
лова) и кто еще окажется имѣющимъ свѣдѣнія сего рода,
приступить къ исполненію сего немедленно, увѣдомляя меня
о ходѣ дѣла. При избраніи иконописцевъ (*избраны были:*
Жуковъ, Малаховъ, Филатовъ, Андреяновъ и Коротковъ), на-
добно посмотрѣть готовую ихъ работу. Сначала заказать че-
ловѣкамъ двумъ по одной иконѣ. Цѣну, по соображенію съ

имѣющимися въ виду работами, можетъ утвердить преосвященный, а меня извѣстить немедленно. Хорошо было бы первоначальный рисунокъ на бумагѣ прислать сюда (*въ С.-Петербургъ*) предварительно; впрочемъ если художники найдутъ сіе затруднительнымъ, не требовать сего непременно».

Къ соучастию по сему дѣлу, кромѣ каедральнаго протоіерея, назначены: верхоспасскій протоіерей Василій Платоновъ и петропавловскій, что на Якиманкѣ, діаконъ Димитрій (Владиславлевъ?)—первый, какъ занимавшійся прежде подрядами для написанія иконъ и знающій нѣкоторыхъ иконописцевъ, а послѣдній, какъ самъ довольно искусный живописецъ.

С. Д. Нечаевъ, въ дополненіе къ отношенію своему отъ 7 ноября, нашелъ нужнымъ представить его высокопреосвященству (отъ 29 числа того же мѣсяца), что изъ числа мѣстныхъ образовъ (не менѣе ста), потребныхъ для церкви Черной Горы, хорошо бы было написать шесть иконъ нѣсколько большаго размѣра, а именно длиною въ 1 арш. 8 в. и шириною 1 аршинъ, тщательнѣе и богаче прочихъ, для трехъ преимущественно уважаемыхъ тамъ обитателей, какъ о семъ упоминалъ и преосвященный Петръ Петровичъ... Резолюція отъ 29 ноября: «1) Упоминаемая здѣсь (*въ дополнителномъ отношеніи*) три иконы Спасителя и три иконы Богоматери, высшаго размѣра, написать съ преимущественнымъ тщаніемъ. 2) При семъ возвратить къ преосвященному Николаю рисунки, и (*полученную отъ него*) записку вопросовъ съ отвѣтами (*написанными рукою митрополита*).

Записка слѣдующаго содержанія:

О ИКОНѢ СПАСИТЕЛЯ.

І. ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦА:

а) Смугловатымъ ли изображать колоритомъ, по характеру древнихъ, или такимъ, какого требуетъ натура и вкусъ точнѣйшій между древнимъ греческимъ и новымъ итальянскимъ?

Держаться ближе къ древнему. Въ новѣйшихъ изображеніяхъ бѣлизна и яркость красокъ менѣе естественна.

б) Въ изображеніи или очертаніи брады, подражать ли безъ отступленія тѣмъ очеркамъ, которые видятся на изображеніяхъ древнихъ, или, оставивъ сію подражательность, руководятся приличіемъ и должнымъ соображеніемъ правильной фізіогноміи?

Держаться древнихъ изображеній.

II. ОТНОСИТЕЛЬНО ОДЪЯНІЯ:

- а) Въ омофорѣ изображать или безъ омофора?
 б) Въ бѣломъ саккосѣ, или златовидномъ?
 Держаться древнихъ образцовъ, въ древнихъ церквахъ.

III. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ:

а) Съ Евангеліемъ ли разогнутымъ, какъ видится на нѣкоторыхъ древнихъ изображеніяхъ, или съ державою и скипетромъ, какъ замѣчается на другихъ?

Съ Евангеліемъ.

б) Подъ ногами подушку изображать, или херувимовъ на облакахъ?

Частію такъ, частію иначе.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНО СЪДАЛИЦА:

а) Въ видѣ ли обыкновенной архіерейской каеэды изображать оное, или, какъ чаще замѣчается на греческихъ, въ видѣ обширныхъ, позлащенныхъ рѣзьбою кресель, на которыхъ положена бархатная подушка?

Подите въ Успенскій соборъ, и посмотрите.

V. ОТНОСИТЕЛЬНО МАНЕРЫ ВООБЩЕ:

а) Руководиться ли простотою, избѣгая пестроты, или подражать тѣмъ многосложнымъ уборкамъ—въ парчѣ, рѣзьбѣ, головномъ уборѣ и прочемъ, которыя съ особеннымъ тщаніемъ исполняются въ греческихъ иконахъ?

Три иконы Спасителя и три иконы Богоматери, высшаго размѣра, отдѣлать тщательно, а прочія простѣе.

б) Драпировку освѣщать творенымъ золотомъ, или краскою похожею на золото, или, оставивъ и то и другое, замѣнить сроднымъ каждой вещи колоритомъ?

Прозолоть употребить въ шести иконахъ вышеозначенныхъ.

О ИКОНѢ БОГОМАТЕРИ.

I. ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИЦА:

а) Въ прямомъ положеніи, или полупрофильномъ?
 То и другое допустить можно на разныхъ иконахъ.

б) Съ обнаруженными распущенными власами, или сокрытыми подъ платьемъ?

Да виданы ли древнія иконы Божіей Матери съ распущенными волосами?

П. ОТНОСИТЕЛЬНО ОДЪЯНІЯ:

Въ порфирѣ позлащенной, или въ обыкновенной одеждѣ? То и другое возможно. Но подите въ Успенскій соборъ.

III. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ:

а) Со скипетромъ, или безъ онаго?

На древнихъ иконахъ не видно скипетра.

б) Подъ ногами изображать херувимовъ, или подушку?

Подушку, или облака.

в) Луну подъ одною ногою, или подъ обѣими? Золотомъ изображать, или краскою?

Можно и такъ и иначе, но луна не должна быть слишкомъ велика, какъ замѣчено въ одномъ изъ представленныхъ рисунковъ.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНО СЪДАЛИЩА:

Изображать въ креслахъ, или на каедрѣ, такъ же какъ Спасителя?

Отвѣта не дано.

V. ОТНОСИТЕЛЬНО ИЗОБРАЖЕНІЯ ПРЕДВѢЧНАГО МЛАДЕНЦА.

а) Въ коронѣ, или съ открытою головою?

По древнему, просто.

б) Въ обыкновенной ли срачицѣ, покрытой верхнимъ голубаго цвѣта платьемъ, или въ царской далматикѣ, какъ чаще видится на древнихъ иконахъ?

Отвѣта не дано.

в) Съ державою въ рукѣ, или со свиткомъ?

Со свиткомъ.

На одномъ рисункѣ въ правой рукѣ Евангеліе, а лѣвая благословляетъ. Надобно наоборотъ.

Сообщ. Архим. Григорій.

ДВА ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

I.

Къ графу Сергію Павловичу Потемкину.

Ваше сіятельство милостивый государь! Коммиссія о возобновленіи кафедральной церкви въ Чудовѣ монастырѣ донесла мнѣ о приношеніи в. с—ва, купно съ трудившимися, храму святителя Алексія, рѣзнаго золоченаго украшенія (*деревянное въ аркѣ*) при святыхъ мощахъ его, съ тремя лампадами (*стоящаго примѣрно до 8.000 р.*).

Искусству сего украшения отдали справедливость всѣ разсматривавшіе оное со вниманіемъ.

Мнѣ, какъ служителю святителя Алексія, предлежитъ долгъ благодарить за дѣло благочестиваго усердія къ нему, такъ какъ и за всѣ труды и искусство, посвященные вами благолѣпію храма его, и при его предстательствѣ призывать вамъ Божіе благословеніе, да будутъ произведенія трудовъ и искусства вашего во благою память предъ Богомъ, приносящую вамъ благодать Его.

Въ знаменіе благословенія святителя Алексія, примите отъ обители его святую икону его чрезъ посредство кафедральнаго намѣстника.

Не примину довести до свѣдѣнія и Святѣйшаго Синода о усердіи в. с—ва къ Церкви.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю и пр.

20 декабря 1839.

Графу преподано благословеніе Св. Синода.

II.

Къ Наказному атаману Донскаго Войска, генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи Михаилу Григорьевичу Хомутову.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Благословенъ Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, спасительнымъ рождествомъ своимъ обновившій человѣковъ и міръ и

времена, сохранившій насъ въ мимошедшее лѣто, и даровавшій намъ новое.

Съ духовнымъ утѣшеніемъ взаимно привѣтствую новолѣтіемъ васъ, милостивый государь, и предводительствуемое вами христіолюбивое воинство Донское.

Господь да сохраняетъ васъ, и предводительствуемыхъ вами вѣрныхъ защитниковъ царя и отечества, подъ святымъ своимъ покровомъ; и да продолжаетъ ваше благоденствіе мирно и славу бранную долготѣно и потомственно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Января 16-го 1860.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1853, іюня 10. «Касательно обычая, по которому новобрачные отводятся изъ церкви не въ одинъ домъ, а въ дома своихъ родителей, и уже послѣ вводятся въ одинъ домъ, потребовать отъ нынѣшняго священника села Васильевского (*Дмитров. уѣзда*) свѣдѣнія полнаго и подробнаго, и представить».

Въ объясненіе сего обычая, издавна существующаго и особенно наблюдаемаго экономическими крестьянами, принадлежавшими нѣкогда къ церковнымъ вотчинамъ, указывали священнику грамотные поселяне на церковный обрядъ, установленный св. отцами, такъ какъ и въ Требникѣ есть молитва на разрѣшеніе вѣнцовъ во осмый день». Другіе тотъже самый обычай выводили изъ желанія раздѣлять брачное пиришество въ обоихъ домахъ какъ у жениха, такъ и у невѣсты. «По большей части, браки у насъ, присовокупилъ къ сказанному священникъ Александръ Веніаминовъ, совершаются послѣ литургіи, а не вечеромъ, и тогда разводятся новобрачные по родительскимъ домамъ; повѣнчаные же вечеромъ не отводятся въ разные дома, а прямо изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениховъ, куда съ невѣстой отпускается и все приданое». Владыка, по прочтеніи сего, написалъ отъ 4 августа: «Не препятствовать продолженію обычая, въ которомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Браки же совершать должно вообще по литургіи, а не вечеромъ».

1845, 15. «1) Мнѣніе Духовнаго правленія, что священникъ съ причтомъ (*села Городни*) не изблечены въ виновности касательно вырванныхъ листовъ, не можетъ быть признано основательнымъ. Отсутствіе двѣнадцати листовъ, вырванныхъ между тѣми обысками, которые писаны въ бытность нынѣшняго священника и причетниковъ, а частію и діакона, очевидно изблечаетъ ихъ въ несохраненіи ввѣреннаго имъ церковнаго документа и въ недонесеніи начальству о столь многочисленныхъ поврежденіяхъ онаго. Что, по неоткрытію виновнаго, не открыто умысла, симъ еще не доказывается, что умысла не было; съ добрымъ намѣреніемъ такихъ дѣлъ не дѣлають. Посему на священника и причтъ слѣдовало бы наложить въ пеню четыре рубля сер., съ раздѣленіемъ подоходно. Но по Все-милостивѣйшему манифесту отъ сего ихъ освободить. 2) Для разрѣшенія вопроса, не слѣдуетъ ли одобряемому въ поведеніи и не бывшему прежде подъ судомъ священнику оказать то снисхожденіе, чтобы не вносить сего дѣла въ его послужный списокъ, дозвать, чьею рукою писаны обыски около вырванныхъ листовъ, замѣтивъ Духовному правленію необращеніе вниманія на сіе обстоятельство. 3) Обязать сей причтъ подпискою, чтобы обыскную (*новую*) книгу вели правильно, хранили тщатель-но, и рукоприкладства учениковъ и малолѣтнихъ не допускали.

Сент. 17. «Оказать священнику снисхожденіе, означенное во 2 пунктѣ резолюціи 15 іюля».

1843, мар. 27. «Благочинный говорить: не отпустилъ. Пономарь (*села Острова*) говорить: отпустилъ (*въ Москву*). Свидѣтелей нѣтъ. Благочинный (*мѣстный священникъ*) заслуживаетъ болѣе довѣрія, нежели пономарь, слѣдственно пономарь подозрителенъ. Отказъ священника основателенъ: потому что не оставалось причетника для службы (*діаконъ былъ въ отпускѣ*). Слѣдственно четырехкратная (*въ одинъ день*) просьба пономаря объ отпускѣ есть уже упрямство, особенно, когда пономарь не представилъ причины, для которой отлучка была бы не отсрочна; и если священникъ сказалъ: ну ужъ поди! сіе не иначе можно принять какъ за уступку своеволю. Три или четыре дня былъ въ отлучкѣ пономарь, въ семьъ разнища невелика. Нелѣпо говорить въ оправданіе, якобы службы въ будни быть не могло; бываетъ и въ будни служба, а требы всегда ожидать можно. Послать пономаря въ Екатерининскую пустынь на недѣлю въ труды и для наученія послушанію».

«Вѣдомства моего села Карпова дьячекъ N и пономарь N прежде, и нынѣ сего ноября 25 дня во время посѣщенія онаго села Воскресенской церкви, замѣчены мной въ нераченіи о соблюденіи чистоты—неметеніи церковнаго пола», репортовалъ благочинный.—Резолюція отъ 23 дек. 1843 г. «Какъ благочинный не пишетъ, чтобы употреблялъ какія мѣры для исправленія причетниковъ: то велѣть ему употребить, не требуя слѣдствія и суда о мелочахъ».

1842, іюня 4. «Изъ производящихся въ консисторіи дѣлъ видно, что въ выборѣ старосты по сей церкви (*Воскресенской села Гуслицы*) произошло несогласіе. Вѣроятно, сіе самое побудило отказаться отъ должности сего просителя (*Иустина Иванова*), котораго служеніе церкви до сихъ поръ оказывалось благонамѣреннымъ, усерднымъ и полезнымъ. Дѣйствованіе Карповскаго благочиннаго при выборѣ старосты оказалось неудовлетворительнымъ. Посему нужнымъ признается слѣдующее: 1) Богородскому протоіерею отправиться на мѣсто, и въ удобное время, составивъ по возможности полное собраніе въ церкви прихожанъ, особливо почетныхъ и къ церкви усердныхъ, произвестъ выборъ старосты, не стѣсняясь прежними, при чемъ убѣждать ихъ, чтобы произвели оный съ миромъ и по долгу попеченія о благѣ церкви, отложивъ частныя неудовольствія. 2) Если выборъ склоняется будетъ на сего просителя (*объ увольненіи его отъ должности*), убѣдить его, не отказываться отъ выбора, но потрудиться еще для пользы церкви и своей души. 3) Указы посланные къ Карповскому благочинному изъ консисторіи отъ 11 мая № 2648 и другой отъ 29 дня тогоже мая Богородскому протоіерею принять отъ благочиннаго, и какое по опыту сверхъ означеннаго въ сей резолюціи нужнымъ окажется исполненіе, учинить оное съ должнымъ вниманіемъ. 4) О послѣдующемъ донести съ приложеніемъ дѣла».

Церковнымъ старостою избранъ большинствомъ голосовъ и утвержденъ крестьянинъ Косма Лукьяновъ.

Сообщ. Архим. Григорій.

НОВАЯ КНИГА:

ЧЕРТЫ ХРИСТИАНСКАГО УЧЕНІЯ,

продается въ Москвѣ у автора, редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“, протоіерея Николаевской, въ Толмачахъ, церкви *Василія Нечаева*. Цѣна книги 1 рубль, съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1887 ГОДУ. XXIV
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“.

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ; состоящ. при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярн, Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній **Императрицы Маріи**. Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ-бы въ себѣ по преимуществу статьи приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочлсъ-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

При отдѣлѣ **семейнаго чтенія**, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу **для дѣтей**—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія*, а также награды подписчикамъ приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Награды будут состоять из сочиненій **лучшихъ авторовъ**, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Кромѣ того *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла „Семейныхъ Вечеровъ“* будетъ разослана въ концѣ года ПРЕМІЯ.

Подписная цѣна: полный журналъ (24 книжки) безъ дост. 10 р., съ дост. 11 р.; отдѣлъ для **дѣтей** (12 кн.) безъ дост. 5 р., съ дост. 5 р. 50 к.; **семейнаго чтенія и юношества** (12 кн.) безъ дост. 5 р., съ дост. 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разсрочка допуснается: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допуснается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, д. № 17, кв. 5.

Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева**.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И

На „ИЗВѢСТІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА“

въ 1887 году.

Въ 1887 году „Извѣстія“ будутъ выходить ежемѣсячными выпусками въ три печатныхъ листа. Программа I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ Обществъ въ Россіи и за границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библиографическія извѣстія. IV. Объясненія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и за границей, съ доставкой и пересылкой ТРИ рубля. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1887 года.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площ. Александринскаго театра, д. № 7.

Тамъ же можно получать «Извѣстія» 1884 и 1885 годовъ по два рубля за годовой экз. Отдѣльные нумера «Извѣстій» по 30 коп. будутъ продаваться въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и въ Славянскомъ Обществѣ.

Редакторы **Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. Г. Моравекъ**.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВ. АП. И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

Г Л А В А П.

Христось—умилостивленіе за грѣхи всего міра (1—2); познаніе Его и общеніе съ Нимъ, какъ свѣтомъ, въ любви (3—11); возможность сего общенія для всѣхъ (12—14); противоположная сему любовь міра (15—16). Послѣдняя година, антихристъ и антихристы (17—19). Истинное Христово ученіе въ противоположность антихристіанскому (20—29).

1. *Чадца моя, сія пишу вамъ, да не согрѣшаете: и аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведники.*

2. *И той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ точію, но и о всего міра.*

1. Дѣти мои! сіе пишу вамъ, чтобы вы не согрѣшали: а еслибы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа, праведника.

2. Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра.

Дѣти, или точнѣе—дѣточки, дѣтки мои: это нѣжное, глубокозадушевное обращеніе Апостола къ своимъ любимымъ духовнымъ чадамъ, которое, какъ видно изъ Евангелія, иногда въ особенныхъ случаяхъ обращалъ къ своимъ ученикамъ самъ Христось (Іоан. 13, 33; 20, 5), какъ особенно выразительное и трогательное. — Сіе пишу вамъ: т.-е. то, что выше, въ первой главѣ сего посланія излагалъ Апостоль о хожденіи во свѣтъ, о общеніи съ Богомъ, объ очищеніи грѣховъ кровію Христовою. — Пишу, чтобы внушить вамъ не

потворство грѣху, а отвращеніе отъ него, чтобы вы не согрѣшали. Кто говорить, что онъ не грѣшитъ, тотъ обманываетъ себя (ст. 8) и Бога (10); но вы не должны согрѣшать въ томъ смыслѣ, чтобы не потворствовать грѣху. Грѣшить стало прирожденнымъ свойствомъ человѣческой природы послѣ паденія человѣка, но поддаваться грѣху съ желаніемъ грѣшить не должно; другое дѣло—немошь естества, другое дѣло стремленіе грѣшить, желаніе грѣха; вы не должны грѣшить съ ~~желаніемъ грѣшить~~, и я пишу вамъ, чтобы вы не согрѣшали. А еслибы кто согрѣшилъ: то мы имѣемъ ходатая и пр.: должно стремиться быть чистымъ отъ грѣха, но совершенно не грѣшить невозможно; и старающіеся не грѣшить, по немощи естества, впадаютъ во грѣхъ. Черезъ такое паденіе иные могутъ впасть даже въ отчаяніе. Апостоль говоритъ, что если кто, при всемъ стараніи не грѣшить, по немощи естества впадаетъ въ грѣхъ, тотъ въ самомъ паденіи не долженъ падать духомъ, не долженъ думать, будто спасеніе уже для него невозможно или безнадежно, и онъ погибъ. Нѣтъ, благодать Божія такъ велика, или лучше сказать, непредѣльна, что согрѣшающему дала полную возможность изгладить содѣланный грѣхъ или грѣхи черезъ ходатая предъ Богомъ Иисуса Христа праведника.—Имѣемъ ходатая предъ Богомъ: ходатай значить защитникъ или заступникъ на судѣ. Предъ правдою Божіею весь міръ грѣшенъ и подлежитъ суду и наказанію. Единородный Сынъ Божій, по изволенію Отца, принявъ на себя плоть человѣческую, чтобы въ естествѣ нашемъ принести умиловительную жертву правдѣ Божіей за грѣхи всего человѣчества, или искупить весь родъ человѣческой отъ грѣха, проклятія и смерти и воссоединить съ Богомъ, смертію поправъ смерть, и изліянною на крестѣ кровію очистить природу человѣческую отъ скверны грѣха. Какъ искупитель отъ грѣха человѣчества всего, Онъ сталъ вмѣстѣ съ симъ и ходатаемъ или защитникомъ испу- пленнаго человѣка предъ судомъ правды Божіей, по- ходатайству Котораго грѣхъ снимается съ человѣка, и онъ является предъ судомъ Божіимъ оправданнымъ и чистымъ отъ

грѣха, и прирожденнаго и произвольнаго. Въ этомъ смыслѣ Онъ и называется Ходатаемъ всѣхъ или за всѣхъ предъ Богомъ, ходатаемъ Бога и человѣка (1 Тим. 2, 5). «Исуса Христа онъ (Апостоль) называетъ ходатаемъ за насъ, умоляющимъ или уговаривающимъ Отца. Это сказано человѣкообразно и съ особенною цѣлю, какъ и слѣдующія слова: Сынъ не можетъ ничего творить самъ отъ Себя (Іоан. 5, 19). Послѣднее сказано для того, чтобы не сочли Его богопротивникомъ. А что и Сынъ имѣетъ власть отпущать грѣхи, это Онъ показалъ на расслабленномъ (Матѣ. 9, 6). Также когда далъ ученикамъ власть отпущать грѣхи, ясно показалъ, что Онъ даетъ такое право самовластно. Но Апостоль, какъ мы сказали, говоритъ такъ теперь съ особенною цѣлю, именно—представить, что Сынъ имѣетъ одно естество и одну силу со Отцемъ и что дѣйствія одного изъ трехъ пресвятыхъ Лиць общи и прочимъ Лицамъ» (Θеофил.).—Словомъ: ходатай, которое приложено здѣсь къ І. Христу, переведено въ Іоанновомъ Евангеліи слово Утѣшитель, коимъ поименовалъ самъ Господь Св. Духа—третье Лице Св. Троицы (Іоан. 14, 16. 25; 15, 26. 16 и прим.), т.-е. и Христось и Духъ Св. въ Евангеліи Іоанновомъ и въ первомъ посланіи называются однимъ и тѣмъже именемъ утѣшителя или ходатая. Подобнымъ образомъ у св. ап. Павла представляются ходатайствующими предъ Отцомъ за людей и Господь Іисусъ Христось и Духъ Св. (Рим. 8, 26. 27. 34). Христось—ходатай за людей, какъ за нихъ принесшій Богу Отцу умилостивительную жертву; и Духъ Святой—ходатай, какъ усвоющій людямъ принесенную Христомъ жертву по вѣрѣ ихъ. Христось—утѣшитель, утѣшающій искупленныхъ Имъ вѣрующихъ людей своимъ заступничествомъ предъ судомъ правды Божіей; и Духъ Святой—утѣшитель, утѣшающій всѣхъ плачущихъ и скорбящихъ о грѣхахъ. И Тотъ и Другой—ходатай, заступники, защитители и утѣшители людей, почему и называетъ Себя и Духа Святаго самъ Христось симъ словомъ (Іоан. 14, 16) и св. апостоль Павелъ въ подобномъ же смыслѣ называетъ Того и Другаго (Рим. 8, 26. 27. 34).—

Праведника: совершенно праведнаго и единственно праведнаго Богочеловѣка. Только Сынъ Божій, Господь Иисусъ могъ совершить искупленіе всего рода человѣческаго отъ грѣха, какъ самъ единый безгрѣшный и праведный, ибо только отъ безгрѣшнаго могла быть принята жертва за грѣхи человѣка и всего человѣчества. Какъ безгрѣшный праведникъ, Господь Иисусъ, въ качествѣ первосвященника, принесъ умилоостивительную жертву за грѣхи людей однажды навсегда и за всѣхъ и тѣмъ сдѣлался ходатаемъ или утѣшителемъ всѣхъ и навсегда, что такъ сильно и опредѣлительно разъяснилъ св. ап. Павелъ, и особенно въ посланіи къ Евреямъ (см. особенно Евр. 7, 24—27).—Онъ есть умилоостивленіе и пр.: разъясненіе понятія: ходатай или утѣшитель, употребленнаго о Христѣ въ предшествующемъ стихѣ. Почему Онъ есть ходатай предъ Богомъ за грѣхи людей или утѣшитель? Потому, что Онъ есть умилоостивленіе за грѣхи наши. Это понятіе умилоостивленія, совершеннаго Христомъ, точно и сильно изъясняетъ св. апостоль Павелъ въ такихъ словахъ: люди получили оправданіе (предъ Богомъ) даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Иисусѣ, Котораго Богъ предложилъ въ жертву умилоостивленія въ крови Его (Рим. 3, 24—25). Примѣчательно, что апостоль Іоаннъ прилагаетъ ко Христу слово не—умилоостивитель, а—умилоостивленіе (также, какъ Слово, Жизнь, Свѣтъ); этимъ Апостоль хотѣлъ можетъ-быть охарактеризовать какъ самое лице умилоостивителя или примирителя, заступника или ходатая, такъ и самое совершенное Имъ дѣло умилоостивленія или ходатайства.—И всего міра: Христось принесъ умилоостивительную жертву не за наши только грѣхи, но за грѣхи всего міра, за грѣхи всѣхъ людей, которые жили до пришествія Его въ міръ и которые будутъ жить на землѣ до скончанія міра и съ вѣрою будутъ приходить къ Нему, ища въ Немъ спасенія отъ осужденія и вѣчной смерти. Жертва принесена Христомъ для искупленія всего рода человѣческаго; она безмѣрно велика и вполне довлѣетъ для того, чтобы силою ея спаслись всѣ люди, все человѣчество, такъ какъ

умеръ за всѣхъ не простой человѣкъ, но Богочеловѣкъ, единый безгрѣшный. Если же не всѣ спасаются, то не потому, что мала или недостаточна жертва, а только потому, что не всѣ вѣруютъ и чрезъ вѣру усвояютъ себѣ заслуги Христовы. Всѣ могли бы быть спасены, но не всѣ спасаются.

3. И о семъ разумѣемъ, яко познахомъ его, аще заповѣди его соблюдаемъ.

4. Глаголюй, яко познахъ его, и заповѣди его не соблюдаетъ, ложь есть, и въ семъ истинныи нѣсть.

5. А иже аще соблюдаетъ слово его, поисшии въ семъ любви Божія совершена есть, о семъ разумѣемъ, яко въ немъ есмь.

6. Глаголюй въ немъ пребывати долженъ есть, якоже онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ

3. А что мы познали Его, узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди.

4. Кто говоритъ: я позналъ Его, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжець, и нѣтъ въ немъ истинны.

5. А кто соблюдаетъ слово Его, въ томъ истинно любовь Божія совершилась: изъ сего узнаемъ, что мы въ Немъ.

6. Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ.

Связь рѣчи съ предшествующимъ такая: указавъ на основной членъ ученія вѣры о Христѣ, какъ ходатаѣ или умиловителѣ или искупителѣ, Апостоль для объясненія сего члена вѣры теперь показываетъ, что требуется отъ насъ или всѣхъ желающихъ усвоить вѣрою искупительныя заслуги Христа для того, чтобы Его ходатайство за насъ предъ Богомъ не было недѣйственно для насъ и чтобы наша надежда на Него не была бесплодна или погрѣшительна. Именно Апостоль показываетъ, что намъ необходимо нужно истинное познание I. Христа, какъ искупителя, а затѣмъ раскрываетъ и вѣрные признаки, по которымъ непогрѣшительно можемъ судить, подлинно ли и точно ли мы познаемъ I. Христа, ходатая. Можетъ быть, что и въ отношеніи къ этому члену вѣры лжеучители вводили въ заблужденіе вѣрующихъ, какъ и въ отношеніи къ познанію Бога Отца (ст. 6—7 и 9 гл. 1-й), на что указываетъ и подобная же сила и нѣкоторая рѣзкость слова (ст. 4) и естественная связь рѣчи.—А что

мы познали Его и пр. Познали ли мы Христа, какъ искупителя? Мы можемъ узнать это потому, соблюдаемъ или не соблюдаемъ заповѣди Его. Если соблюдаемъ, значитъ мы познали Его; если не соблюдаемъ, значитъ не познали. Что значитъ познать Его? Познать, что Онъ есть искупитель міра и ходатай. И это знаніе не есть просто отвлеченное знаніе, въ которомъ нѣтъ дѣятельной любви (1 Кор. 8, 1) и какое можетъ быть и у діавола (Іак. 2, 19), но познаніе истекающее отъ сердца и дѣйствующее на волю и воздѣйствующее въ любви. Въ этомъ смыслѣ выраженіе—познаемъ Его—равнозначительно предшествующему выраженію (ст. 1): имѣемъ ходатая, у насъ есть ходатай, и мы познаемъ или познали Его, въ смыслѣ—обладаемъ и любимъ. «У блаженнаго сего мужа въ обычаѣ употреблять однозначащія слова для обозначенія разныхъ предметовъ, какъ напримѣръ въ стихѣ: въ мірѣ бѣ, и мірѣ тѣмъ бысть и мірѣ его не позна (Іоан 1, 10). Такъ и теперь онъ употребилъ слово знать въ разныхъ значеніяхъ. Ибо словомъ знать выражается и знаніе чего-либо и весьма тѣсное знакомство съ кѣмъ-нибудь. Такое значеніе въ словахъ: позна Господь сущія своя (2 Тим. 2, 19), и: невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори (2 Кор. 5, 21)» (Θеофіл.). — Знаніе понимается не въ смыслѣ только созерцательнаго, но въ смыслѣ дѣятельнаго знанія, или знаніе соединенное съ дѣятельною любовію; это есть самая любовь, почему въ Писаніи нерѣдко принимаются въ одинаковомъ значеніи слова—знать и любить.—Узнаемъ изъ того, что (если) соблюдаемъ Его заповѣди: познали мы Его,—но чѣмъ удостовѣриться, что мы истинно знаемъ своего умиловителя или ходатая? Что можетъ служить непогрѣшительнымъ признакомъ такого познанія? Соблюденіе заповѣдей Его: если соблюдаемъ заповѣди Его. Знаніе не пустое и отвлеченное, но дѣятельное, соединенное съ любовію, необходимо выражается исполненіемъ заповѣдей (Іоан. 14, 21. 23 и прим.). Истинное знаніе Бога и Христа, любовь и соблюденіе заповѣдей нераздѣльны между собою.—Соблюдаемъ: есть нѣкоторый

тонкій оттѣнокъ въ выраженіяхъ—соблюдать заповѣди и творить заповѣди (ср. Лук. 17, 10. Матѳ. 28, 20 и парал.). Творить заповѣданное или заповѣди,—это означаетъ болѣе внѣшнія дѣла или заповѣди закона Христова; соблюденіе или храненіе заповѣдей относится болѣе къ внутреннему исполненію заповѣдей, къ храненію въ сердцѣ всего заповѣданнаго Христомъ, къ соблюденію чистоты и непорочности сердца. Важное дѣло творить дѣла внѣшняго закона, но еще выше хранить внутреннюю чистоту сердца при внѣшней законности.—Кто говоритъ и пр.: несоблюденіе заповѣдей Христовыхъ есть несомнѣнный признакъ того, что человекъ не имѣетъ истиннаго познанія о Христѣ, хотя бы онъ самъ не только говорилъ, но и увѣренъ былъ, что онъ имѣетъ познаніе о Христѣ; таковой или заблуждается, или говоритъ сознательно неправду и во всякомъ случаѣ лжець и нѣтъ въ немъ истины; онъ или говоритъ неправду сознательно, или ошибается, не усвоивъ себѣ истиннаго разумѣнія ученія Христова. Солнечному свѣту естественно согрѣвать и питать растительную жизнь, — такъ истинному познанію Христа свойственно питать любовь къ Нему и ревность къ соблюденію Его заповѣдей, иначе это будетъ свидѣтельствовать о томъ, что такое познаніе—холодное, бесплодное, мертвое. Такое познаніе надмѣвается и осуждаетъ, а не спасаетъ.—Кто соблюдаетъ, въ томъ любовь: познаніе, любовь и исполненіе заповѣдей суть понятія, взаимно себя предполагающія и взаимно себя сопоставляющія и восполняющія. Познаніе возбуждаетъ любовь и совершенствуется въ исполненіи заповѣдей, и взаимно. Но если одно качество не восполняется другимъ, то полнота и совершенство не достигается. Если познаніе не сопутствуется любовью, то любовь значитъ несовершенна; совершенства она достигаетъ въ томъ случаѣ, когда въ ней полно и познаніе и дѣйствіе, т.-е. исполненіе заповѣдей.—Истинно любовь Божія: любовь Бога Отца и любовь Христова, отражаемая въ любви такового человека, по изреченію самого Христа: да будутъ всѣ (вѣрующіе) едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, и они да

будутъ въ Насъ едино (Іоан. 17, 21 и прим. и парал.). Разумѣется нравственное общеніе вѣрующихъ съ Богомъ во Христѣ по силѣ любви и человѣка къ Богу и Бога къ человѣку.—Совершилась: или совершенна; не въ томъ смыслѣ, что любовь достигла послѣдней степени совершенства, такъ какъ въ настоящей жизни она не можетъ достигнуть совершенной полноты и можетъ только постепенно совершенствоваться по образу любви божественной, полной и всесовершенной, но въ томъ смыслѣ, что любовь, свидѣтельствуемая исполненіемъ заповѣдей, есть любовь истинная, спасительная.—Изъ этого узнаемъ и пр.: соблюденіе заповѣдей Христовыхъ, или слова Его, въ смыслѣ совокупности всѣхъ заповѣдей закона Его (ст. 5; 1, 10), показывая, что человѣкъ имѣетъ истинную любовь къ Богу, свидѣствуетъ и о томъ, что исполняющій заповѣди Его состоитъ въ общеніи или единеніи съ Богомъ во Христѣ и Св. Духѣ, о чемъ молился Христосъ: да будутъ всѣ едино, какъ Мы съ Тобою, Отче (Іоан, 17, 21).—Кто говоритъ и пр.: «и отъ противнаго подтверждаетъ тоже, употребляя самое полное доказательство» (Ѳеофил.). Выраженія о вѣрующихъ и о Христѣ: быть въ Немъ, пребывать въ Немъ, имѣть общеніе съ Нимъ, имѣютъ одинаковое значеніе въ общемъ, но имѣютъ и нѣкоторое тонкое различіе или отгѣнки; пребывать въ Немъ означаетъ болѣе полное и глубокое и внутреннее общеніе съ Нимъ въ любви, соединеніе съ Нимъ всецѣлое, каково напримѣръ соединеніе съ Нимъ въ высочайшемъ таинствѣ тѣла и крови Его.—Поступать какъ Онъ: въ смыслѣ жить и дѣйствовать, и въ жизни и въ дѣйствованіи выражать такія внутреннія свойства и качества, какъ и Христосъ. «Совершенная любовь, говоритъ, доказывается дѣлами. Но какъ бываетъ, что иной повидимому правильно и точно соблюдаетъ заповѣди, а внутреннее его расположеніе нечисто, почему онъ далеко отъ Бога: то Апостоль говоритъ, что присвоившійся Богу долженъ и жить такъ, какъ требуетъ близость къ Богу» (Ѳеофил.). Христосъ оставилъ примѣръ и образецъ, какъ дѣйствовать христіанамъ въ жизни (1 Петр.

2, 21), или идти по слѣдамъ Его. Пребывающій въ Немъ внутренно непремѣнно и въ жизни и въ дѣйствіяхъ поступаетъ или старается поступать, какъ Онъ поступалъ. Если не поступаетъ, то и не пребываетъ,—тотъ лжець, обманываетъ себя и истины въ немъ нѣтъ (1, 6 и пар.).

7. *Возлюбленніи, не заповѣдь нову пишу вамъ, но заповѣдь ветху, юже имѣсте исперва, заповѣдь ветха есть слово, еже слышасте исперва.*

8. *Паки заповѣдь нову пишу вамъ, еже есть поистинѣ въ немъ и въ васъ: яко тма мимоходитъ и свѣтъ истинный сей уже сіяетъ.*

7. Возлюбленные! пишу вамъ не новую заповѣдь, но заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала. Заповѣдь древняя есть слово, которое вы слышали отъ начала.

8. Но притомъ и новую заповѣдь пишу вамъ, что есть истинно и въ Немъ и въ васъ: потому что тма проходитъ и истинный свѣтъ уже свѣтитъ.

Предваряющія воззванія или обращенія со словами: дѣти, возлюбленные, указываютъ на особенное значеніе и важность истинъ, о которыхъ съ таковымъ предвареніемъ хочетъ говорить Апостоль, и особенно задушевное обращеніе Апостола съ вѣрующими. Это видимъ и у другихъ Апостоловъ (ср. 1 Петр. 9, 11 и пар.).—Пишу вамъ не новую заповѣдь (ст. 7), но притомъ и новую заповѣдь пишу вамъ (ст. 8): заповѣдь о любви Апостоль называетъ древнею и новою; не новою, древнею въ томъ смыслѣ, что она не только была заповѣдана Богомъ въ откровенномъ законѣ Его, данномъ чрезъ Моисея, какъ точно опредѣленная заповѣдь (Лев. 19, 18), но предписывается и всеобщимъ закономъ совѣсти, такъ что это заповѣдь не іудеевъ только, но и язычниковъ, и слѣдовательно не только закона Моисеева, но и всякаго закона. Эта заповѣдь—отъ начала. «Такъ какъ посланіе это—соборное, писано обще ко всѣмъ, къ іудеямъ и къ язычникамъ, то по отношенію къ іудеямъ можно сказать, что Апостоль пишетъ имъ заповѣдь о любви не новую, а древнюю. Ибо и на скрижаляхъ Моисеевыхъ написано было: люби, послѣ Бога, и ближняго своего, какъ самого себя (Лев. 19, 18). Но какъ, скажетъ иной, по отношенію къ язычникамъ Апостоль пишетъ о древней заповѣди,

когда нигдѣ ничего такого у нихъ не находится? Отвѣчаемъ. Законъ о любви къ ближнимъ написанъ и у язычниковъ. Какъ такъ? Онъ написанъ у нихъ на скрижали сердца естественными помыслами. А что помыслы, насажденные въ насъ природою, называются естественнымъ закономъ, въ этомъ можетъ удостовѣрить апостоль Павелъ, который говоритъ: вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего, находящемуся во мнѣ (Рим. 7, 23). Итакъ, и язычники приняли законъ или заповѣдь древнюю, такъ какъ сама природа предписываетъ намъ быть кроткими другъ къ другу и ко всему сродному; вслѣдствіе чего человѣкъ есть существо общительное, а это невозможно безъ любви» (Теофил.).— Вы, т.-е. читатели посланія, вообще вѣрующіе, имѣли или слышали эту заповѣдь отъ начала, какъ только увѣровали во Христа или стали слышать проповѣдь о спасеніи всѣхъ людей во Христѣ. Называя заповѣдь о любви древнюю въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, Апостоль называетъ ее и новою въ томъ смыслѣ, въ какомъ назвалъ ее новою и самъ Господь І. Христосъ въ изреченіи: заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга (Іоан. 13, 34 см. прим.). Господь, а по Его слову Іоаннъ, называя эту заповѣдь новою, означаетъ тѣмъ ея особенный, дѣйствительно новый характеръ, какой она должна имѣть у учениковъ и послѣдователей Христовыхъ, сравнительно со всѣми прочими людьми, выражающійся и въ побужденіяхъ къ любви и въ степени и въ объемѣ ея (см. прим. къ Іоан. 13, 34). Христіанская любовь къ ближнимъ не есть естественное только присущее душѣ человѣческой человѣколюбіе (филантропія), возможное и у язычниковъ, какъ основывающееся на законѣ совѣсти, и не есть предписаніе, имѣющее цѣлю только ограниченіе любостительности, какъ въ законодательствѣ Моисеевомъ, но есть свободная, добровольная любовь христіанъ между собою во имя Христова, во имя Христа, какъ искупителя всѣхъ людей, связанныхъ неразрывно между собою этимъ искупленіемъ. Отъ этого древняя заповѣдь о

любви къ ближнему получаетъ новый характеръ, отличающій ее отъ всякой другой, потому что любовь къ ближнимъ, какъ любовь во имя Христа Спасителя, явилась только въ христіанскомъ мірѣ, и въ христіанскомъ мірѣ только та любовь къ ближнимъ истинно христіанская, которая проявляется во имя Христово. Соотвѣтственно сему любовь христіанская отличается особенною чистотою, безкорыстіемъ, такъ сказать одухотворенностію. Только такая любовь можетъ достигать необыкновенно высокой степени и силы, ибо основывается на безконечно высокой идеѣ всеобщаго искупленія Христомъ и духовнаго единства всѣхъ во Христѣ, какъ братьевъ въ одномъ семействѣ Христа, или какъ членовъ одного духовнаго тѣла Христова. По всему этому заповѣдь о любви, данная Господомъ и повторяемая здѣсь возлюбленнымъ ученикомъ Его, есть новая заповѣдь.—Что есть истинно и пр.: истинно въ смыслѣ совершенства и исполненія. Истиной и совершенствомъ явилась эта заповѣдь о любви какъ новая въ самомъ Христѣ Иисусѣ, такъ какъ до Него никто не исполнялъ ее въ такомъ совершенствѣ; таковою явилась она и въ послѣдователяхъ Христовыхъ, такъ какъ вѣрующіе въ Него, силою Его любви и дѣйствіемъ Св. Духа понимаютъ и исполняютъ ее совершеннѣе, чѣмъ какъ понимали и исполняли ее не только язычники, но и іудеи; въ общеніи съ Нимъ они достигаютъ высокаго совершенства, такъ что эта заповѣдь о любви есть истина и въ Немъ и въ вѣрующихъ въ Него.—Потому что тьма проходитъ и пр.: тьма и свѣтъ въ духовномъ смыслѣ, какъ ложь и истина, какъ познаніе и невѣдѣніе, какъ грѣхъ и добродѣтель (см. прим. къ Іоан. 1, 4. 5. 8. 9). Въ этомъ смыслѣ свѣтъ всегда боролся и борется со тьмою; кризисъ этой борьбы совершился жертвою Христовою на Голгоѣѣ. До нея—по преимуществу тьма, съ нея—по преимуществу свѣтъ, тьма начала проходить, свѣтъ началъ свѣтить; тьма невѣдѣнія, заблужденій, грѣха, нечестія со Христа и отъ Христа все болѣе и болѣе разсѣивается и проходитъ, прогоняемая свѣтомъ истины Христовой во всѣхъ отрасляхъ жизни, и свѣтъ отъ нея свѣтитъ и

просвѣщаетъ всѣхъ,—что есть истинно и въ Немъ и въ насъ и что совершается въ любви и любовію.

9. *Глаголюй себе во свѣтъ быти, и брата своего ненавидяй, во тмь есть досель.*

10. *Любяй брата своего, во свѣтъ пребываетъ, и соблазна въ немъ нѣсть.*

11. *А ненавидяй брата своего во тмь есть, и во тмь ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тма ослѣпила очи ему.*

9. Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ.

10. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна.

11. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходитъ; и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза.

Любовь есть свѣтъ, все просвѣщающій,—отсутствіе любви къ ближнему или ненавидѣніе его есть тьма, все омрачающая.—Иначе: ненавидящій ближняго—нехристианинъ, хотя бы и считалъ себя таковымъ; въ немъ христианское начало духовной жизни не дѣйственно, въ немъ искупленіе не совершилось, и онъ—во тьмѣ; любящій ближняго свидѣтельствуетъ сею любовію, что истинное искупительное начало въ немъ дѣйственно, онъ истинно христианинъ и во свѣтѣ. Апостоль говоритъ о противоположностяхъ и безусловно: или любовь, или ненависть. Конечно, въ жизни бываетъ безконечно много степеней любви, но Апостоль беретъ безусловное вмѣсто относительнаго: и слабость и несовершенства братской любви, и поползновеніе къ братоненавидѣнію въ видѣ зависти, раздраженія, неудовольствія и т. п.—И нѣтъ въ немъ соблазна: тотъ, кто управляется въ дѣятельности духомъ любви Христовой, безопасенъ бываетъ отъ великихъ преткновеній или тяжкихъ паденій, потому что онъ во свѣтѣ и потому видитъ лежащіе на пути его жизни камни преткновеній, на которые онъ могъ бы упасть. Кто идетъ во тьмѣ, тотъ естественно можетъ спотыкаться о препятствія и падать, какъ ходящій во тьмѣ ненавидѣнія ближняго.—Не знаетъ куда идти, тьма ослѣпила его глаза: такая же образная рѣчь въ изреченіи Христовомъ Іоан. 12, 35—36 и прим.

12. Пишу вамъ, чадца, яко оставляются вамъ грѣси имени его ради.

13. Пишу вамъ, отцы, яко познасте безначальнаго. Пишу вамъ юношы, яко побѣдите лукаваго. Пишу вамъ, дѣти, яко познасте Отца.

14. Писахъ вамъ, отцы, яко познасте истиннаго, писахъ вамъ, юношы, яко крѣпцы есте, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдите лукаваго.

12. Пишу вамъ, дѣти; потому что прощены вамъ грѣхи ради имени Его.

13. Пишу вамъ, отцы; потому что вы познали Сущаго отъ начала. Пишу вамъ, юноши; потому что вы побѣдили лукаваго. Пишу вамъ, отроки; потому что вы познали Отца.

14. Я написалъ вамъ, отцы; потому что вы познали Безначальнаго. Я написалъ вамъ, юноши; потому что вы сильны, и слово Божіе пребываетъ въ васъ, и вы побѣдили лукаваго.

Со стиха 12-го Апостоль начинаетъ излагать новое наставленіе, именно предостереженіе противъ любви къ міру, чему предпосылаетъ воззваніе къ христіанамъ разныхъ возрастовъ. Связь рѣчи съ предыдущимъ и послѣдующимъ такова: Апостоль указалъ (ст. 7—11), какъ отличительный признакъ христіанскаго совершенства, необходимость исполненія заповѣди о любви къ Богу и Христу и ближнимъ; но сильнѣйшимъ препятствіемъ къ исполненію этой основной заповѣди христіанской служить любовь къ міру и къ тому, что въ мірѣ (ст. 15—17), почему Апостоль съ силою предостерегаетъ отъ таковой любви, и—съ особенными воззваніями.—Дѣти, отцы, юноши, отроки: этими возрастами обозначаются болѣе степени духовныхъ совершенствъ и качествъ, чѣмъ возрасты естественные, хотя нельзя исключать и послѣднихъ, такъ какъ нерѣдко случается, что возрастъ естественный соединяется съ духовнымъ. Въ царствѣ Христовомъ можетъ быть и бываетъ, что старцы возрастомъ могутъ быть не только дѣтьми, но и младенцами по умственному и нравственному совершенству, и наоборотъ.—Дѣти: Апостоль въ семь посланіи не разъ обращается къ читателямъ-христіанамъ съ этимъ названіемъ—дѣти въ смыслѣ ближайшаго отношенія между ними, какъ отца къ его чадамъ по духу и вѣрѣ, какъ любимаго учителя къ возлюбленнымъ ученикамъ

(такъ—2, 1. 18. 28; 3, 1. 18 и под.). Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ обращеніе дѣлается не въ этомъ общемъ, а въ болѣе частномъ смыслѣ, и означаются здѣсь дѣти по возрасту, конечно духовному, въ извѣстномъ впрочемъ соотвѣтствіи въ указанномъ смыслѣ и съ естественнымъ возрастомъ. Что разумѣются дѣти по возрасту, видно изъ того, что они сопоставляются съ отцами, юношами и отроками, а равно изъ конструкціи рѣчи (особенно греческой)—пишу вамъ дѣти, пишу вамъ отцы и пр.—Преподавая наставленіе христіанамъ соотвѣтственно возрастамъ, Апостоль для каждаго возраста указываетъ особенное побужденіе къ тому, чтобы каждый возрастъ не прилѣпился къ міру и къ тому, что въ мірѣ, впрочемъ такъ, что не слѣдуетъ полагать строгаго раздѣленія и разграниченія между ними, а такъ, что свойственное одному возрасту побужденіе свойственно и прочимъ, и отличаются они одинъ отъ другаго только преимущественнымъ, а не исключительнымъ характеромъ. Такъ напримѣръ дѣтямъ прощены грѣхи, но и отцамъ и отрокамъ они прощены; или отроки познали Отца, но и дѣти, и отцы, и юноши познали Его,—характеризуются преимущественно свойственныя тому или другому возрасту совершенства и качества, а не исключительно.—Дѣти, прощены вамъ грѣхи: дѣтскій, вмѣстѣ съ младенческимъ, первый возрастъ, въ которомъ вѣрующіе, возрождаясь въ купели крещенія, получаютъ (или получили уже) прощеніе грѣховъ и чрезъ то примирились съ Богомъ, крестною смертію Христа Спасителя. Посему, какъ получившіе ради имени Христова прощеніе грѣховъ, они съ самаго ранняго возраста и духовнаго и естественнаго, должны всецѣло посвящать себя Богу и Христу исполненіемъ заповѣдей, отвергая служеніе міру и что въ мірѣ. Прощеніе грѣховъ ихъ ради имени Христова для нихъ главное, соотвѣтственно ихъ возрасту, побужденіе любить Бога и Христа и ближняго и не любить міръ и все что въ немъ.—Отцы, вы познали Сущаго отъ начала: отцы—это тѣ, которыхъ св. апостоль Павелъ называетъ мужами, достигшими полнаго возраста Христова (Еф. 4, 13), которые достигли высокой степени

совершенства и истины. Имъ приписывается познаніе Сущаго отъ начала, или Безначальнаго, т.-е. познаніе самой высшей тайны спасенія, познаніе І. Христа, какъ Безначальнаго, какъ вѣчное Слово жизни (Іоан. 1, 1—2). И это познаніе Безначальнаго должно служить сильнѣйшимъ побужденіемъ для нихъ предпочитать любовь къ Безначальному всякой привязанности къ міру и его тлѣннымъ благамъ, а любить Бога и Христа, соблюдая заповѣди о любви къ нимъ и ближнимъ. Для сильныхъ—сильное, для мужей мужественное, для отцевъ примѣръ юношамъ и отрокамъ. — Юноши, вы побѣдили лукаваго: злаго, или точнѣе — виновника всего злаго, что есть въ мірѣ и противодѣйствуетъ всему доброму, искоенаго врага Бога и человѣка—діавола (см. прим. къ Матѣ. 6, 10 и пар.). Юношескій возрастъ, какъ естественный, такъ и духовный, прекрасенъ по своимъ свойствамъ и качествамъ,—возрастъ силы, свѣжести, гибкости, но и возрастъ страстности и неопытности. Онъ подверженъ сильному вліянію сердечныхъ возмущеній и страстей и при этомъ не имѣетъ полной опытности, и лукавый лукаво пользуется этими качествами его, чтобы осилить его и отклонить отъ надлежащаго пути истины. Но сильные силою Христовою и одушевленные христіанскимъ духомъ, юноши преодолѣваютъ всѣ соблазны міра и побѣдили лукаваго, бывъ при живости и воспріимчивости постоянными въ любви къ Богу и соблюденіи заповѣдей Его.—Отроки, вы познали Отца: отроческій возрастъ по степени ниже юношескаго и граничить съ дѣтскимъ и младенческимъ, какъ по естественному развитію, такъ и по духовному совершенству. Дѣтямъ приписывается общее, прощеніе грѣховъ, какъ новорожденнымъ младенцамъ въ крещеніи,—отрокамъ — тоже общее, познаніе Отца. Они еще не проникли въ тайну искупленія или спасенія, не познали еще Сына, хотя вѣровали въ Него, а познали только Отца. Такъ и въ естественномъ возрастѣ бываетъ, что при первомъ раскрытіи смысла дѣти прежде всего познаютъ своихъ родителей, и для нихъ достаточно бываетъ того, чтобы питать преимущественную любовь къ родителямъ. Также и въ возрастѣ

отроческомъ духовномъ. Познаніемъ Отца небеснаго питается ихъ смыслъ и любовь, и эта любовь выше для нихъ всякой другой любви, и въ этомъ смыслѣ Апостоль говоритъ, что они познали Отца, отроческою любовію уразумѣли и познали Его. Такимъ образомъ, всѣмъ духовнымъ степенямъ или возрастамъ предлагается высокое наставленіе о любви къ Богу и ближнимъ и нелюбви къ міру: и дѣтямъ, или младенцамъ, и отрокамъ, и юношамъ, и мужамъ, или отцамъ. Нѣтъ только наставленія или побужденія старческому возрасту, можетъ быть потому, что старость предполагаетъ возможно-высшую для человѣка степень духовнаго совершенства, такъ что она и не требуетъ и не нуждается въ особыхъ побужденіяхъ; она должна сама учить и дѣтей, и отроковъ, и юношей, и мужей.—Я написалъ вамъ, отцы, юноши и пр.: говоритъ Апостоль не о Евангеліи и не о какой-либо другой книгѣ, въ которой написалъ сіе, но о томъ, что сейчасъ только написалъ въ предшествующихъ строкахъ онъ самъ. Оборота рѣчи, для усиленія оной, Апостоль даетъ такой: я пишу вамъ дѣти, отцы, юноши, отроки, и вы помните, или запомните хорошо, чтò я сейчасъ написалъ вамъ, отцы, и вамъ, юноши; это особенно важно для васъ, а потому вы глубоко вложите въ душу вашу то, что я теперь пишу и написалъ вамъ. Помните отцы, что вы познали Безначальнаго; помните, юноши, что вы сильны, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдили лукаваго.—Сильны и пр.: юноши какъбы сравниваются уже здѣсь съ мужами, съ указаніемъ, что они сильны потому, что въ нихъ пребываетъ слово Божіе (ср. Іоан. 5, 38 и прим.). Господь говорилъ іудеямъ, что они слѣпы и глухи къ Его чудесамъ и ученію потому, что они не приняли въ душу свою ветхозавѣтнаго слова Божія, и оно не было дѣйственно въ нихъ, не держась въ душѣ ихъ, какъбы вылетало изъ нея, не было въ ней твердо пребывающимъ. Въ противоположность этому не только мужи, но даже и юноши христіанскіе приняли въ себя глубоко и крѣпко слово Божіе новозавѣтное (конечно, какъ и ветхозавѣтное), и оно пустило въ нихъ корни свои такъ, что осталось въ нихъ постоянно

пребывающимъ, и потому они стали сильны, какъ мужи, ибо сила слова Божія такова, что она побѣждаетъ всякія ухищренія и козни и соблазны лукаваго или діавола, какъ показалъ сіе самъ Христосъ, когда Его искушалъ діаволь въ пустынь (Матѳ. 4, 1—11 и парал.).—Говоря въ этомъ стихѣ объ отцахъ и юношахъ, Апостоль не говоритъ болѣе о дѣтяхъ и отрокахъ, какъ сказалъ въ предшествующемъ стихѣ, можетъ быть потому, что онъ, какъ выше замѣчено, не дѣлаетъ строгаго различія лицъ по возрастамъ и что говоритъ однимъ, то относитъ и къ другимъ, такъ какъ предлагаемыя наставленія относятся ко всѣмъ и дѣтямъ, и отцамъ, и юношамъ, и отрокамъ, только съ преимущественнымъ примѣненіемъ къ той или другой степени совершенства.

15. Не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отци въ немъ.

16. Яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очей, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть.

17. И міръ переходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки.

15. Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей.

16. Ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего.

17. И міръ переходитъ, и похоть его, а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣкъ.

Указавъ, что любовь къ Богу и ближнимъ составляетъ основаніе христіанской дѣятельности (7—11), и съ особеннымъ воззваніемъ къ христіанамъ по возрастамъ ихъ духовнымъ (12—14), Апостоль съ силою и рѣшительностію раскрываетъ противоположную мысль о томъ, что недостойно любви человѣка къ Богу и ближнимъ и противно любви Божіей къ человѣку. — Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: любить міръ или вселенную, какъ превосходнѣйшее созданіе Божіе на потребу и удовольствіе человѣка, повелѣваетъ и слово Божіе и сама природа человѣческая. Слѣдовательно любить міръ, какъ прекраснѣйшее твореніе Божіе, и можно и должно, и самъ же Богъ вложилъ въ нашу природу способность и потребность познавать и любить истину

и красоту и добро въ мірѣ и пользоваться съ любовію и благодарностію къ Нему дарами благодати Его въ мірѣ. Но вслѣдствіе грѣха человѣка природа измѣнилась въ своемъ отношеніи къ человѣку, а человѣкъ измѣнился въ отношеніи къ природѣ, и міръ вмѣстѣ съ человѣкомъ сталъ во злѣ, во грѣхѣ, и въ этомъ смыслѣ говорится, что міръ во злѣ лежитъ (ср. 5, 19 и прим.). А какъ зло и грѣхъ человѣкъ не долженъ любить, то и—міръ, почему и говоритъ Апостоль: не любите міра. «Чтобы ты не разумѣлъ подъ міромъ совокупность неба и земли, Апостоль объясняетъ, что такое міръ и находящееся въ мірѣ. И впервыхъ подъ міромъ разумѣетъ порочныхъ людей, которые не имѣютъ въ себѣ любви Отчей. Вовторыхъ подъ находящимся въ мірѣ разумѣетъ то, что совершается по похоти плотской, что дѣйствуя чрезъ чувства, возбуждаетъ похоть» (Феофил.). Человѣкъ долженъ любить Бога всею душею своею, а міръ, какъ грѣховный — во злѣ, и потому человѣкъ не долженъ любить его; человѣкъ такимъ образомъ стоитъ между ними и долженъ выбирать между ними, или любовь къ Богу, или любовь къ міру, долженъ служить или Богу, или мамонѣ (Матѣ. 6, 24; прим.). Богъ и міръ стали для человѣка, какъ противоположность, такъ что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога и кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу (Іак. 4, 4; ср. примѣч.). Такимъ образомъ, если нѣтъ въ человѣкѣ грѣховной привязанности къ міру, то онъ можетъ пользоваться и утѣшаться всеми дарами его; но какъ скоро онъ прилѣпляется къ нему и начинаетъ любить его, онъ становится для него грѣшнымъ, злымъ, его не нужно любить, какъ грѣхъ, какъ зло.—Тоже самое относится и ко всему, что есть въ мірѣ, и ко всемъ предметамъ міра, и ко всемъ людямъ, и ко всемъ животнымъ и вообще ко всемъ тварямъ: кто любитъ что-либо или кого-либо болѣе, чѣмъ Бога, тотъ недостойнъ Бога и любви Его (ср. Матѣ. 10, 37 и прим.). Но для чистыхъ все чисто, и безъ грѣха можно и должно пользоваться всемъ, какъ чистымъ во славу Божию (Тит. 1, 15); мѣра пользованія міромъ, какъ добрымъ, есть

мѣра любви къ Богу; если любишь Его, всё свято и чисто; если не любишь, все грѣшно и порочно или зло. Разумѣется, что рѣчь идетъ безусловная вмѣсто относительной. — Кто любитъ міръ и пр.: кто прилѣпляется пристрастно къ міру, тотъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ не любитъ Бога, а кто не любитъ Бога, того и Богъ не любитъ, и слѣдовательно любовь Бога не поживаетъ па томъ, или не пребываетъ въ томъ.—Не любите міра, ибо все что въ мірѣ не отъ Отца, а отъ міра; другими словами: не любите зла, ибо оно не отъ Бога, а отъ самого зла, или виновника его діавола; и кто любитъ его или прилѣпляется къ нему, тотъ прилѣпляется къ діаволу и устраняется отъ любви къ Богу и отъ Божіей любви къ нему. Въ мірѣ все противоположно тому, что требуетъ и что любитъ Богъ; основныя начала жизни міра, которыми онъ движется или управляется, не любовь къ Богу, къ творенію и святости самого человѣка, а похоть въ ея троечастномъ видѣ, — похоть плоти, похоть очей и похоть ума, или гордость житейская. Похоть, о которой говоритъ здѣсь апостоль Іоаннъ, это то, что по словоупотребленію св. апостола Павла называется вообще грѣховностію, какъ злое грѣховное расположеніе извращенной природы человѣка по паденіи (см. особенно Рим. 7, 7 и дал. и прим.). Въ этой природѣ человѣка кроются три страсти, на которыхъ, какъ на рычагѣ, вертится міръ, лежащій во злѣ, и со стороны которыхъ искушалъ самого Господа І. Христа искушитель на горѣ въ пустынѣ (ср. Мате. 4, 1—11 и пар. См. прим.). Первая изъ этихъ похотей или страстей есть похоть плоти или вообще чувственности. Это—страстныя возбужденія, раздраженія и пожеланія плотскія или чувственныя во всѣхъ многообразныхъ ихъ видахъ. Главное дѣйствующее начало въ нихъ не тѣло, не тѣлесныя потребности и склонности естественныя, но грѣховное начало, дѣйствующее чрезъ члены тѣла, и слѣдовательно противное Богу и несогласное съ любовью къ Богу и ближнимъ. Сфера дѣйствія этой похоти чрезвычайно обширна, чувственность почти главный рычагъ дѣйствія грѣховнаго міра на человѣка.—Похоть очей: это

та исконная похоть или страсть, которою изначала искушены были наши прародители и которою они согрѣшили и грѣшати всѣ ихъ потомки; это—все, что пріятно для глазъ и вождельнно, потому что даетъ знаніе (Быт. 3, 6), всякое грѣховное и страстное желаніе и вождельніе видѣть, знать, испытывать. Сфера дѣйствія этой похоти такъже обширна, какъ и похоти плоти, но эта похоть еще глубже входитъ въ душу, чѣмъ чувственность, и тоньше дѣйствуетъ и на умъ и на болѣе глубокія способности души. — Гордость житейская: если похотию очей и вождельніемъ знанія согрѣшили прародители, то похотию гордости согрѣшилъ дьяволъ и потому эта похоть, какъ начало, дѣйствующее въ мірѣ, можетъ быть еще сильнѣе и страшнѣе, чѣмъ указанная двѣ похоти. Сфера дѣйствія ея такъже широка, какъ и тѣхъ, но еще глубже дѣйствуетъ въ мірѣ и на міръ и на человѣка.—Это три страшныя пружины, которыя управляютъ міромъ, во злѣ лежащимъ, и все что ими живетъ и управляется, не есть отъ Бога, но отъ міра сего, и слѣдовательно въ томъ нѣтъ любви Отчей. Потому, не любите міра, ни того что въ мірѣ, тѣмъ болѣе, что и міръ проходитъ и похоть его. Это—новое побужденіе не любить міра и того что въ мірѣ: міръ и похоть его проходятъ: всѣ предметы и вещи міра, все къ чему человѣкъ питаетъ пристрастіе и привязанность, къ чему прилѣпляется болѣе чѣмъ къ Богу, въ чемъ мнитъ найти счастіе и наслажденіе, все это грѣховное, порочное и злое, все проходитъ, минуетъ, не можетъ постоянно продолжаться, потому что и самъ человѣкъ проходитъ и скоро; какъ тѣнь, какъ сонъ жизнь его, и не будетъ его и не познаетъ ктому мѣста своего. Наконецъ и весь этотъ міръ не вѣченъ, со всѣми его похотями преидетъ, или измѣнится въ новый видъ. Что же будетъ тогда съ любящими міръ, привязанными къ нему, которые, вмѣсто того, чтобы прилѣпляться любовію къ Богу, прилѣплялись къ этому преходящему и имѣющему прейти міру? «Благоразумнымъ несвойственно обѣгать постоянное и хвататься за мгновенное, ибо поступать такъ значитъ тоже, что стропить домъ на привидѣніи»

(Θεοφιλ.).—А исполняющій волю Божию пребываетъ во вѣкъ: въ противоположность преходящему міру исполняющій волю Божию, т.-е. любящій Бога и соблюдающій Его заповѣди стоитъ непоколебимо, ибо онъ на твердой скалѣ среди волнъ моря житейскаго и не подвергнется крушенію среди бури грѣха, похоти, зла въ мірѣ. Все, драгоценное для него въ сей жизни, не пройдетъ, какъ проходятъ похоти міра, а будетъ достояніемъ души его въ вѣкъ и будетъ приумножаться въ вѣчной жизни за предѣлами гроба въ вѣчности, когда міръ и похоть его пройдетъ, ибо любовь къ Богу и ближнимъ, составляющая основу христіанскаго совершенства, о которомъ здѣсь говоритъ Апостоль, никогда не престаётъ и не престанетъ (1 Кор. 13, 8).

18. Дѣти, послѣднѣя година есть: и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша: отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть.

19. Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами: но да явятся, яко не суть вси отъ насъ.

18. Дѣти! послѣднее время. И какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ: то мы и познаемъ изъ того, что послѣднее время.

19. Они вышли отъ насъ, но не были наши; ибо еслибы они были наши, то остались бы съ нами; но они вышли и чрезъ то открылось, что не всѣ наши.

Связь рѣчи съ предыдущимъ и послѣдующимъ такова: да міръ проходитъ и скоро пройдетъ, такъ какъ есть признаки, что теперь уже послѣднее время настаетъ; главный признакъ сего тотъ, что появилось много антихристовъ, и это показываетъ, что это послѣднее время, когда, какъ вы слышали, явится настоящій, послѣдній, главный антихристъ, котораго теперешніе и послѣдующіе антихристы будутъ только предтечами и предшественниками.—Послѣднее время: или точнѣе—послѣдній часъ, въ смыслѣ послѣдующаго неопредѣленнаго времени (ср. Іоан. 5, 25—28 и прим.). Это выраженіе въ Ветхомъ Завѣтѣ употреблялось въ значеніи времени, или точнѣе — періода времени явленія Мессіи на землѣ (Исаи 2, 2. Мих. 4, 1. Ос. 3, 5 и пар.). Оно перешло и въ Но-

вый Завѣтъ, сначала для означенія опредѣленнаго уже времени перваго явленія на землѣ Богочеловѣка І. Христа (Евр. 1, 1. 1 Петр. 1, 20), а потомъ для означенія втораго Его пришествія и будущаго вѣка (какъ Марк. 10, 30. Лук. 20, 34—35. Ефес. 1, 20), или же для указапія только на одно второе пришествіе Христова будущее и явленіе при концѣ міра (ср. Іак. 5, 3 и прим. 1 Петр. 1, 5 и прим. 2 Тим. 3, 1 и пар.), и именно въ смыслѣ близости сего пришествія. О послѣднихъ временахъ, или о послѣднемъ часѣ въ этомъ смыслѣ прикровенно говорилъ и самъ І. Христосъ (ср. Матѣ. 24, 42—44; 25, 1—12. 29. Марк. и Лук. пар.). Эту близость нужно измѣрять не временнымъ разстояніемъ втораго пришествія Христова отъ перваго, но разумѣть въ томъ смыслѣ, что съ первымъ пришествіемъ Христовымъ началась послѣдняя эпоха домостроительства Божія о спасеніи рода человѣческаго, которою долженъ окончиться міръ въ настоящемъ своемъ видѣ, когда будетъ то угодно Богу; но когда именно это будетъ, ни Христосъ самъ, ни Апостолы не указали точно, только признаки указали, но не вполне опредѣлительные. Близко можетъ быть, но когда будетъ, не извѣстно (ср. прим. къ Іак. 5, 7—9 и пар.).—И какъ вы слышали и пр.: нѣсколько сокращенную рѣчь для ясности лучше изложить нѣсколько пространнѣе, и тогда она будетъ опредѣлительнѣе. Настала послѣдняя эпоха домостроительства человѣческаго спасенія, которая окончится вторымъ пришествіемъ І. Христа на всеобщій и всемірный судъ. Когда именно это будетъ, точно не открыто; нужно быть бдительными и внимательными, потому что это можетъ быть скоро и внезапно, признаки таковой близости уже есть. Такъ напримѣръ вы слышали уже отъ самого Господа прикровенно, а отъ насъ со словъ Его ясно, что предъ пришествіемъ Его придетъ антихристъ, страшный врагъ Его и Церкви Его, и вотъ теперь видите, что антихристовъ появилось уже много; это признакъ, или одинъ изъ признаковъ, что послѣднее время.—Вы слышали, что придетъ антихристъ: слышали частію изъ Евангелія Христова, но яснѣе и опредѣ-

леннѣе изъ ученія апостольскаго, особенно ап. Павла, преимущественно же отъ самого Юанна. Господь говорилъ юдеямъ, что Онъ пришелъ во имя Отца своего и они не принимаютъ Его, а если иной придетъ во имя свое, того они примутъ (Юан. 5, 43; ср. прим.); подъ этимъ инымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ Отцевъ Церкви (напр. Златоуста, въ толк. на Юан. 5, 43), Господь прикровенно разумѣетъ антихриста, означая его какъ одно лице, какъ одного человѣка. Въ другомъ мѣстѣ (Матѳ. 24, 24 и парал., ср. прим.) Онъ говоритъ о лжехристахъ, которые въ извѣстномъ смыслѣ суть тоже противники Христа или антихристы, и говоритъ о нихъ во множественномъ числѣ; какъбы отличая ихъ отъ одного, особеннаго. Св. ап. Павелъ подробно изображаетъ антихриста, не называя его впрочемъ именно этимъ словомъ (2 Сол. 2, 2—10), и изображаетъ его, какъ особое, отдѣльное лицо, какъ одного человѣка, а не какъ общее понятіе, или собирательное лицо, или какъ общій противохристіанскій духъ или противохристіанское направленіе, какъ это видно изъ самаго состава рѣчи. Святой же Юаннъ Богословъ называетъ его этимъ самымъ точнымъ и опредѣленнымъ наименованіемъ — антихристъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ и далѣе (ст. 22; 4, 3 и парал.). Въ Апокалипсисѣ Юаннъ подробно изображаетъ его и его дѣйствія подъ образомъ звѣря 13, 2. 4. 8. 11 и пар.), отличая его, какъ особое лицо, отъ подобныхъ противниковъ Христа. Въ греческомъ подлинникѣ въ разсматриваемомъ мѣстѣ имя антихристъ стоитъ съ опредѣленнымъ указательнымъ членомъ, совершенно отдѣляющимъ это имя, какъ извѣстнаго опредѣленнаго лица, тогда какъ другіе антихристы, кромѣ главнаго, не стоятъ съ опредѣленнымъ членомъ и слѣдовательно, какъ многіе, какъ общес понятіе, отличаются отъ него. Такимъ образомъ Апостоль различаетъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ антихриста и антихристовъ; первый придетъ предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ на послѣдній судъ, а тѣ, какъ предтечи его, начали появляться еще при Апостолахъ и конечно будутъ появляться во всѣ времена христіанства, какъ предста-

вители антихристіанскаго духа или направленія. Это лжеучители, которые всегда являлись и являются и будутъ являться въ христіанской Церкви и внѣ ея, въ которыхъ какъ-бы воплощается всегда антихристіанскій духъ. Таковы въ первенствующей Церкви были, на примѣръ, Симонъ волхвъ, Керинѣъ, николаиты и пр. Они и подобные имъ въ другія времена суть какъбы орудія антихриста, проникнутыя его духомъ и направленіемъ. Этотъ духъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ во всѣ времена, но самый антихристъ явится въ послѣднія времена. Антихристъ—какъбы главный вождь всѣхъ противниковъ Христовыхъ, всѣ же другіе противники Христа или антихристы составляютъ какъбы воинство его. Съ ними или противъ нихъ борется воинствующая Церковь Христова на землѣ подъ невидимую главою Христомъ, тогда какъ воинство антихристово состоитъ подъ невидимую главою антихриста, имѣющаго придти, но до явленія его только одушевленное его духомъ. Въ послѣднее время и Христосъ и антихристъ открыто съ своими воинами сразятся, и Христосъ убіетъ антихриста духомъ устъ своихъ (2 Сол. 2, 8).—Такъ какъ по возрѣнію или по прозрѣнію Апостола таковыхъ антихристовъ въ его время появилось уже много: то изъ этого можно заключать, что и глава ихъ можетъ появиться; является воинство его, надобно ждать и вождя; изъ сего познаемъ, что послѣднее время, но о днѣ томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ небесный одинъ (Матѣ. 24, 36 ср. прим.).—Они вышли отъ насъ и пр.: Апостоль ведетъ рѣчь главнымъ образомъ объ антихристахъ, а не о главномъ антихристѣ; о послѣднемъ у него собственно вводное, а не главное предложеніе, какъбы присовокупленіе для поясненія главнаго предложенія объ антихристахъ, у которыхъ антихристіанскій духъ уже выразился въ апостольское время. Этими антихристами, какъ видно изъ связи рѣчи въ изображеніи апостольскомъ, называются появившіеся во время Апостоловъ лжеучители, которыхъ въ общемъ теперь и характеризуетъ Апостоль. Они вышли отъ насъ, т.-е. они прежде были съ нами въ Церкви, значить исповѣдывали

туже православную вѣру, участвовали въ тѣхъже церковныхъ таинствахъ, были членами одного и тогоже таинственного тѣла Церкви Христовой, значить были не іудеи, не язычники по вѣрѣ, а христіане.—Но они не были наши: такимъ образомъ они только внѣшне принадлежали къ Церкви, внутренно же не были въ ней, а внѣ ея. Можетъ быть они мнили, что внутренно принадлежатъ къ тѣлу церковному, какъ это бываетъ съ лжеучителями, но обманывали этимъ себя, что и оказалось въ томъ, что они вышли изъ нея, т.-е. что Церковь не приняла ихъ въ себя, а отвергла или извергла. Еслибы они истинно принадлежали къ Церкви, то они пребыли бы непремѣнно вѣрными Церкви; никакое паденіе, никакой соблазнъ, никакое искушеніе не поколебали бы ихъ въ вѣрѣ и привязанности къ Церкви, и еслибы они пали немощію, то возстали бы силою. Но они вышли: отдѣлились отъ Церкви, такъ отдѣлились, что возстали противъ Христа и стали антихристами, что свидѣтельствуеть о противоборствѣ ихъ Христу и Церкви, и такимъ образомъ оказалось, что не всѣ наши, не всѣ видимые христіане, суть истинные христіане; есть люди, которые изъ читателей Христа стали антихристами. «Откуда эти антихристы? Они отъ насъ... Для чего же антихристы изъ учениковъ Господнихъ? Для того, чтобы имѣть довѣріе отъ обольщаемыхъ, чтобы обольщаемые думали, что они, какъ изъ числа учениковъ, проповѣдуютъ ученіе по мыслямъ Учителя, а не совершенно противны Его проповѣди. Посему говорить—отъ насъ. Вышли, т.-е. хотя были учениками, но отстали отъ истины и выдумали свои хулы. Не были наши: т.-е. изъ числа спасаемыхъ. Ибо въ противномъ случаѣ они остались бы въ союзѣ со своими. Теперь же они сдѣлали это, дабы открылось, т.-е. чтобы сдѣлалось яснымъ, что они совершенно стали чужды намъ. Есть между ними и такіе, которые и не отъ насъ, но къ которымъ присоединились вышедшіе отъ насъ. Ради ихъ-то я и сказалъ, что не всѣ наши» (Θеофил.). Какъ такъ и почему такъ? Видно, что по предъизбранію и по предувѣдѣнію Божію, лжеучители, о которыхъ говорить Апостоль, не

были, выражаясь образно, пшеницею предназначенною для вѣчной житницы, а были плевелами посреди пшеницы, которые всѣялъ діаволь на нивѣ Христовой; потому вѣтеръ или вихрь искушеній и вынесъ ихъ за предѣлы гумна Христова, вонъ изъ Церкви (ср. Матѣ. 13, 36—47 и прим.).

20. И вы помазаніе имате отъ святаго, и вѣсте вся.

21. Не писалъ вамъ, яко не вѣстѣ истинны, но яко вѣсте ю, и яко всяка лжа отъ истинны нѣсть.

20. Впрочемъ, вы имѣете помазаніе отъ Святаго, и знаете все.

21. Я написалъ вамъ не потому, чтобы вы не знали истинны, но потому, что вы знаете ее, равно какъ и то, что всякая ложь не отъ истинны.

Впрочемъ: оговариваетъ Апостоль причину того, почему онъ не излагаетъ такого важнаго предмета, какъ ученіе объ антихристахъ и антихристѣ, подробно и обстоятельно, а преподаетъ лишь краткія наставленія. Причина та, что читатели посланія, какъ и всѣ христіане, имѣють уже достодолжное понятіе объ истинѣ христіанскаго ученія отъ того помазанія, котораго сподобились они отъ Святаго и которымъ правильно могутъ отличать истину отъ лжи. — Вы имѣете помазаніе: помазаніе было символическимъ въ Вѣхомъ Завѣтѣ дѣйствіемъ изліянія на помазуемаго особыхъ даровъ Божіихъ для особеннаго служенія Богу или Церкви Божіей, каково служеніе первосвященническое, пророческое и царское (см. прим. къ Матѣ. 1, 1). Въ первое время христіанской Церкви христіане получали особенные дары Св. Духа чрезъ возложеніе рукъ; но вскорѣ же это дѣйствіе замѣнено было дѣйствіемъ помазанія, какъ видно то между прочимъ и изъ разсматриваемаго мѣста и изъ посланій ап. Павла (1 Кор. 1, 21—22. Еф. 4, 30). Въ понятіи помазанія Апостоль соединяетъ и понятіе о дѣйствіи Св. Духа, которымъ всѣ вѣрующіе помазуются и запечатлѣваются въ таинствѣ муропомазанія, и то вѣдѣніе, которое приобрѣли и приобрѣтають чрезъ сіе вѣрующіе и которое само научаетъ ихъ вѣрѣ и ея познанію (ст. 27), отличая истину отъ лжи. — Отъ Святаго:

т.-е. Господа І. Христа, какъ видно изъ подобнаго изреченія въ ст. 27-мъ, такъ какъ Господь послалъ отъ Отца Утѣшителя Св. Духа, который и раздѣляетъ дары свои вѣрующимъ, сообщая имъ помазаніе и запечатлѣвая ихъ. Святымъ Господа І. Христа Сына Божія называетъ Іоаннъ и въ Апокалипсисѣ (3, 7 ср. Дѣян. 3, 14. Марк. 1, 24. Лук. 4, 34).— И знаете все: изреченіе безусловное вмѣсто относительнаго. Все не въ томъ смыслѣ, чтобы христіанинъ безусловно все зналъ, что невозможно, а все существенное, что необходимо для спасенія и для того, чтобы отличить спасительныя истины отъ заблужденія лжеучителей и лжи. Обольстители или антихристы, и сами заблуждаясь и вводя вѣрующихъ въ заблужденіе, обольщаются и обольщаютъ такъ, что не только простымъ въ вѣрѣ, но и искуснымъ, безъ особеннаго духовнаго озаренія свыше, трудно отличить ихъ и ученія и дѣйствія отъ истины, и вотъ потому-то, между прочимъ, христіанамъ даровано помазаніе отъ Святаго, которымъ они могутъ знать и знаютъ все что нужно имъ знать для спасенія, чтобы хранить правую вѣру и удаляться отъ лжеученія и лжеучителей.—Я написалъ вамъ: «онъ какъ бы такъ говоритъ: но что я разсуждаю объ этомъ съ вами, какъ будто вы не знаете сего? Нѣтъ, вы сами знаете это. Ибо при святомъ крещеніи вы приняли помазаніе и чрезъ оное божественнаго Духа. Если же такъ, то знайте, что я написалъ вамъ объ этомъ не какъ незнающимъ, но какъ знающимъ» (Теофил.). Я написалъ вамъ (ср. ст. 14 и прим.) объ антихристахъ, обольстителяхъ или лжеучителяхъ (ср. ст. 26), не для того, чтобы предложить вамъ подробное ученіе объ истинахъ правой вѣры и спорить со лжеучителями, какъбы вы не знали истиннаго ученія,—нѣтъ, вы знаете его по дарованію духовному отъ Св. Духа; но я только утверждаю то, что вы получили въ духовномъ помазаніи и что вы знаете, равно какъ и то (знаете), что всякая ложь не отъ истины. Не о погрѣшности въ ученіи рѣчь, а о лжи, сознательномъ обманномъ лжеученіи, которое есть совершенная противоположность истинѣ. Господь самъ прямо указалъ, гдѣ источ-

никъ лжи и кто виновникъ лжи или отецъ лжи (ср. Іоан. 8, 44 и прим.): истина отъ Бога, такъ какъ Богъ есть истина, ложь же отъ діавола, который, не устоявъ въ истинѣ, сталъ отцемъ лжи.

22. *Кто есть лживый, тою отматайся, яко Иисусъ нвствъ Христосъ; сей есть антихристъ, отматайся Отца и Сына.*

23. *Всякъ отматайся Сына, и Отца имать: а исповѣдаий Сына, и Отца имать.*

22. Кто лжець, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Иисусъ есть Христосъ? Это антихристъ, отвергающій Отца и Сына.

23. Всякъ отвергающій Сына не имѣеть и Отца: а исповѣдующій Сына имѣеть и Отца.

Кто лжець, если не тотъ и пр.: для предостереженія своихъ возлюбленныхъ чадъ отъ появившихся уже и имѣющихъ еще появится антихристовъ, подъ которыми разумѣются лжеучители, или еретики, или обольстители, Апостоль указываетъ самый вѣрный и рѣшительный признакъ, по которому вѣрующіе мѡгутъ узнать или примѣтить лжеученіе и лжеучителя,—это отрицаніе или искаженіе истиннаго ученія или догмата объ Иисусѣ Христѣ, какъ обѣтованномъ и предреченномъ и явившемся во плоти Единородномъ Сынѣ Божіемъ. Кто отвергаетъ или искажаетъ истинное ученіе объ Иисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, тотъ антихристъ, обольститель или лжеучитель, напитанный духомъ антихристовымъ, какъбы одинъ изъ предтечъ антихриста, которыхъ уже много явилось и еще много явится. Иначе сказать: лжець—тотъ, или лжеучитель и антихристъ въ общемъ смыслѣ, кто отвергаетъ или искажаетъ ученіе о божественной и чело-вѣческой природѣ І. Христа, кто такимъ образомъ не признаетъ, что Иисусъ изъ Назарета есть Мессія, Сынъ Божій и Спаситель міра, Богочеловѣкъ, Богу Отцу единосущный. Форма выраженія такова, что это не только лжець, но лжець по преимуществу: кто лжець, какъ не отматающійся и пр.? Могутъ быть лжецы разнаго рода, отрицающіе или извращающіе то или другое ученіе, тотъ или другой догматъ; но кто отрицаетъ или искажаетъ основное или существенно важное ученіе о Богочеловѣчествѣ І. Христа, ученіе, состав-

ляющее главный камень въ зданіи Церкви, тотъ лжець по преимуществу, какъбы лжець изъ лжецовъ, антихристь или сынъ антихриста.—Отвергающій Отца и Сына: онъ антихристь, противникъ Христа, такъ какъ отвергаетъ Христа; но онъ имѣетъ—отвергающій и Бога Отца, слѣдовательно отвергающій Отца и Сына. Затѣмъ Апостоль объясняетъ, почему таковой, отменяя Сына, отменяетъ и Отца. Истинный Богъ познается только въ Сынѣ и чрезъ Сына, никакое другое общеніе съ Богомъ невозможно, какъ только чрезъ Сына Его. Посему, кто имѣетъ правильное понятіе о Сынѣ Божіемъ, тотъ правильно и вѣруетъ въ Бога и почитаетъ Его, а кто имѣетъ ложное понятіе о Сынѣ, тотъ неправильно и вѣруетъ въ Бога и почитаетъ Его; или—кто вѣруетъ во Иисуса Христа, тотъ вѣруетъ и въ Бога Отца, отвергающій одного отвергаетъ и другаго.—(Еретики) отвергаютъ и Сына, когда говорятъ, что Онъ простой человѣкъ, а не Богъ по естеству, Богъ отъ Бога. Поэтому Апостоль присовокупляетъ: всякій отвергающій Сына, не имѣетъ и Отца. Иудеи напри- мѣръ отвергаютъ Сына и присвояютъ себѣ знаніе Отца. Но пусть они знаютъ, что они и Отца еще не познали, ибо еслибы узнали Его, то узнали бы и Сына, потому что Онъ есть Отець и Сына Единороднаго (Θεοφил.).—Но нужна не только вѣра въ Сына Божія и познаніе Его, какъ и Отца, но и исповѣданіе Его, ибо только исповѣдующій Сына, имѣетъ и Отца. Исповѣдовать Сына Божія или І. Христа значитъ не только внутренно вѣровать въ Него, но и словомъ и дѣломъ свидѣтельствовать, что Онъ есть истинный Богъ, Спаситель всѣхъ людей, и дѣйствовать и жить сообразно съ вѣрою въ Него и съ ученіемъ Его (ср. прим. къ Матѣ. 10, 32 — 33. Рим. 10, 9 — 10. 1 Тим. 6, 12—13). Посему, исповѣдующій Сына имѣетъ въ себѣ и Отца: Сынъ и Отець едино (ср. Іоан. 10, 30 и прим.).

24. Вы убо еже слышастѣ исперва, въ васъ да пребываетъ (и) аще въ васъ пребудетъ еже исперва слышасте, и вы въ Сынъ и Отць пребудете.

24. Итакъ, что вы слышали отъ начала, то и да пребываетъ въ васъ: если пребудетъ въ васъ то, что вы слышали отъ начала, то и вы пребудете въ Сынѣ и въ Отцѣ

25. *И сіе есть обѣтованіе, еже самъ обѣща намъ животъ вѣчный.* 25. Обѣтованіе же, которое Онъ обѣщаль намъ, есть жизнь вѣчная.

Что слышали, да пребываетъ и пр.: что слышали, разумѣется отъ Апостоловъ и чрезъ нихъ отъ самого Господа Іисуса, то да пребываетъ, т.-е. слово, ученіе, проповѣдь, чтобы въ васъ жило, господствовало, проникало вашъ духъ и всю вашу жизнь, чтобы было дѣйствующимъ началомъ всей вашей жизни и дѣятельности. Иначе сказать: что вамъ преподано, какъ правая, истинная, живая вѣра и ученіе, то и храните всегда и неизмѣнно; исполняйте то, что вамъ заповѣдано исполнять, не слушайте лжеучителей, не принимайте ихъ лжеученій. Тогда и вы пребудете и въ Сынѣ и во Отцѣ, т.-е. въ общеніи съ Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божіимъ и съ Богомъ Отцемъ и примете обѣтованіе, которое обѣщаль Онъ самъ вамъ. Что же это за обѣтованіе? Обѣтованіе это есть жизнь вѣчная: т.-е. вѣчную жизнь обѣтоваль Спаситель тѣмъ; кто пребудеть во Отцѣ и Сынѣ. Господь говорилъ Апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ вѣрующимъ: сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя единого истинного Бога и посланнаго Тобою Іисуса Христа (Іоан. 17, 3 и прим.). «Храните у себя то, что вы слышали отъ начала, именно—что Христосъ есть Богъ, ибо это значать слова—въ васъ да пребываетъ. Если пребудеть въ васъ то, что вы слышали отъ начала, то и вы пребудете въ Сынѣ и въ Отцѣ, т.-е. будете въ общеніи съ Ними» (Θеофил.). Это общеніе и познаніе Бога, о которомъ говорилъ Господь (ср. ст. 3—4), основывающееся на вѣрѣ, порождаемое и сопутствуемое вѣрою, общеніе и познаніе живое и дѣйственное, объемлетъ всю сущность христіанскаго познанія по его содержанію и потому такое познаніе и общеніе есть жизнь вѣчная, ибо поставляетъ человѣка въ духовное единеніе съ источникомъ вѣчной жизни—Богомъ Отцемъ и Христомъ, которые и пребываютъ въ имѣющемъ такое познаніе (Іоан. 3, 15; 14, 23; 17, 21 и прим.).

26. *Ся писалъ вамъ о лстя-
щилъ васъ.*

26. Это я написалъ вамъ о
обольщающихъ васъ.

Это я написалъ вамъ о обольщающихъ васъ: «окончивъ рѣчь веденную выше, Апостоль прибавляетъ о тѣхъ, которые обольщаютъ ихъ появившимися во множествѣ ересеями» (Θеофил.), какъбы говоря: вотъ что я счелъ нужнымъ написать вамъ относительно тѣхъ антихристовъ или лжеучителей, о которыхъ я только что писалъ вамъ и которые обольщаютъ и будутъ обольщать васъ, злоумышляя совратить васъ съ пути здраваго ученія и свергнуть въ пропасть заблужденій,—написалъ для того, чтобы вы удалялись или избѣгали этихъ и подобныхъ обольстителей. Этотъ стихъ соединяетъ или сцѣпляетъ предыдущую рѣчь съ послѣдующею, служба ихъ связію.

27. *И вы еже помазаніе пріясте
отъ него, въ васъ пребываетъ, и
не требуете, да кто учитъ вы:
но яко то само помазаніе учитъ
вы о всемъ, и истинно есть, и
нисть ложно: и якоже научи
васъ, пребывайте въ немъ.*

27. Впрочемъ, помазаніе, которое вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ, но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и pewno, то, чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте.

28. *И нишь, чадца, пребывай-
те въ немъ: да егда явится, има-
мы дерзновение, и не посрамимся
отъ него, въ пришествіи его.*

28. Итакъ, дѣти, пребывайте въ Немъ, чтобы, когда Онъ явится, имѣть намъ дерзновение и не постыдиться предъ Нимъ въ пришествіе Его.

Впрочемъ, помазаніе и пр.: выше (ст. 20), по поводу рѣчи объ антихристахъ или лжеучителяхъ, Апостоль кратко упомянулъ о присущемъ во всѣхъ вѣрующихъ помазаніи отъ Святаго; теперь снова, ведя рѣчь объ этихъ же обольстителяхъ, онъ находитъ нужнымъ сказать подробнѣе нѣсколько и сильнѣе объ этомъ великомъ дарѣ благодати, который получили всѣ вѣрующіе для правильнаго познанія истинъ вѣры и охраненія отъ лжеученія и лжеучителей.—Въ васъ пребываетъ: полученное туне отъ Христа Его искупительною жертвою, при содѣйствіи Св. Духа, это помазаніе пребываетъ

въ вѣсть, какъ животворно дѣйствующее начало жизни христіанской, просвѣщая ваше познаніе и ограждая отъ заблужденій.—Вслѣдствіе этого вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ, такъ какъ вы отъ помазанія знаете все, что нужно вамъ знать для полученія спасенія и охраненія отъ лжеучителей. Это не значитъ, что всѣ вѣрующіе, все общество или вся Церковь не должны сами учиться и учить истинамъ вѣры тѣми способами и средствами, какими совершается обычно наученіе истинамъ вѣры. Апостоль говоритъ о цѣлой Церкви по ея сущности или идеѣ, въ общемъ отношеніи и къ разумѣнію ея вѣры Христовой и ея познанію. Слова его нужно понимать не въ отношеніи къ каждому члену Церкви порознь, такъ какъ въ ней есть и дѣти, имѣющія нужду въ наученіи, дѣти и по возрасту и по знанію, требующія наставленія, вразумленія, ученія; есть немощные и не крѣпкіе разумѣніемъ и знаніемъ, требующіе духовнаго руководства, вразумленія и укрѣпленія; есть нужды и потребности вѣдѣнія и наученія для отроковъ, для юношей, для дѣтей, для отцевъ (ст. 12—14 и прим.). Для всего этого есть и должны быть въ Церкви отцы, учителя, воспитатели, врачи духовные. Но въ общемъ, въ сущности Церковь Христова имѣетъ столько спасительнаго вѣдѣнія и столько спасительныхъ средствъ познанія вѣры, что можетъ не имѣть и не имѣетъ никакой нужды ни въ какомъ новомъ ученіи, ни въ какихъ новыхъ учителяхъ, которые вздумали бы учить чему-нибудь новому, несогласному съ ученіемъ апостольскимъ, хранимымъ въ Церкви, что либо исправлять, или измѣнять.—Самое сіе помазаніе учитъ васъ всему: какъ сила дѣйствующая и созидающая, или точнѣе какъ источникъ сей силы. Понятіе помазанія очевидно олицетворяется, дѣйствіе приписывается дѣйствующему. Кратко сказать: научаетъ вѣрующихъ Духъ Святой, символически изливающий на вѣрующихъ дары свои и такимъ образомъ обучающій ихъ всему и наставляющій ихъ на всякую истину (ср. Іоан. 15, 15; 16, 12—13 и прим.). Господь самъ сказалъ своимъ ученикамъ, что Онъ сказалъ имъ все, т.-е. всю волю Божію отно-

сительно того великаго дѣла, ради котораго Онъ пришелъ на землю, и обѣтованный Имъ Духъ истины долженъ наста-вить ихъ на всякую истину, или—что тоже — научить ихъ всему. И оно истинно и не ложно: т.-е. само помазаніе истинно и не ложно, равно какъ конечно и то ученіе, кото-рому оно научаетъ,—слѣдовательно истиненъ и неложенъ и тотъ Утѣшитель Духъ, который даруетъ или сообщаетъ это помазаніе вѣрующимъ. — Въ томъ пребывайте: если оно научаетъ всему, если оно истинно и не ложно и слѣдова-тельно ученіе Его—божественное ученіе, то въ немъ вы и пребывайте, т.-е. храните его въ сердцѣ вашемъ и оплодо-творяйте его живую вѣрою, будьте постоянны, тверды и непоколебимы въ этомъ ученіи, не поддавайтесь никакимъ обо-льщеніямъ и лжеученіямъ. «Итакъ, если вы твердо храните у себя Духа Святаго, котораго вы приняли, то не имѣте нужды, чтобы кто училъ васъ. Но какъ этотъ самый Духъ научилъ васъ всему, то въ томъ и пребывайте, чему Онъ научилъ васъ, ибо то, чему Онъ научилъ васъ, истинно и не ложно» (Θеофил.). Такимъ образомъ то дѣйствіе въ от-ношеніи къ вѣрующимъ, которое въ настоящемъ мѣстѣ Апо-столь называетъ помазаніемъ, самопоучающее и утвержда-ющее вѣрующихъ, есть творческое дѣйствіе всей Пресвятой Троицы, ибо у Христа и Апостоловъ оно приписывается и Отцу, и Сыну, и Св. Духу, какъ видно изъ приведенныхъ словъ въ Евангеліи отъ Іоанна и въ рассматриваемомъ мѣстѣ и что кратко и характерно изречено въ слѣдующихъ словахъ св. ап. Павла: «утверждающій насъ съ вами во Христѣ и помазавшій насъ есть Богъ (Отецъ), который и запечатлѣлъ насъ и положи-лъ залогъ Духа въ сердца наши» (2 Кор. 1, 21—22).—Если же получившіе помазаніе отъ Отца и Сына и Св. Духа—пома-занники Божіи, то не помазанные—не Божіи, а антихристы.—Итакъ: точнѣе (какъ и въ славянскомъ переводѣ) и нынѣ, въ это послѣднее время, когда много антихристовъ,—обольстите-лей или лжеучителей явилось въ мірѣ (ст. 18), когда особенно нужно озабочитися объ утвержденіи себя въ ученіи, которое вы приняли въ помазаніи,—пребывайте во Христѣ съ Его

ученіемъ и въ исполненіи заповѣдей Его, пребывайте въ общеніи съ Нимъ (ст. 24).—Когда Онъ явится... въ пришествіе Его: разумѣтся явленіе при второмъ пришествіи Христовомъ, при кончинѣ міра сего, для страшнаго суда (ср. Матв. 24 гл. и прим. и парал. 1 Кор. 15, 21. 1 Сол. 2, 19. Кол. 3, 3—4. Іак. 5, 7—9 и прим.). Имѣть дерзновеніе и не постыдиться: безъ страха и смущенія, а съ радостію и любовію, въ надеждѣ помилованія и полученія жизни вѣчной, предстать предъ лицомъ Его; не потерпѣть униженія и посрамленія, каковому подвергнутся на послѣднемъ судѣ всѣ невѣровавшіе во Христа и нераскаянные грѣшники.

*29. Лице вѣсте, яко праведникъ
есть, разумѣйте, яко всякъ тво-
рой правду, отъ него родися.*

29. Если вы знаете, что Онъ праведникъ: знайте и то, что всякій, дѣлающій правду, рожденъ отъ Него.

Связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ такова: вы, вѣрующіе, пребывайте во Христѣ съ Его ученіемъ, ибо въ Немъ ваша праведность и чрезъ Него вы имѣете возрожденіе отъ Бога и усыновленіе Ему, по которымъ вы становитесь чистыми отъ грѣха (ст. 27—3, 10. Ср. 2, 1—2). Если вы знаете: отъ принятаго вѣрующими помазанія отъ Святаго (ст. 20—27) вы знаете, или по крайней мѣрѣ должны знать точно также, какъ и изъ ученія, которое приняли отъ начала, знать слѣдовательно и изъ собственнаго внутренняго духовнаго опыта и отъ внѣшняго наученія (Рим. 10, 17).—Что Онъ праведенъ: кто Онъ? По связи рѣчи въ этомъ стихѣ и въ послѣдующихъ это не вполне ясно и потому требуетъ нѣкотораго уясненія. Въ разсматриваемомъ (29) стихѣ Онъ праведенъ, по связи рѣчи въ стт. 27 и 28, Христосъ, отъ котораго вѣрующіе приняли помазаніе и который явится какъ судія въ пришествіи Его; но въ томъ же стихѣ словомъ Онъ означаетъ не Христосъ, а Богъ Отецъ, отъ котораго рожденъ всякій дѣлающій правду. Ибо выраженіе, чтобы вѣрующій родился отъ Христа или Сына Божія, не употребительно въ слововыраженіи новозавѣтныхъ писаній, а въ слѣдующихъ стихахъ говорится только о рожденіи отъ

Бога, о дѣтяхъ Божіихъ, объ усыновленіи Богу, какъ и въ другихъ дальнѣйшихъ изреченіяхъ (3, 1. 2. 8. 9. 10; 4, 7; 5, 1. 4. 18). Такимъ образомъ слово Онъ въ этомъ стихѣ употреблено повидимому и о Христѣ и о Богѣ Отцѣ, въ первомъ изреченіи о Христѣ, въ послѣднемъ о Богѣ Отцѣ, безъ опредѣлительнаго раздѣленія того и другаго, а во взаимномъ ихъ соединеніи (такъ и въ ст. 1. 2. 3 и д. 3-й гл.). Что это значитъ? Это значитъ, что Апостоль такъ глубоко проникнуть мыслію о высочайшей тайнѣ нераздѣльности Тріеди-наго Божества, что говоря на примѣръ о возрожденіи вѣру-ющаго человѣка онъ выражается о Тріипостасномъ Божествѣ съ нѣкоторою неопредѣленностію, хотя нельзя не видѣть, что эта неопредѣленная нераздѣльность лицъ несліянна. Возро-жденіе человѣка въ новую жизнь приписывается всѣмъ ли-цамъ достопоклоняемая Троицы, какъ дѣйствіе всѣмъ имъ общее, и потому усваивается и вообще Богу (какъ ниже 5, 4) и въ частности Богу Отцу (ср. Іак. 1, 17—18. 1 Петр. 1, 3. Тит. 3, 5), Богу Сыну (какъ Еф. 2, 15. 2 Кор. 5, 17) и Богу Духу Святому (Іоан. 3, 3; 5, 6). Потому нѣтъ ниче-го страннаго и удивительнаго, что Апостоль, говоря въ на-стоящемъ стихѣ объ Отцѣ и Сынѣ, говоритъ о рожденныхъ отъ Бога какъ о рожденныхъ отъ Христа или усыновленныхъ Богу Сыномъ Его, и далѣе—о дѣтяхъ Божіихъ, какъ дѣтяхъ Бога Сына, хотя не обычно и не можетъ быть обычно вы-раженіе: дѣти Сына Божія, когда въ Пресвятой Троицѣ Отецъ и Сынъ равны и равночестны. Вотъ почему Апостоль въ одномъ предложеніи, говоря объ Отцѣ и Сынѣ въ Богѣ единомъ, обозначаетъ однимъ мѣстоименіемъ Того и Другаго: Онъ.—Что Онъ, т.-е. Іисусъ Христосъ, праведенъ: по сво-ему лицу и мессіанскому достоинству. Праведенъ не въ смы-слѣ только правосуднаго, каковое свойство приписываетъ Апостоль выше (1, 9; ср. прим.) Богу Отцу, хотя, по свя-зи рѣчи со стихомъ 28, здѣсь заключается понятіе правед-ности и въ смыслѣ правосудія на судѣ Христовомъ во время пришествія Его,—но праведенъ и какъ Самъ въ своемъ лицѣ и дѣлѣ исполнившій всякую правду (ср. Матѣ. 3, 15 и прим.);

и въ силу сего и вѣрующихъ въ Него оправдывающій предъ Богомъ и отъ нихъ требующій праведности въ жизни и да-рующій имъ силою и дѣйствиємъ Св. Духа оправданіе предъ Богомъ и правду предъ закономъ духа Христовымъ.—Если Онъ праведенъ и если вы это знаете твердо и несомнѣнно, то вмѣстѣ съ симъ должны знать твердо и несомнѣнно и то, что всякій дѣлающій правду рожденъ отъ Него, т.-е. отъ Бога. Дѣлать или творить правду на языкѣ Писанія обыкновенно означаетъ поступать по правдѣ, имѣть правоту въ сердцѣ, или—что тоже — творить волю Божию, удаляясь отъ зла, такъ чтобы совѣсть оправдывала наши дѣйствія, а не осуждала.—Рожденъ отъ Него (см. прим. къ 1 Петр. 1, 3. 23): разумѣется духовное рожденіе свыше, водою и Духомъ, въ таинствѣ христіанскаго крещенія, или возрожденіе, о которомъ учитъ Христосъ (ср. Іоан. 3, 2—6 и прим.).—Всякій, слѣдовательно возрожденіе или усыновленіе Богу простирается не на всѣхъ и не всѣ возрожденные могутъ называться сынами Божиими. Христосъ умеръ и сталъ умиловленіемъ за грѣхи всего міра (ст. 2), но рожденными отъ Бога или сынами Божиими могутъ быть только дѣлающіе или творящіе правду, исполняющіе по правдѣ волю Божию или стремящіеся къ совершенствованію и уподобленію Христу праведному и достигающіе возможнаго для человѣка совершенства (Матѹ. 5, 48; ср. прим.).

Епископъ Михаилъ.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ БЕСѢДЫ

О СТРАДАНИЯХЪ И СМЕРТИ СПАСИТЕЛЯ.

Бесѣда вторая.

Въ прошедшій разъ мы сказали, какъ Спаситель нашъ былъ на судѣ первосвященниковъ: отставнаго Анны и зятя его, тогдашняго первосвященника Каіаѳы. Члены синедріона, собравшіеся у сего послѣдняго, не много думали, какъ поступить со Христомъ. Они единогласно признали Его достойнымъ смерти за то, что назвалъ себя Сыномъ Божиимъ. И вотъ теперь вполне довольные, что наконецъ нашли причину для осужденія Его на смерть, они разошлись по домамъ, а Иисуса Христа отдали во власть нечестивыхъ, грубыхъ и дерзкихъ слугъ своихъ. Нужно ли здѣсь говорить, что претерпѣлъ Спаситель нашъ, оставленный во власть этихъ слугъ, въ злобѣ на Христа не уступавшихъ господамъ своимъ. Чего, чего не дѣлали надъ Нимъ слуги? Они сначала насмѣхались надъ Нимъ, потомъ стали бить, зашали Его, плевали въ лице Ему, ударяли Его по ланитамъ, а другіе закрывали глаза Ему и, ударяя Его по лицу, спрашивали: «угадай, Иисусъ, кто тебя ударилъ?» Какое оскорбленіе можетъ быть выше сихъ оскорбленій? Но Христосъ ни слова не сказалъ имъ. Онъ только терпѣлъ и молчалъ. Необычайная, безпримѣрная кротость!—Но кончились поруганія надъ Нимъ и біенія, продолжавшіяся до самаго утра. Наступило утро. Члены синедріона подъ предсѣдательствомъ Каіаѳы собрались опять. Въмѣсто трехъ сутокъ, которыхъ требовалъ законъ, они продали только три часа. Опять въ ихъ собраніе привели

Христа связаннаго. Опять тѣже допросы съ требованіемъ на нихъ прямыхъ отвѣтовъ. «Ты ли Христосъ? скажи намъ», спросили Его судіи. Иисусъ Христосъ отвѣтилъ имъ: «если Я и скажу вамъ, вы не повѣрите; или если вамъ предложу вопросы, вы не будете отвѣчать Мнѣ и не отпустите Меня. Но знайте, что скоро Сынъ человѣческой возсядетъ одесную Бога Всемогущаго». Опять тоже внушеніе членамъ синедріона о своемъ достоинствѣ, чтобы знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, чтобы поберегли свои несчастныя души въ виду скорой славы, силы и власти Его, теперь предъ ними связаннаго. Но и на этотъ разъ они всего менѣе думали о своей будущности. Они желали одного — скорѣйшаго исполненія своихъ злыхъ замысловъ настоящихъ. «Итакъ Ты Сынъ Божій?» закричало все собраніе въ одинъ голосъ. «Вы справедливо говорите: это Я», отвѣчалъ имъ Христосъ. Этого только и ждали для окончательнаго осужденія Его на смерть «Какого намъ еще искать свидѣтельства? опять кричало все собраніе— сами слышали богохульство изъ устъ Его». Такимъ образомъ и на сей разъ признали Христа достойнымъ смерти за то, что Онъ призналъ Себя Сыномъ Божиимъ. Оставалось испросить утвержденіе этого приговора у римскаго правителя Понтія Пилата, что и не замедлили исполнить. И вотъ все множество, то-есть всѣ враги Иисуса, сколько ихъ ни было, всѣ съ связаннымъ Христомъ отправились теперь къ Пилату.

Вотъ чѣмъ кончился судъ надъ Христомъ въ синедріонѣ. Бого ждали цѣлыя тысячелѣтія, надеждою на пришествіе котораго жили, утѣшались среди всѣхъ скорбей, неустройствъ житейскихъ, Того осуждаютъ на смерть. Тѣ, которые лучше другихъ должны были знать время и признаки пришествія обѣщаннаго Посланника съ неба, которые скорѣе другихъ могли отличить божественную личность Его отъ другихъ личностей, такъ какъ почивали на Писаніи, тѣ отвергаются Его, когда явился Онъ, не вѣрятъ ни словамъ, ни чудесамъ Его, не обращаютъ вниманія на жизнь Его, на исполненіе пророчествъ о Немъ, и отвергая Его, осуждаютъ Его на смерть. И осуждаютъ единогласно, — ни одного нѣтъ противорѣча-

шаго, ни одного не явилось для защиты Его. Да избавить насъ Господь отъ подобныхъ судей, отъ такого пагубнаго единоклюшя.

Какъ былъ Христосъ на судѣ у Пилата, мы скажемъ послѣ, а теперь возвратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, что сталося съ двумя учениками Христа: Петромъ, желавшимъ душу свою положить за Христа, и Иудою, предавшимъ Его. Тогда какъ всѣ ученики Христа разбѣжались, Петръ и Иоаннъ, какъ мы сказали, издали слѣдовали за Христомъ. По своей любви ко Христу и преданности Ему, они не могли оставить своего Учителя. Ктому же имъ хотѣлось знать, что будетъ съ ихъ Учителемъ, каковъ будетъ конецъ всего случившагося, не найдетъ ли быть можетъ Онъ возможности какъ-нибудь освободиться изъ рукъ враговъ. И вотъ когда Христа повели къ первосвященнику Аннѣ, вошелъ туда во дворъ и Иоаннъ. Онъ былъ знакомъ тамъ, попросилъ и за Петра, и Петра впустили. Но что же далѣе? Далѣе обнаружилось, что смѣлость Петра была только до перваго испытанія, до первой опасности. Шелъ онъ съ увѣренностію, что его тамъ не узнають, за ученика Христова не сочтутъ. Но случилось другое. Служанка, выпускавшая Петра, уже признала его и спросила: «и ты не изъ учениковъ ли этого человѣка?» Петръ испугался; ему представилось, что и его сейчасъ возьмутъ, и въ испугѣ отвѣчалъ служанкѣ: «нѣтъ». Такъ предъ служанкою, предъ слабою женщиною испугался тотъ, кто еще не такъ давно на тайной вечери съ настойчивостію завѣрялъ Христа идти на смерть за Него. Но вотъ Петръ вмѣшался въ толпу слугъ архіерейскихъ. Слуги грѣлись у огня, и онъ съ ними. Здѣсь новос испытаніе для Петра. Одинъ изъ слугъ спрашиваетъ его: «ты изъ числа ихъ?». А затѣмъ и другіе повторили: «ты изъ учениковъ Его?» Петръ еще болѣе испугался, опять сказалъ, что—нѣтъ, и уже клятвою подтвердилъ свое увѣреніе. Тутъ пропѣлъ пѣтухъ. Прошло около часа, Петръ успокоился отъ страха. Но вотъ въ третій разъ подступаютъ къ Петру съ выраженіемъ подозрѣнія. Одинъ сказалъ: «этотъ точно съ Нимъ былъ—ошъ галилеянинъ». Дру-

гіе настойчиво говорили: «и ты изъ нихъ, ибо нарѣчіе твое обличаетъ тебя». Но и это еще не все,—явился болѣе опасный обличитель. Подходитъ одинъ изъ рабовъ первосвященника—сродникъ тому Малху, у котораго Петръ отрѣзалъ ухо, и говоритъ Петру: «не я ли тебя видѣлъ съ нимъ въ саду?» Петръ видитъ, что опасность его увеличивается, и опять началъ божиться и клясться, что не знаетъ этого человѣка. Пропѣлъ пѣтухъ во второй разъ. Въ это время Спаситель взглянулъ на Петра. Петръ вспомнилъ слова Его: «прежде даже пѣтель не возгласитъ два крата, отвержешися Мене три крата» (Марк. 14, 72). И вышедши вонъ, горько заплакалъ. Такъ къ страданіямъ Спасителя присоединилась еще одна рана, присоединилась еще новая скорбь—объ отреченіи отъ Него ученика, бывшаго образцомъ вѣры въ Него и названнаго Имъ Петромъ, т.-е. камнемъ, именно за эту твердость вѣры. Зачѣмъ это допущено Спасителемъ? Ковечно въ правоученіе Петру и за нимъ всѣмъ намъ, чтобы мы не надѣялись на себя, не хвалились тѣмъ добромъ, которое въ насъ,—не говорили подобно Петру: я то и то могу сдѣлать и сдѣлаю. Нѣтъ, не такъ нужно говорить, а иначе: при помощи Божіей, если Богу угодно будетъ, я совершу то и то. Самое доброе и святое намѣреніе, если при этомъ мы желаемъ показать только свое *я*, и желаемъ совершить только для себя, а не для славы Божіей и одними силами своими, самое святое намѣреніе обратится въ прахъ.—Но Петръ искупаетъ свою ошибку: «изшедъ вонъ, плакася горько». Вотъ примѣръ для всѣхъ немощныхъ грѣшниковъ, постоянно падающихъ въ грѣхи, ежеминутно измѣняющихъ своему званію, своему Христу и Господу. Пусть они плачутъ о своихъ грѣхопаденіяхъ, о своихъ большихъ и малыхъ грѣхахъ. Слезы—самое лучшее средство къ утоленію пламени гнѣва Божія и къ преклоненію Бога на милость. Пусть плачутъ съ упованіемъ на милосердіе Божіе, какъ плакалъ Петръ, пусть плачутъ такъ,—и ихъ сердцу подастъ утѣшеніе Спаситель, какъ Онъ утѣшилъ Петра, явившись ему по воскресеніи прежде другихъ.

Петръ сколько огорчилъ Спасителя своимъ отреченіемъ отъ Него, столько и утѣшилъ своимъ искреннимъ, чистосердечнымъ раскаяніемъ въ грѣхѣ. Но что было съ другимъ ученикомъ — Іудею? Іуда жестоко поступилъ съ своимъ Учителемъ; но душа Спасителя и о немъ болѣла, больше болѣла чѣмъ о комъ другомъ, болѣла потому, что погибель, погибель неизбѣжная стерегла, ждала его. Да, Іуда не то, что простосердечный Петръ,—онъ уже далекъ былъ отъ покаянія, не лилъ тѣхъ спасительныхъ слезъ, какія проливалъ Петръ. Правда, и онъ позналъ гнусность своего поступка, и онъ созналъ свой грѣхъ, но къ чему привело его это сознаніе? Къ отчаянію. До осужденія Іисуса Христа синедріономъ на смерть, Іуда все еще надѣялся, что Іисусъ Христосъ какимъ-нибудь чудомъ освободится изъ рукъ враговъ своихъ; но когда увидѣлъ другое, раскаялся, что продалъ Его, пошелъ къ первосвященникамъ и книжникамъ и сказалъ: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную». Но первосвященники не вошли въ горестное состояніе души его, а холодно ему отвѣтили: «а намъ что до того? ты въ отвѣтѣ». Тогда онъ бросилъ сребренники въ храмъ, пошелъ и удавился. На деньги его послѣ у одного горшечника была куплена земля для погребенія странниковъ. Такъ погибъ тотъ, кто такъ близко былъ къ Святѣйшему, кто три года съ половиною слышалъ Его святое ученіе, видѣлъ чудеса, Его святую жизнь. Не на пользу послужила ему и постоянная проповѣдь Спасителя, не научился ничему онъ изъ Его святаго примѣра.

Такъ, братіе, не мѣсто святое спасаетъ насъ, не слышаніе только слова Божія нужно для спасенія, чѣмъ довольствовался Іуда, но исполненіе его, жизнь по сему слову чистая и святая. Мало бывать только въ храмѣ, нужно съ пользою бывать,—послѣ каждаго посѣщенія храма Божія дѣлаться лучше, нравственнѣе,—слово Божіе, слышимое здѣсь, прилагать къ сердцу и жизнь свою по немъ устроить. Мало того, чтобы только причаститься святыхъ таинъ,—нѣтъ, нужно стараться достойно причащаться, причащаться съ душою, очищенною искреннимъ покаяніемъ, исполненною твердаго

намѣренія оставить любимые грѣхи, послѣ каждаго причащенія быть дальше и дальше отъ грѣховъ, становиться ближе и ближе ко Спасителю, горячѣе любить Его, тѣснѣе соединяться съ Нимъ. Вотъ какое причащеніе истинно полезно. Но такъ ли у насъ?

Сладчайшій нашъ Иисусе! Избави насъ отъ участи несчастнаго ученика твоего. Никому изъ насъ не дай погибнуть. Дай намъ видѣть, какъ предъ Тобою много согрѣшаемъ, но дай и то, чтобы съ грѣхами своими ни къ кому другому, а къ Тебѣ Единому обращаться. Пришедшій спасти всѣхъ! Спаси и насъ, имиже вѣси судьбами, какими знаешь путями.

Мы сказали, что синедріонъ окончательно осудилъ Иисуса Христа на смерть. Но осудивши на смерть Христа, онъ не смѣлъ самъ привести въ исполненіе свое опредѣленіе. Право кого-нибудь убивать было отнято у него римскимъ правительствомъ. И вотъ волей-неволей дѣло объ Иисусѣ Христѣ, вмѣстѣ съ самимъ Иисусомъ Христомъ, они должны были представить на судъ римскаго правителя Іудеи, каковымъ былъ тогда Понтій, по прозванію Пилать. Пилать жилъ большую часть времени въ г. Кесарія, но на праздникъ Пасхи для наблюденія за порядкомъ переселялся въ Іерусалимъ и жилъ здѣсь во дворцѣ, называемомъ Преторіею. Предъ дворцомъ была устроена площадка, устланная разноцвѣтными камнями. По-еврейски она называлась гавваою, а по-гречески—лиоострономъ. На этой-то площадкѣ въ пятницу рано утромъ и явились члены синедріона съ связаннымъ Иисусомъ. Во дворъ самаго дворца они не взошли съ намѣреніемъ, боясь оскверниться отъ прикосновенія къ языческому нечистому мѣсту, такъ какъ вечеромъ имъ нужно было вкушать пасху. До такой степени простерта была у этого народа заботливость объ одной внѣшности. Тѣло боялись осквернить прикосновеніемъ къ тому, что кажется имъ нечистымъ, а душу и совѣсть омрачить беззаконнымъ дѣломъ — пролітіемъ крови невиннаго человѣка,—это для нихъ было ничто. Такъ-то поступаютъ и всѣ, у которыхъ на первомъ планѣ внѣшнее,

которые заботятся объ исполненіи однихъ наружныхъ обрядовъ религіи, не заглядывая въ душу; сердце свое, не стараясь проникнуться духомъ Евангелія. Еслибы и іудеи заботились болѣе о чистотѣ сердца своего, намѣреній и всѣхъ дѣйствій своихъ, навѣрно они убоялись бы даже и подумать посягнуть на кровь Праведника. А теперь этотъ праведникъ по ихъ извѣстамъ представленъ на судъ язычника. И зачѣмъ? За тѣмъ однимъ, чтобы испросить смерть Ему и смерть въ самомъ скоромъ времени, непременно въ сей же день.—Итакъ Спаситель нашъ на судѣ Пилата. Судія вселенной судится язычникомъ, Творецъ — своею тварію!—Пилать скоро вышелъ къ собравшейся предъ его дворцомъ толпѣ. «Въ чемъ вы обвиняете этого человѣка?» спросилъ онъ членовъ синедриона, увидѣвши связаннаго Иисуса. Пилать очевидно не довѣрялъ имъ, и хотѣлъ снова разобрать дѣло,—но не по вкусу пришелся такой вопросъ обвинителямъ Христа,—за оскорбленіе для себя сочли они желаніе Пилата разобрать и разсмотрѣть дѣло законнымъ порядкомъ,—и потому уклончиво отвѣчали ему: «еслибы Онъ не былъ злодѣй, то мы не предали бы Его тебѣ». Но одного голословнаго названія Христа злодѣемъ было для Пилата недостаточно, и потому Онъ сказалъ имъ: «возьмите же Его вы и судите Его по вашему закону». Если не хотите сказать вины, какъбы такъ говорить Пилать, такъ не для чего было и приводить сюда. Судите какъ знаете, сами безъ меня.—Тутъ только гордые враги Христовы должны были высказать причину, почему къ нему на судъ привели они Христа. «Намъ не дозволено предавати смерти никого», говорили они. А Онъ достоинъ этой смерти и мы осудили Его на смерть.—Чѣмъ же оказался Онъ достойнымъ этой смерти, за что они осудили Его? «Мы нашли, говорили они, что Онъ развращаетъ народъ, и запрещаетъ давать дань кесарю, называя Себя Царемъ, Христомъ». Какая злая клевета! За то ли они осудили Его въ своемъ собраніи? Тамъ объ этомъ и помину даже не было. Тамъ осудили Его за другое, за присвоеніе Себѣ наименованія Сыномъ Божиимъ. Отъ чего же не говорятъ сего здѣсь? Ко-

нечно оттого, что въ глазахъ невѣрующаго язычника подобное обвиненіе не имѣло бы никакого значенія. Но правда ли было то, что сейчасъ сказали о Иисусѣ? Онъ развращаетъ народъ, — но не былъ ли Онъ только благодѣтелемъ этого народа, помощникомъ ему въ скорбяхъ и нуждахъ, исцѣлителемъ его больныхъ, воскресителемъ мертвыхъ, преподавателемъ такого ученія, подобнаго которому міръ не слыхалъ еще?—Онъ запрещалъ давать дань Кесарю! Но не Онъ ли изрекъ эти достопримѣчательныя слова: «воздавайте Кесарева Кесареви, а Божія Богови». Онъ называлъ себя царемъ,— но не Онъ ли скрылся отъ народа, когда тотъ хотѣлъ провозгласить Его царемъ послѣ чуда насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами? И что это за желаніе пришло ратовать за власть Кесаря, римскаго императора, которую они такъ ненавидѣли, которой сами постоянно противились, отъ которой всѣми мѣрами старались освободиться? Вотъ что дѣлаетъ злоба: она все употребляетъ въ дѣло для достиженія своихъ адскихъ намѣреній. Что всегда ненавидитъ, то въ другомъ случаѣ терпитъ; чему всегда противится, то въ извѣстномъ случаѣ, при другихъ обстоятельствахъ защищаетъ.—Но правду или неправду говорили про Иисуса, Пилату нельзя было не обратить вниманія на это обвиненіе. Онъ—представитель въ этой странѣ власти императора, онъ долженъ быть защитникомъ правъ его, — и какъ же не обратить вниманіе, когда предъ нимъ обвиняютъ человѣка въ посягательствѣ на эту власть, на эти права? Какъ ни скроменъ былъ по виду обвиняемый, какъ ни очевидна была клевета обвинителей, дѣло Пилата было разобрать, допросить, — онъ такъ и дѣлаетъ, спрашиваетъ Иисуса: «Ты Царь Іудейскій?» Спаситель отвѣчаетъ ему: «Я царь». Онъ былъ истинный Мессія, тотъ самый Мессія, Котораго ждали іудеи для спасенія своего. А истинный Мессія у пророковъ вездѣ называется царемъ,—какое названіе вполне приличествуетъ Ему, какъ Царю всей вселенной и преимущественно народа своего.

За насъ предсталъ Спаситель на судъ Пилату. Его без-

грѣшнаго, невиннаго обвиняють за тѣмъ, чтобы намъ виновнымъ во множествѣ грѣховъ, чрезъ Его невинность быть оправданными и получить прощеніе. Онъ теперь на судѣ неправедномъ человѣческомъ за тѣмъ, чтобы намъ, покрытымъ одеждою заслугъ Его, послѣ не страшно было явиться на судѣ Божій, на судѣ праведный и нелицепріятный. Возчувствуй это, душа христіанская, и не будь неблагодарна Христу. Чѣмъ же возблагодарить намъ Его? А вотъ чѣмъ,—добрымъ христіанскимъ провожденіемъ времени наступающаго поста. Пусть каждый въ это святое время поговѣеть, исповѣдуетъ грѣхи свои и приготовится къ причащенію святыхъ таинъ. Да не будетъ ни одного изъ насъ, который бы въ это время лишилъ себя чрезъ свою безпечность такого великаго дара—тѣла и крови Христовой. Какъ проводили время это первые христіане, такъ пусть постарается провести его и каждый изъ насъ.—Но первые христіане очень строго проводили,—намъ такъ трудно,—мы ослабли, стали немоцнѣе ихъ. Всего не можемъ исполнить,—сдѣлаемъ что можемъ. Они по цѣлымъ днямъ не вкушали пищи, а мы по крайней мѣрѣ не будемъ прихотливы въ пищѣ, возблагодаримъ Бога и за самую простую пищу. Не можемъ строго соблюдать постъ тѣлесный, тѣмъ строже постараемся соблюдать постъ духовный.—Удержимъ языкъ отъ бесѣдъ праздныхъ, сердце—отъ злобы и лукавства, умъ отъ помысловъ суетныхъ. Первые христіане чуть не каждый день во время Великаго поста бывали во храмѣ, участвуя въ молитвѣ, слушая поученія; а мы хотя въ праздники будемъ неопустительно посѣщать храмъ Божій, хоть во дни говѣнія будемъ неопустительно ходить ко всѣмъ службамъ, хоть что-нибудь прибавимъ къ своей домашней молитвѣ. Первые христіане и представить себѣ не могли, какъ въ это святое время можно участвовать въ какихъ-нибудь общественныхъ увеселеніяхъ,—каковыя строго осуждались, а у насъ такія увеселенія не запрещены. Что до того? Да не соблазнимся тѣмъ. А ежели кого соблазняютъ они, пусть таковой скажетъ себѣ, что участвовать въ нихъ свойственно не истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ, а тѣмъ,

которые носят только имя ихъ,—которые плакать о грѣхахъ не любятъ, о душѣ, о вѣчности думаютъ всего менѣе, Христу сораспинаться не желаютъ, которые ищутъ въ жизни больше всего чувственныхъ удовольствій, и съ этими удовольствіями такъ сроднились, что безъ нихъ ни въ какое время и жить не могутъ. Зная это, каждый въ настоящіе дни не о увеселеніяхъ думай, а о слезахъ покаянія.

Но обратимся ко Христу, стоящему предъ лицомъ Пилата. На первый допросъ Пилата Спаситель въ присутствіи синедриона назвалъ себя царемъ. Безъ сомнѣнія такое смѣлое признаніе Христа Себя царемъ, въ виду неизбежной смерти за это признаніе, удивило Пилата. Онъ рѣшился точнѣе дознать, почему и въ какомъ смыслѣ называетъ Онъ Себя царемъ? Для этого онъ удаляется со Христомъ во дворецъ и тамъ наединѣ снова предлагаетъ Ему вопросъ: «царь ли Ты іудейскій?» То-есть неужели Ты на самомъ дѣлѣ царь, какъ сейчасъ назвалъ Себя?—Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ Пилата, Христосъ спросилъ его самъ: «Отъ себя ли ты говоришь это, или потому, что другіе сказали тебѣ обо Мнѣ?» То-есть самъ ли ты подозрѣваешь Меня въ присвоеніи царскаго достоинства, или ты вопрошаешь Меня о томъ только на основаніи однихъ словъ моихъ закоренѣлыхъ враговъ—книжниковъ и первосвященниковъ? Первое невѣроятно—я не подавалъ тебѣ повода къ обвиненію Меня въ земномъ властолюбіи. Но что касается до втораго случая, то неужели ты вѣришь наговорамъ моихъ враговъ?—Пилату не понравились эти слова Спасителя. «Развѣ я іудей, говорилъ онъ,—твой народъ и первосвященники предали Тебя мнѣ. Что ты сдѣлалъ?» Т.-е. положимъ, я не вѣрю твоимъ врагамъ, обвиняющимъ Тебя въ присвоеніи царской власти; я не іудей и не раздѣляю злобы ихъ противъ Тебя. Но всеже злоба ихъ должна имѣть какое-нибудь основаніе. Если предали мнѣ Тебя твой народъ и первосвященники, значитъ предали не даромъ; если Ты не домогался царства, хотя самъ же не отрекаешься отъ имени царя, то что же Ты сдѣлалъ?—Спаситель не могъ болѣе держать судіи въ недоумѣніи,—и отвѣтилъ: въ какомъ смыслѣ

Онъ называетъ Себя царемъ, и что за царство Его. «Царство мое не походить на царства мірскія, говоритъ Онъ. «Еслибы царство мое было мірское, то служители мои вступились бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ. Уже изъ этого видно, что царство мое не здѣшнее». Этотъ отвѣтъ успокоилъ Пилата,—онъ теперь увидаль, что этотъ человѣкъ во все не опасенъ для владычества римскаго. Но съ другой стороны ему все-таки хотѣлось знать поточнѣе, что же это за царство, о которомъ говоритъ Онъ. Потому онъ еще разъ спросилъ Его: «итакъ Ты царь»? Иисусъ Христосъ съ священнымъ величіемъ отвѣчалъ ему: «правда, Я Царь; Я для того родился, для того и въ міръ пришелъ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. И всякій, кто сочувствуетъ истинѣ и любить истину, тотъ и подданный мой, тотъ и слушаетъ голоса Моего». Итакъ царство Христово есть царство истины, подданные этого Царя—это души преданныя Ему по любви къ истинѣ. Оружіе, которымъ покоряются они подъ власть Ему—это слово Божіе, это проповѣдуемое Имъ и Его служителями ученіе Его. Какой прекрасный случай для Пилата поучиться истинѣ у Учителя истины! Какой отличный случай напитать алчущую душу свою словами спасенія, утолить ея жажду медомъ ученія небеснаго! Предъ нимъ стоитъ самъ Источникъ истины, сама воплощенная Истина. Но не того искала душа этого человѣка; она погрязла въ земныхъ интересахъ, изсохла отъ жажды власти, почестей, богатства, удовольствій, погрязла въ грубыхъ низкихъ наслажденіяхъ. И потому къ слову «истина» онъ отнесся съ пренебреженіемъ. «А что такое истина?» сказалъ онъ, и не дождавшисъ отвѣта, вышелъ вонъ къ Іудеямъ.

Но остановимся здѣсь. Мы удивляемся, что Пилатъ остался такъ видимо равнодушнѣе къ истинѣ предъ Исповѣдникомъ истины. Но Пилатъ былъ язычникъ, ему сколько-нибудь это и прощительно. Но можно ли извинить равнодушіе къ истинѣ и вообще къ духовному въ христіанахъ? А между тѣмъ какими быстрыми шагами оно идетъ впередъ особенно въ нынѣшнее время? Нынѣ во множествѣ издаются книги содержанія духовнаго, и онѣ

читаются всего менѣе даже и тогда, когда можно читать не покупая книгу. Не показываетъ ли это, что вкусъ духовный начинаетъ портиться, умъ не хотѣть занимать тѣмъ, что ему нужнѣе всего? Просвѣщеніе идетъ быстрыми шагами,—и куда же направляется оно? Не къ познанію ли преимущественно такихъ предметовъ, которые нужны исключительно для благосостоянія земнаго? А основательное знаніе всего, относящагося до религіи, не предоставляютъ ли нынѣ однимъ духовнымъ, какъ будто имъ однимъ нужно спасеніе? И особенно холодно относится ко всему духовному наше молодое поколѣніе. Какъ рѣдко оно бываетъ въ храмѣ! Какъ несносны ему поученія пастырскія! Какъ не важны въ глазахъ его уставы Церкви! Какъ мало благоговѣнія ко всему священному! Но за то какое важное значеніе для него имѣютъ знаніе правилъ свѣта, удобства жизни, умѣнье наслаждаться жизнью! Наслажденіе, по ихъ мнѣнію—цѣль жизни, богатство—средство къ оному. И наслаждаются они, забывая о Богѣ, о душѣ, совѣсти, смерти, судѣ,—заботятся объ обогащеніи себя, употребляя для того нерѣдко и обманъ, насилія и другія непозволительныя средства. Жалкое ослѣпленіе! Гдѣ можно взять столько слезъ, чтобы достойно оплакать этихъ погибающихъ христіанъ? Ихъ участь лучше ли будетъ участи Пилата, который хотя и видѣлъ Христа, но не зналъ столько доказательствъ Его Божественности, сколько знаемъ мы христіане. Къ счастью, сердцу истиннаго христіанина есть чѣмъ нынѣ и утѣшиться. Есть въ нынѣшнее время, много есть людей и помнящихъ Бога и желающихъ искренно служить Христу, жить по слову Его. Доказательствомъ сего можетъ послужить настоящее собраніе наше. Что насъ всѣхъ привлекло сюда въ храмъ, что, какъ не любовь ко Христу, распятому за насъ? О да преуспѣваемъ болѣе и болѣе въ этой любви, будемъ проявлять ее и въ другихъ дѣлахъ, угодныхъ Христу.

Но возвратимся ко Христу, стоящему на судѣ у Пилата. Итакъ Пилатъ дважды уже допросилъ Христа—одинъ разъ въ присутствіи членовъ синадріона, а въ другой наединѣ—во дворѣ преторіи. Этотъ допросъ привелъ Пилата къ убѣж-

денію въ невинности Христа и желанію скорѣе отпустить Его. И вотъ онъ выходитъ изъ дворца къ іудеямъ и говоритъ имъ: «я въ этомъ человѣкѣ не нахожу никакой вины». Не находитъ никакой вины судія, значить обвиняемый будетъ освобожденъ. Ужаснулись этого обвинителя Христа—первосвященники и книжники,—и начинаютъ снова обвинять Іисуса. «Онъ развращаетъ народъ», говорили они, «начиная отъ Галилеи до Іудеи». Отъ обвиняемаго ожидалось оправданія, но Онъ молчалъ. Очевидно Христосъ видѣлъ, что слова Его не принесутъ никакой пользы Ему, скорѣе же будутъ обращены къ Его же обвиненію. Что было говорить, когда смерть Его въ мысляхъ враговъ его было дѣло рѣшенное, когда они рѣшились все употребить, чтобы только добиться того, чего такъ давно домогались? Но Пилату думалось, что Христу ничего не стоитъ опровергнуть всѣ ихъ обвиненія, и удивлялся Его молчанію. «Что же Ты ничего не отвѣчаешь?» наконецъ онъ сказалъ Ему, «видишь, сколько на Тебя свидѣтельствуютъ?» Но Христосъ и на этотъ вопросъ отвѣчалъ молчаніемъ. О, Божественная кротость! О, неизреченное терпѣніе! Христіанинъ! Когда и о тебѣ злые люди—твои ненавистники—будутъ разглашать то, чего ты за собой не знаешь, не спѣши плакать и огорчаться на обидчиковъ и клеветниковъ,—лучше вспомни тогда о твоёмъ Спасителѣ и на обиду отвѣть кротостію, за клевету заплати молчаніемъ и всепрощеніемъ. Это самое лучшее средство для вразумленія обидчика и для посрамленія клеветы.—Но Пилать услыхалъ слово: Галилея. «Развѣ Онъ Галилеянинъ?» спросилъ онъ. Ему отвѣчали: да. Пилать очень обрадовался этому и рѣшился этимъ обстоятельствомъ воспользоваться для того, чтобы отклонить отъ себя это дѣло и передать его на разсмотрѣніе правителя Галилейскаго. Галилея—это была сѣверная область Палестины, гдѣ были города Назаретъ, Капернаумъ, и гдѣ Христосъ проводилъ большую часть своего времени. Правителемъ ея былъ Иродъ царь, который жилъ постоянно въ городѣ Тиверіадѣ, но теперь по случаю праздника находился тоже въ Іерусалимѣ. Дѣлая такую честь Ироду, Пилать надѣялся чрезъ то и по-

мириться съ нимъ, ибо находился во враждѣ съ нимъ. Итакъ Спасителя связаннаго отъ Пилата повели къ Ироду.

Этотъ Иродъ былъ сынъ Ирода великаго, извѣстнаго по своимъ злодѣяніямъ, убійца, по наущенію Иродіады, великаго изъ пророковъ—Іоанна Крестителя, человѣкъ сладострастный, изнѣженный, безпечный, вполнѣ отдавшійся чувственности, только видимо принадлежавшій къ религіи Іудейской, на самомъ же дѣлѣ едва ли исповѣдывалъ какую религію. Вотъ кто былъ этотъ новый судія, къ которому привели теперь Христа. Отъ человѣка, никогда не руководившагося внушеніями совѣсти, требованіями справедливости, можно ли ждать въ отношеніи ко Христу какой-либо справедливости? Въ Евангеліи говорится, что онъ очень желалъ видѣть Іисуса и теперь весьма обрадовался, увидавши Его; но уже изъ этого можно было понять, что это за человѣкъ былъ Иродъ. Желалъ видѣть Іисуса; но кто препятствовалъ ему не только видѣть Его, даже сблизиться съ Нимъ, когда Онъ три съ половиною года проповѣдывалъ въ его владѣніяхъ, будучи извѣстенъ чуть не всякому простолюдину? Такъ бываютъ люди, которые узнаютъ до мелкихъ подробностей все, что служить къ одному развлеченію и умноженію удовольствія, которые цѣлые дни и часы будутъ слушать всякій вздоръ, и въ то же время и шагу не хотятъ сдѣлать для того, чтобы или самимъ что-нибудь придумать, или отъ другихъ услышать на пользу души своей, хотя есть отъ кого услышать то. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Иродъ. Онъ обрадовался видѣть Христа, но не какъ Спасителя своего, не какъ великаго проповѣдника истины, отъ котораго многое можно услышать на пользу души своей; нѣтъ, Христосъ былъ для него предметъ одного празднаго любопытства. Не о душѣ своей онъ думалъ, видя предъ собою сего обвиняемаго, и не о Немъ, чтобы разобратъ Его дѣло и, если можно, освободить Его,—нѣтъ, онъ думалъ, какъ бы чрезъ Него доставить себѣ и своимъ придворнымъ особаго рода удовольствіе и развлеченіе, къ которымъ онъ такъ привыкъ, которыя сдѣлались пищею его. Какое же удовольствіе? Онъ слы-

шалъ о Христвѣ, какъ о чудотворцѣ, увѣренъ былъ, что и тутъ Онъ совершитъ какое-нибудь чудо, сотворитъ если не для удовольствія его, то по крайней мѣрѣ для собственной пользы своей, чтобы тѣмъ легче получить свободу себѣ. Но думать, что чудо можно обращать въ предметъ развлеченій, обращать на пользу личную—какое низкое, грубое понятіе о всемогущей силѣ Божіей, проявляющейся въ чудѣ! Могъ ли это дозволить себѣ Тотъ, который все, что ни дѣлалъ, дѣлалъ для прославленія Отца небеснаго и для спасенія душъ человѣческихъ? И потому можете судить, какъ Спаситель велъ Себя на судѣ у Ирода: Онъ все время молчалъ и ни на одинъ изъ многочисленныхъ вопросовъ Ирода не отвѣтилъ,—молчалъ и при обвиненіяхъ, возводимыхъ на Него, какъ и у Пилата, первосвященниками и книжниками. Такъ впечатлѣлись уста, легко и скоро разверзавшіяся для всякаго убитаго горемъ, для всякой души грѣшной, прибѣгавшей къ Нему съ раскаяніемъ и у Него искавшей слова утѣшенія. Замолокъ языкъ, безъ умолку цѣлые дни возвѣщавшій глаголы вѣчной жизни собиравшимся около Него толпамъ народнымъ. Отъ чего это? Отъ того, что тамъ была истинная нелицемѣрная жажда Его слова, тамъ всегда могла быть и была польза отъ Его рѣчей,—а здѣсь нѣтъ, здѣсь было одно праздное любопытство, одно пустое провозженіе времени, здѣсь и тѣни пользы нельзя было ждать. Все въ душѣ Ирода заглохло, вся она очерствѣла, огрубѣла и стала неспособна ни къ какимъ внушеніямъ. Нераскаившему грѣшнику что ни говорите, чѣмъ его ни убѣждайте, ни устрашайте, какъ ни умоляйте, онъ всегда пребудетъ одинаковъ и неизмѣненъ самъ себѣ, какъ неизмѣненъ и вѣренъ самъ себѣ діаволь, которому онъ служитъ. Что внушаетъ намъ Христосъ своимъ молчаніемъ предъ Иродомъ? «Не метайте бисера предъ свиніями, какъ бы такъ говорить Онъ. Если желаете сдѣлать добро другому и имѣете даръ сказать многое на пользу души его, то узнавайте: когда, гдѣ и кому говорить, чтобы не насмѣялись надъ вашими словами; въ противномъ же случаѣ лучше молчите». Дѣйствительно лучше молчать, какъ молчалъ предъ

беззаконнымъ Иродомъ Христось.—Непріятно подѣйствовало на Ирода молчаніе Христова. Онъ увидѣлъ себя униженнымъ и оскорбленнымъ отъ Христа, но съ другой стороны и самого Христа онъ почелъ за пустаго мечтателя, который силенъ и смѣлъ только въ кругу простаго народа, легко Ему довѣрившаго, но слабъ и робокъ предъ людьми образованными, облеченными силою и властію. И потому Иродъ вотъ чѣмъ кончилъ свой судъ надъ Христомъ: Онъ велѣлъ своимъ слугамъ наругаться надъ Христомъ и наругавшись, облекъ Его въ бѣлую, лоснящуюся одежду, въ какую обыкновенно облакались въ Римѣ всѣ искавшіе высшихъ должностей, и въ такомъ видѣ препроводилъ Христа обратно къ Плату, съ которымъ съ тѣхъ поръ снова вступилъ въ пріязненныя отношенія. Но остановимся здѣсь.

Итакъ Иродъ наругался надъ Христомъ и насмѣялся надъ Нимъ. А нынѣ развѣ мало подобныхъ ругателей? Правда, надъ личностію Христа, истинно божественною, святѣйшею рѣдко дерзаютъ смѣяться даже невѣрующіе. Но за то подъ часъ какъ дерзко смѣются надъ тѣмъ, что учреждено въ честь Христа и что посвящено Христу! Въ честь Христа установленъ день воскресный, и первые христіане такъ почитали его, что всю ночь наканунѣ проводили въ молитвѣ и прославленіи Христа. А нынѣ на что только не употребляется этотъ день многими изъ христіанъ? Кажется всякій грѣхъ, всякое удовольствіе считаютъ дозволеннымъ въ этотъ день. Будничные дни проводятъ гораздо лучше, чѣмъ день воскресный, день Христовъ. Но молитву и хваленіе Христа въ день воскресный промѣнять на грубыя чувственныя удовольствія не есть ли это наругательство надъ Христомъ, не насмѣшка ли это надъ Нимъ, пусть быть можетъ многими не сознаваемая. А посты и страстная и свѣтлая седмицы такъ ли у насъ проводятся, какъ проводили прежде, и какъ должно проводить? А къ святымъ тайнамъ такъ ли приступаютъ, какъ должно бы приступать? А служители Христовой Церкви и пастыри духовные не служатъ ли часто притчею между тѣми, спасенію которыхъ они поставлены служить? Для многихъ не

любимый ли это предметъ остротъ и насмѣшекъ? И не слышатся ли эти поношенія и въ обществѣ и въ печати? А благочестіе и истинно-христіанская жизнь много ли уважаются? Кого это часто обзываютъ ханжею, святошею, кого, какъ не тѣхъ, которые чуждаются свѣтскихъ развлеченій, любятъ больше храмъ, частое приобщеніе святыхъ таинъ, духовное чтеніе, всегдашнее соблюденіе постовъ, строгое повиновеніе властямъ, дѣйствованіе по правдѣ и по совѣсти? И какъ часто такимъ людямъ приходится терпѣть подобныя нареканія отъ своихъ—людей самыхъ близкихъ! Подобное тайное и явное насмѣшливое отношеніе къ людямъ, желающимъ жить для Христа, не служить ли свидѣтельствомъ въ высшей степени оскорбительнаго отношенія къ самому Христу?

Не будемъ, братія, подобными Ироду,—все святое и священное, на чемъ лежитъ имя и печать нашего дорогаго Спасителя Христа, будемъ почитать и уважать выше всего. Будемъ съ благоговѣніемъ относиться и ко храму, и къ церковной службѣ, и къ пастырямъ Церкви, къ слову Божію, къ праздникамъ, постами, и особенно къ святымъ тайнамъ. Почитая все Христово, мы почитаемъ самого Христа. А за Христомъ ничто не пропадетъ, Онъ за все воздастъ.

Святи. П. Шумовъ.

ПѢВЦЫ НЕБЕСНЫЕ И ПѢВЦЫ ЗЕМНЫЕ.

Слово въ празднованіе годовщины Общества любителей церковнаго пѣнія.

Общество любителей церковнаго пѣнія, празднующее сегодня уже не первую годовщину со времени своего возникновенія, достойно великаго сочувствія. Членовъ общества соединила благая цѣль не только усовершенствовать самихъ себя въ искусствѣ церковнаго пѣнія, но и содѣйствовать своимъ примѣромъ и руководствомъ процвѣтанію этого святаго искусства повсюду въ православныхъ храмахъ. Нельзя не отнестись съ особеннымъ одобреніемъ къ ихъ усиліямъ распространить вкусъ именно къ *церковному* пѣнію, къ ихъ заботѣ о томъ, чтобъ оно ничего не имѣло общаго съ мірскимъ пѣніемъ, съ напѣвами, напоминающими свѣтское, — просто-народное, или художественное пѣніе, и вносящими въ душу впечатлѣнія отнюдь не духовныя, а мірскаго, земнаго, чувственнаго, страстнаго характера. Съ этою цѣлію Общество любителей церковнаго пѣнія старается приблизить церковное пѣніе къ древнимъ образцамъ, удержатъ въ немъ напѣвы, употреблявшіеся въ нашей Церкви въ доброе старое время, когда святая Русь незнакома была съ иноземными обычаями и искусствами. Честь и хвала имъ за сіе, а равно честь и хвала тѣмъ, которые съ любовію изучаютъ памятники древняго церковнаго пѣнія и указываютъ способы возстановленія его, или усовершенствованія его примѣнительно къ современнымъ требованіямъ науки пѣнія.

Но, братія, дѣло не въ этомъ только, не въ искусствѣ, не въ правильности, не въ благоприличіи церковнаго пѣнія, а

наипаче въ томъ духѣ, въ томъ душевномъ настроеніи, съ какимъ должно быть исполняемо церковное пѣніе. Посмотримъ, нельзя ли пѣвцамъ земнымъ поучиться сему у пѣвцевъ небесныхъ, и для сего перенесемъ мыслію изъ этого величественнаго храма въ другой, несравненно величественнѣйшій храмъ, въ которомъ присутствовалъ въ состояніи духовнаго восхищенія Исаія, когда призывается былъ къ пророческому служенію. Онъ узрѣлъ въ этомъ храмѣ Господа, сѣдящаго на престолѣ высококомъ и превознесенномъ. Вокругъ престола находились высшіе чины ангельскіе — Серафимы. У каждаго изъ нихъ было по шести крыль: двумя покрывали они лица свои, двумя—ноги и двумя летали. И зывали другъ къ другу (т.-е. попеременно, на два лика): «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ! Вся земля полна славы Его». Верхи вратъ потрясались отъ ихъ восклицанія, и по всему храму разнеслось куреніе (Ис. Гл. 6). Описанное пророкомъ видѣніе представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ тѣмъ, что происходитъ у насъ здѣсь. Вотъ и мы присутствуемъ въ храмѣ и видимъ въ немъ престолъ Господа славы. И сей престолъ окружаютъ не одни земные священнослужители, но вмѣстѣ съ ними невидимо служатъ Царю славы Силы небесныя. Подобно серафимамъ и прочимъ ангеламъ и мы въ нашихъ земныхъ храмахъ поемъ Господу Саваоѣ тѣже хвалы и славословія, ибо выраженія: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь вся земля славы твоя»,—и «Аллилуія», суть ангельскія славословія,—и поемъ притомъ, какъ и серафимы, на два лика. Правда, отъ нашего пѣнія не потрясаются стѣны храма, какъ потрясались части храма, видѣннаго Исаіею, отъ громозвучныхъ серафимскихъ восклицаній; но если отъ пѣнія въ земныхъ храмахъ сотрясаются сердца молящихся, то и за сіе должно благодарить Господа. Разность еще въ томъ, что серафимы поютъ Господу только хвалы и славословія, ибо, не зная нашихъ скорбей и грѣховныхъ искушеній, не имѣютъ повода обращаться къ Господу съ мольбою о своихъ пуждахъ и только по любви къ намъ позволяютъ себѣ умолять Господа о помощи намъ. Но во всякомъ случаѣ чувства, одушевляю-

щія пѣвцовъ небесныхъ, должны быть присущи и пѣвцамъ церковнымъ. Въ этомъ отношеніи знаменательно прежде всего самое названіе серафимовъ. Серафимъ значитъ пламенѣющій. Серафимы потому такъ именуется, что пламенѣють любовію къ Господу. Подобною любовію должно пламенѣть сердце всякаго любителя церковнаго пѣнія. Церковное пѣніе должно быть предметомъ ихъ любви не потому, что даетъ имъ возможность проявить свое искусство, силу и нѣжность своего голоса, произвести пріятное впечатлѣніе на слушателей, вызвать отъ нихъ удивленіе и похвалы, а главнымъ образомъ потому, что церковное пѣніе есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ выразить чувство любви къ Господу. Пусть уста ихъ славословятъ Господа отъ избытка сердца, полного любви къ Нему. Безъ этой любви, ихъ пѣніе, какъ бы ни было искусно и пріятно для слуха, не будетъ угодно Господу; ихъ голосъ будетъ лишь мѣдь звенящая или кимваль звяцающій (1 Кор. 13, 1),—т.-е. такжеже бездушенъ, какъ мѣдь и кимваль.

Съ любовію къ Богу должно быть соединяемо въ исполнителяхъ церковнаго пѣнія благоговѣніе къ Нему. Въ пѣвцахъ небесныхъ — серафимахъ оно выражалось тѣмъ, что они закрывали крыльями свои лица и ноги. Это, по выраженію церковной молитвы (въ чинѣ великаго освященія воды на Богоявленіе и въ чинѣ таинства крещенія) значило то, что они «страхомъ неприступной славы Божіей покрывались». Но чего имъ было страшиться? Они—существа безгрѣшныя и близкія къ Богу, постоянно окружающія престолъ Его. Такъ, но все же они чувствуютъ, что предъ величествомъ Господа они ничтожны и что самая святость ихъ предъ Его всесовершенною святостію крайне несовершенна, ибо, по слову Писанія, и «въ ангелахъ своихъ Господь усматриваетъ нѣчто стропотное». Что же теперь сказать о насъ недостойныхъ и грѣшныхъ?—Страхъ Божій долженъ постоянно господствовать въ насъ при мысли о величествѣ Господа и о Его святости и правосудіи. Предъ величествомъ Его, какъ Существа Высочайшаго и Владыки вселенной, мы должны трепетать, какъ существа тварныя и во

всемъ отъ Него зависящія. Предъ Его святостію и правосудіемъ мы должны трепетать, какъ прогнѣвляющія Его своими грѣхами. Мысль о нашихъ недостойнствѣхъ и грѣховности не должна покидать насъ особенно въ то время, когда нашими нечистыми и грѣшными устами дерзаемъ воспѣвать Господа вмѣстѣ съ чистыми и безгрѣшными пѣвцами небесными,—и если они объемяются страхомъ предъ Тѣмъ, Кого воспѣваютъ, не наипаче ли намъ, поющимъ Его, долженъ быть присущъ этотъ страхъ?

Наконецъ, для любителей церковнаго пѣнія поучительно въ шестокрылыхъ серафимахъ то, что они на двухъ крылахъ летали, т.-е. держались въ пространствѣ подобно пернатымъ. При помощи крыльевъ птицы высоко поднимаются надъ землею и также легко и свободно парятъ въ воздухѣ, какъ мы ходимъ по землѣ. Эта способность птицъ отрѣшаться отъ земли есть выразительный образъ отношеній къ землѣ серафимовъ и вообще ангеловъ. Серафимы и вообще ангелы хотя бываютъ и на землѣ, посылаемые ко всѣмъ хотящимъ наслѣдовать спасеніе, но остаются превыше всего земнаго: ихъ не волнуютъ наши земныя радости, скорби, искушенія. Они сочувствуютъ намъ въ нашихъ радостяхъ и скорбяхъ, и въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями, но сами ничего этого не испытываютъ. Все ихъ существо, вся ихъ жизнь погружена въ радость общенія съ Богомъ, въ служеніе Ему, въ славословіе Ему. Преимущественно имъ чуждо все земное, все житейское, когда они, вдали отъ земли, предстоятъ на небесахъ престолу Бога Вседержителя и поютъ ему Аллилуія и Трисвятое. Съ ангеловъ и мы должны брать примѣръ отрѣшенности отъ земныхъ пристрастій всегда, особенно же когда вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Господу пѣсни хвалы, благодаренія, когда исповѣдуемъ предъ Нимъ наши скорби, нужды и взываемъ о помощи. Въ эти минуты мы должны отложить всякое житейское попеченіе. Это однако не то значить, чтобы мы совсѣмъ не дерзали молиться о нашихъ житейскихъ нуждахъ. Молиться надобно, — но какъ? Съ упованіемъ, что «если Богъ Отецъ Сына своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ

насъ, какъ не даруетъ намъ и всего (Рим. 8, 32),—не только того, что нужно для жизни вѣчной, но и временной!—Такая молитва не только не противна долгу отложить всякое житейское попеченіе,—напротивъ она-то и есть отложеніе всякаго житейскаго попеченія, ибо съ упованіемъ молящійся Богу всю печаль возвергаетъ на Господа, не мучить себя опасеніями за будущее, свойственными людямъ, которые мечтаютъ только своими силами устроить свое благосостояніе. Онъ отрѣшается подобно серафимамъ отъ земнаго, хотя и молится о земномъ.

Итакъ любовь къ Богу, благоговѣніе къ Нему и отрѣшеніе отъ всего земнаго,—вотъ тѣ душевныя расположенія, которыми должны проникаться любители церковнаго пѣнія и чрезъ то подражать серафимамъ. Но это подражаніе не должно быть искусственное, въ немъ ничего не должно быть такого, что напоминало бы лицедѣевъ. Известно, что лицедѣи входятъ въ свои роли такъ, что, воспроизводя рѣчи и дѣйствія злодѣевъ, добродѣтельныхъ, царей, героевъ, походятъ на тѣхъ, кого представляютъ. Въ душѣ они могутъ не имѣть ничего общаго съ злодѣями, добродѣтельными и т. под., но силою своего воображенія они искусственно поставляютъ себя въ положеніе этихъ лицъ, переживаютъ у нихъ душевное настроеніе и воспроизводятъ ихъ такъ живо, такъ натурально, какъ будто сами были злодѣями, добродѣтельными и т. д. Ничего подобнаго не должно быть въ любителяхъ церковнаго пѣнія, когда они подобно серафимамъ воспѣваютъ Господа. У лицедѣевъ все дѣланное, — дѣланныя чувства, дѣланныя страсти, какъ бы живо и натурально они ни изображали ихъ. Въ церковныхъ пѣвцахъ, подражающихъ серафимамъ, ничего не должно быть дѣланнаго,—не воображеніемъ, а сердцемъ они должны усвоить себѣ серафимскую любовь, благоговѣніе, отрѣшенность отъ земнаго,—не устами только, но всѣми силами души они должны славословить Господа,—отъ избытка сердца должны глаголатъ ихъ поющія уста. Въ лицедѣяхъ умѣнье притворяться, казаться тождественными съ тѣми лицами, которыхъ они представляютъ, есть совершенство; но въ церков-

ныхъ пѣвцахъ одно наружное подражаніе серафимскому пѣнію есть грѣхъ лицемѣрія. Пусть они ни на одну минуту не забываютъ, что поютъ не предъ людьми только, которые могутъ не замѣтить въ нихъ этого лицемѣрія и остаться совершенно довольными ихъ искусствомъ, но предъ лицомъ Господа, который зрѣтъ сердце и потому Ему угодно пѣніе во славу Его, исполняемое гласы преподобными, не только правильное, но и сердечное. Но что дѣлать, если при всемъ желаніи у любителей церковнаго пѣнія недостаетъ этой сердечности, если въ сердцѣ своемъ они не ощущаютъ той любви, благоговѣнія и всецѣлой преданности Господу, какою проникнуто пѣніе серафимовъ?—Вспомнимъ, что сказалъ Исаія, когда въ видѣніи узрѣлъ Господа и услышалъ серафимское пѣніе. Славословіе чистыхъ духовъ произвело скорбь въ душѣ пророка. Онъ желалъ бы и самъ принять участіе въ ихъ славословіи, но сравнивая себя съ ними, онъ могъ проговорить только: «горе мнѣ! погибъ я! ибо я чловѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа также съ нечистыми устами, и глаза мои видѣли Царя Господа Саваоѳа» (Ис. 6, 5). Онъ смиренно помыслилъ, что предъ престоломъ Господа, воспѣваемаго серафимами, его нечистыя уста недостойны воспѣвать хвалу Богу вмѣстѣ съ безгрѣшными пѣвцами. И вотъ одинъ изъ серафимовъ, по повелѣнію Божию, очистилъ уста смиреннаго пророка, прикоснувшись къ нимъ-горящимъ углемъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ очищенными устами служить Господу.—Въ виду этого примѣра, пусть любители церковнаго пѣнія каждый разъ, какъ приступаютъ къ этому святому дѣлу, смиренно исповѣдуютъ свое недостойнство, скудость въ себѣ серафимскихъ чувствъ, нечистоту своего сердца и устень, и обратятся къ Господу Саваоѳу съ мольбою, да сподобитъ ихъ чистыми устами и сердцемъ воспѣвать Его и да не увидетъ съ ними въ судъ за ихъ недостойнство,—и Господь, призирающій на смиренныхъ, не возгнущается ихъ пѣніемъ.

Прот. В. Нечасовъ.

ПЕЩЕРНИКЪ АВЕЛЬ.

Дивны бываютъ судьбы Промысла Божія, ведущія человѣка иногда стропотвыми путями къ отечеству небесному. Смотритъ плотскій человѣкъ на подобнаго труженика Христова, и недоумѣваетъ, къ какому разряду людей причислить его; подѣ часъ блазнится его странностями, осуждаетъ его и глумится надъ нимъ. А это-то и нужно подобнымъ рабамъ Божиимъ, которые стараются покрывать свою добродѣтель покровомъ юродства. Пишущему эти строки сподобилъ Господь приютить у себя и похоронить подобнаго раба Христова, старца Авраамія Петровича Ильющенкова, бывшаго расофорнаго монаха Святогорской Успенской пустыни Авеля, почившаго о Господѣ 20 іюня 1886 года. Жизнь его преисполнена была странностей и юродства, навлекавшихъ на него гоненія и скорби отъ человѣковъ. Трудно было подѣ часъ не осудить его, не посмѣяться надъ его выходками, ибо очень много давалъ онъ къ этому поводовъ своимъ крайне своенравнымъ юродственнымъ житіемъ. Но теперь, когда поприще жизненное имъ уже окончено, можно уже отчасти подвести итогъ его жизненной дѣятельности, при чемъ невольно приходится сознаться, что она далеко не заслуживала осужденія и смѣха, но имѣла многое, замѣчательное въ духовномъ отношеніи. Мнѣ, ближайшему ея свидѣтелю, 11 лѣтъ наблюдавшему ее въ разныхъ ея выраженіяхъ, пожелалось сказать о ней нѣсколько словъ, въ память почившаго старца и въ назиданіе людей боголюбивыхъ, и я смѣю надѣяться, что мое смиренное сказаніе, чуждое вымысла, основанное на фактахъ, которымъ я былъ очевидцемъ или о которыхъ я

слышать отъ самого старца и близко знавшихъ его современниковъ его по жизни монастырской, не безъинтересно будетъ любителямъ и почитателямъ подвижничества христіанскаго. Заблаговременно прошу извиненія у тѣхъ лицъ, которыя ранѣе меня знали старца, и быть можетъ признаютъ сказаніе мое о немъ пристрастнымъ. Пишу по совѣсти, что видѣлъ и слышалъ, а выводовъ своихъ изъ этого отнюдь не выдаю за истину неоспоримую, предоставляя ихъ дѣлать каждому по своему на основаніи тѣхъ фактовъ, о которыхъ пишу.

Рабъ Божій Авраамій родился въ 1806 году, въ селѣ Райгородкѣ, Харьковской губерніи Изюмскаго уѣзда, отъ убогихъ поселянъ Петра и Пелагіи Ильющенковыхъ, крѣпостныхъ мелкопомѣстнаго помѣщика Сибивцева. Тезоименитъ онъ былъ преподобному Авраамію затворнику, празднуемому св. Церковію 29 октября, изъ чего съ достовѣрностію можно предположить, что и родился онъ въ концѣ мѣсяца октября, такъ какъ въ Малороссіи издревле ведется обычай давать имена новорожденнымъ въ честь тѣхъ святыхъ, которые празднуются въ дни ихъ рожденія. Рожденіе Авраамія было очень болѣзненно для его матери, чуть не стоило ей жизни. Крещеніе его сопровождалось тоже несчастіемъ, стоявшимъ чуть не жизни ему самому, только-что родившемуся на свѣтъ Божій. Воспріемники повезли его на конской подводѣ крестить въ сосѣднее село, гдѣ была приходская церковь. Погода стояла холодная и сырая, грязь по пути была большая, и вотъ окрестивъ младенца, ѣхали они съ нимъ обратно. Путь шель съ горы, крутой и глинистой, гдѣ скользкая грязь не давала лошади возможности свободно идти: она спотынулась и перекинула телѣгу, при чемъ сидѣвшіе въ ней выпали на землю, а младенецъ, завернутый въ пеленки и держимый воспріемницею, скатился на дорогу, прямо подъ колесо телѣги, которая, влачимая лошадыю, переѣхала чрезъ него. Воспріемники сильно испугались, думали, что младенецъ уже мертвъ; но Богъ, храняй младенцы, сохранилъ его въ живыхъ, хотя и сильно пострадалъ онъ отъ ушиба. Воспомявъ въ послѣдствіи объ этомъ событіи со словъ своей матери, старецъ

признавалъ въ немъ предзнаменованіе того, что вся его дальнѣйшая жизнь будетъ преисполнена всякихъ скорбей.—Крайняя бѣдность угнетала его родителей: помѣщикъ ихъ, самъ бѣдный, обременялъ своихъ крестьянъ поборами и трудами непосильными, такъ что родители Авраамія еле могли существовать, рѣдко бывали сыты, болѣе жили впроголодь и кусокъ чистаго ржанаго хлѣба рѣдко видѣли въ своей избѣ, болѣе питались хлѣбомъ нечистымъ, пополамъ съ мякиною, да и тотъ не всегда имѣли. Нерѣдко мать Авраамія, не имѣя хлѣба, ходила подъ окна сосѣдей, выпрашивала у нихъ корки, размачивала ихъ въ водѣ и ими питала своихъ дѣтей. Она отличалась благочестіемъ, не роптала на свою судьбу, любила молиться и бывать въ церкви Божіей, куда водила съ собою и дѣтей своихъ. Хаживала она иногда и въ недалекое отъ нихъ село Пески, пригородное города Изюма, гдѣ имѣется чудотворная икона Божіей Матери, именуемая Песчанскою, очень чтимая во всей окрестности и ознаменованная многими чудотвореніями. Икона эта довольно большихъ размѣровъ, изображеніемъ схожа съ иконою Богоматери Одигитріи Смоленской, и отличается необыкновенною живостію и выразительностію лица на пей Царицы небесной. Стоитъ она въ богато убранномъ кіотѣ, съ лѣвой стороны внутри большаго и благолѣпнаго каменнаго Песковскаго храма, и когда подходишь къ ней, то кажется милостивые взоры Владычицы прямо на тебя смотреть и что зоветъ Она ими къ себѣ на молитву и поклоненіе. Ходя на поклоненіе Песковской чудотворной иконѣ, мать Авраамія изливала предъ Богоматерью въ усердныхъ молитвахъ свою скорбящую душу, Ей молитвенно поручала участь своихъ дѣтей, и нерѣдко брала ихъ съ собою въ Пески. Съ ранней юности зналъ Авраамій благодатный ликъ Богоматери Песковской, привыкъ Ей молиться и на Нее уповать при скорбяхъ и невзгодахъ житейскихъ. На 7-мъ году жизни своей лишился онъ матери, а на 12-мъ году лишился и отца, сталъ круглымъ сиротою и былъ взятъ помѣщикомъ своимъ въ его домъ, въ должность слуги-казачка, обязаннаго раскуривать и подавать трубку своему господину

и состоять при немъ на посылкахъ. Помѣщикъ его не отличался мягкостію нрава, жестоко наказывалъ его за всякую малость, и жизнь въ его домѣ была очень бѣдственна для мальчика-сироты. Бывало забьется онъ куда-либо въ уголъ и горько плачетъ, умоляя Богоматерь избавить отъ постоянныхъ побоевъ господина. Разъ, жестоко высѣченный имъ за то, что опоздалъ подать ему трубку, лежалъ онъ въ сараѣ и громко стоналъ; вдругъ видитъ предъ собою свѣтлый и милостивый ликъ Песчанской Богоматери, и слышитъ отъ Нея голосъ: «Я скоро избавлю тебя, Авраамій, отъ твоего господина!» Обрадованный этимъ обѣщаніемъ, мальчикъ успокоился, и кое-какъ собравшись съ силами, вышелъ въ поле подынять воздухомъ. Имѣніе помѣщика его было степное, и здѣсь имѣли обычай остаивать погоищники скота и овецъ, прогоняя стада свои въ привольныя степи Екатеринославской губерніи и Области Войска Донскаго. Такъ было и теперь: обширное стадо паслось на степи; погоищники, остановившись на почлегъ, варили себѣ къ ужину кашу. Почувствовавъ голодь, Авраамій подошелъ къ нимъ и попросилъ поѣсть еѣ вмѣстѣ съ ними. Тѣ въ этомъ ему не отказали. За ужиномъ рассказалъ онъ погоищикамъ про скорбную свою жизнь у помѣщика, что нѣтъ силъ терпѣть ему болѣе вѣщше отъ него побои. Видя, что мальчикъ смысленъ, расторопенъ и силенъ, погоищники посоветовали убѣждать отъ своего помѣщика и идти съ ними въ степь, быть у нихъ помощникомъ пастуха, за что обѣщали ему одежду и обувь и хорошую всегда пищу, а современемъ и жалованье за его трудъ. Мальчикъ обрадовался этому предложенію, и спрятанный погоищниками въ глубинѣ ихъ объемистой крытой повозки, никѣмъ не зримый выѣхалъ изъ владѣній своего помѣщика. Обрадованный избавленіемъ отъ ига помѣщичьяго, не сознавалъ онъ непрочности своего положенія у погоищниковъ, не сознавалъ, что, ставъ бѣглецомъ безпаспортнымъ, онъ тѣмъ самымъ сталъ въ полное подначальное къ нимъ отношеніе, которое не замедлилось обнаружиться, когда они завезли его въ обширныя степи. Тамъ, на степномъ раздольи, гдѣ небо служило

имъ крышею, а степь жилищемъ, они не замедлили дать почувствовать беззащитному мальчику свою надъ нимъ власть, и сталъ онъ у нихъ батракомъ подневольнымъ, пастухомъ немѣняемымъ, терпѣлъ всякія невзгоды отъ нихъ и даже побои, а вздумаетъ жаловаться, сейчасъ ему попрекали, что онъ бродяга безпаспортный, и грозили выдать его связаннымъ его помѣщику. Дни или за днями, и цѣлыхъ три года прожилъ такимъ образомъ Авраамій въ степи у погонщиковъ, возмужалъ, сталъ юношею крѣпкимъ и смысленнымъ. Однажды ночью, ночуя со стадомъ своимъ въ степи, подъ открытымъ небомъ, Авраамій долго не спалъ и засмотрѣлся на небосклонъ, осіяваемый луною и украшенный мириадами яркихъ звѣздъ. Вдругъ одна яркая звѣздочка скатилась съ неба прямо надъ его головою, и ему послышался тихій голосъ его матери, ясно ему говорившій: «Авраамій, молись усерднѣе Божіей Матери, Она тебѣ будетъ помощница!» Оглянувшись вокругъ, никого не видѣлъ онъ кромѣ сторожевыхъ псовъ, смиренно лежавшихъ вокругъ стада, и его невольно взялъ страхъ отъ этого невѣдомаго голоса; онъ чувствовалъ, что волоса дыбомъ стали на его головѣ, и онъ поспѣшилъ закрыться своею свитою, такъ и заснулъ до утра. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ усердно молиться Божіей Матери, какъ умѣлъ и помнилъ со словъ своей матери, при чемъ всегда мысленно созерцалъ среди своей молитвы благодатный ликъ Богоматери, Песчанской чудотворной Бя иконы. Однажды главный погонщикъ за что-то прогнѣвался на него и сильно его побилъ: горько стало Авраамію, заплакалъ онъ и пошелъ въ степь, какъ говорится, куда глаза глядятъ. Долго шелъ онъ, наконецъ изнемогъ, какъ снопъ повалился и заснулъ въ степи, далеко отъ своего куреня. И видитъ онъ во снѣ опять ликъ Песчанской Богоматери, милостиво и свѣтло на него смотрящей, слышитъ отъ ней и тихія слова: «Авраамій, вставай и иди обратно къ своему хозяину, завтра Я тебя выкуплю на свободу!» Послушный гласу этому, всталъ онъ и возвратился къ своему стаду, вѣруя несомнѣнно, что на утро онъ будетъ избавленъ отъ этой должности навсегда. На утро по обычаю

выгнать онъ стадо на пастбу въ степь, по направленію къ большой столбовой дорогѣ въ г. Бахмутъ, одинъ изъ уѣздныхъ Екатеринославской губерніи. Солнце стояло уже высоко, когда по большой дорогѣ показалась большая крытая повозка, запряженная парюю добрыхъ коней. Повозка ѣхала шагомъ и вдругъ остановилась, какъ разъ противъ его стада. Возница окликнулъ его и просилъ къ нему подойти. Авраамій подошелъ и увидѣлъ, что въ повозкѣ сидитъ почтенныхъ лѣтъ женщина въ монашеской одеждѣ, съ четками въ рукахъ, которая, подзававъ его къ себѣ, ласково спросила его, не можетъ ли онъ помочь имъ поправить ихъ повозку, въ которой поломалась ось, такъ что они еле могутъ ѣхать шагомъ, да и то не безъ опасности совсѣмъ обломаться? «Помоги намъ, сынокъ, говорила старушка, какъ-нибудь починиться и доѣхать до Бахмута; мы тебѣ за это заплатимъ». Авраамій, привыкшій въ степи чинить телѣги своихъ хозяевъ-погонщиковъ, живо сбѣгалъ къ обозу своему за новою осью, живо подкинулъ новую ось подъ повозку старушки, и этимъ обратилъ на себя особое ея вниманіе. Она подробно его распросила, откуда онъ родомъ, какъ тутъ живетъ въ степи имѣеть ли родителей и семью? и тѣмъ вызвала его откровенно рассказать всю скорбную исторію своей жизни, какъ попалъ онъ въ степь, и въ качествѣ бѣглеца безпаспортнаго не имѣеть никакой возможности освободиться отъ тяжкаго своего положенія у погонщиковъ. Выслушавъ его рассказъ, старушка сказала ему: «садись, сынокъ, со мною, въ мою повозку и поѣдемъ въ Бахмутъ, а оттуда къ твоему помещику Спѣсивцеву, котораго я хорошо знаю; онъ теперь крайне обнищаль, нуждается къ деньгахъ и охотно возьметъ отъ меня выкупъ за тебя; дастъ тебѣ отпускную, и вотъ съ нею ты поѣдешь со мною кучеромъ по сбору». Авраамій, понятно, согласился на это предложеніе старушки, показавшейся ему именно посланною отъ Божіей Матери, для искупленія его отъ тягостнаго рабства у погонщиковъ. Это была вдова мѣщанка г. Бахмута, по имени Софія Павловна, іерусалимская сборщица, имѣвшая сборную книгу отъ іерусалимскаго пат-

ріарха и собиравшая отъ его имени пожертвованія по Россіи на Гробъ Господень. Въ то время сборъ подобныхъ жертвованій составлялъ одинъ изъ подвиговъ благочестія, которому по объѣту обрекали себя люди благочестивые и одинокіе. Много лѣтъ странствовала по Россіи Софія Павловна съ сборною іерусалимскою книгою, много собрала по ней на Гробъ Господень, два раза лично была въ св. градѣ Іерусалимѣ, гдѣ тайно лострижена была въ иночество, и продолжала ѣздить потомъ по сборамъ уже въ качествѣ іерусалимской монахини Соломоніи, пользуясь уваженіемъ помѣщиковъ, купцовъ и духовенства за свою подвижническую жизнь. Это была старица добрая, постница и молитвенница, честно относившаяся къ подвигу сбора на Гробъ Господень и поэтому очень цѣнимая іерусалимскою патриархіею. Да и въ Россіи по всѣмъ монастырямъ ее знали и уважали, какъ истинную рабу Божию. Авраамій поѣхалъ съ нею охотно и въ этомъ потомъ не раскаивался, ибо нашель въ ней вторую себѣ мать и благодѣтельницу. Софія Павловна поѣхала съ нимъ къ его помѣщику Спѣсивцеву, сторговалась съ нимъ за 300 р. ассигнаціями, уплатила ему деньги, а онъ выдалъ отъ себя формальную отпускную Авраамію, которую взяла къ себѣ на храненіе Софія Павловна, сказавъ Авраамію, что чрезъ пять лѣтъ отдастъ она ему эту бумагу, если послужить ей усердно и честно въ должности кучера при ея разѣздахъ за сборомъ. И вотъ сталъ Авраамій разѣзжать съ нею по Россіи, побывалъ въ Москвѣ, въ Воронежѣ, въ Кіевѣ по нѣсколько разъ, побывалъ во всѣхъ именитыхъ монастыряхъ и пустыняхъ русскихъ, гдѣ присматривался къ жизни иноческой, которая сильно ему понравилась. Имѣя всегда предъ глазами добрый примѣръ преподобной жизни въ лицѣ своей хозяйки старицы Софіи Павловны, юноша самъ сталъ жить преподобно въ дѣвствѣ и чистотѣ, постился, молился, и только объ одномъ жалѣлъ, что не знаетъ онъ грамотѣ, не можетъ читать книги духовныя, какъ его хозяйка, которая на ночлегахъ часто читывала ему вслухъ житія святыхъ изъ Четьи-Минеи и Пролога, Псалтирь, каноны и акаѳисты. Одну зиму сильный

холодъ заставилъ ихъ остановиться на зимовку въ Кіевѣ. Софіи Петровнѣ позволили пожить это время въ гостинницѣ Кіево-Печерской лавры; съ нею былъ и Авраамій, котораго очень полюбили лаврскіе иноки, часто звали его къ себѣ въ гости; ходилъ онъ постоянно ко всѣмъ службамъ церковнымъ то въ великую лаврскую церковь, то на ближнія пещеры, прислушивался къ духовнымъ поученіямъ старцевъ и слагалъ ихъ въ свое неиспорченное суетою житейскою сердце. Живя зиму въ лаврѣ, онъ выучился отъ одного лаврскаго послушника грамотѣ церковно-славянской, сталъ свободно читать церковныя книги, что составляло великое для него утѣшеніе и отраду. Особенно любилъ онъ Псалтирь, ежедневно прочитывалъ изъ нея нѣсколько каѳизмъ и такъ свыкъся съ нею, что стала она ему нужнѣе хлѣба насущнаго, по собственному его признанію. Зиму проведенную имъ въ Кіево-Печерской лаврѣ считалъ онъ всегда лучшимъ временемъ своей жизни; «точно въ раю Божіемъ жилъ я тогда, ни печаль, ни воздыханіе не приходили мнѣ на сердце», говоритъ онъ въ послѣдствіи, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни. Съ наступленіемъ весны нужно было однако разстаться ему съ этою свѣтлою жизнью: послѣ Пасхи Софія Павловна собралась въ дальнѣйшій путь по своему послушанію, и Авраамій съ горькими слезами разстался съ Кіевомъ, съ лаврою и благодатными ея святынями. Онъ такъ заскорбѣлъ по выѣздѣ изъ Кіева, что дорогою, не доѣзжая до г. Лубенъ Полтавской губ., сильно заболѣлъ, не имѣлъ силы править лошадыми и лежалъ полумертвъ въ повозкѣ, очень напугавъ Софію Павловну своею болѣзнію. Она наняла временно другаго возницу и усердно присматривала за большимъ Аврааміемъ, какъ родная мать. 6 дней лежалъ онъ въ сильномъ жару, бредилъ, метался и все воспоминалъ про Кіевъ и лавру. На 6-й день на послѣднемъ почлегѣ предъ г. Лубнами, остановились они въ жидовскомъ постояломъ дворѣ, и такъ какъ помѣщеніе тамъ было неудобное, то Софія Павловна рѣшила оставить больного Авраамія ночевать въ своей крытой повозкѣ, гдѣ ему было удобно и покойно лежать, а сама часто навѣдывалась

къ нему. Время стояло теплое, весеннее, и почевать въ повозкѣ было ему безопасно. Въ глухую полночь, когда всѣ уже уснули на постояломъ дворѣ и Софія Павловна тоже уснула въ занятомъ ею номерѣ, Авраамій, лежавшій въ полузабытѣ, видитъ предъ собою старца-архіерея, съ длинною сѣдою бородою, который приникъ къ нему въ повозку и назвалъ его по имени, говоря: «Авраамій, зачѣмъ ты такъ сильно заскорбѣлъ по выѣздѣ изъ Кіева? Не въ одномъ Кіевѣ спасеніе, а вездѣ. Не скорби, Богъ исцѣляетъ тебя отъ твоего недуга мною, рабомъ своимъ Аѳанасіемъ; служи вѣрно и честно твоей хозяйкѣ, за что Господь тебя не оставитъ, поможетъ тебѣ спастись». Съ этими словами старецъ благословилъ его посьвятительски обѣими руками, положилъ ихъ ему на голову, при чемъ ему показалось, точно льдина холодная коснулась къ его разгоряченной головѣ, утолила въ ней жаръ и разлила во всѣ его члены живительную прохладу. Святитель сталъ невидимъ, и только легкое, тонкое благоуханіе, похожее на запахъ хорошаго ладана, ощущалось имъ въ ночномъ воздухѣ вокругъ повозки, гдѣ онъ лежалъ. Онъ почувствовалъ себя крѣпкимъ и здоровымъ, такъ что на утро самъ могъ убраться и напоить лошадей и исполнять прежнюю свою кучерскую обязанность, что очень удивило и обрадовало его хозяйку — почтенную Софію Павловну. Онъ разсказалъ ей свое видѣніе, и она признала, что это самъ святитель Христовъ Аѳанасій патріархъ цареградскій, Лубенскій чудотворецъ, посѣтилъ его и исцѣлилъ. Они прямо поѣхали въ Лубенскій Мгарскій Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ въ сидячемъ положеніи по чину патріаршему нетлѣнно почиваютъ св. мощи сего угодника Божія, и Софія Павловна, прибывъ туда, поспѣшила отслужить молебень ему предъ его св. мощами и усердно благодарила его за исцѣленіе столь пужнаго ей слуги. Авраамій тоже усердно молился предъ мощами святителя Аѳанасія и далъ обѣщаніе служить вѣрою и правдою Софіи Павловнѣ до конца ея жизни, какъ заловѣдалъ ему святитель. Пробывъ три дня въ Лубенской обители, поѣхали они далѣе по городамъ и всякъ обширной

Россіи, гдѣ вездѣ были знакомые благодѣтели у Софіи Павловны, принимавшіе ее радостно и съ любовію, такъ что путь съ нею для Авраамія былъ не особенно тягостенъ. Подѣзжая къ г. Воронежу, Авраамій опять сподобился видѣнія: онъ видѣлъ во снѣ гробницу и въ ней возлежавшаго благолѣпнаго старца въ схимонашеской одеждѣ, который подозвалъ его къ себѣ и велѣлъ ему поправить у себя въ гробѣ изголовье, и когда онъ сталъ это благоговѣнно дѣлать, старецъ коснулся рукою его главы и благословилъ его, сказавъ: «молись поусерднѣе Богу и менѣе спи,» послѣ чего ему показалось, что онъ взялъ гробницу съ мощами старца и понесъ ее вокругъ какой-то церкви. Проснувшись, недоумѣвалъ онъ, кто этотъ старецъ и гдѣ та церковь, вокругъ которой носилъ онъ его гробницу. Но каково было его удивленіе, когда, прибывъ въ Воронежскій Митрофановъ монастырь, въ соборной его церкви узналъ онъ ту самую церковь, которую видѣлъ во снѣ, а взойдя въ нее и приблизившись къ ракъ св. мощей святителя Митрофана Воронежскаго чудотворца, узналъ въ ней и ту гробницу, которую видѣлъ и носилъ во снѣ, почему съ вѣрою и умиленіемъ припалъ онъ къ св. мощамъ угодника Божія, признавая несомнѣнно, что это самъ онъ явился ему во снѣ и преподалъ ему столь нужное и душеполезное наставленіе. Поѣздивъ довольно по Россіи и собравъ немало денегъ на Гробъ Господень, Софія Павловна вознамѣрилась въ третій разъ отправиться въ Іерусалимъ и лично вручить свой сборъ іерусалимскому патріарху. Вмѣстѣ съ Аврааміемъ прибыла она въ Одессу, добыла тамъ себѣ и Авраамію заграничные паспорта и сѣла съ нимъ на пароходъ, идущій въ Константинополь. Но плаваніе ихъ было очень бурное: сильный вѣтеръ качалъ пароходъ во всѣ стороны, волны вливались на его палубу и обдавали водою пассажировъ; у нихъ отъ сильной качки начались сильные приступы морской болѣзни. Авраамій, никогда ее не испытавшій, сильно испугался и думалъ, что его отравили и что онъ умираетъ. Но Софія Павловна успокоила его; она имѣла запасъ лимоновъ съ собою, кото-

рые очень много принесли пользы Авраамію въ приступахъ морской болѣзни. Особенно помнилъ онъ тотъ страшный мигъ, когда не доходя до Константинополя, пароходъ ихъ наткнулся на подводный камень, отъ чего сильно его ударило, такъ что всѣ пассажиры попадали съ ногъ и думая, что пришла ихъ гибель, подняли крики и вопли. Греки и русскіе каждый по своему кричали и молились: «Пресвятая Богородице, спаси насъ, погибасмъ, спаси насъ!» «Панагіа, Панагіа!» кричали греки, и это слово такъ вѣзало въ памяти Авраамія, что онъ навсегда потомъ его запомнилъ, и вспоминая въ послѣдствіи объ этомъ случаѣ, всегда говорилъ, «что только тотъ молился усердно Богу, кто бывалъ на морѣ и испыталъ морскія опасности». Однако, при помощи Божіей опасность миновала, пароходъ безъ вреда снялся съ подводнаго камня и благополучно прибылъ въ Константинополь. Но тутъ ждало ихъ новое несчастіе: по случаю открывшейся холеры въ Палестинѣ, никого въ нее не пропускали, и Софія Павловна, сколько ни хлопотала, не могла туда проникнуть. Цѣлые три мѣсяца прожила она въ Константинополѣ, все поджидая, что холера пройдетъ и ее пропустятъ наконецъ въ Іерусалимъ, но потомъ недождавшись этого, сдала сборныя деньги іерусалимскому патріарху, бывшему тогда въ Константинополѣ и получила отъ него совѣтъ и благословеніе вернуться лучше въ Россію и поджидать другаго болѣе благоприятнаго времени для путешествія въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ Авраамій, побывавъ на морѣ и въ Царьградѣ, не сподобился быть въ Іерусалимѣ и поклониться Гробу Господню, о чемъ горько всегда сожалѣлъ, и вспоминая про жизнь свою въ Царьградѣ, очень хвалилъ турокъ за ихъ ласковость къ русскимъ, въ которой, по словамъ его, они далеко превосходили грековъ. Часто хаживалъ онъ за ворота Царьграда къ Живоносному источнику Богоматери въ Балукліи, любилъ тамъ молиться Пресвятой Дѣвѣ, пить освященную воду изъ Ея многоцѣлебнаго источника и ею умываться. Возвратившись въ Одессу, Софія Павловна съ своимъ возницею Аврааміемъ поѣхала оттуда въ Кіевъ и помолившись тамъ угодникамъ Божіимъ, на-

правилась на свою родину въ Бахмутъ, чтобы тамъ поотдохнуть у своихъ родныхъ. Въ Бахмутъ Авраамій сильно заболѣлъ, такъ что Софія Павловна принуждена была положить его въ городскую больницу. Болѣзнь его длилась долго и не подавала надежды къ его выздоровленію. Погобивъ у родныхъ въ Бахмутѣ, Софія Павловна вознамѣрилась ѣхать далѣе по сбору; а такъ какъ Авраамій сильно былъ боленъ, близкокъ былъ къ смерти, то она взяла себѣ другаго возницу, а его поручила протоіерею Бахмутскаго собора, которому дала его отпускную бумагу и нѣсколько денегъ, чтобы платить за его леченіе въ больницѣ, а когда скончается, то чтобы было на что его похоронить. Не безъ слезъ простился съ своею благодѣтельницею Авраамій, когда въ послѣдній разъ посѣтила она его въ больницѣ: точно предчувствовалъ, что это было ихъ послѣднее свиданіе на землѣ. Благодѣтельная Софія Павловна поѣхала за соборомъ въ область Войска Донскаго, гдѣ на дорогѣ была ограблена и мученически убита шайкою разбойниковъ. Авраамій послѣ ея отъѣзда изъ Бахмута долго еще хворалъ, наконецъ сталъ выздоравливать, вышелъ изъ больницы и сталъ проживать въ домѣ соборнаго протоіерея, поджидая извѣстія отъ своей хозяйки, гдѣ она находится, чтобы туда къ ней идти. Когда пришла вѣсть о постигшей ее мученической кончинѣ, протоіерей сказалъ объ этомъ Авраамію, вручилъ ему его отпускную бумагу и деньги, оставленныя Софіею Павловною на его погребеніе, и такъ какъ Авраамій былъ человекъ скромный, трезвый и благодѣтельный, то предложилъ ему занять должность сторожа при Бахмутскомъ соборѣ, съ платою по 8 рублей въ мѣсяцъ. Горько плакалъ Авраамій о своей благодѣтельницѣ Софіи Павловнѣ и усердно молился о ея упокоеніи, занялъ должность сторожа при Бахмутскомъ соборѣ и сталъ жить мирно и преподобно, всегда бывая при службахъ церковныхъ, прислуживая священнослужителямъ въ алтарѣ и наблюдая чистоту въ церкви. Жить ему было очень хорошо: онъ имѣлъ особую уединенную келлію въ сторожкѣ церковной, получалъ довольно содержаніе къ безбѣдному житію, могъ безпрепятственно

молиться Богу, читать по обычаю своему Псалтирь и другія книги духовныя; но скорбь по второй его матери, страдальчески скончавшейся Софіи Павловнѣ, сильно его угнетала; онъ плакалъ по ней неутѣшно и все молилъ Бога, чтобы явилъ ему, какое возмездіе на небеси получила она послѣ страдальческой своей кончины. Въ одну ночь увидѣлъ онъ ее во снѣ свѣтлую и радостную: она ему повѣдала, что милостію Спасителя нашего Господа Іисуса Христа помилована она на мытарствахъ воздушныхъ и получила обитель вмѣстѣ съ мученицами. «Не плачь обо мнѣ, сынокъ, говорила она Авраамію,—мнѣ теперь хорошо, а вотъ старайся теперь о себѣ, чтобы тебѣ не погибнуть, но уцѣлѣдовать спасеніе». Проснувшись, былъ онъ очень утѣшенъ этимъ извѣщеніемъ изъ міра загробнаго объ участи своей почившей благодѣтельницы, менѣе сталъ о ней плакать, усерднѣе началъ молиться, полагая много земныхъ поклоновъ во время своей молитвы, отъ чего образовались даже у него мозоли на колѣняхъ и рукахъ. Въ то время служилъ при Бахмутскомъ соборѣ діаконъ вдовецъ, по имени Димитрій, въ настоящее время Святогорской Успенской пустыни іеромонахъ Дамаскинъ, старецъ многолѣтній, доживающій свой вѣкъ въ больницѣ той пустыни. Отецъ Димитрій нѣкогда жилъ въ Воронежѣ при святителѣ Антоніѣ, архіепископѣ воронежскомъ и задонскомъ, при которомъ открыты мощи святителя Митрофана и обрѣтены мощи святителя Тихона воронежскихъ чудотворцевъ. Живя при столь богоугодномъ и святомъ мужѣ, діаконъ Димитрій многому научился у него на пользу души, проводилъ жизнь преподобную, любилъ читать книги святоотеческія, житія святыхъ, и въ этомъ имѣлъ усерднаго слушателя въ Аврааміѣ сторожѣ церковномъ. Благоговѣйный діаконъ и боголюбивый сторожъ стремились къ одной цѣли: богоугожденію и спасенію. Это сблизило ихъ, они стали друзьями о Господѣ и чѣмъ могли, другъ другу служили. Часто говаривалъ Авраамію діаконъ Димитрій, что трудно въ мірѣ спастись и что въ монастырѣ гораздо это удобнѣе. Мечтали они вдвоемъ удалиться на Аѳонскую гору, и тамъ въ подвигахъ иноче-

скихъ окончить свою жизнь. Но мечтамъ симъ не суждено было осуществиться; однако Авраамію стали сниться какія-то таинственныя горы, покрытыя лѣсомъ, увѣнчанныя бѣлыми мѣловыми вершинами. Все думалъ онъ, что это и есть Аѳонскія горы; но оказалось, что подобныя горы есть отъ него вблизи въ Изюмскомъ уѣздѣ, именно въ Святогорья, гдѣ въ то время возникъ мужскій общежительный монастырь подь именемъ Святогорской Успенской пустыни. Какъ только услышалъ Авраамій о новооткрытомъ тогда монастырѣ въ Святогорья, сердце его возрадовалось радостію неземною, и онъ ясно почувствовалъ въ себѣ призывъ идти туда и поступить въ число его братіи. Сколько ни уговаривалъ его соборный протоіерей не оставлять служебныя сторожеваго при Бахмутскомъ соборѣ, потерпѣть еще въ мѣрѣ, обѣщаясь ему выхлопотать у епархіальнаго архіерея дозволеніе постричь его въ монашество и при соборѣ, ибо очень жаль было ему лишиться столь ревностнаго и нравственнаго сторожа, однако Авраамій его не послушалъ, рассчитался и пошелъ въ Святогорскую пустынь. Прибылъ онъ въ нее 20 ноября 1846 года, подь праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и первое, что поразило его въ Святыхъ горахъ, это полное сходство ихъ съ тѣми таинственными горами, которыя неоднократно видѣлъ онъ во снѣ. Онъ предполагалъ, что это были горы Аѳонскія, теперь же убѣдился, что это были тѣ самыя Святыя горы, которыя онъ видѣлъ теперь предъ собою. Настоятелемъ Святогорской пустыни былъ тогда ея первоначальникъ по возобновленіи, архимандритъ Арсеній Митрофановъ, ученикъ и сподвижникъ именитаго старца, игумена Глинской Богородицкой пустыни Филарета, далеко извѣстнаго въ Россіи святостію своей жизни. Отецъ Арсеній вѣрно подражалъ своему старцу въ управленіи монастыремъ Святогорскимъ: изъ развалинъ воздвигъ его, хорошо устроилъ и обезпечилъ, собралъ въ него и благодѣтельную братію, которою управлялъ съ мудростію и опытностію святоотеческими. Не безъ робости предсталъ Авраамій предъ опытные взоры отца Арсенія, про котораго прежде онъ слышалъ, что прозорливъ

онъ и строгъ. Когда пришелъ онъ въ пріемную келлію отца Арсенія, келейникъ его монахъ Трифиллій выгналъ его вонъ. Стоя у порога келліи, долго дожидался Авраамій выхода архимандрита въ трапезу, желая хоть на дорогѣ его встрѣтить и упросить о принятіи въ число братіи. Когда о. Арсеній вышелъ изъ келліи, Авраамій упалъ ему въ ноги и усердно просилъ его оказать ему милость и принять его въ число братіи своей. О. Арсеній вернулся въ келлію и Авраамія повелъ туда за собою; здѣсь разспросивъ его подробно обо всемъ, онъ взялъ отъ него его увольнительную бумагу и велѣлъ ему оставаться въ монастырѣ, опредѣливъ ему послушаніе на кухнѣ монастырской. Авраамій со смиреніемъ положилъ къ ногамъ о. Арсенія 50 золотыхъ,—все что имѣлъ. Это были частію тѣ деньги, которыя оставила ему покойная Софія Павловна, частію тѣ, которыя онъ самъ заслужилъ въ должности сторожа при Бахмутскомъ соборѣ. Подобная безкорыстная довѣрчивость новаго послушника очень полюбила о. Арсенію: онъ позвалъ своего келейника о. Трифиллія и приказалъ убрать червонцы Авраамія въ корвану монастырскую, сказавъ ему обличительно: «вотъ ты выгналъ вонъ отсюда этого раба Божія, а за безчестіе, которымъ ты его угостилъ, онъ чистымъ золотомъ расплатился. Кланяйся ему въ ноги и проси прощенья, да впередъ милостивѣе обращай съ тѣми, которые приходятъ ко мнѣ проситься въ братство». Пришлось Трифиллію поклониться въ ноги новопринятому послушнику и испросить у него прощенья. Опредѣленный на послушаніе на кухню монастырскую, Авраамій ласково былъ принятъ тамъ завѣдывавшимъ тогда этимъ послушаніемъ послушникомъ Василиемъ (нынѣ іеромонахъ Варнава, начальникъ скита Святогорской пустыни), и подъ его руководствомъ началъ трудиться въ черныхъ послушаніяхъ монастырскихъ, — рубить дрова, носить воду, чистить овощи и рыбу для трапезы монастырской, и вообще трудиться неустанно по указанію своего начальника. Въ то время братство иноческое въ Святогорской пустыни было еще не велико; управляемое архимандритомъ Арсеніемъ и духовникомъ, іеромонахомъ Θεодосіемъ,

старцемъ духовно-опытнымъ и богомудрымъ, оно единомысленно трудилось, чтобы возсоздать свою древнюю и запустѣлую обитель и обновить въ ней подвиги древнихъ ея иноковъ. Спустя нѣсколько недѣль, проведенныхъ Аврааміемъ на кухнѣ, настоятель назначилъ его подъ начало къ эконому о. Іоаннію, въ послѣдствіи затворнику, принятому въ схимѣ имя Іоанна. Съ любовію принялъ его о. Іоаннікій, и около года прожилъ онъ при немъ послушникомъ, помогая ему въ распоряженіяхъ по хозяйству монастыря и исполняя должность его келейника: ставилъ ему самоваръ, носилъ воду, убиралъ его келлію и пользовался особымъ его довѣріемъ и любовію. Когда о. Іоаннікій оставилъ экономскую должность и заключился въ затворъ въ пещерной келліи святогорской мѣловой скалы, онъ звалъ съ собою и послушника Авраамія; но по волѣ настоятеля Авраамію было назначено другое послушаніе,—быть вратаремъ у святыхъ воротъ обители, почему и не могъ онъ исполнить желаніе затворника, но часто къ нему ходилъ и пользовался его наставленіями и дружбою. Послушаніе вратаря проходилъ Авраамій довольно долго и за усердіе свое былъ постриженъ архимандритомъ Арсеніемъ въ рясофоръ, наименованъ Авелемъ, облекся въ рясу и надѣлъ клобукъ. Духовникъ — іеромонахъ Θεодосій обучилъ его молитвѣ Іисусовой, въ которой самъ онъ былъ весьма опытенъ и умѣлъ это дѣланіе душеспасительное передавать другимъ. АVELЬ началъ молиться молитвою Іисусовою по четкамъ, съ земными и поясными поклонами, назначаемыми ему отъ духовника, и безъ его совѣта и благословенія ничего не дѣлалъ. Бывало о. Θεодосій и самъ зайдетъ въ его келлію у святыхъ воротъ, посидитъ тамъ у него и подробно распроситъ про устроеніе его душевное, а иногда и гостинецъ съ собою принесетъ,—яблочко или немного чаю и сахару. Но скоро скончался духовникъ о. Θεодосій; горько оплакалъ его АVELЬ и навсегда сохранилъ о немъ благоговѣйное воспоминаніе, какъ о великомъ 'благодѣтелѣ своей души. Со смертію его сталъ АVELЬ обнаруживать въ себѣ нѣкоторое юродство и строптивость; началъ тяготиться послушаніемъ вратаря,

уходилъ въ лѣсъ, на неприступныя горы и скалы, которыми изобилуетъ Святогорье, копалъ тамъ пещерныя келліи себѣ и въ нихъ проживалъ, подвизаясь въ постѣ и молитвѣ. Настоятель, архимандритъ Арсеній, по просьбѣ духовника іеромонаха Елифанія, уволилъ его отъ послушанія вратарскаго, позволилъ ему пустынножить въ изрытыхъ имъ пещерныхъ келліяхъ въ Святогорскомъ лѣсу, поручивъ ему сторожить лѣсъ и сѣнокосъ на святомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ нынѣ находится Святогорскій скитъ преподобнаго Арсенія великаго, тогда еще не существовавшій. Глубокая пустыня, отвѣсныя мѣловыя скалы, покрытыя сосновымъ лѣсомъ, малодоступныя стои́тъ человѣческой, сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ Авеля. Неутомимо рылъ онъ пещеры въ мѣловой почвѣ этой мѣстности: то на неприступной скалѣ надъ оврагомъ, то въ глубокой дебри внизу, гдѣ только ему понравится, выроетъ себѣ пещерную келлію и въ ней подвизается одинъ съ Богомъ. Онъ не любилъ долго пребывать на одномъ мѣстѣ: не успѣетъ пожить въ одной пещеркѣ, другую уже рыть начинаеть, лишь бы не оставаться празднымъ. По свидѣтельству лицъ достовѣрныхъ, близко знавшихъ его въ этотъ періодъ его жизни, жилъ онъ въ пещерахъ своихъ очень строго, подражалъ древнимъ пустынножителямъ и не чуждъ былъ дарованій благодатныхъ. Теперешніе старшіе іеромонахи Святогорской Успенской пустыни, казначей іеромонахъ Дороей, больничный духовникъ іеромонахъ Пармень, скитоначальникъ іеромонахъ Варнава, и записчикъ монахъ Помпей, его современники, свидѣлствуютъ объ этомъ въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ. Іеромонахъ Дороей въ новоначаліи своемъ монастырскомъ нерѣдко хаживалъ къ Авелю въ пустыню, и помнить его пещерныя келліи; въ нихъ тѣсно было одному помѣститься, всякіе гады изобиловали и постоянно была сырость; но пустынникъ благодушно все это терпѣлъ, гадовъ не боялся и они ему не вредили. Разъ пришелъ къ нему о. Дороей на святое мѣсто, гдѣ была у него изрыта пещерка въ мѣловой скалѣ, а вмѣсто сѣней къ ней придѣланъ былъ навѣсъ изъ сосновыхъ жердей, покрытый

землею и дерномъ. Гость и хозяинъ сѣли вдвоемъ бесѣдовать подъ этимъ навѣсомъ у дверей пещерки; смотритъ гость: огромная змѣя выползла изъ навѣса, виситъ надъ ихъ головами и шипитъ. Въ испугѣ бросился онъ прочь изъ-подъ навѣса, указывая Авелю на змѣю, а тотъ спокойно взялъ ея рукою и отбросилъ въ сторону, говоря: «не бойся, братъ, не бойся; она не укуситъ насъ!» Однако о. Дорошею не рѣшился уже вторично сѣсть подъ этотъ навѣсъ, и предложилъ пустынноку лучше походить съ нимъ по лѣсу и побесѣдовать духовно. Строго жилъ въ своихъ пустынныхъ пещеркахъ Авель, и все болѣе и болѣе сталъ юродствовать. Народъ узналъ о немъ, богомольцы, приходившіе на богомоленіе въ Святогорскую пустынь, стали проникать въ его пустынные пещерки, стали осаждать его просьбами о наставленіи и молитвѣ, и волей-неволей приходилось ему бесѣдовать съ народомъ. Обладая хорошею памятью, начитавшись книгъ церковныхъ, говорилъ онъ съ каждымъ, какъ умѣлъ, и простыя его слова, а болѣе образъ его уединенной пещерно-пустынной жизни, производили благое впечатлѣніе на умы его слушателей. Самъ Авель, по собственному его признанію, терпѣлъ въ пустынѣ великую брань отъ враговъ невидимыхъ: часто ночью порою, въ образѣ разныхъ страшилищъ, окружали они его келлію, пытались ее разрушить, а его самого засыпать землею, или же иногда въ образѣ женскомъ представляли предъ нимъ въ соблазнительныхъ видахъ, а разъ вдругъ страшный воинъ сталъ въ дверяхъ его келліи, грозно на него взглянулъ и, скрежеща зубами, бросилъ въ него большой камень, который ударилъ его въ правый бокъ и сильно зашибъ. Утромъ сильная боль въ боку давала понять ему, что это не былъ сонъ или видѣніе, и самый камень лежалъ на полу келліи, который потомъ долго берегъ у себя Авель, какъ знакъ своей брани со врагомъ невидимымъ. Выкопавъ себѣ однажды пещерную келейку въ мѣловой горѣ, соседней съ Святогорскою скалою, Авель любовался снѣжною бѣлизною стѣнъ своей келліи и на одной изъ нихъ высѣкъ большой крестъ, предъ которымъ и совершалъ свое мо-

литвенное правило. Однажды отлучившись изъ пещерки своей въ монастырь, онъ по возвращеніи въ нее нашель подь крестомъ крупную подпись красными буквами: «скоро, скоро уйдешь отсюда, негодный чернецъ!» Признавъ въ этомъ новую кознь врага, пустынный осерчалъ, срылъ подпись киркою и рѣшился терпѣть съ мужествомъ всѣ его козни. Однако это такъ поразило его, что онъ наконецъ вовсе оставилъ эту пещерку и переселился въ другую, поближе къ святому мѣсту; но чтобы не похвалился надъ нимъ врагъ, что выгналъ его изъ прежней его пещеры, гдѣ былъ крестъ, по временамъ хаживакъ въ нее и совершалъ тамъ свое молитвенное правило. Такъ жилъ Авель въ своихъ пещеркахъ пустынныхъ до самой кончины архимандрита Арсенія, послѣдовавшей 12 октября 1859 года. О. Арсеній, самъ великій любитель подвижничества, не препятствовалъ ему пустынножитьствовать и былъ даже доволенъ, что его юная обитель, стяжавшая затворника въ лицѣ іеросхимонаха Іоанна, имѣетъ въ лицѣ Авеля и пустынножителя, подобнаго древнимъ обитателямъ этой именитой обители, спасавшимся въ дебряхъ и пещерахъ лѣснаго и гористаго Святогорья. По смерти архимандрита Арсенія устроился Святогорскій скитъ преподобнаго Арсенія великаго на святомъ мѣстѣ, и любителямъ безмолвія пустыннаго въ числѣ святогорскихъ иноковъ было полное удобство подвизаться въ немъ вдали отъ людскихъ взоровъ, въ полномъ уединеніи, для чего новымъ настоятелемъ Святогорской пустыни, игуменомъ, въ послѣдствіи архимандритомъ Германомъ, былъ составленъ скитскій общежительный уставъ, во всемъ приспособленный къ строго пустынной жизни. Съ этого времени особия пустынножитія въ Святогорскомъ лѣсу были признаны имъ излишними и не безопасными для обители, такъ какъ привлекали любопытство сторонняго народа, почему Авелю было предложено переселиться въ Святогорскій скитъ. Очень неохотно переселился онъ туда, подь начало строгаго старца скитоначальника, рясофорнаго монаха о. Леонтія, въ послѣдствіи іеросхимонаха Логгина, о подвигахъ котораго читатели вѣроятно по-

мнѣть изъ моей о немъ статьи въ Душеполезномъ Читеніи. О. Леонтій, ревностно выполнявшій всѣ скитскія законоположенія, предписанныя ему опытнымъ въ духовной жизни настоятелемъ, скоро увидѣлъ въ Авелѣ не совсѣмъ послушнаго ихъ исполнителя и началъ дѣлать ему замѣчанія, которыя не поправились пустыннику: онъ, поживъ немного въ скиту, самовольно ушелъ изъ него въ прежнюю свою пещерную келлію по сосѣдству, куда опять стали приходять къ нему сторонніе посѣтители-богомольцы и тѣмъ нарушать безмолвіе скита, въ которомъ законоположено было не допускать стороннихъ посѣтителей, за исключеніемъ двухъ-трехъ дней въ году, когда совершаются престольные праздники въ обители и въ скиту; въ эти дни врата его отворялись для всѣхъ богомольцевъ, въ остальные же дни пребывали всегда запертыми, и безъ особаго разрѣшенія настоятеля, никто изъ стороннихъ лицъ внутрь скита не пропускался. При подобной строгости законоположенія скитскаго, естественно, нельзя было скитоначальнику о. Леонтію терпѣть въ близкомъ сосѣдствѣ отъ скита, почти въ виду его, собраніе разныхъ богомольцевъ у келліи пустынножителя Авеля, почему онъ неоднократно убѣждалъ его не принимать къ себѣ богомольцевъ и не привлекать ихъ къ себѣ своими наставленіями. Но Авель упорствовалъ, или, лучше сказать, не могъ даже избѣжать народа въ своемъ пустынножитіи, куда ходить привыкли уже богомольцы. Вынужденный извѣстить объ этомъ настоятеля, о. Леонтій получилъ отъ него строгое приказаніе взять Авеля къ себѣ въ скитъ подъ строгій надзоръ; а пещерки его въ лѣсу завалить землею. Все это было исполнено въ точности; но Авель въ скиту опять не ужился, опять ушелъ въ лѣсъ, чѣмъ и вынудилъ настоятеля вовсе удалить его изъ обители. Тогда Авель удалился въ сосѣдній владѣльческій лѣсъ Славянскаго купца Квитки, и тамъ поселился въ землянкѣ въ качествѣ лѣснаго сторожа, за что получалъ пищу, одежду и жалованье отъ владѣльца лѣса, человѣка благочестиваго и милостиваго, который былъ очень радъ пребыванію въ его лѣсѣ пустынника. Къ службамъ церковнымъ ходилъ онъ въ

недалекій отъ того лѣса Святогорскій монастырь, братія котораго, по старой памяти, не чуждалась его и чѣмъ могла снабжала его: чай и сахаръ ему давали, а подчасъ и обувь и бѣлье. Такимъ образомъ продолжалъ онъ пустынножительство, пока не постигла его новая бѣда. Разъужаженный духовною консисторіею, долженъ былъ онъ избрать родъ жизни себѣ, приписаться къ какому-либо крестьянскому обществу и отъ него получить паспортъ для свободнаго по немъ житія гдѣ пожелаетъ. Но онъ ничего этого не исполнилъ: нигдѣ не приписался, жилъ въ лѣсу безъ всякаго письменнаго вида, и какъ бродяга безпаспортный былъ взятъ становымъ приставомъ и отправленъ въ Изюмскій острогъ. Мирно отнесся старецъ къ этой новой постигшей его бѣдѣ, не испугался темничнаго заключенія, не старался освободиться отъ него; на вопросы властей давалъ отвѣты уклончивые, упорствовалъ въ своемъ нежеланіи куда-либо приписаться и получить законный видъ, даже не захотѣлъ просить духовную консисторію о возвратѣ ему его отпускной. Такимъ образомъ жилъ онъ въ острогѣ, нимало не стѣсняясь своимъ заключеніемъ; молился, постился, клалъ обычные свои поклоны, прочитывалъ каѳизмы псалтири, и потомъ говаривалъ, что никогда не молился онъ такъ легко и отрадно, какъ во дни своего темничнаго заключенія. Болѣе года провелъ онъ въ Изюмскомъ тюремномъ замкѣ; наконецъ случайно узналъ о немъ именитый Изюмскій купецъ и церковный староста Изюмскаго собора Илья Петровичъ Извъковъ, знавшій его еще въ Святыхъ горахъ, сжалился надъ нимъ и взялъ его на поруки, затѣмъ хлопоталъ приписать его къ одному крестьянскому обществу по сосѣдству Изюма, и добылъ ему оттуда законный видъ на свободное прожитіе. Съ нимъ пришелъ онъ опять къ прежнему своему благодѣтелю купцу Квиткѣ, и началъ опять пустынножительство въ его лѣсу, по сосѣдству Святогорской пустыни. Пытался онъ снова проситься о принятіи его въ число ея братіи; но это ему не удалось, ибо по своенравію своему юродственному, не могъ онъ уже проходить монастырскія послушанія. Жительствова по

сосѣдству святой обители въ лѣсу Квитки, АVELЬ не остав-
лялъ ходить въ нее особенно по большимъ праздникамъ и
въ посты для говѣнія. Благодушно терпѣлъ онъ всякія скорби:
холодъ и голодъ въ своей лѣсной землянкѣ, и пока былъ живъ
купецъ Квитка, жизнь его пустынная ничѣмъ не нарушалась;
но со смертію его, когда лѣсъ поступилъ во владѣніе его
сыновей, молодыхъ людей буйныхъ и нетрезвыхъ, положеніе
АВЕЛЯ весьма ухудшилось. Молодые хозяева, часто пріѣзжав-
шіе въ свой лѣсъ для охоты и кутежей, глумились надъ стар-
цемъ, заставляя его пить вино и вкушать мясную пищу, ку-
рить табакъ и присматривать за своими охотничьими псами,
и когда онъ отъ этого отказывался, награждали его побоями
и выгоняли изъ его землянки. Скорбь велія постигла безпрі-
ютнаго старца: не имѣлъ онъ гдѣ главу подклонить, но не
унывалъ, за все благодарилъ Бога и усердно молился, чтобы
Господь далъ ему подъ старость покойный уголъ, гдѣ бы могъ
онъ по своему обычаю безмолвно скончать свою жизнь. Въ
августѣ 1875 года, когда жизнь въ лѣсу наслѣдниковъ купца
Квитки стала ему особенно тяжка, получилъ онъ во снѣ при-
казаніе отъ нѣкоего невѣдомаго ему старца идти въ Свято-
горскую пустынь къ тамошнему давнему своему знакомому,
іеромонаху Дороею, и все то исполнить, что онъ ему посо-
вѣтуетъ и предложить. За два дня до престольнаго праздника
Святогорской пустыни—Успенія Богоматери, пришелъ ста-
рецъ къ о. Дороею и пріютился у него въ передней келліи.
Іеромонахъ Дороей занималъ тогда должность палатнаго или
рухляднаго въ Святогорской пустыни,—завѣдывалъ складомъ
одежды, бѣлья, обуви и прочихъ нужныхъ вещей для ино-
ческой жизни, и снабжалъ ими святогорскую братію, живу-
щую въ строгомъ общежитіи и все нужное получающую отъ
монастыря. Живя при складѣ, о. Дороей занималъ двѣ кел-
ліи; въ одной изъ нихъ, передней, была перегородка, за ко-
торою и пріютилъ онъ у себя пустыннаго старца. Въ то
время случилось и мнѣ посѣтить Святогорскую пустынь. Из-
давна знакомый и дружный съ іеромонахомъ Дороеемъ, по-
сѣтилъ я его келлію и здѣсь впервые увидѣлъ АВЕЛЯ. Это

былъ низенькій, благообразный сѣдой старичекъ, съ голубыми пронизательными глазами, острымъ правильнымъ носомъ и небольшою сѣдою бородою. Одѣтый въ убогую сѣрую свитку, опоясанный ветхимъ ремнемъ, походилъ онъ на нищаго, и только что-то особенное, выразившееся въ чертахъ его лица, невольно привлекло къ нему мое вниманіе. О пустынножителѣ и пещерникѣ Авелѣ я не разъ слыхалъ, какъ отъ о. Дороеея, такъ и отъ другихъ святогорскихъ старцевъ; зналъ довольно подробно исторію его Святогорской жизни, даже посѣщалъ нѣкоторыя изъ его пещерокъ въ Святогорскомъ лѣсу, запустѣлыхъ и полуобвалившихся, невольно напоминавшихъ о прежнемъ ихъ жильцѣ. Поэтому, когда о. Дороеей представилъ мнѣ Авеля, я очень обрадовался и пожелалъ поближе съ нимъ познакомиться; но старецъ видимо меня сторонился, побаиваясь мірской моей одежды. Однако кое-какъ, при помощи о. Дороеея, мнѣ удалось побѣдить робость старца: онъ пересталъ меня дичиться и сталъ откровенно рассказывать про скорби и притѣсненія, которыя приходится ему терпѣть въ лѣсу отъ его владѣльцевъ, наслѣдниковъ купца Квитки. Мнѣ крайне стало жаль бѣднаго пустынножителя, и пришло мнѣ желаніе приютить его у себя въ имѣніи при храмѣ Божиемъ, выстроить ему для этого уединенную келлію въ своемъ саду. Я сообщилъ о своемъ желаніи о. Дороеею, который его одобрилъ и взялся убѣдить старца переселиться ко мнѣ на житье, при чемъ однако не скрылъ отъ меня своенравія и юродственныхъ наклонностей его и сказалъ мнѣ: «долгомъ своимъ считаю объ этомъ васъ предупредить; вы очень доброе дѣло сдѣлаете, если приютите и успокоите у себя этого горемыку, но съ этимъ вмѣстѣ возьмете на себя не малый крестъ разныхъ скорбей отъ него, о чемъ считаю за лучшее теперь вамъ откровенно сказать, чтобы вы потомъ на меня не скорбѣли». Но я твердо рѣшился терпѣть всякія скорби, лишь бы успокоить старца, котораго невыразимо стало мнѣ жаль, и что-то властное въ душѣ требовало отъ меня—его призрѣть и успокоить. «Авось Богъ милостивъ, отвѣтилъ я о. Дороеею:—за ваше благосло-

веніе и святыя молитвы кое-какъ уживусь я со старцемъ, а не уживусь, винить васъ не буду, и вы меня не вините; гнать его отъ себя не погоню, но если самъ пожелаетъ отъ меня уйти, удерживать его тоже не буду». Переговоривъ съ Авдеемъ, о. Дорошею убѣдилъ его не противиться волѣ Божіей и съ его благословенія мирно идти пѣшкомъ въ мое имѣніе село Высочиновку, Харьковской губерніи, Зміевского уѣзда. Я съ своей стороны, какъ могъ, успокоилъ старца и увѣрилъ его, что приложу всѣ старанія, чтобы доставить ему мирное, покойное и уединенное житіе. Знакомые мнѣ святогорскіе старцы—современники Авеля—однако совѣтовали мнѣ имѣть нѣкоторую строгость въ отношеніи его: не позволять ему рыть пещеры, собирать къ себѣ народъ и дѣлать ему поученія, къ чему онъ вообще имѣлъ у нихъ склонность. За это былъ я имъ очень признателенъ. Напутствованный ихъ благословеніями и благопожеланіями, уѣхалъ я изъ Святогорской пустыни домой, а вслѣдъ за мною, чрезъ нѣсколько дней, пришелъ ко мнѣ въ имѣніе и АVELЬ. Это было 25 августа 1875 года, и такъ какъ келлію въ саду нельзя было ему вдругъ построить, то я помѣстилъ его въ особой комнатѣ своего флигеля, тихой и уединенной, снабдилъ его книгами церковными и всѣмъ нужнымъ для неприхотливаго монастырскаго житія. Чай пить приглашалъ я его къ себѣ; но когда замѣтилъ, что это тяготитъ старца, то я предложилъ ему ходить на чаепитіе лишь тогда, когда это ему самому пожелается, далъ ему чаю и сахару и нужную посуду, чтобы могъ онъ пить чай въ своей келліи, когда захочетъ. Пищу вкушалъ онъ общую со мною: ее приносили къ нему въ келлію, иногда же и самъ онъ ходилъ за нею на поварню, но больше вкушалъ хлѣбъ и воду, притомъ особеннымъ образомъ: намачивалъ ржаный хлѣбъ водою, солилъ его и такъ вкушалъ, признавая эту незатѣливую пищу самою для себя здоровою. Немедля сталъ я хлопотать о постройкѣ отдѣльной, уединенной келліи для старца въ своемъ саду. Старецъ самъ выбралъ для ней мѣсто по своему вкусу, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ, самъ назначилъ и размѣръ келліи, столь

малый и тѣсный, что въ ней еле могъ помѣститься одинъ человекъ. Не болѣе трехъ аршинъ имѣла въ длину и ширину эта келлія, имѣла всего одно окно и малыя сѣнцы для дровъ и защиты отъ холода. Старецъ признавалъ сѣнцы излишними и ненужными, но я настоялъ ихъ сдѣлать. Хотѣлось мнѣ очень прибавить еще одно окно въ его келліи и увеличить нѣсколько ея размѣръ, но старецъ убѣдительно сталъ просить меня этого не дѣлать. «Я привыкъ жить въ тѣсныхъ пещеркахъ и землянкѣ; окажите милость мнѣ и устройте и здѣсь для меня подобную тѣсную келлію, похожую на гробъ, чтобы не забывать мнѣ часа смертнаго», говорилъ мнѣ старецъ, и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить его желаніе. Къ 1 октября келлія была готова, и на праздникъ Покрова Богоматери перешелъ старецъ въ нее на житье. Я благословилъ его на новоселіе иконою Ахтырской Богоматери съ лампадою, далъ елея для лампы, и старецъ былъ очень этимъ доволенъ, говоря, что съ ликомъ Царицы небесной не страшны будутъ ему никакія искушенія и привидѣнія вражескія. Двери и окно келліи своей украсилъ онъ начертаніями креста Христова и сталъ жить тихо и уединенно, бывая въ церкви при всѣхъ службахъ, часто говѣя и причащаясь св. таинъ; вообще жилъ строго и преподобно, усиленно трудился въ псаломѣннѣ, прочитывалъ въ сутки весь Псалтирь, полагалъ многіе земные поклоны, такъ что на земляномъ полу его келліи скоро образовалась замѣтная впадина отъ колѣнъ, а на рукахъ и лбу у него открылись большія мозоли. Одно только немного смущало меня въ старецѣ,—это большая вѣра его въ сновидѣнія, которымъ давалъ онъ всегда особое значеніе и любилъ о нихъ рассказывать людямъ. Сколько могъ, я всегда старался отклонить его отъ этой небезопасной довѣрчивости снамъ, за что иногда онъ бывалъ мною недоволенъ. Однако все-таки мнѣ удалось нѣсколько отучить его отъ рассказовъ про свои сны, и онъ все болѣе и болѣе сталъ этого остерегаться, особенно въ моемъ присутствіи. Старецъ довольно хорошо читалъ церковно-славянскую печать. По его желанію я далъ ему св. Евангеліе,

Часословъ и чинъ повечерія съ канонами Богоматери всѣхъ 8 гласовъ октоиха. Эти книги особенно ему полюбилась: онъ читалъ ихъ ежедневно неупустительно и часто говорилъ мнѣ, указывая на книгу каноновъ: «какое сокровище вы мнѣ дали, паче меда сладчайшее!» Затѣмъ старецъ пожелалъ еще имѣть слѣдованную Псалтирь, но постѣснился ее у меня попросить, и воспользовавшись прїѣздомъ ко мнѣ о. іеромонаха Дорооѳея, попросилъ его купить ему эту книгу, для чего дать ему 10 руб. денегъ, сохранившихся у него отъ прежнихъ лѣтъ. Когда книга была имъ получена, я сказалъ ему, что напрасно онъ стѣснился предо мною и помимо меня прїобрѣлъ ее; но старецъ сказалъ, что это онъ сдѣлалъ для того, чтобы избавиться хоть отчасти отъ тяготившихъ его денегъ, при чемъ сказалъ, что у него есть еще 50 рублей, которые онъ бережетъ на свое погребеніе и поминовеніе. Я не спрашивалъ, откуда взялъ онъ эти деньги; но онъ самъ мнѣ потомъ сказалъ, что это были сбереженія изъ того небольшого жалованья, которое платилъ ему купецъ Квитка за стереженіе его лѣса. Деньги эти однако дали со временемъ поводъ къ большому для него искушенію: я постѣснился взять ихъ у него на сохраненіе, о чемъ послѣ очень сожалѣлъ, ибо этимъ предохранилъ бы простодушнаго старца отъ лукавства своекорыстныхъ людей, о чемъ въ своемъ мѣстѣ скажемъ подробно. Старецъ, живя у меня, молился, постился, боролся съ врагами невидимыми, терпѣлъ отъ нихъ по ночамъ нападенія и даже побои, слѣды которыхъ оставались на его тѣлѣ въ видѣ большихъ синяковъ, которые самъ онъ мнѣ иногда показывалъ, повѣдывая откровенно о своихъ ночныхъ страхованіяхъ, и хотя я не всегда довѣрялъ его словамъ, однако синяки эти невольно меня удивляли, ибо я никакъ не могъ найти имъ объясненія. Разъ прїйдя въ келью старца, я замѣтилъ, что вся стѣна у его койки была исцарапана: точно чѣмъ-либо острымъ. «Что это у тебя, отче?» спросилъ я у него, указывая на стѣну «Бѣсовскіе когти», отрывочно мнѣ онъ отвѣтилъ, и сталъ рассказывать, что дня два тому назадъ чуть не удушилъ его бѣсъ въ образѣ какого-то огром-

наго страшилища съ большими острыми когтями, которыми дралъ онъ неистово стѣну, когда онъ произносилъ лежа на койкѣ Иисусову молитву и тѣмъ не допускалъ его къ себѣ. «До самаго утра такъ промучилъ онъ меня, говорилъ старецъ, заставилъ всю ночь промолиться и не одну сотню Иисусовыхъ молитвъ совершить». Богъ вѣсть, были-ли это лишь мечты старца, но что исцарапанную стѣну надъ его койкою я самъ видѣлъ и даже не медля велѣлъ ее вновь забѣлить, объ этомъ свидѣтельствую. Разъ старецъ пытливо спросилъ меня, что нужно разумѣвать подъ наименованіемъ псовъ въ псалмахъ? «Думаю, отвѣчалъ я ему, что это помыслы грѣховныя, которые подобно псамъ устремляются на умъ чловѣка, влекутъ его ко грѣху, если ихъ не отгонять умною молитвою». «А я думаю, возразилъ старецъ, что это бѣсы, ибо нерѣдко вижу ихъ въ подобіи псовъ, лающихъ на меня, устремляющихся меня растерзать, и не будь на нихъ у меня палки—Иисусовой молитвы, то пожалуй они-бы меня и растерзали, но эта молитва ихъ всегда гонитъ прочь». Изъ этихъ словъ его можно заключать, что старецъ велъ брань съ врагами невидимыми въ образахъ видимыхъ. Опасаясь за него, я часто ему говорилъ: «смотри, отче, будь остороженъ; помни, что врагъ не въ однихъ лишь чудовищъ, но во ангела свѣтла и во образъ самаго Христа умѣетъ преобразаться для прельщенія легковѣрныхъ подвижниковъ». Но Господь видимо миловалъ его отъ этой опасности, видно ради крайней его простоты, и духи тмы видѣлись ему только въ образахъ отвратительныхъ, а не святыхъ.—Старецъ питалъ великое благоговѣніе къ Божіей Матери и очень чтилъ святую икону Ея Ахтырскую, которую далъ я ему въ келью. Икона эта была вѣрная копія, по мѣрѣ и изображенію, съ чудотворно-явленной этой иконы, что находится въ Покровскомъ соборѣ г. Ахтырки Харьковской губерніи. Она представляетъ Богоматерь въ скорбномъ положеніи, съ открытою главою, распущенными власами и сложенными на персяхъ руками, у креста, на коемъ изображенъ распятый Сынъ Ея и Богъ—Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Лишь Богоматери на иконѣ этой обычно

пишется очень темнымъ, а данная Авелю икона была еще и не нова. Въ одно время сталъ онъ мнѣ говорить, что во время ночной молитвы своей онъ началъ видѣть лучи свѣта отъ лика этой иконы, въ иное время чуть замѣтныя, а въ другое—столь яркія, что не могъ онъ на нихъ смотрѣть. Это меня обезпокоило, и я просилъ его не увлекаться этимъ свѣтомъ, закрывать глаза и на него не смотрѣть, стараясь признавать себя недостойнымъ явленія благодатнаго. «Самы подумай, отче, говорилъ я ему, такъ-ли мы святы и безгрѣшны, чтобы удостоиваться намъ явленій благодатныхъ истинныхъ; явно, что тутъ прелесть врага, старающагося привести тебя къ высокоумію и гибели». Я хотѣлъ даже взять у него эту икону и дать ему другую, но старецъ сталъ плакать и упрашивать, чтобы я не отнималъ у него этой иконы, обѣщаясь беречься и не смотрѣть на бывающій отъ ней свѣтъ. И дѣйствительно послѣ того, когда я его спрашивалъ, не видитъ ли онъ отъ иконы свѣта, онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно. Былъ еще одинъ случай съ старцемъ, который сильно меня смутилъ и огорчилъ. Старецъ довольно часто говѣлъ и причащался святыхъ Христовыхъ таинъ, не только во всѣ посты, но и въ непостное время, обычно къ великимъ двенадцатымъ праздникамъ, а въ святую Четыредесятницу всегда трижды говѣлъ,—на первой, четвертой и Страстной седмицахъ. Говѣя, усиленно постился, вкушалъ хлѣбъ да воду, на исповѣдь ходилъ къ приходскому священнику, но не всегда удовлетворялся ею, часто жалѣлъ, что далеко Святогорская пустынь и не можетъ онъ бывать на исповѣди у духовника іеромонаха Паисія, братскаго духовника той пустыни, къ которому питалъ большое довѣріе. Когда посѣщали меня Святогорскіе старцы-іеромонахи, онъ всегда у нихъ исповѣдывался. Раза два возилъ я его съ собою и въ Святогорскую пустынь, чтобъ онъ тамъ поговѣлъ и исповѣдался у духовника отца Паисія, послѣ чего онъ всегда дѣлался на долгое время мирнымъ и довольнымъ. Однажды на первой седмицѣ святыхъ Четыредесятницы говѣлъ онъ, по своему обычаю; говѣлъ и я, и мои домашніе. Исповѣдь говѣльщиковъ въ на-

шей приходской церкви обычно совершается въ пятокъ передъ вечерней. Разъ послѣ вечерни, вполне увѣренный, что старецъ исповѣдался у приходскаго священника, я позвалъ его къ себѣ слушать вечернее правило, а послѣ утрени правило ко святому причащенію. Ничего особеннаго въ немъ незамѣтилъ; слушая правило, плакалъ опъ по обычаю своему и воздыхалъ, но ничего мнѣ не сказалъ. На Божественной Литургіи было очень много причастниковъ. Авель не любилъ толкаться въ толгѣ и всегда причащался однимъ изъ послѣднихъ, а я причастившись, занялся чтеніемъ послѣ-причастныхъ молитвъ въ олтарѣ, такъ что не видѣлъ, какъ онъ причастился. Послѣ литургіи приходитъ ко мнѣ нашъ священникъ очень смущенный и говоритъ: «Авель не исповѣдавшись приступилъ и причастился святыхъ Таинъ, а я за множествомъ причастниковъ не разглядѣлъ его и причастилъ, да уже причастивъ вспомнилъ, что онъ не исповѣдывался; сталъ его спрашивать объ этомъ, а онъ мнѣ сказалъ, что исповѣдывался передъ утреною у Святогорскаго духовника—іеромонаха Паисія, къ вамъ пріѣхавшаго. Если это такъ, успокойте меня, ибо я очень смутился за свою оплошность, что его причастилъ». А я еще болѣе смутился, не зная, какъ и успокоить его, ибо отца Паисія у меня не было и не могло тогда быть. Проводивъ священника, пошелъ я къ Авелю и сталъ его спрашивать: «какъ это ты, отче, не исповѣдавшись, дерзнулъ причаститься святыхъ Таинъ, чѣмъ тяжело согрѣшилъ, да и священника въ грѣхъ ввелъ? Вотъ онъ теперь чрезъ тебя очень смущенъ». «Я исповѣдаться съ вечера не успѣлъ, отвѣчалъ мнѣ Авель, и намѣренъ былъ послѣ утрени исповѣдаться; проснулся до утрени за часъ, приходитъ ко мнѣ отецъ Паисій, въ эпитрахили съ крестомъ, и говоритъ: «слушай молитвы къ исповѣди»; прочелъ мнѣ молитвы, потомъ исповѣдалъ меня и разрѣшительную молитву прочелъ, благословилъ меня и вышелъ; я его до самаго крыльца вашего проводилъ и думалъ, что онъ къ вамъ пріѣхалъ изъ Святыхъ горъ и вы его ко мнѣ послали». «Ну какъ же ты не додумался, говорю я ему, что теперь первая седмица святой Четырдесятницы, въ

которую въ Святогорской пустыни вся братія говѣтъ; а отецъ Паисій вѣдь братскій духовникъ, поэтому ѣхать ему теперь ко мнѣ невозможно,—и что это была тебѣ одна прелесть вражія? Отчего не сказала ты мнѣ объ этомъ послѣ утрени, когда я читалъ тебѣ причастное правило? И бы тогда тебя остерецъ и не допустилъ такъ согрѣшить, безъ исповѣди святыхъ таинъ причаститься». Абель заплакалъ и сталъ просить прощенія, сознаваясь въ своей винѣ. Тогда послать я его къ священнику, велѣлъ испросить у него себѣ прощенія и попросить наложить эпитимію. Онъ такъ и сдѣлалъ: чистосердечно покаялся предъ священникомъ; тотъ велѣлъ ему поговѣтъ еще другую седмицу, не причащаясь святыхъ таинъ, и положить извѣстное число поклоновъ. Все это Абель тщательно исполнилъ, но съ тѣхъ поръ сталъ не весель и задумчивъ, часто задавалъ мнѣ вопросы: «какъ это врагъ во образѣ духовника, съ крестомъ въ рукѣ, могъ мнѣ явиться, молитвы читать и разрѣшеніе священническое совершить?»—«А какъ, говорю ему, являлся онъ преподобному Исаакію Печерскому въ образѣ самаго Христа, какъ молился во образѣ Ангела съ преподобнымъ Никитою Печерскимъ, пока не ввелъ его въ прелесть? Такъ вотъ и тебя тоже прельстилъ, пользуясь твоею простотою. Видишь самъ, что это вражіе дѣло: тебѣ грѣхъ, а священнику и мнѣ смущеніе вышло». Случай этотъ однако принесъ старцу и нѣкоторую пользу; онъ сталъ болѣе остороженъ и менѣе довѣрчивъ къ своимъ ночнымъ видѣніямъ. Лѣтъ пять прожилъ онъ у меня довольно скромно и благонравно, постился, молился, трудился лѣтомъ въ саду, ходилъ въ лѣсъ за дровами, за грибами, а зимою ложки работалъ, веревки плелъ, вообще избѣгалъ праздности, и особеннаго юродства я въ немъ незамѣчалъ; любилъ правда бесѣдовать съ простыми людьми о предметахъ духовныхъ, приводилъ сказанія изъ Четь-Миней и Пролога, изреченія свято-отеческія, иногда не совсѣмъ вѣрно и удачно, подчасъ рѣзко обличалъ виновныхъ въ сквернословіи, котораго сносить не могъ, не равнодушно относился и къ пѣснямъ сельской молодежи, пляскамъ и разгулу,—все

это его возмущало и вызывало на обличенія, навлекавшія на него неудовольствіе и скорби отъ мірскихъ людей. Но все-таки особаго безпокойства мнѣ отъ него не было пока, напротивъ подчасъ служилъ онъ мнѣ утѣшеніемъ. Простодушная рѣчь его и самый обликъ лица его мнѣ очень нравились; свѣтилось въ немъ что-то особенное, привлекавшее мою душу, да и не мою одну, а и другихъ. Вотъ, помню, однажды ѣхалъ я съ нимъ въ Святогорскую пустынь по желѣзной дорогѣ, взялъ мѣста во второмъ классѣ и попалъ въ вагонъ, наполненный дамами, которыя сперва очень косились на простую одѣжду Авеля, но потомъ окружили его со всѣхъ сторонъ и стали спрашивать, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ? Старецъ простодушно имъ отвѣчалъ и очень разговорился, по обычаю своему, отъ священнаго писанія, такъ что барыни стали между собою перешептываться пофранцузски, говоря: «онъ совсѣмъ святой!» А одна изъ нихъ сильно пристала потомъ ко мнѣ съ распросами про старика, говоря, что въ лицѣ его есть нѣчто особенное, чего она у другихъ людей не видала.—Съ 1880 года АVELЬ сталъ слѣпнуть: одинъ глазъ у него покрылся темною водою, и онъ пересталъ имъ видѣть. Близорукій отъ природы, онъ читалъ, держа книгу у самыхъ глазъ, что еще болѣе вредило его зрѣнію; между тѣмъ читалъ много, прочитывалъ псалтирь въ сутки; онъ зналъ ее почти наизусть, однако все же безъ книги не обходился при псалмопѣніи. Я сталъ ему совѣтовать оставить чтеніе и молиться по четкамъ Иисусовою молитвою, но онъ все не рѣшался, пока ухудшеніе зрѣнія по неволѣ къ этому его привело. Тогда-то сталъ онъ какъ-бы совершенно не тотъ человѣкъ: сперва былъ мраченъ, угрюмъ, удалялся людей, но это длилось не долго; потомъ напротивъ сталъ опять словоохотливъ и общителенъ къ людямъ, но сильно сталъ юродствовать, совершенно оставилъ прежній образъ своей жизни, меня не слушалъ, съ людьми ссорился, пищею оставался недоволенъ, сталъ принимать къ себѣ въ келью постороннихъ людей, преимущественно богомольцевъ, приходившихъ въ Высочиновскую церковь на поклоненіе обрѣтающейся въ ней чудотвор-

ной иконѣ Богоматери Казанскія, извѣстной подъ именованьемъ Высочиновской и очень чтимой во всей окрестности, такъ что все лѣто изъ разныхъ мѣстъ приходятъ къ ней люди на поклоненіе. Прежде АVELЬ ихъ сторонился, и если когда иной богомолецъ или богомолка зайдутъ къ нему въ келью изъ любопытства, бывалъ этимъ недоволенъ и неласково съ ними обращался, теперь же напротивъ самъ начиналъ съ ними бесѣды въ церкви, приглашалъ къ себѣ въ келью, здѣсь тоже съ ними бесѣдовалъ, что очень мнѣ не нравилось. Такъ какъ въ числѣ поклонниковъ богомольцевъ всегда болѣе бывало женскаго полу—старушекъ, то онѣ-то попреимуществу посѣщали келью Авеля, и сколько я ни убѣждалъ его не водить съ ними бесѣды, онъ упорствовалъ, юродствовалъ и оставался при своемъ. Вообще ко мнѣ сталъ относиться непріязненно, дѣлать все наперекоръ и явно вызывать меня на ссору. Одна изъ богомолокъ, жившая недалеко отъ Высочиновки въ лѣсу, гдѣ имѣла свой небольшой хуторокъ, женщина грамотная, но своекорыстная, какъ-то взошла въ особое довѣріе къ Авелю, приходила къ нему читать ему псалтирь, приглашала его къ себѣ въ гости, куда и сталъ онъ ходить очень часто. Нужно сказать, АVELЬ давно все хотѣлъ рыть себѣ пещеру у меня въ саду, но я этого ему не дозволилъ, да и почва мягкая, песчаная не давала къ тому удобствъ, что очень его огорчало. Сталъ онъ одно время ходить въ лѣсъ къ этой старухѣ ежедневно: пойдетъ рано утромъ, возвращается поздно вечеромъ, весь въ глинѣ и землѣ. Навелъ я справки и узналъ, что онъ въ лѣсу старухи роетъ себѣ пещеру, которая уже разъ обвалилась и чуть его не придушила. Думаю, бѣда,—пожалуй еще смерть себѣ тамъ найдетъ, и придумалъ попросить урядника—напугать старуху, чтобы не принимала къ себѣ Авеля и не позволяла ему рыть у себя пещеру, могущую обвалиться и его придушить. Тотъ порядкомъ старуху напугалъ, и она отказала Авелю въ приѣмѣ, что вызвало межъ ними ссору. Оказалось, что своекорыстная женщина, пользуясь простодушіемъ старца и узнавъ, что у него есть деньги, большую часть ихъ у него выманила

подъ предлогомъ сохраненія; а когда тотъ поссорившись съ нею за отказъ рыть ему въ лѣсу ея пещеру, сталъ ихъ требовать обратно, она отказалась это исполнить, говоря, что никакихъ денегъ отъ него на сохраненіе не брала. Такъ деньги старца и пропали, что очень его возмутило противъ старухи, такъ что дружба его съ нею навсегда рушилась. Это было очень мнѣ пріятно, и отношенія его ко мнѣ улучшились. Видимо, старуха изъ своихъ своекорыстныхъ цѣлей противъ меня его вооружала. Не скоро однако признался мнѣ Авель въ пропажѣ своихъ денегъ; когда признался, я его успокоилъ, говоря, что очень радъ, что свободился онъ отъ этого излишняго ему стяжанія и чрезъ это избавился отъ предосудительной дружбы съ старухою. Старику сталъ еще болѣе юродствовать, и все порывался отъ меня итти въ Святогорскую пустынь, опять проситься въ число братіи. Это было однако совершенно невозможно, и старцы Святогорскіе, ему покровительствовавшіе, это ему откровенно говорили, но онъ все не унимался. Въ это время совершенно неожиданно пришелъ къ нему родной его братъ, нищій изъ г. Славянска, Изюмскаго уѣзда, отстоящаго всего въ 18-ти верстахъ отъ Святогорской пустыни. Авель до того никогда и не говорилъ мнѣ, что у него есть братъ въ живыхъ, поэтому очень меня удивило его прибытіе. Это оказался человѣкъ нетрезвый, который пришелъ собственно для того, чтобы поживиться чѣмъ-либо отъ Авеля, а этотъ сталъ его просить свести его въ Святогорскую пустынь на житье. Зная навѣрное, что его туда не примутъ, и предвидя, что братъ принудитъ его нищенствовать, я употребилъ строгую мѣру: брата силою удалилъ, а Авеля убѣдилъ, что его ожидаетъ при сожитіи съ братомъ самая горькая участь. Но все-таки онъ продолжалъ смущаться, все тянуло его поближе къ Святогорской пустыни, пока Господь не смирилъ его совершенною слѣпотою. Случилось это въ 1881 году, и весьма замѣчательнымъ образомъ: весною, тайно отъ меня, сталъ онъ собираться пѣшкомъ въ Святогорскую пустынь; уже и сумку себѣ приготовилъ и сухарей на дорогу. Наканунѣ того дня, какъ думалъ онъ итти,

вечеромъ, сидѣлъ онъ въ своей кельѣ и думалъ, какъ-бы поранѣе встать и нибѣмъ незамѣченнымъ пойти въ путь. Вдругъ видитъ, вошла къ нему въ келью высокаго роста, прекрасная лицомъ монахиня, въ мантии и клобукѣ, съ игуменскимъ жезломъ въ рукѣ. Подошла къ иконѣ и задула горѣвшую предъ нею лампаду. И стало ему темно, и онъ совершенно ослѣпъ. На утро оцупью кое-какъ дошелъ онъ ко мнѣ и повѣдалъ о постигшей его бѣдѣ. Оказалось, что у него оба глаза закрыты были темною водою,—недугъ неизлечимый, такъ покрайней мѣрѣ признали врачи, которымъ я его потомъ показывалъ. Волей-неволей пришлось ему уже отложить намѣреніе куда-либо отъ меня идти, и жизнь его стала самая горькая, страдальческая. Не имѣя обычной давнимъ слѣпцамъ смѣливости, не могъ онъ самъ находить себѣ дорогу оцупью: путался, падалъ; принужденъ былъ я приставить къ нему жоака, съ которымъ старецъ сначала не уживался и ссорился. Привыкнувъ жить одиноко, не терпѣлъ онъ сожителства съ людьми, теперь же это стало для него необходимо, что видимо его огорчало и сердило. Но что было дѣлать: приходилось и съ жоаками уживаться ему, хотя и очень трудно это ему давалось; съ слѣпотою вернулось къ нему прежнее доброе ко мнѣ расположеніе: сталъ онъ попрежнему ко мнѣ довѣрчивъ, не спорилъ, не прекословилъ и видно ко лучшему перемѣнился. Лѣто 1881 года старецъ кое-какъ прожилъ въ своей уединенной кельѣ въ саду; изъ нея были проведены веревки между деревьями по направленію къ моему дому и къ церкви, по которымъ старецъ обучался ходить туда оцупью, но это ему не всегда удавалось и очень часто запутывался онъ межъ деревьями и кустарниками сада, такъ что нужно было зрячимъ людямъ выводить его на дорогу. Къ зимѣ увидѣлъ я, что долѣе жить ему въ садовой кельѣ не безопасно: она была такъ мала и тѣсна, что жить въ ней двумъ человѣкамъ было невозможно, а оставлять слѣпца безъ присмотра зрячаго человѣка было опасно. Я устроилъ ему особый отдѣльный уголь въ передней комнатѣ своего дома, и въ концѣ сентября 1881 года убѣдилъ старца туда переселиться, обѣщаясь по возможно-

сти его покоить и лично наблюдать за нимъ, чтобы ни въ чемъ не имѣлъ онъ нужды. Книги свои старецъ раздарилъ людямъ грамотнымъ въ селѣ, остался съ однѣми четками; но когда переселился онъ ко мнѣ въ домъ, то я нерѣдко прочитывалъ ему, по его желанію, то Часы, то канонъ Богородичный или акаѳистъ, за что всегда бывалъ онъ благодаренъ, усердно слушалъ, молился и плакалъ. Вообще, даръ слезъ сталъ въ немъ обильно проявляться: имени Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, равно и Пресвятой Богородицы, не могъ онъ вспомнить безъ слезъ; равно и страданія Христовы, при воспоминаніи о нихъ или чтеніи, вызывали въ немъ обильныя слезы. Часто и такъ, безъ всякой видимой причины, сидя въ своемъ углѣ за ширмою и перебирая четки, плакалъ онъ, изливая обильныя слезы. Но не болѣе мѣсяца прожилъ онъ у меня въ домѣ: сталъ тяготиться бесѣдами людей, приходившихъ ко мнѣ по дѣламъ сельскаго хозяйства, разговорами моей прислуги, и принудилъ меня устроить ему другое помѣщеніе, болѣе уединенное, въ одной изъ комнатъ моего флигеля. Тамъ отвелъ я ему особую комнату, съ печью и лежанкою при ней, гдѣ и поселилъ его вмѣстѣ съ другимъ старцемъ—отставнымъ солдатомъ, которому поручилъ присматривать за слѣпцомъ, топить ему печь, носить воду и пищу, водить его въ церковь и куда пожелаетъ. Такимъ образомъ жизни старецъ хотя и тяготился по началу, но потомъ удовлетворился, свыкся съ нимъ, сталъ спокоенъ и благодушенъ. Въ церковь ходилъ постоянно, но по немощи своей старческой не выстаивалъ службъ до конца: бывало на божественной литургіи на причастномъ стихѣ уже уходитъ, также и во время праздничныхъ всенощныхъ бдѣній послѣ помазанія св. елеемъ имѣлъ обычай уходитъ. За то въ церковь всегда приходилъ заранѣе, далеко до начала службы, и когда я ему говаривалъ, что лучше-бы онъ попозднѣе шель въ церковь и выстаивалъ въ ней службы до конца, чѣмъ идти въ нее рано и выходить изъ нея не дождавшись конечнаго благословленія, старецъ всегда отговаривался какимъ-то сказаніемъ, что предъ Богомъ осо-

бенно цѣнится, если кто рано къ богослуженію приходитъ и долго его дожидаетъ въ церкви. Говѣлъ старецъ по обычаю своему и теперъ часто, но уже не съ столь строгимъ приготовленіемъ какъ прежде, когда былъ зрячимъ. Ко мнѣ приходилъ почти ежедневно по утрамъ—пить чай, побесѣдовать, послушать чтенія молитвеннаго; иногда вступалъ въ бесѣды и съ сторонними людьми въ своей кельѣ, но не такъ охотно, какъ прежде; большею частію сидѣлъ или лежалъ въ углѣ кельи на лежанкѣ, молчалъ и перебиралъ четки. Съ каждымъ годомъ сталъ онъ видимо слабѣть и дряхлѣть, чаще и чаще поминалъ про смерть и судъ Божій, плакалъ и вздыхалъ о своей грѣховности. Года за два до смерти сталъ онъ чувствовать мучительные приступы изжоги въ груди, особенно по ночамъ: говорилъ, что жжетъ его какъ огнемъ. Когда дѣлались у него эти приступы, метался изъ стороны въ сторону, пилъ холодную воду, деревянное масло, однако ни чѣмъ не могъ себѣ помочь, пока сами собой не прекращались эти припадки. Докторъ прописалъ ему приемы соды и магнезіи, но и эти лекарства мало его облегчали. Рѣдкую ночь проводилъ онъ спокойно: сильно мучился и самъ сталъ желать себѣ смерти, которая однако долго медлила прекратить его страданія. Съ осени 1885 года онъ особенно сталъ слабѣть, почти не могъ ходить, все болѣе лежалъ, ко мнѣ рѣдко уже приходилъ, не могъ бывать уже и въ церкви, а для прімотра за нимъ, болѣе тщательнаго, долженъ былъ я взять къ нему, въ помощь его вожаку, еще сидѣлку-старушку. Въ концѣ октября 1885 года сильно онъ занемогъ, приобщился святыхъ таинъ, принялъ святое елеосвященіе и совсѣмъ умиралъ, такъ что я ему и гробъ приготовилъ, и все нужное къ погребенію. Старецъ очень желалъ передъ смертію получить иноческое постриженіе, и докучалъ мнѣ просьбами объ этомъ; но въ виду совершенной невозможности этимъ его утѣшить, я все уговаривалъ его объ этомъ не скорбѣть, увѣряя его, что если дѣла его будутъ угодны Богу, то онъ получить за нихъ награду и безъ постриженія во иночество. Съ мѣсяць сильно прохворавъ, старецъ сталъ понемногу

поправляться, такъ что въ рождественскій постъ могъ уже говѣть со мною и бывать въ церкви; хотя и сидѣлъ болѣе отъ слабости въ церкви, однако бывалъ за всеѣми службами, благополучно исповѣдался и причастился святыхъ Тайнъ. Всю зиму 1885—1886 годовъ провелъ старецъ почти безвыходно въ своей кельѣ, все болѣе лежалъ, рѣдко въ церкви и у меня бывалъ, и впалъ въ какое-то младенческое состояніе, ослабѣлъ умомъ и памятью, дѣлалъ и говорилъ иногда несообразности, свойственныя лишь малымъ дѣтямъ; изрѣдка бывали у него проблески прежняго сознанія; тогда онъ молился и плакалъ, прося Господа прекратить его страданія. Къ веснѣ 1886 года стало ему лучше; онъ пободрѣлъ, изрѣдка выходилъ въ церковь и ко мнѣ, въ святую четырехдесятницу, на первой и Страстной седмицахъ, говѣлъ и бывалъ въ церкви, съ особымъ чувствомъ умиленія выслушивалъ причастное правило, которое я ему по обычаю прочитывалъ, и на Страстной седмицѣ, по окончаніи чтенія его, въ ноги мнѣ поклонился, благодаря за чтеніе и говоря: «это уже въ послѣдній разъ для меня потрудились!» «Почему послѣдній, говорю я ему, можетъ еще сподобить тебя Господь со мною поговѣть?» «Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, чувствую, что скоро мой конецъ». На Пасху однако онъ еще приходилъ ко мнѣ разговѣться, а на четвертый день Пасхи опять сильно захворалъ; сталъ метаться, бредить, никого не узнавать, такъ что вожаку его—старцу и сидѣлкѣ старухѣ не подъ силу было съ нимъ управляться, и не рѣдко звали они другихъ людей, чтобы его силою уложить на койку. Я часто его посѣщалъ, но къ сожалѣнію моему онъ почти меня не узнавалъ. Такъ длилось болѣе двухъ мѣсяцевъ, и признаться, очень истомились за нимъ какъ вожакъ его, такъ и сидѣлка, и я самъ молилъ Бога прекратить его страданія. Только однажды выпалъ ему такой денекъ, что ему стало полегче, и вотъ я имъ воспользовался, предложилъ ему причаститься: онъ согласился, исповѣдался и причастился съ сознаніемъ. Съ наступленіемъ праздника св. Троицы положеніе его такъ ухудшилось, что ежедневно можно было ждать его конца.

Въ Петровъ постъ, на первыхъ дняхъ его, больной самъ пожелалъ причаститься святыхъ Таинъ и снова освятиться святымъ елеемъ, что и было исполнено 12 юня. Послѣ этого онъ какъ будто сталъ тише: менѣ метался, чаще приходилъ въ сознание, зато сталъ страдать сильнымъ удушьемъ, ежеминутно грозившимъ совершенно его удушить. Посѣщая его ежедневно, улучилъ я разъ время, когда онъ пришелъ въ сознание, и спросилъ его: не желаетъ ли онъ что либо сказать мнѣ на послѣдокъ передъ своею смертию, и вообще не чувствуетъ ли страха, ужаса отъ привидѣній вражійхъ? «Что скажу? отвѣчалъ мнѣ старецъ. Господь вамъ воздастъ за меня, а вы меня простите, если чѣмъ васъ оскорбилъ или опечалилъ»,—при чемъ силился мнѣ поклониться. Я его удержалъ и говорю ему: «и ты меня, отче, прости; видитъ Богъ, что если иногда и говорилъ тебѣ что-либо не по твоему нраву, то единственно изъ желанія тебѣ добра и спасенія; но какъ человѣкъ, могъ и погрѣшнать, поэтому прости, и если обрѣтешь дерзновение у Господа, не оставь молиться за меня грѣшнаго».—«А вы молитесь за меня, и за моихъ родителей Петра и Пелагію», проговорилъ старецъ. «А что, не видишь-ли ты что либо страшное, отче, когда метаешься и бредишь въ недугѣ?» спросилъ я его еще, желая уяснить себѣ, отчего происходятъ у него эти явленія. «О, страшно говорить, сказала старецъ, съ войскомъ великимъ все одинъ я боролся, и при помощи Божіей кое-какъ отбился отъ него. Теперь издали только его вижу; съ тѣхъ поръ какъ причастился и оспоробовался, очень мнѣ хорошо, и какъ бы не душило въ груди, не стѣсняло дыханія, былъ бы здоровъ». «Ну, а не видишь ли чего необычайнаго еіце, кромѣ того страшнаго войска?» продолжалъ я спрашивать старца. «Лучше молчать, отвѣчалъ онъ: такъ велѣла мнѣ та строгая игуменья, которая приходила ко мнѣ когда-то въ келью и задула лампаду, отчего я ослѣпъ. Вотъ и теперь помогла она мнѣ отбиться отъ того страшнаго войска, которое боится ея жезла. Она строго мнѣ приказала молчать, а я вотъ все говорю. Нѣтъ, нѣтъ, болѣе не стану!» При этомъ старецъ отвер-

нулся къ стѣнѣ и замолчалъ. Это была послѣдняя моя беседа съ нимъ на землѣ: болѣе не видѣлъ я его уже въ сознаніи до самой его смерти, послѣдовавшей чрезъ нѣсколько дней. Благодарю Бога, что такъ побесѣдовать и проститься съ нимъ меня привелъ, а что это за страшное войско, и кто эта строгая игуменья, о томъ судить не могу. Полагаю, что подъ образомъ страшнаго войска производили свои послѣднія нападенія на всегда боровшагося съ ними старца враги невидимые спасенія человѣческаго, а въ образѣ величественной, прекрасной лицемъ монахини, или игуменьи, съ жезломъ въ рукѣ, котораго боялось это войско, не благоволила-ли сама Царица небесная оказать помощь свою державную всегдашнему Ея молитвеннику, какимъ былъ въ теченіи жизни своей отходившій старецъ. Но это личное мое мнѣніе, въ истинѣ котораго удостовѣрять не смѣю.—20 іюня 1886 года съ утра началась уже агонія у старца: онъ тихо лежалъ, тяжело дышалъ и хрипѣлъ, и въ 5 часовъ по полудни мирно скончался, безъ всякихъ судорогъ, точно уснулъ, смеживъ благолѣпно глаза и уста и держась рукою за большой мѣдный крестъ параманный, который на толстой веревкѣ носилъ всегда на груди. Этотъ крестъ былъ работы близкаго ему по душѣ Святогорскаго іеромонаха отца Дороея, который ему его подарилъ, и старецъ никогда съ нимъ не разлучался, не разъ просилъ меня, чтобъ его положить съ нимъ во гробъ. И вотъ, даже умирая, взялся и держался онъ за этотъ крестъ, какъ за оружіе непобѣдимое въ предстоящемъ ему грозномъ пути по воздушнымъ мытарствамъ. Замѣчательно было, что въ день кончины старца съ утра бушевала весь день сильная буря, неспая пылъ столбомъ, въ самое время кончины его разрѣшившаяся сильнымъ дождемъ, такъ что при переносѣ тѣла его изъ флигеля ко мнѣ въ домъ, оно обильно оросилось дождемъ, хотя и недалеко было его нести, всего нѣсколько шаговъ. При этомъ невольно вспомнилась мнѣ любовь старца къ дождю при его жизни: бывало въ дождь выйдетъ онъ изъ своей кельи и стоитъ на открытомъ воздухѣ, стараясь чтобы дождь омочилъ ему голову, и всегда говорилъ:

«это вода небесная, здоровью полезна, ибо отъ самого Господа намъ грѣшнымъ посылается». И вотъ Богу угодно было, этою водою небесною оросить его мертвое тѣло, не только во время его перенесенія, но и погребенія, ибо цѣлые два дня лиль проливной дождь и особенно усилился во время его погребенія, такъ что увлажилъ дождевою водою самую его могилу. Мертвое тѣло старца было весьма привлекательно: лицо его имѣло восковой видъ, и легкая улыбка запечатлѣлась въ его омертвѣвшихъ чертахъ, точно созерцалъ онъ нѣчто пріятное и съ тѣмъ почилъ сномъ непробуднымъ. Одѣтый въ иноческую власяницу и легкій черный подрясникъ, съ шелковою темною шапочною на головѣ отъ святыхъ мощей преподобнаго Іоанна многострадальнаго, Печерскаго чудотворца, имѣлъ онъ видъ преподобный; на персяхъ его надѣтъ былъ поверхъ власяницы мѣдный крестъ отца Дороея, а въ рукахъ держалъ онъ другой крестъ кипарисовый и гарусныя четки, и такимъ образомъ во всеоружіи святыни положенъ былъ во гробъ, давно уже готовый. 22 іюня, послѣ божественной литургіи, совершенно было его отгѣваніе въ Высочиновскомъ храмѣ, и хотя погода стояла все время дождливая, народу собралось довольно проводить старца на вѣчный покой. Ни малѣйшаго признака тлѣнія не было замѣтно въ его тѣлѣ. Когда несли гробъ его къ могилѣ, дождь ливнемъ лиль, еле могли опустить гробъ въ могилу, по мокрой скользкой землѣ. Онъ погребенъ близъ сѣверной стороны ограды Высочиновской церкви, въ особомъ церковномъ садикѣ, гдѣ обрѣлъ себѣ тихій покой подъ сѣнью деревьевъ, въ прохладѣ отъ солнечнаго зноя, и подъ освѣщеніемъ креста Христова. Скончался старецъ Божій на 80 году своей жизни, изъ коей около 11 лѣтъ прожилъ подъ моимъ кровомъ, и я благодарю Бога, что сподобилъ меня его пріютить и похоронить, и тѣмъ стяжать себѣ добраго молитвенника въ странѣ загробной.

Андрей Ковалевскій.

30 октября 1886 года.

ДВА КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЯ

ПО ВѢТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

II. Давидъ.

По смерти Саула царскій престоль остался празднымъ,—представлялся вопросъ, кому занять его. Давидъ давно уже помазанъ на царство и помазанъ чтимымъ отъ всего народа пророкомъ Самуиломъ. Равно народъ давно уже привыкъ смотрѣть на Давида, какъ на избранника Божія. Это право свое на престоль Давидъ укрѣпилъ еще за собою своими достоинствами и заслугами: побѣдитель Голиава, гроза Филистимлянъ, онъ былъ красою и славою Израиля; удивительная кротость, съ которою онъ переносилъ несправедливыя гоненія Саула, еще болѣе привлекла къ нему сердца народа. Итакъ избраніе Божіе, собственныя достоинства Давида и любовь къ нему народа—все давало ему право на престоль. И вотъ колѣно Іудино, могущественнѣйшее изъ всѣхъ, изъ котораго происходилъ Давидъ, поспѣшило признать Давида царемъ. Но эта поспѣшность, обнаружившая честолюбивыя виды Іудина колѣна, оскорбила прочія колѣна. Этимъ воспользовался Авениръ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ народѣ, какъ лучший изъ вождей Сауловыхъ, и провозгласилъ царемъ сына Саулова Іевосея, чловѣка не заявившаго себя никакими личными достоинствами и заслугами. 11 колѣнъ признали Іевосея царемъ своимъ. Произошло опасное раздѣленіе царства. Оно продолжалось 7 лѣтъ и прекратилось со смертію Іевосея. Іевосеей оскорбилъ чѣмъ-то гордаго вельможу, былъ имъ оставленъ и убитъ своими слугами. Давидъ сталъ единственнѣмъ царемъ Израиля.

Теперь, по соединеніи всего царства, надо было избрать столицу. Вопросъ чрезвычайно трудный: если царь изберетъ столицу въ іудиномъ колѣнѣ,—оскорбятся прочія колѣна, и единство, только что восстановленное, тотчасъ рушится; а если изберетъ для столицы городъ въ другомъ какомъ колѣнѣ, оскорбится Іудино, могущественнѣйшее, родное царю и первое признавшее его. Къ счастью на границахъ колѣна была крѣпость на горѣ Сіонѣ, не принадлежавшая ни одному изъ колѣнъ; благодаря своему счастливому положенію на гористой мѣстности, она не была завоевана и ею владѣло одно ханаанское племя. Давидъ взялъ ее, хотя она и считалась неприступною, сдѣлалъ ее своею столицею. Съ тѣхъ поръ она стала называться городомъ Давидовымъ, удержавъ и прежнее свое названіе *Іерусалима*, т.-е. жилище мира.

Едва утвердившись на престолѣ, Давидъ послѣдшилъ возстановить въ народѣ благочестіе, составляющее душу общества. Скинія Моисеева изветшала, богослуженіе во времена Саула было въ упадкѣ. Давидъ устроилъ новую великолѣпную скинію въ новой своей столицѣ и задумалъ перенести народную святыню—ковчегъ завѣта—въ новую скинію. На пышной колесницѣ въ сопровожденіи духовенства и народа, при пѣніи псалмовъ и игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, торжественно везли ковчегъ; вдругъ колесница покачнулася. Оза, сынъ Левита, чтобы не дать ковчегу упасть, дотронулся до него, на что онъ не имѣлъ права, и вдругъ упалъ мертвымъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Давидъ, справедливо думая, что такое страшное наказаніе есть выраженіе гнѣва Божія не за прикосновеніе только къ святынѣ, но еще за что-нибудь другое не менѣе важное, оставилъ ковчегъ не подалеку отъ мѣста приключенія, въ домѣ одного израильянина. Узнавъ, что ковчегъ принесъ этому израильянину благословеніе Божіе, Давидъ рѣшился продолжать перенесеніе ковчега въ столицу; но теперь уже ковчегъ не былъ поставленъ на колесницѣ, а подняли его на шестахъ и несли на раменахъ левиты, какъ и слѣдовало по закону. Въ духовномъ восторгѣ Давидъ скакалъ предъ ковчегомъ. Установивъ бла-

голубиное богослуженіе въ новой скинии, онъ устроилъ многочисленный хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ и, такъ какъ самъ былъ превосходный музыкантъ и поэтъ, самъ преимущественно и управлялъ этимъ хоромъ и составлялъ для него псалмы.

Но и этого мало казалось благочестивому царю. Ему совѣстно было жить въ кедровомъ домѣ, въ то время какъ святыня Господни пребываетъ въ покрытомъ кожами шатрѣ. Онъ рѣшилъ построить великолѣпный храмъ Богу. Но Богъ объявилъ ему чрезъ пророка: «ты не устроишь Мнѣ храмъ, потому что ты пролилъ много крови. Это дѣло совершить послѣ тебя сынъ твой, котораго царствование будетъ мирное. Я укрѣплю престоль его до вѣка. Я буду ему Отцемъ, а онъ будетъ Мнѣ сыномъ. Если даже онъ и не сохранитъ моихъ повелѣній, то Я хотя и накажу его, но (ради тебя) не отниму моей милости, какъ отнялъ отъ Саула. Домъ твой будетъ крѣпокъ и царство твое будетъ до вѣка». Обрадованный царь пошелъ къ скинии, сѣлъ предъ ковчегомъ и такъ изливалъ свою благодарность: «Господи Іегова! Кто я, что Ты возвелъ меня на такую высоту? Да и этого не довольно: Ты еще и вдаль предсказываешь о домѣ раба твоего». И какъ нѣкогда Авраамъ *провидѣлъ день Христовъ* въ обѣтованіи о сѣмени его, такъ теперь Давидъ въ этомъ обѣтованіи о царствѣ его до вѣка съ радостнымъ изумленіемъ провидѣлъ вѣчное царство своего великаго Потомка и Господа.

Богъ благословилъ благочестіе Давида успѣхами какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ его царствованія. Онъ самъ никогда не начиналъ войнъ ради завоеваній, но окрестные народы, встревоженные усиленіемъ Израильтянъ въ его царствованіе, поднимались противъ нихъ. Давидъ легко одолѣвалъ ихъ и однихъ изъ нихъ ослабилъ, другихъ совсѣмъ покорилъ и расширилъ свое царство. Въ числѣ другихъ онъ покорилъ Идумеевъ, потомковъ Исава, прозваннаго Эдомомъ, и такимъ образомъ исполнилось пророчество Исаака, что старшій порабощаетъ младшему.

Такъ благоденствовали Давидъ, пока не впалъ въ тяжкій грѣхъ. Плѣнявшися красотою Вирсави, жены благочестиваго

Уриі, онъ совершилъ два преступленія: сперва любодѣяніе и потомъ, для сокрытія его послѣдствій, убійство Уриі, послѣ чего женился на Вирсавіи. Прошелъ годъ; отъ Вирсавіи родился сынъ любодѣянія. Давидъ не приходилъ въ раскаяніе. Вдругъ является пророкъ и говоритъ: «Царь, въ одномъ городѣ жили два человѣка, одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго было много всякаго скота и крупнаго и мелкаго; а у бѣднаго всего только и была одна овечка, которая и ѣла, и пила, и спала съ нимъ, — однимъ словомъ была ему какъ дочь. Но вотъ къ богатому пришелъ однажды гость—и что же?—богачъ пожалѣлъ своихъ овецъ; а отнялъ для угощенія у бѣдняка единственную овечку!» Услышавъ это, Давидъ вскричалъ въ гнѣвъ: «клянусь Господомъ, этотъ человѣкъ достоинъ смерти!»—«Царь, этотъ богачъ — ты! сказалъ пророкъ.—Вспомни Урию». Тогда-то пробудилась совѣсть Давида. «Согрѣшилъ я предъ Господомъ», сказалъ онъ съ глубокимъ сокрушеніемъ. Свои покаянные чувства излилъ онъ въ глубокотрогательной пѣсни, которую Церковь предлагаетъ намъ въ образецъ покаянія. *Помилуй мя, Боже, по величій милости твоей. Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего!* зываетъ Давидъ, представляя Урию, обливающагося кровію.

Съ этого раза полились на Давида несчастія за несчастіями. Началось съ того, что умеръ плодъ преступленія; потомъ одинъ изъ взрослыхъ сыновей его, Авессаломъ, отличавшійся необыкновенною тѣлесною красотою, убилъ старшаго брата; затѣмъ, несмотря на то, что, нѣжно любившій его, отецъ простилъ и возвратилъ ему свою любовь, Авессаломъ вкрался въ любовь народа и провозгласилъ себя царемъ. Застигнутый врасплохъ, Давидъ въ покаянной одеждѣ, съ непокрытою головою, босой, съ немногими вѣрными друзьями бѣжалъ изъ Іерусалима. На дорогѣ встрѣтилъ его одинъ изъ родственниковъ Саула и началъ осыпать его камнями, грязью и самыми оскорбительными ругательствами. Спутники Давида хотѣли было убить его, но Давидъ не позволилъ этого. «Пусть онъ проклинаетъ меня, сказалъ онъ,—можетъ быть Господь милосердится надо мною, видя мое смиреніе»,

И Господь дѣйствительно умилосердился надъ кающимся царемъ: Авессаломъ былъ разбитъ и погибъ во время бѣгства. Народъ раскаялся въ своей невѣрности и возвратился къ законному царю.

Но возстановившееся благоденствіе Давидъ разстроилъ новымъ грѣхомъ. Онъ вздумалъ сдѣлать народную перепись. Дѣло само-по-себѣ невинное и даже полезное; но худо то, что эту мысль внушило Давиду тщеславіе. Не успѣла окончиться перепись, какъ Давидъ самъ созналъ свою вину. «Тяжко согрѣшилъ я, Господи», молился онъ. Но несмотря на раскаяніе онъ не избѣгъ наказанія: явился пророкъ и предложилъ ему на выборъ одно изъ трехъ наказаній: трехлѣтній голодъ, трехмѣсячную несчастную войну, или трехдневную моровую язву. Царь выбралъ послѣднее. И началась такая ужасная моровая язва, что въ три дня погибло 70,000 человѣкъ. Увидѣвъ на небѣ ангела съ простертымъ надъ Иерусалимомъ мечемъ, царь взывалъ въ сердечной тоскѣ: «Господи! обрати мечъ отъ невиннаго народа на меня виновнаго». По повелѣнію Божию, данному чрезъ пророка, Давидъ принесъ жертву на горѣ Моріа, на которой было видѣніе, и язва прекратилась. Эту гору, на которой нѣкогда Авраамъ принесъ Исаака во всесоженіе, Давидъ назначилъ для будущаго храма.

Кромѣ этой моровой язвы и смуты, произведенной Авессаломомъ, да еще трехлѣтняго голода, сорокалѣтнее царствованіе Давида было самое счастливое: народъ достигъ высшей степени могущества и благосостоянія, какого въ послѣдствіи никогда не достигалъ. Оттого царствованіе Давида осталось въ памяти народа, какъ идеаль счастія, а самъ Давидъ въ глазахъ его былъ идеаломъ царя и образомъ грядущаго Мессіи, который, какъ сынъ Давидовъ, придетъ, по убѣжденію іудеевъ, возстановитъ царство отца ихъ Давида.

Но Давидъ былъ не только великій царь, но и великій пророкъ. Онъ предсказалъ крестныя страданія Мессіи съ такою ясностію, какъ будто онъ стоялъ у креста и видѣлъ, какъ враги Христовы *покивали главами своими*; какъ *раздѣ-*

ляли ризы Его и о одежду Его бросали жребій, какъ дали въ спѣдь Ему желчь и въ жажду Его напоили Его оцтомъ.

Наконецъ Давидъ былъ еще великій духовный пѣсопѣвецъ и музыкантъ. Книга псалмовъ, столь любимая Церковію, состоитъ главнымъ образомъ изъ пѣсопѣвній, составленныхъ Давидомъ. Эти высокопоэтическія изліянія благочестивой души подъ его руководствомъ воспѣвали устроенныя имъ хоры, восхваляя Бога въ тимпанѣ и лицѣ, во псалтири и гусльхъ, во струнахъ и органѣ и въ кимвалѣхъ добротласныхъ.

Такъ въ Давидѣ Церковь чтитъ великаго царя, пророка, псалмопѣвца и, что всего выше, богоотца, т.-с. предка по плоти Христа Бога. Аминь.

III. Соломонъ.

Соломонъ, сынъ Давидовъ, свое царствованіе началъ дѣломъ благочестія: послѣ торжественнаго Богослуженія и необыкновенно обильныхъ жертвоприношеній, онъ ночью обратился къ Богу съ пламенною молитвою. «Господи! говорилъ онъ съ глубокимъ смиреніемъ,—Ты поставилъ меня раба твоего царемъ; но я малый и малосмысленный отрогъ: какъ мнѣ управлять многочисленнымъ народомъ?.. Даруй мнѣ сердце разумное, чтобы право судить народъ твой и отличать добро отъ зла».

Итакъ этотъ смиренный, молодой царь, называющій себя малосмысленнымъ, имѣетъ столько мудрости, что просить не богатства, не блеска, не славы побѣдъ, а духовнаго свѣта мудрости, чтобы сдѣлать счастливымъ свой народъ. Богъ, *смирненнымъ дающій благодать*, въ эту же ночь явился ему и сказалъ: «За то, что ты просилъ себѣ ни долгой жизни, ни богатства, ни славы побѣдъ и завоеваній, а разума,—И дамъ тебѣ и сердце мудрое, такъ что равнаго тебѣ по мудрости не было и не будетъ, и сверхъ того дамъ и то, чего

не просиль ты,—и богатство, и славу, какихъ не было и не будетъ».

Вскорѣ царь показалъ поразительный опытъ своей безпри-
мѣрной мудрости. Пришли къ нему на судъ двѣ женщины;
одна держала на рукахъ младенца, а другая такъ говорила
царю: «Царь! окажи правосудіе. Я и эта женщина живемъ
въ одномъ домѣ; обѣ мы родили почти въ одно время. Въ
прошлую ночь она заспала своего ребенка, подложила его
мнѣ, а моего взяла себѣ». Другая напротивъ утверждала,
что живой ребенокъ принадлежитъ ей. Что было дѣлать, какъ
открыть истину? Всѣ смотрѣли на царя и ждали. «Прине-
сите мечъ, сказалъ царь,—разсѣйте ребенка и дайте каж-
дой по половинѣ». При этихъ словахъ первая изъ тяжу-
щихся женщинъ съ злобною радостію сказала: «Убейте его,
пусть не достается ни ей, ни мнѣ». Но другая, державшая
младенца на рукахъ, въ смертельной тоскѣ воскликнула: «О,
царь, вели лучше отдать ей, только не убивай ребенка!»—
«Вотъ настоящая мать. Отдайте ей дитя». Услышавъ этотъ
судъ, народъ сталъ бояться царя, потому что увидѣлъ, что
отъ его мудрости не укроется ни одно преступленіе.

Первою заботою царя было исполнить завѣщаніе отца—
построить храмъ, достойный величія Божія. Сокровища, на-
копленные Давидомъ, дали ему возможность построить храмъ
на удивленіе современникамъ. Освященіе совершено съ ве-
личайшею торжественностію и ознаменовано чудесами: облако
славы Божіей, какъ нѣкогда скинію Моисееву, осѣнило те-
перь храмъ, такъ что священники принуждены были остано-
вить богослуженіе. Народъ смутился было, считая это дур-
нымъ предзнаменованіемъ; но мудрый царь превратилъ это
смущеніе въ радость. «Господь самъ говоритъ, сказалъ царь,—
что Онъ благоволитъ жить во мглѣ», т.-е. непостижимъ для
человѣка по своему существу. Потомъ преклонивъ колѣна и
простерши руки, всенародно произнесъ молитву, въ которой
исповѣдалъ, что хотя рукотворенный храмъ и недостойнъ быть
жилищемъ Бога, котораго не вмѣщаетъ и небо, но тѣмъ
не менѣе умолялъ Его: «Призри, Господи, на молитву раба

твоего. Да будутъ очи твои отверзты на храмъ сей день и ночь. Услышь и исполни всякое моленіе, о чемъ бы ни помолился здѣсь народъ твой. Даже если иноплеменникъ придетъ и помолится Тебѣ въ храмъ семъ,—услышь и его молитву, чтобы всѣ народы земли узнали имя Твое и боялись Тебя».

Поразительна эта молитва по глубинѣ своей. Въ тѣ темныя времена языческіе народы были убѣждены, что земля, такъ сказать, раздѣлена на удѣлы между разными богами и что каждый народъ имѣетъ своихъ особыхъ мѣстныхъ боговъ. Этимъ объясняется то странное на первый взглядъ обстоятельство, что Навуходоносоръ хотя и призналъ силу Іеговы, Бога Израилева, однако остался язычникомъ. Израильскій народъ хотя и не раздѣлялъ этого заблужденія и зналъ, что Іегова есть единый истинный Богъ, Богъ боговъ, однако зараженъ былъ другимъ, не менѣе грубымъ заблужденіемъ, именно воображалъ, что Іегова заботится только о немъ одномъ, какъ о своемъ избранномъ народѣ. Но вотъ богопросвѣщенный царь разсѣиваетъ это заблужденіе; онъ вручаетъ Іеговѣ не только свой народъ, но и всѣ племена земныя; онъ прозрѣваетъ то благословенное время, когда Божественный Пастырь соберетъ во дворъ свой не только овецъ Израиля, но и *ины овцы, яже не суть отъ двора Израиля* и составятъ изъ всего рода человѣческаго *единое стадо*. Чудо подтвердило истину этой богодухновенной молитвы: огонь небесный снизошелъ на приготовленную жертву.

Подъ мудрымъ правленіемъ Соломона народъ благоденствовалъ: въ судахъ царствовала правда, въ дѣлахъ управленія—строгій порядокъ; враги, побѣжденные Давидомъ, не смѣли поднять голову; подъ покровомъ мира, правосудія и порядка процвѣтала торговля, народъ богатѣлъ, народонаселеніе умножалось; каждый израильтянинъ безпечально жилъ подъ своею виноградною лозою и смоковницею. Богатства, доставляемыя цвѣтущею торговлею, дали царю возможность устроить большую военную силу и украсить столицу великолѣпными зданіями. Повсюду гремѣла слава Соломона: далеко разносилась

молва о богатствѣ, великолѣніи и мудрости царя израильскаго. Соломонъ обладалъ всѣми знаніями своего времени: онъ изслѣдовалъ свойства животныхъ, равно какъ и растений отъ величаваго кедра до иссопа—мелькой былинки, пробивающейся изъ стѣны. Онъ составилъ 3000 притчей (мудрыхъ изреченій), которыхъ только малая часть дошла до насъ и предлагается Церквию для нашего назиданія на пареміяхъ. Онъ написалъ болѣе тысячи священныхъ пѣсней, изъ которыхъ уцѣлѣла только одна — *Пѣснь пѣсней*, т.-е. превосходная пѣснь, пророчески воспѣвающая любовь Христа къ Церкви, подъ образомъ любви царевича къ своей невѣстѣ.—Привлеченная славою Соломона, пріѣхала къ нему царица Савская изъ счастливой Аравіи, посмотрѣла, послушала Соломона, который разрѣшилъ ей труднѣйшіе, самые загадочные вопросы и прочиталъ въ душѣ ея самые сокровенные помыслы; и въ восторгѣ сказала: «много слышала я о тебѣ, но то, что я слышу и вижу, превосходитъ молву. Счастливъ народъ, котораго Богъ благословилъ такимъ царемъ!»

И что же; можно ли было ожидать? Этотъ царь—мудрецъ, имѣвшій въ себѣ Духа Божія, дошелъ до такого омраченія, что впалъ въ идолопоклонство. Причиной такого глубокаго паденія была страсть Соломона къ женщинамъ. Онъ имѣлъ множество женъ и наложницъ и, недовольствуясь своими, вопреки закону, набиралъ язычницъ. Въ угожденіе имъ онъ построилъ въ Иерусалимѣ капищъ, допустилъ языческихъ жрецовъ и языческое служеніе, при которомъ сначала изъ любопытства присутствовали, а потомъ сталъ принимать участіе. Можете себѣ представить, какой гибельный соблазнъ произвелъ онъ на народъ, и безъ того склонный къ идолопоклонству!

Такое преступленіе не могло остаться не наказаннымъ. Богъ, прежде удостоившій являться ему, теперь объявилъ ему чрезъ пророка, что царство его раздерется и большая часть отдастся его рабу, — и только ради отца его Давида ставлена будетъ часть его роду, — и этотъ судъ совершится не при его жизни.

Печальны были послѣдніе годы его царствованія. Приговоръ Божій висѣлъ надъ нимъ, какъ страшная туча. Узнавъ, что властителемъ большей части его царства назначенъ уже одинъ изъ его подданныхъ, Героваамъ, который уже и началъ дѣлать происки, чтобы добиться престола, Соломонъ сталъ преслѣдовать его, но безуспѣшно, потому что Героваамъ бѣжалъ въ Египеть. Къ этому горю присоединилось другое: покоренные Давидомъ народы—на сѣверѣ Сирійцы, на югѣ Идумеи, начали отпадать. Исторія не говоритъ, утратилъ ли онъ свой свѣтлый умъ; но что онъ потерялъ спокойствіе духа,—объ этомъ свидѣтельствуетъ книга *Экклезіастъ* (проповѣдникъ), которую онъ написалъ вѣроятно подъ конецъ жизни и изъ содержанія которой видно, что онъ раскаялся. «Я, говоритъ онъ въ этой книгѣ,—имѣлъ все, чего бы только захотѣли мои глаза; но и знанія, и богатства, и слава, и наслажденія роскоши—все суета и мученія духа!» Вотъ какой вопль вырвался изъ груди царя, считавшагося счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Сравните теперь, братіе, этотъ конецъ царствованія съ первою его половиною: тамъ—бодрость духа, ясность, довольство; здѣсь—усталость, уныніе, отвращеніе ко всему; однимъ словомъ, тамъ—свѣтъ, здѣсь—мракъ. Отъ чего такая ужасная перемена? гдѣ ея причина? Въ идолопоклонствѣ что ли? Идолопоклонство, конечно, было ближайшею причиною суда Божія и неудачъ. Но идолопоклонство есть только признакъ и выраженіе внутренняго духовнаго омраченія. Какъ? Рожденный и воспитанный въ вѣрѣ въ единаго истиннаго Бога, сынъ благочестиваго царя, самъ мудрѣйшій изъ царей, удостоившійся откровеній Божіихъ, обладавшій пророчесственнымъ духомъ—промѣнялъ духовнаго, премірнаго Бога, на истукановъ! Правда, только темная масса смотрѣла на истуканы какъ на божества или на вмѣстилища божества, умнѣйшіе же изъ язычниковъ видѣли въ истуканахъ не болѣе, какъ только изображенія (символы) боготворимыхъ ими силъ природы. Конечно, и Соломонъ смотрѣлъ на идоловъ точно такъ же; по все-таки какое же безуміе промѣнять Творца на тварныя силы, Пре-

мірнаго, Безпредѣльнаго, Личнаго Бога,—на ограниченное, конечное, безличное!.. Разрѣшеніе этой загадки надо искать въ характерѣ Соломона. Въ этомъ мудромъ царѣ былъ зародышъ страсти женолюбія и сластолюбія; онъ далъ развиться этому зародышу въ сильную, всепоглощающую страсть; страсть поработила его и потребовала жертвъ, сдѣлалась идоломъ. Премірный, духовный Богъ уже не удовлетворялъ поработившагося чувственности человѣка: ему нужно было божество по образу и подобию его,—и вотъ Іегова долженъ уступить Ваалу и Астартѣ. Истуканы были значить только воплощеніемъ другаго, настоящаго, скрывавшагося въ сердцѣ идола—страсти. Но идолы суть ложные боги: они недостойны духа человѣческаго; духъ, даже падшій, погружившійся въ чувственное, зараженный страстію, безконечно выше ихъ,—ему нужно божество духовное; тварь не можетъ удовлетворить, наполнить его; идолы только обманываютъ, околдовываютъ его на время. Не даромъ удовлетвореніе страсти называется упоеніемъ: оно не даетъ истиннаго счастья, состоящаго въ удовлетвореніи духовныхъ силъ, плодомъ котораго бываетъ ясное довольство духа,—а приводитъ въ состояніе опьяненія. Но едва минута опьяненія прошла, какъ тотчасъ червь тоски начинаетъ глотать душу,—надо заглушить его новыми, еще сильнѣйшими пріемами опьяняющаго напитка. Но такъ какъ духовный организмъ, такъ же какъ и тѣлесный, не можетъ вынести даже настоящей пици въ чрезмѣрномъ количествѣ, а тѣмъ болѣе какого-нибудь яда, то неумѣренныя чувственные наслажденія кончаются пресыщеніемъ, отвращеніемъ и совершеннымъ разстройствомъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Тогда-то настаетъ страшное пробужденіе и изъ души вырывается вопль: *суета суетствій и всяческая суета*. Этого пробужденія рѣдко минуетъ опьяненный страстію человѣкъ; раньше или позже, но оно придетъ непременно. Иногда опьяненіе продолжается всю жизнь; но вотъ приходитъ смерть, приходится разстаться съ идоломъ: что тогда? Какъ молнія, озаряетъ тогда человѣка сознаніе, что высшія потребности

заглушены, духовныя силы убиты, жизнь загублена и загублена невозвратно... О, горе! о, муки ада!

Къ счастью Соломона, его пробужденіе предупредило смерть настолько, что онъ успѣлъ раскаяться и оставить намъ памятникъ своего раскаянія въ книгѣ «Экклезіастъ», въ которой проповѣдуя, что все земное—суета, онъ указываетъ намъ, въ чемъ заключается наше истинное благо: *еже боятися Бога и творити заповѣди — сіе всякъ человекъ*. Очищайте душу отъ страстныхъ помысловъ, отъ похотей плоти, ищите счастья не въ удовлетвореніи страстей, а въ исполненіи закона Божія,—въ любви къ Богу и ближнимъ, и вы увидите Бога. *Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ*. Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

во вторникъ четвертой седмицы Великаго поста. (Притч. 12, 8—22).

Гл. 12, ст. 8. **Уста разумнаго хвалима бываютъ отъ мужа** (*отъ всякаго*), **слабосердъ же** (*тупоумный*) **поругаемъ бываетъ,**

Сравниваются рѣчи (*уста*) разумнаго съ рѣчами тупоумнаго, но говорливаго. Рѣчи перваго не всегда многословны, но всегда содержательны и потому, *хвалимы бываютъ отъ мужа*, — выслушиваются съ уваженіемъ и одобреніемъ. Но рѣчи тупоумнаго свидѣтельствуютъ только о его неразумности и потому навлекаютъ на него презрѣніе, для избѣжанія котораго лучше ему молчать и слушать кто его умнѣе.

Ст. 9. **Лучше мужъ въ безчестіи работаяй себѣ** (*на себя*), **нежели честь себѣ обложивъ и лишайся хлѣба** (*нежели тотъ, кто важничаетъ и нуждается въ хлѣбѣ*).

Похваляется трудолюбіе и осуждается презрѣніе къ труду. Иной живетъ въ *безчестіи*, т.-е. занимаетъ низкое, невидное положеніе въ обществѣ, за то честнымъ трудомъ зарабатываетъ себѣ и семейству своему пропитаніе, живетъ въ довольствѣ, никого собою не обременяетъ. Такой человекъ заслуживаетъ предпочтеніе предъ тѣмъ (*лучше того*), кто чвапится своимъ происхожденіемъ отъ богатыхъ и знатныхъ предковъ или же собственными когда-то бывшими заслугами обществу, но сидитъ безъ хлѣба единственно потому, что почитаетъ унижительнымъ для своего достоинства, дѣйствительнаго или воображаемаго, трудами своихъ рукъ поддерживать свое существованіе.

Ст. 10. Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ, утробы же нечестивыхъ немилостивны.

Человѣку праведному, т.-е. благочестивому и добродѣтельному, свойственно милосердіе не только къ людямъ, но и къ домашнимъ рабочимъ животнымъ (*скотамъ*). Онъ не забываетъ, что и безсловесныя твари имѣютъ душу, способную чувствовать скорбь и радость, выражать привязанность къ хозяину или отвращеніе, благодарность и неблагодарность. Онъ помнитъ также законы Моисеевы относительно обращенія съ животными, повелѣвающіе давать рабочему скоту отдыхъ въ субботу (Исх. 20, 10), не заграждать рта молотящему волю (Второз. 25, 4), ни коровы, ни овцы не закалать въ одинъ день съ порожденіями ихъ (Лев. 22, 28), чтобы не быть матерямъ свидѣтелями крови порожденій своихъ. Добросовѣстно исполняя эти законы, онъ и по собственному состраданію жалостливъ къ скоту (*милуетъ души скотовъ*), не изнуряетъ рабочихъ животныхъ непосильною работою, не моритъ голодомъ и жаждою, не мучитъ побоями. Не такъ поступаетъ со скотомъ нечестивый. Въ немъ нѣтъ ни чувства состраданія къ безсловесной твари, ни уваженія къ положительнымъ законамъ о кроткомъ обращеніи съ нею. Нечестивый, Бога не боящійся, несправедливъ и немилостивъ къ людямъ: можно ли ожидать отъ него, чтобы онъ лучше относился къ безсловеснымъ, работающимъ на него, животнымъ? Людей онъ можетъ еще бояться и страхомъ наказанія за неправду и жестокосердіе удерживаться отъ оскорбленія ихъ. Но безсловесныя—существа беззащитныя, ихъ онъ можетъ безнаказанно сколько угодно мучить и зрѣлищемъ ихъ мукъ даже потѣшать себя.

Ст. 11. Дѣлаяй (воздѣлывающій) свою землю исполнится (будетъ изобиловать) хлѣбовъ, гонящій же суетная (гонящіеся за суетою) лишени разума. Иже есть сладостенъ въ винномъ пребываніи (кто находитъ удовольствіе въ тратѣ времени за виномъ), въ своихъ твердыняхъ (въ своемъ домѣ) оставитъ безчестіе.

Похваляется трудолюбіе земледѣльца и осуждается празд-

ность и пьянство. Кто любитъ обрабатывать свою землю, тотъ поступаетъ благоразумно, потому что *будетъ обиловать хлѣбомъ*,—у него достанетъ хлѣба не только на прокормленіе себя съ семьєю, но и на вспоможеніе нуждающимся. Но какъ неразумны (*лишены разума*), *гонящіеся за суетою*,—попусту убивающіе время, уклоняющіеся отъ дѣловыхъ занятій, въ ряду которыхъ земледѣліе занимаетъ главное мѣсто! Своею праздностію они доводятъ себя до голода и нищеты.—Къ пустому препровожденію времени относится преимущественно винопитіе. Любящій находить удовольствіе въ пьянствѣ *оставитъ безчестіе въ своемъ домѣ*,—доведетъ его до безчестнаго раззоренія. Иной раззоряется и впадаетъ въ нищету по стеченію неблагопріятныхъ, независящихъ отъ его воли обстоятельствъ,—напримѣръ отъ пожара, отъ воровъ, другой—по собственной винѣ, — вслѣдствіе праздности и пьянства. Въ первомъ случаѣ нѣтъ для обнищавшаго безчестія, въ послѣднемъ нищета носитъ позорный характеръ.

Ст. 12. Желанія нечестивыхъ зла, коренія же благочестивыхъ въ твердостехъ.

Нечестивые, по свойственной имъ ненависти къ благочестивымъ, желаютъ дѣлать имъ зло и погубить ихъ, но не успѣваютъ: благочестивые подобно деревьямъ, имѣющимъ крѣпкіе корни и непоколебимымъ отъ бурь и наводненій, сохраняются въ безопасности отъ направленныхъ противъ нихъ козней со стороны нечестивыхъ: Господь, на котораго они уповаютъ, бережетъ ихъ отъ зла.

Ст. 13. За грѣхъ устенъ впадаетъ въ сѣти грѣшникъ, избѣгаетъ же отъ нихъ праведникъ. Смотриая кротко помилованъ будетъ, а срѣтаяй во вратѣхъ оскорбитъ души.

Грѣшникъ, по ненависти къ праведнику, сплетаетъ противъ него клеветы, словно сѣти, для уловленія и погубленія праведника, но самъ же запутывается въ этихъ сѣтяхъ и такимъ образомъ несетъ заслуженное наказаніе *за грѣхъ* своихъ клеветливыхъ *устенъ*. Но Господь хранитъ праведника:

онъ счастливо избѣгаетъ приготовляемыхъ ему сѣтей,—невинность его обнаруживается предъ всѣми и онъ торжествуетъ надъ злобою клеветника.—Въ дальнѣйшихъ словахъ стиха идетъ рѣчь о кротости въ противоположность сварливости. Кроткій и мягкосердечный человѣкъ никого не оскорбитъ,—онъ на всѣхъ смотритъ привѣтливо и ласково, и потому *помилованъ будетъ*.—т.-е. будетъ у всѣхъ въ милости, будетъ привлекать къ себѣ отъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ какія-либо сношенія, благосклонность: онъ самый уживчивый членъ общества. Напротивъ, человѣкъ сварливый и склонный къ сутяжничеству—тяжелый и нетерпимый въ обществѣ. Онъ любитъ толкаться у воротъ города, въ многолюдствѣ, чтобы скорѣе втянуть кого въ ссору съ нимъ, и потому съ кѣмъ ни встрѣтится у воротъ, *оскорбляетъ души*,—наровитъ ко всякому встрѣчному придраться, всякому наговорить дерзостей, съ цѣлю вывести его изъ терпѣнія и вызвать на неосторожное слово или дѣйствіе и за это привлечь къ суду. Такой сутяга *не будетъ помилованъ*,—ни отъ кого не встрѣтитъ выраженія благосклонности,—всякій будетъ бояться его какъ огня и не попадаться ему на глаза. Самъ немилостивъ, и къ нему немилостивы.

Ст. 14. Отъ плодовъ устъ душа мужа наполнится благихъ (благими), воздаяніе же устенъ его воздастся (дано будетъ) ему.

Подъ плодами устъ здѣсь разумѣется благое дѣйствіе на ближняго рѣчей мудраго и благочестиваго мужа. Этими плодами онъ самъ *наполнится*,—т.-е. спасительное дѣйствіе на души ближняго его наставленій, совѣтовъ и обличеній послужитъ въ преизбыточествующей мѣрѣ ему же во благо не только на послѣднемъ судѣ, на которомъ каждый, по слову Христову, отъ словъ своихъ оправдается или осудится (Мат. 12, 37), но и въ настоящей жизни. Воздаяніемъ ему въ здѣшней жизни будетъ благословеніе Божіе въ дѣлахъ, также благословеніе и благодарность ближнихъ, его рѣчами наставленныхъ, вразумленныхъ и утѣшенныхъ. Ихъ благодарность можетъ и не вы-

ражаться какими-нибудь вещественными знаками; но онъ и не требуетъ отъ нихъ ничего подобнаго; онъ будетъ доволенъ сознаниемъ исполненнаго долга, сознаниемъ того, что сѣмя истины и добра, какое онъ сѣялъ въ ихъ душахъ, не пропало даромъ. Онъ безкорыстно служитъ ихъ благу и, взирая на плоды своихъ трудовъ, будетъ принимать къ сердцу ихъ благо, какъбы собственное благо, ихъ радость будетъ его радостію.

Ст. 15. Пути безумныхъ правы предъ ними, послушаетъ совѣтовъ мудрый.

Истинно мудрый есть вмѣстѣ смиренный. Какъ ни правильно онъ мыслить и поступаетъ, онъ не почитаетъ себя непогрѣшительнымъ и съ охотою выслушиваетъ мнѣнія и совѣты другихъ, провѣряетъ ими свой образъ мыслей и дѣйствій и всегда готовъ послушаться добраго совѣта. Самоувѣренность, увѣренность въ своей непогрѣшимости свойственна только *безумнымъ*, есть признакъ неразумія. Только неразумнымъ могутъ казаться *правыми пути ихъ*,—только они могутъ думать, что идутъ прямою дорогою, правильно обо всемъ судятъ и поступаютъ, и что потому они не пуждаются въ стороннихъ совѣтахъ

Ст. 16. Безумный абіе исповѣсть гнѣвъ свой, крыетъ же свое безчестіе хитрый.

Безумному,—глупому,—противопологается здѣсь *хитрый*, не въ худомъ смыслѣ этого слова, не въ смыслѣ лукаваго, коварнаго, а въ смыслѣ осмотрительнаго, благоразумнаго. Противоположность состоитъ въ слѣдующемъ: *хитрый*, т.-е. благоразумный человѣкъ отличается самообладаніемъ, съ какимъ онъ переноситъ наносимое ему *безчестіе*,—т.-е. обиду. Онъ *скрываетъ* это *безчестіе*, т.-е. никому не жалуется на обидчика и самому обидчику не даетъ видѣть свое негодованіе, скрывая его въ своемъ сердцѣ по справедливому опасенію выраженіемъ негодованія вызвать обидчика на новыя обиды, или по упованію на Господа, которому смиренно предоставляетъ судить обидящихъ его. Такое самообладаніе, безъ

сомнѣнія, дѣлаеть честь благоразумному, особенно если онъ, скрывая отъ другихъ свое негодованіе, въ тоже время подавляетъ его въ своемъ сердцѣ, боясь грѣха памятозлобія. Не такъ поступаетъ *безумный*,—неразсудительный: получивъ обиду, онъ *абіе*,—тогчасъ,—воспламеняется гнѣвомъ, выходитъ изъ себя, на обиду спѣшитъ отвѣтить обидою словами или дѣйствіями, и тѣмъ еще пуще озлобляетъ противъ себя обидчика, подливаетъ въ огонь масло.

Ст. 17. Явленную вѣру возвѣщаетъ праведный, свидѣтель же неправедныхъ (неправды) лѣстивъ.

Подъ *вѣрою* здѣсь разумѣется то, что достойно вѣры, или истина. *Явленная вѣра*,—это истина явная, безъ утайки. По правилу восполненія одного полустигія другимъ, сей стихъ можетъ быть изложенъ такъ: Праведный человѣкъ, по свойственной ему добросовѣстности, скажетъ сущую правду, безъ утайки, когда будетъ призванъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. Но человѣкъ неправедный можетъ быть свидѣтелемъ только неправды: онъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится, и потому оказывается *лѣстивымъ*, т.-е. лживымъ свидѣтелемъ на самомъ судѣ. Каковъ онъ въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми, таковъ и на судѣ: онъ всегда готовъ покривить душою, нагать на ближняго или по злобѣ, или по любви къ смутамъ (скандаламъ).

Ст. 18. Суть иже глаголюще уязвляютъ аки мечи (словами язвятъ какъ мечемъ), языцы же премудрыхъ исцѣляютъ.

Что это за слова, язвѣція какъ мечъ? Это слова злобы, коварства, клеветы, насмѣшки. Они также болѣзненно отзываются въ сердцѣ того, противъ кого направлены, какъ болѣзненна рана отъ меча. Истинно мудрый человѣкъ никогда не позволяетъ себѣ вредить ближнему подобными словами,—напротивъ, онъ говоритъ только то, что можетъ служить къ *исцѣленію* ближняго,—къ врачеванію его скорбей и недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Ст. 19. Устнѣ истинны исправляютъ свидѣтельство, свидѣтель же скорѣ языкѣ имать неправеденѣ.

Что нужно для того, чтобы свидѣтельство на судѣ или внѣ суда было правильнымъ (*исправилось*)?—Нужно, чтобы свидѣтель былъ правдивъ, добросовѣстенъ: только *устнѣ истинны исправятъ свидѣтельство*. Но правдивый свидѣтель долженъ быть вмѣстѣ осмотрительнымъ, долженъ напередъ тщательно обдумывать то, о чемъ ему придется свидѣтельствовать. Свидѣтель *скорый*, опрометчивый, *языкъ имать неправедный*. Опрометчивый свидѣтель, при всей добросовѣстности, можетъ говорить языкомъ неправды, если напримѣръ будетъ свидѣтельствовать о чемъ-либо на основаніи дошедшихъ до него слуховъ, легковѣрно имъ принятыхъ и не провѣренныхъ. Итакъ отъ свидѣтеля требуется не только правдивость, искренность, но вмѣстѣ обдуманность, иначе его свидѣтельство не будетъ имѣть вѣса предъ безпристрастнымъ судомъ,—*не исправится*, не будетъ правильно.

Ст. 20. Лестъ (таится) въ сердцѣ кующаго злая, хотящїи же мира возвеселятся.

Противоположеніе сказаннаго въ одномъ полустіиши сказанному въ другомъ, представляетъ слѣдующій смыслъ: люди, замышляющіе зло ближнему, не на радость себѣ замышляютъ: ихъ *лестъ*, т.-е. злая козни, будутъ рано или поздно обличены и посрамлены. Эта неудача повергнетъ ихъ въ печаль, а для людей миролюбивыхъ, желающихъ ближнему мира и добра, будетъ причиною радости.

Ст. 21. Ничтоже неправедное угодно есть праведному, нечестивїи же исполнятся злыхъ (золъ).

Праведникъ никогда не примирится съ зломъ неправды,—грѣха и нечестїа. Отъ этого зла онъ всячески отвращается; онъ ненавидитъ его въ себѣ и въ другихъ; неправда для него отвратительна даже тогда, когда бы ему сказали, что добрая цѣль оправдываетъ безнравственныя средства. Совѣсть его возмущается подобными разсужденїями. Но ненавѣда зло не-

правды, онъ избѣгаетъ злыхъ послѣдствій, какія влечетъ за собою неправда предъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ. Что же касается нечестивыхъ, то они потому и нечестивы, что любятъ неправду,—она для нихъ пища, потребность, безъ нея они жить не могутъ. Они услаждаются неправдою, не сдерживая себя опасеніемъ золь,—бѣдъ и напастей, имѣющихъ разразиться надъ ними по дѣйствию гнѣва Божія и въ здѣшней, и въ будущей жизни; они *исполнятся* этихъ золь, —горечь ихъ они будутъ вкушать въ преизобильной мѣрѣ.

Ст. 22. Мерзость Господеви устнѣ лживы, творяѣ же вѣрно (*правду*) пріятенѣ Ему.

Устамъ лживымъ противоплагаются здѣсь не уста правдивыя, а дѣла правды. Это значить, что Господь гнушается не только рѣчами лжи и лукавства, но и дѣлами таковыми же. Равно и уста, говорящія правду, Ему угодны только въ томъ случаѣ, если имъ соотвѣтствуютъ дѣла. Если нѣтъ этого соотвѣтствія, если кто праведенъ только на словахъ, а не по жизни, то такой праведникъ также непріятенъ Господу, какъ и говорящій нечестиво и живущій нечестиво.

Прот. В. Нечиевъ.

ДВА ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

I.

СЧАСТІЕ ДѢТЕЙ НЕ ВЪ БОГАТСТВѢ, КОТОРОЕ ИМЪ РОДИТЕЛИ
ОСТАВЛЯЮТЪ.

(Прологъ, марта 31).

Родителей чаще всего преслѣдуетъ мысль: «съ чѣмъ останутся мои дѣти послѣ меня?» Эта мысль пожалуй и благая, ибо кто же въ самомъ дѣлѣ, какъ не родители, долженъ заботиться о счастіи на будущее время своихъ дѣтей? Но та же мысль становится грѣховною и вредною, когда она переступаетъ границы. А границы у многихъ она переступаетъ часто. Сколько видимъ людей, которые начинаютъ сберегать деньги, сначала безъ особенной привязанности къ нимъ, для обезпеченія своихъ дѣтей, а за тѣмъ эта бережливость переходитъ въ алчность, и человѣкъ, самъ того не замѣчая, страстно привязывается къ деньгамъ, становится скупымъ и деньги, одни деньги наполняютъ всю его жизнь. И тутъ ужъ не до христіанскаго воспитанія: ни страхъ Божій не внушается дѣтямъ, ни любовь къ Богу. И чѣмъ же все это кончается? Дѣти, не воспитанные въ законѣ Божіемъ, большею частію въ самомъ юномъ возрастѣ погружаются въ одни мірскія удовольствія, а умри отецъ или мать и попади имъ съ такою алчностью копенныя для нихъ деньги, съ ними они и окончательно погибають.

Въ самомъ дѣлѣ, мало ли за послѣднее время мы видимъ тому примѣровъ? При отцѣ, не обращающемъ вниманія на

религіозно-нравственное воспитаніе своего сына и заботящемся только оставить ему побольше земныхъ благъ, послѣдній тайкомъ отъ скуща-отца ведетъ беспорядочную жизнь, а послѣ смерти отца, глядишь, сынъ имѣніе все размоталъ, и все съ такимъ трудомъ скопленное для него богатство прахомъ пошло.

Что же отсюда? То, что родители прежде всего должны заботиться не о богатствѣ тлѣнномъ для своихъ дѣтей, а о богатствѣ духовномъ, т.-е. чтобы воспитать ихъ въ вѣрѣ и благочестіи; затѣмъ стараться о томъ, чтобы оставить имъ въ наслѣдство не деньги, а примѣръ собственныхъ своихъ добрыхъ дѣлъ; и наконецъ поручить судьбу дѣтей на будущее время не деньгамъ, а Богу. Тогда подлинно дѣти будутъ счастливы, потому что они съ Богомъ будутъ и Богъ съ ними. Одинъ изъ св. отцевъ такъ учитъ о семь. «Чесо ради, спрашиваетъ онъ скупаго отца,—ты не даси требующимъ? Глаголеши: дѣтей ми ликъ предстоить, и хощу ихъ богаты оставити. Но аще тѣмъ все оставиши, то не тверды хранители приставиши. Аще ли Бога оставиши ихъ печальника и промысленика, сіе больше сокровищъ златыхъ. Остави дѣтей промыслу Божію, иже имъ тѣло созда, и душу и животъ дарова, и всѣмъ отверзе богатство. Аще хоцещи богаты дѣти оставити, остави имъ Бога должника, (раздавая бѣднымъ), и много имъ будетъ воздаяніе» (Прологъ 31 марта).

Итакъ ясно, что не деньги могутъ составить счастье нашихъ дѣтей, а одинъ Богъ. А Богъ, какъ видите, тогда только станетъ хранителемъ и печальникомъ ихъ, когда мы съ глупою вѣрою поручимъ Ему ихъ и будемъ стараться дѣлами милосердія снискать Его милость чадамъ нашимъ. Оставимъ же на будущее время чрезмѣрныя попеченія о мірскомъ счастіи дѣтей и возымѣемъ особенныя заботы о томъ, чтобы оставить имъ прежде всего богатство нетлѣнное; а для сего будемъ стараться возвращать и укрѣплять въ нихъ духовную жизнь, внушать имъ съ раняго возраста любовь къ Богу и ближнимъ, здравыя понятія о православной вѣрѣ, приучать ихъ къ храму Божію, удалять отъ худыхъ сообществъ, сами слу-

жить для нихъ добрымъ примѣромъ и вообще воспитывать ихъ, по Апостолу, *въ наказаніи и ученіи Господнемъ* (Еф. 6, 4). Это и будетъ для нашихъ дѣтей богатство негнблемое, которое имъ въ прокъ пойдетъ. Аминь.

II.

О ТОМЪ, СКОЛЬ СПАСИТЕЛЬНО СОКРУШЕНІЕ СЕРДЦА И ПЕЧАЛЬ О ГРѢХАХЪ.

(Слово о покаяніи грѣшныхъ. Прол. апр. 1).

Не напрасно Слово Божіе и св. Отцы, говоря о нечистотѣ души, сравниваютъ ее съ нечистою тѣлесною, и не напрасно, говоря о покаяніи грѣшника и объ очищеніи сквернъ грѣховныхъ покаяніемъ, сравниваютъ это очищеніе съ омовеніемъ тѣлеснымъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ нечистота тѣлесная вредна для здоровья, непріятна для посторонняго взора и можетъ быть болѣзненно заразительною для другихъ; такъ и нечистота грѣховная и убійственна для души, и противна людямъ добродѣтельнымъ, и также можетъ быть пагубна для многихъ. И какъ омовеніе тѣлесное способствуетъ здоровью тѣла и дѣлаетъ видъ его свѣтлымъ и пріятнымъ; такъ и омовеніе души отъ сквернъ грѣховныхъ способствуетъ спасенію души и бываетъ благотворно и для постороннихъ, подавая имъ спасительный примѣръ, возбуждая въ нихъ доброе соревнованіе. Еще прибавимъ: омовеніе тѣла можно совершить скоро; равно когда коснется благодать Божія сердца грѣшника, скоро совершается и омовеніе души. Последнее мы докажемъ примѣромъ. Блаженный отецъ Павелъ, имѣваемый простой, передавалъ слѣдующій случай изъ своей жизни. Разъ онъ пошелъ въ нѣкоторый монастырь навѣстить братій и пришелъ въ то время, когда они входили въ церковь къ богослуженію. Такъ какъ онъ обладалъ духомъ прозорливости, то и узнавалъ, кто въ какомъ видѣ и съ какимъ расположеніемъ душевнымъ входитъ въ храмъ. Онъ видѣлъ, что всѣ входили съ свѣтлымъ лицомъ и ангелы-храни-

тели съ радостію сопровождали ихъ. Но тутъ же онъ увидѣлъ нѣкотораго брата, входящаго въ церковь чернымъ, бѣсовъ надругающихся надъ несчастнымъ и ангела издалека слѣдующаго за нимъ. Смотри на это, Павелъ опечалился и горько заплакалъ. Братія сіе замѣтили и стали умолять, чтобы преподобный открылъ имъ причину плача и вошелъ въ церковь. Но Павелъ не далъ имъ отвѣта и остался по прежнему у вратъ церковныхъ. Кончилась служба, всѣ вышли изъ церкви, съ ними и братъ грѣшныи. Но каково же было удивленіе Павла, когда онъ увидалъ его чистымъ и свѣтлымъ, бѣсовъ далече отъ него отстоявшихъ и Ангела Божія, сопровождающаго его съ великою радостію! Павелъ началъ громко славить Бога; иноки окружили его и онъ разсказалъ имъ, въ какомъ состояніи онъ увидѣлъ входящимъ упомянутаго брата и въ какомъ выходящимъ. Послѣ этого инокъ былъ спрошенъ и передалъ слѣдующее: «я человекъ грѣшныи и всѣ дни жизни моей, даже доселѣ, провелъ въ скверныхъ дѣяніяхъ. Но, вошедши нынѣ въ церковь, я услышалъ чтеніе изъ книги пророка Исаи: «омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды. Тогда если будутъ грѣхи ваши, какъ багряное, какъ снѣгъ убѣло. И если послушаетесь, то будете вкушать блага земли» (1, 16—19). Выслушавъ это, я умилился душою и сказалъ Богу въ мысляхъ моихъ: «Ты единъ еси Боже, пришедый на землю грѣшныя спасти! Якоже прежде пророкомъ глаголя, се нынѣ дѣломъ скончаи о мнѣ грѣшнѣмъ и недостойнѣмъ. Се бо отселѣ даю Ти слово, обѣщаяся усты и сердцемъ исповѣдаяся, яко не имамъ ктому того сотворити зла, но отметаюся всякаго беззаконія, и поработаю Ти съ чистою совѣстію. Днѣсь убо, Владыко, приими мя кающагося и отгребаящагося отъ всякаго зла». И съ сими мыслями, закончилъ рѣчь свою инокъ, я вышелъ изъ церкви, осудивъ душу мою и давъ обѣщаніе предъ Богомъ впредь не грѣшить». Всѣ прославили Бога.

Такъ, братіе, скоропоспѣшенъ Господь на милость къ истинно кающимся! Прославимъ Его неизреченное милосер-

діе и не преинемъ воспользоваться имъ. Поспѣшимъ къ благодатному источнику и омоемъ нечистоту душъ нашихъ. Ибо, когда сильно загрязнится тѣло, должно непременно скорѣе омыть его, чтобы нечистота не произвела болѣзни. Но несравненно болѣе мы должны заботиться объ очищеніи души отъ нечистоты грѣховной, чтобы грѣхи не возобладали надъ нами, не обратились въ смертоносную болѣзнь и не лишили душу благодатной жизни. Воспринемъ же отъ сва грѣховнаго и отверземъ Христу сердца наши. По своему неизреченному милосердію, Онъ несомнѣнно придетъ и очиститъ насъ и обитель въ насъ сотворитъ, и тогда возрадуемся радостію великою, и радости сей никтоже возьметъ отъ насъ. Аминь.

Свящ. В. Гурьевъ.

ДОНЕСЕНІЕ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Комитетъ о вспомогательныхъ окладахъ бѣднымъ причтамъ представилъ мнѣ по Московскому уѣзду вѣдомости: 1) о церквахъ, требующихъ вспомогательныхъ окладовъ, 2) о назначенныхъ къ припискѣ и 3) объ оставляемыхъ безъ приписки и окладовъ.

По разсмотрѣніи дѣла, полагаю слѣдующее:

1) Съ положеніемъ комитета о испрошеніи вспомогательнаго оклада шести церквамъ Московскаго уѣзда соглашаюсь.

2) Съ положеніемъ о припискѣ 19 церквей въ одномъ уѣздѣ согласиться не могу: вопервыхъ потому, что по сей пропорціи надлежало бы ожидать приписки около 200 церквей въ епархіи; а сіе произвело бы очень печальное впечатлѣніе во многихъ людяхъ благотворящихъ и благодѣющихъ св. Божіимъ церквамъ; во вторыхъ потому, что какъ подмосковный народъ въ воскресные дни часто, едва отслушавъ утреню, спѣшитъ въ Москву на утренній торгъ, то уклоненіе его отъ богослуженія въ праздники сдѣлалось бы еще чаще и вреднѣе, когда бы, за отнятіемъ причтовъ отъ многихъ церквей, надлежало ходить къ богослуженію далеко; въ третьихъ потому, что близость большихъ раскольническихъ гнѣздъ, Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ, и оттуда простираемыя усилія и ухищренія къ совращенію православныхъ дѣлаютъ очень нужнымъ, чтобъ и въ малыхъ селеніяхъ близко были пастыри, стрегущіе словесное стадо отъ расхищенія волками.

3) Поступить же съ семи церквами полагаю, какъ о каждой означено мною на вѣдомости.

4) Съ церквами, кои отъ благочинныхъ показаны бѣдными, а комитетомъ оставляются безъ приписки и вспомогательныхъ окладовъ, поступить впредь до усмотрѣнія по мнѣнію комитета, съ нѣкоторыми отмѣнами, означенными мною на вѣдомости.

О чемъ св. Синоду донося, прилагаю вышепомянутыя вѣдомости и испрашиваю въ разрѣшеніе указа.

Марта 28-го 1832.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1845, янв. 17. «Рождественскому, что у рѣчки Захаровки, священнику Николаю Крылову поручается учинить слѣдующее: 1) прибыть на мѣсто (*въ село Милино*) и допросить священника Петрова, почему не вѣнчалъ и допросъ представить ко мнѣ. 2) Въ то же время обязать священника Петрова подпискою, чтобы бракъ сей, если кромѣ прописаннаго нѣтъ препятствія, совершилъ безъ остановки и безъ требованія дохода прежде вѣнчанія, и наобласти, чтобы сіе было исполнено. 3) Если же священникъ Петровъ дѣлать будетъ незаконную остановку, то священникъ Крыловъ имѣетъ самъ совершить сей бракъ. 4) О послѣдующемъ донести мнѣ съ приложеніемъ сего».

Янв. 25. «Что невѣста въ метрическія книги не записана, сіе не лишаетъ ее права вступить въ бракъ. Надежало справиться по исповѣднымъ книгамъ, и если онѣ свидѣтельствуя о совершеннолѣтіи, обвиняютъ бракъ, какъ предписано. Консисторіи допросить священника (*Крылова*) обстоятельно, почему онъ не сдѣлать справку (*мѣстный священникъ не допустилъ справиться по исповѣднымъ росписямъ, и выннать не допустилъ его въ своей церкви*), и не исполнилъ даннаго предписанія, и представить допросъ, и его».

Янв. 29. «Допросъ Милинскаго священника обнаруживаетъ признаки притѣсненія. Дважды отказываетъ онъ въ бракъ потому, между прочимъ, что не справлялся о лѣтахъ: но зачѣмъ не справлялся? Въ третій разъ отказываетъ потому, что не было публикацій; но если были другія препятствія, то зачѣмъ говорить о публикаціяхъ? А если дѣло только за публикаціями, то зачѣмъ онѣ не сдѣланы?—Настоящее же показаніе Захаровскаго священника обнаруживаетъ въ Милинскомъ и неповиновеніе распоряженіямъ начальства. Посему учинить слѣдующее: 1) Милинскаго священника вызвавъ допросить (*въ консисторіи*) и съ допросомъ представить. 2) До исполненія сего запретить ему священнослуженіе и церковь и приходъ поручить Захаровскому. 3) Сему послѣднему собрать надлежація свѣдѣнія о бракѣ, и если невѣста не записана въ метрическихъ книгахъ, справиться о лѣтахъ ея по исповѣднымъ,

и если препятствія не окажется, бракъ совершить незамедлительно. 4) О семъ дать указъ не медля».

Фев. 10. «Въ допросахъ священника (*Милинскаго*) видны разнорѣчія, несвойственныя прамодушному показанію. Во второмъ допросѣ говорить онъ, что родственники (*жениха*) 6-го генваря были въ нетрезвомъ видѣ; но сего въ первомъ допросѣ не показывалъ. Во второмъ допросѣ говорить, что 6 генваря не приказалъ готовиться къ браку потому, что не справлялся о лѣтахъ жениха и невѣсты; а въ первомъ, что рѣшительно отказалъ за небытіе жениха у св. причастія и за незнаніе молитвъ, тогда какъ совѣмъ не видно, почему узналъ священникъ о незнаніи женихомъ молитвъ при первыхъ рѣчахъ о предполагаемомъ бракъ. Во второмъ допросѣ говорить, что 6 генваря не объяснили о невѣстѣ, кто она, а въ первомъ говорить только, что не справлялся о ея лѣтахъ, что предполагаетъ извѣстность лица, о лѣтахъ котораго нужно справиться. Въ первомъ допросѣ говорить, что 7 генваря отказалъ въ вѣнчаніи потому же, а во второмъ допросѣ представлена особая причина, что въ сіе время въ первый разъ получилъ свѣдѣніе о невѣстѣ, и не справлялся еще о ея лѣтахъ. И причина сія неоправдательна, потому что по сей причинѣ не слѣдовало отказывать, а надлежало справиться о лѣтахъ, или назначить для сего время. Посему учинить слѣдующее: 1) *Милинскаго* священника въ беспорядочныхъ при остановленіи сего брака поступкахъ признать виновнымъ, а по разнорѣчіямъ, и по обстоятельствамъ въ его допросахъ обнаруженнымъ, признать подозрительнымъ въ томъ, что дѣйствовалъ по предосудительнымъ намѣреніямъ. Посему подвергнуть его на годъ особому надзору благочиннаго въ томъ отношеніи, не дѣлаеть ли онъ притѣсеній прихожанамъ. 2) Засимъ разрѣшить ему священнослуженіе, и отпустить къ церкви и къ должности. 3) Извѣты его во второмъ допросѣ на Рождественскаго священника, по соображенію съ другими частями допроса незаслуживающіе довѣрія и къ усненію неудобные, оставить безъ вниманія. — Къ подтвержденію сего рѣшенія сейчасъ получаю донесеніе Рождественскаго священника, что невѣста *Титова* въ метрической книгѣ записана рожденною 1822 года ноября 2 дня подъ № 39. Слѣдственно Рождественскій священникъ, объяснившій дѣло справкою, заслуживаетъ довѣріе въ показаніи, что прежде до справки не доуцнентъ; а *Милинскій* священникъ обличается вновь въ несправедливомъ показаніи о незапискѣ невѣсты въ метрической книгѣ».

Вознесенской, за Серпуховскими воротами, церкви староста поч. гражд. Н. Т. Ремизовъ въ прошеніи своемъ написалъ, что неизвѣстная особа вручила ему (1 окт.) 8000 р. для заведенія при оной церкви дома призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Вслѣдствіе сего онъ испрашивалъ архипастырскаго благословенія на то, чтобы въ верхнемъ этажѣ каменнаго флигеля, построеннаго имъ на церковной землѣ, дать жилище 10-ти вдовамъ и сиротамъ, назначивъ въ пользу ихъ проценты съ означеннаго капитала, который впе-сень будетъ въ сохр. казну на вѣчное обращеніе. Еще просилъ утвердить слѣдующія положенія касательно предполагаемаго заведенія: 1) Преимущественное право на помѣщеніе въ ономъ имѣютъ вдовы и сироты священноцерковнослужителей, подвизавшихся и благочестно скончавшихся при сей церкви. 2) Помѣщать, а равно, въ случаѣ неблагоповеденія помѣщенныхъ, высылать ихъ изъ дома призрѣнія предоставляется навсегда приходскому священнику и церковному старостѣ. 3) О лицахъ, поступившихъ въ это заведеніе, о назначенномъ имъ пособіи, а, въ случаѣ надобности; и о вакансіяхъ въ ономъ, даетъ священникъ знать Моск. Попечительству о бѣдныхъ дух. званія. Попечительство опредѣляетъ вдовъ и сиротъ на праздна мѣста не безъ согласія приходскаго священника и старосты. 4) Проценты на 8000 р., дапныхъ въ полное распоряженіе священника и старосты церковнаго, употребляютъ на призрѣваемыхъ они по своему благоусмотрѣнію.

Резолюція отъ 17 окт. 1840 г.: «Богъ благословитъ начинаніе богоугодное и человѣколюбивое, и участвующихъ въ немъ».

Сообщ. Архим. Гургорій.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВ. АП. И ЕВАНГЕЛИСТА ЮАННА БОГОСЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

Г Л А В А III.

Сыны Божіи и дѣти діавола (1—10). Братская любовь къ ближнему и ненависть (11—18). Успокоеніе сердца въ Богѣ (19—22). Вѣра и любовь (23—24).

1. Видите, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемся и будемъ. Сего ради міръ не знаетъ насъ, зане не позна ея.

1. Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божіими. Міръ потому не знаетъ насъ, что не позналъ Его.

Сказавъ, что всякій творящій правду христіанинъ рожденъ отъ Бога (2, 29), Апостоль раскрываетъ нѣсколько эту высокую и возделѣнную для христіанина мысль, обращая на нее особенное вниманіе своихъ возлюбленныхъ чадъ, съ удивленіемъ и благоговѣніемъ говоря о высотѣ любви Отчей въ этомъ дѣлѣ.—Смотрите: съизумленіемъ и благодарностію погружайтесь въ духовное созерцаніе того, каковую, какъ и сколь великую, непостижимую и необъяснимую, невыразимую и во внутренней глубинѣ сокровенную, но Господомъ Христомъ открытую во всей внутренней силѣ, любовь далъ намъ Отецъ небесный, или благодѣяніе, проистекающее изъ любви, безъ всякой со стороны человѣка заслуги, туне, по благодати.— Намъ: вѣрующимъ во Христа; мы отреклись отъ міра ради Христа и вѣры въ Него, и вотъ взамѣнъ сего какое великое благодѣяніе, какъ даръ любви Отчей, мы имѣемъ

теперь! — Называться и быть дѣтьми Божиими: не по естеству, но по благодати усыновленія, слѣдовательно дѣтьми въ особенномъ, исключительномъ смыслѣ внутренней нравственной близости къ Богу. Выраженіе заимствовано изъ отношеній у людей отца къ сыну сравнительно съ отношеніями его къ рабамъ и наемникамъ (Іоан. 1, 12). До принятія вѣры во Христа люди бываютъ чадами гнѣва и врагами Бога; по вѣрѣ во Христа они дѣлаются не только рабами Бога въ высокомъ нравственномъ смыслѣ, но друзьями (Іоан. 15, 14), но дѣтьми Божиими, и могутъ не только называться, или именоваться, но дѣйствительно и истинно быть сынами и друзьями Божиими. Это измѣненіе или премѣненіе изъ сыновъ гнѣва и враговъ Божіихъ въ сыновъ благодати и друзей Божіихъ производится вѣрою человѣка въ искупленіе его Христомъ и примиреніе его крестною смертію и кровію Его съ Богомъ, чѣмъ и совершается это усыновленіе вѣрующихъ Богу.—Міръ (ср. 2, 15 и прим.), всѣ враждебные Богу и добру люди, потому не знаетъ насъ (ср. Іоан. 14, 17 и прим.) и за то ненавидитъ и преслѣдуетъ насъ (Іоан. 15, 19), что не позналъ Его, и вотъ основаніе и причина его слѣпоты и въ отношеніи къ намъ и въ отношеніи къ Богу. Это, какъбы приложеніе къ главной и основной мысли, присо-вокупилъ Апостолъ въ разрѣшеніе недоумѣній и къ утѣшенію и подкрѣпленію вѣрующихъ среди скорбей ихъ и испытаній. Связь рѣчи такая: мы чада Божіи и имѣемъ, какъ таковыя, всѣ права и преимущества вѣчной блаженной жизни. Міръ этого не знаетъ и не понимаетъ, потому что онъ не знаетъ Бога, ненавидитъ и насъ и Бога; не знаетъ великихъ даровъ благодати, которыми обогащены и украшены вѣрующіе; не знаетъ и не понимаетъ, что достоинство сыновъ Божіихъ состоитъ во внутреннихъ, духовныхъ совершенствахъ, свойственныхъ возрожденнымъ, а не во внѣшнихъ. Онъ судитъ по тому, кто силенъ богатъ, знатенъ, славенъ,—тѣхъ величаетъ и превозноситъ; чада же Божіи смиренны, кротки, богатствъ міра не имѣютъ, славы міра не ищутъ; потому ихъ міръ и не знаетъ, и не понимаетъ, и уничижаетъ. «Вы знаете, что Онъ (Христосъ) далъ

вамъ право быть и почитаться дѣтьми Божиими. Если же принадлежащіе міру не знаютъ сего, т.-е. того, что вы дѣти Божіи, сему не удивляйтесь; ибо они не знаютъ васъ потому, что не познали и Того, Кто усыновилъ васъ» (Еофил.). Еслибы міръ зналъ Бога, то зналъ бы и чтить и дѣтей Божіихъ; но какъ онъ не знаетъ и не чтитъ Бога, то не знаетъ и не почитаетъ поистинѣ и дѣтей Его.

2. Возлюбленни, нынѣ чада Божія есмь, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ его, якоже есть.

2. Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть.

Дальнѣйшее разъясненіе того, почему міръ не знаетъ сыновъ Божіихъ, разъясненіе предваряемое указаніемъ на любовь къ нимъ Бога въ смыслѣ тѣснѣйшаго общенія Его съ ними (возлюбленные). — Мы теперь дѣти Божіи: или точнѣе—мы уже и теперь, съ того времени, какъ увѣровали во Христа, доселѣ и на будущее время будемъ (если конечно не отпадемъ), дѣти Божіи. Пусть міръ не знаетъ насъ, пусть не признаетъ насъ таковыми, пусть отрицаетъ наше сыновство Богу: тѣмъ не менѣе мы дѣйствительно и несомнѣнно чада Божіи и въ этомъ качествѣ имѣемъ право (область) на вѣчное блаженство и таковымъ и теперь обладаемъ. Но какъ высоко это блаженство сыновства Богу, мы теперь еще и представить себѣ не можемъ, такъ какъ еще не открылось теперь, что такое мы будемъ на небесахъ при второмъ пришествіи Христовомъ. Для міра совсѣмъ сокрыто, что мы такое, онъ сего не разумѣетъ; но и отъ самихъ вѣрующихъ еще многое сокрыто и еще не открылось, что такое мы будемъ, и если нѣсколько и гадаемъ о томъ, то очень темно. Слово Божіе, правда, говоритъ, но въ общихъ чертахъ, что вѣрующіе ожидаютъ себѣ радости неизглаголанной (1 Петр. 1, 8), наслѣдства нетлѣннаго (ст. 4), вѣнца правды (2 Тим, 4, 8), царства небеснаго и пр. т. п.; но въ чемъ состоитъ по существу эта радость, это наслѣд-

ство, вѣнецъ и пр., каковы ихъ степени и под., въ Писаніи ясно не говорится, и въ этой жизни мы понять и выразумѣть того не можемъ.—Знаемъ только: относительно этой будущей нашей славы, которая откроется въ насъ, знаемъ—частію изъ божественнаго откровенія вообще, частію изъ обѣтованій самого Господа Іисуса, частію изъ помазанія отъ Святаго (2, 20—27), что когда откроется то, что въ насъ сокровенно теперь, но вполне еще не обнаруживается, эти духовныя свойства и качества сыновъ Божіихъ, состоящія въ любви къ Богу и единеніи съ Нимъ сокровенномъ, въ смиреніи, въ терпѣніи, самоотверженіи, въ преданности Богу и пр.,—знаемъ, что когда это, сокровенное теперь, откроется тогда, въ пришествіе Христово, въ откровеніи Главы и начальника нашей жизни и совершителя Іисуса (Евр. 12, 2), мы будемъ подобны Ему,—нашему Отцу небесному, насколько можетъ тварь подобиться Творцу при ея несовершенствѣ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа. Это уподобленіе будетъ состоять въ святости (Матѣ. 5, 48 и прим). Увидимъ Его, какъ Онъ есть: увидимъ Трїедиаго Бога, въ особенности Господа Іисуса по Его богочеловѣческой природѣ, такъ какъ въ Немъ обитаетъ всякая полнота Божества тѣлесно (Кол. 2, 9).—Увидимъ, какъ Онъ есть: по Его существу, насколько можно видѣть то человѣку въ его несовершенствѣ; слѣдовательно увидимъ не въ притчахъ, подобійхъ и образахъ,—тогда покровъ смертности и несовершенства снимется съ очей нашихъ. Теперь мы, какъ говоритъ ап. Павелъ (1 Кор. 13, 12), видимъ Бога какъбы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же увидимъ лицомъ къ лицу. Лице Моисея просвѣтилось, когда онъ увидѣлъ славу Божію и бесѣдовалъ съ Богомъ лицомъ къ лицу (Исх. 34, 29 и дал.); такъ, когда вѣрующіе узрятъ Бога лицомъ къ лицу, т.-е. совершеннѣйшимъ образомъ, то и сами прославятся или просвѣтятся како солнце (Матѣ. 13, 43). «Апостоль какъбы такъ говоритъ: изъ предыдущаго вы безъ сомнѣнія узнали, что мы приняты Богомъ въ дѣти. Хотя это еще не открылось, однако не смущайтесь. Ибо неизвѣстное нынѣ сдѣ-

лается яснымъ, когда Онъ откроется. И мы, оказавшись подобными Ему, наглядно представимъ свое сыноположеніе: ибо дѣти конечно подобны Отцу. Имѣя же дерзновение предъ Нимъ какъ дѣти, мы увидимъ Его, какъ Онъ есть, впрочемъ не по естеству, ибо это невозможно для сотвореннаго существа, а такъ, что чистые увидятъ Чистаго, праведные Праведнаго, ибо подобные приступятъ къ Подобному. Потому-то предъ этимъ только и сказалъ я, что мы будемъ подобны Ему, но не одинаковой природы съ Нимъ, ибо тогда сказалъ бы я не—подобны, а такіе же точно; а какъ этого не будетъ, то я и сказалъ — подобны, т.-е. по качеству славы» (Θεοφил.). Отъ видѣнія или созерцанія Бога Апостоль производитъ славу чадъ Божіихъ, и безъ сомнѣнія степенію этого видѣнія опредѣляется степень совершенства созерцающаго. На такую степень видѣнія или созерцанія указываетъ ап. Павелъ (1 Кор. 15, 40—42). Чѣмъ совершеннѣе кто познаетъ Бога, тѣмъ болѣе просвѣтляется существо познающаго. Это замѣчается и въ настоящей жизни: у кого свѣтлая вѣра, у того совершеннѣе душа, свѣтлѣе и чище вся жизнь; по мѣрѣ видѣнія и вѣдѣнія и по мѣрѣ вѣдѣнія видѣнія, но есть степени вѣдѣнія и видѣнія. Ина слава солнцу и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, тако и воскресеніе мертвыхъ въ пришествіи и откровеніи Господнемъ.

3. *И всякъ имѣяй надежду сію на нѣ, очищаетъ себе, якоже онъ чистъ есть.*

4. *Всякъ творяій грѣхъ, и беззаконіе творить: и грѣхъ есть беззаконіе.*

3. И всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ себя, такъ какъ Онъ чистъ.

4. Всякій, дѣлающій грѣхъ, дѣлаетъ и беззаконіе, и грѣхъ есть беззаконіе.

Имѣющій сію надежду: надежду на то, что мы подобны Ему будемъ и достигнемъ такой чрезвычайной славы, что увидимъ Его, какъ Онъ есть. Имѣющій такую надежду на Него, т.-е. на Бога, такъ какъ въ Немъ эта надежда имѣетъ свое основаніе, очищаетъ себя: болѣе и болѣе душу свою очищаетъ отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, по немощи

естества человѣческаго содѣянныхъ, омытыхъ въ купели возрожденія, но приражающихся къ чистой душѣ волею или неволею. Человѣкъ, имѣющій такую надежду на Бога, старается жить непорочно, и свято, и праведно, въ чистотѣ совѣсти, и въ правдѣ, и въ преподобіи истины, насколько только можетъ жить такъ человѣкъ въ грѣховной плоти своей. Такъ какъ, или точнѣе — подобно тому, какъ Онъ чистъ: т.-е. Христосъ чистъ отъ всякаго грѣха и непричастенъ никакой нечистотѣ грѣховной. Только чистые сердцемъ могутъ видѣть Бога и принимать озареніе отъ свѣта лица Божія (ср. Матѣ. 5, 8 и прим.), и потому отъ всякаго требуется очищеніе себя. Выше Апостоль (1, 7) учитъ, что очищаетъ человѣка кровь Христова; здѣсь говорить, что очищаетъ человѣкъ себя; разногласія въ этомъ нѣтъ: человѣкъ очищаетъ, или старается очищать себя силою и дѣйствіемъ искупительныхъ заслугъ Христовыхъ, или, что тоже, кровію Христа пролитою на Голгоѣѣ за весь родъ человѣческій, каковая кровь или искупительная сила страданій Христовыхъ усваивается человѣкомъ вѣрою въ нее, дѣйствіемъ благодати Всевятаго Духа (ср. 2 Кор. 7, 1. Еф. 4, 22. Кол. 3, 9. 1 Петр. 1, 22 и прим.).—И всякій дѣлающій грѣхъ и пр.: связь рѣчи такая: имѣющій надежду, о которой говоритъ Апостоль, очищаетъ себя, т.-е. отъ грѣха вообще или грѣховъ; кто же напротивъ, хотя и думаетъ, что имѣетъ такую надежду, но не заботится очищать себя постоянно отъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ, а дѣлаетъ въ сердцѣ своемъ и въ помыслахъ и пожеланіяхъ грѣхъ или грѣхи, тотъ въ тоже время и чрезъ то самое, знаетъ ли онъ или не знаетъ законъ Божій, думаетъ или не думаетъ о немъ, дѣлаетъ и беззаконіе, преступаетъ законъ или дѣлается преступникомъ закона; и это не можетъ быть иначе, ибо грѣхъ, каждый фактъ грѣха, каковъ бы онъ ни былъ и могъ быть, есть самъ-по-себѣ беззаконіе, незаконное дѣйствіе, нарушеніе закона и воли Божіей, выраженной въ законѣ, влекущее за собою гнѣвъ и наказаніе Божіе. Выраженіе: дѣлающій грѣхъ, противопологается выраженію: не имѣетъ

грѣха (1, 8 и прим.). «(Апостоль) какъбы такъ говорить: вы, усыновленные, дѣлайте правду и не показывайте себя праздными отъ нея. Ибо какъ въ отношеніи грѣха не тотъ грѣшникъ или беззаконникъ, кто совершилъ или совершитъ грѣхъ, но тотъ, кто держится зла и дѣлаетъ зло; такъ и праведенъ не тотъ, кто не дѣйствуетъ, но тотъ, кто дѣлаетъ правду... Нужно также знать, что грѣхомъ называется отпаденіе отъ добра, а беззаконіемъ нарушеніе положительнаго закона. Тотъ и другое имѣютъ началомъ — одинъ отпаденіе отъ добра, а другое—преступленіе положительнаго закона, но въ сущности оба же сходятся: грѣшникъ уклонился отъ цѣли, назначенной по природѣ и въ природѣ (ибо цѣль человеческой природы—жить по разуму, далеко устранивъ неразуміе); точно также и беззаконникъ, неудержимо стремясь къ злу, преступаетъ законъ вложенный въ природу» (Θеофил.). Повидимому свое слово Апостоль направляетъ противъ лжеученія еретиковъ (2, 26), которые распространяли превратныя правила къ ослабленію въ вѣрующихъ нравственнаго закона и христіанскихъ обязанностей и учили, повидимому, что для усвоенія искупленія достаточно вѣры безъ добрыхъ дѣлъ (подобное Іак. 2, 14 и д., ср. прим.). Апостоль и внушаетъ вѣрующимъ: вы должны очищать себя отъ грѣха, бояться грѣха, такъ какъ грѣхъ есть преступленіе закона Божія и Христова. Кто не исполняетъ закона, не дѣлаетъ того, что повелѣваетъ ученіе Христово, или же кто дѣлаетъ то, что воспрещаетъ оно дѣлать, тотъ преступникъ закона, подлежитъ осужденію какъ грѣшникъ и не можетъ удостоиться видѣнія Его, обѣщаннаго рожденнымъ отъ Него чадамъ Божіимъ. Дѣлающій грѣхъ, не только сознательно и упорно творящій грѣхъ, но и не удаляющійся отъ грѣха есть преступникъ закона и воли Божіей, и грѣхъ ему вмѣняется какъ беззаконіе,—тѣмъ болѣе такой грѣхъ, который порабощаетъ себѣ и волю и мысли и чувства человѣка, какъбы лишая его духовной жизни и о какомъ говорить Господь, что дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха (Іоан. 8, 34).

5. *И въстѣ, яко онъ явися, да грѣхъ наша возметъ: и грѣхъ въ немъ нѣсть.*

6. *Всякій, иже въ немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ: всякъ согрѣшай, не видѣ его, ни позна его.*

5. И вы знаете, что Онъ явился для того, чтобы взять грѣхъ наши, и что въ Немъ нѣтъ грѣха.

6. Всякій, пребывающій въ Немъ, не согрѣшаетъ; всякій согрѣшающій не видѣлъ Его и не позналъ Его.

И вы знаете: изъ ученія самого Спасителя нашего Иисуса Христа, изъ апостольскаго благовѣствованія, изъ самыхъ начатковъ христіанскаго оглашенія.—Онъ, т.-е. Сынъ Божій Господь Иисусъ Христосъ, явился на землѣ, въ человѣческомъ естествѣ, въ послѣдокъ дней, чтобы взять грѣхъ наши: на Себя самого, принести предъ судомъ правды Божіей умиловительную жертву за грѣхъ не только вѣрующихъ въ Него и избранныхъ, но за грѣхъ всего міра (1, 2 и прим.), чтобы уничтожить своею смертію виновность всѣхъ людей за грѣхъ и тѣмъ избавить ихъ отъ вѣчнаго осужденія и смерти, простивъ имъ грѣхъ (1 Петр. 2, 24 и прим.). Выраженіе—взять имѣеть значеніе прежде всего принять на себя, какъ напимѣръ ношу или бремя поднять и понести и затѣмъ эту ношу, въ приложеніи ко Христу и совершенному Имъ дѣлу искупленія, вознести на крестъ, снявъ это бремя съ человѣчества и пригвоздивъ ее тѣломъ (Христовымъ) на крестѣ (Кол. 2, 14); и далѣе—изгладить, уничтожить грѣхъ, какъ изглаждается и уничтожается написанное на грамотѣ (тамъ же), такъ что для человѣка, искупленнаго Христомъ, грѣхъ сталъ какъ ничто, не существуетъ для него, снятый съ него Искупителемъ.—Господь Иисусъ, и только Онъ одинъ могъ совершить это дѣло, такъ какъ въ Немъ нѣтъ грѣха. Онъ только одинъ, всясвятыи и совершенный, могъ своимъ искупительнымъ дѣйствіемъ даровать всѣмъ спасеніе, ибо своихъ собственныхъ грѣховъ человѣкъ никакъ не могъ изгладить, какъ самъ грѣшныи, и только Безгрѣшныи могъ сдѣлать это (1 Петр. 2, 21 и д. и прим.). — Всякій пребывающій и пр.: связь рѣчи такая: если Христосъ для того и пришелъ въ міръ, чтобы взять грѣхъ людей и самъ Онъ безгрѣшенъ, то и вѣрующій, пребывающій въ Немъ (2, 27—28),

имѣющій внутреннее живое общеніе съ Нимъ, какъ вѣтвь, пребывающая на виноградной лозѣ, имѣетъ живое общеніе съ нею (Іоан. 15, 1—5 и прим.), не согрѣшаетъ. Этимъ выраженіемъ Апостоль указываетъ ту мысль, что пребываніе вѣрующаго во внутреннемъ общеніи со Христомъ и склонность ко грѣху суть несоединимыя противоположности и противорѣчіе. Не та мысль у Апостола, что вѣрующій христіанинъ никогда не грѣшитъ, или что согрѣшающій христіанинъ болѣе не стоитъ въ общеніи со Христомъ; самъ же Апостоль въ этомъ самомъ посланіи нѣсколько выше (1, 8—10; 2, 1—2; 3, 3) учитъ, что человѣкъ вѣрующій согрѣшаетъ и не можетъ не согрѣшать, что онъ долженъ исповѣдовать Господу грѣхи свои и можетъ получить въ нихъ прощеніе; слѣдовательно не о безгрѣшности пребывающаго во Христвѣ вѣрующаго здѣсь рѣчь. Рѣчь у Апостола о грѣхѣ, во всемъ этомъ отдѣленіи, въ усиленномъ значеніи, въ томъ значеніи, о которомъ далѣе говорится Апостоломъ, какъ о грѣхѣ къ смерти (5, 16—17). Всякій грѣхъ есть беззаконіе, но не всякій грѣхъ угрожаетъ лишеніемъ спасенія. Есть грѣхи немощи, неизбѣжныя у человѣка, пока онъ въ тѣлѣ семъ, которые есть въ человѣкѣ при всемъ его желаніи не грѣшитъ; не о тѣхъ сказалъ слово Апостоль—не согрѣшаетъ, но о грѣхѣ преобладающемъ или о грѣховности поработавшей, и о такомъ согрѣшающемъ человѣкѣ говорить, что онъ не видѣлъ Христа и не позналъ Его. Пребывающій во Христвѣ не согрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что не отдаетъ себя въ рабство грѣху, но всѣми силами старается удалиться отъ грѣха, борется съ нимъ, преодолагаетъ его; хотя и падаетъ, слѣшннть исповѣдать свой грѣхъ (1, 10), а не служить ему какъ идолу,—всякій пребывающій во Христвѣ не согрѣшаетъ, но кто говорить, что не имѣетъ грѣха, обманываетъ самого себя. Христіанинъ,—чадо Божіе, въ жизни своей на землѣ носить внутри себя противорѣчіе: съ одной стороны онъ грѣшникъ и непрестанно и неудержимо грѣшитъ (Рим. 7, 15—24), но съ другой стороны, онъ дѣйствительно свободенъ отъ грѣха (Рим. 6, 18); свободенъ до такой сте-

пени, что даже не может грѣшить (ст. 9, см. примѣч.); онъ въ дѣйствительности со грѣхомъ покончилъ, грѣхъ сталъ ему совсѣмъ чуждымъ, но въ проявленіи еще живетъ въ немъ и будетъ жить до смерти его временной (см. Рим. гл. 7). Кто рожденъ отъ Бога во Христѣ, тотъ новая тварь, въ немъ древнее все прошло и стало все новое (2 Кор. 5, 17), но грѣхъ живетъ въ немъ (Рим. 7, 17), хотя рожденный отъ Бога и не можетъ грѣшить.—Итакъ, пребывающій во Христѣ не грѣшитъ, но всякій согрѣшающій не видѣлъ Его и не позналъ Его: не видѣлъ Его очами вѣры и духа; не позналъ его очами просвѣтленнаго ума; омраченный грѣхомъ не видитъ Его, ибо только чистые видятъ Его, и не позналъ Его, свѣта разума нѣтъ въ познаніи Его. «Грѣхъ (говоритъ Апостоль) неумѣстенъ въ васъ, ибо Христосъ явился для разрушенія грѣха и какъ самъ былъ непричастенъ грѣху, такъ и вамъ, соединившимся съ Нимъ и утвержденнымъ вѣрою въ Него, не остается уже мѣста грѣшить. Это и означаютъ слова: всякій пребывающій въ Немъ не согрѣшаетъ... Сказавъ (затѣмъ), что Сынъ Божій явился и что Онъ явился для того, чтобы, не сотворивши своего грѣха, взять, т.-е. уничтожить нашъ грѣхъ, прибавляетъ: всякій согрѣшающій не видѣлъ Его. Если вы, говорить, когда Онъ явился, увидѣли Его и вслѣдствіе видѣнія Его получили силу не уступать грѣху, какъ совершенно утвердившіеся въ Немъ: то очевидно, что тѣ, которые грѣшатъ, не видѣли Его и потому не познали Его. Подъ видѣніемъ Его разумѣть не видѣніе простымъ прикосновеніемъ глаза или легкимъ воспроизведеніемъ въ своемъ воображеніи чего-либо извѣстнаго, но желаніе сколько-нибудь обсудить и разузнать дѣло и присоединиться къ Нему» (Θεοφил.).

7. Чадца, никтоже да лститъ васъ: творяи правду, праведникъ есть, якоже онъ праведенъ есть.

7. Дѣти! да не обольщаетъ васъ никто. Кто дѣлаетъ правду, тотъ праведникъ, подобно какъ Онъ праведенъ.

8. *Творяй грѣхъ, отъ діавола есть: яко исперва діаволъ согрѣшаетъ. Сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола*

9. *Всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя его въ немъ пребываетъ: и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть.*

8. Кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ. Для сего-то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола.

9. Всякій, рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха; потому что сѣмя Его пребываетъ въ немъ и онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога.

Дѣти (2, 1. 12. 28), да не обольщаетъ, или да не обманываетъ, васъ никто: я предвижу, что между вами появятся лживые учителя, которые, чтобы угодить вамъ, широко откроютъ вамъ узкую по существу дверь въ царство небесное, обольщая васъ мнимою свободою. Предостерегаю васъ и отечески усердно прошу, не обольщайтесь ихъ словами и не обманывайтесь ни ихъ, ни своею льстивою мыслію, если кто такую имѣетъ.—Кто дѣлаетъ правду (2, 29), тотъ праведенъ: не думайте, что можно спастись только потому одному, что вы вѣруете во Христа и считаете себя послѣдователями Его; нужно съ вѣрою соединять дѣла добродѣтели, дѣлать правду, исполнять законъ заповѣдей Христовыхъ; тогда только вѣрующій можетъ быть по милости Божіей праведенъ и уподобиться истинному праведнику Христу Иисусу, который исполнилъ всякую правду и оставилъ намъ совершеннѣйшій образецъ праведности. Дѣлать правду,—это особенность образа выраженія, по преимуществу свойственнаго Іоанну. У него подобные обороты рѣчи: дѣлать или творить истину (1, 6 Іоан. 3, 21), правду (2, 29. 3, 10), грѣхъ (3, 4. 8); изреченіе: творить волю Отца, есть и въ Евангеліи отъ Матѳея (7, 21; 12, 10; 21, 31). Въ выраженіи—дѣлать или творить правду—мысль или смыслъ такой: правдою Божіею называется все то, что Богъ по своей всеблагой волѣ требуетъ отъ насъ; творить такую правду Божію значитъ исполнять все то, чего Богъ праведный требуетъ отъ насъ, Его правдѣ соотвѣтствовать ея исполненіемъ; тогда правда Божія соотвѣтствуетъ правдѣ человѣческой и

человѣкъ дѣлается оправданнымъ предъ Богомъ, или онъ дѣлается праведенъ, какъ Онъ, Богъ или Христосъ, праведенъ, насколько человѣкъ по своей ограниченной природѣ можетъ быть таковымъ (2, 29 и прим.). — Творящій правду праведенъ, а напротивъ творящій или дѣлающій грѣхъ, совершенно подчинившійся грѣху, обладаемый грѣхомъ, рабъ грѣха, есть отъ діавола: дѣлающій правду рожденъ отъ Бога (2, 29), и есть чадо Божіе (3, 1), а дѣлающій грѣхъ отъ діавола и есть сынъ діавола (ст. 10). Рѣчь идетъ не о томъ человѣкѣ, который имѣетъ въ себѣ грѣхъ (1, 8), въ которомъ живетъ грѣхъ и дѣлаетъ злое (Рим. 7, 20), но человѣкъ его ненавидитъ, а о томъ человѣкѣ, который любитъ грѣхъ, дѣлаетъ его съ услажденіемъ и съ сочувствіемъ къ нему, — рѣчь о грѣшникѣ, предающемся грѣху постоянно и нераскаянно и остающемся или пребывающемъ во грѣхѣ; не о томъ, кто, согрѣшая и претыкаясь и нынѣ и завтра по немощи природы человѣческой, сознаетъ и ненавидитъ свои грѣхи, сокрушается о нихъ, старается изгладить ихъ чистымъ раскаяніемъ и исповѣданіемъ (1, 9) и болѣе и болѣе ревностнымъ исполненіемъ нарушаемыхъ грѣхомъ заповѣдей, а о томъ, дѣлающемъ грѣхъ человѣкѣ, который въ нераскаяніи такъ и остается постоянно во грѣхѣ. Кто дѣлаетъ такой грѣхъ, согрѣшающій такимъ грѣхомъ человѣкъ, — отъ діавола, стоитъ подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ діавола; въ общеніи съ нимъ, принимаетъ свойства и качества діавола, діаволь вносить въ него свое злое начало, какъбы порождаетъ его во зло, такъ что такой человѣкъ дѣлается сыномъ діавола въ совершенную противоположность рожденному отъ Бога и ставшему чадомъ Божіимъ (ср. Іоан. 8, 44 и прим.). — Потому что сначала, или точнѣе — изначала или отъ начала, діаволь согрѣшилъ, или точнѣе — согрѣшаетъ: сначала, или отъ начала, не міра, а отпаденія отъ Бога, когда онъ самъ, отпавъ отъ Бога, увлекъ и человѣка и съ тѣхъ поръ постоянно и непрерывно согрѣшаетъ, такъ что грѣхъ сталъ неизбѣжнымъ элементомъ его жизни. Зло изначала не есть собственно дѣло человѣка, онъ обольщенъ или искушенъ

зломъ; діаволь же напротивъ никогда не заимствуетъ зла, не искушается и не склоняется къ нему, а самъ износитъ его изъ себя самого, въ немъ самомъ начало всякаго зла и всякаго грѣха; онъ первоначало всякаго зла и грѣха и съ тѣхъ поръ постоянно носить въ себѣ зло и грѣхъ; таковъ смыслъ выраженія,—отъ начала діаволь согрѣшаетъ, согрѣшаетъ постоянно и непрерывно, это его необходимый элементъ жизни.—Для сего-то и явился во плоти и содѣлался чело-вѣкомъ Сынъ Божій Господь Иисусъ Христъ, чтобы разрушить дѣла діавола: Господь разрушилъ эти дѣла діавола своею жизнію, своимъ ученіемъ, дѣлами, страданіями и своею искупительною смертію, избавивъ чело-вѣчество отъ грѣха, проклятія и смерти. Подъ дѣлами діавола разумѣются именно грѣхи, какъ дѣйствія совершающіяся подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ діавола. Разрушеніе такихъ дѣлъ Христомъ, по дѣйствію искупительной смерти Его, совершается непрерывно въ Церкви Христовой и въ самихъ вѣрующихъ. Діавола какъ цѣпью плѣняетъ людей въ грѣхъ; Христъ разрушаетъ эту цѣпь, освобождаетъ изъ плѣна вѣрующихъ въ Него, разрушаетъ и все царство діавола, приводя вѣрующихъ въ Него въ царство небесное. Общій смыслъ (всего) изреченія такой: кто дѣлаетъ правду, тотъ позналъ Праведнаго и праведенъ, какъ и Онъ, т.-е. Богъ. Напротивъ кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ грѣшника, т.-е. отъ діавола, такъ какъ онъ грѣшитъ отъ начала. Посему Богъ, пекущійся о созданіи своемъ, самъ будучи правдою и святостію, открылся, т.-е. явился въ міръ, чтобы уничтожить дѣла діавола.—Такъ какъ діаволь постоянно обращается въ грѣхъ, то всякій кто грѣшитъ становится сторонникомъ діавола... Хорошо сказано—кто дѣлаетъ, а не кто сдѣлалъ, и въ томъ отношеніи, что пока-явшійся уже не отъ діавола, но отъ него только тотъ, кто совершаетъ грѣхъ. Такъ и рабъ грѣха есть тотъ, кто дѣлаетъ, а не тотъ, кто сдѣлалъ грѣхъ» (Θеофил.).—Всякій рожденный и пр.: выше Апостоль выразился, что всякій пребывающій въ Богѣ, т.-е. во внутреннемъ, живомъ общеніи духовномъ съ Нимъ, не согрѣшаетъ (ст. 6); ту же

мысль выражаетъ онъ и здѣсь, употребляя вмѣсто понятія—пребывающей понятіе—рожденный, что въ данномъ случаѣ почти одно и тоже. Выраженія—не согрѣшаетъ и не дѣлаетъ грѣха (ст. 6 и 9) означаютъ одно и тоже и въ одномъ и томъ же смыслѣ употребляются, въ смыслѣ не безгрѣшности возрожденнаго, а рѣшительнаго противодѣйствія грѣху и очищенія себя отъ грѣха при исповѣданіи (ст. 3; 1, 9). Въ возрожденномъ дѣла діавола, т.-е. грѣхи, разрушены Христомъ, и потому онъ не дѣлаетъ грѣха, а если грѣшитъ, то имѣетъ Ходатая о себѣ Христа (2, 1), котораго кровь очищаетъ его отъ всякаго грѣха (1, 7). Слѣдовательно по мысли Апостола родиться отъ Бога и грѣшить въ указанномъ смыслѣ—понятія противорѣчающія и другъ друга исключаютъ, какъ и добро и зло, какъ свѣтъ и тьма; если они и сопоставимы, то только въ фактъ несовершенства человѣка въ этой жизни—во плоти, а не въ идеѣ чистоты и святости возрожденнаго человѣка.—Въ основаніе, утвержденіе и разъясненіе этой мысли, что рожденный отъ Бога человѣкъ не творитъ грѣха, Апостоль указываетъ причину сему въ томъ, что сѣмя Его, то-есть Бога, отъ котораго онъ рожденъ, пребываетъ въ немъ, т.-е. въ человѣкѣ. Что это значитъ? Понятіе сѣмени употребляется главнымъ образомъ въ двоякомъ значеніи: въ значеніи сѣмени при рожденіи и сѣмени при произрастаніи. Соотвѣтственно сему въ двоякомъ смыслѣ объясняютъ это выраженіе и толкователи, какъ древніе, такъ и новые, уподобляя возрожденіе или человѣческому рожденію (какъ Іоан. 1, 13), или произрастанію сѣмени въ растеніи (какъ на примѣръ въ притчѣ о сѣятелѣ Матѳ. гл. 13). Дѣйствующее животворное начало возрожденія духовнаго, по первому толкованію, есть непосредственно лице Святаго Духа, который и совершаетъ таинственное возрожденіе или новое духовное рожденіе человѣка какъбы изліяніемъ въ душу вѣрующаго божественнаго сѣмени (ср. Дѣян. 2, 16—18. Іоил. 2, 28. 29). По второму, возражается человѣкъ дѣйствіемъ слова Божія (ср. 1 Петр. 1, 23) или проповѣдію евангельскаго благовѣствованія по вѣрѣ.

Первое толкованіе безъ сомнѣнія имѣеть преимущество предъ послѣднимъ. У Іоанна какъ въ Евангеліи, такъ и здѣсь постоянно возрожденіе уподобляется сѣмени при рожденіи (Іоан. 1, 13; 3, 3. 4. 6. 7. 1 Іоан. 2, 29; 3, 1), а не при произрастаніи. Впрочемъ, какъ другая сторона уподобленія для объясненія таинственнаго понятія возрожденія, можетъ быть приложено и подобіе произрастанія сѣмени. Послѣднее объясненіе принимаютъ изъ древнихъ Климентъ Александрійскій и Августинъ, первое между другими Златоустъ и Теофилактъ. Духовно возрожденный какъбы оплодотворенъ духовно божественнымъ сѣменемъ, изліяннымъ на него Духомъ Святымъ, и это божественное сѣмя пребываетъ въ немъ, постоянно внутренне присуще ему.—И онъ не можетъ грѣшнть: болѣе усиленное выраженіе, чѣмъ въ стихѣ 6-мъ; тамъ говорится—не согрѣшаетъ, здѣсь — и не можетъ грѣшнть; указывается рѣшнтельно несомвѣстность грѣха съ возрожденіемъ, совершенная противоположность новаго бытія отъ Бога грѣху или точнѣе склонности и стремленію къ нему. Кто дѣлаеть грѣхъ, тотъ отъ діавола, а рожденный отъ Бога не грѣшнть и не можетъ грѣшнть—именно потому, что рожденъ отъ Бога и пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Если же и имѣеть въ себѣ грѣхъ (1, 8), живущій въ немъ (Рим. 7), то кровію Христовою очищаетъ себя отъ таковаго грѣха (1, 7), и дѣлается непороченъ (1 Петр. 1, 4).

10. Сего ради явлена суть чада Божія и чада діавола, всякъ не творящій правды, нсть отъ Бога, и не любящій брата своего.

10. Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего.

Этотъ стихъ по конструкціи (составу) рѣчи раздѣляется на двѣ половины, и первую можно относить къ предшествующему, а послѣднюю къ послѣдующему, или же обѣ ихъ можно считать какъ одно цѣльное предложеніе. Отдѣляя первую половину отъ второй, можно, по составу рѣчи, ее толковать такъ: вотъ какъ распознаются чада Божіи отъ сыновъ діавола, т.-е. тѣми чертами, которыя выше изложилъ и объяснялъ Апостоль (ст. 1—9), такъ что эту первую половину

стиха можно считать сокращеніемъ или заключеніемъ сказаннаго въ стихахъ отъ 1-й до 9-го этой главы. Отдѣляя вторую половину отъ первой, можно считать ее какъ бы оглавленіемъ или сущностію того, о чемъ будетъ говорить Апостоль въ дальнѣйшихъ стихахъ той же главы, о любви къ ближнимъ (ст. 11 и дал.). Не отдѣляя одной половины отъ другой и считая ихъ за одно цѣльное предложеніе, можно ихъ толковать такъ, какъ толкуетъ нашъ русскій переводъ: сыны Божіи и дѣти діавола узнаются такъ, или слѣдующими чертами: не дѣлающій правды не отъ Бога, а слѣдовательно отъ діавола, а равно и не любящій брата своего—не отъ Бога, а отъ діавола.—Какъ ни толковать, мысль въ сущности одна и та же и препираться о словахъ нѣтъ нужды. Славянскій текстъ повидимому раздѣляетъ, русскій соединяетъ; смыслъ и русскаго перевода правильный. — Итакъ, какъ бы сокращая все сказанное о сынахъ Божіихъ и дѣтяхъ діавола въ ихъ существенномъ различіи по ихъ внутреннему расположенію или духу и по ихъ дѣламъ, Апостоль кратко выражаетъ это различіе такъ: всякій не дѣлающій правды, т.-е. не поступающій по волѣ и закону Божію (2, 29 и пар.), предающійся тяжкимъ грѣхамъ, дѣлающійся рабомъ грѣха, не есть отъ Бога, а отъ діавола. Точно также не отъ Бога и тотъ, кто не любитъ или ненавидитъ брата своего (2, 11). Слѣдовательно наоборотъ, кто творитъ правду, исполняетъ волю и заповѣди Божіи и, ненавидя грѣхъ, не предается грѣховнымъ влеченіямъ, а равно и тотъ, кто любитъ брата своего, тотъ рожденъ отъ Бога, чадо Божіе, чистое, святое. Такимъ образомъ дѣланіе правды или исполненіе закона и заповѣдей Божіихъ есть несомнѣнный признакъ сыновства Богу и любви къ Нему, которая есть первая и главная заповѣдь, а любовь къ брату или ближнему есть вторая заповѣдь, подобная первой и главной (ср. Матѳ. 22, 36—40). Вотъ главнѣйшій признакъ, отличающій сыновъ Божіихъ отъ дѣтей діавола: любовь къ Богу отъ всего сердца и ближняго своего какъ себя. О таковой любви къ ближнимъ и говоритъ далѣе Апостоль.

11. *Яко се есть завѣщаніе, еже слышасте исперва, да любимъ другъ друга.*

12. *Не якоже Каинъ отъ лукаваго бѣ, и закла брата своего: и за кую вину закла его; яко дѣла его лукава бѣша, а брата его праведна.*

11. Ибо таково благовѣствованіе, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга.

12. Не такъ, какъ Каинъ, который былъ отъ лукаваго, и убилъ брата своего. А за что убилъ его? За то, что дѣла его были злы, а дѣла брата его праведны.

Любовь къ ближнимъ, составляющая одинъ изъ признаковъ сыновства Богу, есть возвѣщеніе или заповѣдь, или завѣщаніе, которое (ср. 2, 7. 24) читатели посланія слышали отъ начала, какъ основная заповѣдь Христова. — Вы слышали отъ начала: первые ученики Христовы слышали такую заповѣдь лично отъ самого Господа (Іоан. 13, 34—35; 15, 12—13) и передали всѣмъ, кому проповѣдывали ученіе Христово. — Любили, а не такъ поступали съ ними, какъ поступилъ Каинъ съ братомъ своимъ Авелемъ, убивъ его. Заповѣдуемая Христомъ братская любовь другъ къ другу до самоотверженія есть свойство исключаящее ненависть, доходящую и доводящую до братоубійства, первообразъ котораго былъ въ Каинѣ. — Который былъ отъ лукаваго, т.-е. діавола (Матѣ. 13, 38—39; 6, 13 и прим. Іоан. 8, 44 и прим.), по расположенію своему душевному, и потому сдѣлалъ дѣло діавольское, убивъ брата своего Авеля, по наущенію челоукоубійцы искони и ставъ первый сыномъ діавола и первымъ челоукоубійцею. — Убилъ: греческое слово означаетъ приносить жертву закланіемъ; заклалъ Авеля, какъбы принеся его въ жертву. — И за что убилъ его? — Дѣла его были злы: дѣла, какъ выраженіе и свидѣтельство внутренняго состоянія, добраго — когда оно хорошо, худаго — когда оно злое (ср. Матѣ. 12, 34; 15, 11. 19 и прим.). Дѣла Каина были злы, дѣла діавола и, какъ таковыя, выразились въ убіеніи брата его, котораго дѣла были праведны, и за то онъ былъ какъбы принесенъ въ жертву. «Апостоль примѣромъ подтверждаетъ, сколь велико зло — ненавидѣть брата. Смотрите, говоритъ, вотъ Каинъ возненавидѣлъ брата и убилъ его, не-

смотря на то, что онъ родной братъ его. Каинъ имѣлъ злыя дѣла отца своего діавола, Авель же, дѣлая правду, былъ сыномъ въ отношеніи къ Богу. Здѣсь діаволь противопоставляется Богу, и злыя дѣла добрымъ. Потому-то Каинъ противоположный брату убилъ его» (Θеофил.). — Господь сердцеѣдецъ видѣлъ душевное расположеніе обоихъ братьевъ и показалъ одному знаменіе своего расположенія, а другому нѣтъ, и этотъ послѣдній язъ зависти и досады убилъ перваго, показавъ второй опытъ дѣла діавола,—первый опытъ былъ въ раю, когда завистию діавола вошелъ въ міръ грѣхъ и смерть (Прем. Сол. 2, 24).

13. Не чудитесь, братіе моя, аще ненавидитъ васъ міръ.

13. Не дивитесь, братія, если міръ ненавидитъ васъ.

14. Мы вѣрны, яко преидохомъ отъ смерти въ живость, яко любимъ братію: не любяи бо брата, пребываетъ въ смерти.

14. Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти.

15. Всякъ ненавидяи брата своего челоуѣкоубійца есть: и вѣсте, яко всякъ челоуѣкоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа.

15. Всякій, ненавидящій брата своего, есть челоуѣкоубійца; а вы знаете, что никакой челоуѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей.

Не дивитесь (Іоан. 5, 28): не смотрите, какъ на нѣчто странное и необыкновенное и новое; со временъ Каина и Авеля началось то, что дѣти діавола ненавидятъ дѣтей Божіихъ, міръ ненавидитъ преданныхъ Богу людей; это было всегда и будетъ, какъ противоположность свѣта тьмѣ, добра злу, образъ праведника Авеля и злодѣя Каина. — Братія мои: выше Апостоль обращался къ своимъ читателямъ съ словами—чада, чадца (2, 1. 12. 18. 28), здѣсь со словомъ—братія мои, такъ какъ говорить о братской любви, какъ и нѣсколько выше назвалъ ихъ возлюбленными (ст. 2).—Если міръ ненавидитъ васъ: это—изреченіе самого Господа, повторяемое здѣсь ап. Іоанномъ (Іоан. 15, 18). Міръ, какъ совокупность всего противнаго Христу и Богу (ср. Іоан. 7, 7 и прим. и парал.), не только враждебенъ ученикамъ Христовымъ, какъ и самому Христу, но положительно ненавидитъ ихъ, гонитъ, преслѣдуетъ и убиваетъ ихъ (Іоан. 15, 20; 16, 2),

какъ Каинъ убилъ брата своего, котораго возненавидѣлъ за добрыя дѣла его, какихъ не имѣлъ самъ, какъ злой. Ученики Христовы вѣрою во Христа и единеніемъ съ Нимъ въ любви ко всѣмъ внесли въ міръ новое начало духовно-религіозной жизни; міръ находитъ это новое начало жизни чуждымъ для себя, противнымъ себѣ и стремится не допускать его въ свою жизнь, подавить его насиліемъ, уничтожить его и потому ненавидитъ учениковъ Христовыхъ, какъ представителей этого новаго начала жизни, ему враждебнаго и противнаго.—Мы знаемъ: изъ точнаго и непреложнаго слова самого Христа (Іоан. 5, 24; см. прим.), а равно изъ свидѣтельства обитающаго въ насъ Св. Духа (2, 27) и потому несомнѣнно увѣрены безъ всякаго прекословія.—Мы перешли изъ смерти въ жизнь: это — тоже изреченіе самого Господа, повторяемое здѣсь Іоанномъ (Іоан. 5, 24). Господь говоритъ въ этомъ мѣстѣ Евангелія о воскресеніи и судѣ (Іоан. 5, 21—30) и именно о духовномъ воскресеніи и судѣ въ настоящей жизни, какъ образъ воскресенія и суда тѣлеснаго при концѣ міра (смотри примѣч. къ указ. стихамъ въ Евангеліи Іоанновомъ). Въ разсматриваемомъ мѣстѣ разсматриваемое изреченіе Апостоль употребляетъ и примѣняетъ только въ отношеніи къ духовно-нравственному воскресенію или оживотворенію или переходу изъ смерти въ жизнь, т.-е. употребляетъ изреченіе Христово въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ въ какомъ употребилъ самъ Христосъ. Духовное воскресеніе есть то состояніе, когда человѣкъ, погрязшій въ грѣхъ, какъбы умираетъ духовно, а потомъ, очистившись отъ грѣха покаяніемъ и слезами, какъбы вновь встаетъ изъ мертвыхъ. Въ данномъ случаѣ или примѣрѣ ненависть есть смерть, любовь есть жизнь; ненавидящій брата или ближняго пребываетъ въ смерти, а любящій пребываетъ въ жизни вѣчной; кто изъ этого состоянія ненависти или вообще зла выходитъ и входитъ въ состояніе любвеобильнаго и братскаго отношенія къ ближнему, тотъ переходитъ отъ смерти въ жизнь, или воскресаетъ духовно. Объ этомъ-то переходѣ и говоритъ Апостоль, указывая, что вѣрующіе во Христа и исполняющіе

заповѣдь Христову о любви къ ближнему самымъ тѣмъ, что приняли вѣру и полюбили брата—ожили духовно или воскресли духовно, перешли изъ области смерти въ царство жизни, изъ состоянія смерти вѣчной въ состояніе вѣчной жизни.— Не любящій брата и пр.: не имѣющій братской любви неспособенъ къ оживотворенію или благодатному воскресенію; онъ еще въ грѣховномъ состояніи, благодать въ немъ еще не дѣйствуетъ, онъ мертвъ и чуждъ надежды на жизнь вѣчную.— Всякій, ненавидящій брата и пр.: не любящій брата есть духовный мертвецъ, неспособный къ духовному оживленію, пока въ сердцѣ его не раскроется благодатію Божіею любовь къ брату; но ненавидящій брата не только духовный мертвецъ самъ, но еще человѣкоубійца, какъ Каинъ, или точнѣе—какъ діаволъ человѣкоубійца искони (Іоан. 8, 44). Человѣкоубійство разумѣется здѣсь не столько физическое, какъ убійство Авеля Каиномъ, сколько духовное, о которомъ говоритъ Христосъ (Матѳ. 5, 27. 28), убійство ближняго, въ сердцѣ скрытымъ гнѣвомъ, словомъ зложелательнымъ, злобнымъ равнодушіемъ и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ духовно по ненависти можетъ убивать человѣкъ человѣка.— Вы знаете: изъ закона какъ Моисеева, такъ и вообще изъ закона божественнаго (ср. Быт. 9, 5. 6), что никакой человѣкоубійца, ни убивающій тѣлесно, ни убивающій духовно, не имѣетъ жизни вѣчной, въ общеніи съ Богомъ и Христомъ, не имѣетъ въ себѣ божественной и спасительной силы, дарующей духовную и вѣчную жизнь, которая бы вѣчно пребывала въ немъ. Слѣдовательно, человѣкоубійца, по примѣру исконнаго человѣкоубійцы, будетъ пребывать въ вѣчной духовной смерти.

16. О семъ познаемъ любовь, яко онъ по насъ душу свою положи: и мы должны есмь по братіи души полагати.

17. Иже убо имать богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любви Божіа пребываетъ въ немъ;

16. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ.

17. А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія?

18. *Чада моя, не любимъ словомъ нлже языкомъ, но дѣломъ и истиною.*

18. Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

Указавъ на величайшее значеніе взаимной любви къ ближнему, въ противоположность ненависти, Апостоль указываетъ величайшій образецъ любви, которому должны подражать всѣ вѣрующіе христіане, любовь Господа Христа, положившаго душу свою за всѣхъ людей. Любовь познали мы въ томъ и пр.: мы, сначала мы ученики Его и Апостолы, Его видѣвшіе и съ Нимъ обращавшіеся (1, 1. 3), а потомъ мы всѣ увѣровавшіе въ Него, принявшіе проповѣдь о Немъ, мы всѣ познали вѣрою и внутреннимъ опытомъ духовной жизни любовь, познали въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу свою. Полагать, или отдавать душу свою значить умереть, какъбы принести себя въ жертву за другаго (Іоан. 10, 17. 18; 15, 13). Какъ самъ Господь положилъ душу свою или умеръ на крестѣ, принеши себя въ жертву за всѣхъ, такъ и христіанинъ долженъ быть готовъ къ такому же самоотверженію, слѣдуя по стопамъ Христовымъ. Само собою разумѣется, что христіанинъ долженъ быть готовъ умереть за своего ближняго тогда лишь, когда потребуютъ того отъ него его обязанности, обусловливаемые и его собственнымъ положеніемъ и положеніемъ ближняго.—Вы должны полагать душу за братьевъ: какъ отсутствіе любви къ брату рождаетъ злобу и ненависть и доводитъ до человекоубійства, такъ любовь христіанская питаетъ къ нему такое доброжелательство, что дѣлаетъ каждыа готовымъ умереть за него, что означаетъ уже высшую степень любви, по слову самого Христа (Іоан. 15, 13).—А кто имѣетъ достатокъ и прѣчь идетъ отъ большаго къ меньшему и объясняется въ примѣрѣ житейскомъ. Если, по примѣру своего Господа, изъ любви къ ближнему мы должны доходить до такого самоотверженія, что должны быть готовы душу свою полагать за ближнихъ: то тѣмъ болѣе таковая любовь должна побуждать и обязывать насъ къ тому, чтобы мы съ готовностію и охотою помогали ему въ томъ, въ чемъ онъ нуждается относи-

тельно житейскихъ потребностей, и облегчали бы тяжесть его положенія, если имѣемъ на то средства въ избыткѣ (ср. Іак. 2, 15—16 и прим.). Достатокъ въ мірѣ, т.-е. блага въ этой временной жизни (въ противоположность жизни вѣчной), средства къ жизни, къ поддержанію и сохраненію жизни (ср. Марк. 12, 44. Лук. 8, 43; 15, 30; 21, 4).—Въ нуждѣ вообще въ скудности въ этихъ средствахъ къ жизни (ср. Еф. 4, 28. Марк. 2, 25).—Затворяетъ сердце: образное выраженіе жесткости и черствости сердца; дверь сердца недоступна для такового, сколько ни стучи, не будетъ отвѣта или отклика. Смыслъ: кто, имѣя возможность и средства оказать пособіе и помощь ближнему въ его нуждѣ житейской и можетъ быть, вообще, въ затруднительномъ положеніи, не принимаетъ сердечнаго участія въ немъ, въ томъ какъ можетъ пребывать, или обитать въ сердцѣ его любовь Божія? Вопросительная рѣчь можетъ-быть превращена въ положительную такъ: нѣтъ въ такомъ человѣкѣ любви христіанской.—Любовь Божія: любовь христіанская есть и называется любовію Божіею, такъ какъ она происходитъ отъ любви къ Богу и есть необходимое выраженіе любви къ Богу. Кто не любитъ своего ближняго, въ томъ не можетъ быть и любви къ Богу и любви Божіей (1 Іоан. 4, 20).—Дѣти мои (ст. 7; 2, 1. 12. 18. 28), станемъ любить и пр.: вы знаете, въ чемъ состоитъ истинная любовь къ ближнему и въ чемъ она познается, именно, что вы должны быть готовы душу свою полагать за братьевъ и помогать имъ въ нуждѣ; зная это, станемъ любить другъ друга любовію чистою. Бываетъ, что люди людямъ показываютъ любовь только на словахъ, только языкомъ говорятъ, что любятъ, дѣлами же показываютъ противное и поступаютъ противно истинѣ. Это притворная любовь, это обманъ; не такую любовь заповѣдуетъ ученикамъ своимъ Господь. Бываетъ, что одинъ обѣщаетъ что другому, но исполнять обѣщаніе и не думаетъ; это—любовь на словахъ, любовь пустая, обманная. Бываетъ, что хвалятся тѣмъ или тѣмъ дѣломъ въ отношеніи къ ближнему, а въ сердцѣ у нихъ другое, и говорятъ это только для того, чтобы ихъ

видѣли и слышали люди; это любовь языкомъ, любовь живая. Любовь истинная та, которая свидѣтельствуется дѣломъ и правдою, а не словомъ пустымъ и языкомъ. Любовь словомъ противопоставляется любви дѣломъ, любовь языкомъ—любви истиной или правдой; любовь словомъ—любовь безъ дѣла, любовь языкомъ—любовь безъ правды, слѣдовательно ложь и обманъ. Любовь Христова или Божія—любовь отъ дѣлъ и истины.

19. И о семъ разумѣемъ, яко отъ истинны есмь, и предъ нимъ смиряетъ сердца наша.

19. И вотъ почему узнаемъ, что мы отъ истины, и успокоиваемъ предъ Нимъ сердца наши.

Вотъ почему узнаемъ, что мы отъ истины: въ томъ, что если мы любимъ не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истинною, есть непререкаемое свидѣтельство для насъ самихъ о томъ, что мы отъ истины, этимъ именно мы сами узнаемъ, т.-е. увѣряемъ, не предположительно, но достовѣрно и подлинно внутреннимъ свидѣтельствомъ духа и совѣсти познаемъ, что мы отъ истины, не лицемеры, не лжецы, не обманщики, но истинные христіане, правильно вѣрующіе и исповѣдующіе Христову истину; узнаемъ, что мы познали истину, т.-е. познали Бога Отца и Господа Христа (Іоан. 17, 3), что мы рождены отъ Бога и стали сыны Божіи (3, 9) и перешли отъ смерти въ жизнь (ст. 14), — узнаемъ, что мы истинно любящіе—отъ истины, отъ самого Источника истины или въ самомъ Источникѣ истины, или въ самой Истинѣ—Богѣ, что пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ (4, 16). «О семъ, т.-е. почему узнаемъ? Потому что любимъ брата не словомъ, но дѣломъ и истинною. Что узнаемъ? То, что мы отъ истины. Какъ узнаемъ? Такъ, что говорящій одно, а дѣлающій другое, не соглашающій дѣло съ словомъ, есть лжець, а не истиненъ» (Θεοφил.).— И успокоиваемъ предъ Нимъ сердца наши: указавъ на характеръ истинной любви (не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истинною), Апостоль далѣе указываетъ на плоды истинной христіанской любви и нѣкоторые черты сего разясняетъ. Одинъ изъ таковыхъ плодовъ Апостоль указываетъ въ пред-

шествующихъ словахъ; это наша увѣренность въ томъ, что мы отъ истины, что мы дѣти Божіи и перешли отъ грѣховной смерти въ духовную жизнь. Второй плодъ истинной любви къ ближнимъ тотъ, что мы успокоиваемъ предъ Богомъ сердца наши. Успокоивать сердце значитъ утишать, умирать совѣсть, вносить въ нее спокойствіе, чуждое волненія или даже колебанія. — Предъ Нимъ: т.-е. предъ Богомъ (ст. 20), предъ судомъ Божиимъ (ср. 2, 28). Смыслъ изреченія тотъ, что только чистая и нелицемѣрная любовь дѣломъ и истиною даруетъ миръ душѣ и спокойствіе совѣсти предъ Богомъ. Если мы, испытавъ свои дѣла предъ судомъ Божиимъ, усмотримъ, что искренно и истинно любимъ братьевъ нашихъ, то почувствуемъ въ сердцѣ или совѣсти успокоеніе и умирненіе, какъ исполнившіе заповѣдь Божию (ср. Лук. 17, 10). Если мы любимъ братьевъ своихъ дѣломъ и истиною, если совѣсть наша нисколько не тревожитъ нашего покоя и въ душѣ нашей господствуетъ миръ: это есть ясное свидѣтельство и увѣреніе, что мы отъ истины и въ истинѣ, предъ Богомъ и въ Богѣ. Этотъ миръ—слѣдствіе или дѣйствіе нашего примиренія съ Богомъ крестною смертію Христовою, какъ дѣйствіе прощенія грѣховъ и благодати и даръ небесный, усвояемый вѣрою и любовію къ ближнимъ, чистою и искреннею.

20. Зане иже зазираетъ намъ сердце наше, яко болій есть Богъ сердца нашего и вѣсть вся.

20. Ибо если сердце наше осуждаетъ насъ, то кольми паче Богъ, потому что Богъ больше сердца нашего и знаетъ все.

Ибо если сердце наше, или совѣсть наша, осуждаетъ (сильнѣе и точнѣ славянскій переводъ—зазираетъ) насъ и пр.: изреченіе это затруднительно для разумѣнія и толкованія, а потому не всѣми переводится и толкуется одинаково. По русскому переводу и толкованію смыслъ ясенъ и правиленъ, но подлинный текстъ имъ нѣсколько измѣняется, или точнѣе, видоизмѣняется; подлинный текстъ не такъ ясенъ (а съ нимъ и славянскій переводъ), но смыслъ въ немъ глубже, чѣмъ въ переводѣ русскомъ. Смыслъ русскаго перевода, въ

связи съ предыдущимъ стихомъ, можно изложить перефразтически такъ: сознание истинной и искренней любви къ ближнему успокоиваетъ сердце наше или совѣсть нашу; сознание же недостатка таковой любви осуждаетъ или зазираетъ насъ особенно предъ судомъ правды Божіей. Сердце наше или совѣсть наша можетъ иногда и не замѣчать своихъ недостатковъ, можетъ иногда ошибаться, обманываться и въ самообольщеніи и недостатокъ иногда считать добродѣтелью, или по крайней мѣрѣ не считать порокомъ или недостаткомъ; но предъ Богомъ все открыто, Онъ все знаетъ совершенно и потому и если совѣсть наша иногда обличаетъ или осуждаетъ насъ, то тѣмъ болѣе Богъ, такъ какъ отъ Него ничего не сокроется, тайное или явное; Онъ все знаетъ, потому что Онъ болѣе сердца нашего и видитъ и сокровенное наше какъ ясное.—Согласно съ этимъ Бл. Теофилактъ толкуетъ весь этотъ стихъ такъ: «чрезъ истинность (а истинствовать мы будемъ тогда, когда словамъ нашимъ будутъ соотвѣтствовать дѣла) мы успокоимъ свою совѣсть; ибо словомъ: сердце, онъ называетъ совѣсть. Какъ же успокоимъ? Поставивъ себя въ такое положеніе, чтобы произносить намъ слова предъ свидѣтелемъ Богомъ; ибо это значить слово — предъ Нимъ. Если, говорить, не будемъ дѣлать такъ, и совѣсть или сердце наше осуждаетъ насъ, то, очевидно, мы согрѣшаемъ. Если же мы во время грѣха не можемъ укрываться отъ совѣсти своей, которая ограничена, какъ и человѣкъ существо ограниченное, то тѣмъ болѣе не можемъ укрыться отъ Бога безпредѣльнаго и вездѣсущаго. Смысль этого изреченія такой: дѣти, не будемъ лжецами другъ предъ другомъ, любя однимъ только языкомъ, но докажемъ любовь и дѣломъ. Поэтому узнаемъ, что мы отъ истины, т.-е. отъ Бога, и что говоримъ, будемъ говорить какъбы въ виду Бога; а кто, хотя бы онъ былъ безстыднѣе бѣсовъ, позволить себѣ лгать предъ свидѣтелемъ Богомъ?» (Теофил.). — Таковъ смыслъ изреченія въ русскомъ переводѣ. Смысль подлиннаго текста, въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, перефразтически можно изложить такъ: любовію на дѣлѣ и истинною мы успокоива-

емъ сердца наши или совѣсть нашу, ибо хотя бы совѣсть и зазирала насъ въ чемъ-либо, примѣчая или зная что-либо недоброе въ насъ и такимъ образомъ подвергая насъ суду своему и осужденію, какъ зазрительное, но Богъ больше нашего сердца или нашей совѣсти и знаетъ все, чего даже и сама совѣсть наша не знаетъ. Онъ успокоиваетъ наше сердце даже въ томъ случаѣ, когда сердце наше зазираетъ насъ, такъ что при чистой искренней любви совѣсть наша не дѣлается и не можетъ быть нашимъ судіею (ср. 1 Кор. 4, 3—5), и любовь такимъ образомъ побѣждаетъ и совѣсть нашу,—такъ велика сила любви! (ср. 1 Кор. гл. 13).

21. Возлюбленніи, аще сердце наше не зазритъ намъ, дерзновение имамы къ Богу.

22. И еяже аще просимъ, приемлемъ отъ него, яко заповѣди его соблюдаемъ, и угодная предъ нимъ творимъ.

21. Возлюбленные! если сердце наше не осуждаетъ насъ: то мы имѣемъ дерзновение къ Богу.

22. И чего ни просимъ, получимъ отъ Него: потому что соблюдаемъ заповѣди Его, и дѣлаемъ благоугодное предъ Нимъ.

Возлюбленные (ст. 2), если сердце наше не осуждаетъ насъ и пр.: это новый плодъ истинной любви къ ближнимъ, — дерзновение къ Богу. Если истинная любовь имѣетъ такую великую силу, что несмотря на нѣкоторое зазрѣніе совѣсти нашей успокоиваетъ насъ, таинственно примиря насъ съ самими собою и съ Богомъ и дѣлая радость жизни нашей совершенною (1, 4 и прим.): то это самое сильное и вѣрнѣйшее свидѣтельство того, что мы имѣемъ дерзновение къ Богу. Дерзновение къ Богу есть такое духовное состояніе вѣрующаго, когда онъ, питая непоколебимую увѣренность въ благодатное оправданіе себя предъ Богомъ, обращается къ Нему съ полнымъ и дѣтскимъ довѣріемъ во всѣхъ своихъ духовныхъ нуждахъ и дѣлахъ, какъ имѣющій свободный доступъ къ Богу вѣрою во Иисуса Христа и надеждою на исполненіе всего просимаго (2, 28. Рим. 5, 1. Еф. 3, 12. 1 Тим. 3, 13). Чья совѣсть спокойна, кто носитъ въ сердцѣ своемъ миръ и радость отъ истинной и искренней любви къ ближнимъ и Богу, тотъ питаетъ въ душѣ своей сыновнюю довѣрчивость и увѣренность въ сыновствѣ своемъ къ

Богу и надежду на Бога, по которой онъ всегда является и явится непосрамленнымъ предъ Богомъ и людьми. Какъ дитя покоится на груди матери съ любовію и довѣріемъ къ ней, такъ вѣрующій съ дерзновеніемъ и довѣріемъ успокоиваетъ сердце свое въ Богѣ. Какъ дитя съ довѣріемъ и увѣренностію обращается къ отцу въ непоколебимой надеждѣ на защиту его въ нуждѣ и во всемъ, такъ вѣрующій съ дѣтскою любовію и довѣріемъ обращается къ Отцу небесному во всякихъ нуждахъ. Такое дерзновеніе даруется, какъ плодъ любви къ ближнимъ, тому, чье сердце спокойно и умиротворено и котораго совѣсть не зазираетъ и не осуждаетъ.—И чего ни просимъ, получимъ отъ Него: это новый плодъ истинной и искренней любви нашей къ ближнимъ. Если въ сердцѣ или совѣсти нашей миръ, тишина и спокойствіе отъ любви, то намъ не будетъ отказа ни въ какой молитвѣ нашей, все получимъ отъ Него, чего бы ни попросили мы, всякая молитва наша будетъ услышана, по слову самого Христа (Матѣ. 21, 22. Іоан. 14, 13; 16, 24). — Потому что соблюдаемъ и пр.: причина, почему намъ не будетъ отказа ни въ какой молитвѣ нашей (разумѣется если молимся и о предметѣ достойномъ молитвы и если молитва наша сообразна съ волею Божіею о насъ), та, что мы соблюдаемъ заповѣди Его, которыя всѣ заключаются въ заповѣди о любви къ ближнимъ, составляющей союзъ совершенства (Кол. 3, 14), и тѣмъ дѣлаемъ благоугодное предъ Нимъ. А соблюдающихъ по любви къ Нему заповѣди Его и тѣмъ благоугождающихъ Ему Онъ самъ любитъ и дѣлаетъ имъ по молитвѣ ихъ то, что Ему самому благоугодно дѣлать для нихъ.

23. И сія есть заповѣдь его, да вѣруемъ во имя Сына его Іисуса Христа, и любимъ другъ друга, якоже даждь есть заповѣдь намъ.

24. И соблюдаяи заповѣди его въ немъ пребываетъ, и той въ немъ, и о себѣ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ духа, еяже даждь есть намъ.

23. А заповѣдь Его та, чтобы мы вѣровали во имя Сына Его Іисуса Христа, и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ.

24. И кто сохраняетъ заповѣди Его, тотъ пребываетъ въ Немъ и Онъ въ томъ. А что Онъ пребываетъ въ насъ, узнаемъ по духу, который Онъ далъ намъ.

А заповѣдь Его та и пр.: и вновь обращаетъ Апостоль взоръ на эту заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, о которой онъ такъ часто говорить въ этомъ посланіи, съ особеннымъ здѣсь примѣненіемъ къ вѣрѣ и любви не только относительно Бога Отца, но и Единороднаго Сына Его Иисуса Христа. Это—сокращеніе всего закона и Евангелія, и Апостоль его характеризуетъ оною заповѣдію, говоря и выше и ниже о заповѣдяхъ. Это—одна заповѣдь, которую онъ раздѣляетъ на двѣ половины: первая — о вѣрѣ во Христа, вторая — о любви другъ къ другу. Вѣра въ Иисуса Христа есть основаніе любви къ ближнимъ, ибо вѣра во Христа невозможна безъ любви къ ближнему, и любовь къ ближнему есть плодъ или дѣйствіе вѣры въ Иисуса Христа. — Вѣровали во имя Сына Его: выраженія — вѣровать во имя Христова, креститься во имя Христова (Іоан. 1, 12; 3, 18. Дѣян. 2, 34; ср. прим.) означаютъ признавать Христа Богомъ и поклоняться Ему какъ Богу (ср. Теофил.).—Вѣра во имя Христово даетъ вѣрующему власть, право и возможность усыновленія Богу и вѣрующій вступаетъ въ отношенія къ Богу близкія, чистыя, первоначальныя, какъ были въ раю. Потому вѣра во Христа есть первое, что требуется отъ человѣка, принимающаго христіанство (ср. Іоан. 1, 12 и пар.), и это первая заповѣдь, чтобы мы вѣровали во имя Сына Его Иисуса Христа. Вторая же, чтобы любили другъ друга, не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною, какъ Онъ, и Богъ Отецъ и Господь Иисусъ, заповѣдалъ намъ, и въ ветхомъ законѣ (Лев. 19, 18) и особенно въ Евангеліи (Іоан. 15, 12 и пар.).—И кто эти, указанные сейчасъ заповѣди Его, или даже одну эту заповѣдь, какъ сущность и совокупность всѣхъ заповѣдей Его, заповѣдь о вѣрѣ въ Бога и Единороднаго Сына Его Господа Иисуса Христа и неразрывно соединенную съ нею заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, соблюдаетъ или сохраняетъ (2, 3. 4), тотъ въ духѣ своемъ пребываетъ въ Немъ и Онъ въ томъ въ полномъ внутреннемъ нравственномъ единеніи, таинственнымъ единеніемъ (ст. 6; 2, 6; 1, 3. Іоан. 17, 21. 23; 15, 7; 14, 17 и прим.).—А что Онъ

пробываетъ въ насъ и пр.: неложный признакъ, свидѣтельство и удостовѣреніе въ томъ, что Богъ пробываетъ въ насъ, по которымъ можемъ мы дознать и узнать пребывающаго въ насъ Бога и вселеніе Его въ насъ (Іоан. 14, 26 и прим.), есть то, что Онъ даровалъ намъ какъбы въ залогъ и обезпеченіе Духа Св. (4, 10. 13; 2, 20. 27. 2 Кор. 1, 22. Еф. 1, 13), котораго силу, дѣйствія и дары мы получаемъ (1 Кор. 12, 4. Рим. 8, 9. 14—16). «Цѣлая мысль такая: вы должны вѣровать во имя Сына Его Иисуса Христа и любить другъ друга истинно, какъ Онъ заповѣдалъ. Ибо соблюдающій заповѣди Его въ Немъ пробываетъ и Онъ въ немъ. А что Онъ пробываетъ въ насъ, это мы узнаемъ по Духу или по дарованію, которое Онъ далъ намъ» (Θеофил.).—Такъ въ вѣрующаго во Христа и любящаго ближнихъ вселяется и пробываетъ въ немъ вся достопоклоняемая Троица—Отецъ и Сынъ и Св. Духъ (Іоан. 14, 16—28).

Епископъ Михаилъ.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ БЕСѢДЫ

О СТРАДАНИЯХЪ И СМЕРТИ СПАСИТЕЛЯ.

Бесѣда третья.

Довольно вы уже слышали о страданіяхъ Спасителя. Онъ много претерпѣлъ и отъ первосвященниковъ, и отъ случъ ихъ, и отъ предательства Іуды и отреченія Петра, отъ челоуѣкоугодливости Пилата, и отъ грубаго, безстыднаго Ирода. Но все это было, можно сказать, еще только начало болѣзнямъ. Еще много, очень много надлежало Христу претерпѣть отъ неправдъ и злобы челоуѣческой грѣхъ ради нашихъ.

Вотъ Спасителя отъ Ирода приводятъ опять къ Пилату,— посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло на этомъ новомъ разбирательствѣ у знакомаго намъ судіи. Пилатъ твердо увѣренъ въ невинности подсудимаго, зная, что по зависти предали Его,— и мысль освободить Иисуса не оставляетъ его,— но какъ освободить? Такъ, чтобы въ тоже время удовлетворить и злобѣ враговъ Его. И вотъ, увидавши предъ своимъ дворцомъ снова приведеннаго Христа, онъ выходитъ къ народу и говоритъ: «вы привели ко мнѣ этого челоуѣка, какъ развратителя народа. Вотъ я при васъ разспрашивалъ,— и рѣшительно не нашелъ чтобы этотъ челоуѣкъ виновенъ былъ, въ чемъ вы Его обвиняете. И Иродъ также, потому что я послалъ его къ Ироду. Оказалось тоже, что Онъ не сдѣлалъ ничего, за что заслуживалъ бы смертную казнь. Итакъ я наказавши Его, отпущу». Смотрите, какое противорѣчіе въ сужденіяхъ и какое новое двоедушіе и челоуѣкоугодливость! Съ одной стороны признаетъ

въ слухъ всѣхъ невинность Христа, дважды, двоими судіями засвидѣтельствованную, съ другой—осуждаетъ на наказаніе Его. За что же наказывать, если обвиняемый невиненъ? Но тамъ, гдѣ не заботятся о исполненіи дѣла по совѣсти, гдѣ не о внушеніяхъ совѣсти думаютъ, а о томъ, что скажутъ другіе, какъ бы не оскорбился и тотъ и этотъ, тамъ такія противорѣчія совмѣстимы. Но посмотримъ, что было далѣе. Пилать не терялъ надежды отпустить Христа и для сего прибѣгнувъ къ новому средству. Предъ праздникомъ Пасхи народъ имѣлъ право требовать освобожденія одного изъ преступниковъ, въ память освобожденія евреевъ изъ Египта. Пилать зналъ о существованіи этого обычая и рѣшился воспользоваться имъ для своей цѣли. Хотя первосвященники и книжники подготовили для этого другаго узника, Варавву, взятаго за убійство во время мятежа,—но Пилать увѣренъ былъ, что народъ будетъ требовать отпустить Христа, какъ своего благодѣтеля. И вотъ въ этой увѣренности онъ говоритъ собравшемуся противъ дворца его народу: «У васъ есть обычай, чтобы я одного узника освобождалъ вамъ ради Пасхи. Хотите ли я отпущу вамъ Царя Іудейскаго — Іисуса, называемаго Христомъ?» Послѣ этихъ словъ въ народѣ начались переговоры. Въ это время случилось обстоятельство, которое стоитъ того, чтобы не пройти его молчаніемъ. Когда Пилать сидѣлъ на судебномъ мѣстѣ, жена его присылаетъ сказать ему, чтобы онъ ничего не дѣлалъ Праведнику сему, такъ какъ она много пострадала изъ-за Него въ нынѣшнюю ночь. Язычники большое значеніе придавали снамъ и особенно снамъ женщины. И потому Пилать еще болѣе сталъ желать отпустить Христа и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, что народъ будетъ сейчасъ просить за Христа. Но Пилать ошибся въ своихъ расчетахъ. Народъ не оказался на сторонѣ Христа. Первосвященники и книжники склонили его на свою сторону и убѣдили дѣйствовать за одно съ ними противъ Христа и просить у Пилата отпустить не Христа, а Варавву. И потому, когда Пилать, вышедши къ народу, спросилъ: кого изъ двухъ отпустить имъ? всѣ отвѣчали: «не Сего,

но Варавву». Это удивило Пилата. Въ удивленіи онъ даетъ новый вопросъ: «Что же мнѣ дѣлать съ Иисусомъ, котораго вы называете Христомъ, Царемъ Іудейскимъ?»—какъбы дѣйствительно не зная и недоумѣвая, какъ поступить ему съ человѣкомъ, совершенно невиннымъ. Но народъ нагло и дерзко началъ требовать распятія Его. «Какое же зло сдѣлалъ Онъ?» говорилъ Пилатъ; но народъ, какъбы не слыша словъ Пилата, продолжалъ свое: «распи, распи Его!»—«Я ничего достойнаго смерти не нашелъ въ Немъ. Наказать, говорилъ Пилатъ,—накажу Его, но отпущу». Но народъ повторялъ тѣже слова. Тогда Пилатъ предалъ Иисуса Христа на бичеваніе, которое обыкновенно служить приготовленіемъ къ смертной казни.

Подивимся, братіе, неблагодарности и непостоянству народа. Давно ли этотъ самый народъ возглашалъ Христу: «осанна», а теперь кричитъ другое. Забыты всѣ милости, оказанныя Христомъ этому народу: исцѣленіе слѣпыхъ, ослабленныхъ, бѣсноватыхъ, воскрешеніе мертвыхъ, двукратное чудесное насыщеніе малымъ количествомъ хлѣбовъ и рыбы нѣсколькихъ тысящъ, послѣ котораго еще Христа хотѣлъ поставить царемъ—все забыто. Но нынѣ развѣ много помнятъ Господни милости? Посмотришь, — семья благоденствуетъ, всего много, живутъ и свѣтло, и тепло, и просторно, всѣ пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ, дѣла идутъ превосходно. А много ли эта семья выражаетъ благодарности къ Богу за эти милости? Наступаетъ праздникъ; но кого всего менѣе въ храмѣ? Этихъ-то вполне довольныхъ своею жизнію, пресыщенныхъ благами ея, которые и день и ночь должны бы благодарить Бога за свое земное счастье, — ихъ-то и встрѣтите здѣсь всего менѣе. Для нихъ не бывать въ храмѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не значить. Разсѣянная жизнь притушила въ нихъ чувство нужды въ храмѣ Божіемъ. Кому же у нихъ есть дѣла поважнѣе обязанностей религіозныхъ. И почти для всѣхъ всякое мірское дѣло, даже самое пустое, выше, важнѣе молитвы. Ахъ, братіе, великій грѣхъ—неблагодарность къ Богу! Мы не чувствуемъ милости Божіей къ

себѣ, ничѣмъ не доказываемъ свою благодарность къ Богу; подумаемъ, что мы дѣлаемъ. Мы вѣдь себѣ самимъ вредимъ, любви Божіей себя лишаемъ, гнѣвъ Божій на себя навлекаемъ. И не видимъ ли мы примѣровъ этого гнѣва Божія на неблагодарность всюду и всюду? Сколько на каждомъ шагу видимъ лицъ, которыя прежде такъ счастливо вели свои дѣла, лицъ, пользовавшихся громкою славою и извѣстностію, а теперь остающихся безъ всякаго дѣла, едва влачащихъ свое существованіе! Сколько на глазахъ нашихъ семействъ, прежде благоденствовавшихъ, свѣтло и широко жившихъ, а теперь совершенно разоренныхъ, въ совершенной нищетѣ! Думаемъ ли, что все это случай, одно неумѣнье жить, вести свои дѣла? Нѣтъ, не случайно, а въ наказаніе за забвеніе Бога, за оставленіе храма, молитвы, за жестокую неблагодарность Ему. Не частныя только лица, не семейства только такъ Богъ вразумляетъ, но и цѣлые народы. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъже Еврейскій народъ. Что съ нимъ стало, съ этимъ народомъ, прежде такъ возлюбленнымъ Богомъ? Такъ какъ онъ милостей Божіихъ къ себѣ не почувствовалъ, попеченія Божія о немъ не оцѣнилъ, не оцѣнилъ даже пришествія къ нему самого возлюбленнаго Сына Божія и за всѣ благодѣянія Его воздалъ Ему распятіемъ Его: то и Богъ отвергся этого народа, города его предалъ на поруганіе, землю—на опустошеніе, а самый народъ изгналъ изъ земли, которую далъ ему во владѣніе, и разсѣялъ между другими народами, сохраняя однако его до сего времени, какъ бы въ поученіе на всѣ вѣка всѣмъ и каждому: чего должны ожидать себѣ всѣ забывающіе Бога, отвергающіеся Его и не чувствующіе милостей Его.

Обратимся теперь къ личности жены Пилата, которую по преданію звали Клавдіей Прокулой. Не правда ли, какая свѣтлая личность во всей мрачной исторіи суда надъ Христомъ? Въ то время, когда свои соотечественники встаютъ на Христа и единогласно собираются требовать смерти Его, язычница, иноплеменница ходатайствуетъ за Христа. Иновѣрная лучше правовѣрныхъ, незнающая Христа, чуждая

Ему—лучше, сострадательнѣе тѣхъ, которые такъ хорошо знали Его! Женцина лучше и выше мушницъ! Какъ послѣ этого не призвать Христу язычниковъ вмѣсто Іудеевъ? А женскій полъ какъ не уравниеть съ мужскимъ? Вообще нужно замѣтить, что во время пребыванія Христа на землѣ, женщины болѣе были расположены ко Христу. Женщины служатъ Ему отъ имѣній своихъ, когда Онъ переходилъ изъ села въ село, изъ города въ городъ. Женщины, не разъ помазывали ноги и голову Его дорогимъ мѣромъ. Женцина вступается за Христа теперь, когда всѣ противъ Него. Женщины пойдутъ за Нимъ, когда поведутъ Его на распятіе. Онъ однѣ изъ близкихъ Ему осмѣлятся стать у креста Его. Онѣ будутъ при погребеніи. Онѣ пойдутъ прежде всѣхъ на гробъ къ Нему умершему, но узрятъ воскресеніе. О женщины! чего вы не можете сдѣлать при помощи вашего нѣжнаго, сострадательнаго сердца,—только отдайте это сердце Христу, только умягчите его еще болѣе словомъ ученія Христова. Не давайте ему черствѣть отъ пристрастій мірскихъ,—отъ страсти къ щегольству, къ увеселеніямъ и друг. Будете расширять его для любви ко Христу и къ дѣламъ милосердія во имя Христова, вамъ легко будетъ спастись. Преданіе говоритъ, что жена Пилата сдѣлалась послѣ христіанкою и причислена къ лику святыхъ. Спасется и всякая женцина за свою крѣпкую любовь ко Христу.

Но возвратимся ко Христу. Мы сказали, что Пилать предалъ Христа бичеванію. Что это было за бичеваніе? Съ осужденнымъ на бичеваніе обыкновенно Римляне поступали такъ: раздѣвали его до-нага, привязывали къ короткому столбу, руки заворачивали назадъ, связывали и вдѣвали въ кольцо наверху столба. Привязаннаго такимъ способомъ били ременными плетями, къ концамъ и въ средину которыхъ вдѣлывали костяныя или стальныя иглы, затѣмъ чтобы боль была чувствительнѣе для наказываемаго. Такому-то истязанію подвергли по повелѣнію Пилата римскіе воины и невиннаго Христа. Все тѣло Божественнаго Страдальца покрылось ранами, потоки крови полились съ него. Но воины этимъ не удовле-

творились,—ихъ жестокому сердцу этого было мало,—и вотъ къ бичеванію они присоединили поруганія и насмѣшки. Знали они, что Христа обвиняють между прочимъ въ присвоеніи Имъ царскаго имени и достоинства, — и вотъ заставляютъ Христа представлять лице царское: на голову Ему возлагають вѣнецъ изъ колючихъ терновъ, на израненное тѣло на дѣвають короткую, краснаго цвѣта одежду, едва закрывавшую половину тѣла, въ руки даютъ вмѣсто царскаго скипетра трость. На востокѣ было обыкновеніе предъ царями преклоняться до земли,—это и они стали дѣлать, кланялись и говорили: «радуйся, царь Іудейскій», но вмѣстѣ плевали Ему въ лице, били по ланитамъ, заушали; вырывая изъ рукъ трость, били по главѣ Его, и этимъ еще глубже вонзали въ нее терновыя иглы вѣнца Его. Кровь ручьями текла изъ божественной главы Его. Не осталось въ тѣлѣ Его ни одного мѣста цѣлаго, нетронутаго. Дерзкая рука воиновъ до всего коснулась, все поругала, осмѣяла. Что же Христось? Ни одного слова не изрекъ Божественный Страдалецъ. Все терпѣль и молчалъ. Но вотъ выходитъ Пилать, видитъ, что воины черезъ-чуръ усердно исполнили свою обязанность. Взглянулъ онъ на Христа, — жалко ему стало этого Страдальца. Вотъ, думалъ быть можетъ онъ, теперь-то я трону враговъ Его, тронутся они видомъ Его и удовольствуются страданіями, Имъ испытанными. И дѣйствительно, обращается онъ къ народу и говоритъ: «вотъ я вывожу Его къ вамъ, чтобы вы знали, что я никакой вины не нахожу въ Немъ». Пилать даетъ знать, что онъ много сдѣлалъ въ угожденіе врагамъ Іисуса,—невинный Іисусъ истерзанъ жестоко,—но подвергать Его смертной казни нѣтъ причины. Вслѣдъ за выходомъ Пилата и Христось былъ выведенъ изъ двора преторіи. Въ терновомъ вѣнцѣ, въ короткой епанчѣ, весь въ крови предсталъ Онъ предъ народомъ. «Се Человѣкъ!» указывая на Него, говоритъ Пилать народу: «посмотрите на этого человѣка избитаго, изранаго, кроткаго, терпѣливаго. Ужели по вашему для него мало такого наказанія? Ужели ваше сердце не тронется видомъ его? Ужели еще

можно бояться какого-либо домогательства со стороны его? Но не достигъ, чего хотѣлъ Пилать. Народъ не тронулся, а еще болѣе ожесточился. «Распи, распи Его», кричалъ онъ, увидавши Христа. Такъ поразительна была жестокость, озлобленіе народа. Мало было ему истязаній Христа, біенія Его, ему непремѣнно нужна была смерть Его и какая смерть? Смерть непремѣнно крестная.

Но остановимся на этихъ страданіяхъ, испытанныхъ Христомъ на судѣ Пилата. Итакъ, глава Христа изъязвлена, на ней терновый вѣнецъ, тѣло избито, лице оплевано, Онъ въ короткой епанчѣ, въ рукѣ трость, предъ Нимъ насмѣшливые поклоны, у Него вырываютъ трость и ею бьютъ Его по головѣ. За кого все это? Все это опять за насъ съ тобою, слушатель. Глава изъязвлена за нашу гордость, тщеславіе, самохвальство, превозношеніе,—вѣнецъ терновый за наше исканіе почестей, похвалъ людскихъ, за желаніе первенствовать, начальствовать, повелѣвать, за наше нежеланіе покоряться, подчиняться, за противленіе властямъ, за непослушаніе старшимъ. Біеніе по ланитамъ,—это за нашу склонность унижать, безчестить, позорить другихъ, за наши насмѣшки надъ ними, за осужденіе, укореніе ихъ;—оплеваны очи, уста, уши,—уста—за слова праздыя, гнилыя, бранныя, обидныя, укорныя, за разговоры неподобныя, за пѣсни непристойныя,—очи за нашу любовь къ зрѣлищамъ, за услажденіе взоромъ предметами нечистыми, за похотное возрѣніе на красоту женскую, за завистливый взглядъ на собственность, намъ не принадлежащую, съ желаніемъ присвоить ее,—уши—за слышаніе разговоровъ и пѣній соблазнительныхъ;—избиты руки за нашу склонность къ присвоенію чужаго, къ пріобрѣтеніямъ неправеднымъ, за наши обиды, притѣсненія ближняго, за вредъ, который мы дѣлаемъ ему;—избиты ноги за нашу нерасположенность ходить въ мѣста молитвы, въ мѣста страданій нашего ближняго для облегченія ихъ, за склонность ходить въ мѣста искушеній и соблазновъ, мѣста разсѣянности и праздности, ходить на дѣла злыя и неподобныя. Все тѣло Его окровавлено, — это за наше плотоугодіе, сластолюбіе,

чревоугодіе, невоздержаніе, за нѣгу, излишній покой, продолжительный сонъ, за лѣность къ молитвѣ. Оно покрыто хламидою поруганія (епанчею) за нашу страсть къ нарядамъ, къ роскоши. Насмѣшливые поклоны—это за нашу лесть, низкопоклонство, челоуѣкоугодничество изъ видовъ корыстныхъ. Вотъ за что терпитъ Спаситель все! Вотъ какихъ страданій стоятъ Ему грѣхи наши! Можемъ ли, зная это, спокойно предаваться грѣху, любить его? Но любить грѣхъ, работать ему, не значить ли новыя раны наносить Христу? Вспоминай каждый о страданіяхъ Спасителя при каждомъ поползновеніи на грѣхъ, и ты скорѣе убѣдишь отъ грѣха. Но мы забываемъ о томъ, что терпѣлъ за насъ Христосъ,—отъ того и грѣшимъ, грѣшимъ такъ много, такъ спокойно, такъ безстрашно, грѣшимъ и утоаемъ во грѣхахъ, даже не желая когда-нибудь освободиться отъ нихъ. О, какое жалкое, опасное состояніе души!

Но обратимся ко Христу избитому и израненному. Мы слышимъ, что народъ кричитъ: «распи, распни Его». Но Пилать, какъ до бичеванія Его находилъ Его невиннымъ, такъ и послѣ этого бичеванія объявляетъ Его невиннымъ въ отвѣтъ на требованіе народа. Онъ говоритъ, указывая на Христа: «возьмите Его вы и распните, а я не нахожу въ Немъ вины». Каково было слышать эти слова первосвященникамъ и книжникамъ! Отказывается отъ дальнѣйшаго суда судя, который одинъ только и имѣетъ право осудить его на смерть,—признаетъ невиннымъ тогда, когда бы, по ихъ мнѣнію, оставалось одно—изречь слово осужденія на смерть. Что же оставалось имъ дѣлать? Они видятъ, что взведенныя ими обвиненія на Христа въ присвоеніи себѣ царскаго достоинства, въ возмущеніи народа—остались безъ дѣйствія, не привели къ желанной цѣли. Значить нужно придумать что-нибудь другое. И вотъ они вспомнили, въ чемъ обвиняли его у себя въ синедріонѣ, и за что сами осудили Его тогда на смерть. Что же это? Это наименованіе себя Сыномъ Божиимъ, которое присвоиваетъ Себѣ Христосъ. На эту-то вину указываютъ они и теперь, желая во чтобы ни стало предать

Христа смерти. По ихъ словамъ, законъ ихъ требуетъ такого человѣка предать смерти. «Мы законъ имѣемъ, и по закону нашему онъ долженъ умереть, потому что называетъ Себя Сыномъ Божиимъ», говорили они Пилату. Ссылка на законъ! Но въ законѣ развѣ сказано было, что если придетъ Мессія, то-есть обѣщанный Спаситель, и назоветъ Себя Сыномъ Божиимъ, то предать Его за то смерти? Тамъ сказано было другое, что если кто станетъ пророчествовать именемъ Господа и пророчество его не сбудется, то такого предать смерти. Но о Христѣ они этого не могли сказать. Всѣ пророчества, изреченныя Имъ, или уже сбылись, или имѣли сбыться. Но какъ бы то ни было, и это обвиненіе не произвело желаемого дѣйствія,—оно произвело дѣйствіе даже противное тому, какого ожидали Иудей. Пилать, услышавши эти слова, еще болѣе убоялся. Чего же убоялся? Убоялся отвѣтственности за всѣ несправедливости, причиненныя Иисусу, если онѣ причинены не простому человѣку, а Сыну Божію, каковымъ Христосъ могъ пожалуй быть по мнѣнію Пилата. Язычники, а вмѣстѣ съ ними конечно и Пилать вѣрили, что боги иногда сходятъ на землю, живутъ и рожаютъ дѣтей—полубоговъ. Объ Иисусѣ Христѣ Пилать тѣмъ болѣе могъ подумать это, что видѣлъ Его невинность, терпѣніе, кротость, какихъ между людьми онъ не встрѣчалъ никогда, и слышалъ о Его чудесахъ. Тутъ вспомнилъ онъ и сонъ жены своей, вслѣдствіе котораго она называла Его праведникомъ и совѣтовала отпустить Его. Все это вмѣстѣ и привело Пилата въ страхъ. Не сынъ ли въ самомъ дѣлѣ какого-нибудь бога стоитъ предо мною, могъ подумать онъ. Что мнѣ будетъ тогда? Но отъ кого узнать истину? Всего лучше отъ еамого Христа. И вотъ Пилать отзываетъ Христа въ преторію, то-есть во дворецъ свой, и спрашиваетъ Его: «откуда Ты?» то-есть, какого Ты происхожденія—отъ людей рожденъ, или отъ боговъ?—Что было отвѣчать на это Христу? Сказать ли, что Онъ рожденъ отъ Бога Отца прежде всѣхъ вѣковъ? Пилать не могъ понять этой высокой истины, тѣмъ болѣе, что и сами Иудей не могли вмѣстить ее въ своесмъ умѣ. Сказать

ли, что Онъ родился отъ Дѣвы на землѣ по наитію на Нее Духа Святаго? Пилать, какъ нечистый язычникъ, этой истины при настоящемъ случаѣ недостойнъ даже и слышать. По этому Христось отвѣта Пилату не далъ. Оскорбилось самолюбіе Пилата, забылъ онъ и страхъ и съ укоромъ сказалъ Христу: «Что же Ты мнѣ не отвѣчаешь? Развѣ Ты не знаешь, что я имѣю власть распять Тебя и власть отпустить Тебя?»—Имѣеть власть отпустить, а не отпускаеть—держитъ: какое противорѣчіе словъ съ дѣйствіями! Какое самообвиненіе за неправильный образъ дѣйствій! Но напрасно Пилать такъ много думаетъ о своей власти. Пилать былъ не болѣе какъ орудіе въ рукахъ Промысла, дѣлалось все такъ, какъ предназначено свыше. Поэтому Христось и говоритъ ему: «ни единой власти не имѣльбы ты надо Мною, еслибы тебѣ не было дано свыше; но больше грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ». Христось какъ бы такъ говоритъ: не гордись своею властію, она не твоя, а дана тебѣ отъ Бога;—не думай, что твой судъ рѣшаетъ все,—нѣтъ, есть еще судъ Божій, на которомъ и тебя самого ждетъ наказаніе за Меня, хотя впрочемъ меньшее сравнительно съ наказаніемъ моихъ предателей—Иуды, первосвященниковъ и книжниковъ.—Такова любовь нашего Спасителя! Онъ желаетъ спасенія даже своему неправедному судіи и какъбы предостерегаетъ его отъ дальнѣйшихъ неправедныхъ дѣйствій, указывая на судъ Божій. Пилать понялъ всю силу этой любви, и хотя не получилъ отвѣта отъ Христа на вопросъ о Его происхожденіи, но остался при своемъ убѣжденіи, что Христось не земнаго происхожденія, и что осуждать Его на смерть страшно, да и не за что; потому что Онъ совершенно невиненъ,—почему еще больше сталъ стараться отпустить его.

Итакъ, язычникъ Пилать беспокоится, какъ бы ему не ошибиться, не осудить на смерть Сына Божія; онъ боится отвѣтственности, боится суда Божія за грѣхъ осужденія на смерть Того, Кто можетъ-быть есть Сынъ Божій. Не тѣмъ ли болѣе нужно бояться грѣха оскорбленія Христа всякому христіанину, не предполагающему, а твердо увѣренному,

что Христосъ есть Сынъ Божій, Второе Лице Пресвятыя Троицы, сѣдящій одесную Бога Отца, имѣющій со славою пріити судить живыхъ и мертвыхъ,—что грѣхомъ своимъ онъ оскорбляетъ этого Сына Божія, за него страдавшаго, кровь проливавшаго, умершаго? Какъ нужно бояться этого оскорбленія, когда апостоль Павелъ строгій судъ возвѣщаетъ всякому безстрашно творящему грѣхъ! «Если, говорить онъ, отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается смертію: то сколь тяжчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ?» (Евр. 10, 28. 29). Кто попираетъ Сына Божія? Ахъ, эти страшныя слова какъ нужно помнить грѣшнику, привязанному ко грѣху, не желающему и разстаться съ нимъ! Вотъ одинъ безъ страха изрыгаетъ слова неподобныя, а этотъ съ спокойною душею беретъ чужое, обкрадываетъ хозяина, или казну; тотъ сквернитъ себя плотскимъ грѣхомъ, а сей не знаетъ для себя ничего святаго, ни храма, ни молитвы, ни таинствъ, ни праздниковъ, ни постовъ; тотъ предается невоздержанію всякаго рода. Ахъ! всѣмъ таковымъ какъ нужно помнить, кого они этимъ оскорбляютъ?! — Они оскорбляютъ Сына Божія, проливавшаго свою кровь за тѣ самые грѣхи, которые они безстрашно совершаютъ; оскорбляютъ Духа Св., благодать Котораго они приняли въ крещеніи и мвропомазаніи ради крестныхъ заслугъ Христа Спасителя. Пусть подумаютъ таковые о наказаніяхъ за грѣхи. Преступникъ закона Моисеева наказывался смертію. А чего должны ждать преступники закона евангельскаго, нарушители обѣтовъ, данныхъ при крещеніи? О, такихъ грѣшниковъ, если не покаются, ждетъ смерть вѣчная, вѣчное разлученіе съ Богомъ. Но да не будетъ сего ни съ кѣмъ изъ насъ, употребимъ средство избѣжать всего этого, прибѣгнемъ къ покаянію и Господь помилуетъ и спасетъ насъ.

По докончимъ повѣствованіе о страданіи Іисуса Христа на судѣ у Пилата. Пилать все еще колебался осудить Іисуса

Христа на смерть, желая во что бы то ни стало отпустить Его. Онъ вполне увѣренъ былъ, что вины, возводимыя на Иисуса Христа,—не болѣе, какъ одна клевета на Него, что Онъ совершенно невиненъ, а преданъ единственно по злобѣ и ненависти къ Нему первосвященниковъ и книжниковъ. Немовѣрная кротость и Божественное спокойствіе Иисуса въ виду явной смерти еще болѣе убѣждали его въ томъ. Но вотъ одно обстоятельство дало дѣлу неожиданный оборотъ. Члены синадріона, замѣтивши сильное желаніе въ Пилатѣ отпустить Христа и увидавши, что никакія обвиненія, возводимыя на Христа, не дѣйствуютъ на Пилата, рѣшились прибѣгнуть къ угрозѣ. «Если сего отпустишь, кричали они, то будешь недругъ кесарю. Всякій, называющій себя царемъ, противникъ кесарю». Тебѣ тяжело придется расплачиваться за освобожденіе этого узника, какъ бы такъ говорили они; ты защищаешь того, кто идетъ противъ власти императорской, хочеть присвоить себѣ эту власть,—смотри, какъ бы, защищая Его, тебѣ самому не пострадать вмѣстѣ съ Нимъ. Страшныя мысли могли при этомъ родиться въ умѣ Пилата. Это народъ жестокій и упорный, думалъ Пилатъ,—онъ это дѣло можетъ представить на судъ кесаря съ жалобою и на меня, какъ на защитника этого противника власти царской: что мнѣ тогда?—Правленіе Пилата было конечно не безукоризненное. Ошибокъ, злоупотребленій было множество. Все это развѣ не могло быть обнаружено предъ тѣмъ же кесаремъ? А произойдетъ въ народѣ возмущеніе вслѣдствіе освобожденія Христа, и узнаетъ кесарь причину этого возмущенія,—кто будетъ отвѣчать, какъ не онъ, то-есть Пилатъ? Пилатъ видѣлъ, что для Христа, для праваго суда надъ Нимъ ему предстояло пожертвовать своимъ спокойствіемъ, быть-можетъ, всѣмъ въ жизни; но на такую жертву онъ, какъ язычникъ, былъ неспособенъ. И вотъ мысли Пилата измѣнились, и онъ рѣшился предать Христа на смерть. Но прежде чѣмъ изречь такое опредѣленіе, онъ рѣшился отомстить іудеямъ за ихъ угрозы и настойчивость. Онъ сталъ смѣяться надъ ихъ ожиданіемъ Мессіи, какъ царя.—Было время около

полудня. Пилать садится на судейское кресло, которое стояло подъ открытымъ небомъ предъ дворцомъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ разноцвѣтными мраморными плитами, выводитъ за собой Иисуса и, указывая на Него, говоритъ: «вотъ Царь вашъ», то-есть такого-то жалкаго царя заслужили вы, столько лѣтъ дожидаясь Его?—Иудеи поняли, что надъ ними смѣется Пилать, и кричали одно: «смерть, смерть Ему, распни Его!»—«Какъ!?. Царя вашего на смерть?» спросилъ Пилать опять насмѣшливымъ тономъ. «Нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря», отвѣчали первосвященники.—Вотъ до какого лицемѣрія дошли въ злобѣ своей эти руководители народа. Подумаешь, что это лучше вѣрнопопданные. Ничуть не бывало. Они публично признаютъ своимъ царемъ Римскаго императора, котораго въ душѣ ненавидѣли, отъ котораго не знали какъ освободиться, котораго презирали, какъ язычника, невѣрующаго, нечистаго; въ синогогахъ они говорили, что кромѣ Бога они никого не признаютъ своимъ царемъ. Изъ-за чего же они теперь такъ громко кричатъ въ защиту власти Кесаря? Все изъ-за того, чтобы принудить Пилата произнести смертный приговоръ на Иисуса. Такова, повторимъ, злоба людская! Для достиженія своихъ цѣлей она способна на всякое притворство, на всякую ложь и низость. И не обманулись первосвященники и книжники. Ихъ слова воздѣйствовали на Пилата. Страхъ опалы отъ кесаря, также страхъ за свою безопасность въ виду разъяренной толпы склонили его на уступку ея незаконнымъ требованіямъ.

Но какъ изречь смертный приговоръ на человѣка невиннаго? Страшно,—и совѣсть измучить, и боги прогнѣваются. И вотъ Пилать придумываетъ средство оправдать себя и предъ совѣстію и предъ богами. У іудеевъ былъ обычай: если близь какого-нибудь города найдутъ мертвое тѣло, то начальники этого города, умывая руки своею водою надъ головою обреченной въ жертву юницы, должны были говорить: «мы не виновны въ смерти этого человѣка. Пилать зналъ этотъ обычай и рѣшился воспользоваться имъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Онъ беретъ воду, умываетъ ею руки предъ на-

родомъ, и вслухъ всего общества, признавая Христа невиннымъ, слагаетъ съ себя вину въ смерти Его. «Я не повиненъ въ крови праведника сего. Смотрите вы». Вы будете отвѣчать за смерть Его. Въ угоду вамъ я осуждаю Его на смерть.— Какая жестокая ошибка со стороны Пилата! Водю хочетъ смыть съ души несправедливость, человѣкоугодливость свою; водю хочетъ смыть злодѣяніе, каково преданіе на смерть человѣка, ничѣмъ не заслужившаго смерти, самимъ судією признаннаго невиннымъ. Но не устрашилъ онъ этимъ іудеевъ, не испугалъ тѣмъ, что вину въ смерти Христа возлагаетъ на нихъ. Они и сами берутъ ее на себя. «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ», закричали они. Какія страшныя слова! Брать на себя, и не на себя только, отвѣтственность за кровь человѣка, виновность котораго не доказали ничѣмъ, въ пользу котораго говорить такъ много, говорить вся жизнь Его чистая, безукоризненная, множество чудесъ, Имъ сотворенныхъ, величіе и святость ученія Его,—брать на себя отвѣтственность за смерть Того, который по всѣмъ признакамъ несомнѣнно долженъ быть Мессією, такъ какъ такимъ изобразили Его пророки,—какое безуміе можетъ-быть выше сего безумія! Но ослѣпленные не видятъ того, что впереди ихъ, и того, что около ихъ. Не видѣли и іудеи, какое море зла навлекали они на себя и на потомство свое этими словами. Но какъ бы то ни было, послѣднія слова ихъ окончательно рѣшили дѣло Іисусово въ умѣ Пилата. Онъ встаетъ, читаетъ приговоръ свой на Іисуса и осуждаетъ Его на распятіе. Такъ кончился судъ надъ Іисусомъ Христомъ у Пилата.

Итакъ, Пилатъ предаетъ Іисуса Христа изъ желанія угождать іудеямъ, изъ страха за свое благосостояніе. Въмѣсто того, чтобы послушаться голоса совѣсти, онъ слушаетъ клеветниковъ; вмѣсто того, чтобы убоиться суда Божія, своей горькой участи въ жизни будущей, онъ боится за потерю своего земнаго благоденствія.—Но чего онъ думалъ избѣжать, избѣжалъ ли? Нѣтъ, его судъ Божій постигъ еще здѣсь, на землѣ. Прошло немного времени, послѣдовалъ на него доносъ предъ Римскимъ императоромъ,—онъ вызванъ былъ въ

Римъ, былъ судимъ и посланъ въ заточеніе, гдѣ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Такъ грѣшно, богопротивно людямъ угождать больше, чѣмъ Богу. Такъ опасно идти противъ правды, совѣсти, здраваго смысла. Такъ законопреступно кривить душою и о земномъ благоденствіи заботиться больше чѣмъ о душѣ, о вѣчности.

Будемъ, братіе, всемѣрно избѣгать этихъ грѣховъ,—и суда Божія бояться болѣе, чѣмъ мнѣній и сужденій людскихъ. Будемъ готовы для угожденія Богу и спасенія души жертвовать всѣми выгодами земными, всѣмъ спокойствіемъ, самую жизньнюю свою. Распятый Спасителю нашъ! Ты, ради нашего спасенія принялъ поруганіе, позорную и мучительную смерть. Помоги и намъ шествовать по твоимъ святымъ стопамъ и жить прежде всего для угожденія Тебѣ и для вѣчнаго счастья душъ своихъ.

Свящ. П. Шумовъ.

СТИХИРЫ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ

ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ НА ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАИЙ НА ВЕЧЕРНИ.

На стиховнѣ.

Яко отъ божественнаго праздника къ божественному празднику прешедше, отъ вай и вѣтвий стецемся, вѣрнии, къ честному таинству спасительныхъ страданій Христа, и будемъ созерцати Того, страсть вольную за насъ подъемлюща, и пѣніе приличное воспоемъ Ему со благодареніемъ, взывающе: милосердія Источнице и спасенія Пристанище, Господи, слава Тебѣ.

Страшно есть впасти въ руку Бога живаго. Сей есть судія помысленій и мыслей сердечныхъ. Никтоже да увидеть *стымо*, искушая вѣру неукоризненную, но съ кротостію и страхомъ приступимъ ко Христу, да примемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну помощь (Евр. 10, 31; 4, 16).

Синагого лукавая, прелюбодѣйце, своему мужу вѣрности не сохраняшая! Что держиши завѣтъ, егоже не была еси наслѣдница? Что хвалишися о Отцѣ, отвергнуши Сына? Пророковъ не пріяла еси, о Сынѣ возвѣстившихъ. Поне своихъ чадъ устыдися, тако вопіющихъ: осанна Сыну Давидову! благословенъ грядый во имя Господне!

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Грядый Господь на вольную страсть, глаголаше апостоломъ на пути: се восходимъ въ Іерусалимъ, и преданъ будетъ Сынъ человѣческій, якоже есть писано о немъ. При-

идите убо и мы, очищенными душами а), пойдѣмъ за нимъ, и распнемся съ нимъ, и умремъ его ради житейскимъ сластемъ, да и живи будемъ съ нимъ, и услышимъ его глаголюща б): не кому въ земный Иерусалимъ, еже пострадати, но восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему, и возведу васъ съ собою въ горній Иерусалимъ, въ царство небесное.

Доспѣвши вѣрніи въ спасительную страсть Христа Бога, прославимъ неизреченное его долготерпѣніе, яко да по милосердію своему воздвигнетъ съ собою и насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ, яко благъ и человѣколюбецъ.

Грядый къ страданію, Господи, ободряя твоя ученики, глаголаъ еси имъ наединѣ: како не помните словесъ моихъ, яже прежде рекохъ вамъ, яко всякому пророку нѣсть писано убіену быти, аще не въ Иерусалимѣ? Нынѣ убо наста время, еже рѣхъ вамъ: се бо предаюся на поруганіе въ руки грѣшниковъ, иже и ко кресту мя пригвоздивше и погребенію предавше, возгнушаются мене, яко мертвеца в). Обаче держайте: въ третій бо день востану, въ радость вѣрнымъ и въ жизнь вѣчную.

На стиховнѣ.

Неизреченнаго тайнства домостроительства твоего, Господи, не разумѣющи г), мати сыновъ Зеведеовыхъ прошаше у Тебе даровати чадомъ ея почестъ временнаго царства; но вмѣсто сея почести чашу смерти обѣщавъ еси испити другомъ твоимъ, юже чашу прежде тѣхъ самъ испити глаголаъ еси, во очищеніе грѣховъ нашихъ. Тѣмже вопіемъ Ти: Спасеніе душъ нашихъ, слава Тебѣ.

а) Διανοίας.

б) Буквально: *вопіюща*—Βωυητος.

в) Εβδελυγμενον λογιουνται... Буквально: *почтутъ мерзкимъ*, какъ мертвеца. У свреевъ, какъ извѣстно, все мертвое считалось по закону нечистымъ, или *мерзкимъ*.

г) Ουκ εβάρκουσα. Буквально: *будущи недостаточна*, или *неспособна* (къ тайнству).

Совершеннѣйшая мудрствовати научая своя ученики глаголашь еси имъ, Господи, да не уподобляются язычникомъ во обладаніи меньшими. Не тако будетъ у васъ, моихъ учениковъ (*рекль еси*), зане нищъ по своей воли есмь азъ: первый убо между вами да будетъ всѣмъ слуга, начальникъ же, яко подначальный, предпочтенный, яко послѣднѣйшій. Ибо и самъ придохъ послужити обнищавшему Адаму и дати душу мою во избавленіе за многихъ, воіюющихъ мнѣ: слава Тебѣ.

Изсохшія за безплодіе смоковницы убоявшеся наказанія, братіе, плоды достойны покаянія принесемъ Христу, подающему намъ велю милость.

Вторую Еву обрѣтъ змій *жену* египтяныню, чрезъ *тоя* глаголы тщашеся прельстити ласканьми Іосифа; но той, оставивъ *ризу свою*, убѣжа отъ грѣха (Быт. 39, 7—12) и нагъ не стыдшеша, якоже перевозанный прежде преслушанія. Того молитвами, Христе, помилуй насъ.

Примѣчаніе. Утреннія стихиры понедѣльника поются въ тотъ же день и на вечерни, на „Господи воззвахъ“.

ВО ВТОРНИКЪ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Въ свѣтлыхъ *жилицахъ* д) святыхъ твоихъ како явлюся азъ недостойный? Аще бо дерзну купно съ ними внити въ брачный чертогъ *твой*, одежда обличить мя, яко нѣсть брачна, и связанъ, изверженъ буду отъ ангеловъ (Матѣ. 22, 10—13). Очисти, Господи, скверну души моя и спаси мя, яко челоуѣколюбець.

Небреженіемъ о душѣ воздремався, не стяжахъ, Женише Христе, горящаго свѣтильника, иже отъ добродѣтелей, и дѣвамъ юродивымъ уподобихся, во время дѣланія живый безпечно. Не затвори мнѣ, Владыко, милостиваго сердца твоего, но страхнувъ мой мрачный сонъ, возстави *мя* и съ мудрыми дѣвами введи въ чертогъ твой (Матѣ. 25, 1—13), идѣже гласъ

д) *Εν ταῖς λαμπρότησι*; буквально: во свѣтлостяхъ, въ сіяніи, славѣ, почетѣ

чистый празднующихъ и вопіющихъ непрестанно: Господи, слава Тебѣ.

Скрывшаго талантъ слышавши осужденіе, душе *моя*, не скрый словесе Божія, возвѣщай чудеса его, да умножаючи дарованное *тебѣ*, внидеши въ радость Господа твоего (Матѳ. 25, 14—30).

На стиховнѣ.

Приидите, вѣрніи, поработаемъ усердно Владыцѣ, раздаеть бо работѣ своимъ богатство, и приумножимъ кійждо соразмѣрно *дарованію* благодатный талантъ. Овъ убо мудрость да возраститъ дѣлы благими; овъ же почтенное служеніе да несетъ на себѣ е); да поучаетъ же вѣрный ненаученнаго тайнамъ *вѣры* ж) и да расточаетъ богатство убогимъ другіи: тако бо приумножимъ взятое взаимъ, и яко вѣрніи домостроителіе благодати, Владычнія радости сподобимся. Тоя сподоби насъ, Христе, Боже, яко человѣколюбець.

Егда приидеши во славу со ангельскими силами, Иисусе, и сядеши на престолѣ суда,—не отлучи мя *отъ себе*, Пастырю благій: десныя бо пути Ты вѣси, погибельны же суть *пути* шуія з). Да не погубиши убо съ козлищами мене, грубаго грѣшника, но къ сущимъ одесную *Тебе* овцамъ сопричетъ, спаси мя, яко человѣколюбець.

Женише прекраснѣйшій и) паче всѣхъ человѣкъ, призванный насъ къ ширшеству духовному въ брачномъ чертогѣ твоёмъ, нелѣпотно одѣянный зракъ мой разоблачи отъ прегрѣшеній, причастіемъ страданій твоихъ, и одеждою славною украсивъ твоя красоты, сотрапезника свѣтла покажи мя въ царствіи твоёмъ, яко благоутробенъ.

е) Λειτουργίαν λαμπροτήτος ἐπιτελεῖσθαι. Трудно понять, что собственно разумѣется здѣсь подъ λειτουργία λαμπροτήτος. Въ нашей Тріоди переведено: *службу свѣтлости*.

ж) Буквально: вѣрный да имѣеть общеніе въ словѣ (κοινωνεῖτω τῷ λόγῳ), или въ *поученіи*, съ непосвященнымъ въ таинства.

з) Οδοὺς δεξιᾶς γὰρ οἰκίας, διεστραμμένα δε εἶσιν αἱ εὐνομοί. Сравни Псал. 1, 6.

и) Ο καλλεῖ σπαιος—*красенъ добротою*. См. Псал. 44, 3.

Се талантъ ввѣряеть тебѣ Владыка, душе моя: со страхомъ приими даръ, позаимствуй Давшему,—раздай нищимъ (Притч. 19, 17) и стяжи друга *въ мѣнь* Господа, да станеша одесную Его, егда придетъ во славу, и услышиши *отъ Него* блаженный гласъ: вниди, рабе, въ радость Господа твоего. Тоя сподоби мене заблудшаго, Спасе, по величїи твоей милости.

Примѣчаніе. Утреннія стихиры вторника поются вѣтотъ же день и на вечерни.

ВЪ СРЕДУ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Тебе, Сына Дѣвы, блудница познавши Бога, глаголаше, умоляючи съ плачемъ, яко достойное слезъ содѣлавшая: развяжи мою вину, якоже и азъ плетеницы власъ ¹⁾ *моихъ*; возлюби любящую Тя, юже праведно ненавижимую, и посредѣ мытарей о Тебѣ проповѣмъ, Благодѣтелю-человѣколюбче.

Многоцѣнное мѣро блудница смѣси со слезами и излія на пречистыя нозѣ твои, лобызаючи *тыя*: оную абіе оправдашь еси, намъ же прощеніе *согрѣшеній* даруй, иже за насъ Пострадавый, и спаси насъ.

Егда грѣшница приношаша мѣро, тогда ученикъ соглашашеся съ беззаконники: оная убо радовашеся, изливаючи многоцѣнное, сей же тѣчался продати Безцѣннаго; оная Владыку познаваша, сей же отъ Владыки разлучашеся; оная свободжашеся, а Іуда рабъ врагу творяшеша. Тяжкая безпечность! Великое покаянїе! Сїе мнѣ даруй, Спасе, иже за насъ пострадавый, и спаси насъ.

О, лукавство Іуды! Зряше блудницу лобзающую нозѣ *Снасовы* и замышляше коварно лобзаніе предательства. Оная власы *себѣ* развяза, а сей яростію вязашеся, нося вмѣсто мѣра смрадную злобу: зависть бо не вѣсть предпочитати полезное. О, Іудино лукавство! отъ негоже избави, Боже, души наша.

1) Τους πλοκαμους. Сравни 3 Маккав. 1, 4.

Тече грѣшница въ муропродальницу купити многоцѣнное муро, еже помазати *тѣмъ* Благодѣтеля, и муроварцу вопіяше: даждь мнѣ муро, да намащу и азъ имущаго изгладити вся моя грѣхи.

Погрязшая во грѣсѣхъ обрѣте въ Тебѣхъ пристанище спасенія и муро со слезами изливающи на Тя, вопіяше: виждь ^{к)}, иже покаянія грѣшниковѣхъ ожидай: но спаси мя, Владыко, отъ волны грѣха, великія ради твоея милости.

На стиховнѣхъ.

Днесъ Христосъ приходитъ въ домъ *Симона* фарисея и жена грѣшница приступльши къ ногамъ *Его*, валяяся вопіющи: виждь, Господи, погрязшую во грѣсѣхъ, отчаянную дѣянній ради, *но* не отверженную презрительно отъ твоея благодати, и даждь мнѣ оставленіе золь *моихъ* и спаси мя.

Простре блудница власы къ Тебѣхъ—Владыцѣхъ; простре Іуда руки къ беззаконнымъ: ова убо пріяти *грѣховъ* оставленіе, сей же взяти сребренники. Тѣмже вопіемъ Тебѣхъ, проданному и свободившему насъ: Господи, слава тебѣхъ.

Приступи жена смрадная и нечистая, слезы проливающая, къ ногамъ твоимъ ^{л)}, Спасе, страсть свою возвѣщаючи: како воззрю на Тя, Владыко? Самъ бо пришелъ еси спасти блудницу. Возстави отъ пропасти мене погибшую, иже Лазаря четверодневна воздвигнувый отъ гроба; пріими мя окаянную, Господи, и спаси мя.

Отверженная по образу житія и пріятая по нраву ^{м)} *жена*, муро носящи, прииде къ Тебѣхъ вопіющи: не отрини мене блудницу, Родивыйся отъ Дѣвы; не презри моя слезы, Радосте ангеловъ; но пріими мя кающуюся, юже не отвергль еси согрѣшающую, Господи, по велицѣй своей милости.

к) *Иде*—вотъ-смотри; на, возьми.

л) *Δακρυα* *προχέουσα* *πосι* *σου*. Въ болѣе древнихъ изданіяхъ: *δακρυα* *προχεται* *σοι* *ποθουσα*—слезы пролети предъ Тобою желающая. Въ нашей Трїодѣ *ποθουσα* переведено: *любящи*, а *προχεται* *σοι* прочтано: *προχέουσα*.

м) Т.-е. по душевному покаянному расположенію. *Ν απευθυνμένη δια τον βιον και επευχαριμένη δια τον τροπον*.

Во многія грѣхи впадшая жена, ощутивши твое божество, Господи, и служеніе ^{н)} муроносицы на себѣ взявши, съ плачемъ муру Тебѣ прежде погребенія приноситъ, глаголющи: горе мнѣ! яко нощь ми есть разженіе къ распутству, темное же и мрачное влеченіе ко грѣху. Пріими токи слезъ моихъ, иже облаками изводяй воду морскую; склонися ко мнѣ, къ моимъ въздыханіямъ сердечнымъ, иже небеса преклонивый неизреченнымъ твоимъ истоцаніемъ. Облобызаю пречистыя твоя нозѣ, еще же и власами главы моея отру сія, иже шумъ въ рай по полудни Ева услышавши, отъ страха скрыся (Быт. 3, 8). Грѣховъ моихъ множество и судьбъ твоихъ бездны кто изслѣдитъ, Спасителю душъ, Спасе мой? Не презри мене, рабу твою, иже безмѣрную имѣяй милость.

Примѣчаніе. Эти утреннія стихиры поются и на вечерни въ великую среду.

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Стекается уже соборище ^{о)} іудеовъ, да Создателя и Творца всяческихъ Пилату предасть. О, беззаконніи! о, невѣрніи! яко имущаго судити живымъ и мертвымъ на судъ обрекають, ищѣющаго страсти ко страсти уготовляютъ. Господи долготерпѣливый, великая твоя милость; слава Тебѣ.

Іуда нечестивый, омочивый на вечера руку въ чаши съ Тобою, Господи, простре къ беззаконнымъ ^{п)} руцѣ, еже пріяти сребренники, и мура исчисливый цѣну, не убоясь продати Тебе безцѣннаго: ноги прострый на умовеніе отъ Владыки, коварно облобыва Тебе, еже предати беззаконникомъ; лика же апостольскаго отвергся и тридесять сребренниковъ повергъ, не видѣ твоего тридневнаго воскресенія, егоже ради помилуй насъ.

Іуда, коварный предатель, льстивнымъ лобзаніемъ предаде Спаса Господа; Владыку всяческихъ, яко раба продаде іуде-

н) Буквально: *μινὴ*—ταῖς.

о) Συνοδίου.

п) По другимъ чтеніямъ: *ἀνομῶς*—беззаконно.

омъ: яко овча на заколеніе, тако идяше *на смерть* Агнецъ Божій, Сынъ *Бога* Отца, единъ многомилостивый.

Иуда рабъ и измѣнникъ, ученикъ и злоумышленникъ, другъ и клеветникъ отъ дѣлъ явился: послѣдоваше бо Учителю и на Него предательство умысли; глаголаше въ себѣ: предамъ Его и пріобрѣщу многая р) имѣнія; искаше же и мѣро продати и Иисуса хитростію взяти; даде цѣлованіе и предаде Христа. И яко овча на заколеніе, тако идяше *на смерть* единъ благоутробный и челоуѣколюбець.

Агнецъ, егоже проповѣда Исаія (Иса. 53, 7), грядетъ на заколеніе вольное, и даетъ хребетъ на бичеваніе, ланиты на заушеніе, лица же *своего* не отврати отъ срамоты заплеваній, и на смерть безобразную осуждается: вся Безгрѣшный пріемлетъ на Себе, да всѣмъ даруетъ изъ мертвыхъ воскресеніе.

На стиховнѣ.

Днесъ собрася лукавый синедріонъ, враждебный Христу, и тщетная совѣща на Него—предати Пилату на смерть неповиннаго. Днесъ юже отъ имѣній петлю Иуда на себе налагаетъ, и лишается обоюду жизни, привременныя и вѣчныя с). Днесъ Каіафа невольнo пророчествуетъ, глаголя: лучше есть единому умерети за люди. Приде бо за грѣхи наши пострадати, да свободитъ насъ отъ рабства врагу, яко благъ и челоуѣколюбець.

Днесъ Иуда отлагаетъ личину нищелюбія и обнажаетъ зракъ любостыжанія: не печется уже о нищихъ, не мѣро жены-грѣшницы, но небесное уже продаетъ Мѣро и отъ него пріемлетъ себѣ сребренники; бѣжитъ къ іудеомъ, глаголетъ беззаконнымъ: что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ его? О, сребролюбіе предателя! дешевую совершаетъ продажу; согласнo желанію купующихъ творитъ дѣло продавца т); не

р) Συναχθεντα χρηματα—буквально собранныя (въ кучу) деньги,—кучу денегъ.

с) Буквально: *божественныя*—θεϊας.

т) Προς την γυναιην των αγοραζοντων του πωλουμενου την πραγματειαν ποιετα.

строгъ въ цѣнѣ является, но яко раба бѣлаго продаетъ: обычно бо есть татѣмъ пометати благая. Нынѣ псомъ поверже ученикъ святыню: бѣснованіе бо сребролюбія на своего Владыку яритися его сотвори. Убѣжимъ сего искушенія, зовуще: долготерпѣливе Господи, слава Тебѣ.

Нравъ твой коварства исполненъ, незаконный Іудо: недуга бо сребролюбіемъ, приобрѣль еси челоуѣконенавидѣніе. Аще богатство любилъ еси, почто ко Учащему о нищетѣ ходилъ еси? Аще же и любилъ еси, вскую Безцѣннаго продалъ еси, предавъ на убіеніе? Ужаснися солнце, возстени земле, и трасущися возопій: незлобиве Господи, слава Тебѣ.

Никтоже, вѣрній, не наученный тайнѣ владычнія вечери, никтоже отнюдь да приступаетъ коварно, якоже Іуда, къ трапезѣ. Онъ бо укрухъ *хлѣба* приѣмъ, противу Хлѣба *жизни* (Іоан. 6, 35) устремися, по наружному виду сый ученикъ, дѣломъ же убійца: съ іудеями убо веселяшеса, со апостолы же обнощеваше; ненавида лобызаше, лобызая же продаваше искупившаго насъ отъ клятвы Бога и Спаса душъ нашихъ.

Посвящая въ таинства твоя ученики, Господи, училъ еси *ихъ*, глаголя: зрите, друзи, да никійже страхъ разлучитъ васъ отъ мене; аще бо и стражду, но за міръ. Не соблазняйтесь убо о Мнѣ: не придохъ бо, да послужатъ Мнѣ, но послужити и положити душу мою во избавленіе за міръ. Тѣмже аще вы друзи мои есте, мнѣ подражайте: хотяй быти первый, да будетъ послѣдній, владыка—яко служитель. Пребудите во мнѣ, да плодъ принесете: Азъ бо есмь лоза жизни (Іоан. 15, 1 и дал.).

ВЪ ЧЕТВЕРТОКЪ НА ВЕЧЕРНИ.

На Господи воззвахъ.

Стихиры утреннія хвалитныя. См. выше.

Слава и нынѣ. Воистину порожденіе ехиднѣ Іуда, яже ядаху манну въ пустыни и роптаху на Питателя. Еще бо брашну сушу во устѣхъ ихъ, клеветяху на Бога неблагодарни: и сей нечестивецъ, небесный хлѣбъ во устахъ нося, на Спаса предательство содѣла. О, душа ненасытная! о, дерзость без-

человѣчная! Питающаго продаваше, и егоже лобзаше Владыку, *того* на смерть предаваше. Воистину онѣхъ сынъ сей беззаконникъ, и съ ними погибель наслѣдова. Но сохрани отъ таковаго белчеловѣчія души наша, Господи, едине въ долготерпѣнїи несравненный.

ВЪ ПЯТОКЪ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Два лукавая *дьянія* сотвори первородный сынъ мой Израиль: Мене остави, источника воды жизни, и ископа себѣ кладязь негоденъ у); Мене на древѣ распять, Варавву же испроси и отпусти. Ужасеся небо о семь, и солнце лучи сокры; ты же, Израилю, не устыдился еси, но смерти Мя предашь еси. Остави имъ, Отче святыи, не вѣдятъ бо что сотвориша.

Кїждо членъ святая твоя плоти безчестіе за насъ претерпѣ: глава—терніе, лице оплеванїа, челюсти заушенїа, уста растворенную въ оцѣ желчь—вкушенїемъ, ушеса хуленїа злочестивая, хребетъ бичеванїе и рука—трость; все тѣло—растяженїе на крестѣ, руцѣ и нозѣ ф) гвоздїа и ребро—копїе. Пострадавый за насъ и отъ страданїи свободивый насъ, снишедый къ намъ по челоуѣколюбію и вознесый насъ *горь*, всесильне Спасе, помилуй насъ.

Распеншуся Тебѣ, Христе, вся тварь видящи трепеташе; основанїа земли сотрясошася отъ страха силы твоя. Тебѣ бо вознесену нынѣ *на крестъ*, родъ еврейскїи погibe; завѣса храма раздрася надвое; гроби отверзошася х) и мертвіи отъ гробовъ востаха. Сотникъ, видѣвъ чудо, ужасеся; мати же твоя предстоящи, вопїаше рыдаючи п) матерски: како не восплачу и утробы моя не бію, зрящи Тя нага, яко злодѣя ч) на древѣ висяща? Распныйся и погребыйся и воскресый изъ мертвыхъ, Господи, слава Тебѣ.

у) Буквально: *сокрушенъ* или *разбитъ*—συντετριμμενον.

ф) Буквально: *суставы*—τα αρθρα.

х) Эти два слова въ древнихъ изданїяхъ не встрѣчаются

п) Буквально: *поющи плачевную пѣснь*—θρηνηδουσα.

ч) Буквально: *яко осужденника*—ως κατακριτων.

Совлекоша съ Мене одежды моя, и облекоша Мя въ хламиду червлену; на главу мою возложиша вѣнецъ отъ терній, и въ десную руку мою даша трость, да сокрушу ихъ яко сосуды скудельничи.

Хребетъ мой дахъ на бичеваніе, лица же моего не отвратихъ отъ заплеваний; предъ судилищемъ Пилатовымъ предстахъ, и крестъ претерпѣхъ за спасеніе міра.

На стиховнѣ.

Вся тварь измѣняшеса отъ страха, зрящи Тя, Христе, на крестѣ висяща: солнце помрачашеся и основанія земли колебахуся, вся сострадаху вся Создавшему. Иже по своей воли насъ ради пострадавый, Господи, слава Тебѣ.

Людіе нечестивіи и беззаконніи, вскую замышляете тщетная? почто Жизнь всѣхъ на смерть осудисте? Велие чудо, яко Творецъ міра въ руки беззаконныхъ предается, и на древо возносится Человѣколюбецъ, да свободитъ сущія во адѣ узники, зовущія: долготерпѣливе Господи, слава Тебѣ.

Днесъ непорочная Дѣва, зрящи Тя, Слове, на крестѣ повѣшена, скорбящи матернею утробою, горько уязвляшеса въ сердцѣ, и стенаючи болѣзненно изъ глубины души, ланиты со власы терзающи, изнемогаше; сего ради и въ перси себе біющи, взываше жалостно: увы мнѣ, божественное Чадо! увы мнѣ, Свѣте міра! что зашелъ еси отъ очей моихъ, Агнче Божій? Тѣмже воинства безплотныхъ, трепетомъ одержими, глаголаху: непостижиме Господи, слава Тебѣ.

Видящи Тебе, Христе, на древѣ висяща, Творца всѣхъ и Бога, яже безсѣменно рождшая Тя, вопіяше горько: Сыне мой, камо скрыся красота зрака твоего? Не терплю зрѣти Тя неправедно распята. Потщися убо, востани, яко да вижду и Азъ тридневное твое изъ мертвыхъ воскресеніе.

Восходящу на крестъ Тебѣ, Господи, страхъ и трепетъ найде на тварь: и земли убо возбранялъ еси поглотити Тебе распинающія, аду же повелѣвалъ еси отпустить узники. На возрожденіе человѣковъ, Судіе живыхъ и мертвыхъ, пришелъ еси жизнь даровати, а не смерть. Человѣколюбче, слава Тебѣ.

Уже омакается трость ^{ш)} приговора отъ судей неправедныхъ, и Иисусъ обвиняется и на крестъ осуждается, и страждетъ тварь, зрящи Господа на крестѣ. Но иже естествомъ плоти мене ради страждай, благий Господи, слава Тебѣ.

ВЪ ПЯТОКЪ НА ВЕЧЕРНИ.

На Господи возвахъ.

Вся тварь измѣняшеса...

Людіе нечестивіи и беззаконніи....

Днесь непорочная Дѣво...

Видящи Тебе, Христе, на древѣ....

} См. выше.

Днесь Владыка твари стоитъ предъ Пилатомъ, и кресту предается Творецъ всяческихъ, яко агнецъ приводимъ по своей воли; гвоздьми пригвождается, и въ ребро прободается, и губою напаяется иже манну съ небесе одождивый; по ланитома ударяется Избавитель міра, и отъ своихъ рабовъ поруганію подвергается Создатель всего. О, человѣколюбіе Владыки! за распинающихъ *Его* моляше своего Отца, глаголя: остави имъ грѣхъ сей; не вѣдятъ бо беззаконніи, что неправедно содѣвають.

О, како беззаконная синагога осуди на смерть Царя твари, не устыдѣвшись благодѣяній *Его*, яже напоминая нѣкогда, защищашеса, глаголя къ іудеомъ ^{ш)}: людіе мои, что сотворихъ вамъ? Не наполнихъ ли чудесами Іудею; не воскресихъ ли мертвецы единымъ словомъ; не исцѣлихъ ли всякъ недугъ и *всяку* болѣзнь? Что же Ми воздаете? Почто не помните о Мнѣ, за исцѣленія возложивше на Мя раны, за дарованіе жизни уменщяюще, на древѣ вѣшающе, яко злодѣя, Благодѣтеля, яко беззаконника — Законодавца, яко осужденника — всѣхъ Царя? Долготерпѣливый Господи, слава Тебѣ.

Страшное и чудное таинство зрится нынѣ совершаемо: Неприкосновенный удержавается, Разрѣшаяй Адама отъ проклятія, узами связуется; испытуй сердца и утробы, непра-

ш) *Каламос*: трость, употреблявшаяся для писанія вмѣсто нашего пера, или тростниковое перо.

ш) Буквально: *къ нимъ*.

ведно испытуется; въ темницу заключается, Иже бездну заключивый; Пилату предстоить, Емуже со трепетомъ предстоить небесныя силы; заушается рукою созданія Создатель; на древо осуждается Судяй живымъ и мертвымъ; во гробъ заворяется Разрушитель ада. Иже вся терпай милосердно и всѣхъ спасый отъ проклятiя, незлобиве Господи, слава Тебѣ.

На стиховнѣ.

Егда со древа снятъ аримаѳеянинъ Тебе мертваго, Жизнь всѣхъ, Христе,—смирною и плащаницею Тя покры, и любовію побуждашеся—сердцемъ и устнами облабызати ^{ъ)} непорочное твое тѣло; обаче, страхомъ удерживаемъ, радуяся вопіяше Тебѣ: слава снисхожденію твоему, Человѣколюбче.

Егда во гробѣ новомъ за міръ ^{ы)} положился еси, Избавителю міра,—адъ, всякаго осмѣянiя достойный, видѣвъ Тя ужасеся, верей *того* сокрушишася, врата сломишася, гроби отверзошася, мертвіи восташа. Тогда Адамъ радуяся, благодарственно вопіяше Тебѣ: слава снисхожденію твоему, Человѣколюбче.

Егда во гробѣ, по своей воли, плотію заключился еси, иже естествомъ божества неописанный и неопредѣленный,—смертная хранилища заградилъ еси, и адова царствiя вся истоцилъ еси, Христе. Тогда и субботу сію божественнаго благословенiя, и славы, и твоя свѣтлости ^{ь)} сподобилъ еси.

Егда силы *небесныя* зряху Тя, Христе, яко прелестника отъ беззаконныхъ оклеветаемая, и камень гроба, запечатанъ руками, имже твое пречистое ребро прободоша, — ужасася неизреченному долготерпѣнію твоему ^{ѣ)}; обаче, нашему спасенію радующеся, вопіяху Тебѣ: слава снисхожденію твоему, Человѣколюбче.

Тебе, одѣвающегося свѣтомъ, яко одеждою, со древа снемъ Іосифъ съ Никодимомъ, и видѣвъ мертва, нага, непогребенна,

^{ъ)} περιπτεῖσθαι—обвернуть, покрыть, обнять,

^{ы)} ὑπὲρ τοῦ παντός.

^{ь)} τῆς σῆς λαμπρότητος.

^{ѣ)} Въ нашей Тріоди, вслѣдъ за греческимъ подлинникомъ, допущена здѣсь очевидно-ошибочная растановка предложеній.

благосотрадательно восплакася ⁹⁾, и рыдая глаголаше: увь мнѣ, сладчайшій Иисусе! Тебе не-вдавнѣ ¹⁰⁾ на крестѣ висяща солнце узрѣвъ, мракомъ облагашеся, и земля отъ страха колебашеся, и завѣса храма раздирашеся; но се нынѣ вижду Тя мене ради, по своей воли, подъемша смерть. Какъ же погребу Тебе, Боже мой, или како плащаницами обвію? Кіими руками прикоснуся непорочному твоему тѣлу, или кія пѣсни воспую твоей кончинѣ, Милосерде? Величаю страсти твоя, прославляю пѣснями и погребеніе твое со воскресеніемъ, взывая: Господи, слава Тебѣ.

ВЪ СУББОТУ НА УТРЕНИ.

На хвалитехъ.

Днесъ содержитъ гробъ Содержащаго дланію тварь; покрываетъ камень Покрыващаго благостію небеса; спитъ Жизнь, и адъ трепещетъ, и Адамъ отъ узъ разрѣшается. Слава твоему домостроительству, имже совершивъ вся, субботство вѣчное даровалъ еси намъ — всесвятое твое изъ мертвыхъ воскресеніе ¹¹⁾.

Что *есть* зримое видѣніе? Что настоящее упокоеніе? Царь вѣковъ, совершивъ страданіемъ *свое* домостроительство, во гробѣ субботствуетъ, новое намъ подавая субботство. Тому возопіимъ: воскресни, Боже, судая земли яко Ты царствуеши во вѣки, иже безмѣрную имѣяй велию милость.

Прійдите, увидимъ Жизнь нашу во гробѣ лежащу, да во гробѣхъ лежащія оживотворить; прійдите, *и* зраще нынѣ спяща иже отъ Іуды произшедшаго, пророчески воззовемъ

9) Бувважно: *благосотрадательный плачь воспримъ*, рыдая глаголаше.

10) Про мѣров—нѣсколько ранѣе, не задолго пржеде; русское простонародное—*давеча*.

11) Въ нашей Тріоди: *совершивъ все упокоеніе вѣчное, даровалъ еси намъ* и проч. Это значить, что переводчики читали: *τελεσας παντα σαββατισμων αιωνιον εδωρησω ημιν...* Правильнѣе же читить такъ: *τελεσας παντα, σαββατισμων αιωνιον εδωρησω ημιν*. Все дѣло, значить, въ неправильной пунктуаціи, которая, кстаті замѣтимъ, въ греч. богослужевныхъ книгахъ, какъ и въ нашихъ, встрѣчается весьма и весьма часто.

Ему: возлежь, уснуль еси, яко левъ; кто возбудитъ Тя, Царю (Быт. 49, 8. 9)? Но востани самовластно, иже давый себе за насъ по своей воли. Господи, слава Тебѣ.

Проси Иосифъ тѣло Исуса, и положи въ новомъ гробѣ своемъ: подобаше бо Ему отъ гроба, яко отъ чертога изыти. Сокрушивый державу смерти и отверзый врата рая человѣкомъ, *Господи*, слава Тебѣ.

Нынѣшній день таинственно прообразоваше великій Моисей, глаголя: и благослови Богъ день седмый. Сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ оныже почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Сынъ Божій, по домостроительству своему, смертію содѣваемому ^{о)}, упокойся плотію: и въ прежнее состояніе ^{а)} паки возвратився чрезъ воскресеніе, дарова намъ жизнь вѣчную, яко единъ благій и человѣколюбецъ.

ВЪ СУББОТУ НА ВЕЧЕРНИ.

Днесъ адъ стеная вопіеть: лучше мнѣ баше не примати рожденнаго отъ Маріи. Пришедъ бо на мя, державу мою разруши; врата мѣдная сокруши; души, имиже обладахъ прежде, воскреси, Богъ сый. Слава, Господи, кресту твоему и воскресенію твоему.

Днесъ адъ стеная вошеть: разрушися моя власть. Пріяхъ смертнаго, яко единаго отъ умершихъ, удержати же сего отнюдь не могу, но теряю съ нимъ *и тѣхъ*, имиже царствовахъ: азъ имѣхъ мертвецы отъ вѣка, но се той всѣхъ возставляетъ. Слава, Господи, кресту твоему и воскресенію твоему.

Днесъ адъ стеная вопіеть: поглощена бысть моя держава. Пастырь распятыя, и воскреси Адама; имиже царствовахъ, *тѣхъ* лишихся, и яже возмогахъ поглотити, всѣхъ изbleвахъ. Истощи гробы Распныйся: изнемогаетъ смерти сила. Слава, Господи, кресту твоему и воскресенію твоему.

· Е. А.

о) δια της κατα τον θανατον οικονομιας.

а) εις ο ην—αδ το, ιημъ ѳιημъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

въ среду четвертой седмицы Великаго поста.

(Притч. 12, 23—28; 13, 1—9).

Гл. 12. ст. 23. **Мужъ разумный престоль чувствія** (*сѣдалмище вѣдѣнія*), **сердце же безумныхъ срязаетъ клятвы.**

По правилу восполненія одного полустипшя другимъ, сей стихъ допускаетъ такое изложеніе. Мужъ разумный, сердце котораго полно вѣдѣнія, готовъ дѣлиться своимъ вѣдѣніемъ съ каждымъ, желающимъ научиться отъ него. Онъ—открытая для всѣхъ каеэдра (*сѣдалмище*) ученія,—всякій невозбранно приходитъ къ нему съ надеждою получить отъ него потребное наставленіе, и удовлетворенный, уходитъ отъ него, благословляя его. Но есть и неразумные, мнящіе себя быть умными. Чего ждать отъ нихъ хорошаго? Сердце ихъ полно невѣжества, заблужденій, порочныхъ помысловъ и желаній; и каково сердце, таковы и рѣчи ихъ. Не похвалы и благословеній, а только проклятій заслуживаютъ отъ слушателя эти безумныя рѣчи.

Ст. 24, **Рука избранныхъ одержитъ удобъ** (*будетъ овладѣвать легко*), **лѣстивіи же (коварныя) будутъ въ плѣненіи** (*разграбленіи*).

Въ этомъ стихѣ наблюдатель житейскихъ дѣлъ сообщаетъ плодъ своего наблюденія надъ ходомъ ихъ. Онъ убѣдился въ слѣдующемъ: люди лучше (*избранные*) рукою своею или трудами рукъ своихъ легко пріобрѣтаютъ въ свое владѣніе имѣніе или обильныя средства жизни, не прибѣгая къ без-

честнымъ средствамъ; но люди коварные (*мстивіи*) надѣются разбогатѣть не честнымъ трудомъ, а обманомъ и хитростію, и однакожь обманываются въ своихъ расчетахъ: если что и успѣютъ они нажить, дѣлается добычею другихъ, не менѣ ихъ сильныхъ и коварныхъ (*будутъ въ разграбленіи*).—Возможно и другое толкованіе: Есть счастливыя, особые избранныки, которымъ очень легко достается власть, сила, богатство; стоитъ имъ протянуть руку, и все въ ихъ рукѣ. Но другой истощается въ изобрѣтеніи изворотовъ, хитростей съ цѣлю достигнуть господства и богатства, и ему не только это не удастся, онъ еще самъ дѣлается какбы добычею сильныхъ людей, попадаетъ въ кабалу къ нимъ.

Ст. 25. Страшное слово сердце мужа праведна смущаетъ, вѣсть же благая веселить его.

Идетъ рѣчь о сочувствіи праведника ближнимъ въ ихъ горѣ и радости. *Страшное слово*, т.-е. вѣсть объ ужасномъ бѣдствіи, постигшемъ ближняго, смущаетъ праведнаго,—онъ страдаетъ за ближняго душою, какъ бы самъ терпѣлъ это бѣдствіе. Но когда дойдетъ до его слуха *благая вѣсть* о ближнемъ, онъ радуется. По любви къ ближнимъ онъ радуется съ радующимися и плачетъ съ плачущими (Рим. 12, 15).

Ст. 26. Разумный (разсудительный) праведникъ себѣ другъ будетъ, мысли же нечестивыхъ не кротки. Согрѣшающихъ постигнуть злая, путь же нечестивыхъ прельститъ я.

Разсудительному человѣку свойственно кроткое и мирное расположеніе духа въ отношеніи къ ближнимъ. Таково именно расположеніе праведника. И благо ему: онъ избѣгнетъ столкновенія съ ближними и, уживаясь со всѣми, *себѣ другъ будетъ*; ибо если онъ никого не обижаетъ, и его не стануть обижать; онъ всякому доброжелательствуетъ, и ему будутъ отвѣчать тѣмъ же,—вслѣдствіе чего онъ будетъ наслаждаться душевнымъ миромъ: дружа съ другими, поистинѣ самому себѣ будетъ другомъ. Но горе нечестивымъ: они враги самимъ себѣ, потому что ихъ волнуютъ *некроткія мысли* въ отношеніи къ

ближнимъ. Чуждые кротости и снисходительности, они ни съ кѣмъ не уживаются и тѣмъ вредятъ самимъ себѣ пуще заклятаго врага, ибо лишены душевнаго мира.—Въ остальныхъ словахъ разсматриваемаго стиха говорится о воздаяніи грѣшникамъ и нечестивымъ. Грѣшитель и не раскаяваясь нельзя безнаказанно,—рано или поздно за зломъ грѣха послѣдуетъ зло наказанія въ настоящей и будущей жизни. *Путь нечестивыхъ прельститъ я*: нечестивые напрасно обольщаютъ себя надеждою, что они благополучно доживутъ свой вѣкъ,—нѣтъ, они идутъ путемъ, который *прельститъ ихъ*, вопреки ихъ ожиданію приведетъ ихъ къ гибели: «путь нечестивыхъ погибнетъ».

Ст. 27. **Не улучшить лъстивый (коварный) ловитвы (добычи), стяжаніе честное (дорогое приобрететъ) мужъ чистый.**

Есть люди, которые для обогащенія себя позволяютъ себѣ подобное тому, что дѣлаютъ охотники или ловчіе. Послѣдніе употребляютъ разныя хитрости (*коварства*), чтобы поймать птицу или звѣря. Равно и любители земныхъ стяжаній прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ и неправдамъ, чтобы поживиться насчетъ ближняго. Но не всегда счастливы птицеловы и звѣроловы. Случается, что попавшая въ ихъ сѣти добыча прежде чѣмъ упадетъ въ ихъ руки, или сама вырывается изъ сѣти, или дѣлается жертвою плотоядныхъ животныхъ. Подобно сему непрочны стяжанія, собираемая неправдою. Опытъ показываетъ, что или при жизни таковыхъ стяжателей нажитое ими расхищается, или по смерти ихъ наслѣдниками расточается. Этого несчастія не испытываетъ человекъ *чистый*,—неукоризненный въ нравственномъ отношеніи. Ему достается въ неотъемлемую собственность драгоценное (*честное*) стяжаніе. Само-собою впрочемъ разумѣется, что этотъ общій порядокъ житейскихъ дѣлъ иногда нарушается исключеніями, которыя по особенному поущенію Божію допускаются ко благу благочестивыхъ людей и по другимъ, не всегда постижимымъ для насъ, судьбамъ Провидѣнія.

Ст. 28. **Въ путехъ правды животь, путіе же злопомнящихъ въ смерть** (*ведуть къ смерти*).

Праведные здѣсь противопоставляются *злопомнящимъ*, слѣдственно разумѣются такіе праведные, которые ни сами никого не обижаютъ, ни за полученныя отъ другихъ обиды не мстятъ, не помнятъ зла. По суду житейскаго благоразумія нельзя такъ жить на свѣтѣ: дай волю обидчикамъ, они со свѣту сживутъ тебя. По на самомъ дѣлѣ случается противное. Промыслъ Божій не допускаетъ незлобивымъ, ревнителямъ праведности погибнуть отъ нечестивыхъ обидчиковъ: *пути*, или правила, которыми первые руководствуются въ отношеніи къ послѣднимъ, *ведуть къ жизни*, т.-е. къ безопасности и благосостоянію. Напротивъ *пути злопамятныхъ* и мстительныхъ ведутъ къ смерти, — къ гибели. Мстительность вызываетъ новыя обиды со стороны тѣхъ, кому мстятъ, и подвергаетъ мстительнаго опасности потерпѣть непоправимый вредъ для жизни и для благополучія.

Гл. 13, ст. 1. **Сынъ благоразумный послушливъ отцу, сынъ же непокорливый въ гибель.**

Благо сыну благоразумному, исполняющему заповѣдь о почитеніи отца: за исполненіе сей заповѣди, ему, согласно обѣтованію Божію, выраженному въ сей заповѣди, благо будетъ: онъ во всемъ будетъ имѣть успѣхъ и долгодѣнствіе будетъ на земли. Но горе сыну непокорливому, — онъ *въ гибель будетъ*, — онъ пропащій человекъ, — онъ лишень будетъ благоденствія и долгоденствія.

Ст. 2. **Отъ плодовъ правды снѣсть благій, души же беззаконныхъ погибають безвременно.**

Плоды правды, — это благотворныя послѣдствія вѣрности долгу правды. *Благій* человекъ, свято исполняющій этотъ долгъ, *снѣсть* отъ этихъ плодовъ, — т.-е. за трудъ упражненія въ дѣлахъ благочестія и добродѣтели будетъ вознагражденъ благополучіемъ еще въ этой жизни, — особенно долгоденствіемъ, въ противоположность душамъ беззаконныхъ, безвременно погибающихъ. Беззаконіе навлекаетъ на беззакон-

ныхъ гнѣвъ Божій, и они не доживаютъ до глубокой старости,—жизнь ихъ рано прекращается.

Ст. 3. Иже хранить своя уста, соблюдаетъ свою душу, продерживый же устнама устрашитъ себе.

Кто хранить свои уста отъ рѣчей безразсудныхъ, бранивыхъ, гнилыхъ, тотъ соблюдаетъ себя отъ того страха или смущенія и безпокойства, которому подвергается человѣкъ *продерживый устнама*, невоздержный на языкъ. Въ ту минуту, когда онъ произноситъ необдуманна слова, онъ не боится отвѣтственности за нихъ; но чѣмъ смѣлѣе и безстрашнѣе онъ произноситъ ихъ, тѣмъ сильнѣйшую почувствуетъ онъ робость и смущеніе, когда увидитъ, что ему приходится не дешево расплачиваться за свои словоизверженія, приходится въ наказаніе за нихъ пострадать отъ презрѣнія, вражды и ненависти людской, отъ собственного поздняго раскаянія, напаче же отъ гнѣва Божія, карающаго грѣхи не только дѣломъ, но и словомъ.

Ст. 4. Въ похотехъ (желаніяхъ) есть всякъ праздный, руки же мужественныхъ въ прилежаніи.

Праздность сама въ себѣ носить наказаніе. Праздный ни къ чему не прилагаетъ рукъ и живетъ *въ однихъ похотехъ*, волнуется одними безплодными желаніями. Онъ страстно желаетъ разныхъ благъ,—но вмѣстѣ хочетъ, чтобы они даромъ ему достались; самъ онъ не возьметъ на себя труда приобрѣсть ихъ и оттого не имѣетъ ничего, чего желаетъ,—остается при однихъ желаніяхъ,—и неудовлетворенныя желанія служатъ для него источникомъ однихъ мученій. Ничего подобнаго не испытываютъ люди *мужественные*, бодрые и дѣятельные: они прилежно работаютъ своими руками для полученія того, чего желаютъ, и утѣшаются сознаніемъ успѣха въ удовлетвореніи своихъ желаній.

Ст. 5. Словесе неправедна ненавидитъ праведникъ, нечестивый же стыдится и не возимѣетъ дерзновенія.

Праведникъ,—добродѣтельный и благочестивый человѣкъ,—не дозволяетъ себѣ сказать что-нибудь несправедливое,—онъ

ненавидитъ ложь и потому, не имѣя причины бояться быть уличеннымъ въ неправдѣ, онъ говоритъ правду не краснѣя (*не стыдится*) и съ дерзновеніемъ. Не таково положеніе нечестиваго. Онъ любитъ лгать, ибо не имѣетъ страха Божія, не помышляетъ объ отвѣтственности за ложь предъ Богомъ всевѣдущимъ, всесвятымъ и всеправеднымъ; но когда будетъ уличенъ во лжи, то конфузится (*стыдится*), и даже самую правду боится высказать смѣло, изъ опасенія, что ему, не разъ уличенному въ обманѣ, не повѣрятъ и въ правдѣ.

Ст. 6. Правда хранитъ незлобивыя, нечестивыя же злы творить (*презрѣнными дѣлаетъ*) грѣхъ.

Праведникъ навлекаетъ на себя злобу и ненависть нечестивыхъ, ибо, по слову Христову, всякій дѣлающій худыя дѣла «ненавидитъ свѣтъ, чтобы не обличились дѣла его» (Іоан. 3, 20). Но внутренно и нечестивые, хотя всячески стараются вредить праведнику, не могутъ не уважать его, не отдавать ему справедливости. Такимъ образомъ правда *хранитъ незлобивыхъ*,—прямодушныхъ и честныхъ,—отъ презрѣнія, котораго заслуживаютъ нечестивые. Грѣхъ, или привычка ко грѣху, укоренившаяся въ нихъ, дѣлаетъ ихъ презрѣнными предъ Богомъ и людьми,—ихъ могутъ бояться люди, но уважать никогда; имъ могутъ оказывать наружные знаки почтенія изъ вѣжливости, но отнюдь не по сердечному сочувствію.

Ст. 7. Суть богатыще себе, ничтоже имуще, и суть смиряющесе во мнозѣ богатствѣ.

Высказывается наблюденіе надъ непрочною земныхъ стяжаній. Есть люди, которые изъ нищихъ (*ничтоже имуще*) дѣлаются богатыми благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ или умѣнью вести житейскія дѣла. Но они не могутъ быть увѣрены въ прочности своего положенія, ибо опытъ показываетъ и противоположное явленіе: есть люди *смиряющесе во мнозѣ богатствѣ*,—есть обладатели большого богатства, которые вдругъ дѣлаются нищими и принуждены занять униженное положеніе въ обществѣ, — и это про-

исходитъ или по ихъ винѣ, или вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, пожара, грабежа. Судя по всему этому нельзя почитать условіемъ счастья земныя стяжанія, и слѣдственно, не должно имѣть къ нимъ пристрастіе.

Ст. 8. Избавленіе мужа души свое ему богатство (*своимъ богатствомъ человекъ выкупаетъ душу свою*), **нищій же не терпитъ прещенія.**

Бываютъ случаи, когда лучше быть нищимъ, чѣмъ богатымъ. Богатство привлекаетъ жадные взоры грабителей. Случается, что они съ угрозою смерти требуютъ отъ богатаго показать имъ, гдѣ спрятано его имущество, и выдать имъ его. И богатый, не желая разстаться съ жизнью, разстается съ богатствомъ, — жизнь дороже богатства. Но съ нищимъ подобной бѣды не бываетъ. Съ него нечего взять, потому ему не грозятъ смертію (*не терпитъ прещенія*) съ цѣлю поживиться отъ него чѣмъ-нибудь.

Ст. 9. Свѣтъ праведнымъ всегда, свѣтъ же нечестивыхъ угасаетъ.

Идетъ рѣчь о благополучіи праведниковъ, которое представляется здѣсь подъ образомъ солнечнаго свѣта, ибо какъ появленіе солнечнаго свѣта послѣ ночной темноты радуется зрителя, такъ благодущіе и радость водворяется въ душѣ праведника, озаряемаго свѣтомъ благоволенія Господня (Іова 12, 22; 22, 28). Чувство этой радости и благодущія присуще душѣ праведника всегда, не только въ счастья, но и среди бѣдъ и напастей, ибо какъ бы ни были велики эти бѣды и напасти, онъ утѣшаетъ себя надеждою на милость Божію, ибо рано или поздно отъ лица Божія «свѣтъ возсіяетъ праведнику и правымъ сердцемъ веселіе» (Пс. 96, 11). Притомъ благодущіе среди бѣдъ и скорбей поддерживается въ душѣ праведника миромъ совѣсти, не возмущаемой грѣхами. Не таково состояніе нечестивыхъ: *ихъ свѣтъ угасаетъ*, — ихъ благосостояніе непрочно. Ихъ успѣхи въ дѣлахъ житейскихъ, приобретаемые неправдою и беззаконіями, непродолжительны. Разражается надъ нечестивцемъ буря гнѣва Божія и погашаетъ его свѣтъ, разрушаетъ его благосостояніе.

Души льстивыя (коварныя) заблуждаютъ во грѣсѣхъ, праведніи же щедрятъ (жалѣютъ) и милуютъ.

Въ этихъ дополнительныхъ словахъ рассматриваемаго стиха, не имѣющихъ связи съ предыдущими словами его, указывается на милосердіе и состраданіе праведныхъ къ людямъ коварнымъ. Послѣдніе не сознаютъ тяжести своихъ грѣховъ и увѣрены, что нельзя поступать лучше того, какъ они поступаютъ. Они слишкомъ пристрастны къ себѣ, чтобы видѣть свое заблужденіе и обвинить себя. Но праведники видятъ то, чего тѣ не видятъ, и искренно сожалѣютъ заблуждающихся.

Прот. В. Нечаевъ.

ТРИ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОВУЧЕНІЯ

ПО ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

I.

Исторія Іудейскаго и Израильскаго царствъ.

Глаголь Божій не возвратится къ Богу тоуцъ. Приговоръ Божій, произнесенный надъ Соломономъ, долженъ былъ исполниться;—и онъ исполнился повидимому только естественнымъ порядкомъ. Такъ почти всегда совершается судъ Божій: десница Божія направляетъ событія къ своимъ цѣлямъ, а люди и не подозрѣваютъ этого, потому что видятъ только естественную связь причинъ и слѣдствій. Рѣдко рука Божія направляющая событія даетъ себя видѣть такъ явственно, какъ это было, напримѣръ, когда эта рука писала на стѣнѣ приговоръ надъ нечестивымъ Валтасаромъ.

Едва только закрылись на вѣки глаза Соломона, какъ друзья вызвали Іеровоама изъ Египта. Старшины народа собрались для принесенія вѣрноподданства новому царю. Тогда Іеровоамъ настроилъ ихъ потребовать у сына Соломонова Ровоама уменьшенія податей, которыя будто бы были тягостны. Въ-сто того, чтобы уступить на этотъ разъ народу, какъ совѣтовали молодому царю старые, опытные совѣтники покойнаго царя, пылкій юноша послѣдовалъ приходившемуся ему болѣе по вкусу совѣту молодыхъ своихъ сверстниковъ. «Нѣтъ, говорилъ онъ старѣйшинамъ,—если бремя, наложенное на васъ отцемъ моимъ, тяжело для васъ, то я сдѣлаю его еще тя-

желѣе; если онъ наказывалъ васъ бичами, то я буду наказывать скорпіонами» (бичи, усаженные иглами). Такія надменные и жестокія слова возмутили народъ. «Что намъ до дома Давидова, кричалъ народъ:—пусть онъ промышляетъ о себѣ, какъ знаетъ». И десять колѣнъ выбрали себѣ царемъ Іеровоама; только Іудино колѣно, изъ котораго происходилъ Давидъ и которому естественно не хотѣлось уступать царскій скипетръ другому колѣну, да еще, смежное съ нимъ, маленькое колѣно Веніаминово, остались вѣрны сыну Соломонову. Такъ царство Давидово распалось на два: большее, составившееся изъ десяти колѣнъ, отрекшихся отъ рода Давидова, удержало за собою названіе *Израильскаго*, а меньшее состоявшее изъ двухъ колѣнъ, изъ которыхъ преобладающимъ было Іудино, стало называться Іудейскимъ. Разорванное единство народа Божія никогда уже болѣе не возстановлялось. Ослабленные распаденіемъ, эти царства еще болѣе ослабляли себя взаимною враждою; они вступали иногда въ союзъ съ сосѣдними народами другъ противъ друга и вели между собою ожесточенныя войны. Однажды заключенъ былъ родственныи союзъ двухъ царскихъ домовъ, но это не только не содѣйствовало объединенію обоихъ царствъ, но еще, какъ увидимъ послѣ, чуть не погубило родъ Давидовъ и причинило непоправимый вредъ царству Іудейскому, распространивъ въ немъ заразу идолопоклонства и нечестія, господствовавшую въ царствѣ Израильскомъ. — Виновникомъ идолопоклонства въ царствѣ Израильскомъ былъ самъ Іеровоамъ. Не безъ основанія опасаясь, чтобы его подданные, посѣщая по закону Моисееву храмъ Іерусалимскій, не одумались въ послѣдствіи времени и не возвратились къ законному царю, онъ рѣшился переменною религіи поставить непроходимую стѣну между обоими царствами. Пользуясь несчастнымъ примѣромъ Аарона, онъ ввелъ въ своемъ царствѣ служеніе тельцу и поставилъ на двухъ концахъ своего царства по капищу съ золотымъ тельцемъ въ каждомъ. «Зачѣмъ вамъ ходить въ Іерусалимъ? объявилъ онъ подданнымъ: — вотъ боги, выведшіе васъ изъ Египта, служите имъ». И чтобы пріохотить къ новому слу-

женію, разрѣшилъ всякому и не изъ левитскаго рода отправлять служеніе, по обычаю языческому, въ капищахъ, построенныхъ на высотахъ (на возвышенныхъ мѣстахъ). Понятно, что такими средствами не трудно было вовлечь въ идолопоклонство народъ, и безъ того склонный къ нему и зараженный имъ уже при Соломонѣ. И дѣйствительно: съ легкой руки Іероваама идолопоклонство такъ глубоко вкоренилось въ царствѣ Израильскомъ, что ни обличенія пророковъ, ни благодѣянія Божія, ни наказанія,—ничто не вразумляло отпавшій отъ Бога народъ. При самомъ открытіи идолослуженія послѣдовало публичное обличеніе, подкрѣпленное чудомъ. Іероваамъ готовился самъ открыть служеніе торжественнымъ жертвоприношеніемъ, — вдругъ является изъ Іудеи пророкъ, становится предъ жертвенникомъ и говоритъ, обращаясь къ нему: «жертвенникъ, жертвенникъ! такъ говоритъ Господь: родится царь изъ дома Давидова, по имени Іосія; онъ принесетъ на тебѣ въ жертву жрецовъ высотъ. А что это сбудется, такъ вотъ знаменіе: этотъ жертвенникъ сейчасъ развалится». Іероваамъ протянулъ было руку съ приказаніемъ схватить смѣлаго обличителя, — рука вдругъ изсохла, такъ что онъ не могъ согнуть ее, а жертвенникъ развалился. Исцѣливъ, по просьбѣ царя, его руку, пророкъ удалился.

Но ни это обличеніе, ни угрозы чрезъ другаго пророка, что родъ его погибнетъ,—ничто не вразумило Іероваама,—онъ продолжалъ распространять идолопоклонство. Преемники его, всѣ отъ перваго до послѣдняго, шли по его стопамъ, а Ахавъ, по внушенію жены своей Іезавели, финикіянки, прибавилъ къ служенію тельцу еще и служеніе финикійскимъ божествамъ: Ваалу — богу солнца и Астартъ — богинѣ луны, и истреблялъ пророковъ. Идолопоклонство до того усилилось, что во всемъ Израильскомъ царствѣ осталось только семь тысячъ человекъ не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ. вмѣстѣ съ идолопоклонствомъ усиливалось и нравственное растлѣніе. Въ какомъ жалкомъ положеніи было государство, видно изъ того, что большая часть царей погибла насильственной смертію; нѣкоторые царствовали не болѣе нѣсколь-

кихъ дней. Очевидно, первый сильный ударъ долженъ былъ сокрушить это сгнѣвшее государство. Этотъ ударъ нанесъ израильскому народу ассирійскій царь Салманассаръ: онъ разрушилъ Израильское царство, жителей увелъ и разсѣялъ по разнымъ областямъ своего обширнаго царства, а на ихъ мѣсто послалъ другихъ изъ покоренныхъ племенъ, которые, смѣшавшись съ остатками израильтянъ, составили новое смѣшанное племя, извѣстное подъ именемъ самарянъ. Самаряне, не оставляя язычества, приняли законъ Моисеевъ, отчего и произошла такая же смѣшанная вѣра, какъ и самое племя: полуязыческая, долуеврейская, извѣстная подъ именемъ самарянскаго раскола. А несчастные выселенные израильтяне, смѣшавшись съ окружающими племенами, потеряли послѣдніе остатки вѣры и даже языкъ свой; однимъ словомъ, умерли какъ обыкновенно умираютъ народы, т.-е. перестали быть особеннымъ, самостоятельнымъ народомъ. Теперь только съ большимъ трудомъ ученые отыскиваютъ въ языкѣ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ народовъ Средней Азіи слѣды израильскаго народа.

Царство Іудейское тоже многократно заражалось идолопоклонствомъ; здѣсь нечестіе дошло до того, что одинъ изъ нечестивѣйшихъ царей Ахазъ даже собственныхъ дѣтей приносилъ въ жертву Молоху (идолу разрушительной силы солнца), а храмъ Божій оставлялъ въ такомъ пренебреженіи, что послѣ него священники не скоро могли очистить его. Но къ счастью Іудейскаго царства не всѣ цари его были нечестивы; нѣкоторые сіяютъ высокимъ благочестіемъ. Таковы были Іосафать, Езекиа, Іосія и нѣкоторые другіе.

Іосафать сдѣлалъ только одну ошибку—породнился съ нечестивымъ домомъ израильскаго царя Ахава, женивъ сына на его дочери. Эта достойная дочь Іезавели, по смерти мужа, истребила было весь родъ Давидовъ. Только одного изъ потомковъ Давида первосвященнику удалось спасти и воспитать при храмѣ.

Езекиа, сынъ нечестиваго Ахаза, очистилъ храмъ отъ языческихъ нечистотъ, возстановилъ служеніе истинному Богу и торжественно отпраздновалъ забытый при его отцѣ праздникъ Пасхи, на который пригласилъ даже жителей Израильскаго царства. За это благочестіе Богъ укрѣпилъ его царство и въ то время, какъ царство Израильское пало подъ ударами ассирійскаго царя, его царство благоденствовало. Ассирійскій царь хотѣлъ завоевать и Іудейское царство, съ огромнымъ войскомъ окружилъ Іерусалимъ и поносилъ Іегову, грозя Езекии погибелью. Но по молитвѣ благочестиваго царя въ одну ночь, какъ предсказалъ пророкъ Исаія, 180 т. ассирійскаго войска погибло отъ язвы, и мыши, по свидѣтельству греческаго историка Геродота, перегрызли ремни у щитовъ и тетевы у луковъ. Пораженный ужасомъ, завоеватель бѣжалъ. Спустя годъ послѣ этого нашествія Езекиа тяжело заболѣлъ и чрезъ пророка Исаію получилъ уже отъ Бога повелѣніе готовиться къ смерти; но Езекиа обратился къ Богу съ пламенною молитвою, и не успѣлъ пророкъ сойти со двора, какъ получилъ отъ Бога повелѣніе обѣщать царю еще 15 лѣтъ жизни, и въ удостовѣреніе совершилъ по желанію царя великое чудо—возвратилъ солнечную тѣнь назадъ, т.-е. продолжилъ день.

Сынъ Езекиа Манассія не шелъ по стопамъ отца: онъ довелъ идолопоклонство до небывалыхъ размѣровъ и даже умертвилъ великаго пророка Божія Исаію. Но онъ извѣстенъ не столько своимъ нечестіемъ, сколько обращеніемъ. Когда ассиріяне взяли его въ плѣнъ и, какъ звѣря, продѣвъ ему въ ноздря кольца, увлекли въ Вавилонъ, онъ искренно раскаялся. «Умножились беззаконія мои паче песка морскаго, вопіялъ онъ къ Богу,—я недостойнъ возрѣть на высоту небесную». Эту трогательную покаянную молитву предлагаетъ намъ Церковь въ великопостные дни на повечеріи. Покаянный вопль царя преклонилъ къ нему милосердіе Божіе: онъ получилъ свободу и, возвратившись въ Іерусалимъ, посвятилъ остальные дни своего царствованія на возстановленіе благочестія.

Уничтожить внѣшніе слѣды идолопоклонства и возстановить наружные знаки истиннаго богопочтенія, конечно было въ его власти; но ни онъ и никто уже не въ силахъ былъ уничтожить въ сердцѣ народа гибельныя послѣдствія долговременнаго соблазна. До какого упадка дошло религіозное состояніе іудейскаго народа, видно изъ исторіи послѣдняго и лучшаго изъ благочестивыхъ царей, внука Манассіи Іосіа. Еще не вышедши изъ отроческихъ лѣтъ, онъ едва успѣлъ вступить на престоль, какъ съ необыкновенною ревностію принялся за истребленіе слѣдовъ идолопоклонства и возстановленіе благочестія. Предприняты были поправки въ храмъ, забытомъ при отцѣ его. Осматривая храмъ, первосвященникъ случайно нашель заброшенную книгу Моисеева закона. Когда прочитали ее юному царю онъ пораженъ былъ ужасомъ, слыша, какими страшными казнями Богъ угрожаетъ за забвеніе своего закона. Итакъ вотъ до чего дошло пренебреженіе къ закону Божію,—сами священники затеряли первую и единственную книгу, составляющую основаніе жизни народа и написанную рукою самого законодателя, и воспитаніе царя было въ такомъ пренебреженіи, что содержаніе этой книги было совершенно незнакомо ему.—Царь приказалъ при себѣ прочитатъ ее народу, со слезами молилъ Бога пощадить народъ отъ грозящихъ казней, далъ самъ и взялъ съ народа торжественную клятву въ вѣрности Богу. Съ этого времени съ еще большею ревностію сталъ онъ истреблять слѣды идолопоклонства. И не только въ предѣлахъ своего царства, но и въ бывшемъ Израильскомъ царствѣ: онъ отправился въ Веилъ и тамъ, какъ нѣкогда предсказалъ пророкъ Іеровоаму, разрушилъ Іеровоамовъ жертвенникъ и сжегъ кости погребенныхъ тамъ идольскихъ жрецовъ.

Но благочестивый царь могъ только возстановить наружные знаки благочестія, но не въ силахъ былъ влить въ сердца своего народа религіознаго одушевленія и нравственныхъ чувствъ; въ нравственномъ отношеніи народъ былъ уже трупъ. Духъ любви изсякъ: вопреки закону, богатые обременяли долгами бѣдныхъ и порабощали ихъ. Исчезъ самый духъ обще-

ственности. Еслибы въ тѣ времена существовали страховыя общества, то домовладѣльцы сами жгли бы свои дома, хотя бы съ ихъ домами сгорѣлъ и весь городъ, — только бы получить страховыя деньги. Еслибы были тогда желѣзныя дороги, то злонамѣренныя съ легкимъ сердцемъ истребляли бы тысячи проѣзжающихъ, только бы набить свои карманы. Къ счастью тогда люди еще не умѣли такъ успѣшно истреблять другъ друга. И это потому, что тогдашняя цивилизація не стояла на такой высотѣ, на какой стоитъ теперь. Въ себялюбіи же и презрѣніи къ жизни и благосостоянію ближнихъ іудеи того времени немного развѣ уступали намъ. До чего простиралось безчеловѣчіе богатыхъ, видно изъ того, что въ царствованіе Седекіи, сына Іосіа, въ виду грознаго нашествія халдѣевъ, они, по совѣту пророка Іереміа, освободили было рабовъ-единоземцевъ, но едва только опасность миновала, да и миновала-то только на минуту, — какъ они стали вновь работать отпущенныхъ рабовъ.

Очевидно, столь растлѣнное общество было и недостойно и неспособно жить долѣе. Только страшныя казни могли остановить и уничтожить нравственное растлѣніе. И казнь не замедлила; благочестивому царю было обѣщано только одно горькое утѣшеніе, что онъ не доживетъ до того страшнаго времени. И точно, Іосіа вскорѣ былъ убитъ въ сраженіи съ египетскимъ царемъ.

Вскорѣ послѣ его смерти, съ сѣвера, какъ предсказалъ Іереміа, надвинулась гроза. На развалинахъ Ассирійской монархіи возсталъ новая могущественная монархія — Вавилонская. Грозный завоеватель Навуходоносоръ овладѣлъ Іудеею, котѳрая конечно не могла представить ни малѣйшаго сопротивленія, сажалъ на престолъ и низвергалъ одного за другимъ троихъ недостойныхъ, выродившихся потомковъ Давидовыхъ и отводилъ въ Вавилонъ лучшихъ изъ гражданъ. Наконецъ, когда, вопреки совѣту Іереміа, послѣдній посаженный завоевателемъ царь Седекіа отложился отъ него и вступилъ въ союзъ съ Египтомъ, Навуходоносоръ обложилъ Іерусалимъ. Въ городѣ сдѣлался такой страшный голодъ, что

матери ѣли своихъ дѣтей. Наконецъ, халдеи ворвались въ городъ, разрушили его до основанія, сожгли храмъ, сокровища увезли, а ковчегъ завѣта пропалъ. Несчастный Седекія, убѣжавшій было изъ города, былъ пойманъ; предъ его глазами убиты были его сыновья, а самъ онъ, какъ предсказали пророки Іеремія и Іезекіиль,—первый—что онъ будетъ отведенъ въ Вавилонъ, а второй—что онъ не увидитъ Вавилона,—дѣйствительно былъ отведенъ въ Вавилонъ, но не видалъ его, потому что былъ ослѣпленъ. Народъ почти весь, за исключеніемъ немногихъ изъ бѣднѣйшаго класса, оставленныхъ для обработки земли, переселенъ въ Вавилонъ. Іеремія, пользовавшійся уваженіемъ завоевателя, остался на развалинахъ, чтобы оплакивать паденіе отечества. Аминь.

II.

● пророкахъ.

Въ исторіи народа Божія, какъ мы видѣли, братіе, большое участіе принимали пророки. Это участіе такъ велико, что не разсмотрѣвши, хотя поверхностно, значенія и дѣятельности пророковъ, нельзя удовлетворительно понять и самой исторіи народа Божія.

Пророческое служеніе началось, можно сказать, съ самаго появленія человѣка въ міръ и кончится вмѣстѣ съ земною исторіею рода человѣческаго. Но прежде чѣмъ мы разсмотримъ дѣятельность пророковъ и поймемъ значеніе ихъ, обратимъ ваше вниманіе, братіе, на то замѣчательное обстоятельство, что пророки чаще всего являлись въ періодъ исторіи народа Божія, протекшій отъ раздѣленія до паденія царствъ. Въ этотъ періодъ почти ни одно сколько-нибудь важное событіе не проходило безъ участія пророковъ. Нужно ли обличить нечестіе или преступленіе — является пророкъ; нужно ли предупредить или остановить какое-нибудь преждевременное, неумѣстное, вредное или противное волѣ Бо-

жіей дѣйствіе—опять является пророкъ; нужно ли возвѣститъ судъ Божій—это дѣло пророка. Пророки возвѣщаютъ раздѣленіе и паденіе царствъ, пророки помазуютъ на царство и низводятъ съ престола. Однимъ словомъ, вся жизнь народа Божія, даже, какъ увидите далѣе, и жизнь всего рода человѣческаго совершается подъ надзоромъ и при живомъ участіи пророковъ. Такая власть, которой нѣтъ ничего подобнаго въ мірѣ, власть нечеловѣческая, дарована была пророкамъ отъ Бога: они—посланники, уполномоченные Божіи. *Сыне челоувѣчъ*, говоритъ Господь пророку, — *стража дахъ ты дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ моихъ, и воспретиши имъ отъ Мене или проповѣси имъ отъ Мене.* Богъ являлся своему избраннику и открывалъ ему свою волю то въ сонномъ видѣніи, то въ видѣніи ни на яву, ни во снѣ, а въ особенномъ, непонятномъ для обыкновенныхъ людей, восторженномъ состояніи, въ какомъ напримѣръ Исаія видѣлъ Бога *на престолъ высоцъ и превознесеннъ*,—*то усты ко устомъ*, какъ боговидцу Моисею,—то, наконецъ, откровеніе Божіе пророку ощущалось, какъ внутренній голосъ, или какъ *омъ палящъ*, съ неудержимою силою стремящійся вырваться наружу въ огненномъ словѣ. Такъ *многообразнъ древле глаголахъ Богъ* пророкамъ; какъ стражей на городскихъ башняхъ, Онъ возвышалъ ихъ надъ обыкновенными людьми, чтобы предупреждать опасность и указывать путь спасенія.

Итакъ, пророки были одушевленные Духомъ Божіимъ мужи, непосредственно получившіе отъ Бога откровеніе воли Его и посылаемые возвѣщать ее обыкновеннымъ людямъ, недостойнымъ и неспособнымъ входить въ непосредственное общеніе съ Богомъ. Отсюда понятно, почему пророки существовали отъ самаго начала человѣческаго бытія и будутъ существовать до конца его. Можетъ ли человѣчество жить безъ Бога, безъ откровенія Его воли? А всѣ ли способны къ непосредственному общенію съ Богомъ? Отвѣтъ несомнителенъ: *кое общеніе свѣту ко тмѣ?* Кое общеніе чистѣйшему и исполненному безпредѣльной святости Существу Божію съ человѣкомъ, погрязшимъ въ чувственныхъ похотяхъ и окаменѣв-

шимъ въ безграничномъ себялюбіи?.. Ахъ, братіе, даже пророки—и тѣ не всегда бываютъ способны къ общенію съ Богомъ. Итакъ, какимъ же путемъ будетъ открываться воля Божія, составляющая дыханіе, жизнь нашей души,—какимъ путемъ будетъ открываться она людямъ недостойнымъ? Единственно чрезъ избранниковъ Божіихъ, которые, *очистившись отъ всякія скверны плоти и духа*, одухотворившись и воспламенившись любовію къ челоѳчеству, поднимались на такую высоту, что дѣлались достойными непосредственнаго общенія съ Богомъ. Таковы были всѣ ветхозавѣтные патріархи, начиная съ Адама, получившаго первое откровеніе о *сѣмени жены*; таковы и въ Новомъ Завѣтѣ, не говоря уже о самомъ *Ангелъ завѣта, Ходатаѣ Бога и челоѳковъ, челоѳкъ Христъ Исусъ*,—были Апостолы и многіе исполненные Духа Божія, всегда пребывающаго въ Церкви, которая пребудетъ до скончанія вѣка. Поэтому мы вѣруемъ, что духъ пророческій не изсякнетъ на землѣ, пока будетъ существовать челоѳчество.

Но, какъ я замѣтилъ, пророки никогда не являлись въ такомъ обилии, какъ во дни царствъ Іудейскаго и Израильскаго. Отчего такъ? Ни у одного народа древности не было пророческихъ, пророковъ. У всѣхъ народовъ божество сливалось съ природою; боги языческихъ народовъ—это силы природы, или, вѣрнѣе сказать, самая природа въ вѣчно однообразномъ своемъ теченіи. Одинъ только народъ въ мірѣ—избранный народъ Божій—зналъ Іегову—Бога, стоящаго внѣ міра, свободнаго Творца и Владыку міровъ, который по своей волѣ создаетъ и разрушаетъ, возвышаетъ и низвергаетъ, убожитъ и богатитъ, милуетъ и наказуетъ. Для одного народа Божія существовала свободная, всевластная, всемогущая воля Іеговы; для него одного поэтому существовало чудо, т.-е. надмірная, божественная дѣятельность,—для него одного существовало пророческое откровеніе. Ему хорошо извѣстно было роковое прошедшее—паденіе нашего прародителя, приведшее весь міръ въ разстройство, но вмѣстѣ ему одному открыто было и постоянно было напоминаемо и великое будущее—обновленіе

міра чрезъ обѣтованное Сѣмя, которое отъ него и произойти должно было. Народъ Божій поэтому жилъ, можно сказать, не настоящимъ, а будущимъ, постояннымъ ожиданіемъ, надеждою. Народъ Божій, можно сказать весь, по своему назначенію, былъ пророкъ; пророки были только слугами Божиими, которые избраны были изъ среды своего народа за тѣмъ, чтобы поддерживать въ цѣломъ народѣ вѣру въ будущее, особенно въ грядущее царство Мессіи. Но вотъ вдругъ въ жизни народа Божія происходитъ переломъ: народъ, имѣвшій царемъ Іегову, требуетъ себѣ царя земнаго, по образу и подобію языческихъ царей, дерзаетъ низвести съ престола Іегову. Богоправленію, которому подчиненъ былъ избранный народъ, грозитъ опасность. Народъ получаетъ царя; но этотъ царь не долженъ быть обыкновеннымъ царемъ, онъ долженъ быть только намѣстникомъ подлиннаго царя—Іеговы. Кто же будетъ охранять права Іеговы? Духовенство? Духовенство, связанное житейскими интересами, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ подпадаетъ власти царя. Необходимъ особенный органъ, по возможности свободный отъ всѣхъ интересовъ. И вотъ около времени избранія царя Самуиль основываетъ училища пророческія, въ которыхъ подъ руководствомъ старѣйшихъ пророковъ ученики ихъ приготовляемы были къ принятію отъ Духа Божія благодати пророчества. Но не всѣ пророки выходили изъ училищъ,—иные со всѣмъ не знали ихъ. Пророки избирались изъ всѣхъ сословій, часто самыхъ послѣднихъ. Избранникъ становился человекомъ отдѣленнымъ отъ всего народа: Ілія бросаетъ на Елисея свой плащъ, и Елисей оставляетъ поле и воловъ и идетъ за пророкомъ. Разорвавши узы, связывавшія ихъ съ міромъ, пророки отдаются всецѣло Іеговѣ, проходятъ въ милотяхъ и козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлобленни; ничто земное не озабочиваетъ ихъ, ничто не устрашаетъ; у нихъ одна мысль, одна забота, одно дѣло—отстаивать власть Іеговы и охранять народъ отъ измѣны Іеговѣ и отъ бѣдъ, которыя влечетъ она за собою; у нихъ одинъ страхъ, — страхъ неудачи, одно горе—видѣть бесполезность своихъ усилій. Они

безстрашно обличаютъ нечестивыхъ изъ царей своего народа, грозятъ, объявляютъ имъ отверженіе и низверженіе.

Между тѣмъ еврейскіе цари безпрестанно выходятъ изъ предѣловъ данной имъ власти, впадаютъ сами и вовлекаютъ народъ въ идолопоклонство; народъ забываетъ свое назначеніе, измѣняетъ Іеговѣ, падаетъ нравственно; извнѣ надвигаются могущественные, жадные, свирѣпыя враги. Въ это страшное время, когда колебалось богоправленіе и ослабѣвала народность, когда самой независимости и существованію народа грозила опасность,—вся нравственная сила ушла въ пророковъ: чѣмъ болѣе угасалъ духъ въ народѣ, тѣмъ болѣе разгорался онъ въ пророкахъ. Вотъ отчего ни въ одну эпоху—ни прежде, ни послѣ не было такого множества пророковъ и съ такимъ исполнскимъ духомъ; никогда не говорили они съ такою силою: опасность возбуждаетъ ихъ негодованіе. Илія, Елисей, Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніиль—все исполины, не считая другихъ съ извѣстными именами и множества такихъ, которыхъ имена остались неизвѣстны. Они именно, какъ стражи со своей сторожевой башни—съ высоты своего духа озираютъ даль и поднимаютъ тревогу. Видя упадокъ вѣры и народнаго духа, растлѣніе нравовъ, пороки, они умоляютъ, обличаютъ, грозятъ, указываютъ поднимающуюся грозу со стороны завоевателей; они возвѣщаютъ бѣдствія, разрушеніе и плѣнъ; ихъ жалобы—*рыданіе, и жалость, и горе*,—ихъ обличенія—громы, которые *слышитъ небо и внимаетъ земля*. Они не довольствуются огненными, громовыми рѣчами,—чтобы произвести болѣе глубокое впечатлѣніе, по обычаю всѣхъ восточныхъ народовъ, представляютъ грядущія бѣдствія въ символическихъ дѣйствіяхъ. Іеремія беретъ глиняный сосудъ и, въ глазахъ народа, разбиваетъ его, поясняя, что такъ поступитъ Господь съ упорнымъ народомъ; или, изображая иго Вавилонское, онъ возлагаетъ на себя и носить ярмо и посылаетъ такія же къ царямъ, вступавшимъ въ союзъ противъ вавилонскаго царя.

Но—замѣчательная, единственная черта, которая ни у кого кромѣ пророковъ не встрѣчается!—ихъ горькіе вопли о гря-

дущихъ бѣдахъ никогда не переходили въ отчаяніе. Имъ никогда на мысль не приходило, чтобы народъ Божій могъ когда-либо совершенно погибнуть. Онъ избранникъ Божій, сынъ Іеговы и сынъ *единородный* изъ всѣхъ народовъ, сынъ вѣчнаго Владыки міровъ—и погибнетъ! Но это было бы поражениемъ самого вѣчнаго Іеговы. Израиль — единственный народъ, хранящій свѣтильникъ истинной вѣры среди мрака, покрывающаго весь остальной міръ, народъ, которому врученъ великій залогъ—обѣщаніе о Мессіи, Спасителѣ міра—погибнетъ! Но въ такомъ случаѣ погибнетъ и весь міръ, который Богъ обѣщаль спасти. А развѣ Богъ можетъ измѣнить своему слову? Нѣтъ, скорѣе *небо и земля мимоидутъ, словеса же Божіи не умрутъ прейти*. Израиль погибнетъ!? Но въ такомъ случаѣ отъ кого же произойдетъ Тотъ, который есть *царяніе языковъ и слава Израиля?*

Вотъ та высота съ которой пророки озирали судьбы человѣчества. Съ высоты своей вѣры въ Іегову и надежды на пришествіе Мессіи, Спасителя міра, они ясно видѣли и громко возвѣщали къ утѣшенію кающихся, что униженію, страданіямъ, плѣну будетъ конецъ: не далѣе какъ чрезъ 70 лѣтъ, Израиль возстанетъ для славы Іеговы, для спасенія цѣлаго міра; пророки (Исаія) называютъ даже по имени того царя (Кира), который возвратитъ изъ плѣна народъ Божій, — и чертятъ (Іезекиль) планъ новаго храма! Такъ, въ рѣчахъ пророковъ нѣтъ и слѣда унынія, отчаянія; напротивъ, вслѣдъ за угрозами изъ ихъ устъ раздаются слова надежды и утѣшенія. Мало того: они не только возвѣщаютъ своему народу конецъ бѣдствій,—они обѣщаютъ ему торжество, не только утѣшаютъ свой народъ, но еще грозятъ врагамъ: горе надменной Ассиріи, горе Вавилону, мечтающему *поставить выше звѣздъ престолъ свой и быть подобнымъ Вышнему!* Горе Египту, Тиру, Моаву, Идумеѣ, радующимся несчастію Израиля! Пророки убѣждаютъ не только не трепетать, не падать ницъ предъ могущественными врагами, но еще смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ. Что такое эти грозные завоеватели? Не болѣе какъ бичи, сѣкиры въ рукахъ

Иеговы, а сѣкира развѣ можетъ гордиться предъ сѣкущимъ? Бичъ, сдѣлавъ свое дѣло, будетъ брошенъ. Съ высоты своего положенія пророки ясно видятъ, что языческія религіи, а съ ними и исповѣдующіе ихъ, обречены на погибель.

Но, братіе, вы получите совершенно ложное понятіе о пророкахъ, если вообразите, что они, заботясь объ интересахъ своего народа, позабывали о благѣ другихъ народовъ. Нѣтъ, вѣра въ Иегову, единого Творца и Владыку вселенной, и вѣра въ Мессію, который есть не только *слава Израиля, но и чаяніе языковъ*,—эта глубокая вѣра поднимала ихъ надъ узкими народными интересами на такую высоту, съ которой они обнимали пророческимъ взоромъ весь міръ; за разрушеніемъ языческихъ царствъ и возстановленіемъ царства Израильскаго они видятъ возникновеніе новаго всемірнаго царства Божія, которое *во вѣки не разрушится*. На этой высотѣ новый, возстановленный Израиль, сливается въ ихъ очищенныхъ и изощренныхъ Духомъ Божіимъ глазахъ съ цѣлымъ, обратившимся къ Богу челоуѣчествомъ. Возстановленное царство Давидово является предъ ними образомъ царства Христова—Церкви. Слава новаго Іерусалима—слава Церкви. «Свѣтися свѣтися, новый Іерусалиме! слава бо Господня на тебѣ возсія... и придутъ народы къ свѣту твоему и цари къ восходящему надъ тобою сіянію. Возведи очи твои и посмотри вокругъ: сыновья твои издалека идутъ и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ. Тогда увидишь и возрадуешься, и затрепещеть и расширится сердце твое!» Такъ пророки, выходя изъ узкихъ рамокъ іудейства, созерцаютъ славу Церкви Христовой, обнимающей все челоуѣчество и издають кликъ радости.

Идея Мессіи, основная идея всего Ветхаго Завѣта, проникаетъ писанія всѣхъ пророковъ. Пророки въ своихъ писаніяхъ начертали всю жизнь І. Христа и всю исторію Церкви. Онъ по пророкамъ Сынъ Авраама и Давида, Сынъ Дѣвы, но въ то же время и Сынъ Божій, Богъ, крѣпкій Властитель, Начальникъ міра, Отець будущаго вѣка, потому что Онъ—Еммануиль (съ нами Богъ, т.-е. Богочелоуѣкъ). Онъ родится въ Виѣлеемѣ, пострадаетъ чрезъ 70 седмиць (чрезъ 490 лѣтъ) по окончаніи

плѣна Вавилонскаго. Онъ начнетъ свою проповѣдь въ Галилеѣ, будетъ совершать чудеса, войдетъ въ Іерусалимъ на жребяти осли. Потомъ будетъ преданъ за 30 сребрениковъ, будетъ умалень, обезцещенъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, вмѣнится со беззаконными, будетъ напоенъ желчію съ оцтомъ и наконецъ замученный, умретъ, но умретъ не за себя, а за насъ, чтобы мы язвою Его исцѣлились. Какъ овца ведомая на закланіе, какъ агнецъ безгласный предъ стрегущимъ его, Онъ умретъ, не отвержая устъ своихъ. И за то онъ погребенъ будетъ у богатаго, потомъ воскреснетъ и вознесетъ на небо. Затѣмъ Онъ изліетъ Духа Святаго на всяку плоть. Тогда-то наступитъ царство Божіе на землѣ, которое наполнитъ вселенную и не рассыплется во вѣки. Народы, жестоко враждующіе между собою, раскуютъ тогда мечи свои на плуги, волю почіетъ со агнцемъ, и левъ съ козлищемъ; всѣ, значитъ, безъ различія племени—и іудей, и эллинъ, и варваръ, и скиѣ—всѣ, какъ братья, какъ дѣти одного Отца небеснаго, составятъ единое стадо единаго Пастыря—Христа.

Вотъ, братіе, какъ далеко видѣли пророки. Они видѣли цѣль, къ которой стремятся всѣ лучшіе люди, но которая и теперь—послѣ почти двухъ тысячъ лѣтъ, все еще кажется недостижимой. Будемъ стремиться къ ней неуклонно, безъ усталы, и да поможетъ намъ Богъ ее достигнуть. Аминь.

III.

Пророкъ Ілія.

Жизнь Іліи представитъ намъ самыя характеристическія черты всѣхъ пророковъ, почему Церковь называетъ его основаніемъ пророковъ,—главою ихъ, и вмѣстѣ вводитъ насъ въ разумнѣе состоянія современнаго ему Израильскаго царства. Ілія жилъ въ самое мрачное время, въ царствованіе израильскаго царя Ахава. Ахавъ не былъ самъ по себѣ хуже дру-

гихъ царей израильскихъ, былъ бы даже лучше многихъ изъ нихъ, еслибы имѣлъ болѣе самостоятельности въ характерѣ и не находился подъ вліяніемъ жены своей, Іезавели, дочери царя Сидонскаго, отличавшейся злымъ характеромъ и жельзною волею. Изъ угожденія ей, Ахавъ къ идолослуженію тельцу, введенному Іеровоамомъ, прибавилъ еще служеніе финиійскимъ идоламъ—Ваалу, богу солнца, и Астартѣ, богинѣ луны, соединенное съ безстыдными обрядами. Для этого служенія Іезавель привела съ собою цѣлыя толпы жрецовъ и стала истреблять пророковъ, обличавшихъ нечестіе, чего не осмѣливался дѣлать ни одинъ изъ прежнихъ царей, которые хотя и не слушались пророковъ, но по крайней мѣрѣ не принимали на нихъ рукъ.

Въ это-то мрачное время явился Ілія. Онъ пришелъ къ царю и объявилъ ему отъ лица Божія, что не будетъ ни дождя, ни росы, пока не скажетъ онъ,—сказалъ и удалился въ Заіорданскую пустыню, къ потоку Хораѳу. Тамъ онъ скрывался, чудесно питаемый воронами, приносившими ему хлѣбъ и мясо. Когда потокъ изсякъ отъ засухи, и пророку нечѣмъ было утолять жажду, онъ, по повелѣнію Божію, удалился изъ родной земли въ сосѣднюю Финиійскую землю къ Сарептской вдовицѣ, которая должна была прокормить его, хотя голодь простирался и на Финиійскую землю. Когда Ілія подошелъ къ городку, онъ увидѣлъ вдову, собиравшую дрова, и попросилъ у ней хлѣба. «Ахъ, господинъ мой! сказала вдова; Богъ свидѣтель, что у меня всего только и есть горсть муки, да немного масла; вотъ я испеку хлѣбецъ себѣ съ сыномъ,—сѣдимъ, а затѣмъ придется умереть». «Нѣтъ, сказалъ пророкъ,—сдѣлай сперва мнѣ, а потомъ сдѣлаешь и себѣ съ сыномъ. Ибо такъ говоритъ Господь: мука и масло не истощатся, пока Господь не пошлетъ на землю дождя». Вдова, узнавшая въ незнакомцѣ по выговору и одеждѣ израильскаго пророка, имѣла столько вѣры, что не поколебалась исполнить его просьбу,—и совершилось чудо: во все время, пока продолжался голодь, ни мука, ни масло не истощались, такъ что скорѣе пророкъ кормилъ вдову, чѣмъ она его.

Случилось, что у вдовы умеръ сынъ. Суевѣрная женщина подумала, что причина этого несчастія пребываніе у нея пророка. Какъ ни грубо такое суевѣріе, но оно очень естественно и извинительно въ язычницѣ, если и у насъ, христіанъ, встрѣча съ служителемъ Божиимъ считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Пророкъ молитвою воскресилъ мальчика.

Три года съ половиной продолжалась засуха и, какъ слѣдствіе ея, голодъ. Наконецъ Богъ умилосердился и послалъ Ілію возвѣстить Ахаву конецъ засухи. «А, это ты причинилъ столько бѣдъ Израилю!» Такими словами Ахавъ встрѣтилъ Ілію. «Не я, а ты и домъ отца твоего, потому что вы забыли Іегову, и поклонились Ваалу». По предложенію Іліи, Ахавъ собралъ на гору Кармилъ народъ и жрецовъ Вааловыхъ для рѣшенія спора о томъ,—кто есть истинный Богъ—Вааль или Іегова? Ілія обратился къ народу съ сильнымъ обличеніемъ: «долго ли вамъ хромать на обѣ ноги (служить то Іеговѣ, то Ваалу)? Если Іегова есть истинный Богъ, такъ служите Ему; если же Вааль, такъ—Ваалу; я остался одинъ изъ пророковъ, а вотъ 470 жрецовъ Вааловыхъ: пусть они возьмутъ тельца въ жертву Ваалу, а послѣ нихъ возьму я; но огня ни они, ни я класть не будемъ, а будемъ молить—они Ваала, а я Іегову—послать на жертву огонь съ неба. И тогда кто пошлетъ огонь, тотъ и есть истинный Богъ». Отъ этого испытанія, одобреннаго народомъ, не могли отказаться жрецы Вааловы. Приступили къ жертвоприношенію. Съ утра до вечера вопіяли они къ Ваалу, для умиловленія его рѣзали себя ножами, кололи копьями (таковы были у язычниковъ дикія понятія о богахъ!), но все было напрасно. Вааль оставался глухъ. «Кричите громче—насмѣхался надъ ними Ілія:—можетъ быть богъ вашъ или заговорился, или отлучился, или заснулъ, и не слышитъ васъ». Наступило время вечерней жертвы. Ілія взялъ 12 камней, по числу колѣнъ народа, сдѣлалъ изъ нихъ жертвенникъ, велѣлъ выкопать кругомъ ровъ, положилъ на жертвенникъ дрова и жертву; потомъ, по его приказанію, лили на жертвенникъ воду въ такомъ количествѣ, что она переполнила весь ровъ. Когда окон-

чились всё эти приготовленія, Илія сталъ предъ жертвенникомъ и воскликнулъ: «Услышь меня, Господи, и пошли огонь, да вѣдаетъ народъ, что ты Иегова—Богъ». И упалъ огонь съ неба и истребилъ не только дрова и жертву, но и воду и даже камни. «Иегова есть Богъ! Иегова есть Богъ!» воскликнулъ пораженный чудомъ народъ и, по приказанію Илія, схватилъ и предаль смерти жрецовъ Вааловыхъ, какъ повелѣваетъ Законъ поступать съ развратителями народа. Возшедши потомъ на гору, Илія 7 разъ повергался на землю съ пламенною молитвою, и трехлѣтняя засуха разрѣшилась грозою и сильнымъ дождемъ.

Иезавель, узнавъ отъ мужа обо всемъ случившемся, поклялась поступить съ Иліею такъже, какъ онъ поступилъ съ Вааловыми жрецами. Не желая умереть отъ руки нечестивой женщины, Илія бѣжалъ въ пустыню, къ горѣ Хориву. Онъ до того былъ утомленъ своимъ, казавшимся ему бесплоднымъ служеніемъ, что молилъ себѣ смерти, и въ этомъ удрученномъ состояніи духа заснулъ. Три раза будилъ его ангель, предлагая ему хлѣбъ и воду для подкрѣпленія силъ на дальній путь. Когда онъ пришелъ къ Хориву, гдѣ Богъ явился Моисею въ горящей купинѣ, въ его душѣ воскресли всё великія знаменія, совершенныя Богомъ для своего народа, и въ немъ закипѣлъ гнѣвъъ противъ неблагодарнаго народа, который заслуживаетъ, думалось ему, казни Содома и Гоморры. И вотъ, какъбы въ отвѣтъ на тайное желаніе пророка, вдругъ за сверкали молніи, загрохоталъ громъ, поднялся вихрь, задрожала земля, скалы отрывались и съ грохотомъ падали въ пропасть. Пророкъ ждалъ явленія гнѣва Божія. Но ни въ огнѣ, ни въ бурѣ, ни въ землетрясеніи не явился Господь, а явился, когда природа успокоилась и подулъ тихій вѣтерокъ, давая разумѣть гнѣвному пророку, что Онъ, милосердый, не хочетъ гибели своего народа. Пристыженный милосердіемъ Божиимъ, пророкъ закрылъ лице плащемъ. «Зачѣмъ ты здѣсь, Илія?» спросилъ Господь.—«Я сильно возревновалъ по Тебѣ, Господи», оправдывался въ своемъ гнѣвѣ Илія:—«сыны Израилевы оставили Тебя, поклонились Ваалу и

истребили пророковъ; остался я одинъ, да и моей души ищутъ». Въ утѣшеніе пророку, считавшему безполезнымъ свое служеніе, Господь открылъ, что есть еще въ народѣ семъ тысячъ не поклонившихся Ваалу, и повелѣлъ ему возвратиться въ землю Израилеву и избрать на свое мѣсто Елисея, а на мѣсто Ахавова дома помазать на царство другаго царя. Въ это время Ахавъ совершилъ новое преступленіе. Рядомъ съ его дворцомъ былъ виноградникъ, принадлежавшій одному благочестивому Израилѣтянину, Навуею. Ахаву хотѣлось присоединить этотъ виноградникъ къ своимъ садамъ и онъ предлагалъ Навуею въ обмѣнъ другой виноградникъ; но благочестивый Навуею не согласился на обмѣнъ, чтобы не нарушить закона Моисеева. Разстроенный этимъ отказомъ, Ахавъ возвратившись послѣ переговоровъ домой, отказался обѣдать. Узнавши причину его разстройства, Іезавель обѣщала ему доставить виноградникъ. И сдержала обѣщаніе: она послала за царскою печатію письмо къ старѣйшинамъ того города, въ которомъ жилъ Навуею, съ такимъ предписаніемъ: въ народномъ собраніи дать первое мѣсто Навуею, потомъ чрезъ ложныхъ свидѣтелей обвинить его въ богохульствѣ и оскорбленіи царя. Все было сдѣлано по предписанію, и послѣдствія были именно тѣ, какихъ ожидала хитрая женщина. Когда сдѣлано было обвиненіе противъ Навуею, ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту его, потому что всѣ были вооружены оказаннымъ ему въ собраніи предпочтеніемъ, и несчастный былъ побитъ камнями за богохульство, а имѣніе его, за оскорбленіе государя, поступило въ собственность царя. Ахавъ какъ ни въ чемъ не бывало отправился въ виноградникъ и любовался имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ такими гнусными средствами. Вдругъ является Ілія и говоритъ: «твою кровь псы будутъ лизать такъже, какъ они лизали кровь Навуею, а Іезавель совсѣмъ съѣдятъ. Ахавъ призналъ вину и, повидимому, раскаялся; но раскаяніе его не было ни глубоко, ни даже искренно, потому, что онъ скоро забылъ о своемъ преступленіи и не отказался отъ неправедно пріобрѣтеннаго имѣнія.

Смѣлому пророку не миновать бы мщенія Іезавели, давно уже поклявшейся убить его, еслибы самъ Богъ не взялъ его отъ земли. Получивъ отъ Бога откровеніе, Ілія пошелъ къ Іордану; съ нимъ былъ любимый ученикъ его Елисей, который также получилъ откровеніе о прославленіи учителя. Смирный пророкъ, избѣгая славы, три раза предлагалъ Елисею оставить его; но Елисей упорно отказывался. Между тѣмъ подошли къ Іордану. Ілія ударилъ по водѣ плащемъ,— вода остановилась и они перешли по суху. Ілія сталъ прощаться съ Елисеемъ и спросилъ, что хотѣлъ бы онъ получить. «Дай мнѣ двойную силу противъ той, которая жила въ тебѣ», сказалъ Елисей.— «Много просишь,— отвѣчалъ Ілія:— впрочемъ получишь, если увидишь мое отшествіе». Вдругъ огненная колесница съ огненными конями подняла Ілію отъ земли и понесла на небо. Елисей, смотря вслѣдъ уносящемуся учителю, въ горести взывалъ: «Отецъ мой! Отецъ мой!» Колесница и конница Израилева (т.-е. защита Израиля болѣе надежная, чѣмъ военныя колесницы и конница)! Когда наконецъ Ілія скрылся изъ глазъ его, онъ разорвалъ отъ горести свою одежду, думая, вѣроятно, что просьба его останется не исполненною. Вдругъ, какъбы въ утѣшеніе ему, Ілія бросаетъ ему свой плащъ. Поднявъ его съ воскреснувшей надеждой, Елисей пошелъ обратно къ Іордану. Подойдя къ нему, онъ воскликнулъ: «Гдѣ Богъ Іліинъ»? и ударилъ по водѣ Іліинымъ плащемъ,— вода остановилась и онъ перешелъ по-суху. Ученики пророческіе, бывшіе свидѣтелями этого чуда, поклонились ему до земли, признавая его своимъ главою.

Такова жизнь великаго пророка Божія Іліи; она представляетъ нѣкоторое сходство съ жизнью Іоанна Предтечи ^{а)}. Правда, и жизнь, и конецъ жизни того и другаго совершенно различны: Ілія творилъ чудеса, — Іоаннъ не сотворилъ ни одного. Ілія, хотя и былъ ненавидимъ и гонимъ, но пользовался свободою и живой взятъ на небо:—Іоаннъ по наущенію

а) Поученіе говорено 29 августа въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.

Иродіады, второй Іезавели, былъ заключенъ въ узы и умеръ мученикомъ.—Сходство между ними не въ обстоятельствахъ жизни, но въ духѣ и силѣ. *Ревность Іліи была, какъ огонь, а слово, какъ пламенникъ.* Ни одинъ пророкъ не простиралъ смѣлость обличенія такъ далеко, какъ Ілія. Съ такою же смѣлостію обличалъ сильныхъ міра и Іоаннь, обладавшій *духомъ и силою Іліи.*

Мы, братіе, обыкновенно думаемъ, что и ревность къ славѣ Божіей и борьба со зломъ есть обязанность однихъ пророковъ и служителей Божіихъ, а не мірянъ; равнодушіе въ дѣлахъ вѣры и нравственности всеѣмъ не считается у насъ грѣхомъ; «не мое дѣло,—моя изба съ краю, я ничего не знаю»,—вотъ любимыя наши поговорки, при видѣ царящаго кругомъ насъ зла. Если только не мы сами сдѣлали зло, то мы уже считаемъ себя совершенно чистыми, умываемъ руки. Ахъ, братіе, это большое и гибельное заблужденіе. Конечно, такая ревность къ добру и ненависть къ злу, какую видимъ въ пророкахъ, не подь силу намъ; рѣдкіе только люди, люди не отъ міра сего способны приносить себя въ жертву за добро. Но, братіе, мы все, и духовные и міряне, и великіе и малые—все созданы *на дѣла благая*, и потому все обязаны любить добро и ненавидѣть зло, и совершенное равнодушіе къ тому и другому есть зло и даже нерѣдко большее зло, чѣмъ иное преступленіе. Иногда человекъ совершаетъ преступленіе не по равнодушію къ добру и привязанности къ злу, а вслѣдствіе увлеченія, а потому есть надежда, что, когда пройдетъ увлеченіе, въ немъ проснется совѣсть и онъ поднимется изъ глубины зла и тѣмъ съ большимъ жаромъ отдастся добру, чѣмъ съ большимъ увлеченіемъ служилъ злу. Но чего ждать отъ человека совершенно равнодушнаго къ добру и злу? Вотъ на примѣръ возмутительная, но очень обыкновенная сцена: бьетъ человекъ кого-нибудь на улицѣ, и все проходятъ равнодушно, какъ будто такъ и быть должно; а иной еще остановится да полюбуется. Или еще: хо-

заянть истязуетъ учениковъ-мальчиковъ, капиталистъ гнетъ рабочихъ, обременяетъ ихъ работою даже въ праздники, и никто кромѣ начальства не вступается за утѣсненныхъ, не только не обличить утѣснителя, куда ужъ!—нѣтъ, никто не покажетъ даже негодованія и презрѣнія къ его поведенію, напротивъ многіе относятся даже къ нему съ уваженіемъ, его знакомство считаютъ за честь, его выбираютъ на почетныя должности. Или еще: основывается какое-нибудь полезное учрежденіе, выбирается распорядитель. Распорядитель злоупотребляетъ довѣріемъ избирателей и разстраиваетъ учрежденіе,—что же избиратели? Да ничего: они свое дѣло сдѣлали, выбрали, а тамъ пусть будетъ, что будетъ, имъ какое дѣло! Скажите, чего же ждаты отъ такого общества?—Вотъ, братіе, мы вспоминаемъ нынѣшній день всѣхъ воиновъ на брани убійныхъ. Скажите, что одушевляло ихъ? Что заставляло ихъ переносить всѣ труды и лишенія, неразлучныя съ военнымъ званіемъ? Что заставляло ихъ подставлять грудь подъ пули и жертвовать жизнію? Что какъ не этотъ огонь ревности, огонь любви къ вѣрѣ, царю и отечеству? Да, братіе, безъ этого огня не было бы у насъ героевъ и некого бы было намъ вспоминать теперь, да и вспоминать-то было бы некому, потому что не существовало бы и само общество, ибо общество зиждется любовію.

Будемъ, братіе, молиться пророкамъ, да возжгутъ они хотя малую искру огня, горѣвшаго въ ихъ груди.

Свящ. Д. Державинъ.

О БЛАГОПРИЛИЧИИ,

СВОЙСТВЕННОМЪ СЛУЖИТЕЛЯМЪ ЦЕРКВИ.

Слово въ день трехъ святителей, сказанное въ Кишиневской семинарской церкви Высокопреосвященнѣйшимъ Сергіемъ, Архіепископомъ Кишиневскимъ.

Сія пишу тебѣ, да уяви, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива (1 Тим. 3, 15).

Это апостоль Павелъ сказалъ о своихъ наставленіяхъ, которыя написалъ Тимоѳею для того, чтобы онъ и прочіе священнослужители знали, какъ въ дому Божіемъ, въ Церкви Божіей жить и поступать.

Цѣль сего заведенія та, чтобы готовящіеся здѣсь къ духовному сану заблаговременно научились, какъ проходить священное служеніе, какъ въ обществѣ церковномъ обращаться.

Основнымъ руководствомъ къ сему служатъ наставленія апостольскія, которыя своимъ словомъ и примѣромъ уясняютъ намъ три великіе святителя, имъже нынѣ празднество.

Чтобы быть принятымъ въ хорошемъ обществѣ, надобно знать требованія благопристойности. Въ обществѣ церковномъ имѣются свои правила благоприличія, строго обязательныя для тѣхъ, которые готовятся быть и дѣлаются въ немъ руководителями. Сіе самое внушаетъ Апостоль, когда говоритъ, что священнослужителю подобаетъ быть *благоговѣиу, честну* (1 Тим. 3, 7). Эта честность есть, по изъясненію Василя Великаго ^{а)}, благоприличіе; оно, удерживая душу священнослужителя на высотѣ благоговѣнія, выражается во всемъ его поведеніи. Соблюденіе сего церковнаго благоприличія

а) Част. V, стр. 153.

служить признакомъ, по которому легко отличить священнослужителя, вполне соответствующаго своему званію, и которое возвышаетъ его надъ прочими христіанами.

Обратимся къ сравненіямъ. Читатъ Библию надобно всякому христіанину; но «пріемлющему священническое достоинство потребно изучать ее, разумѣть ее, со истолкованіемъ» б), то-есть, въ такой степени, чтобъ изъяснять ее и другимъ. Посему апостоль Павелъ поставлялъ великимъ пріобрѣтеніемъ для Тимофея, что тотъ измлада зналъ священное писаніе (2 Тим. 3, 15). Посему и святой Григорій Богословъ говорилъ о себѣ: «Я первый изъ упражняющихся, или по крайней мѣрѣ, изъ желающихъ упражняться въ Божіемъ словѣ. Я никогда не предпочту сему занятію чего-либо другаго» в).

Извинительно мірянину, если онъ, зная житіе святаго, имя котораго носить, не знаетъ о многихъ другихъ угодникахъ Божіихъ. Но прилично ли священнику не знать ничего о святомъ, житіе котораго извѣстно, и имя котораго самъ нарекаетъ младенцу? Великіе святители иной примѣръ намъ подають: они не только собирали свѣдѣнія о святыхъ своихъ предшествовникахъ, но «увеселялись славою мучениковъ, восхищались кровью подвижниковъ», говорили о нихъ въ своихъ поученіяхъ г).

Похвально и спасительно, если мірянинъ часто ходитъ въ храмъ Божій, и старается понять, что тамъ видитъ и слышитъ. Но нельзя еще его безусловно обвинять, если онъ, удерживаемый своими занятіями, иногда и опуститъ богослуженіе, или, находясь въ храмѣ, не знаетъ, что должно быть пѣто и читаемо. Напротивъ для священника храмъ есть должностное мѣсто его пребыванія; здѣсь онъ обязанъ бывать неопустительно; здѣсь должна витать душа его. По замѣчанію Григорія Богослова, не слѣдуетъ быть и въ священномъ чинѣ тому, «кто не зрѣлъ еще, какъ должно, красоту Господню» д).

б) VII Вс. соб. прав. 2. См. изъясн. Зовар.

в) Часть III, стр. 152.

г) Гр. Бог. Ч. II, стр. 248.

д) Часть I, стр. 73.

А кто содѣлался уже служителемъ престола, тотъ долженъ быть проникнуть чувствомъ, что онъ «стоитъ съ ангелами, славословить съ архангелами, священнодѣйствуетъ со Христомъ» е). Священникъ долженъ твердо знать не только составъ и порядокъ богослуженій, но разумѣть ихъ духъ и смыслъ; онъ есть блюститель церковныхъ учрежденій; онъ есть ихъ истолкователь. Самъ Господь повелѣлъ: *Вопроси іереевъ о законъ* (Агг. 2, 13). *Понеже устнѣ іереевы сохраняютъ разумъ* (Малах. 2, 7); должны хранить вѣдѣніе, давать разъясненіе постановленій церковныхъ и всего того, что по православному чиноположенію дѣйствуется, и почему такъ, а не иначе совершается.

Такой высотѣ служенія должна соотвѣтствовать и высота жизни. Сами міряне, которые взаимно прощаютъ другъ другу важные недостатки и пороки, строго судятъ священника, и то, что себѣ почитаютъ позволительнымъ, для него признаютъ неприличнымъ. Строго и намъ самимъ нужно судить себя.

Когда священникъ совершаетъ таинства, какой потребуемъ отъ него чистоты, какого благоговѣнія? ж). На этотъ свой вопросъ святой Златоустъ отвѣчаетъ з) словомъ апостольскимъ: «священнику надлежитъ быть *непорочну* (1 Тим. 3, 2), быть свѣтлѣе свѣтильника, вести жизнь безукоризненную». «Сѣдѣніе на высотѣ священства видны всѣмъ, и малое погрѣшеніе въ нихъ кажется великимъ. Всѣ измѣряютъ грѣхъ ихъ не значеніемъ дѣла, а достоинствомъ согрѣщающаго» и).

Законъ приличія простирается на всю внѣшнюю жизнь священника. Въ своемъ домашнемъ и семейномъ положеніи, въ знакомствахъ, въ разговорахъ, въ удовольствіяхъ, въ занятіяхъ, такъ называемыхъ, невинныхъ, въ одѣяніи, тѣлодвиженіяхъ ему слѣдуетъ соблюдать великую осторожность. Много мѣстъ и собраній, гдѣ свѣтскому человѣку быть не предосудительно, а священнику не свойственно. И тамъ, гдѣ быть ему позво-

е) Гр. Бог. Ч. I, стр. 62.

ж) О свящ. стр. 107.

з) На 1 посл. къ Тим., бес. 10.

и) О свящ., стр. 51.

лительно, онъ долженъ ни на минуту не забываться, но хранить невредимую ту печать, которую положила на него благодать хиротоніи. Какую мудрую осторожность наблюдали во всемъ житейскомъ великіе святители! Современники Василия Великаго обращали «къ его славъ блѣдность лица его, отращеніе волосъ, тихость походки, медленность въ рѣчахъ, задумчивость и углубленіе въ себя, видъ одежды, приемы при вкушеніи пищи, во всемъ простоту» ^{і)} и естественность. А святой Григорій Богословъ говорилъ о себѣ: «Не высчитываемъ мы годовыхъ и ежедневныхъ доходовъ, не тщеславимся грузомъ и приправами стола. Не поставишь мнѣ въ вину, что я не говорливъ, не забавенъ, не посѣщаю народныхъ собраній. Не расслаблялъ я сердца музыкальными звуками, нѣжно потрясающими слухъ. И серебро и золото предоставлялъ я другимъ. Мое богатство—Христосъ» ^{к)}.

Кто чувствуетъ склонность къ священному сану, на томъ лежитъ забота, чтобы усвоить себѣ его духъ, узнать, что сему званію прилично и что ему не соответствуетъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что по принятіи сана можно изучать обязанности, съ нимъ сопряженныя, оставить навыки съ нимъ несообразныя. Какъ трудно искоренить въ себѣ старыя привычки, это сознаютъ люди, поработившіеся имъ. Лучше совсѣмъ не привыкать къ тому, что грозитъ порабощеніемъ; или заранѣе исторгать изъ сердца дурныя влеченія, доколѣ не усилились. «Священство не виновно въ порокахъ священниковъ; его пятнаютъ люди, которые, не изучивъ напередъ своей души, не сообразивъ важности дѣла, охотно принимаютъ санъ, а когда приступаютъ къ дѣлу, по своей неопытности, наносятъ величайшій вредъ народу» ^{л)},

Итакъ, кто хочетъ быть вѣрнымъ своему призванію, *они май чтенію, наставленію и ученію, и пребывай въ нихъ* (1 Тим. 4, 13. 16), *да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи быти. Аминь.*

і) Ч. III, стр. 172.

к) Ч. IV, стр. 280.

л) Злаг. о свящ., стр. 45.

О ПОЧИТАНІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ.

Слово въ день Срѣтенія Господня, Высокопреосвященнѣйшаго
Сергія, Архіепископа Кишиневскаго.

И та, въ той часъ приставши, исповѣдается Господеви (Лук. 2. 38).

Когда христіанская вѣра сдѣлалась господствующею, тогда праздники наши начали совершаться открыто, а главные изъ нихъ и торжественно. Срѣтеніе же Господне, хотя и было воспоминаемо въ сороковый день послѣ праздника Рождества Христова, но безъ торжественности.

Въ шестомъ вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, появилась въ Константинополѣ и его окрестностяхъ страшная моровая язва; люди умирали тысячами, и по мѣстамъ «многихъ богатыхъ человѣкъ тѣлеса бяху не погребена: измершимъ бо слугамъ, не бѣ кому самихъ господъ погребати». Тогда одному изъ богоугодныхъ было открыто и чрезъ него внушено, чтобы установлено было праздновать Срѣтеніе Господне, какъ и прочіе великіе праздники Господни. Приспѣло второе число февраля; празднество совершено было величественное, со всенощнымъ бдѣніемъ и исхожденіемъ со кресты. «Абіе въ тотъ день отъяся язва смертная, и всеконечно моръ преста» а). О сей Божіей милости въ гѣснопѣнніи настоящаго праздника возглашается: «И нынѣ спаслъ еси насъ, Христе Боже!» б).

Хотя нельзя прямо поставлять таинственной причиной поущенія бывшей язвы то обстоятельство, что не былъ со-

а) Чет. мин. февр. 2. Сказ. о Срѣт. Госп.

б) Ковд. праздн.

вершаемъ съ подобающею торжественностію празднествъ Срѣтенія Господня; но несомнѣнно какъ то, что въ день перваго его празднованія «морь преста», такъ и то, что общественныя бѣдствія навлекаются грѣхами, въ которыхъ обнаруживается упадокъ народной нравственности и къ которымъ относится непочитаніе церковныхъ праздниковъ, ихъ оскорбленіе. Самъ Господь назначилъ народу своему праздники; ихъ храненія, съ обѣтованіемъ награды, Самъ требовалъ не только отъ него, но и отъ другихъ народовъ, обращающихся къ истинной вѣрѣ (Ис. 56, 4. 6); угрожалъ страшнымъ наказаніемъ за нарушеніе и оскверненіе праздничныхъ дней (Иез. 20, 13. 24).

Если теперь напомнимъ: «наблюдайте праздники»; то многимъ покажется, что объ этомъ нечего и говорить. Народъ ихъ знаетъ и соблюдаетъ. Но какъ соблюдаетъ?—Развѣ тѣмъ только они чтутся, что бываетъ для празднующихъ полная свобода отъ будничныхъ занятій и отъ работъ? Развѣ праздность есть отличительная черта праздника? Или въ томъ еще праздничный день узнается, что одни съ утра нетрезвы, другіе сходятся на игры, отправляются на зрѣлища, а тѣ, которымъ нельзя отлучиться, придумываютъ дома какое-нибудь легкомысленное или даже грѣховное времяпровожденіе? «У всякаго, говоритъ святой Григорій Богословъ в), свой способъ торжествовать. Празднуетъ іудей, но по буквѣ. Празднуетъ елинь, но тѣлесно, въ удовлетвореніи страстей, въ угожденіи демонамъ. А намъ праздновать должно духовно».

Скажутъ: «Торжественность праздника зависитъ отъ церковныхъ распорядителей». Правда, что они ея устроители и предначинатели; но и простые христіане должны быть въ ней участники. *Путь Сіона нѣкогда рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нимъ въ праздники* (Плачь Іер. 1, 4); такъ и храмы наши приняли бы видъ не торжественный, а унылый, если дорога къ нимъ забыта, если міряне не будутъ ходить на праздничное богослуженіе.—Принесеніе младенца Іисуса

в) Часть IV, стр. 5. 6. Слнч. Часть I, стр. 304.

во храмъ было дѣйствіе обычное, требуемое закономъ. Но когда оно получило видъ торжественный, когда Святая Матерь поставлена была на мѣстѣ дѣвъ, когда праведный Симеонъ хвалебно сталъ благословлять Бога; тогда и старица Анна, *въ той часъ приставши къ сему священному сонму, исповѣдашеся Господеву*, стала прославлять Его и предъ всѣми окружающими говорить о Немъ, какъ о Спасителѣ. Такъ и нынѣ всѣ могутъ содѣйствовать торжественности праздника: одинъ, прислуживая въ храмѣ, другой, кто способенъ, участвуя въ чтеніи и пѣніи, третій, принося пожертвованія на церковное украшеніе, а всѣ вмѣстѣ, соединяясь въ чувствѣ благоговѣйнаго умиленія, подобно тому, какъ *вѣкогда въ храмѣ Іерусалимскомъ все множество людей бѣ молитву днѣя* (Лук. 1, 10). Это праздничное настроеніе духа добрые христіане изъ храма износятъ съ собою. Оно побуждаетъ ихъ послѣ богослуженія искать духовнаго собесѣдованія и назиданія, посѣщать страждущихъ, утѣшать скорбящихъ, благотворить бѣднымъ. Можно сказать, что чѣмъ больше праздникъ, чѣмъ глубже проникаетъ въ христіанскую душу его благодатное вліяніе, тѣмъ она болѣе бываетъ расположена благотворить ближнимъ.

Да празднуемъ, сказано, не съ закваскою злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины (1 Кор. 5, 8), «удаляясь отъ всякаго зла и устремляясь къ предметамъ духовнымъ; ибо въ этомъ состоитъ истинный праздникъ» ¹⁾. Аминь.

1) Злат. на Матѣ. бес. 39.

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ.

С Л О В О В Ъ Н Е Д Ъ Л Ю П Р А В О С Л А В І Я а).

*Да уявси, како подобаетъ въ дому
Божіи жити, яже есть церковь Божи
жива, столпъ и утверждение истины
(1 Тим. 3, 15).*

Итакъ Церковь есть столпъ и утверждение истины. Но прежде чѣмъ разберемъ силу и значеніе этого изреченія, позвольте напомнить вамъ рассказанный въ одной священной книгѣ (2 Ездры гл. 3 и 4) случай изъ древней исторіи, бывший за 2300 лѣтъ до нашего времени, — позвольте пригласить васъ перенестись мыслію изъ этого храма во дворецъ Дарія, персидскаго царя, и послушать умныхъ рѣчей, которыя одинъ вслѣдъ за другимъ произносятся здѣсь три умныхъ придворныхъ Дарія въ присутствіи его и многочисленнаго собранія вельможъ. Предметомъ умныхъ рѣчей было рѣшеніе вопроса: что сильнѣе всего на свѣтѣ? Первый ораторъ старался доказать, что сильнѣе всего вино. Оно, говорилъ онъ, равняетъ всѣхъ людей: оно приводитъ въ одинаковое омраченіе умъ царя и сироты, раба и свободнаго, бѣднаго и богатаго. Опьянѣвшіе не помнятъ никакой печали и никакого долга, не думаютъ ни о царѣ, ни о сатрапѣ (т.-е. не боятся ихъ), и говорятъ только о своихъ талантахъ, не помнятъ о пріязни къ друзьямъ и братьямъ, а когда отрезвятся, не помнятъ, что дѣлали.—По окончаніи этой рѣчи о силѣ вина выступилъ второй ораторъ. Онъ утверждалъ, что сильнѣе всѣхъ царь. Царь господствуетъ надъ прочими людьми и во всемъ, что ни скажетъ имъ, они повинуются. Если ска-

а) Произнесено въ Большомъ Успенскомъ соборѣ.

жеть, чтобъ они ополчились другъ противъ друга, они исполняютъ; пошлетъ ихъ противъ непріятелей, они идутъ и разрушаютъ горы, и стѣны, и башни, убиваютъ и бываютъ убиваемы, но не преступаютъ слова царскаго. Если же побѣдять, всю добычу приносятъ царю и т. п.—За этою рѣчью о силѣ и власти царя, послѣдовала рѣчь третьяго оратора. Онъ сталъ говорить: «Великъ царь и сильно вино; но кто господствуетъ надъ всѣми царями и владѣть ими? Не женщины ли? Отъ нихъ рождаются цари и всѣ люди. Для женщинъ люди готовы всѣмъ жертвовать. Полюбившіе женщину прилѣпляются къ ней болѣе чѣмъ къ золоту и серебру и ко всякой дорогой вещи. Человѣкъ болѣе любитъ жену свою, чѣмъ отца и мать. Многіе пускаются въ самыя опасныя и преступныя предпріятія, затѣмъ только, чтобы добытое трудомъ и неправдою повергнуть къ стопамъ женщины. Многіе сошли съ ума изъ-за женщинъ и сдѣлались рабами чрезъ нихъ. Иные терпятъ всякое оскорбленіе и униженіе отъ женщинъ, получаютъ отъ нихъ заушенія, и не обижаются этимъ, и чувствуютъ себя счастливейшими, если онѣ улыбнутся имъ. Такъ сильны женщины; но, продолжалъ ораторъ, сильнѣе всего истина. Вся земля взываетъ къ истинѣ и небо благословляетъ ее, всѣ дѣла трясутся и трепещутъ предъ нею. И нѣтъ въ ней неправды. Неправедно вино, неправеденъ царь, неправедны женщины, несправедливы всѣ сыны человеческіе и всѣ дѣла ихъ таковы, нѣтъ въ нихъ истины и они погибнуть въ неправдѣ своей; а истина пребываетъ и остается сильною во вѣкъ, и живетъ и владычествуетъ во вѣкъ вѣка, и нѣтъ у ней лицепріятія и различенія, но дѣлаетъ она справедливое и всѣ одобряютъ дѣла ея. И нѣтъ въ судѣ ея ничего неправдаго; она есть сила, и царство, и власть, и величіе всѣхъ вѣковъ. Благословенъ Богъ истины».—И пересталъ говорить хвалитель истины, и слушавшіе его всѣ возгласили: «велика истина и сильнѣе всего».

Участвуя сегодня въ торжествѣ православія, т.-е. православной истины, воскликнемъ и мы, братія: «велика истина и сильнѣе всего», и скажемъ: благословенъ Богъ истины.

Благословимъ Господа Иисуса, который самъ есть присносущная истина, который основалъ царство истины—св. Церковь, который затѣмъ родился и на сіе пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину, который свѣтомъ своей истины просвѣтилъ вселенную. Благословимъ Его за то, что Его благодатною силою возвѣщенная имъ истина восторжествовала повсюду, пріавшихъ ее всѣмъ сердцемъ содѣлала трезвенными и цѣломудренными, рабовъ плотской похоти одухотворила, женщинъ научила искать себѣ славы не въ обольщеніи мужей, но въ служеніи Господу Богу,—покорила своей власти царей и изъ враговъ ея и гонителей сдѣлала ревнителями, распространителями и защитниками ея ученія. Благословимъ Господа Иисуса, Главу святой Церкви, этого царства истины, за то, что Онъ вѣчно пребываетъ въ ней своею благодатию и помогаетъ ей хранить во всей чистотѣ и неприкосновенности ввѣренную ей истину и побѣждать враговъ ея. Истина Господня пребываетъ во вѣкъ въ православной Церкви. Вотъ уже болѣе тысячи лѣтъ совершается торжество православія, и оно будетъ совершаться до скончанія вѣка если не въ теперешнемъ, то въ другомъ какомъ-либо видѣ,—потому что истина православія пребудетъ во вѣки, непреложная и неизмѣнная.) Непоколебимо до скончанія вѣка Церковь пребудетъ столпомъ и утвержденіемъ истины, неизмѣнно будетъ содержать догматы вѣры, которые съ нарочитою торжественностію провозглашаются въ сей день во всѣхъ областяхъ православной Церкви; съ непоколебимою вѣрностію истинѣ будетъ отмѣтать всѣ противныя симъ догматамъ ученія и анаѳематствовать, т.-е. объявлять отлученными отъ общенія съ нею всѣхъ лжеучителей и пріемлющихъ ихъ мудрованія.

Эта непоколебимая вѣрность Церкви ученію истины очень и очень не нравится ревнителямъ лжеименнаго прогресса. Имъ хотѣлось бы перемѣнъ и преобразованій въ самомъ вѣроученіи православной Церкви. Они не довольны православною Церковію за то, что она блюдетъ ученіе вѣры въ томъ видѣ, какъ оно передано ей Апостолами въ словѣ и писмени,

ограждено и разъяснено вселенскими соборами, отцами и учителями Церкви. Они упрекают православную Церковь неподвижностію, окаменѣлостію, отсталостію въ сравненіи съ западными христіанскими обществами. Можетъ быть этотъ упрекъ отчасти справедливъ въ отношеніи къ миссіонерству; въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, гораздо больше насъ дѣлаютъ западные христіане. Но если упрекаютъ насъ въ отсталости за то, что мы съ крайнею недовѣрчивостію относимся къ движеніямъ богословской мысли на западѣ, мало и медленно двигаемся на этомъ пути, то нечего смущаться такими упреками. Православная Церковь потому и есть столпъ и утвержденіе истины, что бережно хранитъ ее, твердо въ своихъ рукахъ держитъ знамя ея, устойчиво выдерживаетъ нападенія на нее, не увлекается, подобно западнымъ христіанскимъ обществамъ, всякимъ вѣтромъ ученія (Еф. 4, 14), всякими новомодными воззрѣніями, которыя во имя истины часто приводятъ къ одной лжи не только протестантовъ, но и такъ называемыхъ католиковъ. Нѣтъ, если въ этомъ отношеніи мы отстали отъ нихъ, то такая отсталость—наша честь и похвала, и дай Богъ навсегда, во вѣки вѣковъ намъ оставаться въ этой отсталости, въ этой неподвижности, свойственной чадамъ Церкви, именуемой столпомъ и утвержденіемъ истины.

Когда Церковь именуется столпомъ и утвержденіемъ истины, это значитъ, что въ отношеніи къ истинѣ Церковь служитъ такою же опорой, какою бываютъ для вещественнаго зданія столбы въ стѣнахъ и фундаментъ. Но какъ согласить съ этимъ значеніемъ Церкви то, что источникъ истины есть Христосъ и что Духъ Святой есть Духъ истины, слѣдственно внѣ Христа и Духа Христова не только нельзя утвердиться въ истинѣ, но и найти ее?—Несомнѣнно, столпъ и утвержденіе истины—есть самъ Христосъ и Духъ Христовъ; но если и Церковь называется столпомъ и утвержденіемъ истины, это потому, что она находится въ тѣснѣйшемъ общеніи со Христомъ, что она есть тѣло Христово (Еф. 1, 23; 3, 6; 4, 4. 16; 5, 14), что глава этого тѣла есть Христосъ, а душа

Духъ Святый (Рим. 8, 9). Судя по столь тѣсному союзу Христа и Духа Святаго съ Церковію необходимо, чтобы всякій желающій быть утвержденнымъ въ истинѣ и быть далекимъ отъ опасности уклониться отъ нея, власть въ заблужденіе, — смиренно подчинялся руководству Церкви. Она есть непогрѣшительный органъ Христовой истины, какъ непогрѣшительнъ самъ Христосъ, который обѣщаль пребывать въ ней до скончанія вѣка, какъ непогрѣшительнъ Духъ Святый, который, по обѣтованію Христову, пребудеть въ Церкви во вѣки (Іоан. 14, 16). Какъ же Церковь сохраняетъ и распространяетъ ученіе истины, ей ввѣренной Христомъ? Главнымъ хранилищемъ истины служить для Церкви св. писаніе, изъясняемое по разуму Церкви при помощи преданія и по внушенію присущей ей просвѣщающей благодати Св. Духа. Свое разумѣніе Христовой истины Церковь выражаетъ въ символахъ вѣры, въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви, въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, въ вѣроопредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и наконецъ въ живомъ ученіи пастырей Церкви, получившихъ отъ І. Христа, по преемству отъ Апостоловъ, власть ученіемъ своимъ привлекать людей къ вѣрѣ и утверждать въ ней. Эта власть столь священна, что, по слову Христову, «кто слушаетъ ихъ, слушаетъ самого Христа и кто отчается ихъ, отчается самого Христа» (Лук. 10, 16). Такимъ образомъ внѣ союза съ Церковію и ея пастырями, или священноначаліемъ, неблагонадежны другіе пути къ усвоенію Христовой истины. Мнящіеся обладать истиною, но пренебрегающіе союзомъ съ Церковію и ея священноначаліемъ, суть мечтатели; ихъ мудрованія въ отрѣшеніи отъ церковнаго руководства суть бредъ разстроеннаго воображенія. Всѣ ереси и лжеученія возникли вслѣдствіе расторженія союза съ Церковію и ея священноначаліемъ. Одна Церковь есть непогрѣшительный органъ истины. «Несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что католическая Церковь неможетъ погрѣшать или заблуждаться и изрекать ложь вмѣсто истины; ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ вся-

каго заблужденія». Такъ сказано въ посланіи вселенскихъ патріарховъ о православной вѣрѣ и повторено въ нашемъ православномъ катихизисѣ (въ изъясненіи 9-го члена символа вѣры). И такъ поистинѣ Церковь есть столпъ и утвержденіе истины. Не могли поколебать этого столпа и твердыни никакія вражескія прираженія. Мудрованія еретиковъ и раскольниковъ послужили только къ вѣщшему торжеству Христовой, содержимой Церковію, истины, ибо дали поводъ пастырямъ Церкви полнѣе, точнѣе и всестороннѣе раскрыть истины церковнаго вѣроученія. Вотъ и въ наше время появляется много лжеумудрствующихъ. Это многихъ смущаетъ и даетъ имъ поводъ сомнѣваться въ прочности и непоколебимости Церкви. Но напрасно. Истина Господня, хранимая Церковью, пребываетъ во вѣки. Церкви, основанной на камнѣ—Христѣ, врата ада, т.-е. силы адскія въ лицѣ враговъ истины, никогда не одолѣютъ. Успѣхъ лжеучителей можетъ быть только временный. «Не смущайтесь, это легкое облачко,—оно скоро пройдетъ», говорилъ Григорій Богословъ по поводу попытокъ Юліана богоотступника уничтожить христіанскую Церковь. Тоже и мы должны повторять въ виду появляющихся среди насъ лжеученій. Толпы еретиковъ и разныхъ лжеучителей съ каждымъ вѣкомъ христіанства появлялись и исчезали, какъ легкое облако, а солнце истины Христовой вѣчно сіяетъ. Не затмитъ его и современнымъ врагамъ Христовой истины, содержимой Церковію.

Возблагодаримъ, братіе, Господа, за то, что по милости Его мы принадлежимъ къ православной Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины, и будемъ свято беречь эту истину, не увлекаясь современными лжеученіями. (Сочувствіе этимъ лжеученіямъ карается анаемією церковною, т.-е. отлученіемъ отъ Церкви. Строга эта кара, но Церковь иначе поступать не можетъ,—она есть общество единомысленныхъ. «Умоляю васъ, братія, пишетъ Апостолъ членамъ Коринеской церкви,—именемъ Господа нашего І. Христа, чтобъ всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленія, но чтобъ вы соединены были въ одномъ духѣ и въ однихъ мысляхъ»

(1 Кор. 1, 10). Есть церковныя общества на западѣ, которыя слишкомъ широко понимаютъ свободу вѣры и признають своими членами даже далеко уклонившихся отъ принятаго у нихъ вѣроисповѣданія. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ одинъ епископъ англиканской церкви на Мысѣ Доброй Надежды обвиненъ былъ въ томъ, что печатно отвергалъ богодухновенныхъ священнаго писанія, но былъ оправданъ парламентомъ и продолжалъ проходить епископское служеніе. Но потому-то церковное общество, въ которомъ возможны подобныя явленія, не есть Церковь, а есть только сборище механически соединенныхъ членовъ. Говорятъ: любовь все покрываетъ и не препятствуетъ принадлежать къ одной Церкви разномыслящихъ въ вѣрѣ. Но это нехристіанское разсужденіе. Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ больше всѣхъ апостоловъ училъ вѣрующихъ исполнять заповѣдь Христову о любви,—но онъ же крѣпко стоялъ за истину вѣроученія. Онъ писалъ: «для меня нѣтъ больше радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ» (3 Іоан. ст. 4).

Прот. В. Нечевъ.

ДВА ПОУЧЕНІЯ ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

I.

На ряду съ ветхозавѣтными примѣрами покаянія, каковы покаяніе Давида и Манасіи, — и съ евангельскими, каковы покаяніе мытаря, блудницы, разбойника и Петра, — Церковь указываетъ на поразительный примѣръ Маріи Египетской. Марія была блудница, дошедшая до крайней степени разврата, и изъ этой глубины сумѣла подняться до высоты равноангельской. Пораженная тѣмъ, что Матерь Божія не допустила ее войти во храмъ, Марія почувствовала глубокой ужасъ. Какъ молнія, освѣтило душу ея сознание своей гнусности. Съ этой минуты началось ея нравственное возрожденіе. Призвавъ на помощь Матерь Божію, она бѣжала въ пустыню, чтобы избѣжать соблазновъ, которые могли бы увлечь ее на прежній путь разврата. Нельзя вообразить, чего стоила ей борьба съ дурными навыками, которые палили ее, какъ адское пламя. И эту борьбу она вела десятки лѣтъ — и не подалась.

Вотъ настоящее покаяніе! Вотъ героизмъ, которому нѣтъ равнаго! Такъ ли относится къ покаянію большинство?.. Не сознавая въ себѣ крупныхъ грѣховъ, а мелкіе считая за невинныя слабости, большая часть изъ насъ не считаютъ своего положенія опаснымъ и потому или совсѣмъ не прибѣгаютъ къ покаянію, или, если и идутъ на исповѣдь, то исполняютъ ее какъ простой обрядъ. На что имъ покаяніе? Вѣдь они не

злодѣи какіе-нибудь, не хищники, не беззаконники; они добрые христіане: соблюдаютъ посты, дѣлають пожертвованія, вообще исполняютъ и религіозныя, и общественныя и семейныя обязанности. Успокоивая себя этою мыслію о своей порядочности, они никогда не заглядываютъ въ глубину своей души и не видятъ, что ихъ нравственное состояніе опаснѣе состоянія великихъ преступниковъ, какъ общая испорченность организма опаснѣе горячки, поражающей сильный организмъ. Они исполняютъ свои обязанности, но безъ сердечнаго участія, изъ тщеславія, или просто изъ приличія; себялюбіе—единственная пружина, приводящая въ движеніе ихъ силы; они не сдѣлали никакого злодѣйства, но они ежеминутно совершаютъ мелкіе безчестные поступки. Они по мелочи растратили свое духовное богатство и стали и «нищи, и бѣдны, и наги»; они «ни теплы, ни холодны», и достойны изблеванія.

Таково состояніе многихъ христіанъ. Церковь всего болѣе боится этого состоянія и употребляетъ всѣ силы, разсвѣять наше самообольщеніе и пробудить отъ сна грѣховнаго—отъ безпечности. Не однихъ разбойниковъ, мытарей, грабителей и блудницъ призываетъ она къ покаянiю, не имъ однимъ она представляетъ великіе примѣры покаянiя; — нѣтъ, каждаго заставляеть она звать: «никтоже согрѣши, якоже азъ окаянный»; «умножишися беззаконія моя паче числа песка морскаго»; «отъ множества грѣховъ моихъ не могу я возрѣть на высоту небесную»; «отъ ногъ даже до главы нѣтъ во мнѣ здороваго мѣста». «Боже, очисти мя грѣшнаго! Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!» «Не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ!» «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Если ты, грѣшникъ, проникся этими чувствами, то приступи и «глаголи дѣла твоя Богу, вся вѣдущему».

II.

Св. Церковь нерѣдко предохраняетъ насъ отъ грѣха указаніемъ на пагубное дѣйствіе грѣха въ лицѣ Іуды предателя. Іуда—предатель! Одинъ изъ избранныхъ учениковъ, одинъ изъ дванадцати сдѣлался предателемъ Христа! Апостоль—предатель! Какое сочетаніе! Не знаю, вдумывались ли вы когда, братіе, въ это обстоятельство, а оно не только поразительно само-по-себѣ, но и въ высшей степени внушительно для насъ. Если Апостоль могъ пасть такъ глубоко, то кто же изъ насъ безопасенъ отъ паденія? Мы обыкновенно успокоиваемъ себя тѣмъ, что едва только появились мы на свѣтъ, какъ Церковь поспѣшила омытъ насъ водами крещенія и оградить отъ козней діавола дарами Духа Св. въ таинствѣ муропомазанія; едва только научились мы отличать правую руку отъ лѣвой, какъ Слово Божіе обильно стало сѣять въ насъ сѣмена жизни. Однимъ словомъ, мы успокоиваемъ себя тѣмъ, что мы христіане отъ самыхъ пеленъ, и съ презрѣніемъ часто называемъ нехристіанъ басурманами. Но вотъ Іуда былъ одинъ изъ первыхъ христіанъ; онъ сталъ христіаниномъ съ самымъ рожденіемъ христіанства. Мало того: онъ былъ не только одинъ изъ первыхъ, но одинъ изъ избранныхъ христіанъ, одинъ изъ двѣнадцати. Онъ былъ, такъ сказать, погруженъ въ самый источникъ благодати; онъ ежеминутно слышалъ слова жизни изъ устъ самаго Господа.—Мы опираемся еще на наружную религіозность. «Я, говоритъ иной,—всегда первый въ церкви и послѣдній изъ церкви». Но вотъ Іуда всегда неразлучно былъ съ самимъ Основателемъ, Главою Церкви.—«Но я, скажетъ иной,—имѣю не одну наружную религіозность, не одинъ образъ благочестія, но и силу его; я имѣю добродѣтели». Подозрительно что-то. Эта похвальба очень напоминаетъ фарисея. Но положимъ, что твои добродѣтели настоящаго достоинства; но кто знаетъ, — и у Іуды не было ли добродѣтелей? Вѣдь не даромъ же онъ былъ принятъ Господомъ въ число учениковъ, да еще избранныхъ. «Но у него

была страсть сребролюбія: онъ тать бѣ и ковчежець имѣяше и вметаемая ношаше, а у меня, смѣло скажутъ многіе,— нѣтъ никакой страсти». Но развѣ Іуда «тать бѣ» съ самаго начала своего апостольскаго служенія? Развѣ Господь могъ бы принять въ число своихъ учениковъ, да еще избранныхъ татя? «Но хотя Іуда не былъ татемъ до своего избранія въ апостольское служеніе, но въ немъ уже былъ зародышъ страсти сребролюбія, разросшійся потомъ до того, что сдѣлалъ изъ него татя и наконецъ предателя; а во мнѣ...» — Какъ, другъ мой, въ тебѣ нѣтъ даже и зародыша никакой страсти? Но этимъ не могли похвалиться и лучшіе изъ Апостоловъ. Во всѣхъ нихъ были зародыши страстей: всѣ они иногда спорили изъ-за первенства; не далѣе, какъ за нѣсколько дней до предательства Іуды, лучшіе изъ Апостоловъ—сыновья Зеведеевы, приступили къ Господу съ просьбою дать имъ первыя мѣста въ Его будущемъ, земномъ, какъ они воображали, царствѣ. Но ты лучше самихъ Апостоловъ,—въ тебѣ нѣтъ даже и зародыша страстей! Только вотъ что замѣть, мой другъ, страсти вырастаютъ изъ самыхъ естественныхъ наклонностей: каждая естественная наклонность, перешедшая законныя предѣлы, есть похоть; «таже похоть заченши рождаетъ грѣхъ» и обращается, питаемая грѣхами, въ страсть. Что же, въ тебѣ естественныя наклонности не могутъ перейти законныя предѣлы и превратиться въ похоти? Ну, въ такомъ случаѣ тебѣ не нуженъ Христосъ, потому что Онъ «пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать на покаяніе» — «Нѣтъ, не то; но Іуда не внималъ предостереженіямъ». Вотъ это такъ; вотъ здѣсь причина Іудина паденія. А отчего онъ не внималъ предостереженіямъ? Оттого, что въ немъ было сухое и гордое сердце. Въ то время, какъ прочіе Апостолы какъ дѣти, любившія Господа, смиренно сознавались въ своихъ недостаткахъ и старались исправиться, Іуда, холодный и гордый, только раздражался отъ самыхъ кроткихъ замѣчаній. Вотъ, братіе, гдѣ причина паденія Іуды, вотъ гдѣ причина и нашихъ паденій: въ недостаткѣ сердечной теплоты и смиренія. Блудница обливаетъ ноги Господа слезами и оти-

раетъ волосами своими—и возстаетъ изъ глубины разврата; а холодный и гордый Іуда падаетъ до предательства. Разбойникъ, грабитель и убійца, исповѣдуетъ: «по дѣломъ моимъ воспріемлю. Помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ» — и входитъ въ рай съ Господомъ; а холодный и гордый Іуда падаетъ въ адъ.

Итакъ, братіе, теперь весь вопросъ въ томъ, съ какими чувствами приступаете вы къ покаянію: если приступаете съ чувствами Іуды, то раздѣлите и его участь; если съ чувствами блудницы и благоразумнаго разбойника, то отпустятся грѣси ваши мнози, и будете вы въ рай съ Господомъ.

Свящ. Д. Державинъ.

ТРИ ПОУЧЕНІЯ ПРЕДЪ ПРИЧАЩЕНІЕМЪ.

I.

Однажды Моисей въ пустынь, у горы Хорива, увидѣлъ купину горящую, но не сгорающую. Онъ хотѣлъ подойти и разсмотрѣть чудное видѣніе; но вдругъ услышалъ гласъ Божій: «иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, потому что земля на которой ты стоишь, — земля святая». Вы, братіе, находитесь теперь въ подобномъ же положеніи, которое однако значительно разнится отъ положенія Моисея. Видѣніе купины самопо-себѣ уже было поразительно, но кромѣ того еще гласъ Божій внушалъ благоговѣйный страхъ. Вы же стоите теперь предъ обыкновенною чашею, которая не представляетъ ничего поражающаго чувства и которая вмѣщаетъ въ себѣ то, что тѣлеснымъ чувствамъ представляется обыкновеннымъ хлѣбомъ и виномъ. Все такъ просто, такъ обыкновенно и никакой голосъ съ неба ничего не возвѣщаетъ вамъ необыкновеннаго. Однако подъ видомъ обыкновеннаго хлѣба и вина сокрытъ огонь Божества, который носила во чревѣ своемъ Пречистая Дѣва. Это тотъ же самый огонь, который попалилъ нѣкогда нечестивые города, оставивъ на ихъ мѣстѣ страшный слѣдъ— Мертвое море, и въ то же время просвѣщалъ и освящалъ отца вѣрующихъ. Это тотъ же самый огонь, который гремѣлъ и сверкалъ надъ Синаемъ, грозя смертію за приближеніе къ горѣ далѣе назначенной черты,—и въ то же время такъ просвѣтилъ Моисея, что народъ не могъ смотрѣть на лице его. Это тотъ же самый огонь, который, вмѣстившись во чревѣ Дѣвы, вознесъ ее выше херувимовъ и серафимовъ.

Вотъ, братіе, что предъ вами въ этой чашѣ сокрыто подъ видомъ хлѣба и вина, чтобы вы не умерли отъ ужаса: предъ вами божественный огонь, который очищаетъ и освящаетъ приступающихъ съ вѣрою и благоговѣйнымъ страхомъ и по- паляетъ недостойныхъ. «Иззуйте (же) сапоги отъ ногъ своихъ, ибо мѣсто, на которомъ вы стоите, свято», отложите не только страсти и похоти ваши, но и «всякое житейское по- печеніе». «Да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да по- мышляетъ». «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите,—и огонь божественный не поалитъ васъ, а поалитъ въ васъ всякую скверну, просвѣтитъ и освятитъ васъ. Приступите и воззовите: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую...».

II.

«Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите». Съ такими чувствами приглашаетъ васъ, братіе, приступить къ св. тай- намъ Церковь. И подлинно. Подумайте, кто вы и кто предъ вами? Предъ вами Владыка неба и земли, а мы—прахъ и пепель. Предъ вами Тотъ, «предъ Кѣмъ и небо нечисто»,— а мы «въ беззаконіяхъ зачинаемся и во грѣхахъ раждаемся» и грѣхами упиваемся. Предъ вами Тотъ, предъ Кѣмъ со страхомъ предстоятъ Ангелы, предъ Кѣмъ трепетала земля и солнце закрывало ликъ свой, когда видѣли Его распинаемымъ. Нѣкогда Исаія, увидавъ Его только въ видѣніи «сѣдящимъ на престолѣ высокоомъ и превознесенномъ», затрепеталъ отъ страха и воскликнулъ: «о, я окаянный, я, имѣющій нечи- стыя уста и живущій среди людей, имѣющихъ нечистыя уста, вижу Бога!» Что же должны чувствовать теперь вы, видя Бога не въ видѣніи, а въ самой вещи—въ своемъ пречистомъ тѣлѣ и крови грядущимъ, чтобы въ вашемъ сердцѣ устроить престолъ себѣ? Нѣкогда Петръ, увидавъ Его, вошедшаго къ нему въ лодку, воскликнулъ: «изыди отъ мене, яко мужъ грѣ-

шенъ есмь Господи!» Подобное и мы должны исповѣдать. «Ты—сама святость; я—весь нечистота. Ты—сама истина; я—весь ложь, обманъ, коварство, вѣроломство. Ты—любовь; я—весь себялюбіе, злоба вражда и ненависть. Ты принесъ себя въ жертву за міръ; я готовъ весь міръ принести въ жертву своему себялюбію. Пусть домъ души моей благими чувствами и разрушенъ бурями страстей. Негдѣ преклонить тебѣ голову. Боюсь, Господи, что «буду поपालенъ, яко трава», ибо Ты—«огнь, поपालяя недостойныя».

Но, братіе, Господь грядетъ теперь «кротокъ и спасаая» и говорить: «Я пришелъ «не губить, а спасать души чело- вѣческія. Я для того и умеръ на крестѣ, чтобы вамъ даро- вать жизнь. И теперь Я иду къ вамъ, чтобы вселиться въ васъ, соединиться съ вами тѣлесно, чтобы быть «единъ духъ съ вами, жить въ васъ и чрезъ васъ, чтобы очистить, освя- тить, обожить васъ,—чтобы раздѣлить съ вами мое царство».

Что же вы отвѣтите на этотъ гласъ, «кроткій и спасаю- щій»? Конечно, вы не со страхомъ только, но и съ вѣрою приступите и скажете: «о, Господи, «что есть чело- вѣкъ, яко помниши его?» Если Ты, Пречистый, не гнушаешься мною, то могу ли я остаться безчувственнымъ? Нѣтъ, готово сердце мое, готово къ Тебѣ, Боже!» Прииди и водворись во мнѣ, и очисти мя отъ всякія скверны и спаси, Блаже, душу мою. Вѣрую, Господи и исповѣдую... и д.

III.

Вчера вы, братіе, давали отчетъ въ своихъ дѣлахъ, и что же оказалось? Какими бы ни казались ваши дѣла въ вашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ міра,—предъ очами Бога, предъ которымъ «и небо нечисто», они оказались вполнѣ не- состоятельными: таланты растрчены, образъ Божій помра- ченъ, совѣсть осквернена, нравственное достоинство уни- жено, храмъ духовный въ развалинахъ, долги неоплатные,

плодовъ духовныхъ никакихъ,—ничего, кромѣ фальшивой монеты и поддѣльнаго списка мнимыхъ добродѣтелей, написаннаго гордостію и самомнѣніемъ. Предъ судомъ правды Божіей вы оказались совершенно безотвѣтны. Но вы сами признали фальшивымъ списокъ вашихъ мнимыхъ добродѣтелей, пали къ стопамъ Судіи и Господа и сказали Ему въ сердечной тоскѣ: «Господи, я и окаяненъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ»; «не имамъ, что принести Тебѣ». «Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ!» «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» И что же? Едва только вы воззвали къ Его милосердію, какъ Онъ все простилъ вамъ, все забылъ, какъ будто ничего и не было. Мало того: Онъ предлагаетъ вамъ сокровище, какого не имѣютъ ангелы. Ибо кто же изъ ангеловъ находится въ такомъ тѣсномъ общеніи съ Нимъ, въ какое Онъ хочетъ вступить съ вами теперь? Съ кѣмъ, кромѣ одной Пречистой Матери своей, входилъ Онъ въ тѣлесное соединеніе, въ которое Онъ входитъ теперь съ вами? Тебѣ, тебѣ одному, человѣкъ, Онъ даетъ свое божественное тѣло и кровь, «да Бога тебя содѣлаетъ!»

Чтобы получить этотъ безцѣнный бисеръ, не долженъ ли ты продать все, что имѣешь? Но что же ты имѣешь? Что ты воздашь Господеву о всѣхъ, яже воздаде тебѣ? Ахъ, ты расточилъ и тѣ дары, которые даны были тебѣ прежде. Ну, такъ скажи Господу: Господи, не имамъ что воздати тебѣ, потому что я и нагъ, и бѣденъ, и нищъ. Возьми меня такимъ, каковъ я есмь: возьми мой омраченный умъ, оскверненное сердце, развращенную волю. Дѣлай со мною, что Тебѣ угодно. Самъ возставь мене падшаго. Ибо я «вѣрую, Господи и исповѣдую...»

Свящ. Д. Державинъ.

ТРИ ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

I.

ОРУЖІЯ ПРОТИВЪ ВРАГОВЪ.

(Прол. апрѣля 2. Слово отъ Лимонаря о разбойницѣхъ вземшихъ вещи у старца).

Не побѣжденъ бывай отъ зла, говоритъ Апостоль, *но побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21). На что указываютъ эти слова? На то, что огонь масломъ не заливаютъ, т.-е. что зла зломъ остановить и пресѣчь невозможно и что зло, какое мы терпимъ отъ нашихъ враговъ и обидчиковъ, можетъ быть остановлено и пресѣчено только добромъ.

Какія же средства къ тому, чтобы побѣждать благимъ злое?

Первое средство это—сдѣлать какое-нибудь добро своему врагу. Разъ къ одному старцу пришли разбойники и сказали ему: «что у тебя есть въ келліи, мы все возьмемъ». И взяли все, забывши одно вретище. Старецъ досталъ это вретище, догналъ ихъ, и подавая имъ его, въ свою очередь сказалъ: «дѣти мои, вы забыли вотъ еще это». Поступокъ сей такъ тронулъ разбойниковъ, что они возвратили старцу все взятое у него, покаялись и сказали: «поистинѣ, человекъ сей Божій есть» (Прол. апр. 2, л. 5 на об.).

Второе средство—смириться предъ врагомъ. Два епископа поссорились между собою. Одинъ изъ нихъ былъ богатъ, а другой бѣденъ. Богатый искалъ случая сдѣлать зло бѣдному. Бѣдный, узнавъ объ этомъ, сказалъ своему клиру: «мы побѣдимъ его». Клиръ отвѣчалъ: «кто можетъ, владыко, усто-

ать противъ него?» — «Подождите и увидите», сказалъ имъ бѣдный епископъ. И вотъ когда богатый епископъ шель въ сопровожденіи множества народа, бѣдный епископъ палъ ему въ ноги со всѣмъ клиромъ и воскликнулъ: «прости насъ, владыко, мы рабы твои!» Тотъ, пораженный этимъ, самъ палъ къ ногамъ бѣднаго епископа и говоритъ: «ты мой владыка и отецъ!» И съ того времени была между ними великая любовь (Лугъ дух. гл. 208).

Третье средство—мысленное самообвиненіе передъ врагомъ. Одинъ инокъ, оскорбленный братомъ, пришелъ къ нему, чтобы помириться съ нимъ, но тотъ не принялъ его и дверей ему не отворилъ. Отвергнутый инокъ пошелъ послѣ сего къ одному опытному старцу и сказалъ ему объ этомъ. «Знаешь ли, сказалъ ему старецъ, отчего обидѣвшій тебя братъ не захотѣлъ съ тобою примириться? Ты, идя къ нему мириться, себя самого въ душѣ оправдывалъ, а его мысленно обвинялъ. Совѣтую тебѣ такъ поступить: хотя и братъ твой согрѣшилъ противъ тебя, но ты утверди въ душѣ твоей ту мысль, что ты согрѣшилъ противъ него, а не онъ противъ тебя; себя обвини, а его оправдай». Инокъ поступилъ по совѣту старца, пошелъ къ своему брату, и что же? Не успѣлъ толкнуть въ двери, какъ тотъ отворилъ ихъ тотчасъ и встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями (Прол. сент. 17).

Четвертое средство—кроткое вразумленіе врага. Былъ въ Александріи вельможа, который, несмотря на всѣ увѣщанія святителя Іоанна Милостиваго, не хотѣлъ и слышать о примиреніи со своимъ врагомъ. Разъ святитель пригласилъ его въ свою домовую церковь на божественную литургію. Вельможа пришелъ. Въ церкви никого не было изъ богомольцевъ; самъ патріархъ служилъ, а на клиросѣ былъ только одинъ пѣвецъ, которому вельможа и сталъ помогать въ пѣнни. Когда они начали пѣть молитву Господню: «Отче нашъ», запѣлъ ее и святитель; но на словахъ: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ», св. Іоаннъ вдругъ замолчалъ самъ и остановилъ пѣвца; такъ что вельможа одинъ пропѣлъ слова молитвы: «и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ

должникомъ нашимъ». Тутъ святитель сказалъ ему: «смотри, сынъ мой, въ какой страшный часъ и что говоришь ты Богу: остави мнѣ, какъ и я оставляю! Правду ли ты говоришь? Оставляешь ли?» Эти слова такъ поразили вельможу, что онъ весь въ слезахъ, бросился къ ногамъ архипастыря и воскликнулъ: «все, что ни повелишь, владыко, все исполнить рабъ твой.» И исполнилъ: онъ въ тотъже день помирился съ своимъ врагомъ и отъ всего сердца простилъ ему всѣ обиды (Житіе Іоанна Милостиваго).

Пятое, наконецъ, средство — терпѣніе. Нѣкоторый инокъ имѣлъ пребываніе въ общежительномъ монастырѣ, и здѣсь пять братій любили его, а одинъ оскорблялъ. Инокъ не стерпѣлъ оскорбленій и ушелъ, думая найти спокойствіе, въ другую обитель. Тутъ восемь братій стали любить его, а двое ненавидѣть. Онъ побѣждалъ въ третью. Здѣсь семь возлюбили его, и пять возненавидѣли. Что дѣлать? «Пойду, сказалъ монахъ, еще куда-нибудь, тамъ мнѣ лучше будетъ». И отправился въ монастырь четвертый. На пути въ оный, сѣвши однажды отдохнуть, инокъ задумался. «Что же выйдетъ, сказалъ онъ самому себѣ, если я буду бѣгать съ мѣста на мѣсто? Вѣдь тогда я и въ цѣломъ мірѣ не найду себѣ спокойствія. Стану лучше терпѣть». И съ этими словами взялъ хартію и написалъ: «буду все терпѣть ради Іисуса Христа, Сына Божія!» Привязавши это написаніе къ поясу, онъ пришелъ въ новый монастырь и остаться жить. Какъ въ прежнихъ было, такъ случилось и здѣсь. Спустя самое малое время опять начали обижать его. Но онъ уже не унывалъ. Какъ только получалъ отъ кого оскорбленіе, онъ тутъ же прочитывалъ свое написаніе и тотчасъ успокоивался. На послѣдокъ терпѣніе его совершенно восторжествовало. Оскорблявшіе испросили у него прощеніе и перестали обижать его (Прологъ февр. 15).

Довольно, кажется теперь средствъ указали мы вамъ, братіе, для побѣжденія враговъ, если только таковые у васъ есть. Что показываютъ эти средства? Чему научаютъ? Показываютъ и научаютъ, что зло, какъ мы сказали въ началѣ слова,

побѣждается не зломъ, а добромъ, не ненавистію, а любовію. Тому же, вслѣдъ за словомъ Божиимъ, учатъ св. отцы: «Аще кто имать, говорить святитель Димитрій Ростовскій,— каковаго себѣ недруга, гнѣвающагося и ярящагося нань всеу, онъ же, того врага своего любя и благодѣтельствуя ему, помалу претворяетъ его изъ недруга въ друга, изъ гнѣвнаго въ любовнаго» (Томъ 2. Слово въ нед. 19, стр. 519). И св. Амвросій: «Та суть оружія праведнаго, да уступая побѣдитъ, якоже искусніи въ стрѣляннн обыкоша бѣгуще гонящихъ ихъ уязвляти крѣпчае» (тамъ же стр. 521). Прибавлять къ этому нечего, ибо вы сами знаете, что и слово Божіе учитъ такъ же. Остается только просить Господа, чтобы Онъ самъ своею вседѣйствующею благодатію удалилъ изъ сердець нашихъ гнѣвъ и злобу и настроилъ сердца наши такъ, чтобы мы со всѣми всегда жили въ мирѣ и никогда не имѣли нужды мириться. Аминь.

II.

ГИБЕЛЬНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ САМООБОЛЪЩЕНІЯ.

(Слово святаго отца Кассіана, еже не возносится. Прол. апр. 4).

Было, да и теперь есть довольно такихъ людей, которые, послуживъ Богу какими-либо особенными подвигами и вобразивъ о себѣ, что они стали людьми самими близкими къ Богу, начинали по своему вѣрвать, самоизмышленныхъ, въ дѣлѣ спасенія души, правилъ держаться, общеніемъ съ ближними пренебрегать, презирать и осуждать ихъ. Это самообольщеніе, эта духовная гордость влечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія.

Монахъ Иронъ пятьдесятъ лѣтъ провелъ въ пустынѣ и превзошелъ всѣхъ жившихъ въ ней иноковъ своимъ равноангельскимъ житіемъ. Но гордость погубила и такого подвижника. Онъ вообразилъ, что сосѣдніе съ нимъ иноки не такого держатся устава, какого бы, по его мнѣнію, слѣдовало держаться,

и сталъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ. Онъ не хотѣлъ даже и въ великіе праздники вкусить съ ними пищи и, чтобы не видѣть ихъ, не хотѣлъ придти въ церковь даже въ Свѣтлое воскресеніе. Діаволь, замѣтивъ зародившееся въ старцѣ самомнѣніе, не замедлилъ приложить заботу, чтобы погубить его, и достигъ своего. Онъ явился ему въ образѣ свѣтлаго ангела, и самообольщенный монахъ принялъ его дѣйствительно за такового. Тутъ діаволь предложилъ старцу броситься въ колодезь, говоря, что-де за святую жизнь ему отъ этого вреда не будетъ. Старецъ послушался и вытащенъ былъ изъ колодца едва живымъ. На третій день онъ скончался.

Жили въ одномъ монастырѣ отецъ съ сыномъ. Отецъ много возмечталъ о своихъ духовныхъ достоинствахъ и впалъ въ самообольщеніе. Многократно являвшася ему бѣса онъ принималъ за ангела свѣтла. Когда врагъ увидѣлъ, что монахъ въ его рукахъ, то предложилъ ему заклать сына въ жертву Богу. «И ты, сказалъ,—сподобись такой же чести, какъ Авраамъ». Безумный отецъ внялъ діавольскому наущенію и началъ готовить веревку и точить ножъ. Хорошо, что сынъ еще во время замѣтилъ это и спасся бѣгствомъ.

Былъ еще самообольщенный инокъ, дававшій вѣру снамъ и думавшій, что за его святую жизнь Господь особенно передъ другими открываетъ ему свою волю въ сонныхъ видѣніяхъ. Діаволь воспользовался этимъ и разъ представилъ ему во снѣ, будто на одной сторонѣ—св. апостолы, мученики и всѣ христіане находятся во тѣмѣ—въ аду и терпятъ самыя страшныя мученія, а на другой—жиды во свѣтѣ наслаждаются блаженствомъ. Проснулся бѣдный монахъ, повѣрилъ сну, пошелъ къ жидамъ, и не только принялъ еврейскую вѣру, а еще женился на еврейкѣ. Затожъ и наказалъ его Господь: года черезъ три прежній праведникъ, еще живой, началъ гнить, тѣло его точили черви, и въ такомъ несчастномъ положеніи онъ умеръ» (Троицк. листки № 87).

Итакъ, *горе*, какъ говорятъ Исаія, *тѣмъ, которые становятся мудрыми въ своихъ глазахъ и разумными предъ самими собою* (5, 21). И подлинно, прибавимъ отъ себя, *горе*,

двойное горе! Ибо, какъ видите, духовная гордость и плоды прежнихъ добродѣтелей губить, и дѣлаеть челоуѣка рабомъ діавола. Что можетъ быть ужаснѣе сего? Будемъ же непрестанно помнить, что *уже аще не приметъ царствія Божія яко отроча, не имать внити въ не* (Лук. 18, 17). Будемъ идти туда путемъ смиренія и послушанія, помня, что оставившіе путь, возводящій въ обители Отца небеснаго, идутъ путемъ погибели. «Кто, говоритъ св. Григорій, презрѣвши степени возводящія въ гору, хочетъ взойти на оную по стремнинамъ, тотъ ищетъ себѣ паденія» (въ книгѣ: Нетлѣнная пища стр. 287). И падаетъ подлинно; ибо безчисленные примѣры погибшихъ отъ самообольщенія и гордости несомнѣнно должны убѣдить насъ въ этомъ.

III.

СКОРБИ ДЛѢ ХРИСТІАНИНА ПОЛЕЗНЫ.

(Прол. апр. 5. Слово о женѣ молившейся Богу, ейже никакая напасть прииде).

Отчего, братіе, во время скорбей мы большею частію малодушествуемъ, предаемъ унынію, опускаемъ руки? Оттого, что не понимаемъ, что и скорби служатъ къ нашему спасенію и къ нашему блаженству, если переносятся съ упованіемъ на Бога, преданностію Ему, съ смиреніемъ. Посмотрите на примѣръ святыхъ Божіихъ. Поелику они хорошо знали, что скорби необходимы и полезны для спасенія души. то не только тогда, когда были въ скорбяхъ не малодушевствовали въ нихъ, но и когда не было послѣднихъ, можно сказать, сами напрашивались на нихъ, искали, просили себѣ ихъ у Бога.

Одинъ изъ иноковъ, бывши въ Александріи, вошелъ въ церковь помолиться. Тутъ онъ увидѣлъ одну, въ смиренной одеждѣ, почтенную женщину, при которой былъ рабъ, и эта

женщина, падши предъ иконою Спасителя, восклицала: «оставилъ мя еси Господи, помилуй мя, Милостивый!» Слыша вопли ея и видя ея всю въ слезахъ, инокъ подумалъ: «видно она вдова и кто-нибудь обижаетъ ее». Выждавъ, когда она кончила молитву, инокъ, подзававъ къ себѣ ея раба, сказалъ ему: «передай своей госпожѣ, что мнѣ нужно переговорить съ нею». Рабъ передалъ, она подошла къ иноку. Инокъ спросилъ: «кто же это тебя такъ обижаетъ, что ты такъ горько жалуешься Богу?» Женщина со слезами отвѣчала: «Я нахожусь въ міру, и никто меня даже до сего времени ничѣмъ не обидѣлъ. И вотъ о томъ я и плачу, что за мое небреженіе Богъ оставилъ меня и три года никакою скорбію меня не посѣтилъ. Въ это время ни сама я ни болѣла, ни сынъ мой, даже изъ домашней птицы ни одна у меня не пропала. И вотъ, размышляя о семъ, я и думаю, что Богъ прогнѣвался на меня, и умоляю Его, чтобы Онъ хоть чѣмъ-нибудь посѣтилъ меня». Удивился инокъ боголюбивой и крѣпкой душѣ женщины и ушелъ отъ нея, славя за нее Бога.

Такъ вотъ какъ смотрѣли на скорби святые Божіи! Они видѣли въ нихъ даже милость Божію. Да оно и естественно. Скорби научаютъ искать утѣшенія въ Богѣ. Когда мучительная скорбь томить душу, невольно гибнутъ у скорбящаго колѣна и опъ въ слезной молитвѣ повергается предъ Господомъ. Скорби укрѣпляютъ духъ нашъ. Въ счастья душа слабѣетъ; въ несчастіяхъ она приучается къ терпѣнію и нравственно крѣпнетъ. Изъ училища бѣдствій человѣкъ выходитъ какъ золото изъ горнила; душа его свободно раскрывается для воспріятія всего добраго и прекраснаго. Итакъ да будетъ святая воля Господня! Дастъ Онъ намъ счастье, благословимъ Его; посѣтитъ скорбями, паки благословимъ. Да будетъ имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка. Аминь.

Свящ. В. Гурьевъ.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

Двора Ею Императорскаго Величества гофмаршалу, придворной конторы вице-президенту Кириллу Александровичу Нарышкину.

Ваше превосходительство, милостивый государь! При отпущеніи отъ 14 іюля сего 1828 года, № 4866, в. п—во препроводили ко мнѣ нѣкоторыя статьи древняго церковнаго пѣнія, переложенныя въ четырехголосный видъ, которыя предполагается напечатать для разсылки за установленную цѣну въ епархіи, духовныя академіи, семинаріи, каѳедральные соборы, соборы уѣздныхъ городовъ, уѣздныя и приходскія училища, монастыри, словомъ, во всѣ мѣста, гдѣ разноголосное пѣніе можетъ быть употреблено. Вы признали, мил. гос., нужнымъ препроводить ко мнѣ ноты сего вновь приготовляемаго пѣнія, и требовали отъ меня увѣдомленія о пользѣ или бесполезности сего труда и изданія.

Дабы отвѣтствовать на сіе съ удостовѣрительностію, поручалъ я здѣшнему каѳедральному хору приготовить означенное пѣніе, и къ слушанію онаго приглашать нѣсколько лицъ изъ здѣшняго старшаго духовенства, въ числѣ коихъ были нѣкоторые особенно свѣдущіе въ пѣніи. Ихъ замѣчаніями повѣривъ мои замѣчанія, приступаю къ отвѣту.

Два напѣва херувимской пѣсни № 1 и 2, пѣніе лѣваго лика № 5 и свѣтилень страстной недѣли № 6, могутъ быть не бесполезны для церковнаго пѣнія хоровъ архіерейскихъ.

Два другіе напѣва херувимской пѣсни № 3 и 4 не соотвѣтствуютъ цѣли возстановить древне-церковное пѣніе, которое въ нихъ, по роду преложенія, едва узнать можно.

Что касается до разсылки сихъ нотъ въ епархіи, духовныя академіи, каѳедральныя и прочіе соборы, уѣздныя и приходскія училища и монастыри: для сего означенныя ноты совсѣмъ не годятся.

Соборы Петропавловскій и Казанскій въ Петербургѣ отличаются отъ всѣхъ подобныхъ тѣмъ, что имѣютъ свои пѣв-

ческие хоры. Въ прочихъ кафедральныхъ соборахъ, кромѣ архіерейскаго служенія, поютъ соборные священно и церковнослужители, также и въ уѣздныхъ соборахъ во всякое время. Тутъ нѣтъ мѣста четырехолосному пѣнію: ибо некому пѣть альтомъ и дискантомъ.

Въ духовныхъ академіяхъ, гдѣ обучаются одни студенты, также не можетъ быть четырехолоснаго пѣнія.

И въ семинаріяхъ, въ кой ученики вступаютъ по принятымъ правиламъ не моложе 14 лѣтъ, уже недостаетъ альтовъ и дискантовъ: да и учебныхъ часовъ для нотнаго пѣнія здѣсь не положено.

Въ уѣздныхъ училищахъ уставами положено церковное пѣніе: но здѣсь, для распѣванія присланныхъ ко мнѣ нотъ, недостаетъ басовъ и теноровъ.

Нужно ли сказывать, что и въ монастыряхъ недостаетъ альтовъ и дискантовъ, и потому присланныя ко мнѣ ноты для монастырей не годятся?—Притомъ положеніе сихъ нотъ не довольно просто, чтобы онѣ могли быть и удобны, и приличны для употребленія въ монастыряхъ.

Не должно пропустить, что при семинаріяхъ (не знаю, при всѣхъ ли) бываетъ произвольно составленный пѣвческій хоръ, для котораго басы и теноры берутся изъ семинаріи, а альты и дисканты изъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, гдѣ есть къ тому удобность. Ученики, составляющіе сей хоръ, заимствуютъ иногда отъ архіерейскаго хора четырехолосныя ноты, списываютъ ихъ сами и, приготовясь въ свободное отъ ученія время, поютъ по онимъ въ церкви, гдѣ слушаетъ богослуженіе семинарія. Если въ такой хоръ присланы будутъ печатныя ноты за установленную цѣну: то я не вижу, съ кого бы можно было взыскать сію цѣну. Семинарія не имѣетъ на сіе никакого положенія, и только допускаетъ существованіе сего хора, какъ произвольное занятіе учениковъ; а ученики, дѣти большею частію бѣдныхъ родителей, или сироты, не могутъ быть принуждаемы къ сей уплатѣ безъ нарушенія челоуѣколюбія и самой справедливости.

Исполнивъ требованіе в. п—ва, возвращаю присланныя ко мнѣ ноты съ реестромъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

Октября 13-го 1828.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Повѣршый причта Дмитровскаго уѣзда, Медвѣдовой пустыни, крестьянинъ Лебедевъ просилъ объ оказаніи содѣйствія къ возвращенію тамошней Рождественской церкви пустошей съ мельницею, неправильно перешедшихъ во владѣніе крестьянъ села Раменья и помѣщицы Кожиной.— «При разсмотрѣніи мною дѣла и опредѣленія консисторіи, писалъ владыка 12 дек. 1840 года, усмотрѣно слѣдующее: 1) непредставленіе документовъ (*на принадлежность земли и мельницы церкви*) напрасно полагается въ основаніе къ отверженію прошенія: ибо документы уже представлены въ свѣтскій судъ (*уѣздный*). 2) И пропущеніе давности неудовлительнo къ отверженію прошенія: ибо когда дѣло производилось уже въ свѣтскомъ судѣ (*рѣшено въ 1824 г.*), не духовному суду принадлежитъ уничтожать такое дѣло. 3) Отсылать просителя къ апелляціонному порядку конечно не противно закону; но и проситель не безъ основанія представляетъ, что дѣло о церковной землѣ должно быть производимо не апелляціоннымъ, а слѣдственнымъ порядкомъ, ибо дѣла сего рода пользуются правомъ дѣлъ казенныхъ. И сіе тѣмъ болѣе нужно, что причтъ по скудости не имѣетъ средствъ для издержекъ, соединенныхъ съ апелляціоннымъ ходомъ дѣлъ; и неудовлительнo было бы предать личному искусству или неискусству, радѣнію или нерадѣнію нынѣшняго священника судьбу дѣла, которымъ должно быть обезпечено достояніе церкви на вѣчныя времена. 4) Нетвердо и то показаніе консисторіи, что прошеніе содержитъ разныя матеріи и укоризненные слова, ибо сего консисторія изъ прошенія въ опредѣленіи своемъ (*объ оставленіи онаго безъ дѣйствія*) не вывела и не доказала. 5) По прошенію (которое могло бы составлять особое дѣло) о учрежденіи въ Медвѣдовой пустыни женскаго монастыря, и о дозволеніи просителю Лебедеву собирать для того подписку, находящемуся въ дѣлѣ на листѣ 8, никакого сужденія и заключенія консисторіею не сдѣлано. Къ разрѣшенію же сего прошенія над-

лежитъ принять въ разсужденіе, что въ Медвѣдовой пустыни уже было женское общежитіе, но по причинѣ близости къ Пѣсношскому монастырю и усмотрѣнныхъ неудобствъ, уничтожено; что въ Моск. епархіи женскихъ монастырей 12, и потому начальству не настоятъ надобности домогаться умноженія оныхъ; что проситель не именуетъ тѣхъ почтенныхъ людей, которые якобы желаютъ помогать устроенію сего монастыря, и потому на семъ безымянномъ показаніи ничего нельзя утвердить; что самъ проситель (*изъ дьячковъ*), исключенный изъ дух. званія, не заслуживаетъ такого довѣрія, чтобы поручить ему собраніе подписки на учрежденіе монастыря. По такимъ обстоятельствамъ дѣла должнымъ признается учинить слѣдующее: 1) по дѣлу о землѣ Медвѣдовой пустыни, производящемуся въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ (*на самомъ же дѣлѣ, оно давно почислено конченнымъ за неподачею апелляціи на рѣшеніе уѣзднаго суда*) долговременно и, какъ объясняетъ проситель, неправильно, отнестись къ г. синодальному оберъ-прокурору, дабы благоволено было ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, дабы дѣло сіе произведено было слѣдственнымъ порядкомъ, на правѣ казенныхъ дѣлъ, и рѣшеніе въ случаѣ отчужденія церковной земли, не было приведено въ исполненіе безъ Высочайшаго разрѣшенія. 2) Въ дозволеніи просителю собирать подписку на учрежденіе женскаго монастыря отказать.

Примѣчаніе. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло сіе, нашель, что оспариваемыя священнослужителями села Медвѣдовой пустыни двѣ пустоши Плаксина и Луцкина, съ находящеюся при нихъ мельницею, еще во время генеральнаго земель размежеванія въ 1773 году, размежеваны были въ казенное вѣдомство и оставались въ такомъ положеніи, безъ всякаго съ чьей-либо стороны спора до начатія въ 1814 году настоящаго дѣла, т.-е. болѣе трехъ земскихъ давностей, а потому признавая состоящее по сему дѣлу рѣшеніе дмитровскаго уѣзднаго суда, утвержденное московскою гражданскою палатою и принятое палатою государственныхъ имуществъ и московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, объ отказѣ священноцерковнослужителямъ села Медвѣдовой пустыни въ присвоеніи поминутыхъ пустошей правильнымъ и сообразнымъ съ существующими постановленіями,—положилъ, согласно съ заключеніями оберъ-прокурора св. Синода и г. товарища министра государственныхъ имуществъ: оное утвердить.

На отношеніе г. предсѣдателя Моск. Гражданской Палаты Киселева, съ препровожденіемъ списка съ полученнаго имъ предписанія министра внутр. дѣлъ Д. Н. Блудова, послѣдовавшаго по Высочайшему повелѣнію, о мѣрахъ къ наблюденію при увѣщаніи совращенныхъ изъ православія,—резолуція отъ 25 марта 1838 года: «Какъ благодѣтельная дѣль Высочайше утвержденнаго (10 янв.) мнѣнія Государственнаго Совѣта (о способѣ увѣщанія совращенныхъ изъ православія. Между прочимъ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, въ отращеніе замѣченныхъ въ дѣлахъ подобнаго рода происковъ римско-католическихъ и уніатскихъ духовныхъ, предписать, чтобы, при каждомъ случаѣ, когда совращенному изъ православія дѣлается увѣщаніе греко-россійскимъ духовенствомъ, мѣстныя начальства (напр. гражданскій губернаторъ) старались ограждать его отъ посторонняго вліянія, внушая и самымъ иновѣрнымъ духовнымъ, что за противодѣйствіе симъ увѣщаніямъ они подвернутся суду) есть огражденіе правосл. духовенства отъ неправильнаго противодѣйствія другихъ исповѣданій; частныхъ случаевъ сего въ Моск. епархіи по благости Божіей не предвидится, и предписаніе есть секретное: то Консисторіи, не дѣлая сего гласнымъ, имѣть въ виду на тѣ случаи, въ которыхъ извѣстность о семъ можетъ быть употреблена къ отклоненію препятствій въ дѣйствованіи правосл. духовенства по долгу его.

1839, іюня 8. «Положеніе священника (не имѣя своего дома, онъ жилъ на квартирѣ у пономаря) достойно участія. Консисторіи выслушать (прошеніе его о дозволеніи пріискивать ему другое мѣсто), и дать мнѣніе, что тутъ дѣлать».

Авг. 12. «1) Мѣсто искать священнику (сели Могутова, Подольскаго уѣзда, Никитѣ Михайлову) дозволить. 2) Мысль, чтобы не опредѣлять священника (въ это село, доколь домъ отъ прихожанъ для жительства священника выстроенъ не будетъ), не утверждается, потому, что сіе можетъ быть вредно для прихода. 3) Разсудить, что можно бы сдѣлать для достиженія исполненія выписаннаго (Консисторіею) закона».

Примѣчаніе. Какъ указомъ св. Синода отъ 6 дек. 1829 г. велѣно строить дома для священниковъ въ помѣщичьихъ приходахъ отъ помѣщиковъ: то Консисторія чрезъ посредство Басманной Части, предложила помѣщницѣ села Могутова графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Растопчиной (она жила въ Москвѣ, у Красныхъ воротъ, въ Новой Басманной), не согла-

сится ли она построить для жительства священнику въ ономъ селѣ домъ. Графиня отозвалась согласіемъ выстроить будущимъ лѣтомъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы домъ принадлежалъ ей, а не священнослужителямъ.

1841, янв. 24. «Преосвященный (*Виталий*), взявъ изъ дѣла засвидѣтельствованную копію съ требуемаго прошенія, препроводить согласно съ требованіемъ. Увѣдомляя о семъ его п—во (*моск. гражданскаго гувернатора И. Г. Сенявина*), неизлишнимъ почитаю присовокупить, что духовное начальство отнюдь не покровительствуетъ и не одобряетъ изворота, по которому пономарь (*Верейскаго Христорождественскаго собора, заподозрѣнный въ похищеніи съ Спасителява образа вѣнца въ нижней трапезѣ того собора и требованный городничимъ къ допросу*), вмѣсто того, чтобы дать немедленно прямой и правдивый отвѣтъ по долгу подсудимаго, ссылается на прошеніе (*относящееся къ похищенію*), поданное имъ къ духовному начальству, тогда какъ предметъ допроса принадлежитъ вѣдомству уголовнаго, а не духовнаго суда».

1843, сент. 24. «Священнику (*села Покровскаго*) сдѣлано (*по жалобѣ камергера Чичерина*) внушеніе, чтобы метрическихъ выписей не останавливалъ подъ неосновательнымъ предлогомъ, что требуются для пріисканія невѣсть въ помѣщичьемъ имѣніи другой (*Рязанской*) губерніи; потому что братъ невѣсть въ другой губерніи никакимъ закономъ не запрещено. Впрочемъ, какъ дѣло начато по запискѣ безъ формы и безъ подписи: то за принятіемъ мѣры къ прекращенію затрудненія прихожанъ прекратить оное».

1847, марта 1. «Своевольная отлучка (*защитнаго ссла Миньева*) священника Алексѣева есть побѣгъ къ раскольникамъ, не обманутаго, но обманывающаго начальство, и требуетъ сильной мѣры правосудія, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) священникъ говоритъ, что пріѣхалъ 23 августа 1846 года въ Москву съ служителемъ госпожи Столыпиной, имѣющей домовую церковь въ Москвѣ (*и нужду въ священникѣ*); но когда пріѣхалъ въ Москву, то здѣсь ни г-жи Столыпиной, ни домовой церкви ея не нашлось. Если это такъ, то священникъ долженъ былъ тотчасъ увидѣть обманъ и не

ѣхать съ симъ человѣкомъ изъ Москвы; но онъ 13 сентября, имѣвъ слѣдовательно три недѣли на дознаніе истины, отправился съ симъ человѣкомъ изъ Москвы, якобы къ г-жѣ во Владиміръ, но въ самомъ дѣлѣ въ Казань къ раскольникамъ. 2) Изъ Москвы священникъ Алексѣевъ писалъ къ зятю (*священнику тогоже села Петру Семенову Холмогорову*) письмо со вложенною (*не его руки*) запискою, чтобы къ нему писалъ письма въ Казань и, какъ показываетъ зять, именно на имя купца Самойла Ивановича Новикова; слѣдственно священникъ Алексѣевъ еще въ Москвѣ зналъ, что ѣдетъ въ Казань къ раскольникамъ. 3) Священникъ, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ свое мнимое невѣдѣніе (*о домовоі церквѣ*), говорить, что въ Москвѣ не выходилъ изъ квартиры (*наемной, какую занялъ служитель г-жи Столыпной*) по холодному одѣянію. Консисторія обличила сію ложь тѣмъ, что время было теплое. Но въ другой разъ обличается она тѣмъ, что 4 сентября получилъ онъ изъ Консисторіи свидѣтельство (*для прожитія въ Москвѣ и ея епархіи*); слѣдственно ходилъ съ просьбою (*просилъ 28 авг.*), и по дѣлу до его окончанія, и имѣлъ въ Консисторіи самый легкій случай узнать, что въ Москвѣ нѣтъ домовоі церкви г. Столыпной. 4) Важно въ семь дѣлѣ взятіе свидѣтельства. Священникъ долго (*полтора года*) жилъ безъ свидѣтельства; и безъ свидѣтельства живутъ всѣ остальные. Но въ то самое время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ и готовился къ побѣгу, выпросилъ свидѣтельство, будто бы по требованію сельской полиціи, которая прежде сего не требовала, въ самомъ же дѣлѣ очевидно для того, чтобы имѣть для раскольниковъ документъ о своемъ званіи (*ставленная грамота его и указъ отъ 27 февр. 1822 г. на бытіе ему священникомъ въ селѣ Минтеевѣ были въ мартѣ 1845 г. приобщены къ дѣлу объ увольненіи его отъ должности по болѣзни*). Еслибы онъ ѣхалъ только во Владиміръ, ему надлежало бы просить паспорта для пути, а не свидѣтельства для прожитія. 5) Говорить, что увезенъ въ Казань обманомъ; но обманъ по его словамъ открылся еще предъ Владиміромъ. Итакъ онъ могъ бы возвратиться изъ Владиміра, но не возвратился, а поѣхалъ въ Казань и жилъ тамъ при расколической часовнѣ. 6) Что по его словамъ не служилъ тамъ, сему вѣры дать нельзя, по непредставленію никакихъ доказательствъ. 7) Священникъ выѣхалъ изъ Москвы 13 сентября, а возвратился (*въ село*) 9 декабря. Почему бы ему такъ долго жить въ Казани, еслибы привезенъ былъ

туда обманомъ? Слѣдственно, онъ жилъ у раскольниковъ, потому что согласенъ былъ жить у нихъ; но когда отъ 14 ноября написано было къ казанскому гражданскому губернатору, чтобы его сыскать и выслать, тогда-то онъ отправился изъ Казани, безъ сомнѣнія, потому, что увидѣлъ необходимость или возвратиться, или быть выслану, и предпочелъ первое. 8) Еслибы послѣ такихъ поступковъ священникъ оказалъ раскаяніе: можно было бы помышлять о снисхожденіи. Но когда онъ безстыдными изворотами усиливается закрыть истину, то снисхожденіе опасно, ибо по такому его расположенію естественно ожидать отъ него новаго побѣга. 9) Мѣры строгой осторожности особенно нужны въ такое время, когда раскольники съ дерзостію нарушаютъ спокойствіе православія, какъ напримѣръ, въ Москвѣ въ прошедшемъ году лишеннымъ священства и бѣжавшимъ изъ монастыря повѣнчано около сорока раскольническихъ браковъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ опредѣленіе Консисторіи *(о лишеніи сана и исключеніи изъ духовнаго званія священника Ильи Алексѣева)* утверждается».

1850, окт. 7. «Духовному правленію состоящаго въ должности благочиннаго (котораго при семъ записка) допросить, почему онъ приступилъ (14 сент.) къ заложению храма (каменнаго трехпрестольнаго коломенской округи въ селѣ Ильинскомъ), когда мѣстный священникъ представлялъ уважительное сомнѣніе и, что покажетъ, представить».

Ноябр. 12. «Священникъ Сергіевскій поступками своими не оправдываетъ избранія начальства. Ибо 1) заложение храма въ чужомъ приходѣ назначить онъ безъ сношенія и согласенія съ мѣстнымъ священникомъ, какъ это видно изъ переписки, и тѣмъ оказалъ собрату неуваженіе. 2) Написалъ священнику Холмогорову записку насмѣшливую и безтолковую. 3) Въмѣсто того, чтобы помѣщицѣ (сосѣдней) благотворительницѣ храма дать предостерегательный совѣтъ о заключеніи контракта, по которому, въ случаѣ неисправности подрядчика, можно было судомъ отвратить убытокъ, онъ противодействовалъ напоминанію о семъ мѣстнаго священника (говоря: «о контрактѣ не заботьтесь, это дѣло подрядчика и помѣщицы»). Посему учинить слѣдующее: 1) священника Серг—го отъ должности благочиннаго удалить. 2) Въ должности благочиннаго быть села Верховлянъ священнику Павлу Остроумову. 3) Какъ священникъ Серг — кій показываетъ,

что священникъ Холмогоровъ помѣщицею и прихожанами отъ участія въ дѣлѣ построенія храма удаленъ, но не показываетъ тому причины, какъ слѣдовало бы надзирающему, то вновь назначенному въ должность благочиннаго обратить вниманіе на то, дѣйствительно ли и по какой причинѣ устраняютъ священника Холмогорова прихожане, и наблюсти съ одной стороны, чтобы священникъ не повредилъ дѣлу, которому долженъ споспѣшествовать, съ другой, чтобы при устраненіи священника не произошло безпорядка въ употребленіи и записываніи церковныхъ денегъ.

1852, іюня 29. Церковный староста пишетъ (*благочинному*), что 8 дня сего іюня, въ воскресенье, благовѣсть къ утрени начался въ половинѣ 7 часа, а къ литургіи въ 40 осьмаго. Слѣдственно праздничная утрени съ благовѣстомъ продолжалась часъ и 10 минутъ. Священникъ (*села Сокольникова*) сего не опровергаетъ, а только говоритъ неопредѣленно, что утрени у него постоянно начинается въ 7 часу, и оканчивается къ 8 часамъ, что по неопредѣленности выраженій также можетъ дать продолженію утрени часъ и 10 минутъ. А сіе показываетъ чрезмѣрную спѣшность и небрежность въ священнослуженіи. За сіе положить священнику въ Можайскомъ соборѣ сорокъ поклоновъ и подтвердить ему, чтобы служеніе совершалъ неспѣшно и внимательно.»

Сообщ. Архим. Григорій.

ПОПРАВКА. На страницѣ 360, строка 18 сверху, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, напечатано: Григорій Богословъ, вмѣсто: Аонасій Великій.

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

СВ. АП. И ЕВАНГЕЛИСТА, ЮАННА БОГОСЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

Г Л А В А IV.

Духъ Божій и духи оболстители. (1—6). Любовь Божія и любовь къ Богу (7—10). Любовь къ ближнимъ (11—12). Любовь къ Богу и къ ближнимъ (14—21).

1. Возлюбленни, не всякому духу вѣруйте, но испытайте души, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ мѣрѣ.

1. Возлюбленные! не всякому духу вѣрите, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мѣрѣ.

Возлюбленные (3, 2. 21), не всякому духу вѣрите: хотя несомнѣнно, что вы получили въ залогъ и обезпеченіе духовной благодатной жизни Духа Святаго, Духа сыноположенія, Духа отъ Бога, который пребываетъ въ васъ (3, 24), тѣмъ не менѣе вы должны быть очень осторожны въ дѣлѣ духовной вашей жизни, иначе вы можете впасть въ ошибку и принять за духа отъ Бога духа, который не отъ Бога, а отъ антихриста (ст. 3). Основной пунктъ въ этомъ предостереженіи апостольскомъ есть понятіе о духѣ, отъ каковаго понятія зависитъ и правильное пониманіе этого отдѣленія. Апостоль различаетъ духа отъ Бога и духа, который не отъ Бога (3, 24; 4, 2. 3), духа истины и духа лести. Признакомъ различія того и другаго духа служитъ исповѣданіе вѣры: тотъ исповѣдуетъ Иисуса Христа, этотъ отрицаетъ Его. Тотъ

могущественнѣе этого; почему вѣрующій побѣждаетъ обольстителей или лжепророковъ; слово послѣдняго происходитъ отъ міра и міръ его принимаетъ, слово перваго принимается тѣми, кто отъ Бога. Исходный пунктъ для разъясненія главнаго понятія о семъ есть понятіе лжепророка или лжепророковъ въ разсматриваемомъ стихѣ. Истинные пророки изрекали свои пророчества, будучи движимы Духомъ Святымъ (2 Петр. 2, 21); источникъ откровеній, какія они изрекали (или прѣрекали, — прѣрокъ), есть Духъ Святой, или Божій, одушевляющій или движущій пророка, почему пророкъ говорилъ слова свои не отъ себя, а отъ Духа, или слова его были слова не его, а Духа, точнѣе же слова и Духа и его (ср. 1 Петр. 1, 21 и прим.). Такъ какъ въ каждомъ пророкѣ, кромѣ одушевлявшаго его Духа божественнаго, былъ и ему присущій его собственный духъ человѣческій, то такимъ образомъ во множествѣ пророковъ было и множество духовъ; почему Апостоль говоритъ не объ одномъ духѣ, но о духахъ отъ Бога. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ другомъ отношеніи, въ отношеніи къ лжепророкамъ. И они стояли подъ вліяніемъ духа, и только духа, который не былъ отъ Бога и не былъ отъ истины, а былъ духъ антихриста (ст. 3), отъ діавола (3, 8), духъ лести или обольщенія, дѣйствующій въ обольстителяхъ (2, 26) или въ лжепророкахъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Апостоль, духъ, который одушевляетъ ихъ, живетъ въ нихъ, какъбы соединившись или сроднившись съ ихъ духомъ. И эти духи не отъ Бога, по числу лицъ, одушевленныхъ ими, были многіе, какъ много было лжепророковъ. Поэтому и духи отъ Бога и духи не отъ Бога были многіе, а посему Апостоль говоритъ объ испытаніи не духа, а духовъ.— Переводя вдохновенный языкъ Апостола на простой обычный языкъ, изъясняемая слова его можно и должно перефразировать такъ: возлюбленные, не всякому учителю или пророку, который учитъ какъбы по божественному вдохновенію или внушенію отъ Духа Божія, или выдаетъ себя за просвѣщеннаго отъ Духа Божія, вѣрьте, но испытывайте внимательно и осмотрительно, точно ли учитель говоритъ слово отъ

Бога, точно ли проповѣдуетъ богодухновенное, непререкаемо истинное ученіе, не говоритъ ли онъ слова внушаемыя духомъ лести и обмана. «Разъяснивъ ученіе о любви къ ближнему, указавъ въ этой любви признакъ пребыванія Духа, котораго мы получили, Апостоль теперь присовокупляетъ признакъ для различенія истинныхъ братьевъ и ближнихъ, дабы мы, имѣя въ виду это различіе, по поводу заповѣди о любви не вошли въ близкія сношенія съ лжебратіями, лжеапостолами и лжепророками и тѣмъ не причинили себѣ великаго вреда. Ибо имѣя общеніе съ ними, какъ единоправными, мы впервыхъ повредимъ самимъ себѣ, безъ опасенія сообщая ученіе вѣры нечестивымъ и повергая святыню псамъ; потомъ повредимъ тѣмъ, которые преданы намъ. Ибо любовь наша ко лжебратіямъ, лжепророкамъ и лжеапостоламъ многихъ расположить принимать ихъ за учителей и безъ осторожности вѣрить ихъ ученію, при чемъ они впадутся въ обманъ изъ-за нашего обращенія съ ними» (Θеофил.).—Въ первохристіанской Церкви среди вѣрующихъ были люди, которые обладали чрезвычайнымъ духовнымъ дарованіемъ различенія духовъ (1 Кор. 12, 10). Безъ сомнѣнія и этотъ даръ или обладающихъ и этимъ даромъ Апостоль имѣетъ въ виду здѣсь; но такъ какъ онъ говоритъ всѣмъ безъ различія вѣрующимъ въ Церкви, повелѣвая имъ испытывать духовъ, отъ Бога ли они, то безъ сомнѣнія не этотъ только даръ чрезвычайный разумѣется здѣсь, а вообще даръ или способность мудрой прозорливости и проникновенія въ истину христіанскаго ученія вѣры.—Причину, по которой Апостоль повелѣваетъ вѣрующимъ испытывать учителей и ихъ ученіе, указываетъ онъ ту, что много лжепророковъ появилось въ мірѣ; проповѣдуютъ ученіе не одни только просвѣщенные Духомъ Божіимъ учителя, но и чуждые духа отъ Бога лжеучители, которыхъ ап. Іоаннъ называетъ обольстителями (2, 26) и апостоль Петръ—лжеучителями (2^о Петр. 2, 1), которые живо присвояютъ себѣ даръ пророчества или даръ учительства (см. прим. къ 2 Петр. 2, 1). Эти-то учителя или лжеучители и явились въ мірѣ, и появилось ихъ много, какъ на полѣ

плевелы посреди пшеницы (Матѣ. 13, 25—26), и противъ нихъ-то направляетъ рѣчь свою Апостоль.

2. *О семъ познавайте Духа Божія, и духа лестица: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть.*

3. *И всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, и сей есть антихристовъ, еможе слышасте, яко грядетъ, и шынъ въ мѣръ есть уже.*

2. Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога.

3. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ, и теперь есть уже въ мѣръ.

Духа Божія и пр.: между Духомъ Божиимъ и духомъ лестицимъ нѣтъ ничего общаго, какъ между свѣтомъ и тьмою, между Христомъ и веларомъ (2 Кор. 6, 14—15), между добромъ и зломъ, между истиною и заблужденіемъ. Между ними все различно и противоположно; но Апостоль поставляетъ на видъ только одинъ признакъ различія между истиною и ложью, различія учителя отъ лжеучителя, одинъ членъ исповѣданія вѣры, въ которомъ сосредоточивается весь предметъ вѣры и вѣдѣнія христіанскаго,—это ученіе о лицѣ Иисуса Христа. Всякій учитель, который исповѣдуетъ самъ и учитъ другихъ, что Иисусъ Христосъ есть истинный Богъ, отъ вѣчности рожденный отъ Бога Отца и въ послѣднія лѣта воплотившійся и вочеловѣчившійся, ставшій единственнымъ ходатаемъ или посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ (1 Тим. 2, 5), страданіемъ и смертію своею искупившій родъ человѣчскій отъ грѣха и проклятія и смерти и власти діавола, даровавший людямъ прощеніе грѣховъ и правду и благодать Духа Святаго, или кратко,—что Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ (пришедшій во плоти),—всякій такой учитель есть истинный учитель, просвѣщенъ отъ Бога, преподаетъ ученіе истинное и божественное; и всякій вѣрующій можетъ и долженъ вполне довѣриться ему, какъ учителю истины. Это тотъ же основной членъ вѣры, который Іоаннъ

такъ кратко, точно и сильно выразилъ въ началѣ своего Евангелія: и Слово стало плотію, и мы видѣли славу Его (Іоан. 1, 14).—А всякій духъ и пр.: указавъ этотъ основной признакъ, отличающій учителя отъ лжеучителя положительно, Апостоль указываетъ его еще и отрицательно, усиливая тѣмъ рѣчь свою, придавая особенное значеніе этому члену исповѣданія вѣры и направляя его особенно къ обличенію оболъстителей.—Учитель; не исповѣдующій Спасителя міра Іисуса Христа Сыномъ Божиимъ, истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ,—всякій таковой учитель не отъ Бога и не истинный учитель вѣры и вѣдѣнія, а отъ антихриста, или что то же — отъ діавола (2, 18; 3, 8. 10); это лжеучитель, говорящій по внушенію противника Христа, діавола, по внушенію духа оболъстителя.—По свидѣтельству св. Иринея Лионскаго (Прот. ерес. III. 16. 8), оба эти стиха направлены Апостоломъ противъ лжеучителей докетовъ, неправильно учившихъ о лицѣ Господа Іисуса Христа (см. Предисловіе къ 1 посл. Іоанна, § 3), а вѣроятно и противъ нѣкоторыхъ другихъ лжеучителей.—Это духъ антихриста, о которомъ и пр: см. прим. къ 2, 18. 22.—И теперь уже въ мірѣ: антихристъ придетъ въ свое время, какъ знали уже или слышали читатели посланія; но духъ его уже и теперь въ мірѣ. «Апостоль говоритъ, что антихристъ уже въ мірѣ, разумѣется, не самолично, а въ лицѣ лжепророковъ, лжеапостоловъ и еретиковъ, предварающихъ и приготавливающихъ его пришествіе. А самъ антихристъ будетъ человѣкъ, посящій въ себѣ сатану, превозносящійся выше всего, называемаго богомъ или святынею (2 Сол. 2, 4). Почему и запретить служить идоламъ (ихъ разумѣлъ Ап. Павелъ подъ богомъ называемымъ, а подъ святынею—христіанство), а себя одного будетъ выдавать за Бога» (Θεοφил.).—Этимъ духомъ антихриста одушевлены всѣ дѣти діавола, оболъстители, лжеучители и еретики, отвергающіе и искажающіе ученіе Христа и о Христѣ (см. прим. къ ст. 1).

4. *Вы отъ Бога есте, чадца, и побѣдите тѣхъ: яко болій еств, иже въ васъ, нежелси, иже въ міръ.*

4. Дѣти! вы отъ Бога, и побѣдили ихъ; ибо Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ мірѣ.

5. Они отъ міра суть: сего ради отъ міра глаголютъ, и міръ тѣхъ послушаетъ.

6. Мы отъ Бога есмь: иже знаетъ Бога, послушаетъ насъ: и иже нѣсть отъ Бога не послушаетъ насъ. О семъ познаваемъ духа истины и духа лести.

5. Они отъ міра, потому и говорятъ помирски, и міръ слушаетъ ихъ.

6. Мы отъ Бога; знающій Бога слушаетъ насъ; кто не отъ Бога, тотъ не слушаетъ насъ. Посемуто узнаемъ духа истины и духа заблужденія.

Дѣти (2, 1. 12; 3, 18), вы отъ Бога рождены (3, 10) или возрождены благодатию Св. Духа и чада Божіи, и сѣмя Его въ васъ пребываетъ (3, 9) и потому вы стоите подъ крѣпкою охраною силы и могущества Божія и оттого безопасны по благодати Духа отъ нападений противохристіанскаго духа и направленія его и представителей его, обольстителей или лжеучителей; вы въ духѣ, въ сущности, въ истинѣ уже побѣдили ихъ. Почему и какимъ образомъ? Потому и такимъ, что хотя вы сами-по-себѣ и немощны и безсильны противъ князя міра сего и слѣдовательно можете легко быть искушаемыми и обольщаемыми отъ него въ лицѣ лжеучителей, но вы должны знать и вѣровать, что Тотъ, Кто въ васъ пребываетъ, сильнѣе того, кто въ мірѣ. Духъ Божій или духъ Христовъ, котораго вы вѣрою приняли въ сердца ваши, сильнѣе духа лести, духа заблужденія и обмана, одушевляющаго лжеучителей и дѣйствующаго въ нихъ, или что тоже—Богъ сильнѣе діавола, и, состоя подъ Его всесилою охраною, вы безопасны, вы уже побѣдители сатаны и вдохновляемыхъ духомъ его и антихриста. Побѣдили: не только побѣждаете, но уже побѣдили,—прошедшее время вмѣсто настоящаго для указанія несомнѣнной истинности совершающагося. Духомъ созерцая совершающуюся въ мірѣ или въ Церкви Божіей великую борьбу свѣта со тьмою, добра со зломъ, истины съ ложью, Бога и Христа съ діаволомъ, борьбу имѣющую прекратиться только съ окончательнымъ пораженіемъ сатаны въ лицѣ антихриста и представителей антихристіанскаго духа, борьбу совершающуюся духовно въ сынахъ Божіихъ и сынахъ діавола, Апостоль уже выражаетъ какъбы уже раздавшійся побѣдный кликъ вѣрующихъ: вы

побѣдили. Этотъ побѣдный кликъ есть какъбы откликъ на побѣдное великое восклицаніе Побѣдителя міра: дерзайте, ибо Я побѣдилъ міръ (Іоан. 16, 33 и прим.). Противники свѣта и истины въ Церкви Христовой на землѣ до самаго конца будутъ вести ожесточенную борьбу противъ нея, неослабную и упорную, но она несомнѣнно окончится побѣдою надъ всѣмъ враждебнымъ Богу и Христу при окончательномъ послѣ всего побѣдномъ кликѣ: дерзайте, Я побѣдилъ міръ.— Больше того, кто въ мірѣ: сказавъ—Тотъ, кто въ васъ, вѣрующихъ, больше, Апостоль, повидимому, долженъ былъ выразиться,—того, кто въ нихъ, въ лжеучителяхъ и обольстителяхъ, но онъ говоритъ—больше того, кто въ мірѣ. Этимъ выраженіемъ Апостоль указаль, что самыхъ лжеучителей и обольстителей онъ называетъ міромъ, какъбы ихъ отождествляетъ съ міромъ (частное вмѣсто общаго) по ихъ крайней порчѣ, такъ какъбы они составляли крайнее выраженіе всего злаго въ мірѣ, служили какъбы злою закваскою злаго міра (2, 16—16).—Вы (и мы) отъ Бога, они отъ міра (2, 16. Іоан. 15, 19. 1 Кор. 2, 5. 6. 8. 12. 14) и отъ князя міра (Еф. 2, 2. 2 Кор. 4, 3. 4): потому между нами полная противоположность; они и говорятъ, и мыслятъ и чувствуютъ, и дѣлаютъ по мірскому, по духу міра, по началамъ мірской мудрости, противоположной премудрости Божіей (1 Кор. 1, 21 и д.). Поэтому и міръ ихъ слушаетъ: ему нравятся такіе учителя и такія ученія, онъ ихъ любитъ и слушаетъ ихъ, потому что они льстятъ ему (2 Петр. 2, 1—3), подлаживаются подъ его взгляды и вкусы согласно съ направленіемъ времени, поважаютъ его страстямъ и привычкамъ, обольщаютъ всяческими извиненіями и надеждами и т. под.— Мы отъ Бога: мы—Апостолы и пророчіе учителя (а равно и всѣ вѣрующіе, руководимые духомъ Божіимъ) отъ Бога посланы и проповѣдуемъ Божію премудрость и возвѣщаемъ истину, открытую намъ Богомъ.—Знающій Бога слушаетъ и пр.: знающій, т.-е. вѣрою постигающій и приемлющій Его (2, 3. 4), слушаетъ насъ (Іоан. 6, 45; 8, 47; 10, 27 и прим.), принимаетъ наше слово, какъ слово Божіе (1 Сол. 2, 13) или внимаешь

нашему ученію, какъ божественному, конечно и послѣдуетъ оному и исполняетъ и хранить его въ сердцѣ своемъ и дѣлаетъ по написанному (ср. Іоан. 10, 12—14. 27 и прим.), и только тотъ, кто не отъ Бога, не слушаетъ насъ. «Нѣкоторые изъ самихъ вѣрныхъ естественно могли скорбѣть, видя, что лжепророковъ многіе принимаютъ весьма усердно, а ихъ презираютъ. Апостолъ и говоритъ: не скорбите, если многіе васъ презираютъ, а ихъ принимаютъ; ибо подобное стремится къ подобному. Они отъ міра и говорятъ мірское, т.-е. учатъ плотскимъ пожеланіямъ, почему и слушателей имѣютъ такихъ же, т.-е. развратные развратныхъ. А мы, будучи отъ Бога и удалившись отъ мірскихъ похотей, становимся для нихъ непріятными. Насъ же слушаетъ тотъ, кто живетъ цѣломудренно и посему знаетъ Бога и готовъ слушать насъ» (Θеофил.).—Посему-то, или вотъ почему (ст. 3, 19) мы узнаемъ и пр.. Это—заключеніе всей рѣчи Апостола о распознаваніи или испытаніи духовъ или учителей и лжеучителей и вмѣстѣ другой признакъ, по которому распознаются учителя и лжеучители, имѣющій тѣсную связь съ первымъ признакомъ. Первый признакъ: исповѣдующій богочеловѣчество Христово есть истинный учитель, не исповѣдующій сей истины есть лжеучитель. Второй признакъ: знающій Бога и Христа и слушающій слово Христово, проповѣданное Апостолами и чрезъ нихъ учителями церковными, есть истинный учитель; кто не слушаетъ ихъ, есть лжеучитель, послѣдователь антихриста, сынъ діавола.

7. *Возлюбленніи, возлюбимъ другъ друга: яко любви отъ Бога есть, и всякъ любяіи, отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога.*

8. *А не любяіи, не позна Бога, яко Богъ любви есть.*

7. Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога; и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога.

8. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; потому что Богъ есть любовь.

Возлюбленные (ст. 1; 3, 2. 21), чтобы охранить себя отъ обольстителей и ихъ заблужденія и привлечь на себя всѣ дары милости Божіей, будемъ любить другъ друга (3, 23)

конечно не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (3, 18).—Ибо любовь отъ Бога: она не отъ міра, но божественнаго происхожденія. Преданные міру не могутъ имѣть истинной любви другъ къ другу; они не понимаютъ истинной любви, ибо истинная любовь есть высочайшее свойство Божественное, а душевный человѣкъ вообще не понимаетъ того, что происходитъ отъ Духа Божія (1 Кор. 2, 14). И такъ какъ любовь происходитъ отъ Бога, а міръ по существу своему не понимаетъ истинной любви, то имѣющій истинную любовь въ сердцѣ къ брату своему рожденъ отъ Бога, возрожденъ Духомъ Святымъ (2, 29; 3, 9), есть чадо Божіе (3, 1) и знаетъ Его, не вѣрою только и созерцаніемъ духовнымъ, но и чувствомъ, наслаждаясь даромъ благодатной любви.—Напротивъ, не имѣющій въ сердцѣ своемъ любви къ ближнему истинной, тѣмъ болѣе имѣющій вражду или ненависть (3, 15), не позналъ Бога, не имѣетъ надлежащаго правильнаго понятія о Богѣ. «Любовь и любящій—отъ Бога, любящій и одинъ только онъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога, а не имѣющій любви не знаетъ и Бога» (Θеофил.).—Богъ есть любовь: выраженіе—Богъ есть любовь принадлежитъ собственно Іоанну и не встрѣчается въ этомъ видѣ въ священныхъ книгахъ, хотя понятіе такое есть и встрѣчается въ нихъ. И это есть самое лучшее и полное опредѣленіе понятія и существа Божія.

9. *О семъ явися любви Божія въ насъ, яко Сына своего едиnorodнаго посла Богъ въ міръ, да живи будемъ имъ.*

10. *О семъ есть любви, не яко мы возлюбихомъ Бога, но яко той возлюби насъ и посла Сына своего очищеніе о грѣсьхъ нашихъ.*

9. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ едиnorodнаго Сына своего, чтобы мы получили жизнь черезъ Него.

10. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына своего въ умилоствивленіе за грѣхи наши.

Раскрывая здѣсь ученіе о взаимной любви другъ къ другу, Апостоль указалъ первое побужденіе къ взаимной любви въ томъ, что любовь отъ Бога, что любящій есть Сынъ Божій

и знаетъ Бога, а нелюбящій не знаетъ Бога, который есть любовь. Другое же, и величайшее побужденіе взаимно любить другъ друга Апостоль указываетъ въ томъ, что по этой любви и ради этой любви Богъ послалъ въ міръ едиороднаго Сына своего, какъ умилоствленіе за грѣхи людей, чтобы осуществилась любовь Божія къ людямъ (или открылась) и любовь людей между собою взаимная.—Любовь Божія, составляющая сущность Божескаго существа, къ намъ открылась, или явилась въ томъ, сдѣлалась для насъ извѣстною и удобопонятною чрезъ то, что Богъ Отецъ послалъ въ міръ Сына своего и пр.: это есть высочайшее, безпредѣльное проявленіе любви Божіей къ людямъ. Апостоль эту высочайшую и величайшую истину выражаетъ почти въ тѣхъ-же самыхъ словахъ, въ какихъ изрекъ ее самъ Господь въ одной изъ возвышеннѣйшихъ бесѣдъ своихъ, записанной въ Евангеліи отъ Іоанна (3, 16; ср. прим.). Чтобы явить свою безпредѣльную любовь къ людямъ, Богъ вѣчный, безпредѣльный и всесовершенный, послалъ въ грѣшный міръ къ людямъ, которые подлежали проклятію и смерти за безконечно грѣхомъ оскорбленное правосудіе Божіе, едиороднаго Сына своего во искупленіе за грѣхъ человѣческой крестною смертію Его, чтобы мы, весь родъ человѣческой, получили жизнь, будучи въ духовной смерти чрезъ удаленіе отъ Бога грѣхомъ, благодатную въ Церкви Христовой и вѣчную въ царствѣ Его небесномъ (подробное разъясненіе этихъ понятій см. Іоан. 3, 16 въ Толк. Евангеліи). Въ томъ любовь и пр.: дальнѣйшее разъясненіе самимъ Апостоломъ этого величія Божественной любви къ людямъ (ср. Рим. 8, 32). Апостоль обращаетъ особенное вниманіе на ту черту любви Божіей къ грѣшнымъ людямъ, что эта любовь Божія дарована людямъ совершенно незаслуженно съ ихъ стороны (ср. Рим. 5, 8). Не мы возлюбили Бога: не люди прежде и болѣе возлюбили Бога, но Онъ самъ. Люди согрѣшили и лишились милости Божіей, огорчали и оскорбляли постоянно любовь Его своими грѣхами и беззаконіями и недостойны были любви Божіей. Но несмотря на это, Онъ самъ возлю-

билъ грѣшныхъ людей и послалъ Сына своего въ умило-
стивленіе (см. прим. 2, 2), чтобы своими заслугами Онъ
удовлетворилъ правдѣ Божіей за грѣхи людей, избавилъ ихъ
отъ осужденія и муки и даровалъ имъ вѣчную жизнь.

*11. Возлюбленніи, аще сице воз-
любилъ есть насъ Богъ, и мы дол-
жны есмы другъ друга любить.*

*12. Бога никтоже нигдѣже ви-
дѣлъ: аще другъ друга любимъ, Богъ
въ насъ пребываетъ, и любви его
совершенна есть въ насъ.*

*13. О семъ разумѣемъ, яко въ
немъ пребываемъ, и той въ насъ,
яко отъ Духа своего далъ есть
намъ.*

*14. И мы видѣхомъ и свидѣль-
ствуемъ, яко Отецъ посла
Сына Спасителя міру.*

11. Возлюбленные! если такъ
возлюбилъ насъ Богъ; то и мы
должны любить другъ друга.

12. Бога никто нигдѣ не ви-
дѣлъ. Если мы любимъ другъ
друга, то Богъ въ насъ пребы-
ваетъ, и любовь Его совершенна
есть въ насъ.

13. Что мы пребываемъ въ
Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ
изъ того, что Онъ далъ намъ отъ
Духа своего.

14. И мы видѣли и свидѣтель-
ствуемъ, что Отецъ послалъ Сына
Спасителемъ міра.

Если такъ и пр.: подражая примѣру любви божествен-
ной, и мы должны любить другъ друга; не только вообще
ближнихъ своихъ, но и враговъ своихъ, такъ какъ и мы были
враги Богу, но смертію Христовою стали сынами Богу
(2, 23, Матв. 18, 33). — Бога никто нигдѣ не видѣлъ
(ср. Іоан. 1, 18 и прим.), по Его существу и внутреннимъ
совершенствамъ, ибо существо Его невидимо (ср. 1 Тимоѳ.
6, 16). Если мы любимъ и пр.: смыслъ рѣчи въ связи та-
ковъ: Бога никогда никто не видѣлъ, ибо Онъ обитаетъ въ не-
приступномъ для всѣхъ свѣтѣ; потому мы и не можемъ яв-
лять свою любовь къ Нему, непосредственно созерцая лице
Его. Но человекъ носитъ въ себѣ образъ Божій, и если мы
по заповѣди Его любимъ другъ друга, то Онъ нашу любовь
другъ къ другу приеѣмлетъ какъ любовь къ Нему самому, и
пребываетъ въ насъ и соединяется съ нами, и любовь Его
къ намъ и наша къ Нему становится истинною и совершен-
ною (2, 5), такою, какъ Онъ самъ требуетъ отъ насъ въ от-
ношеніи къ Нему, къ ближнимъ и къ себѣ (Іоан. 14, 21. 23). —
Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ и пр.: уси-

леніе и повтореніе рѣчи для того, чтобы сильнѣе напечатлѣть въ памяти и вмѣстѣ для нѣкотораго поясненія. — О взаимномъ пребываніи Бога въ вѣрующемъ и вѣрующаго въ Богѣ см. 3, 24 и пар.—И мы видѣли и пр.: слова этого стиха имѣютъ связь со стихомъ 12, такуюю: хотя Бога по Его существу никто не видѣлъ, но Онъ открылся въ однородномъ Сынѣ Его (Іоан. 14, 9). И мы, Апостолы и бывшіе съ нами всѣ вѣрующіе, сами видѣли своими собственными глазами, слышали своими собственными ушами, осязали своими руками (1, 1—3) и по этому несомнѣнному и неложному удостовѣренію свидѣтельствуемъ (Іоан. 1, 27; 1, 14; 4, 42), что Отецъ небесный, по неизреченной любви своей къ міру, послалъ Сына своего, Спасителя или Испупителя и Умиловителя или Ходаѣа міру (см. ст. 10; 2, 2). Бл. Теофилактъ такъ анализируетъ содержаніе этихъ (11—14) стиховъ и наводитъ такое толкованіе на нихъ: «говоря о любви къ братіямъ, онъ (Апостоль) въ примѣръ любви указаль Бога, который по любви къ намъ, предалъ однороднаго Сына своего на смерть. Иной выслушавъ сіе могъ спросить: на какомъ же основаніи говоришь ты о предметахъ невидимыхъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ онъ говоритъ: я и самъ говорю тоже, что Бога никто никогда не видалъ; но изъ любви другъ къ другу мы узнаемъ, что Богъ есть въ насъ. И говоритъ это справедливо, потому что многіе для насъ невидимые предметы мы познаемъ изъ ихъ дѣйствій. Напримѣръ: души никто не видалъ, но изъ дѣйствій и движеній мы убѣждаемся, что она въ насъ есть и дѣйствуетъ. Такъ и любовь Божію къ намъ мы узнаемъ чрезъ нѣкоторое движеніе и дѣйствіе. Если въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго, то и сей божественный мужъ прилично отъ дѣйствія доказываетъ, что Богъ есть въ насъ. Какое же это дѣйствіе? Чистая любовь къ ближнимъ нашимъ. Она есть признакъ нашего пребыванія въ Немъ и Его въ насъ и потому еще, что Онъ далъ намъ отъ Духа своего. Ибо чистый раждаетъ чистое и непорочное. И какъ чрезъ чистую любовь мы имѣемъ общеніе съ Нимъ, то отсюда мы, видѣвшіе Его по плоти, познали и свидѣтель-

ствуемъ, что Отецъ послалъ Его, Спасителя міру... Итакъ, мы и сами видѣли, и отъ Единороднаго, сущаго въ нѣдрѣ Отчемъ (Іоан. 1, 18), слышали и изъ дѣйствія взаимной любви познаемъ, что Богъ въ насъ и далъ намъ отъ Духа своего и мы въ общеніи съ Нимъ».

15. Иже аще исповѣсть, яко Иисусъ есть Сынъ Божій, Богъ въ немъ пребываетъ, и той въ Бозѣ.

16. И мы познахомъ и въровахомъ любовь, юже имать Богъ къ намъ. Богъ любви есть, и пребывай въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ.

15. Кто исповѣдуетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ и онъ въ Богѣ.

16. И мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ.

На этомъ свидѣтельствѣ (ст. 14) основывается ученіе о неразрывности въ вѣрующемъ вѣры и любви, которое выражено кратко выше (3, 23) и здѣсь вновь съ силою повторяется Апостоломъ.—Кто въ силу этого свидѣтельства сердцемъ вѣруетъ и устами исповѣдуетъ, что Иисусъ изъ Назарета, сынъ Маріи, есть истинный Сынъ Божій, слѣдовательно Богочеловѣкъ, обѣтованный міру истинный Мессія (Христосъ), Искупитель міра, и кто сообразно съ этимъ исповѣданіемъ ведетъ и жизнь такую, т.-е. вѣру свою свидѣтельствуется и дѣлами своими, въ томъ пребываетъ Богъ и онъ въ Богѣ (ст. 12; 3, 24). Въ этой вѣрѣ и исповѣданіи, на основаніи очевиднаго свидѣтельства, мы познали, какъ безпредѣльно велика любовь къ людямъ Божія во Христѣ Иисусѣ, и увѣровали сердцемъ въ эту неизмѣримую любовь Божію къ намъ.—Богъ есть любовь и пр.: ст. 8. 15. Богъ есть любовь и это вѣчное свойство Божіе служитъ основаніемъ и причиною того, что пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (3, 24).

17. О семъ совершается любви съ нами, да дерзновение имамы въ день судный, зане, якоже онъ есть, и мы есмь въ міръ семъ.

17. Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновение въ день суда, достигаетъ въ насъ тѣмъ, что мы поступаемъ въ міръ семъ, какъ Онъ.

18. *Страхъ нѣтъ отъ любви, но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ муку имать: бояйся же не совершися отъ любви.*

18. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви.

Связь дальнѣйшей рѣчи съ предыдущимъ такова: любовь, по которой Богъ пребываетъ въ сердцѣ вѣрующаго, и онъ въ Богѣ, такъ высока въ своемъ совершенствѣ, что достигаетъ до дерзновенія предъ судомъ Божиимъ и изъ сердца вѣрующаго совсѣмъ изгоняетъ страхъ, какъ чувство противоположное любви.—Любовь до того совершенства: любовь человѣка къ Богу и ближнему и въ той даже мѣрѣ, когда и онъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ, имѣетъ степени совершенства. На высокой степени совершенства она стоитъ, когда имѣетъ дерзновеніе предстать въ день суда предъ страшнымъ судищемъ Христовымъ. Это дерзновеніе состоитъ въ непостыдномъ надѣяніи на оправданіе предъ Господомъ и вѣчное блаженство въ царствѣ Христовомъ (ср. 3, 21 и прим.; 2, 28; 5, 14). Такой высоты совершенства любовь наша, по милости Божіей, достигаетъ въ насъ тѣмъ, что мы поступаемъ въ мірѣ семъ, въ жизни сей, какъ Онъ поступалъ въ продолженіе земной жизни своей, идемъ по стопамъ Его, по мѣрѣ нашей вѣры, подражаемъ Его примѣру. «Какъ Онъ въ мірѣ былъ непороченъ и чистъ,—такъ и мы будемъ въ Богѣ и Богъ въ насъ. Если Онъ есть учитель и податель нашей чистоты, то мы должны носить Его въ мірѣ чисто и непорочно.—Если мы будемъ жить такъ, то будемъ имѣть дерзновеніе предъ Нимъ и будемъ свободны отъ всякаго страха. Ибо достигши добрыми дѣлами совершенства въ любви, будемъ далеки отъ страха» (Θеофил.). — Тогда исполняется на насъ великое слово Христово: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ (Матѳ. 5, 48), и это совершенство достигается и достигнется любовію, насколько оно можетъ быть достигнуто ограниченнымъ человѣкомъ. Въ любви къ Богу и ближнему примѣромъ долженъ быть для насъ Христосъ, и любовь будетъ совершенна въ насъ (ст. 12).—Въ любви нѣтъ страха и

пр.: все изреченіе этого стиха составляетъ какъбы апостольское толкованіе изреченія предшествующаго стиха—совершенство любви до дерзновенія въ день суда, или даже одного слова—дерзновеніе. Страхъ есть въ этомъ смыслѣ понятіе противоположное понятію дерзновенія, такъ какъ страхъ заключаетъ въ себѣ понятіе муки или мученія, которое совершенно противно понятію любви; страхъ и любовь—понятія несомвѣстимыя. Если любящій брата своего, пребывая въ Богѣ, достигаетъ такого совершенства любви, что имѣетъ дерзновеніе предъ Богомъ въ день суда: то душѣ его не можетъ быть причастенъ никакой страхъ, такъ какъ любовь изгоняетъ изъ души страхъ. Есть страхъ рабскій, есть страхъ сыновній. Апостоль говоритъ именно о страхѣ рабскомъ, который противоположенъ любви; этотъ страхъ возбуждается ожиданіемъ наказанія и потому онъ заключаетъ въ себѣ муку или мученіе. Этотъ страхъ исключается любовью, но ею отнюдь не исключается страхъ сыновній или безболѣзненное и пріятное чувство бдительнаго вниманія къ себѣ и опасеніе, какъ бы не сдѣлать чего не угоднаго Богу. Совершенная любовь освобождаетъ душу отъ этого рабскаго страха и вселяетъ въ нее миръ, и покой, и надежду дерзновенія, — это высшее состояніе счастья человѣка на землѣ.— «Основываясь на словахъ Давида: бойтесь Господа всѣ святые Его (Псал. 30, 10), иные спросятъ: какъ теперь Іоаннъ говоритъ, что совершенная любовь изгоняетъ страхъ? Неужели святые Божіи такъ несовершенны въ любви, что имъ заповѣдуется бояться? Отвѣчаемъ. Страхъ — двоякаго рода. Одинъ предначинательный, къ которому примѣшивается мученіе. Человѣкъ, совершившій худыя дѣла, приступаетъ къ Богу съ боязнію и приступаетъ для того, чтобы не быть наказаннымъ. Это—страхъ предначинательный. Другой страхъ совершенный. Этотъ страхъ свободенъ отъ всякой боязни, почему и называется чистымъ и пребывающимъ въ вѣкъ вѣка (Псал. 18, 10). Что же это за страхъ и почему онъ совершенный? Потому, что имѣющій его совершенно восхищенъ любовію и всячески старается о томъ, чтобы у него ничего

недоставало такого, что сильно любящій долженъ сдѣлать для любимаго» (Феофил.).—Въ страхѣ есть мученіе: непріятное, тягостное, болѣзненное чувство и мучительное; это какъбы предвкушеніе будущаго мученія грѣшника, тогда какъ любовь — предвкушеніе сладостнаго, свѣтлаго, райскаго состоянія.—Боящійся не совершенъ въ любви: кто боится Бога, какъ рабъ строгаго господина, тотъ очевидно не имѣетъ сыновней искренней любви и преданности Богу и очевидно не совершенъ въ любви къ Богу.

19. *Мы любимъ Его, яко той первые возлюбилъ есть насъ.*

20. *Аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяи брата своего, евоже видѣть, Бога, евоже не видѣть, како можетъ любитьи;*

21. *И сію заповѣдь имама отъ него, да любяи Бога, любитъ и брата своего.*

19. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ.

20. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу; тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видѣть, какъ можетъ любить Бога, котораго не видѣть?

21. И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего.

Настоящую рѣчь свою о любви къ Богу и ближнимъ Апостоль заключаетъ сильнымъ словомъ о любви къ Богу и ближнимъ не только въ ихъ взаимномъ сопоставленіи или связи, но и въ необходимости основать ученіе о любви къ ближнимъ на любви къ Богу.—Будемъ любить Его: это—увѣщаніе, въ томъ смыслѣ, что мы должны, мы обязаны любить Бога; при семъ Апостоль опять указываетъ на ту черту любви Божіей къ намъ, что не мы прежде возлюбили Его, а Онъ насъ (ст. 10); Онъ даровалъ намъ любовь свою, не по заслугамъ нашимъ, но тупе, даромъ, безъ всякой съ нашей стороны заслуги.—Кто говоритъ и пр.: мы должны любить Бога, но любить Его поистинѣ возможно только тогда, когда мы любимъ другъ друга. Поэтому, кто говоритъ словомъ или языкомъ, или даже въ сердцѣ своемъ, заблуждаясь въ совѣсти своей, что любить Бога въ сердцѣ своемъ и считаетъ себя христіаниномъ, исполняющимъ заповѣдь Божію и Христову, а брата своего ненавидитъ (2, 9. 11; 3, 15 и прим.) въ сердцѣ своемъ и показываетъ это дѣлами, тотъ лжець, иное думаетъ и говоритъ, и иное показываетъ на

дѣлѣ (2, 4). Изъ того видно, что онъ лжець, что кто не любитъ брата своего, или ненавидитъ его (2, 9), хотя-бы онъ былъ врагъ его (3, 15), брата своего, котораго видитъ своими глазами, Бога, котораго не видитъ (ст. 12), какъ можетъ любить? То-есть это дѣло невозможное, чтобы таковой любилъ Бога. Кто не способенъ къ болѣе легкому, тотъ не въ силахъ исполнить болѣе трудное; любить невидимое гораздо труднѣе, чѣмъ любить видимое. Брату своему, котораго видитъ, тѣмъ или другимъ добрымъ дѣломъ всегда можетъ показать любовь, а Бога, котораго не видитъ и слѣдовательно непосредственно не можетъ ничего сдѣлать для Него,—какъ можетъ любить? Дѣло это невозможное. Любовь къ Богу можетъ только выражаться и свидѣтельствоваться любовію къ ближнимъ. «Любовь очевидно образуется чрезъ обращеніе другъ съ другомъ; обращеніе же предполагаетъ, что человекъ видитъ своего брата и по обращеніи съ нимъ еще болѣе привязывается къ нему любовію, ибо видѣніе весьма много привлекаетъ къ любви. Если же такъ, то кто ни во что ставитъ гораздо болѣе влекущее къ любви, не любитъ брата, какъ можетъ быть признанъ истиннымъ, когда говоритъ, что любитъ Бога, котораго не видѣлъ, который ни въ обращеніи съ нимъ, ни объѣмлетъ никакимъ чувствомъ?» (Θεοφил.).—И сверхъ того мы имѣемъ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа такую заповѣдь и пр.: разумѣется заповѣдь, которую, на основаніи Вѣтнаго Завѣта указалъ Христосъ, говоря о любви къ Богу, какъ первой и большей заповѣди въ законѣ, и о любви къ ближнему, какъ о заповѣди второй, которая подобна первой (Мате. 22, 38—39 и прим.). Вотъ почему, кто не любитъ брата, говоря, что любитъ Бога, тотъ лжець. «Богъ требуетъ, чтобы ты вмѣстѣ съ Нимъ любилъ подобныхъ себѣ. Люби вмѣстѣ со Мною, говоритъ Онъ, тогда и Я еще болѣе буду любить тебя. Вотъ слова безпредѣльно любящаго. Если ты любишь любимыхъ Мною, то изъ сего Я вижу, что и Меня ты любишь усердно». (Злат. Рим. бес. 23).

Епископъ Михаилъ.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ БЕСѢДЫ

О СТРАДАНІЯХЪ И СМЕРТИ СПАСИТЕЛЯ.

Бесѣда четвертая.

Мы слышали прошедшій разъ, что Пилать осудилъ Христа на распятіе. Какое страшное слово *распятіе*! Эта казнь была самая позорная изъ всѣхъ другихъ родовъ казней. На эту казнь язычники осуждали только рабовъ, убійць, и самыхъ дерзкихъ возмутителей общественнаго спокойствія. Ученый язычникъ Цельсъ, желая унизить Христа, говорилъ: *учитель ихъ распятъ на крестъ*. Говоря такъ, онъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что ничего не могъ сказать хуже того о Христѣ Исусѣ. На такую-то казнь осудили теперь нашего Спасителя! Все, что только злоба могла изобресть самаго позорнаго и мучительнаго—все это было приготовлено для Христа. Впрочемъ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, люди были только слѣпыя орудія; совершалось же все такъ, а не иначе потому, что такъ предназначено было свыше. Да, Спасителю нужно было спасти міръ непременно чрезъ смерть крестную, смерть на деревѣ. Древомъ погубилъ себя человѣкъ въ раю, чрезъ древо онъ теперь спасается отъ этой гибели и возвращается къ блаженству. Чрезъ вкушеніе отъ древа человѣкъ заслужилъ себѣ проклятіе, чрезъ древо же это проклятіе снимается пострадавшимъ на немъ Исусомъ Христомъ, который взялъ на себя это проклятіе, такъ какъ всякій висящій на деревѣ по закону считался проклятымъ. Чрезъ вкушеніе отъ древа человѣкъ разъединилъ себя съ Богомъ, чрезъ древо возсоединяется съ Нимъ. При томъ, вися

на древѣ между небомъ и землею, Христось является посредникомъ между небомъ и землею, примирителемъ, соединителемъ Бога съ человѣкомъ. Такая смерть Спасителя была прообразована еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Самъ Спаситель объ этомъ говорилъ Никодиму: «какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ подобаеть вознестися Сыну человѣческому», т.-е. вознестися на крестъ, чтобы этимъ вознесеніемъ избавить людей отъ вѣчной смерти, подобно тому какъ угрызенные отъ змія въ пустынѣ, взирая на мѣднаго змія, висѣвшаго на шестѣ, спасались отъ временной смерти. И въ другомъ мѣстѣ Спаситель указываетъ на необходимость именно такого рода смерти. «Если Я вознесенъ буду отъ земли, то всѣхъ привлеку къ Себѣ», говоритъ Онъ. Нужно было Ему быть вознесеннымъ на крестъ затѣмъ, чтобы съ высоты его всѣхъ привлечь къ Себѣ, привлечь весь міръ, какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Такъ Промыслъ, а не люди только; устроилъ то, что Спаситель идетъ теперь на смерть крестную. Думали ли объ этомъ первосвященники и книжники? Нѣтъ, у нихъ были другія мысли, они теперь надѣялись съ поносною смертію Христа погубить все дѣло Его. Христось погибнетъ, а они будутъ владычествовать попрежнему надъ народомъ Іудейскимъ: вотъ почему они съ нетерпѣніемъ ждали, когда отведутъ Христа на мѣсто казни.

Исполненіе казни лежало на римскихъ воинахъ. Прежде всего ими устроенъ былъ крестъ. Потомъ воины приступили ко Христу и стали снимать багряницу, въ которой облеченъ былъ Христось, чтобы облечь Его въ Его собственныя одежды. Багряница была надѣта на тѣло. I. Христа послѣ бичеванія, слѣдовательно на тѣло израненное, избитое, къ которому она присохла. Можете себѣ представить, какую новую боль долженъ былъ чувствовать Христось, когда стали снимать съ Него эту одежду. — Но вотъ Его ведутъ и на распятіе, ведутъ не одного, а вмѣстѣ съ Нимъ двухъ разбойниковъ. Съ такими-то людьми сравнивали Святѣйшаго святыхъ, не только ни единымъ поступкомъ, даже ни единымъ словомъ не согрѣшившаго ни предъ Богомъ, ни предъ людьми.

У Римлянъ было правило, чтобы крестъ—орудіе казни несли сами осуждённые. И Спаситель понесъ свой крестъ самъ. Но каково было Ему нести Его! Крестъ былъ тяжелый, по сказанію преданія, не менѣе трехъ пудовъ; путь до мѣста казни неблизкій, никакъ не менѣе двухъ съ половиною верстъ. А Спаситель между тѣмъ былъ страшно изнуренъ во время предшествовавшее сему. Припомните, какія тяжелыя душевныя страданія перенесъ Онъ еще въ саду Геосиманскомъ, какъ ослабъ Онъ тѣломъ отъ продолжительной молитвы тамъ, молитвы до кроваваго пота. Припомните предательство ученикомъ, несправедливые до возмущенія допросы на судѣ у первосвященниковъ Анны, Каиафы, у Пилата, Ирода, переходы отъ одного къ другому неблизкіе, — вспомните оплеванія, заушенія, разнаго рода насмѣшки, претерпѣнныя Имъ во всѣхъ сихъ мѣстахъ отъ слугъ архіерейскихъ, Иродовыхъ, наконецъ, по приказанію Пилата, бичеваніе, отъ котораго все тѣло Его было изранено, окровавлено, не исключая и головы, на которой былъ надѣтъ терновый съ пронзительными иглами вѣнецъ; вспомните насмѣшки послѣ бичеванія римскихъ воиновъ, вспомните, что такъ проведена Спасителемъ цѣлая ночь и половина дня,—и вы поймете, до какой степени ослабли человѣческія силы Спасителя, чтобы пройти неблизкій путь до мѣста казни и такой тяжелый нести крестъ. И что же удивительнаго, если мы отъ Евангелистовъ слышимъ, что Онъ нѣсколько разъ на пути падалъ подъ тяжестію этого креста. Тяжесть креста вещественнаго увеличивалась отъ тяжести креста внутренняго, отъ бремени грѣховъ, подъятыхъ на себя Христомъ для оправданія человечества предъ Правосудіемъ небеснымъ. Да, все, чѣмъ когда либо люди оскорбляли Бога, чѣмъ будутъ оскорблять Его—все это теперь лежало тяжкимъ гнетомъ на Спасителѣ,—все это давило, терзало духъ Его. Видѣлъ Онъ своимъ всевидящимъ взоромъ и то, что многіе изъ самыхъ христіанъ не восчувствуютъ Его любви, и не воспользуются Его страданіями къ своему спасенію. И эта-то неблагодарность и холодность будущихъ христіанъ еще болѣе угнетала Его любвеобильную душу. Грѣш-

никъ! 'О, еслибы ты могъ сколько-нибудь понять, какую болѣзнь ты своими грѣхами причинилъ своему Спасителю! Размышляй, размышляй чаще о томъ, что понесъ для тебя Христосъ,—и тебѣ легче будетъ побѣдить себя, исправить свою жизнь. — Но вотъ путь, называемый скорбнымъ, которымъ шелъ Спаситель въ городѣ, окончился,—достигли городскихъ воротъ, называемыхъ судными, такъ какъ ими проводили осужденныхъ на смерть преступниковъ. Здѣсь силы окончательно оставили Спасителя, — Онъ упалъ, и не могъ болѣе нести своего креста. Шестивіе остановилось. Нужно было кого-нибудь другаго заставить нести крестъ Спасителя. Но гдѣ взять такого человѣка? Нести крестъ—это считалось позоромъ,—и никто по доброй волѣ ни за что не согласится на это. Въ это время съ поля возвращался нѣкто Симонъ изъ Кириanei; увидѣвши шестивіе, онъ остановился, чтобы лучше рассмотреть его. Конечно почувствовалъ онъ состраданіе къ невинному страдальцу Христу. И его-то воины взяли и заставили нести крестъ Христовъ. Онъ не воспротивился, взялъ. Спаситель пошелъ впереди, а онъ сзади Его. Такъ нашелся еще человѣкъ, который съ любовію взялъ на себя трудъ облегчить подвигъ Спасителя. Кого изображаетъ этотъ Симонъ? Онъ изображаетъ тѣхъ истинныхъ христіанъ, которые съ любовію ради Спасителя несутъ кресты жизни, какіе Промыслу угодно возложить на нихъ, особенно же крестъ борьбы съ собою, съ самолюбіемъ, съ плотію, съ соблазнами мірскими, съ внушеніями дьявольскими. О, какъ всѣ такіе радуютъ, утѣшаютъ тѣмъ Спасителя! Они соучаствуютъ въ страданіяхъ Его, дѣлаютъ тоже, что дѣлаетъ теперь Симонъ.

Но возвратимся къ Спасителю, идущему на мѣсто казни. Труденъ, скорбенъ былъ этотъ путь! Всѣми ближними своими покинутый, шелъ Онъ теперь на мѣсто позора. И когда же все это? Наканунѣ такого великаго праздника, каковъ былъ у іудеевъ праздникъ Пасхи,—при такомъ огромномъ стеченіи народа, котораго собиралось въ Іерусалимъ на этотъ праздникъ не менѣе двухъ милліоновъ. Идетъ Онъ рядомъ

съ двумя разбойниками, въ терновомъ вѣнцѣ,—за Нимъ Симонъ Киринейскій съ крестомъ Его на раменахъ своихъ. А за ними толпа народа, толпа праздная, любопытная, также можетъ быть къ Нему жестокосердая, какъ обвинители Его. И чего не слышалось въ этой толпѣ? Какими именами не называли Его? Вѣроятно тутъ называли Его обманщикомъ, оболъстителемъ народнымъ, за то, что возбудивши такія падежды въ народѣ, не осуществилъ ихъ, за то, что сотворивши столько чудесъ, Себя самого не могъ освободить изъ рукъ враговъ своихъ. Все это было слышимо нашимъ Спасителемъ,—и все это Онъ долженъ былъ переносить и страдать въ душѣ за эту толпу.—Но вотъ въ толпѣ сзади слышится вопль и рыданіе. Кто это плачетъ? Это плачутъ женщины. «И шло за Нимъ, говорить еванг. Лука,—великое множество народа и женщины, которыя плакали и рыдали о Немъ». Слава Богу, и кромѣ Симона нашлись лица сострадавшія Спасителю. Женское сердце нѣжнѣе сердца мужчины. И вотъ, когда мужчины злорадствуютъ при видѣ Его страданій, женщины плачутъ о Немъ. Что это были за женщины? Безъ сомнѣнія это были не изъ тѣхъ женщинъ, которыя постоянно слѣдовали за Христомъ и слушали Его ученіе. Тѣхъ теперь не было,—страха ради іудейскаго онѣ теперь скрывались, или если и слѣдовали, то гдѣ-нибудь издали. Это были женщины другаго рода,—женщины, только слышавшія отъ другихъ о Его святой жизни и о чудесахъ, которыя Онъ творилъ, и о ненависти къ Нему іудейскихъ начальниковъ, по которой Онъ преданъ былъ теперь на такой позоръ. Онѣ видѣли во Христѣ ни болѣе ни менѣе, какъ невиннаго страдальца, и плакали объ Немъ по естественному чувству состраданія, какъ мы часто плачемъ о чужомъ, но несчастномъ человѣкѣ. Но хотя не вѣра во Христа, какъ искупителя, исторгала эти слезы все-таки онѣ пріятны были Спасителю. Иначе Онъ не обратилъ бы на этихъ женщинъ вниманія. Теперь же напротивъ Онъ не только даетъ знать, что Онъ видитъ и слышитъ ихъ, но и удостоиваетъ ихъ нѣсколькихъ словъ назиданія. Что же Онъ говоритъ имъ? «Дщери іерусалимскія, не плачьте обо

Мнѣ, но о себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ. Ибо наступають дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя, и утробы не родившія, и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горамаъ: падите на насъ, и холмамаъ: покройте насъ. Ибо если съ зеленѣющимъ древомъ сіе дѣлають, то съ сухимъ что будетъ?» Женщины іерусалимскія, проливая слезы о Христѣ, ничего не помышляли о будущемъ—томъ грозномъ будущемъ, которое ожидало ихъ и всѣхъ іудеевъ за кровь Христа. Онѣ забыли, а можетъ быть еще не знали, что искавшіе смерти этого невиннаго Страдальца отвѣтственность за Его кровь публично взяли и на себя и на дѣтей своихъ. Нужно подумать объ этомъ. И вотъ теперь Спаситель напоминаетъ имъ объ этомъ: «не плачьте обо Мнѣ, но плачтѣ о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ. Вамъ жалко Меня, вамъ страшна кажется постигшая Меня участь; но надо Мною теперь совершается то, чему быть предназначено въ предвѣчномъ Совѣтѣ Божіемъ, совершается для спасенія челоуѣчества,—въ Моей участи, въ Моихъ страданіяхъ обнаруживается полнота любви Божіей къ людямъ; мыслію объ этомъ должна быть умѣряема скорбь обо Мнѣ. Но вотъ о чемъ наипаче слѣдуетъ восплакать и восплакать слезами самими горькими,—объ участи ожидающей васъ и дѣтей вашихъ непремѣнно». Какая же это участь? «Наступають дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя, и утробы неродившія и сосцы не питавшіе». Велико несчастье для жепцины іудеянки быть бесплодною—не имѣть дѣтей, но въ наступающее грозное время—время наказанія Іудейскаго народа это несчастье будетъ великимъ счастьемъ. Имѣющіе дѣтей будутъ завидовать неимѣющимъ; такъ какъ страдать за себя, а потому видѣть страждущими еще дѣтей, страдать душею за каждаго изъ нихъ—это верхъ несчастья. А бѣдствія между тѣмъ будутъ такъ велики, такъ тяжки, что люди пожелаютъ лучше быть задавленными горами и поглощенными разсѣвшимися холмами, чѣмъ испытывать то, что постигнетъ ихъ. Все это сбылось и постигло ихъ. Черезъ 36 лѣтъ пришли Римляне, осадили Іерусалимъ, и жизнь въ немъ сдѣлалась такъ трудна отъ голода, отъ болѣзней, тамъ появившихся, что были при-

мѣры — матери закалывали дѣтей своихъ. Эту страшную пищу рѣшались продолжать жизнь остальнаго семейства. Бездѣтныя женщины страдали только за себя,—но каково было имѣющимъ дѣтей! Каково было имъ видѣть дитя свое умирающимъ или отъ язвы, или отъ голода, или отъ собственныхъ рукъ родительскихъ! Каждая подобная смерть была страшною мукою для самой матери. И вотъ тутъ-то матери ублажали женщинъ бездѣтныхъ.—Сбылось и второе пророчество: «тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: покройте насъ». Многіе скрывались отъ Римлянъ въ горахъ и горныхъ пещерахъ, но Римляне и тамъ находили Евреевъ и предавали страшнымъ мученіямъ, распинали на крестахъ, или продавали въ рабство. Понятно, что всякій желалъ, чтобы лучше гора задавила, или земля поглотила ихъ, чѣмъ попасться въ руки враговъ. Все это, по словамъ Спасителя, достойно и праведно терпѣли Евреи. «Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?» Зеленѣющимъ деревомъ здѣсь Спаситель называетъ Себя самого, а сухимъ—народъ Іудейскій. Спаситель проповѣдывалъ, училъ истинѣ и добру, жилъ сообразно съ своею проповѣдію, — словомъ, во всей силѣ проявлялъ духовную жизнь, какъ зеленѣющее дерево обнаруживаетъ жизнь вещественную. А іудеи остались непреклонны, упорны, не увѣровали въ Него, не принесли плодовъ покаянія. И что же они, какъ не дерево сухое? Но если зеленѣющее дерево—возлюбленнаго Сына своего, исполненнаго святости и всякихъ благихъ дѣлъ, Отецъ небесный не пощадилъ для спасенія рода человѣческаго, и теперь предастъ на тяжкія страданія, пощадитъ ли Онъ въ своемъ правосудномъ гнѣвѣ этотъ упорный народъ, который не чувствуетъ безмѣрной любви Отца небеснаго, не пользуется даруемымъ ему спасеніемъ и остается попрежнему въ ожесточеніи и нераскаянности, даже сейчасъ совершаетъ новый неслыханный грѣхъ—грѣхъ богоубійства? Очевидно, тяжкая, горькая участь ждетъ его. «Если съ зеленѣющимъ деревомъ такъ дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?» Вотъ что сказалъ Спаситель плачущимъ о Немъ женщинамъ

іерусалимскимъ. Это была послѣдняя проповѣдь Спасителя, обращенная въ лицѣ плачущихъ женщинъ ко всему народу Іудейскому;—послѣ этого для проповѣданія не раскрывались уста Его. Довольно,—все было сказано, что нужно было сказать. Теперь послѣдуетъ дѣло—награда кающимся и исполняющимъ Его ученіе,—и судъ, строгій судъ—грѣшникамъ нераскаяннымъ и упорно отвергающимъ Его.

Кончился наконецъ крестный путь. Христа привели на Голгоу. Голгоа—это былъ небольшой холмъ въ 200 шагахъ отъ Іерусалима къ сѣверо-западу отъ него. Голгоа—слово еврейское, по-русски сказать—лобное мѣсто, или мѣсто череповъ человѣческихъ. Есть три объясненія, почему этотъ холмъ такъ называется. Вопервыхъ, своею наружностію онъ очень похожъ на черепъ человѣческой. Съ другой стороны, такъ какъ это было мѣсто казни преступниковъ, тѣла которыхъ обыкновенно не зарывались въ землю, а или оставляемы были на крестахъ, или съ крестовъ были выбрасываемы тутъ же на сѣденіе птицамъ и звѣрямъ, то и валялось тутъ множество череповъ человѣческихъ, отъ которыхъ самое мѣсто называлось лобнымъ.—Есть и третье объясненіе. По преданію, здѣсь погребенъ былъ Адамъ, отчего и видимъ мы подъ каждымъ Распятіемъ изображеніе черепа человѣческаго и другихъ костей. На Голгоѣ значить находился черепъ Адамовъ, за грѣхи котораго и надъ главою котораго и проливалъ теперь кровь свою новый Адамъ, Адамъ уже безгрѣшный, не подавшійся чьему бы то ни было искушенію, и въ своемъ лицѣ показавшій образецъ непримѣрной святости, каковъ былъ Христосъ.

Итакъ, Спаситель нашъ на Голгоѣ, на мѣстѣ презрѣннѣйшемъ всѣхъ другихъ мѣстъ, на мѣстѣ позора и наказанія за преступленія. Здѣсь ли Тебѣ мѣсто Святѣйшему и Совершеннѣйшему? Затѣмъ ли Ты три съ половиною года трудился, училъ, благодворилъ, Самъ не имѣя мѣста, гдѣ преклонить главу свою? Затѣмъ ли, чтобы послѣ такихъ подвиговъ человѣколюбія придти сюда, куда приводимы были только одни самые злѣйшіе враги человѣчества? Но на мѣсто по-

зора и безславія приходитъ теперь Спаситель затѣмъ, чтобы насъ съ тобою, слушатель, возвеличить и прославить въ царствіи Отца Его. Будемъ же жить такъ, чтобы быть достойными этой славы. Но почему именно за городомъ Спаситель готовился претерпѣть страданія и смерть? Не безъ основанія и это было. Такъ и Онъ предсказалъ, такъ было прообразовано и въ Ветхомъ Заветѣ. Въ Ветхомъ Заветѣ первосвященникъ единожды въ годъ съ кровію животнаго входилъ во Святое святыхъ съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать за грѣшныхъ людей. Животное это было затѣмъ сожигаемо внѣ стана, т.-е. позади того мѣста, гдѣ помѣщался въ шатрахъ народъ еврейскій, когда странствовалъ по пустынѣ. Кровь этого животнаго прообразовала кровь Спасителя, съ которою Онъ, какъ вѣчный Первосвященникъ и вѣчный Ходатай предъ Богомъ за грѣхи людей однажды навсегда долженъ былъ взойти на небо для этого ходатайства. И такъ какъ животное, кровь котораго прообразовала кровь Христа, было сожигаемо за городомъ, такъ и Самъ Христосъ долженъ былъ пострадать тоже внѣ города. Кто помнитъ притчу Христову о злыхъ виноградаряхъ, въ которой Спаситель изобразилъ собственную смерть отъ руки Іудейскаго народа, тотъ знаетъ, что виноградари убили сына владыки виноградника. Сынъ господина виноградника — это Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. И вотъ Его-то теперь злые виноградари—первосвященники и книжники, вывели изъ виноградника Божія, т.-е. города Іерусалима затѣмъ, чтобы тутъ погубить Его. Такъ іудеи, сами того не зная, исполняли надъ Христомъ то, что прообразовано было и въ Ветхомъ Заветѣ и предсказано самимъ Спасителемъ.

Воины, какъ только привели Спасителя на Голгоѳу, стали готовить все нужное для распятія; одни стали водружать крестъ, а другіе снимали съ Него одежды, въ которыхъ Онъ пришелъ. У Римлянъ былъ обычай давать распинаемому предъ казнію вина смѣшаннаго съ желчію,—не забыли поднести и Христу этого напитка. Этотъ напитокъ имѣлъ свойство омрачать разумъ,—и давала его рука челолюбія

загѣмь, чтобы сдѣлать менѣе чувствительными по крайней мѣрѣ на первых порахъ страданія для распинаемыхъ. Но Христось, отвѣдавши, не сталъ его пить,—Онъ хотѣлъ вкусить страданія съ полнымъ сознаніемъ, хотѣлъ испытать приготовленную Ему грѣхами человѣческими горькую чашу мученія до дна. Такъ Спаситель всюду и всѣмъ доказывалъ, что Онъ идетъ на страданія не потому, что не могъ избѣжать ихъ, а идетъ по доброй волѣ, потому что для этихъ страданій Онъ сошелъ съ неба на землю и воплотился.—Но вотъ водрузили крестъ на лобномъ мѣстѣ, подставили къ нему лѣстницу, и Спасителя нашего вознесли на него и стали пригвозждать,—руки и ноги прибили четырьмя большими гвоздями, на голову опять возложили терновый вѣнецъ, а надъ нею прибили дщицу съ надписью: «Иисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій». По обѣимъ сторонамъ распяли двухъ разбойниковъ. Итакъ обнаженный, среди двухъ злодѣевъ висѣлъ теперь Спаситель между небомъ и землею, какъ истинный посредникъ между тѣмъ и другимъ. Какъ здѣсь припоминается трогательная церковная пѣснь: «Днесъ Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвозждается...!» Какой умъ можетъ вообразить себѣ тѣ страданія, которыя теперь испытывалъ Христось? Тѣло Его въ рукахъ и ногахъ разрывалось; при малѣйшемъ движеніи въ нихъ дѣлалась невыносимая боль; съ головы, рукъ и ногъ ручьями текла кровь; отъ неправильнаго обращенія крови въ головѣ круженіе дѣлалось, въ сердцѣ тоска, во всей внутренности нестерпимый жаръ; раны, отъ соприкосновенія къ нимъ воздуха, воспалялись, и такимъ образомъ боль въ нихъ ежеминутно увеличивалась. По изслѣдованію врачей, нѣтъ казни лютейшей, и нѣтъ страданій мучительнѣе, какъ страданія распятія. Только жестокое сердце язычника могло придумать такую казнь. И такія-то страданія терпѣлъ теперь Спаситель нашъ Христось. И еслибы ихъ терпѣлъ только человѣкъ, но это былъ вмѣстѣ и Богъ. Это былъ сіяніе славы Отца небеснаго, едиnorodный Сынъ Божій, Слово Отчее, Который былъ искони у Бога, во всемъ равный Богу Отцу. О, безпредѣльная благость Бо-

жія! За грѣшниковъ, которые были враги Богу, которые ничѣмъ не заслужили любви Божіей, страдаетъ такъ тяжко Сынъ Божій! Какая любовь можетъ быть выше сей любви? И посмотрите, какъ Онъ страдаетъ, что Онъ дѣлаетъ на крестѣ? Тогда какъ другіе распинаемые, обыкновенно проклинали своихъ распинателей, Онъ — Спаситель напротивъ молился за нихъ: «Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ». Нѣкогда Спаситель училъ своихъ послѣдователей молиться за творящихъ напасть. И вотъ чему училъ, то теперь исполняетъ Самъ. У Спасителя за словомъ всегда слѣдовало дѣло. О, еслибы и мы, проповѣдуя вамъ слово Божіе, сами во всемъ показывали примѣръ, какъ жить по этому слову, показывали въ себѣ самихъ живой образецъ жизни о Христѣ! Вы, пасомые, молитесь о томъ за своихъ пастырей, учающихъ васъ. Молитесь, да не будетъ проповѣдь наша бездушною свирѣлю въ рукахъ пасущаго.—Но довольно. Спаситель нашъ на крестѣ, за насъ страдаетъ, за насъ терпитъ муки неизобразимыя. Ахъ, какъ часто христіанину нужно вопрошать себя: что онъ дѣлаетъ для Христа? Столько претерпѣвающій Спаситель какихъ жертвъ, не въ правѣ потребовать отъ своихъ послѣдователей? Да и есть ли предметъ, который, какъ бы ни былъ дорогъ для христіанина, онъ не обязанъ былъ принести въ жертву Христу? Но гдѣ эти жертвы? Много ли ихъ? Постигла кого болѣзнь, бѣдность, и вмѣсто покорности слышится ропоть. Постигла неудача, неуспѣхъ — опять тоже. Обидѣли, сказали напраслину, — слышатся угрозы, хочется отомстить, за зло зломъ заплатитъ. Пришло время молитвы, — молиться не хочется, и времени жалко, и силъ нѣтъ, какъ будто не за чемъ и не о чемъ молиться.—Приходитъ праздникъ, нужно къ службѣ, въ храмъ, идти; тяжело, говорить, встать, мысль занята не тѣмъ, отдохнуть нужно послѣ шестидневныхъ трудовъ. Просятъ помощи ради Христа, — отказываемъ, у самихъ расходовъ много, своихъ родныхъ бѣдныхъ бездна; свое семейство велико, дѣла у всѣхъ плохи. Наступаетъ постъ, нужно поститься, — говорятъ: силъ нѣтъ, здоровье слабо, Нужно говѣть, — некогда, дѣла не

устроены, времени нѣтъ. А другіе говорятъ: къ чему посты? Богъ не требуетъ, чтобы мы морили себя. Въ храмъ нужно что-нибудь пожертвовать? пусть жертвуетъ кто богаче меня. Отказаться отъ развлечения постомъ, или подъ праздникъ ханжею назовутъ. Евангеліе почитать, духовнымъ чтеніемъ заняться? я не монахъ, мнѣ нужно знать, что пишутъ въ свѣтскихъ современныхъ изданіяхъ. Побѣдить самолюбіе, невоздержаніе, привязанность къ зрѣлищамъ, страсть къ картамъ? Намъ нельзя жить безъ удовольствій, мы люди мірскіе. Такъ-то многіе отвѣчаютъ на требованія Евангелія, на голось совѣсти, что за любовь Христа нужно отвѣчать тоже любовію, что любовь нужно доказывать дѣломъ, а не словами. И живутъ многіе ничего не дѣлая для Христа Спасителя нашихъ душъ, не принося никакой жертвы, живутъ, играя, веселясь и ни о чемъ не заботясь, какъ только о веселомъ времяпрепровожденіи. Живутъ, забывая о Христѣ, о Его любви къ роду человѣческому, о Его страданіяхъ, претерпѣнныхъ за него. Но что же за жизнь христіанина безъ Христа? Это измѣна Ему, это оскорбленіе Его, это служеніе не Ему, а врагамъ Его: грѣху, міру и діаволу. Да избавитъ насъ Господь отъ всего подобнаго.

Но обратимся ко Христу, висящему на крестѣ. Мы упомянули о надписи на крестѣ Спасителя при распятіи Его. Эта надпись была слѣдующая: «Иисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій». По приказанію Пилата она была написана на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ,—это затѣмъ, чтобы дать возможность понять ее всѣмъ, находившимся тогда въ Іерусалимѣ,—чтобы всѣ знали, что за человѣкъ повѣшенъ на древѣ по настоянію первосвященниковъ и книжниковъ. Надпись должна гласить вину распятаго, но въ надписи прибитой на крестѣ Христа Спасителя выражалось вмѣстѣ посмѣяніе Пилата надъ іудеями, поступившими такъ жестоко съ своимъ царемъ, столь позорно измѣнившими Ему. Поняли это и приняли за оскорбленіе себѣ первосвященники и книжники, и вотъ они посылаютъ къ Пилату съ просьбою переимѣнить такую надпись: «не пиши: царь іудей-

скій, а: я есмь царь іудейскій», т.-е. Онъ самъ только называлъ Себя царемъ іудейскимъ, а на самомъ дѣлѣ не былъ царемъ. Но Пилать, при другихъ случаяхъ уступчивый, теперь сверхъ ожиданія оказался въ своемъ намѣреніи твердымъ, и іудеямъ въ ихъ просьбѣ отказалъ. «Что я написалъ, то написалъ», сказалъ онъ имъ. Со стыдомъ должны были покориться Пилату члены синедріона.

Вокругъ Распятаго видимъ воиновъ, распинателей Его. Спокойно, равнодушно относились они къ Тому, Кого сейчасъ только предали такимъ мукамъ. Не трогались Его страданіями, не обращали вниманія на кровь, ручьями струившуюся изъ пречистаго, теперь во всѣхъ мѣстахъ изъязвленнаго тѣла Его. Не трогала ихъ и молитва Его за нихъ. И до того ли имъ было? У нихъ было теперь свое дѣло. Одежды распинаемыхъ всегда дѣлались принадлежностію распинателей. Этимъ-то дѣломъ они теперь и занялись. Раздѣлили одежду разбойниковъ распятыхъ, раздѣлили и верхнюю одежду Спасителя; но нижняя—хитонъ, оказывается неспитою, а сотканою сверху до низу. Жалко было имъ рвать ее. И вотъ они бросають о ней жребій. Неразумные! Не знаютъ они, что и здѣсь исполняютъ слова пророка Давида: «Раздѣлиша ризы мои о себѣ и о одеждѣ моей меташа жребій». — Не были ли по крайней мѣрѣ сострадательнѣе ко Христу другіе, находившіеся у креста Спасителя? Но что слышимъ и видимъ отъ другихъ? Проходило мимо Голгофы много народа празднаго и любопытнаго. И вотъ что говорилъ этотъ народъ Христу вмѣсто словъ утѣшенія: «вотъ Онъ, разоряющій храмъ и въ три дня созидающій! Спаси Себя самого и если Ты Сынъ Божій, сойди со креста». Больно было слышать теперь Спасителю извращеніе сказаннаго Имъ нѣкогда пророчества о храмѣ тѣла своего, о своей смерти и воскресеніи. Но Онъ терпѣлъ и молчалъ. Народъ по невѣжеству и грубости поносилъ и злословилъ Христа. Но не лучше народа вели себя тѣ, которые руководили этимъ народомъ,—первосвященники, книжники и старѣйшины. Стоя у креста, и они одинъ другому говорили, указывая на Христа: «Другихъ спасалъ, а Себя

самого не можетъ спасти. Если Онъ Христось, избранный Божій, пусть теперь сойдетъ со креста, и мы увѣруемъ въ Него. Онъ уповаль на Бога, пусть теперь избавить Его, если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ говорилъ: Я Сынъ Божій». Слова первосвященниковъ повторяли и воины,—и они ругались надъ Нимъ и говорили: «Если Ты царь іудейскій, спаси себя». Во всѣхъ этихъ словахъ сколько лжи и неправды! Обѣщаются увѣровать, если сойдетъ со креста! Ужели еще мало сдѣлано Имъ для увѣрованія въ Него? А воскресеніе четверодневнаго Лазаря? а другія подобныя чудеса?—Но «и разбойники, распятыя съ Нимъ, поносили Его». Одинъ изъ нихъ, какъ увидимъ, раскаялся, но другой нагло требоваль спасенія и себя и ихъ. «Если Ты Христось, спаси себя и насъ», говорилъ онъ. Такъ все сдѣлано къ увеличенію душевной скорби и страданій Христа Спасителя!—И вотъ чѣмъ заплатили въ минуты скорби и страданія Тому, Кто самъ жилъ для радости другихъ, Кто вливалъ отраду въ сердце всякаго страждущаго. Какая злая неблагодарность! Какъ нужно бояться ея! Какъ страшно за добро воздавать зломъ! Какъ особенно страшно быть хулителемъ Христа!

Но вѣтъ ли и нынѣ хулителей Христа? Къ несчастію, есть. Хулить Христа тотъ, который не хочетъ покорить свой умъ вѣрѣ во Христа, одно въ ученіи Его отвергаетъ, другое подвергаетъ сомнѣнію, возраженіямъ и вообще разсуждаетъ такъ, какъ будто никогда не слыхалъ о Христѣ. Безчестить Христа всякій христіанинъ тольکو по имени, который живетъ не по духу вѣры Христовой, а по обычаямъ свѣта, который устами исповѣдуетъ Христа своимъ Спасителемъ и Господомъ, а дѣлами отвергаетъ Его. Но страшно безчестить Христа, страшно хулить какимъ бы то ни было образомъ Того, Кто за насъ кровь пролилъ, Кто во второе пришествіе свое спроситъ отъ насъ вѣры и вѣрности Ему, любви и преданности. О, убоимся быть отверженными Имъ тогда, а для этого будемъ жить для славы имени Его святаго, будемъ жить для Христа.

ДРЕВНІЕ МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ

СИРИИ, МЕСОПОТАМИИ И ПЕРСИИ,

и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ а).

Сирія въ тотъ періодъ, когда процвѣтало въ ней подвижничество, была одна изъ обширнѣйшихъ областей восточной Римской имперіи. Она граничила на сѣверѣ съ горами Таврскими и Аманскими, на востокъ съ Евфратомъ, на югъ съ Палестиною, а на западъ съ Средиземнымъ моремъ. Сирія раздѣлялась на нѣсколько провинцій, изъ коихъ нѣкоторыя были довольно обширны; провинціи эти были: Комаина на сѣверѣ, первая и вторая Сирія по среднему и нижнему теченію Оронта, Селевкида и первая или прибрежная Финикія на западъ, вторая Финикія и Келесирія на югъ, Евфратская Сирія и Пальмирена на юго-востокъ.

Первая Сирія.

Важнѣйшіе города въ первой Сиріи были: *Антиохія*, *Берія* и *Халкида*. Антиохія—славный въ древности городъ, царица Востока, была расположена на лѣвомъ берегу рѣки Оронта, недалеко отъ моря, среди плодоносной, но гористой мѣстности. Съ сѣвера и сѣверо-востока ее окружали склоны хребта Аманъ, съ юга къ самому почти городу подходили отрасли горъ Кассія и Белуса. Окрестныя горы покрыты были по мѣстамъ лѣсомъ и наполнены долинами, ущельями и пещерами. Во времена римскихъ императоровъ, Антиохія, какъ по

а) См. январскую книжку.

гражданскому управленію, такъ и по богатству и образованію жителей была главнымъ городомъ Римской Азіи, столицею Востока. Здѣсь былъ центръ язычества, которое нигдѣ не являлось въ такомъ ужасающемъ безобразіи, какъ въ Антіохіи: это былъ городъ всевозможныхъ религій, маговъ, жрецовъ, городъ роскоши, вакханалій, оргій, разврата. Въ христіанскомъ мірѣ Антіохія — городъ, по словамъ св. Іоанна Златоуста, издревле любезный Христу, первый изъ всѣхъ городовъ украсившійся, какъ дивнымъ вѣнцомъ, наименованіемъ *христіанъ*. Въ Антіохіи родился евангелистъ Лука; въ Антіохіи не мало времени и съ великимъ успѣхомъ трудились для Христовой вѣры апостолы Павелъ и Варнава; въ Антіохіи гремѣлъ съ церковной кафедрѣ пресвитеръ Іоаннъ, въ послѣдствіи архіепископъ Константинопольскій, Златоустый; она представила Христу сонмы мучениковъ; она славилась многочисленностію и богатствомъ храмовъ, усердіемъ къ святой вѣрѣ и благочестіемъ жителей. По всему этому въ V—VII в. христіане не иначе называли Антіохію, какъ *Теотомисомъ*, *Градомъ Божиимъ*. Антіохія процвѣтала и подвижничествомъ. И въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ много было высокихъ подвижниковъ. Одни изъ нихъ трудились для благоугожденія Богу въ своихъ жилищахъ, иные—въ обществѣ братій, въ иноческихъ обителяхъ, а многіе спасались въ пустынныхъ мѣстахъ, въ пещерахъ и ущельяхъ окрестныхъ горъ. И приснопамятны сдѣлались эти обители, славны стали многія пустынные мѣста.

Не сохранилось въ письменныхъ церковныхъ памятникахъ свѣдѣній объ иноческихъ обителяхъ въ самой Антіохіи; въ Лугѣ Духовномъ упоминается только монастырь *Гигантовъ* и игумень его Іоаннъ, разсказавшій Іоанну Мосху о юношѣ, ограбившемъ погребенную уже на кладбищѣ въ драгоценныхъ одеждахъ дочь одного вельможи и спасшемся въ этой обители ⁶⁾. Извѣстны только немногіе подвижники и подвижницы, жившіе въ самомъ городѣ и благоугождавшіе Богу въ своихъ жилищахъ. Что же касается до окрестныхъ Антіохій-

6) Лугъ Дух. гл. 77.

скихъ монастырей, то въ церковно-историческихъ сочиненіяхъ сохранились названія знаменитѣйшихъ изъ нихъ, равно какъ и имена великихъ подвижниковъ и пустынниковъ, въ нихъ спасающихся. Скажемъ сначала объ антїохійскихъ подвижникахъ и подвижницахъ; а потомъ объ окрестныхъ монастыряхъ и пустыняхъ.

Антїохійскіе подвижники и подвижницы.

Изъ подвижниковъ и подвижницъ, жившихъ въ самой Антїохіи, извѣстны: преподно-муч. *Лукіанъ*, *Публия*, *Теофанъ* и *Паномнія* и архієпископы: *Флавіанъ*, *Александръ* и *Теоодотъ*.

Преподобно-муч. Лукіанъ. Онъ жилъ и процвѣталъ во второй половинѣ III вѣка. Онъ родился въ Самосатѣ отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей и воспитанъ былъ въ истинной вѣрѣ и чистыхъ правилахъ нравственности. По смерти родителей, раздавъ убогимъ оставшееся ему въ наслѣдство имѣніе, благочестивый Лукіанъ сталъ вести строгую подвижническую жизнь. Ему было тогда двадцать лѣтъ. Постояннымъ занятіемъ его теперь стали молитва; воздержаніе отъ пищи и сна, богомысліе и особенно изученіе слова Божія. Съ молитвою соединялись у него обильныя слезы. Вкушавъ онъ только сухой хлѣбъ и то одинъ разъ въ день, а нерѣдко и цѣлую недѣлю проводилъ безъ пищи; пилъ только воду. Ревность Лукіана къ изученію слова Божія была столь сильна, что онъ забывалъ нерѣдко и необходимый сонъ. За то онъ пріобрѣлъ глубокое разумѣніе св. Писанія, и этимъ оказалъ св. Церкви огромную заслугу; онъ возстановилъ многія мѣста св. Писанія, поврежденныя еретиками, пользуясь для Ветхаго Завѣта знаніемъ еврейскаго языка.

Далеко распространилась слава о добродѣтеляхъ и дарованіяхъ Лукіана, и онъ вызванъ былъ въ Антїохію и поставленъ пресвитеромъ Антїохійской Церкви. И въ Антїохіи Лукіанъ велъ такую же подвижническую жизнь, какъ въ Самосатѣ. Но какъ пресвитеръ Церкви, онъ долженъ былъ вы-

ступить на общественное служеніе. Времена были тогда для христіанъ тяжелы: господствовала еще языческая вѣра. Св. Лукіанъ вмѣстѣ съ епископомъ и другими лицами поддерживалъ и укрѣплялъ вѣрующихъ въ сохраненіи Христовой вѣры, ободрялъ ихъ и утѣшалъ. Кромѣ того, онъ устроилъ нѣсколько училищъ, въ которыхъ, передавая учащимся истины вѣры и правила нравственности, посвящалъ время особенно правильному толкованію и разумѣнію слова Божія.

Настало гоненіе на христіанъ; оно было воздвигнуто императоромъ Максиміаномъ Галеріемъ, задумавшимъ совершенно истребить въ восточныхъ странахъ имперіи христіанскую вѣру. Особенному преслѣдованію подверглись предстоятели церквей и всѣ мужи, имѣвшіе силу и значеніе въ глазахъ христіанъ. Императоръ надѣялся, что, если истребить славные столпы вѣры, то неминуемо падетъ вся Церковь христіанская. Услышавъ о дѣятельности Лукіана, Галерій велѣлъ его взять и представить въ Никомидію. Прибытіе Лукіана въ Никомидію было весьма благовременно. Никомидійскіе христіане были въ великомъ страхѣ, и одни укрывались въ потаенныхъ мѣстахъ, другіе, страшась мученій, готовы были отречься отъ Христа. Лукіанъ, владѣвшій даромъ слова и необыкновенною силою убѣдительности, ободрилъ ихъ, вдохнулъ въ нихъ христіанское мужество, и они стали готовы претерпѣть за Христа не только мученія, но и самую смерть. Галерій пожелалъ видѣть Лукіана—опору и защиту христіанъ; но, услышавъ, что передъ силою его слова ничто не устоитъ, и боясь, какъ бы не сдѣлаться самому христіаниномъ, вступилъ въ разговоръ съ нимъ издали и чрезъ завѣсу. Сперва императоръ обѣщалъ ему дары и почести: Лукіанъ только посмѣялся такой ничтожной наградѣ. Потомъ сталъ ему грозить лютыми муками: рабъ Христовъ не убоился такихъ угрозъ и остался твердъ и непоколебимъ въ вѣрѣ. Разгнѣванный императоръ приказалъ посадить неустрашимаго исповѣдника въ темницу и подвергнуть самымъ жестокиимъ мученіямъ. Воля повелителя во всей точности была исполнена. И вотъ для Лукіана послѣдовала рядъ мукъ одна другой жесточе: его дер-

жали въ тяжкихъ узахъ, томили голодомъ и жаждою, били камнями; наконецъ, оторвавъ отъ составовъ члены тѣла, положили страдальца спиною на острыхъ черепкахъ; въ такомъ положеніи онъ пробылъ 40 дней. Всѣ эти муки страстотерпецъ переносилъ мужественно. Насталъ праздникъ Богоявленія. Мученикъ Христовъ пожелалъ, вмѣстѣ съ бывшими въ темницѣ христіанами причаститься св. таинъ. Онъ помолился Богу и Господь исполнилъ святое желаніе души его. По нерадѣнію стражей, въ темницу успѣли пробраться нѣкоторые христіане: они принесли съ собою хлѣбъ и вино. Тогда св. Лукіанъ сказалъ соучастникамъ въ страданіяхъ: «обступите вокругъ меня и будьте церковію. Вѣрую Богу, что лучшая и угодная Ему церковъ будетъ—живая, нежели созданная изъ дерева или камня». Когда вѣрныя окружили св. страдальца, онъ сказалъ: «совершимъ литургію и причастимся божественныхъ таинъ». На вопросъ: «гдѣ поставить хлѣбъ и вино, такъ какъ нѣтъ стола?» Онъ отвѣчалъ: «поставьте на моей груди, это будетъ живой престоль живому Богу». Такимъ образомъ на груди блаженнаго Лукіана совершена была божественная литургія; и всѣ причастились св. таинъ. На другой день Галерій послалъ въ темницу узнать, живъ ли Лукіанъ,—и лишь только посланные отъ императора вошли въ двери темницы, Лукіанъ, произнеши три раза: «я христіанинъ», предалъ душу свою въ руки Божіи. Это было 15 октября 312 года. Тѣло св. мученика, по повелѣнію императора, было брошено въ море, откуда по прошествіи 30 дней дельфинами было выброшено на берегъ. Вѣрующіе взяли тѣло св. Лукіана и съ подобающею честью погребли его. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло св. страстотерпца, равноапостольная Елена воздвигла богатый храмъ въ честь святаго мученика Лукіана.

Память преподобно-мученика Лукіана совершается въ православной Церкви 15 октября в).

в) Четь-Мин. 15 октября.

Преп. Публія діаконісса. Преп. Публія жила въ IV вѣкѣ. Она родилась въ Антиохіи и происходила отъ благородныхъ христіанскихъ родителей; въ Антиохіи же провела и всю свою святую жизнь. Она славилась подвижничествомъ Бога ради и высокими нравственными качествами души и сердца, и пользовалась въ городѣ всеобщимъ уваженіемъ. Рано выданная, по желанію родителей, замужъ, Публія не долго жила въ законномъ и честномъ супружествѣ и принесла Богу, какъ говоритъ бл. Феодоритъ Кирскій, достославный плодъ—сына Іоанна, котораго позаботилась воспитать въ страхѣ Божиємъ и приготовить на служеніе Христовой Церкви: онъ сдѣлался пресвитеромъ, достойно проходилъ священнослуженіе и сталъ во главѣ пресвитеровъ антиохійскихъ. По смерти мужа, Публія отказалась отъ свѣта и его удовольствій, посвятила себя на служеніе Церкви въ качествѣ діаконіссы и стала проводить строгую подвижническую жизнь. Она собрала вокругъ себя ликъ дѣвъ и вдовъ, рѣшившихся подобно ей жить для Господа и царства небснаго, и, руководя ихъ въ подвигахъ поста и молитвы, вмѣстѣ съ ними восхваляла Господа. Съ уваженіемъ отзывается о бл. Публіи Феодоритъ въ своей церковной исторіи, гдѣ выставляетъ на видъ особенно ея ревность и дерзновеніе по Богѣ предъ императоромъ Юліаномъ богоотступникомъ.

Прибыль въ Антиохію Юліанъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ старался возстановить и возвысить язычество, унижалъ и осмѣивалъ христіанскую вѣру, преслѣдовалъ вѣрующихъ въ Распятаго. Однажды случилось Юліану проходить мимо того дома, въ которомъ имѣло свое пребываніе св. общество Публіи. «Подвижницы, разказываетъ бл. Феодоритъ, при этомъ случаѣ еще громче обыкновеннаго запѣли всѣ вмѣстѣ, почитая гонителя достойнымъ пренебреженія и посмѣянія и избирая преимущественно тѣ пѣсни, въ которыхъ осмѣивается безсиліе идоловъ. Идолы язычниковъ—серебро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ (Пс. 113, 12), возглашали онѣ съ Давидомъ, и потомъ, описавъ ихъ безчувственность, воспѣвали: подобны имъ да будутъ дѣлающіе ихъ

и всѣ надѣющіеся на нихъ (— 113, 16). Слыша это, царь очень оскорбился и приказалъ пѣвицамъ молчать, когда онъ будетъ проходить мимо. Но Публія, мало думая о его приказаніяхъ, возбудила въ своемъ сонмѣ еще большую ревность и при новомъ шествіи Юліана, велѣла ему пѣть: да встанетъ Богъ и расточатся враги Его (Пс. 67, 1). Тогда царь вознегодовалъ и приказалъ привести къ себѣ начальницу хора. Увидѣвъ предъ собою старицу, по лѣтамъ своимъ достойную всякаго почтенія, онъ не сжалился надъ ея сѣдинами, не почтилъ душевныхъ ея доблестей, но одному изъ копьеносцевъ велѣлъ бить ее по щекамъ, и убійственныя руки обагрили кровію ея ланиты. Вмѣнивъ безчестіе въ высокую почесть, Публія возвратилась домой и продолжала попрежнему поражать царя духовными пѣснопѣніями, подобно тому, какъ самъ писатель псалмовъ и наставникъ пѣснопѣнія укрощалъ одержимаго злымъ духомъ Саула».

Память св. Публіи совершается 9 октября ¹⁾.

Преп. Теофанъ и Панселмій. Въ Аптіохіи, въ IV вѣкѣ, явился человекъ, на которомъ христіанская вѣра воочію показала свое могущественное правдивое дѣйствіе. Сынъ богатаго язычника, выросшій въ языческой вѣрѣ и женившійся на молодой язычницѣ, не только сдѣлался христіаниномъ и великимъ подвижникомъ, но еще принялъ на себя высокій, по трудный подвигъ спасенія блудницы-язычницы, подвигъ, который въ бѣльшемъ размѣрѣ бралъ на себя два вѣка спустя подвижникъ палестинской Серпдовой обители—Виталій. Это—преп. Теофанъ.

Теофанъ родился и росъ въ богатомъ языческомъ домѣ. Рано родители женили его; но не долго наслаждался онъ счастьемъ семейной жизни: на третьемъ году супружества жена его умираетъ. Теофанъ, наблюдательный отъ природы, съ вниманіемъ относился къ событіямъ своей жизни и къ

г) Четь-Мин. окт. 9.—Церк. ист. Теодорита кн. 3, гл. 19.

обстоятельствамъ жизни окружающей. Ранняя смерть молодой жены послужила для него поводомъ и возбужденіемъ къ размышленію о себѣ и другихъ, о своей вѣрѣ, о другихъ вѣрахъ; это повело его къ сравненію вѣры языческой съ христіанскою; отъ вѣры онъ перешелъ къ религиозно-нравственной жизни язычниковъ и христіанъ; у него открылись умственные очи: онъ узрѣлъ въ христіанствѣ истину,—и, не посмотрѣвъ на родителей и родныхъ, которые оставались въ язычествѣ, увѣровалъ въ Христа и принялъ св. крещеніе. Жизнь сталъ проводить новый вѣрующій вполне христіанскую, строго исполняя заповѣди Христовы и уставы св. Его Церкви. Привлекали его къ себѣ особенно подвижники, въ тишинѣ уединенія все время, всѣ думы и заботы и труды посвящавшіе своему нравственному очищенію и усовершенію, стремившіеся служить и благоугождать Богу. И вотъ Теофанъ рѣшается на подвижничество Бога ради: онъ оставляетъ домъ, родныхъ, общество, строитъ за городомъ небольшую хижину и со всѣмъ рвеніемъ сердца, возлюбившаго Господа Бога, предается подвигамъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Добродѣтель невольно влечетъ къ себѣ всякую душу, по природѣ жаждущую добра. Имя новаго подвижника огласилось въ городѣ; скоро узнали его убогую хижину и стали приходить къ нему для духовной бесѣды люди, ревнующіе о доброй жизни; подвижникъ бесѣдовалъ со всѣми о суетѣ житейской, о многомятежии мірскомъ, о единомъ на потребу—благоугожденіи Богу и спасеніи души; училъ путемъ добродѣтели, но особенно внушалъ и увѣщевалъ всѣхъ строго исполнять седьмую заповѣдь, вести жизнь нравственную, чистую, цѣломудренную.

Ощущая сладость святой, богоугодной жизни, Теофанъ возмущался духомъ при мысли о родномъ городѣ, при мысли о томъ, какъ много тамъ нравственнаго безобразія, грѣховныхъ мерзостей, отвратительныхъ пороковъ; скорбѣлъ онъ особенно о падшихъ женщинахъ, которыя уловляли другихъ въ сѣти чувственныхъ прелестей, и погубляли ихъ. Скорбѣлъ объ этомъ подвижникъ глубокою скорбію; и вотъ въ его сердцѣ заро-

дилось святое желаніе извлечь изъ тины грѣховной и спасти хоть одну падшую душу. Услышалъ Теофанъ, что въ городѣ есть блудница-язычница, по имени *Пансемнія*; она славится красотою и привлекаетъ къ себѣ мушницъ, жаждавшихъ чувственныхъ наслажденій; у нея—притонъ особенно легкомысленной молодежи. Жалость къ несчастной Пансемніи пронзила сердце подвижника, и онъ твердо положилъ себѣ спасти ее, обратить блудницу съ пути погибельнаго на путь добра и честной жизни. Скоро придумалъ онъ и планъ для исполненія этого спасительнаго дѣла. Но ясно видѣлъ онъ всю трудность задуманнаго предпріятія, и потому долго и горячо молился: онъ просилъ Бога или благословить его намѣреніе, или удержать при самомъ началѣ дѣла. Предавъ себя и свое дѣло волѣ Божіей, подвижникъ оставляетъ келлію и идетъ въ городъ. По плану, придуманному Теофаномъ для успѣшнаго исполненія дѣла, ему нужно было имѣть богатую одежду и изрядное количество денегъ. И вотъ онъ является къ своему отцу, объявляетъ, что перемѣняетъ родъ и образъ жизни, хочетъ жениться, и проситъ дать ему нарядную одежду и 10 фунтовъ золота. Отецъ, язычникъ, радъ былъ такой перемѣнѣ въ жизни сына, и охотно далъ ему все, что тотъ просилъ. Въ богатомъ нарядѣ, съ большою суммою золота, явился Теофанъ къ Пансемніи, какъ одинъ изъ поклонниковъ ея красоты, и сразу же ей понравился. Начался разговоръ. Между прочимъ Теофанъ спросилъ Пансемнію, давно ли она такъ живетъ, какъ живетъ теперь. Двѣнадцать уже лѣтъ, отвѣчала Пансемнія. Теофанъ произвелъ на нее пріятное впечатлѣніе: она успѣшила высказаться объ этомъ, призналась, что изъ всѣхъ мушницъ, какіе бывали у нея, ни одинъ ей такъ не нравился, какъ Теофанъ, и она готова полюбить его. Теофанъ этого и ждалъ. «Хорошо, сказалъ онъ, выслушавъ признаніе Пансемніи:—я готовъ сблизиться съ тобою; но подь условіемъ...»—Подь какимъ? прервала его Пансемнія.—«Чтобы сближеніе наше было чистое, честное, нравственное, а не было бы распутствомъ». При этомъ, вынувъ деньги и показывая Пансемніи, Теофанъ сказалъ: «вотъ здѣсь

10 фунтовъ; все это количество золота отдамъ тебѣ, если только дашь мнѣ честное слово сохранять супружескую вѣрность». Хотя Пансемнія была язычница и глубоко падшая женщина, понимала однакоже, что она постыднымъ занимается дѣломъ и принадлежитъ къ числу презрѣнныхъ женщинъ, и что прекрасный теперь представляется ей случай выйти изъ этого положенія и возвратить себѣ честное имя. Подумавъ немного, она дала честное слово Теофану, что на все согласна. Оставивъ Пансемнію, Теофанъ съ радостію возвратился въ свою келлію: начало къ спасенію погибшей души сдѣлано, и начало, обѣщающее успѣхъ. Въ глубокомъ смрненіи палъ онъ на колѣна предъ образомъ Спасителя и со слезами молилъ Господа благословить начавшееся благое дѣло полнымъ успѣхомъ. Тотчасъ же Теофанъ принялся близъ своей келліи строить другую келлію. Когда келлія была готова, онъ снова явился къ Пансемніи и сказалъ, что пришелъ покончить съ нею дѣло. При этомъ Теофанъ объявилъ ей, что если она рѣшилась раздѣлять съ нимъ путь жизни, то должна сдѣлаться христіанкою, такъ какъ онъ самъ христіанинъ. Объявленіе это, высказанное рѣшительно и твердо, смутило и разстроило Пансемнію: она было поколебалась и не хотѣла исполнять даннаго ею слова. Когда же увидѣла, что Теофанъ настойчивъ и непоколебимъ въ своемъ требованіи, то наконецъ согласилась и христіанскую вѣру принять. Пансемнію стали готовить къ таинству св. крещенія: преподали ей основныя истины христіанской вѣры, раскрыли и уяснили особенно ученіе о Сынѣ Божіемъ, что Онъ сходилъ съ неба на землю, воплотился, жилъ среди людей, научилъ ихъ истинному боговѣдѣнію и чистымъ правиламъ жизни, пострадалъ и умеръ на крестѣ, воскресъ и вознесся на небо; объяснили еще, какъ Богъ чистѣйшій и святой не терпитъ грѣха и беззаконій, и какъ безмѣрно велика любовь Божія къ грѣшникамъ кающимся. Во все время приготовленія Пансемніи къ св. таинству, Теофанъ со слезами молился о ней Богу. Когда совершенно было надъ Пансемніей таинство крещенія и вышла она изъ купели,

благодать Божія произвела въ ея душѣ чудную перемѣну: она воспламенилась горячею любовію къ Христу Спасителю и рѣшилась оставить все на свѣтѣ и жить съ этого времени для Него, стараясь очистить свою душу и содѣлать ее достойною Его, Владыки неба и земли. Когда она объявила объ этомъ Теофану, подвижникъ сказалъ, что и уединенное жилище для нея готово и находится вблизи его келліи. Пансемніа поспѣшила покончить расчеты съ міромъ: отпустила на волю невольниковъ, бывшихъ у нея, раздала все свое имѣніе, нажитое распутствомъ, нищимъ, и затѣмъ съ радостію душевною поселилась въ построенной для нея Теофаномъ келліи. Со слезами благодарилъ Бога подвижникъ, благодарилъ, что Онъ помогъ ему, грѣшному рабу своему, извлечь изъ глубины грѣховной человѣческую душу, созданную по Его образу и подобію и ввести ее въ св. свою Церковь, и еще съ большею ревностію сталъ продолжать подвиги молитвы, поста, терпѣнія и всяческаго злостраданія.

Со всѣмъ жаромъ души, возлюбившей Господа, ощутившей Его безконечную благодать и любовь къ своимъ разумнымъ богоподобнымъ созданіямъ, Пансемніа предалась подвигамъ, затворившись въ келліи. Строгій постъ и воздержаніе, усипенная молитва, ночныя и дневныя колѣнопреклоненія, глубокія сердечныя воздыханія, слезы сокрушенія и сожалѣнія о времени грѣховной тьмы, въ коей она такъ долго находилась, времени невѣдѣнія истиннаго Бога, слезы благодарности и любви къ Господу, призвавшему ее въ свое царство, все это смѣнялось одно другимъ. Должна было начаться у подвижницы борьба съ нажитыми худыми наклонностями и привычками; борьба эта и началась и была для нея весьма трудна и тяжела. Но горячая любовь къ Господу Спасителю, постъ, молитва и другія духовныя упражненія, собственныя, хотя и немощныя, усилія изгладить изъ души раздражающіе образы міра и его грѣховныхъ прелестей и замѣнить ихъ тихими и свѣтлыми образами неба, рая, дивныхъ событій земной жизни Сына Божія, внѣдрить въ сердцѣ особенно образъ Господа Спасителя распятаго и висѣщаго на крестѣ между

двумя разбойниками, представленіе гвоздей и язвъ отъ нихъ на тѣлѣ Божественнаго Страдальца; благодать явившаяся на помощь къ ея немощнымъ усиліямъ — помогли подвижницѣ вести эту борьбу успѣшно: въ два года душа ея измѣнилась; она благонастроилась, украсилась чистыми помыслами и представленіями, святыми чувствами, непорочными желаніями, сердечными порывами ко всему нравственно-доброму. Призрѣлъ Господь на рабу свою и сподобилъ ее благодатныхъ даровъ: въ ней открылся даръ чудесъ и исцѣленій.

Два года только и стояли за городомъ двѣ кельи, въ коихъ трудились и подвизались о Господѣ Теофанъ и Пансемнія. Теофанъ давно уже былъ близокъ и угоденъ Господу. И Пансемнія, несмотря на короткій срокъ своего подвижничества, благоугодила Богу, достигла нравственной чистоты и святости и содѣлалась способною къ небесной жизни. Господь и воззвалъ рабовъ своихъ къ себѣ: въ одинъ и тотъ же день оба они отошли въ другую жизнь, въ мирѣ преславъ святыхъ души свои въ руки Божіи.

Въ русской церкви совершается память одного преп. Теофана 10 іюня, въ греческой же церкви обоихъ—и Теофана и Пансемніи 2 іюня ^{д)}.

Флавіанъ архіепископъ. Флавіанъ, первый этого имени въ ряду архіепископовъ антиохійскихъ, жилъ въ IV вѣкѣ; общественная дѣятельность его происходила во второй половинѣ этого, вѣка, въ бурное время аріанскихъ волненій при императорѣ Валентѣ и въ царствованіе Θεодосія Великаго. Онъ родился въ Антиохіи; здѣсь же получилъ образованіе и провелъ всю послѣдующую жизнь на поприщѣ служенія Антиохійской Церкви сначала въ клирѣ, а потомъ въ санѣ ея предстоятеля. На архіепископскую кафедру Флавіанъ былъ возведенъ послѣ св. Мелетія и занималъ ее двадцать три года (381—404). Современниками его были св. Іоаннъ Злато-

д) Мѣсяцесл. прот. Вершин. 10 іюня. Прологъ 10 іюня. „Св. подвижницы Восточной церкви“, арх. Черниг. Филарета, стр. 180—183; и примѣчаніе 3.

устъ и славившійся необыкновенною ученостію и знаніемъ свящ. писанія Діодоръ, бывшій въ послѣдствіи епископомъ Тарскимъ. По внутреннему влеченію къ благочестію Флавіанъ уже въ молодыхъ годахъ избралъ путь подвижничества и сталъ вести строгую аскетическую жизнь, не уходя въ монастырское уединеніе, но оставаясь въ обществѣ. Подвижничества онъ не оставлялъ, поступивъ въ клиръ и на самой первосвятительской кафедрѣ, когда онъ долженъ былъ по дѣламъ Церкви входить въ разнообразныя сношенія съ людьми и принять на себя многоразличныя заботы по управленію обширною епархіею. Черты его подвижничества не сохранились въ исторіи; исторія говоритъ только о его служеніи Церкви и въ этомъ случаѣ выставляетъ на видъ особенности церковно-общественной его дѣятельности. Представимъ нѣкоторыя черты церковно-общественнаго служенія Флавіана.

Въ царствованіе императора Валента, зараженнаго арианскою ересью, архіепископскій престолъ Антиохійской Церкви занималъ арианинъ Леонтій. Этотъ недостойный архипастырь покровительствовалъ послѣдователямъ еретика Арія, удостоивая ихъ священства. Онъ возвелъ въ степень діакона Аэція, учителя еретика Евномія, чѣмъ особенно сильно оскорбились православные антиохійцы. Флавіанъ вмѣстѣ съ Діодоромъ безбоязненно обличалъ архіепископа въ несправедливомъ образѣ дѣйствій и грозилъ, что отставеть отъ церковнаго съ нимъ общенія, отправится на западъ и объявить о предосудительныхъ его поступкахъ. Убоялся этого Леонтій и запретилъ Аэцію священнодѣйствовать.

Находясь еще въ числѣ мірянъ, Флавіанъ и Діодоръ ревновали о благолѣпнн и торжественности богослуженія и старались возбудить духъ благочестія въ сердцахъ христіанъ. Они ввели антифонное пѣніе, то-есть стали дѣлать поющихъ на два хора и научили пѣть Давидовы псалмы попеременно — то однимъ хоромъ, то другимъ. Этотъ обычай, говоритъ Осодоритъ Кирскій, сперва принятъ былъ въ Антиохіи, а потомъ распространился повсюду и сдѣлался общимъ во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Сами благочестивые,

Флавіанъ и Діодоръ собирали къ гробамъ мучениковъ людей ревновавшихъ о славъ Божіей и вмѣстѣ съ ними проводили въ бдѣніи всю ночь, восхваляя Бога.

По случаю сбора податей возмущился въ Антиохіи народъ ниспровергъ статуи императора Θεодосія Великаго и его супруги и, привязавъ къ нимъ веревку, влачилъ ихъ по городу, при чемъ произносилъ оскорбительныя для царскаго величества выраженія. Страшно раздраженъ былъ такимъ поступкомъ жителей Антиохіи императоръ: въ гнѣвѣ своемъ онъ положилъ наказатъ ихъ, а главныхъ виновниковъ мятежа предать смерти. Опомнился народъ, услышавъ о гнѣвѣ царя, раскаялся въ своемъ поступкѣ, плакалъ, стоналъ и молилъ Бога смягчить гнѣвъ императора. Представивъ себѣ страшныя бѣдствія готовыя обрушиться на несчастный городъ, граждане пришли въ крайнее уныніе. Въ это время два мужа возбудили упавшій духъ гражданъ: это св. Іоаннъ Златоустъ, тогда еще пресвитеръ Антиохійской церкви, произнесшій рядъ сильныхъ бесѣдъ къ антиохійскому народу и архіепископъ Флавіанъ, отправившійся въ Константинополь ходатайствовать предъ императоромъ о пощадѣ мятежныхъ, но раскаявшихся жителей Антиохіи. Гнѣвенъ былъ императоръ, когда предсталъ предъ нимъ Антиохійскій архіепископъ; но видъ смиреннаго и благочестиваго святителя, его трогательный рассказъ о раскаяніи гражданъ, особенно умиленные пѣсни, которыя, по распоряженію Флавіана, пропѣли за царскимъ столомъ юноши, тѣ пѣсни, кои жалобно воспѣвали при общенародныхъ моленіяхъ антиохійцы,—все это подѣйствовало на благочестиваго Θεодосія: онъ преклонился на милость, говоритъ церковный историкъ, отложилъ гнѣвъ, примирился съ народомъ и омочилъ слезами чашу, которую держалъ тогда въ рукахъ. Съ радостью возвратился къ своему стаду архипастырь, и обрадованные граждане прославили милость императора и воспѣли Богу благодарственный гимнъ е).

е) Ист. Церк. Θεодорита, кн. 2, гл. 24. — Церк. Ист. Созомена, кн. 7, гл. 23.

Александръ архіепископъ. Александръ занималъ кафедру Антіохійской церкви отъ 413 по 421 годъ. Онъ былъ необыкновенно кротокъ и сострадательнъ; милосердіе и снисходительность его не знали границъ. Одинъ изъ домашнихъ секретарей укралъ у патріарха нѣсколько золотыхъ монетъ и бѣжалъ въ Оиваиду Египетскую. Святитель не помнилъ зла, причиненнаго ему секретаремъ; напротивъ, когда узналъ, что секретарь на дорогѣ заблудился и попалъ въ руки разбойниковъ, выкупилъ его изъ плѣна, заплативъ за выкупъ 85 золотыхъ монетъ, и попрежнему былъ къ нему ласковъ. Всѣ удивлялись такому поступку архипастыря, а одинъ изъ гражданъ говорилъ: «кажется, никакой проступокъ не можетъ побѣдить доброту Александра». Во время богослуженія діакопъ, недовольный за что-то архіепископомъ, предъ всѣми сталъ укорять его. Святитель поклонился ему и сказалъ: «прости меня ж), господинъ братъ».

Ееодотъ архіепископъ. Ееодотъ управлялъ Антіохійскою Церковію послѣ блаженнаго Александра и по нравственнымъ качествамъ былъ ему подобенъ: вель такую же подвижническую жизнь, такъ же былъ необыкновенно кротокъ и снисходителенъ. По отзыву блаж. Ееодорита, Ееодотъ—это жемчужина смиренномудрія, мужъ отличавшійся кротостію и украшавшійся строгостію жизни. Въ Лимонарѣ записано нѣсколько случаевъ, свидѣтельствующихъ объ этихъ высокихъ качествахъ его души.

У бл. Ееодота былъ благочестивый обычай—приглашать къ себѣ въ праздники на трапезу всѣхъ духовныхъ лицъ, совершавшихъ съ нимъ божественную службу. Разъ одинъ изъ духовныхъ, приглашенный самимъ архіепископомъ, не явился къ нему послѣ богослуженія. Святитель нисколько за это не сердился на него и, встрѣчаясь съ нимъ, ни слова ему о томъ не говорилъ. Въ слѣдующій праздникъ по окон-

ж) Лугъ Дух. гл. 34.

чаніи богослуженія, святитель самъ отправился къ нему и лично просилъ его раздѣлить со всѣми праздничную трапезу. Въ одно время архіепископъ отправился съ клирикомъ въ путь: клирикъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ, а архіепископъ сидѣлъ въ коляскѣ. Смиранный святитель сказалъ клирику: перемѣнимся съ тобой мѣстами: половину дороги ты будешь ѣхать на ослѣ, а я въ коляскѣ, другую же половину я на ослѣ, а ты въ коляскѣ.» Ни за что не хотѣлъ согласиться на предложеніе патріарха клирикъ: «срамъ, говорилъ онъ, ѣхать архіепископу верхомъ на ослѣ, а мнѣ сидѣть въ коляскѣ». Архіепископъ однакоже убѣдилъ клирика поступить такъ, какъ онъ хотѣлъ: «никакого стыда и безчестія мнѣ въ этомъ нѣтъ», говорилъ приснопамятный Божій святитель ж).

Св. Ефремъ, патріархъ. Св. Ефремъ пасть антиохійскую Церковь въ первой половинѣ VI вѣка (527—545 г.). Онъ возведенъ на патріаршій престолъ прямо изъ мірянъ въ то время, когда отправлялъ должность правителя восточныхъ странъ. Живя въ мірѣ и занимая высокій постъ, бл. Ефремъ вель богоугодную жизнь: молитва, постъ и особенно дѣла благотворительности составляли его постоянныя занятія. Онъ былъ великій поборникъ православной вѣры и свое служеніе Христовой Церкви ознаменовалъ неутомимою ревностію о возвращеніи въ ея нѣдра еретиковъ.

Избраніе св. Ефрема на патріаршій престолъ славной антиохійской Церкви произошло по особенному Божію промышленію; о немъ было открыто нѣкому епископу, Бога ради оставившему епископство и сдѣлавшемуся работникомъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: Антиохію постигъ гнѣвъ Божій,—она была разрушена страшнымъ землетрясеніемъ; удѣлвшія зданія истребилъ появившійся вслѣдъ затѣмъ пожаръ; много погубило при этомъ народа; городъ былъ въ неописанно-бѣдственномъ положеніи. Возстановить разрушенный городъ

ж) Церк. ист. Феодорита кн. 5, гл. 38.—Луг. дух. гл. 33.

было поручено правителю Востока Ефрему. Онъ и явился ангеломъ-утѣшителемъ для несчастныхъ гражданъ, всячески помогая имъ и облегчая ихъ горькую участь. Однажды Ефремъ видѣлъ сонъ, будто надъ однимъ спящимъ поденщикомъ, который изъ всѣхъ работниковъ при постройкѣ общественныхъ зданій обращалъ на себя его вниманіе своею разодранною одеждою, исхудалымъ лицомъ и усердною работою, поднимается до самаго неба огненный столбъ. Сонъ повторился нѣсколько разъ. Удивленный этимъ сновидѣніемъ, бл. Ефремъ обратился къ дивному работнику и спрашивалъ его, кто онъ, изъ какого города и какъ ему имя. Тотъ отвѣчалъ: «я—бѣдный житель Антиохіи; не имѣя чѣмъ жить и кормиться, нанимаюсь въ поденщики, беру плату и Богъ питаетъ меня». Не вѣря словамъ его, Ефремъ побуждалъ его открыть себя: «вѣрь мнѣ, сказалъ правитель, — не отпущу тебя, пока не откроешь мнѣ всей правды». Мнимый работникъ, не имѣя возможности долѣе скрываться, сказалъ: «дай мнѣ слово, что никому не повѣдаешь, что я открою, пока буду живъ». Ефремъ поклялся. Тогда старецъ сказалъ: «я былъ епископъ, ради Господа оставилъ епископство и прибылъ сюда, въ незнакомую страну, гдѣ работаю и отъ труда своего добываю себѣ насущное пропитаніе. Имени же своего и города, гдѣ былъ я епископомъ, не открою. Ты же продолжай Господа ради свои милостыни. Богъ въ эти дни возведетъ тебя на апостольскій престолъ Божія града Антиохіи, чтобы тебѣ пасти людей сихъ, коихъ стяжалъ своею честною кровію Христосъ, истинный Богъ нашъ. Какъ я сказалъ, ты продолжай милостыни и блюди правую вѣру: такія жертвы угодны Господу». Услышавъ это, бл. Ефремъ удивился, прославилъ Бога и сказалъ: «сколько Господь имѣетъ сокровенныхъ рабовъ, ихже Самъ единъ вѣсть!». Предсказаніе епископа сбылось во всей точности: по кончинѣ патріарха Евсевія, не перенесшаго страшнаго бѣдствія, которое постигло Антиохію, Ефремъ благодарными жителями былъ поставленъ въ патріархи.

Сдѣлавшись патріархомъ, св. Ефремъ свято соблюдалъ за-вѣтъ епископа-работника—блюсти правую вѣру. Сказали бл. патріарху, что одинъ столпникъ въ окрестностяхъ Іераполя держится Севировой ереси. Святитель самъ отправился въ Іераполь, отыскалъ столпника и убѣждалъ его оставить Севирово злочестіе и возвратиться въ лоно соборной и апостольской Церкви. Столпникъ не слушалъ увѣщаній патріарха: «не вступлю въ общеніе съ соборомъ (Халкидонскимъ) и вами», отвѣчалъ онъ на слова св. Ефрема. Ревнуя о православной вѣрѣ и спасеніи брата, святитель снова обратился къ столпнику: «чѣмъ и какъ хочешь убѣдить тебя, что соборная и апостольская Церковь чиста отъ зловѣрія еретиковъ?» Столпникъ, желая устрашить патріарха, предложилъ ему испытаніе: «разведемъ большой огонь и войдемъ въ него оба—ты и я, и кто изъ него выйдетъ невредимымъ, того вѣра правая, и тому должно послѣдовать». Патріархъ отвѣчалъ ему: «тебѣ слѣдовало слушать меня, какъ отца, а не требовать ничего выше силы нашей. Но хотя ты требуешь отъ меня вещи превышающей мое окаянство, я, однакоже, уповаю на силу и щедроты Сына Божія, надѣюсь, что ради спасенія души твоей и это сотворю». Тогда божественный Ефремъ сказалъ предстоящимъ: «благословенъ Господь! принесите сюда дровъ». Предъ столпомъ явился большой огонь. Патріархъ говоритъ столпнику: «по твоему разсужденію войдемъ оба въ огонь». Удивился столпникъ твердой вѣрѣ и крѣпкому упованію на Бога патріарха и уже не захотѣлъ подвергаться опасности вступать въ огонь. «Не самъ ли ты предложилъ это, и теперь не хочешь такъ поступать?» сказала патріархъ. Тогда святитель Божій, снявъ съ себя омофоръ и подошедъ къ огню, произнесъ молитву къ Богу: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, насъ ради изволивый воистину воплотиться отъ Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи! Самъ покажи намъ истину»; послѣ чего бросилъ омофоръ въ самую средину огня. Три часа пролежалъ омофоръ въ пламени: дрова всѣ сгорѣли, но омофоръ остался цѣль и невредимъ. Убѣжденный такимъ явнымъ знаменіемъ, столпникъ проклиая Се-

вира и его злочестіе, соединился съ соборною и апостольскою Церковію, принялъ изъ рукъ патріарха св. тайны и прославилъ Бога.

Память св. Ефрема совершается 8 іюня ³⁾.

Окрестные монастыри.

Въ окрестностяхъ Антіохіи находилось весьма много монастырей. Какъ звѣзды, окружили Божій градъ иноческія обители, разсѣянные по горамъ и долинамъ; онѣ красовались и многолюдствомъ братіи, и прекраснымъ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ, и славою своихъ основателей, и высокою подвиговъ своихъ насельниковъ. Между ними особенно славны: *Нагорный* монастырь, въ коемъ полагалъ начало своей подвижнической жизни св. Іоаннъ Златоустъ, *Аманскіе* монастыри, *Гигантъ*, *Маратонъ*, *Гиндаръ*, *Мандра* и *Дивногорскій*. О Нагорномъ монастырѣ и Гигантѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній въ лѣтописяхъ сирійскихъ подвижниковъ; о прочихъ же имѣются свѣдѣнія, хотя и скудныя.

Аманскіе монастыри.

Къ сѣверу отъ Антіохіи непосредственно начинается горный хребетъ Аманъ, по направленію къ Тавру, чѣмъ далѣе, тѣмъ выше и выше поднимающійся. У одной изъ небольшихъ горъ этого хребта расположены были двѣ иноческія обители: это монастыри *Аманскіе*. Одинъ лежалъ у подошвы горы, другой на ея вершинѣ. Въ свое время Аманскія обители находились въ цвѣтущемъ состояніи; но, кромѣ самого основателя ихъ, преп. Симеона Ветхаго, имена другихъ высокихъ подвижниковъ, въ нихъ жившихъ и спасавшихся, неизвѣстны.

Симеонъ Ветхій. Преп. Симеонъ Ветхій или Древній процвѣталъ во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х. Онъ подви-

3) Четь-Мин. 8 іюня.—Лугъ Дух. гл. 36. 37.

зался сначала въ пещерѣ въ окрестностяхъ Антиохіи и жилъ въ совершенномъ уединеніи, въ продолженіи многихъ лѣтъ не видя никого изъ людей. Строгій постъ, непрерывная молитва, внутреннее самоуглубленіе и богомысліе — вотъ что было постояннымъ его занятіемъ. Пищею служили ему травы, въ обилии произраставшія вокругъ пещеры; изъ нихъ отшельникъ самъ приготовлялъ себѣ пищу. Такими подвигами преп. Симеонъ достигъ высокой степени нравственнаго совершенства и сподобился отъ Бога благодатныхъ даровъ. Ему повиновались и служили дикіе звѣри. Случай однакоже открылъ людямъ великаго подвижника. Сбились однажды съ дороги евреи, направлявшіеся къ пограничной крѣпости. Блуждая по пустымъ мѣстамъ, они попали на пещеру, въ которой подвизался Симеонъ, и вошли въ нее. Удивились путники, увидѣвъ въ пещерѣ человѣка худо одѣтаго и по внѣшнему виду неопрятнаго, съ козьею шкурою на плечахъ; еще болѣе удивились они, когда этотъ человѣкъ ласково привѣтствовалъ ихъ, предложилъ отдохнуть и обѣщавъ дать имъ проводниковъ, чтобы вывести ихъ на дорогу. Вдругъ явились въ пещеру два льва: не свирѣпо смотрѣли они, напротивъ ласкались къ подвижнику, какъ бы къ своему господину и выражали ему полную покорность. Мановеніемъ руки дивный подвижникъ приказалъ лвамъ проводить странниковъ и вывести ихъ на дорогу, съ которой они сбились. Неразумные звѣри въ точности исполнили приказаніе блаженнаго старца. Далеко разнеслась молва о великомъ подвижникѣ, и къ нему стали стекаться не только христіане, но и невѣрующіе: всѣ желали видѣть необыкновеннаго человѣка. Нарушилось безмолвіе отшельника, которымъ онъ столь долго пользовался, и онъ оставилъ пещеру и переселился на одну изъ горъ Аманскаго хребта, думая найти въ новомъ пустынномъ мѣстѣ полное уединеніе. Но и здѣсь онъ не нашелъ покоя: имя его огласилось далеко по окрестности, и къ нему со всѣхъ сторонъ устремились жаждущіе духовной помощи, нуждающіеся и въ помощи тѣлесной. И сталъ проявлять рабъ Христовъ разнообразные дары благодати, въ немъ обитавшей; и потекли

чрезъ него на людей токи божественной силы. Такъ во время жатвы одинъ поселянинъ, не довольствуясь собственнымъ достояніемъ, похитилъ часть сжатого уже хлѣба съ чужаго поля и свезъ на свое гумно. Но Господь обличилъ его въ кражѣ. Нашла гроза, ниспала на гумно молнія и зажгла его. Жадный хозяинъ бросился къ человѣку Божію, жившему недалеко отъ селенія, гдѣ случилось это событіе, и, рассказавъ ему о своемъ несчастіи, просилъ его молитвъ. Прозорливый старецъ, расположивъ несчастнаго сознаться въ кражѣ, сказалъ ему, что несчастіе послано ему Богомъ въ наказаніе и что праведное Божіе наказаніе будетъ отвращено, если онъ тотчасъ же возвратитъ похищенный хлѣбъ законному его владѣльцу. Въ страхъ побѣжалъ несчастный домой и, какъ только возвратилъ все украденное обиженному, огонь самъ собою сталъ ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ прекратился. Такъ была дѣйствительна молитва преп. Симеона.

Любовь къ уединенію и ревность о высшихъ духовныхъ подвигахъ побудили великаго отшельника удалиться на Синайскую гору. Предавшись водительство Промысла, пекущагося особенно о рабахъ своихъ, въ сопровожденіи другихъ любителей безмолвія и аскетическихъ трудовъ, старецъ отправился, не страшась труднаго и утомительнаго пути. Уже дошли благочестивые путники до Мертваго моря и были въ Содомской пустынѣ, какъ случилось событіе, которое еще болѣе воспламенило ревность ихъ о благоугожденіи Богу: они увидѣли въ одной пещерѣ сокровеннаго раба Божія, коему служилъ левъ. Умилительный рассказъ объ этомъ, находящійся въ Исторіи боголюбцевъ Θεодорита Кирскаго, приводимъ подлинными словами блаженнаго писателя. «Когда они (преп. Симеонъ и его спутники), совершая путь уже много дней, дошли до Содомской путыни, то увидѣли вдали, на низменномъ мѣстѣ, руки человѣка, простертыя въ высоту. Сначала они почли это за обольщеніе злаго духа; но когда и послѣ продолжительныхъ молитвъ своихъ видѣли тоже самое, то подошли къ тому мѣсту и усмотрѣли небольшую пещеру, подобную тѣмъ, какія обыкновенно вырываютъ лисицы, устраи-

вающія для себя убѣжище, но въ ней не дремѣтели никого, потому что тотъ, кто простираль руки, услышавъ шорохъ шаговъ, скрылся внутрь пещеры. Старець, смотря туда очень долго, усердно просилъ, чтобы тотъ вышелъ и показалъ, человѣкъ ли онъ, или какой-нибудь демонъ-обольститель, притворяющійся такимъ образомъ. «И мы, говорилъ старецъ,— проводя пустынную жизнь и любя тишину, блуждаемъ по этой пустынѣ и желаемъ поклониться Богу всяческихъ на горѣ Синаѣ (на которой Онъ самъ, явившись рабу Моисею, далъ скрижали закона, не потому будто мы думаемъ, что Богъ ограниченъ мѣстомъ, ибо мы слышимъ собственныя слова Его: не наполняю ли Я небо и землю, сказалъ Господь (Перем. 23, 24),— но потому что для пламенѣющихъ любовію любезны не только сами любимцы ихъ, но пріятны и тѣ мѣста, гдѣ любимцы ихъ бывали и бесѣдовали». Когда старецъ говорилъ это, человѣкъ, скрывавшійся въ глубинѣ пещеры, показался: онъ имѣлъ взглядъ суровый, волосы нечесанные, лице сморщенное, всѣ члены тѣла изможденные, одѣтъ былъ въ бѣдное рубище, сшитое изъ пальмовыхъ листьевъ. Привѣтствовавъ ихъ и пожелавъ мира, онъ спросилъ: кто они, откуда пришли и куда идутъ? Они, отвѣтивъ на эти вопросы, въ свою очередь спросили: откуда онъ пришелъ сюда, и для чего избралъ такую жизнь? Онъ сказалъ: «я имѣлъ такое же желаніе, съ-какимъ вы теперь путешествуете, и былъ у меня соучастникъ въ этомъ предпріятіи — одинъ другъ и единомысленникъ, стремившійся къ одной со мною цѣли. Мы условились съ нимъ не разрывать связи даже до смерти. Но поелику во время путешествія ему суждено было здѣсь кончить жизнь; то я, будучи связанъ клятвою, выкопалъ здѣсь, какъ могъ, могилу и, предавъ тѣло его погребенію, подлѣ его тѣла вырылъ другую могилу для себя, и вотъ теперь ожидаю здѣсь конца своей жизни и приношу Господу молитву о своемъ другѣ. Пищею я имѣю финиковыя плоды, которые мнѣ, по распоряженію моего Попечителя, приносятъ одинъ братъ». Когда онъ говорилъ это, вдали показался левъ. Спутники старца обомлѣли отъ страха, но житель пещеры,

замѣтивъ это, всталъ и далъ знакъ льву, чтобы онъ шелъ въ другую сторону; левъ повиновался и пошелъ, и тотчасъ принесъ вѣтвь финиковъ, потомъ опять, по его повелѣнію, ушелъ и легши вдали отъ тѣхъ мужей, заснулъ. Раздѣливши финики и совершивъ вмѣстѣ съ странниками молитву и псалмопѣніе, по окончаніи молитвословія, житель пещеры отпустилъ ихъ, изумленныхъ необычайнымъ зрѣлищемъ».

«Наконецъ благочестивые путники достигли Св. горы. Симеонъ одинъ взошелъ на верхъ богошественнаго Синая и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моисей удостоился видѣть Бога, въ порывѣ священной ревности, въ восторгѣ чувствъ, преклонилъ колѣна и цѣлую недѣлю пробылъ въ молитвенномъ бдѣніи и духовномъ созерцаніи. Въ глубинѣ духа своего дивный старецъ получилъ извѣщеніе, что угодна Господу его молитва и Господь благоволитъ къ рабу своему. Оставаясь цѣлую недѣлю безъ пищи, старецъ почувствовалъ утомленіе: и вотъ онъ видитъ три яблока и слышитъ божественный голосъ, повелѣвающій ему взять и вкусить безъ всякаго сомнѣнія предлагаемое. Принявъ Божій даръ и вкусивъ его, старецъ совершенно укрѣпился въ силахъ и поклонившись еще разъ на священной горѣ Богу силъ, радостный и веселый сошелъ съ горы къ своимъ спутникамъ».

Но не было воли Божіей на то, чтобы и преп. Симеонъ остался на горѣ Синайской: онъ долженъ былъ послужить спасенію другихъ въ прежнемъ мѣстѣ своихъ подвиговъ. И вотъ онъ оставилъ священную гору и съ спутниками своими возвратился на Аманъ. Скоро разнесся повсюду слухъ о возвращеніи великаго подвижника, и къ нему стали приходять всякаго званія и возраста лица, чтобы жить и подвизаться подъ его руководствомъ. Старецъ принималъ всѣхъ,—и скоро явились двѣ обители подвижниковъ благочестія: одна — на вершинѣ горы, другая—внизу при ея подошвѣ. Преп. Симеонъ самъ былъ учителемъ и руководителемъ иноковъ: предупреждалъ ихъ о нападеніяхъ и козняхъ врага нашего спасенія, ободрялъ и укрѣплялъ въ подвигахъ благоволеніемъ небснаго Подвигоположника, возбуждалъ къ внутреннему вни-

манію и самоуглубленію, располагалъ ихъ обнаруживать кротость и снисходительность къ ближнимъ, великодушіе къ врагамъ. Аманскія обители процвѣли и по кончинѣ бл. Симеона долго служили для безчисленнаго множества душъ мѣстомъ нравственнаго преуспѣянія и спасенія.

Преп. Симеонъ скончался около 390 года. Память его совершается 26 января ^{н)}.

Киновія Маратонъ.

Киновія *Маратонъ* находилась въ окрестностяхъ Антиохіи близъ селенія Маратонъ и расположена была въ долину близъ Оронта. Основанная преп. Θεодосіемъ Антиохійскимъ, она славилась своимъ внутреннимъ устройствомъ и была первою общежительною обителію въ Сиріи. Иноки съ подвигами духовными соединяли и тѣлесные труды: одни обрабатывали землю и собирали созрѣвшій хлѣбъ, другіе разводили огородные овощи или воздѣлывали садъ, плели корзины и опала, иные ткали власяницы, а нѣкоторые продавали лишнія произведенія. Бл. Θεодоритъ Кирскій общество иноковъ Маратонской киновіи называетъ *великимъ стадомъ*, долго и по слѣ своему основателя сохранявшимъ тоже устройство, тотъ же образъ жизни подвижниковъ.

Изъ подвижниковъ, процвѣтавшихъ въ Маратонской киновіи, знамениты: основатель ея преп. *Θεодосій* и *Ελλαδίης*.

Θεодосій Антиохійскій. Преп. Θεодосій, въ отличіе отъ Θεодосія Киновіарха, положившаго начало иноческому общежитію въ Палестинѣ, называемый Антиохійскимъ, родился въ Антиохіи и происходилъ изъ богатаго и знатнаго семейства. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ оставилъ и домъ, и богатство, и знатность, чтобы пріобрѣсти тотъ многоцѣнный бисеръ, о

н) Четь-Мин. января 26.—Ист. Боголюбцевъ бл. Θεодорита Кирскаго въ русск. перев. Спб. 1853 г., гл. 6.

которомъ говорится въ Евангеліи, и вступилъ на тѣсный и скорбный путь подвижничества. Удалившись изъ роднаго города, Θεодосій поселился въ приморской пещерѣ на берегу Исскаго залива, въ окрестности Киликійскаго города Россъ. Велики и изумительны были подвиги, которымъ предавался здѣсь юный подвижникъ. Молитва его соединялась съ колѣнопреклоненіемъ и возлежаніемъ на землѣ. Подъ верхнею одеждою онъ постоянно носилъ власяницу и кромѣ того возложилъ себѣ на шею и руки желѣзныя вериги, которыхъ никогда не снималъ. Непрерывнымъ подвигомъ поста и молитвы онъ побѣждалъ плотскія и душевныя страсти, усмиралъ гнѣвливость, обуздывалъ гордость, прогонялъ нечестивые помыслы. Прилагая подвиги къ подвигамъ, Θεодосій занимался и физическими трудами: то плелъ корзины и коробочки, то обрабатывалъ поле, то разводилъ овощи.

Когда распространился по окрестности слухъ о необыкновенномъ подвижникѣ, явились къ нему ревнители благочестія и добродѣтели, желавшіе подъ руководствомъ его трудиться о Господѣ ради спасенія души. Одушевляясь любовію къ ближнимъ, Θεодосій принималъ всѣхъ: образовалась обитель подвижниковъ, знаменитая киновія Скупель. Образъ жизни иноковъ онъ установилъ въ ней такой же, какому слѣдовалъ самъ. Онъ внушалъ инокамъ съ подвигами духовными соединять и труды тѣлесныя. Сами Апостолы, говорилъ авва, трудились, своими руками добывая себѣ хлѣбъ, ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого (1 Сол. 2, 9); нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшимъ при мнѣ послужили руки мои сіи, говорилъ ап. Павелъ (Дѣян. 20, 34). Живущіе въ мірѣ своими трудами пропитываютъ дѣтей и женъ, въ тоже время платятъ подати, приносятъ начатки Богу отъ своихъ трудовъ и по мѣрѣ возможности помогаютъ нуждамъ бѣдныхъ. Странно было бы, еслибы пустынники не приобрѣтали своими трудами необходимаго для жизни, тѣмъ болѣе, что имъ пища нужна не роскошная и одежда не богатая, а сложивъ руки сидѣли бы и пользовались трудами чужихъ рукъ. И вотъ одни изъ иноковъ ткали паруса и власяницы, другіе

птели коробочки, третьи занимались въ огородѣ или въ полѣ. Близость моря расположила преп. Θεодосія завести лодки; на нихъ ловили рыбу отправляли издѣлія братій въ другія мѣста приморскія, откуда привозили для обители все необходимое. Θεодосій самъ за всѣмъ смотрѣлъ, наблюдая, исполняетъ ли каждый изъ братій свои обязанности по установленнымъ правиламъ. Особеннымъ предметомъ его заботъ были странники: попеченіе о нихъ онъ ввѣрилъ братіямъ украшавшимся кротостію и смиреніемъ и дышавшимъ любовію къ ближнимъ.

Далеко разнеслась слава овысокихъ нравственныхъ качествахъ преп. Θεодосія: его узнали и на сушѣ и на морѣ, и христіане и язычники, имя его стало переходить изъ устъ въ уста. Мореплаватели въ часы великой опасности, когда бушующее море готово поглотить въ своихъ волнахъ несчастныя жертвы, призывали на помощь Бога Θεодосіева, и случалось отъ одного имени Θεодосія укрощалась ярость моря. Его уважали даже разбойники. Такъ исаврійцы, грабившіе и опустошавшіе все, что ни попадалось на пути, удержали порывъ своей необузданности, когда явились одинъ разъ предъ обителью преп. Θεодосія, и не причинили ей никакого вреда; они потребовали только хлѣба и даже попросили у великаго подвижника молитвъ о себѣ.

Но не суждено было преп. Θεодосію окончить свою жизнь въ Росской обители. Исаврійцы во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ старались вводить въ плѣнъ особенно знаменитыхъ людей—предстоятелей церквей, начальниковъ обителей и великихъ подвижниковъ, надѣясь получить за нихъ богатый выкупъ. Въ избѣжаніе плѣна иноки убѣдили преп. Θεодосія переселиться въ Антіохію. Но въ этомъ видно было и распоряженіе Промысла: нужно было, чтобы и въ окрестностяхъ Антіохіи явилась такая же обитель, какъ въ Россѣ. Поселившись близъ селенія Маратонъ, преп. Θεодосій славою своихъ подвиговъ и сюда привлекъ ревнителей подвижничества: и вотъ явилась *Маратонская киновія*, достигшая

скоро цвѣтущаго состоянія. Въ ней великій авва и окончилъ дни своей богоугодной жизни въ 412 г. по Р. Х.

Память преп. Θεодосія совершается 11 января ¹⁾.

Елладій. Преп. Елладій 60 лѣтъ управлялъ Маратонскою киновіею послѣ блаж. ея основателя, и потомъ былъ избранъ въ предстоятели киликійской Церкви. Онъ во всемъ подражалъ великому Θεодосію—и въ молитвѣ, и въ постѣ, и въ соединеніи духовныхъ подвиговъ съ трудами тѣлесными. Духовныхъ подвиговъ онъ не оставлялъ, занявши святительскую кафедру и переселившись въ городъ ^{к)}.

Лавра Гиндаръ.

Лавра *Гиндарская* основана была преп. Астеріемъ, ученикомъ знаменитаго месопотамскаго пустынника Іуліана, въ концѣ IV вѣка. Она лежала близъ селенія Гиндаръ и въ свое время процвѣтала и многочисленностью иноковъ и высокимъ подвижничествомъ. Въ ней жилъ и подвизался славившійся своею дѣятельностію на пользу Христовой Церкви Акакій, епископъ Берійскій. Изъ подвижниковъ Гиндарской лавры особенно знаменитъ самъ основатель преп. *Астерій* ^{л)}.

Астерій. Преп. Астерій былъ великій подвижникъ. Знатнаго происхожденія, воспитанный въ нѣгѣ, онъ еще въ юныхъ годахъ презрѣлъ сладость привольной жизни въ кругу друзей и знакомыхъ, избралъ суровую подвижническую жизнь и явился къ пустыннику Іуліану, подвизавшемуся въ Месопотаміи ^{м)}. Провидя духомъ будущее призваніе юноши—руководить другихъ къ нравственному совершенству, онъ принялъ

і) Четь-Мин. 11 генваря.—Ист. Боголюбцевъ гл. 10.

к) Ист. Боголюбцевъ, тамъ же.

л) Ист. Боголюб., гл. 2.

м) Четь-Мин. 18 окт.—Ист. Боголюб., гл. 2.

Астерія. На первыхъ же порахъ Астерій обнаружилъ необыкновенную ревность къ подвигамъ Господа ради, порыва-ясь подражать своему великому руководителю.

Преп. Іуліанъ имѣлъ обыкновеніе удаляться для большихъ подвиговъ въ глубину пустыни на время отъ семи до десяти дней; Астерій просилъ старца взять его съ собою въ пустыню. Напрасно онъ отговаривалъ юношу оставить свое намѣреніе, представляя ему трудность пребыванія въ пустынѣ среди страшнаго лѣтняго зноя и при недостаткѣ воды: юный ревнитель благочестія усиленными просьбами убѣдилъ старца взять его съ собою, сказавъ, что онъ готовъ все терпѣть. Съ радостію послѣдовалъ за старцемъ Астерій; но на третій день, палимый солнечнымъ жаромъ, не имѣя чѣмъ утолить мучившую его жажду, онъ сталъ изнемогать. Сначала юноша стыдился объявить старцу о своемъ страданіи; но потомъ, ослабѣвъ и совершенно изнемогши, припалъ къ ногамъ его и просилъ сжалиться надъ нимъ. Старецъ велѣлъ ему возвратиться назадъ. Когда же Астерій сказалъ, что ни пути, ведущаго къ пещерѣ, не знаетъ, да еслибы и зналъ—не можетъ идти, потому что силы его совсѣмъ истощились, чело-вѣкъ Божій, снисходя къ немощи его, преклонилъ колѣна и со слезами молилъ Господа спасти юношу. Господь, исполняющій волю боящихся Его, внялъ молитвѣ раба своего: капли слезъ старца, упавшія въ песокъ, превратились въ воду: явился источникъ—и юноша, утоливъ нестерпимую жажду, ожилъ. Много лѣтъ грoвелъ Астерій въ Месопотамской пустынѣ, соревнуя подвигамъ Іуліана. Наконецъ, повинувъсь высшему распоряженію, Астерій оставилъ пустынные подвиги и основалъ Гиндарскую обитель, чтобы она служила мѣстомъ спасенія для душъ, жаждущихъ горняго отечества. Любовь къ отшельнику Іуліану въ Астеріи не ослабѣвала: нѣсколько разъ въ годъ онъ посѣщалъ старца, предпринимая трудный и далекій путь въ Месопотамскую пустыню. Трогательный случай записанъ въ Исторіи Боголюбцевъ Θεодорита Кирскаго, относящійся къ этому посѣщенію и показывающій высоту ду-

ховнаго общенія и любви, которыя связывали подвижниковъ между собою. «Отправляясь къ нему (старцу Іуліану), Астерій запасалъ для братій смоквы, нагружая ими три или четыре воза. А двѣ мѣры смоквъ, которыхъ бы доставало старцу на цѣлый годъ, собравъ отдѣльно, возлагалъ на свои плечи и несъ, служа своему учителю. Несъ же онъ тяжесть не десять и не двадцать стадій, а въ продолженіе семидневнаго путешествія. Однажды увидѣвъ, что онъ несетъ мѣшекъ со смоквами на своихъ плечахъ, старецъ огорчился и сказалъ, что эти смоквы не будутъ употреблены имъ въ пищу, потому что несправедливо, чтобы Астерій переносилъ такой трудъ, а онъ спокойно трудомъ его пользовался. Когда же Астерій клялся, что не сложитъ тяжести съ своихъ плечъ, пока старецъ не согласится принять принесенную ношу; то старецъ сказалъ: «исполню требованіе твое, только прежде сложи поскорѣе съ плечъ тяжесть». Здѣсь воспользовался старецъ случаемъ къ подражанію апостолу Петру, который, когда Господь хотѣлъ умыть его ноги, сначала отрицался, торжественно утверждая, что этого не будетъ, но услышавъ, что онъ не будетъ имѣть части съ Господомъ, если не позволитъ себѣ умыть ноги, не только это допустилъ, но и просилъ умыть вмѣстѣ съ ногами и руки, и голову... Такъ-то и этотъ святой мужъ тяготился принять пищу, добытую трудомъ другаго. Когда же увидѣлъ горячее усердіе оказавшаго ему услугу, то предпочелъ эту услугу своей собственной волѣ» н).

II. Сладкопѣвцовъ.

н) Ист. Боголюб. Феодорита, гл. 2.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ.

*И паки изъ гроба красное, правды
намъ возсія Солнце. (Изъ пѣсни канона).*

И паки возсія,—значить оно когда-то еще сіяло? Да, нѣкогда сіяло это Солнце правды и на землѣ своимъ пренебеснымъ свѣтомъ и разливало повсюду животворную теплоту божественной благодати; сіяло тогда, когда «все было добро зѣло» (Быт. 1, 31); сіяло въ эдемскомъ раю нашимъ невиннымъ прародителямъ. Но духъ зависти, злобы и гордыни—«древній змій»—сдвинулъ землю съ ея основаній, отвратилъ ея лице отъ Источника жизни и самъ сталъ «княземъ міра сего» (Іоан. 12, 31). Послѣ чего Солнце правды, благодати и истины сокрыло лучи свои надолго, надолго... Наступила тяжелая, томительная и продолжительная ночь, сопровождавшаяся къ нравственной жизни дольняго міра такими же явленіями, какими обыкновенно сопровождается ночь въ жизни міра физическаго.

Скрывается солнце—источникъ свѣта, и наступаетъ тьма. Вся природа погружается въ сонъ: работы на поляхъ прекращаются, повсюду водворяется тишина, и вся жизнь какъбы замираетъ. Деревья и цвѣты, лишившись источника своей жизни—благодетельныхъ лучей солнца если не увядаютъ, то теряютъ бодрость. Среди глубокой тьмы, при одномъ искусственномъ свѣтѣ, человѣкъ можетъ различать только самые близкіе къ нему предметы, совершенно не замѣчая предметовъ отдаленныхъ, или замѣчая ихъ въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Такъ все тихо и безжизненно бываетъ въ при-

родѣ безъ царя природы—солнца! Безъ солнца нѣтъ свѣта, безъ свѣта нѣтъ жизни; царить только тьма и клеветы ея: живутъ хищные звѣри и птицы, и развязнѣе дѣйствуетъ человѣческая злоба, избѣгающая свѣта.

Правда, и въ ночное время въ небесныхъ высотахъ миліоны звѣздъ блистаютъ своимъ собственнымъ свѣтомъ; но онѣ очень удалены отъ земли, и если тьма не отъемлетъ совершенно ихъ свѣта, то и свѣтъ ихъ не разгоняетъ тьмы. Является періодически повидимому большое и сравнительно близкое къ землѣ свѣтило—луна, отражающая свѣтъ солнца; но и она, подобно звѣздамъ, не разгоняетъ тьмы, а главное не даетъ жизни природѣ. Подлинно безъ солнца нѣтъ жизни.

И что другое, какъ не глубокая, томительная и продолжительная ночь съ ея явленіями господствовала надъ ветхозавѣтнымъ человѣчествомъ? Отвращенная отъ Источника свѣта земля не видѣла и не ощущала благотворныхъ лучей богатнаго Солнца правды. Человѣчество спало не тѣлеснымъ сномъ, а духовнымъ, и уже въ настоящей жизни предвкушало ту смерть, которая была общимъ достояніемъ за гробомъ. Человѣкъ, лишенный богатнаго свѣта, подобно растеніямъ во тьмѣ, преклонялся долу, уступая плоти полное господство надъ духомъ, съ трудомъ могъ ясно познавать самые близкіе, окружающіе предметы, а о высшихъ, горнихъ нечего и говорить: они покрыты были для него мракомъ неизвѣстности. Даже и тѣ, очень немногіе изъ языческихъ мудрецовъ, которымъ удалось познать Бога чрезъ разсмотрѣніе творенія, и тѣ «разумѣвши Бога, не яко Бога прославиша или благодариша..., но измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ» (Рим. 1, 21. 23). Напрасно душа человѣка звала его домой, въ свое небесное отечество, «которое, по словамъ св. Григорія Нисскаго, ни отъ времени, ни отъ забвенія не сдѣлалось для нея чуждымъ, и къ которому она устремлялась скорѣе, чѣмъ птица летитъ къ своему гнѣзду» (слово на Пасху). Слабый ограниченный человѣческій разумъ безъ высшаго руководительства не могъ истолковать ея стремленій; своими

сужденіями, похожими болѣе на грезы спящаго человѣка, ея стремленія къ безконечному и неизмѣнному онъ направилъ на конечные предметы и скоропреходящія удовольствія, заставилъ ее искать безконечнаго въ конечномъ и вождельннаго отечества въ странѣ изгнанія! Итакъ, древній языческій міръ блуждалъ во тьмѣ и не зналъ куда идти.

«Но тьма египетская не касалась земли Гесемъ» (Исх. 10, 23). Въ то время, какъ языческій міръ блуждалъ во тьмѣ и не зналъ, куда идти, сыны Израилевы видѣли свѣтъ; у нихъ было истинное боговѣдніе, былъ Законъ; но это въ дѣйствительности мало помогало; они хотя и знали Законъ, но не могли исполнить его, потому что онъ выставлялъ требованія, далеко непосильныя для разбитой грѣхомъ нравственной природы человѣка. Притомъ же самъ-по-себѣ законъ не могъ спасти, не могъ даровать жизни, ибо «отъ дѣлъ закона, говоритъ св. ап. Павелъ, не оправдится всяка плотъ» (Рим. 3, 20), такъ что и каждый изъ сыновъ Закона могъ воскликнуть вмѣстѣ съ лучшимъ изъ язычниковъ: «вижу лучшее и одобряю, но слѣдую худшему», и приложить къ себѣ слова св. ап. Павла: «вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего; еже бо хотѣти прилежити ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю» (Рим. 7, 23. 18. 19). А вождельннаго божественнаго гласа: «довлѣеть ти благодать моя» (2 Коринѣ. 12, 9),—ему не дано было слышать, какъ дано въ послѣдствіи тому же Апостолу, «яко законъ Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истина Иисусъ-Христомъ бысть» (Іоан. 1, 17). Слѣдовательно Іудеи и Еллины всѣ были подъ грѣхомъ (Рим. 3, 9); а гдѣ грѣхъ, тамъ и смерть, — тамъ владычество князя тьмы. Такъ во всемъ древнемъ мірѣ царилъ «князь міра сего» — духъ тьмы, злобы и гордыни. И ему не нужно было тогда, подобно льву, ходить, рыкать и искать, кого поглотить; за небольшимъ исключеніемъ, всѣ были его подданные, всѣ были его рабы и всѣ были во тьмѣ.

Правда, свѣтился и тогда свѣтъ во тьмѣ, и тьма не объ-

явля его (Іоан. 1, 5). И тогда въ горнемъ мірѣ, подобно звѣздамъ на небесномъ сводѣ, сонмы блаженныхъ духовъ—архангеловъ, ангеловъ, серафимовъ и херувимовъ сіяли своею добротою и святостію; но свѣтъ ихъ не достигалъ до земли; тогда еще не было «отверсто небо», не было на землѣ и Сына человѣческаго, на котораго они могли бы нисходить (Іоан. 1, 57). Были, правда, и на землѣ Іовы, Мелхиседеки и Авраамы; но это что значить въ сравненіи съ общою массою,—это едва замѣтные огоньки на необозримомъ пространствѣ среди глубокой тьмы. Являлись періодически, подобно лунѣ, и пророки,—носители божественнаго свѣта и истолкователи божественной истины; но и они, подобно тойже лунѣ, не могли разогнать нравственной тьмы въ человѣчествѣ и вдохнуть въ него жизнь; не могли разрѣшить адовыхъ узъ и обратить лице земли къ Источнику жизни — Солнцу правды. Безъ солнца нѣтъ свѣта, безъ свѣта нѣтъ жизни.

Но вотъ навстрѣчу темнымъ людямъ идетъ безпредѣльная любовь Божества! Такъ какъ земля не могла обратиться къ Солнцу, то само Солнце обращается къ землѣ. Опять засіяло на землѣ Солнце правды, но еще не въ полномъ своемъ блескѣ, а какъбы въ туманѣ и за облаками. Самъ однородный Сынъ Божій, по словамъ св. Григорія Богослова, «уподобился намъ, чтобы сдѣлать насъ подобными Себѣ; сталъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать насъ богами; принялъ зракъ раба, чтобы даровать намъ свободу» (Слово на Пасху). Ощутивъ близость Источника жизни, земнородные, подобно растеніямъ при восходѣ солнца, устремляются къ Нему. Около Спасителя собираются Апостолы, которые, оставивъ свои обыкновенныя житейскія дѣла, не отлучаются отъ Него; съ Нимъ ищутъ общенія Іосифы, Никодимы и благочестивыя жены; Ему сопутствуютъ «множество много людей отъ всея Іудеи и Іерусалима и поморія Тирска и Сидонска» (Лук. 6, 17). Началась жизнь! Но полный день еще не насталъ, и князь тьмы еще не изгнанъ вонъ; онъ дѣйствуетъ, онъ возбуждаетъ разногласіе о лицѣ Спасителя въ народѣ, подвергаетъ хульному толкованію Его ученіе, а Его чудеса готовъ даже приписать себѣ, чтобы

уменьшить ихъ значеніе и вліяніе на народъ. «О князѣ бѣсовстѣмъ изгонитѣ бѣсы» (Мар. 3, 22), говорятъ, не безъ вліянія духа злобы, «книжницы, иже отъ Іерусалима низшедшіи». Сатана хочетъ сѣять Апостоловъ, какъ пшеницу (Лук. 22, 31); онъ возстаетъ и противъ самого втораго Адама, хотя не имѣлъ въ немъ «ничесоже» (Іоан. 14, 30), подноситъ и Ему только не сладкое яблоко, а горькую чашу страданій и позорный, тяжелый крестъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ не чрезъ животное—змія, а чрезъ Каіафу, Ирода, Пилата и легкомысленную толпу народа Іудейскаго. Спаситель на крестѣ! Тотъ, Который не сотворилъ никакого грѣха и на устахъ Котораго «не обрѣтется леть» (Ис. 13, 9), Тотъ, Который «трости сокрушенной не преломитъ, и лена внемшася не угаситъ» (Матѣ. 12, 20),—Онъ самый виситъ среди разбойниковъ! Но вотъ раздалось съ креста многознаменательное, объемлющее небо и землю, время и вѣчность, слово: «совершишася!» (Іоан. 19, 30). И Солнце повидимому совсѣмъ закатилось, совсѣмъ сокрыло лучи своего Божества.

А гдѣ же Апостолы? Гдѣ наслѣдники двѣнадцати престоловъ въ царствѣ своего Іисуса, имѣющіе судить двѣнадцати колѣнамъ Израиля? Съ ними что? О, теперь далека была отъ нихъ мысль о престолахъ! Ихъ занимало теперь одно чувство—чувство лишенія Іисуса и съ Нимъ всего. Сокрушились, какъ о камень, всѣ мечты ихъ о славномъ царствѣ Мессіи. Въ нихъ затмилась вѣра въ Іисуса вмѣстѣ съ Его славою, а вмѣстѣ съ вѣрою они лишились и тѣхъ чудесныхъ силъ, которыя сообщала имъ эта вѣра. Ни мужества въ духѣ, ни силы чудотвореній въ рукахъ, никакихъ пособій со стороны сильныхъ покровителей, ни сокровищъ, на которыя можно было бы купить себѣ безопасность—ничего они не имѣли и не видѣли предъ собою! Все, все унесъ ихъ возлюбленный Учитель съ Собою во гробъ!

Увядаетъ жизнь безъ Солнца, но оживаетъ злоба и въ предсмертной агоніи дѣйствуетъ еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ; она печатаетъ самый гробъ и приставляетъ къ нему кустодію—вооруженныхъ воиновъ, которые болѣе похожи были

на тѣлохранителей спящаго Царя, чѣмъ на хранителей печати гроба. Казалось — это другой Давидъ во рвѣ львовъ подъ печатію Дарія. Надлежало ожидать подобнаго же разрѣшенія печати.

Предопредѣленный отъ вѣчности часъ пробилъ. Насталъ конецъ царству тьмы. Пора дѣйствовать Богу, самому Богу.

«Возсіяла Истина и отъ земли» (Псал. 84, 12), куда низвели Ее неправды человѣческія и правый судъ Божій. Камень «велій зѣло» (Мар. 16, 4) не сокрылъ Источника жизни и кустодія не удержала въ узахъ смерти «Льва отъ Іуды» (Апок. 5, 5). Печать Каиафы растаяла отъ огня Божества; тотъ гробъ, въ которомъ погребено было Чаяніе всего человѣчества, теперь пусть, и небесный вѣстникъ, сидя на его возглавіи, чертитъ какъбы такое торжественное надгробіе для самой смерти и ада: «гдѣ твое, смерти, жало, гдѣ твоя, аде, побѣда? Воскресе Христось, и ты неизверглся еси. Воскресе Христось, и падоша демони» (Оглас. сл. Златоуста). Да стануть теперь Іудеи надъ гробомъ, и сами судятъ о происшедшемъ;—одно изъ двухъ: «или умершаго да дадутъ, или воскресшему да поклонятся» (Воскрес. стих.).

Христось воскрес! «И паки изъ гроба красное правды намъ возсія Солнце», а вмѣстѣ съ Нимъ и лучезарный свѣтъ и животворная теплота спасительной благодати. И какъ одно мгновеніе измѣнило лице міра! Мы не узнаемъ ада, не узнаемъ, чтò небо и чтò земля. Адъ ли это, заключавшій рабовъ проклятія, который теперь отдаетъ сыновъ свободы? Земля-ли это, гдѣ Божество сіяетъ пренебесною славою? Небо ли это, гдѣ поселяются земнородные и царствуетъ человѣчество? Всѣ узы плѣнниковъ расторгнуты, замки всѣ отперты однимъ ключемъ Давидовымъ, — однимъ его движеніемъ — и изъ самой бездны проложенъ свободный путь въ небо! «Нынѣ вся исполнилася свѣта, небо же и земля и преисподняя», ибо на Голгоѣ съ Богомъ примиренъ весь міръ (Колос. 1, 20), князь тьмы и лжи изгнанъ вопъ (Іоан. 12, 31) и возсіявшему изъ гроба Солнцу правды «дадеша всяка власть на небеси и на земли» (Матт. 28, 18).

Жена, принявшая нѣкогда изъ устъ змія первую ложь, теперь первая слышитъ изъ устъ самого Воскресшаго радостную истину; чья рука растворила нѣкогда смертоносное питіе для потомковъ перваго Адама, таже самая спѣшитъ теперь подать чашу жизни чадамъ втораго Адама. «Радуйтесь» (Мѡ. 28, 9), сказалъ самъ Воскресшій плачущей горько муропосицѣ и съ этою радостію послалъ ее къ братьямъ своимъ, которые, въ свою очередь, передали эту радость намъ, всѣмъ намъ. «Радуйтесь всегда о Господѣ и паки реку: радуйтесь» (Филип. 4, 4), вѣщаетъ во всеуслышаніе вселенной избранный сосудъ благодати св. ап. Павелъ. «Радуйтесь, яко да и въ явленіе Его возрадуетесь» (1 Петр. 4, 13), вѣщаетъ «камень вѣры» — св. ап. Петръ. Да и какъ намъ не радоваться, не торжествовать и не привѣтствовать другъ друга радостнымъ привѣтствіемъ, — «Христосъ воскрес!» Вѣдь мы радуемся и веселимся, когда какой-нибудь родственникъ или другъ нашъ встанетъ съ одра тяжелой болѣзни; а нынѣ нашъ Спаситель, Вождь и Глава, Начальникъ и Искушитель возсталъ изъ гроба! Мы торествуемъ, когда сдѣлаемъ какое-нибудь земное приобрѣтеніе, получимъ особенное достоинство или почесть; а нынѣ въ лицѣ воскресшаго Господа намъ возвращено все, потерянное въ Адамѣ, величіе чадъ Божіихъ, вручены всѣ права на царство небесное! Мы привѣтствуемъ другъ друга съ окончаніемъ великихъ опасностей: язвы, плѣна, осады отъ враговъ и проч.; а нынѣ мы всѣ избавились адовыхъ нерѣшимыхъ узъ! «Внидите вси въ радость Господа своего», приглашаетъ св. Церковь чадъ своихъ устами одного изъ величайшихъ отцовъ и учителей, «трапеза исполнена, насладитесь вси, — телець упитанъ, никтоже да изыдетъ алчай; вси насладитесь пира вѣры, вси воспріимите богатство благодати. Никтоже да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство. Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія. Никтоже да убоится смерти, свободи бо всѣхъ Спасова смерть» (Огласит. сл. Златоуста). Согласно этому призыву св. Церкви, въ день Пасхи и собираются въ лоно ея «отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада» ея.

«Сегодня, по словамъ св. Григорія Нисскаго, вся вселенная, какъ одно семейство, оставивъ дѣла обыкновенныя, обращается къ молитвѣ. Сегодня бѣдный украшается, какъ богатый; богатый одѣвается великолѣпнѣе обыкновеннаго. Старець, подобно юношѣ, спѣшитъ принять участіе въ радости, и больной преодолагаетъ болѣзнь свою. Дитя, перемѣнивъ одежду, празднуетъ чувственно, потому что еще не можетъ праздновать духовно. Мать семейства, торжествуя, радуется со всѣми домашними своими, и сама она, и мужъ ея, и дѣти, и слуги, и домочадцы—всѣ веселятся» (слово на Пасху). Радостенъ, дѣйствительно, праздникъ Пасхи—день Воскресенія Христова—и на землѣ; а какъ же свѣтель и торжественъ онъ долженъ быть на небѣ! О, еслибы всѣмъ намъ достигнуть того блаженнаго дня—будущаго воскресенія—и причаститься той невечерней Пасхи въ царствіи Отца небеснаго, которымъ не будетъ и конца! И при извѣстныхъ условіяхъ съ нашей стороны, мы непременно достигнемъ, всѣ достигнемъ. Да и кто можетъ теперь похитить насъ изъ руки Всемогущаго? Кто осмѣлится теперь стать противъ насъ, когда Богъ, самъ Богъ за насъ? И что, наконецъ, можетъ воспрепятствовать намъ въ достиженіи горняго Сіона—небеснаго отечества? Или мы блуждаемъ во тьмѣ и, подобно древнимъ язычникамъ, не знаемъ своего небеснаго отечества? Нѣтъ, теперь явился «свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка» (Іоан. 1, 9); теперь царскія врата отверзты, и престоль благодати видѣнъ всякому. Или у насъ нѣтъ силъ къ достиженію его, какъ у подзаконныхъ Іудеевъ? Но воскресимъ Спасителемъ «подана намъ вся божественныя силы яже къ животу и благочестію» (2 Петр. 1, 3). Или намъ не извѣстенъ путь туда? «И путь вѣсте. Азъ есмь путь» (Іоан. 14, 4. 6), сказала сама Истина. Или самый путь туда опасенъ и труденъ отъ множества враговъ? Да, нужно сознаться, много и у насъ враговъ, какъ было у нашего Спасителя, но всѣ они теперь обезоружены и потому не особенно страшны. Станетъ ли противъ насъ міръ и «еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская» (1 Іоан. 2, 16)?

Но міръ побѣжденъ въ лицѣ самага князя міра, которому сказано повелительнымъ божественнымъ гласомъ: «отойди отъ Меня, сатана», и который уже во главу пораженъ крестомъ. «И побѣда побѣдившая міръ» (1 Иоан. 5, 4) вся досталась намъ: живую вѣрою въ крестъ Спасителя, какъ щитомъ, отражается міръ и всѣ соблазны его. Возстанетъ ли противъ насъ брѣнная плоть и кровь, и своею тяжестію будетъ клонить насъ къ землѣ, отвращать очи и сердца наши отъ горняго Сіона къ дольному Египту—въ страну рабства грѣху? Но противъ плоти и крови брѣнной и грѣховной мы имѣемъ теперь тѣло и кровь божественныя, которыми питаемся въ Евхаристіи. Итакъ, враги нашего спасенія для насъ не опасны; они всѣ теперь обезоружены, а намъ дано оружіе противъ нихъ. Быть можетъ тамъ—въ небесномъ отечествѣ, не найдется для насъ обителей, чтобы праздновать Пасху? Но воскресшій Спаситель восшелъ туда прежде насъ; Онъ обѣщался приготовить тамъ мѣсто для своихъ послѣдователей (Иоан. 14, 2); Онъ предъ своимъ отходомъ сказалъ: «въ дому Отца Моего обители многи суть» (Иоан. 14, 2). Будутъ для всѣхъ мѣста! Со стороны воскресшаго Искупителя нашего, такимъ образомъ, сдѣлано все для нашего спасенія; теперь оно зависитъ отъ насъ, отъ нашей вѣрности Ему и Его божественному ученію.

Итакъ, не будемъ же скрывать въ землѣ талантовъ благодати, но будемъ совершать дѣло своего спасенія, пока есть день (Иоан. 9, 4). Избавившись отъ рабства грѣху, воспомнимъ, подобно древнему Израилю, спасенному отъ рабства египетскаго, побѣдную пѣснь Богу—Спасителю нашему, ибо Онъ прославился и насъ прославилъ, а потомъ вступимъ въ пустыню самоотверженія—на путь къ горнему Сіону. А Онъ, нашъ Спаситель и Искупитель, самъ поведетъ насъ подъ облакомъ благодати и при свѣтѣ своего божественнаго ученія. И если не будемъ останавливаться у водъ пререканія, не будемъ сливать себѣ тельцовъ и поклоняться имъ, то Онъ разсѣетъ предъ нами всѣхъ нашихъ враговъ и чрезъ самый Иорданъ—потокъ смерти—введетъ въ землю обѣтованія.

Не будемъ же отвращать лица и сердца своего отъ возсіявшаго изъ гроба Солнца правды; не будемъ, по крайней мѣрѣ, ни для себя, ни для другихъ устроить искусственныхъ преградъ противъ сіянія Его животворныхъ лучей, но будемъ смотрѣть на Него прямо. А если будемъ смотрѣть на Него, то непременно согрѣемъ и оживемъ. Какъ физическое солнце оживляетъ и привлекаетъ къ себѣ верхушки растеній, во время ночи приклонившихся къ землѣ, такъ и возсіявшее изъ гроба Солнце правды—Христось Богъ нашъ—оживитъ насъ и привлечетъ къ Себѣ; «пойметъ и вселитъ насъ туда, гдѣ Онъ самъ» (Іоан. 14. 3), и сподобитъ праздновать невечернюю Пасху въ томъ горнемъ Сіонѣ, на той новой землѣ обѣтованія, гдѣ на радостное и торжественное привѣтствіе: «Христось воскресъ»—небо и земля, весь сонмъ творенія воскликнуть: «воистинну воскрес!».

В. Поляковъ.

РѢДКІЕ ПРИМѢРЫ

ХРИСТИАНСКАГО ВДОВСТВА И САМОПОЖЕРТВОВАНІЯ НА ПОЛЬЗУ БЛИЖНЯГО.

По ученію св. ап. Павла, *истинная вдовица и одинокая должны надѣяться на Бога, и пребывать въ моленіяхъ и молитвахъ день и ночь* (1 Тим. 5, 5). Но много ли въ наше время найдется такихъ богобоязненныхъ вдовицъ? Очень мало. Теперь не успѣетъ умереть мужъ, какъ жена уже спѣшитъ вторично выйти замужъ, иначе она не соблудетъ своего вдовства похристіански и сдѣлается блудницею. Не такъ смотрѣли у насъ на вдовство въ старину: тогда было *истинное вдовство*, и вдова, оставшись послѣ смерти мужа, всю жизнь свою проводила въ молитвѣ, добрыхъ дѣлахъ, милосердіи и любви къ ближнему, однимъ словомъ—она жила *истинно похристіански*. Насколько теперь *истинныхъ вдовицъ* весьма мало, настолько въ старину ихъ было весьма много. Тогда, такъ же какъ и въ наше время, не мало оставалось дѣтей сиротами, а женщинъ вдовами, но всѣ эти вдовы были не такими, чтобы разжигаться блудною страстію и впадать въ пороки: нѣтъ, онѣ были *истинными вдовицами*; онѣ съ любовію читали и съ охотою выслушивали повѣствованія про жизнь святыхъ подвижницъ и старались доблестно подражать святой жизни отшельницъ и подвижницъ христіанскихъ. И не только онѣ сами въ своемъ вдовствѣ учаались истинной христіанской жизни, но и дѣтей своихъ учили благочестію и страху Божію.

Много, говорю, въ старину у насъ на Руси было такихъ истинныхъ вдовицъ, но весьма мало осталось сказаній про

ихъ благочестивую жизнь, про ихъ примѣрное христіанское вдовство и про ихъ великую любовь къ ближнему. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей духовно-повѣствовательной литературѣ, я берусь за перо, дабы сказать нѣсколько словъ о трехъ старицахъ-вдовицахъ, истинно-христіанская жизнь которыхъ мнѣ лично извѣстна, и жизнь эта вполне достойна того, чтобы сказать о ней доброе слово въ похвалу ихъ: одна изъ нихъ 'здравствуетъ, другія двѣ скончались.

Таковыми благочестивыми вдовицами можетъ похвалиться село С—ка, Р—го уѣзда, К—ой губерніи. Одна изъ такихъ вдовицъ солдатка Ф. Л. еще здравствующая, другая—крестьянка М. Б., уже въ Бозѣ почившая, и третья—также крестьянка Ф. К., тоже умершая. Всѣ эти три женщины—вполнѣ *истинныя вдовицы*; про ихъ-то благочестивую жизнь и будетъ мое слово. Первая изъ нихъ, Ф. Л. осталась молодою вдовою съ двумя малолѣтками, съ 1854 г., когда мужъ ея Д. Л. погибъ при нападеніи Шамиля на аулъ Исти-су. Оставшись вдовою, Ф. главные заботы свои обратила на воспитаніе дѣтей; дѣвочку начала учить рукодѣлію и шитью, а мальчика заставила учить грамоту. Добрыя дѣти съ любовію выслушивали добрыя наставленія матери и съ охотою изучали свои уроки. Когда мальчикъ началъ понимать грамоту, то добрая мать стала заставлять его по праздникамъ вмѣстѣ съ утренними молитвами прочитывать Псалтирь, а послѣ обѣда велѣла ему читать «Житія святыхъ», «Наставленія о должностяхъ христіанина» и другія душеполезныя книги. Мало-помалу, мальчикъ такъ пристрастился къ чтенію «божественнаго», что цѣлые дни и ночи просиживалъ надъ книгами, и не одинъ онъ сидѣлъ, но сидѣла и его благочестивая мать, и не разъ страницы книги обливались совмѣстными слезами умиленія матери и сына; при чемъ горѣла восковая свѣча, купленная вдовою на послѣднія, заработанныя честнымъ трудомъ деньги.

Нужно, чтобы при добромъ чтеніи горѣлъ чистый воскъ, а смраднымъ запахомъ гнилаго сала грѣшно осквернять «божественное» чтеніе. Такого мнѣнія была Ф. о свѣтѣ, который

долженъ употребляться во время чтенія «божественнаго». На-божному сыну Ф., маленькому П., болѣе всего полюбилась Псалтирь, которую онъ почти ежедневно читалъ за упокой своего родителя; но не чуждыми для него были и посланія св. ап. Павла—его патрона. Нужно было видѣть, съ какою любовію и охотою читалъ онъ матери пятую главу перваго посланія къ Тимоѳею, въ которой говорится о вдовствѣ христіанскомъ. Нужно было видѣть при этомъ и то, съ какимъ благоговѣніемъ выслушивала чтеніе сына благочестивая вдовица!.. Такое доброе чтеніе заставило Ф. навсегда отказаться отъ вступленія во второй бракъ, дабы на цѣлый вѣкъ считаться *женою одного мужа*... Доброе чтеніе мальчика принесло и добрые плоды: Ф. всю жизнь свою посвятила добрымъ дѣламъ и благотворенію. Про ея благочестивую жизнь и про нее саму не-ложно можно сказать словами Апостола: *она извѣстна по добрымъ дѣламъ, она воспитала дѣтей въ страхѣ Божіемъ, она принимала и теперь принимаетъ странниковъ, умывала ноги святымъ, помогала бѣдствующимъ*, если не вещественно (потому что сама жила и теперь живетъ въ бѣдномъ состояніи), то духовно, добрыми совѣтами и наставленіями, и исполнѣ была *усердна* и таковою же продолжаетъ быть и теперь *ко всякому доброму дѣлу* (1 Тим. 5, 10). Многіе чуждаются странниковъ, боясь, чтобы они не завели въ постелѣ безпокойныхъ насѣкомыхъ; но въ бѣдной избушкѣ Ф. странникъ всегда найдетъ ночлегъ, покой и гостепріимство, такъ что бѣдную избенку Ф. исполнѣ можно назвать *странно-примнымъ домомъ*. Кромѣ странниковъ, по праздникамъ сюда приходятъ тѣ изъ односельцевъ Ф., которые любятъ проводить благочестивую жизнь въ добрыхъ дѣлахъ и слушаніи чтенія «отъ божественнаго»; здѣсь-то, въ жилищѣ Ф., они исполнѣ удовлетворяютъ свое доброе желаніе. Сынъ Ф. (теперь уже взрослый и женатый) никогда не откажетъ почитать для нихъ «божественную» книгу. Въ настоящее время Ф. отъ роду лѣтъ болѣе 50, но она еще смотритъ бодро, трудитъ я и помогаетъ сыну въ различныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Дочь она выдала замужъ за бѣднаго, но честнаго человека. «Бѣд-

ность не порокъ», говорить благочестивая вдова и радуется тому, что зять ея добрый, честный человекъ. Такова, въ короткихъ словахъ, жизнь благочестивой вдовы Ф. Л.

Другая вдовица—Ф. К., осталась вдовою съ четырьмя дѣтьми малолѣтками съ 1840 года. Мужъ ея А. К., умеръ подъ ударами барскихъ кнутовъ. Онъ не былъ какимъ-нибудь воромъ и негодяемъ; нѣтъ, онъ былъ честный и трудолюбивый мужикъ, любилъ всегда говорить правду и за нее стоялъ горою, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ много враговъ, которые постоянно на него клеветали; барскіе экономы вѣрили этой клеветѣ, и К. за правду всегда приходилось отвѣчать спиною. Такъ бѣдный и скончался подъ ударами нагайки. Оставшись вдовою, Ф. безропотно продолжала нести тяжелый крестъ мужа—ее также сѣкли. Она тоже была честная и безукоризненная женщина, но ее сѣкли, а за что?.. За то, что не хотѣла позорить своего вдовства, не хотѣла отвѣчать взаимностію на различныя циническія выходки барскихъ экономовъ. Много и долго послѣ смерти мужа страдала Ф. отъ грубыхъ выходокъ барскихъ экономовъ; наконецъ взошла счастливая звѣзда 1861 года, и страданья ея прекратились; теперь она вздохнула свободнѣе, а главное—благодарила Бога за то, что съ паденіемъ крѣпостнаго права она могла *свободно молиться Богу*, бывать въ церкви при каждой службѣ церковной и подавать копѣчку нищему. Между тѣмъ дѣти ея подросли и дочерей она выдала замужъ, а сыновей женила. Сдавъ хозяйство сыновьямъ, набожная Ф. все свободное время начала употреблять на служеніе Богу и ближнимъ; стала часто ходить въ Кіевъ, для поклоненія св. мощамъ Кіево-печерскихъ подвижниковъ, и еще чаще стала помогать бѣднымъ то добрыми совѣтами, то личнымъ трудомъ, потому что въ денежныхъ средствахъ нуждалась и сама. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ послѣ паденія крѣпостнаго права благочестивая Ф. угождала Богу постоянными церковными молитвами, добрыми дѣлами и примѣрами христіанскаго милосердія; наконецъ Господь позвалъ ее въ обители небесныя. Чувствуя приближеніе смерти, Ф. уже больною ходила въ церковь говѣть, за-

тѣмъ соборовалась масломъ, и наконецъ тихо и мирно заснула, оставивъ по себѣ добрую память.

Что же касается третьей, т.-е. М. Б., то о ней можно сказать, что она была истинною *сестрою милосердія* для всѣхъ болящихъ ея односельцевъ и односельнокъ. Она не боялась ни зараженнаго воздуха въ комнатѣ больного, ни злокачественныхъ мѣазмовъ, порождаемыхъ изверженіями больныхъ, и ей не надоедали ни докучливыя требованія и стоны больныхъ, ни тяжелый уходъ за страдальцами. Съ чистою вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе она не боялась умереть отъ заразы и, движимая любовію къ ближнему безпомощному, всегда была жертвовать жизнью для пользы ближняго. Вдовою она осталась съ тремя дѣтьми, съ сороковыхъ годовъ. Мужъ ея В. Б. умеръ отъ чахотки. Долго и много скорбѣла по любимомъ мужѣ несчастная вдова, наконецъ перестала: ее поразили слова Евангелія: *нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. 15, 13). Съ этихъ поръ она всецѣло посвятила себя на служеніе больнымъ, которыхъ въ воспоминаніе болѣзней своего покойнаго мужа называла *своими друзьями* и вознамѣрилась положить за нихъ душу свою, т.-е. ухаживать за ними до самоотверженія, что и выполнила съ любовію. Выдавъ дочь въ замужество и женивъ одного изъ сыновей, (другой погибъ въ послѣднюю турецкую войну при осадѣ Плевны) М. мало сидѣла дома, а все время проводила у постели больныхъ и умирающихъ. Когда же младшій изъ ея сыновей—С. палъ при осадѣ Плевны, то неутѣшная мать-вдова еще болѣе усилила уходъ за больными. Припоминая свою молодость и печальную разлуку съ мужемъ, а затѣмъ и съ сыномъ, сердобольная вдова любила пѣть грустную *пѣсню смерти* ^{а)}. Всякій, кто слыхалъ эту пѣсню, не могъ не прослезиться, по-

а) Вотъ начальныя слова этой пѣсни:

Прошли мои літа,
Мирно вокругъ цѣлого свѣта,
Только якъ у снѣ здалося,
Що на свѣті прожилося...

тому что М. пѣла ее съ чувствомъ. Бывало идешь поздно вечеромъ мимо избушки М., и невольно остановишься, чтобы прослушать чудную пѣсню вдовы. Тутъ пѣсня затихаетъ и вдова обливается слезами, ея слушатель также вынимаетъ платокъ изъ кармана, чтобы стереть крупную слезу, невольно вызванную пѣсней вдовы. Насколько было отвратительно слушать кабацкую пѣсню молодыхъ разгульныхъ вдовушекъ, горланившихъ въ шинкѣ:

Пѣйти жылы
Повиль жывы...

настолько пріятно и умилительно было выслушивать чудную мелодію вдовы.

Долго прожила на свѣтѣ благочестивая вдова М. и многимъ больнымъ успѣла она облегчить лютыя страданія; долго она пѣла свою любимую пѣсню, но всему есть конецъ; насталъ конецъ и пѣсни вдовы М. Весною 1885 года село С—ку навѣстила опасная и заразительная болѣзнь тифъ, въ короткое время унесшій въ могилу болѣе десяти жертвъ. Этой лютой болѣзни подверглась и родственница М. молодая женщина Зиновія С. Находясь у постели этой больной родственницы, М. заразилась тифомъ и чувствуя приближеніе смерти, приготовилась встрѣтить ее, какъ слѣдуетъ—похристіански: очистивъ душу таинствами покаянія и св. евхаристіи, сердобольная вдова мирно почила о Господѣ, положивъ душу свою за больныхъ друзей своихъ.

Дай Богъ, чтобы и наши молодые вдовицы подражали добрымъ дѣламъ этихъ старыхъ *образцовыхъ вдовицъ*, и заслужили такое же почтеніе, какое заслужили пригнопамятныя вдовицы: Л., К. и Б. Такихъ вдовицъ почитать завѣщаетъ самъ ап. Павелъ, говоря ученику своему Тимоѳею, а чрезъ него и каждому изъ насъ: *почитайте истинныхъ вдовицъ* (1 Тим. 5, 3). А эти-то три вдовы и суть такія *истинныя вдовицы*, о которыхъ говорить Апостоль.

И. С—въ.

ТРИ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЯ

ПО ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

I.

Пророкъ Іона.

Въ прошлую нашу бесѣду, братія, мы разсмотрѣли жизнь великаго пророка Божія Иліи, котораго пламенная ревность по Богѣ подняла такъ высоко, что онъ взятъ былъ живой на небо и Церковь называетъ его. основаніемъ пророковъ, вторымъ Предтечею втораго пришествія Христова (первымъ предтечею будетъ Энѳѳъ). Однако, какъ ни великъ Илія, его дѣятельность представляетъ только одну сторону пророческаго служенія: вся его дѣятельность ограничивалась предѣлами Израильскаго царства. Въ Сарептѣ Сидонской онъ временно жилъ не для исполненія пророческаго служенія, а для безопасности отъ преслѣдованія израильскаго царя. А мы сказали въ запрошлую бесѣду, что пророки, какъ служители единаго Бога Творца и Владыки всѣхъ міровъ, и какъ провозвѣстники Мессіи, Спасителя всѣхъ человѣковъ, обнимали своимъ пророческимъ взоромъ судьбы всего человѣчества. Чтобы представить вамъ эту послѣднюю сторону дѣятельности пророковъ, я расскажу вамъ исторію другаго пророка—Іоны. Іона жилъ лѣтъ 80 послѣ Иліи. Къ нему было слово Господне: «встань, иди въ Ниневію, великій городъ, и проповѣдуй въ немъ, ибо злодѣянія его дошли до Меня». Ниневія была столицею того самаго Ассирійскаго царства, которымъ было въ послѣдствіи разрушено Израильское. Потому

ли. что Іонѣ не хотѣлось служить врагамъ своего отечества, или онъ боялся ихъ невѣрія,—ужь если израильтяне не слушали голоса пророковъ и избивали ихъ, то чего же ждать отъ язычниковъ?—какъ бы то ни было, только Іона не послушался повелѣнія Божія и не пошелъ въ Ниневію. Воображая, что Іегова Богъ израилевъ, открываεται только въ землѣ Израильской, онъ вздумалъ оставить отечество, чтобы *бѣжать отъ лица Господня*: сѣлъ на корабль въ Іуппію (нынѣ Яффа) и отплылъ изъ земли Израильской. Вдругъ поднялась ужасная буря: корабль ежеминутно готовъ былъ разбиться. Стали кидать кладь съ корабля. Но видя, что это не поможетъ, бывшіе на кораблѣ ушли духомъ, подняли вопль и начали молить каждый своихъ боговъ о спасеніи. Напрасно,—буря все разгоралась. Тогда несчастнымъ плователямъ пришлось на мысль, что такая необыкновенная буря послана на нихъ за чье-нибудь изъ нихъ преступленіе. Это вѣрованіе и теперь очень обыкновенно между моряками, а на тотъ разъ оно оправдалось. Бросили жребій, чтобы открыть виновника бѣдствія, и жребій палъ на Іону. Между тѣмъ Іона, при самомъ началѣ бури, сталъ подозрѣвать, что причина ея заключается въ его ослушаніи; въ крайнемъ смущеніи онъ спустился въ нижнюю часть корабля и заснулъ—заснулъ конечно не отъ естественной потребности,—до сна ли было въ такія страшныя минуты,—а отъ крайняго упадка духа. Когда, найдя его, разбудили и стали спрашивать: кто онъ? откуда? и что онъ сдѣлалъ?—онъ отвѣчалъ: «Я—Еврей, чту Господа Бога небеснаго, сотворившаго море и сушу. Изъ-за меня постигло васъ это бѣдствіе; ибо я убѣжалъ отъ лица Божія. Бросьте меня въ море, и море утихнетъ». Со страхомъ слушали его окружающіе. Его благородное признаніе и геройское самоотверженіе внушили имъ глубокое къ нему уваженіе. Страшно было имъ поднять руки на чловѣка Божія. Они пытались пристать къ берегу; но отъ этого опасность еще увеличилась, потому что корабль легко могъ быть выброшенъ волнами на берегъ и въ такомъ случаѣ непременно долженъ былъ разбиться. Не видя никакого средства спасенія, рѣшились нако-

нецъ бросить Іону въ море, моля Бога не поставитъ имъ въ грѣхъ смерти челоуѣка Божія. Едва успѣли бросить Іону, какъ море мгновенно утихло. Благоговѣйный страхъ объялъ всѣхъ, и они *принесли жертву Господу и дали обѣты*.

Между тѣмъ и Іона нашелъ спасеніе въ морской пучинѣ. Богъ повелѣлъ морскому чудовищу, названному китомъ, поглотить Іону. Отсюда, изъ чрева чудовища, въ которомъ Іона видѣлъ свою могилу, возопилъ онъ ко Господу: «Господи, избави душу мою изъ ада, и я принесу Тебѣ жертву хвалы и исполню, что обѣщаль». Богъ внялъ молитвѣ пророка и повелѣлъ чудовищу выкинуть его на землю, и на третій день Іона вышелъ изъ чрева чудовища, какъ изъ гроба. Это необычайное чудо было поразительнымъ прообразомъ тридневнаго пребыванія во гробѣ и воскресенія І. Христа, на что указалъ самъ Господь.

Теперь Богъ погоряетъ свое повелѣніе Іонѣ, и Іона идетъ въ Ниневію. Это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ древности: онъ имѣлъ 100 верстъ въ окружности, обнесень былъ стѣнами въ 14 саженой высоты и такой толщины, что три колесницы въ рядъ свободно могли по нимъ проѣхать; надъ стѣнами возвышались полторы тысячи бапентъ; внутри городъ былъ украшенъ множествомъ великолѣпныхъ зданій. И вотъ въ этотъ-то царственный городъ пришелъ маленькій гражданинъ маленькаго безвѣстнаго царства и сталъ проповѣдовать: «чрезъ три дня Ниневія разрушится». Три дня ходилъ онъ съ этою грозною вѣстію по городу и потомъ вышедши изъ города, сталъ ожидать, какое дѣйствіе произведетъ его проповѣдь. Преданіе говоритъ, что вслѣдъ за нимъ стала проповѣдовать сама природа: густыя тучи застлали небо и покрыли городъ глубокимъ мракомъ, засверкали молніи, загрохоталъ громъ, затрепетала земля. Проповѣдь пророка, подкрѣпленная проповѣдію природы, произвела потрясающее дѣйствіе. Царь объявилъ строгій постъ, который долженъ былъ простираться даже на скотъ, и самъ первый показалъ примѣръ: сошелъ съ престола, одѣлся во вретиче и сѣлъ на пепелъ. Жители послѣдовали примѣру царя и молили Бога, чтобы Онъ уми-

лосердился надъ ними и *отвратилъ пылающій гнѣвъ свой*. И Богъ, *не хотавшій смерти грѣшника*, умилосердился: природа успокоилась, тучи разсѣялись и надъ Ниневіею опять засіяло солнце.

Увидя это, пророкъ сильно огорчился: онъ боялся прослыть за лжепророка. «О, Господи! сѣтовалъ онъ,—я предвидѣлъ это, зная твое милосердіе и долготерпѣніе, и потому и бѣжалъ; теперь возьми мою душу, потому что мнѣ лучше умереть!»

Чтобы вразумить пророка, Богъ повелѣлъ въ одну ночь вырости надъ шатромъ Іоны густо-и широко-лиственному растенію и защитить Іону отъ палящихъ лучей солнца. Іона весьма обрадовался этому растенію. Но вотъ въ слѣдующую ночь, по повелѣнію Божію, червь подточилъ корень этого растенія и оно засохло. Изнемогая отъ зноя, Іона до того огорчился, что молилъ себѣ смерти «Вотъ, сказалъ ему Богъ,—ты огорчился за растеніе, надъ которымъ ты не трудился, которое въ одну ночь выросло, а въ другую пропало. Какъ же мнѣ не пожалѣть великаго города, въ которомъ болѣе 120 тысячъ младенцевъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой?»

Впрочемъ напрасно Іона боялся оказаться лжепророкомъ въ глазахъ Ниневитянъ. Нинсвятяне поняли, что онъ былъ вѣстникомъ не только гнѣва Божія къ нераскаяннымъ, но и милосердія Божія къ кающимся. Они оказались достойными милосердія Божія. Преданіе говоритъ, что когда знаменія гнѣва Божія прошли, они вышли изъ города и почтительно внесли его въ городъ на рукахъ и вручили ему дары для Іерусалимскаго храма.

Исторія пророка Іоны не только глубоко знаменательна прообразовательнымъ значеніемъ самого пророка, но и въ высокой степени поучительна взаимнымъ отношеніемъ пророка и Ниневитянъ.

Въ Іонѣ мы видимъ зародышъ той болѣзни, которая въ послѣдствіи въ такой сильной степени развилась въ іудеяхъ. Законъ Моисеевъ, какъ мы замѣтили прежде, при разсмотрѣніи его, какъ крѣпкою оградой отдѣлялъ избранный народъ

Божій отъ остальнаго языческаго міра, заботясь охранить его отъ общей заразы язычества, чтобы онъ для спасенія всего міра сберегъ вѣреннѣйшій ему драгоценнѣйшій залогъ—вѣру въ единаго истиннаго Бога и въ грядущаго Мессію, Спасителя міра. Евреи до плѣна вавилонскаго весьма нерѣдко нарушали законъ и принимали языческіе обычаи и суевѣрія, а въ послѣдствіи, послѣ плѣна вавилонскаго, особенно послѣ временъ маккавейскихъ, впали въ противоположную крайность: не довольствуясь тѣмъ, чтобы удалиться отъ языческихъ суевѣрій и сохранять чистоту своей вѣры, они вопреки закону, повелѣвавшему любить поселившихся среди ихъ чужеземцевъ (Лев. 19 34), стали относиться съ презрѣніемъ къ другимъ народамъ. Гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, съ гордостію называя себя *чадами Авраама*, они вообразили, что они одни *чада Божіи* и *сыны царствія*, а всѣ другіе народы навсегда отвержены Богомъ. Презрѣніе къ язычникамъ они доводили до того, что боялись оскверниться прикосновеніемъ къ нимъ; даже искренно обратившіеся къ истинному Богу язычники, называемые въ св. писаніи *пришельцами* (прозелитами)—и тѣ были въ пренебреженіи. Зародышъ этой-то болѣзни—не терпимости, замѣчаемъ мы въ пророкѣ Іонѣ: онъ не хочетъ служить обращенію язычниковъ. Въ немъ замѣтно даже отчасти языческое представленіе о Богѣ, какъ о Богѣ мѣстномъ, потому что онъ вздумалъ бѣжать отъ лица Божія, воображая, что Богъ являетъ себя только въ землѣ избраннаго народа своего. Самъ Богъ исправилъ его понятіе и поставилъ его на высоту, на которой подобаетъ стоять пророку. Скоро пророкъ узналъ, что десница Божія найдетъ его и въ *послѣднихъ моря*. Скоро онъ узналъ такжеже, что Иегова есть Отецъ не одного избраннаго народа своего, но и всего человѣческаго рода,—что Онъ не хочетъ погибели и язычниковъ; что если Онъ ведетъ свой избранный народъ къ спасенію, то и бѣднѣхъ язычниковъ Онъ не покинулъ, но и ихъ также ведетъ къ тойже цѣли—къ спасенію чрезъ Христа, который есть не только слава Израиля, но и предметъ *чаянія языковъ*.

Не удивительно, что іудеи впади въ болѣзнь нетерпимости; удивительно то, что и теперь, спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ того, какъ *Христосъ за всѣхъ насъ умеръ*, и провозгласилъ, что въ Церкви Его *нѣсть еллинъ, ни іудей, варваръ и скиѣтъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ*,—удивительно то, что и теперь послѣдователи Христа страдаютъ тоюже болѣзнію. Послѣдователи разныхъ христіанскихъ исповѣданій ненавидятъ другъ друга не менѣе чѣмъ язычниковъ. Папа—Глава западнаго христіанства, называетъ насъ православныхъ *схизматиками* (раскольниками), громить проклятіями и вступаетъ въ союзъ съ турками противъ православныхъ славянъ. Этотъ духъ нетерпимости отъ главы переходитъ и въ членовъ: именно католикъ, или протестантъ, на примѣръ, встрѣчая крестный ходъ, не хочетъ снять шляпы. Мы православные тоже не свободны отъ этого духа нетерпимости. У насъ любятъ иновѣрцамъ давать презрительную кличку *басурманъ*—точно такъже какъ турки даютъ подобную кличку христіанамъ: *гяуръ, собака*. Но пусть турки такъ поступаютъ—нетерпимость составляетъ ихъ религіозную обязанность; но какъ же это мы, послѣдователи Христа, пришедшаго *не губить, а спасать души человѣческія* и водворить между людьми братскую любовь,—какъ же это мы доселѣ *не отдаемъ, коего духа есмы мы?* Давно ли происходило въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества звѣрское избіеніе Евреевъ? И кто принималъ участіе въ этомъ избіеніи? Не православные ли христіане?—Какъ это позорно! Ахъ, братіе, не подобаетъ симъ такъ бывать. Не огонь съ неба должны мы вызывать на иновѣрцевъ, какъ хотѣли было сдѣлать Апостолы для самарянъ,—а болѣя объ ихъ заблужденіи, стараться духомъ кротости приводить ихъ къ истинѣ.

Но возвратимся къ Ниневитянамъ. Ихъ обращеніе можно назвать зарей всемірнаго обращенія рода человѣческаго къ Богу. Какую поразительную противоположность представляютъ они съ израильтянами! — Избранный народъ Божій не слушаетъ, убиваетъ пророковъ, а темные язычники платятъ пророку за обличеніе глубокимъ почтеніемъ! Да, *нине-*

витяне, какъ сказалъ самъ Господь, *возстанутъ на судъ съ родомъ израильскимъ и осудятъ его*. Да однихъ ли израильтянъ осудятъ они? А христіане развѣ болѣе израильтянъ внимательны къ голосу своихъ пастырей? Ахъ! даже въ великія минуты исповѣди, многіе остаются равнодушны къ ихъ внушеніямъ и неискренни: открываютъ только общіе, самые обыкновенные грѣхи, а господствующую страсть скрываютъ; если же духовникъ укажетъ на нее, то запираются или стараются извинить ее. Но это еще не худшіе, а то есть такіе, которые обличеніе духовника принимаютъ за личную обиду и начинаютъ мстить. Случается, что забываютъ даже приличіе и съ пастыремъ, съ духовникомъ обращаются такъ, какъ порядочный человѣкъ не обращается даже съ рабомъ.

Ахъ, братіе! Если уже здѣсь во храмѣ, въ этомъ земномъ небѣ, и въ эти священнѣйшія минуты исповѣди, предъ лицомъ самого небеснаго Судіи, невидимо внимающаго исповѣданію грѣшника, если уже здѣсь и теперь нѣтъ мѣста правдѣ, то гдѣ же и когда будетъ ей мѣсто? Если уже пастырь и духовникъ долженъ молчать, то кто же долженъ говорить? Если уже отъ него грѣшникъ не хочетъ слышать правды, то отъ кого же еще онъ приметъ ее?

Да, братіе! *Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ и, яко покаяшася проповѣдію Іониною: и се болъ Іоны здѣ. Аминь*.

II.

Исаія и Іеремія.

Пророкъ Іона, какъ мы видѣли въ прошедшій разъ, пошелъ къ язычникамъ, и тѣ послушались чужаго пророка, иновѣрца, раскаялись и спаслись. Но примѣръ язычниковъ не вразумилъ израильтянъ: они постарались очистить свою землю отъ пророковъ, чтобы ихъ несносный голосъ не будилъ ихъ отъ грѣховнаго сна и не мѣшалъ имъ предаваться порокамъ и нечестію. Что же случилось? Пришелъ царь той

самой Ниневіи, въ которой проповѣдовалъ Іона, опустошилъ землю, разрушилъ города, наложилъ на народъ цѣпи рабства, вывелъ изъ родной страны и разсѣялъ въ отдаленныхъ предѣлахъ своего царства, такъ что исчезло самое имя израильскаго народа.

Іудея была свидѣтельницею погибели своей сестры,—трепетала, но не вразумилась: она тоже шла по тому же пути идолопоклонства и нечестія. Къ счастью ея не всѣ ея цари были нечестивцы, нѣкоторые всею душою были преданы вѣрѣ отцевъ и радѣли о благѣ народа. При жизни ихъ все шло, повидимому, хорошо, но только повидимому, потому что народъ былъ глубоко испорченъ. Оттого, какъ скоро на престолъ вступалъ или нечестивый, или слабохарактерный царь, всѣ знаки благочестія и порядка мгновенно исчезали; храмъ Іеговы затворялся, повсюду начинали опять красоваться капища и идолы; мздоимство, грабительства, насилія совершались открыто. Но Господь не оставлялъ безъ обличеній нечестивый народъ. Онъ воздвигалъ пророковъ. Между ними преимуществуетъ пророкъ Исаія. Онъ былъ призванъ къ пророческому служенію слѣдующимъ образомъ. Разъ увидѣлъ онъ во храмѣ Бога, сѣдящаго на высокомъ и величественномъ престолѣ; херувимы въ благоговѣйномъ страхѣ, закрывая лица, восклицали: *Святъ, Святъ, Святъ Господь воинствъ, вся земля полна славы Его*. Въ страхѣ за свое недостойнство Исаія вскричалъ: «погибъ я, потому что я, нечистый и живущій среди нечестивыхъ людей, видѣлъ Господа славы». Въ это время одинъ изъ серафимовъ взялъ съ жертвенника горящій уголь и, коснувшись устъ его, сказалъ: «вотъ это очиститъ тебя». Почувствовавъ въ груди своей божественный огонь, пророкъ на вопросъ Господа: «кого Мнѣ послать?» Отвѣчалъ: «я готовъ, пошли меня».

Съ этой минуты открылись духовныя очи Исаіи, и онъ узрѣлъ отдаленное будущее и предрекъ судьбу своего отечества,—его 70-лѣтній плѣнъ и освобожденіе изъ плѣна чрезъ царя Кира, котораго называлъ даже по имени, гибель враговъ своего отечества — Вавилона, Египта и другое. Но

главный предметъ его пророчествъ былъ обѣщанный Мессія, и ни одинъ пророкъ не описалъ такъ подробно и ясно личность и жизнь Его, что отцы Церкви назвали его *про-рокомъ-евангелистомъ*. Онъ предсказалъ Его рожденіе отъ Дѣвы, и назвалъ Его Еммануиломъ (съ нами живущій Богъ, Богочеловѣкъ), Богомъ крѣпкимъ, Властителемъ, Начальникомъ мира (примиренія съ Богомъ), Отцемъ будущаго вѣка; предсказалъ, что Онъ начнетъ проповѣдь въ Галилеѣ и сотворитъ множество чудесъ, будетъ кротокъ, какъ агнецъ, пострадаетъ и умретъ за наши грѣхи, для нашего спасенія, вмѣнится со незаконными, но будетъ погребенъ у богатаго и за то, что умретъ неповинно, за насъ, будетъ прославленъ Богомъ и узритъ *потомство долгоживотное*, т.-е. Церковь, которая соберетъ въ нѣдра свои всѣ народы, и примиритъ волковъ съ агнцами; и слава Господня почіетъ на этомъ новомъ Іерусалимѣ.

Но Исаія великъ не только какъ пророкъ, но и какъ чудотворецъ. По его молитвѣ, въ одну ночь поражены были ангеломъ 185 тысячъ изъ ассирійскихъ полчищъ, осаждавшихъ Іерусалимъ. Благочестивому царю Езекии, лежавшему на смертномъ одрѣ, возвѣстилъ отъ лица Божія исцѣленіе и продолженіе жизни еще на 15 лѣтъ и въ удостовѣреніе возвратилъ тѣнь на солнечныхъ часахъ на 15 ступеней.

И вотъ этотъ-то великій мужъ, вооруженный силою Божіею, выступилъ съ обличительною проповѣдію противъ нечестія.

«Слыши небо и внимай земля! Господь говоритъ! взывалъ пророкъ:—Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Осель и волъ знаютъ своего хозяина, а Израиль не хочетъ знать Меня. О, народъ, обремененный беззаконіями, племя злодѣевъ, сыны погибельные! Во что еще бить васъ, упорные? Вѣдь вся глава ваша въ язвахъ; отъ подошвы до темени нѣтъ живаго мѣста—все тѣло—одна страшная язва грѣховная. Что Мнѣ ваши жертвы? Развѣ Я не вижу, что скрывается подъ этою благочестивою внѣшностію? Серебро ваше фальшивое, вино подмѣшанное; князья ваши законопреступники и сообщники враговъ, мздоимцы,

обижаютъ вдовъ и сиротъ. На что же мнѣ ваши жертвы, князья содомскіе, народъ гоморскій? Я пресыщенъ всеожженіями; тукъ откормленныхъ жертвъ вашихъ противенъ Мнѣ. Вашихъ куреній, вашихъ праздниковъ отвращается душа моя. Не топчите болѣе порога моего храма; не простирайте ко Мнѣ вашихъ рукъ,—не услышу васъ: ваши руки полны крови. Научитесь прежде дѣлать добро; ищите правды, спасайте угнетеннаго,—и тогда приходите ко Мнѣ, и Я сдѣлаю васъ бѣлыми, какъ снѣгъ. Иначе—горе тебѣ, Израиль! Мужи твои падутъ отъ меча, ворота столицы будутъ плакать, и она будетъ сидѣть на землѣ опустошенной!»

Такова была огненная проповѣдь пророка. Прими ее народъ къ сердцу, и она выжгла бы въ немъ страсти и отвратила грозящую гибель. Но князья содомскіе, народъ гоморскій не хотѣли этого: гибельный сонъ страстей былъ слишкомъ упоителенъ,—не хотѣлось просыпаться; гордость возмущалась противъ дерзновеннаго пророка. «Какъ онъ смѣетъ такъ говорить съ нами? Какъ онъ смѣетъ оскорблять насъ? Кто далъ ему право на это? Почему вонъ тѣ (разумѣются ложные пророки), почему тѣ не говорятъ дерзостей и не пугаютъ насъ разными страхами? Нѣтъ, надо поучить его, чтобы онъ не забывался и не позволялъ себѣ дерзостей». Такъ конечно не годовали князья содомскіе и народъ гоморскій; имъ хотѣлось бы, чтобы проповѣдникъ, говоря противъ пороковъ, выражался такъ, чтобы обличенія его походили больше на похвалы, чѣмъ на осужденія, чтобы возмутительный развратъ и преступленія такъ раскрывались, чтобы казались чуть не добродѣтелями, и обличаемые могли бы даже гордиться ими. Иначе сказать: это все равно, если больные ракомъ требуютъ, чтобы докторъ вырѣзывалъ смертельную язву деревяннымъ ножомъ; еслибы каменистая и заросшая терніемъ земля требовала, чтобы пахарь не рѣзалъ ее глубоко желѣзнымъ плугомъ, а слегка потрогивалъ деревянною сохою.

Нѣтъ сомненія, что даже самые усердные къ храму, которые бытъ можетъ лизали каждый порогъ, каждый косякъ въ храмѣ, которые не только присутствовали при своихъ жер-

твоприношеніяхъ, но гоговы были хотъ цѣлый день молиться и при чужихъ,—и тѣ, какъ только начиналъ говорить Исаія, конечно, возмущались противъ него и уходили отъ него, или прогоняли его.

Пророкъ однако не унимался. Да и могъ ли онъ замолчать? вѣдь онъ возвѣщалъ слово Божіе, его устами говорилъ самъ Господь. Да, онъ не умолкалъ, и ненависть къ нему все росла. Но пока на престолѣ сидѣлъ благочестивый Езекия, эта ненависть не находила исхода. Но чѣмъ долѣе она скрывалась въ сердцахъ, тѣмъ сильнѣе разгоралась и тѣмъ съ большею силою должна была вырваться при первой возможности,—и тогда горе пророку. Эта возможность явилась тогда, когда на престолъ вступилъ нечестивый сынъ Езекии Манассія. Тогда припомнили пророку «князей содомскихъ и народъ гоморскій»; не спасло пророка ни высокое его служеніе, ни великія заслуги, ни маститая старость, ни родство съ царемъ: онъ былъ распиленъ деревянною пилою.

Понятно, что такой народъ, не желавшій исцѣленія и не слушавшій истины, долженъ былъ погибнуть и эту погибель пришлось возвѣщать преемнику Исаи, Іереміи, который былъ призванъ къ своему служенію еще отъ чрева матери. Судьба Іереміи была еще печальнѣе. Онъ, какъ набатный колоколъ, возвѣщалъ только *рыданіе, и жалость и горе*. Онъ видѣлъ, что его печальная проповѣдь возбуждаетъ всеобщую ненависть и даже близкіе къ нему недовѣрчиво слѣдятъ за его словами. Онъ проклиналъ день своего рожденія и не разъ пытался молчать; но глаголь Божій, какъ огонь, вырывался изъ груди его. Его преслѣдовали еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Исаію, потому что его не защищали ни знатность рода,—онъ былъ не болѣе какъ сынъ священника,—ни внѣшнія какія-нибудь заслуги, въ родѣ чудесъ. Его то запирали въ темницу, то бросали въ тинный ровъ. Чужіе, невѣрные были къ нему сострадательнѣе своихъ: одинъ богобоязненный иноземецъ спасъ его отъ смерти, выведши его изъ тиннаго рва. Навуходносоръ, разрушившій Іерусалимъ, вывелъ его изъ темницы и предоставилъ ему полную свободу

и вообще отнесся къ нему съ уваженіемъ. Оплакавъ паденіе отечества, онъ былъ уведень своими въ Египетъ и тамъ побить камнями.

Такова печальная судьба пророковъ: за ихъ любовь платили имъ ненавистію, гоненіемъ, муками, потому что они вѣщали горькую правду. У насъ, благодареніе Богу, судьба вѣстниковъ правды не такова. У насъ не возбраняется высказывать правду, и правду самую горькую, особенно служителю Божію, которому даже предписано строжайшимъ образомъ: *проповѣдай слово, настой, обличи, запрети, умоли благовременнъ и безвременнъ, и горе тебѣ если не благовѣствуешь*. Въ древности проповѣдь составляла непремѣнную часть богослуженія, особенно литургіи, которая не только въ праздники, но и въ будни никогда не обходилась безъ проповѣди, и проповѣдь всегда произносилась вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія. И народъ нашъ не отворачивается отъ правды. Потому нѣтъ причины отчаяваться, какъ бы ни были велики наши язвы. Пока мы готовы слушать правду, не потеряна надежда, что мы сбросимъ съ себя иго страстей и вступимъ на путь правды.

III.

Плѣненіе Вавилонское.

Итакъ Іерусалимъ, градъ Божій, градъ Царя Великаго,—въ развалинахъ; храмъ—дворецъ небеснаго Царя, представляетъ груды камней и пепла; ковчегъ, дражайшая и единственная святыня народа Божія, престоль Царя небеснаго, залогъ присутствія Іеговы среди своего народа, источникъ откровенія,—исчезъ безъ слѣда; святая земля превратилась въ пустыню, единственные жители которой теперь дикіе звѣри. Народъ Божій, какъ стадо, гонится бичами халдеевъ въ далекую и чуждую страну, чтобы тамъ изнывать подъ игомъ рабства, потерявши все, чѣмъ живетъ народъ, что дѣлаетъ его особымъ народомъ: самостоятельность, свободу богослуженія,

свое привительство,—все, что составляет самую основу его бытія,—однимъ словомъ, умереть, не потерявъ горькаго сознанія своей смерти. Политическая смерть, смерть болѣе ужасная, чѣмъ смерть физическая,—вотъ судьба грозившая плѣннымъ іудеямъ. «На рѣкахъ вавилонскихъ мы сидѣли и плакали, вспоминая о Сіонѣ». Такъ выражали свою тоску несчастные плѣвцы іудейскіе, повѣсивъ свои арфы на пребрежныхъ вербахъ.—«Спойте намъ отъ сіонскихъ пѣсней, говорили намъ плѣннвшіе насъ. Ахъ, какъ пѣть пѣснь Господню на чужой землѣ! О, да забудетъ меня моя десница, если я забуду тебя, Іерусалимъ. Да прильнетъ языкъ мой къ гортани, если я не вспомню о тебѣ и не поставлю тебя во главѣ моего веселія. Припомни Господи сынамъ эдомовымъ день (разрушенія) Іерусалима, когда они говорили: разрушайте, разрушайте до основанія! О, дочь Вавилона, опустошительница! Блаженъ, кто заплатитъ тебѣ за все, что ты сдѣлала намъ! Блаженъ кто разобьетъ о камень твоихъ младенцевъ!»—Однако вы, братіе ошибетесь, если подумаете, что плѣнные іудеи были нравственно подавлены, упали духомъ и впали въ отчаяніе. Въ этой пѣснѣ вы слышите звуки тоски и негодованія, но ни одного звука отчаянія. Напротивъ, именно теперь, гонимые бичами халдеевъ, какъ стадо скота,—именно теперь и подняли голову іудеи. Прежде они раболѣпствовали предъ язычниками, подражали ихъ обычаямъ, своего Бога Іегову мѣняли на Ваала, Молоха и Астарту:—теперь, когда они потеряли все: свободу, отечество, святыню, когда превратились въ толпу презрѣнныхъ рабовъ,—теперь въ нихъ проснулось самосознаніе: они вспомнили Іегову, вспомнили, что они народъ Божій, и прониклись презрѣніемъ къ своимъ властителямъ; вспомнивъ обѣщанія пророковъ, они увѣрены были, что Іегова не дастъ погибнуть своему народу и возвратитъ ему свободу и отечество. И они не ошиблись: избранный народъ, хотя жестоковѣрный, неблагодарный и виновный, не долженъ быть, не могъ погибнуть, потому что онъ былъ ковчегомъ, хранившимъ надежду всего человѣчества—обѣтованіе о стѣмени жены, имѣющемъ стереть главу змія. Онъ долженъ быть со-

храненъ до исполненія временъ, когда Сѣмя жены явится на землѣ и дастъ плодъ жизни.

И Богъ не только сохранилъ свой народъ, но доставилъ ему благосклонность, покровительство и даже уваженіе гордыхъ властителей. Орудіемъ для этого онъ употребилъ четырехъ великихъ мужей. Еще въ первое переселеніе (всѣхъ переселеній было шесть) Навуходоносоръ взялъ ко двору нѣсколько юношей изъ знаменитѣйшихъ фамилій и приказалъ обучать ихъ языку, обычаямъ и наукамъ халдейскимъ. Когда, по окончаніи курса, они были представлены къ царю, то всѣхъ болѣе обратили на себя вниманіе царя четыре друга: Даніиль, Ананія, Азарія и Мисаиль. Они такъ понравились царю, что онъ приблизилъ ихъ къ себѣ и причислилъ къ мудрецамъ халдейскимъ.

Вскорѣ чудесныя обстоятельства еще болѣе возвысили ихъ въ глазахъ властителя Азіи. Однажды Навуходоносоръ видѣлъ сонъ, который такъ поразилъ его, что онъ проснувшись совершенно забылъ его. Созвавъ своихъ мудрецовъ, онъ потребовалъ, чтобы они напомнили ему и объяснили сонъ его. Но когда они отказались, царь былъ очень разгнѣванъ и грозилъ имъ смертною казнію. Этотъ приговоръ долженъ былъ пасть и на Даніила съ его друзьями, принадлежавшими къ мудрецамъ; поэтому Даніиль пригласилъ друзей обратиться съ молитвою къ Богу. Молитва ихъ была услышана. Получивъ отъ Бога откровеніе тайны, Даніиль явился къ царю и сказалъ: «Только Іегова, единый истинный Богъ, вѣдаетъ и открываетъ тайны кому хочетъ; Онъ благоволилъ открыть мнѣ твой сонъ, и я напомню и объясню тебѣ его. Ты, царь, размышлялъ на ложѣ твоемъ о судьбѣ твоего царства послѣ тебя, и Богъ открылъ ее тебѣ въ видѣнномъ тобою снѣ. Ты видѣлъ огромный истуканъ, который блескомъ своимъ навелъ ужасъ. Голова его была золотая, грудь и руки серебряныя, чрево и бедра мѣдныя, голени желѣзныя, а ноги изъ желѣза съ глиной. Вдругъ отъ близъ стоящей горы, самъ собою, безъ участія руки человѣческой, оторвался камень, ударилъ истуканъ по ногамъ; истуканъ разсыпался, прахъ его

развѣялъ вѣтеръ, а камень сталъ расти и наполнилъ всю землю. Таковъ сонъ, а вотъ его объясненіе. Истуканъ представляетъ четыре царства, слѣдующія одно за другимъ: золотая голова—это ты, царь; послѣ тебя возстанетъ серебряное царство, которое будетъ слабѣе твоего, потомъ—мѣдное, которое покроетъ всю землю, и наконецъ четвертое, которое будетъ, какъ желѣзо, все раздроблять и сокрушать; но наконецъ и оно ослабнетъ, какъ желѣзо смѣшанное съ глиною. Тогда, подобно камню, отдѣлившемуся отъ горы безъ участія руки человѣческой, возстанетъ царство нечеловѣческое, а Божіе, которое разрушитъ всѣ царства, наполнитъ землю и станетъ вѣчнымъ царствомъ. —Предсказаніе Даніила исполнилось съ поразительною точностію. За Вавилонскимъ царствомъ поднялось Персидское, разрушенное греко-македонскимъ царемъ Александромъ Великимъ; наконецъ въ то время, какъ по смерти его обломки его огромной монархіи доживали свой вѣкъ, поднялось четвертое, поистинѣ желѣзное, царство Римское, которое поработило всѣ извѣстные тогда народы. Но въ то время, какъ его всемірное владычество начало клониться къ упадку, отъ безмужной Дѣвы родился Христосъ, основавшій свое духовное царство—Церковь, которая не оружіемъ тѣлеснымъ, а духовною силою и побѣдило человѣческія царства и само стало царствомъ Божіимъ, котораго *врата ада не одолѣютъ*.

Пораженный откровеніемъ, надменный властелинъ палъ на лице свое и поклонился Даніилу или вѣрнѣе Богу въ его лицѣ, осыпалъ его дарами, сдѣлалъ его главою всѣхъ мудрецовъ, а товарищей его, по его представленію, правителями области Вавилонской.

Вскорѣ новое чудо еще болѣе прославило имя Божіе. Навуходносоръ поставилъ на одномъ обширномъ полѣ исполинскую (въ 13 саж.) золотую статую и, собравъ всѣхъ своихъ сановниковъ и множество народа, потребовалъ отъ нихъ поклоненія ей, угрожая послушникамъ сожженіемъ въ раскаленной печи. Такія требованія, невозможныя въ наше время, въ тѣ темныя времена были очень обыкновенны: тогда вла-

стители сплошь и рядомъ сами дѣлали боговъ для своихъ народовъ и даже себя самихъ производили въ боговъ, а если который изъ владыкъ по необыкновенной въ тѣ времена скромности удерживался отъ самобоготворенія, то раболѣпные подданные сами производили его въ бога; одинъ, и даже очень ничтожный сирійскій деспотъ получилъ даже названіе «богъ» (Антиохъ Θεοσς). Понятно, поэтому, что требованіе вавилонскаго царя не только никого не возмутило, но даже не удивило, — такъ что раскаленная печь приготовлена была вѣроятно потому, что предвидѣлось сопротивленіе со стороны плѣнныхъ іудеевъ. И дѣйствительно сопротивленіе было оказано одними іудеями. Въ то время, какъ совершалось отвратительное поклоненіе несмѣтной толпы предъ истуканомъ, царю доносятъ, что три правителя изъ іудеевъ, Ананія, Азарія и Мисаиль, не повинуются царскому повелѣнію и истукану не кланяются. Изумленный этимъ сопротивленіемъ, царь приказываетъ немедленно привести слушниковъ. Когда они были представлены, Навуходносоръ грозно потребовалъ: «немедленно поклонитесь статуѣ, въ противномъ случаѣ будете брошены въ раскаленную печь, и тогда посмотрю я, какой Богъ избавитъ васъ отъ руки моей!» — «Царь, съ величавымъ спокойствіемъ отвѣчали герои:—Богъ нашъ силенъ спасти насъ отъ руки твоей, а если и не избавитъ, то знай, что все-таки мы статуѣ твоей кланяться не будемъ». Бѣшенству Навуходносора не было границъ; съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ, онъ приказалъ раскалить печь до той степени, до какой она могла только выдержать, и бросить въ нее юношей. Жаръ былъ такъ силенъ, что исполнители казни пали мертвые. Но—о чудо! когда юноши упали въ пламя, оно, издали убившее исполнителей нечестиваго повелѣнія, теперь, какъбы въ почтительномъ страхѣ, отступило отъ исповѣдниковъ Іеговы и образовало надъ ними сводъ. Они встали и изъ устъ ихъ излилась вдохновенная хвала Богу: «Благословенъ Ты, Господи, Боже отецъ нашихъ! Благословенъ за все, что ты навелъ на насъ! Ты предаль насъ беззаконнымъ врагамъ, ненавистнымъ и отступ-

никамъ, и неправедному и злѣйшему изъ царей. Но праведнымъ судомъ навлекъ ты на насъ эти бѣдствія, потому что мы согрѣшихомъ, беззаконновахомъ и неправдовахомъ предъ Тобою. Оттого мы умалены и унижены предъ всѣми народами: нѣтъ у насъ ни князя, ни пророка, ни жертвы, ни даже мѣста, гдѣ принести жертву (храма). Но съ сокрушеннымъ сердцемъ припадаемъ къ Тебѣ; не посрами насъ, Господи, сотвори съ нами по множеству милости Твоея». Въ отвѣтъ на эту трогательную молитву сошелъ къ нимъ ангелъ Господень и разлилъ кругомъ нихъ прохладу,—и они, какъ бы одними устами съ небожителемъ, воспѣли Богу благодарственную пѣснь, въ которой всю природу призывали къ прославленію Бога: «Благословенъ Ты, Господи, Боже отецъ нашихъ, хвалный и превозносимый во вѣки! Господа пойте и превозносите Его во вѣки!» Въ крайнемъ изумленіи Навуходоносоръ обращается къ окружающимъ съ вопросомъ: «развѣ мы не троихъ бросили въ печь? Откуда же съ ними четвертый, подобный сыну Божию?» Потомъ, приблизившись къ печи, насколько позволялъ жаръ, сказалъ исповѣдникамъ: «рабы Бога Вышняго! выйдите». Когда они вышли, то всё съ изумленіемъ увидѣли, что пламя не коснулось даже волосъ ихъ и даже гарью отъ нихъ не пахло. Смирился тогда Навуходоносоръ и исповѣдалъ величіе Иеговы предъ всѣмъ своимъ царствомъ съ строгимъ запрещеніемъ хулить Бога іудеевъ, а тремъ исповѣдникамъ поручилъ управление надъ всѣми плѣнными іудеями.

Исповѣдалъ властитель Азіи силу всевышняго Бога, но сердце его оставалось кичливо попрежнему, и потому вскорѣ постигъ его судъ Божій, о которомъ онъ впрочемъ былъ предупрежденъ грознымъ сновидѣніемъ. «Снилось мнѣ, рассказывалъ онъ самъ Даниилу,—будто стоитъ величественное дерево, вершиною касавшееся небесъ, а вѣтвями—предѣловъ земли; въ вѣтвяхъ его гнѣздились птицы небесныя, подъ тѣнію его укрывались полевые звѣри, плодами его питалась всякая плотъ. И вотъ сошелъ съ небесъ Бодрый и Святый и воскликнулъ: «срубите это дерево, обсѣките вѣтви, стрясите листья, разбро-

сайте плоды; только корень его оставьте въ землѣ; отнимите у него человѣческое сердце и дайте звѣриное, и пусть онъ въ желѣзныхъ узахъ, среди полевой травы 7 лѣтъ орошается небесною росой и питается травою съ полевыми звѣрями, чтобы зналъ онъ, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому захочетъ». Когда Навуходносоръ разсказалъ Даніилу этотъ сонъ, пророкъ былъ до того пораженъ имъ, что молчалъ около часу и наконецъ сказалъ: «Не тебѣ бы, а врагамъ твоимъ этотъ сонъ! Ты, царь—это величественное дерево. Всевышній предупреждаетъ тебя, что на 7 лѣтъ ты будешь отлученъ отъ людей и будешь жить съ звѣрями. Но, по милосердію своему, Всевышній, повелѣваетъ оставить корень дерева въ землѣ, оставить царство за тобою. Поспѣвши, царь искупить грѣхи твои милостынями и отворотить судъ Божій».

Совѣтъ пророка, вѣроятно, остался втуне и сердце надменнаго властелина не смирилось. Прошелъ годъ, Навуходносоръ забылъ небесный приговоръ. Расхажывая по своимъ чертогамъ и любясь на Вавилонъ, который дѣйствительно былъ чудомъ своего времени,—Навуходносоръ упивался своимъ величіемъ. Вдругъ съ неба раздался надъ нимъ страшный приговоръ, слышанный во снѣ годъ тому назадъ, и царь помѣшался отъ ужаса. Часто бѣшенство овладѣвало имъ, и его принуждены были сковать. Замѣтивъ, что онъ порывается въ поле и тамъ успокоивается, ему дали свободу, — и онъ жилъ со звѣрями, и какъ воля ѣлъ траву. Мало-по-малу наружность его до того измѣнилась, что онъ скорѣе походилъ на звѣря, чѣмъ на человѣка: какъ левъ, обросъ волосами и ногти выросли у него какъ у птицы. Даніилу, вѣроятно, онъ обязанъ былъ тѣмъ, что царство осталось за нимъ. Предупрежденные Даніиломъ, что сумасшествіе царя чрезъ 7 лѣтъ пройдетъ, сыновья и вельможи скрыли отъ народа унизительное состояніе царя. Прошло 7 лѣтъ; лучъ сознанія озарилъ его душу и разсѣялъ мракъ, облежавшій его умъ; онъ поднял глаза къ небу и исповѣдалъ величіе и власть Всевышняго и свое ничтожество.

Преемники Навуходоносора не наслѣдовали его талантовъ и уже при внуцѣ его Валтасарѣ Вавилонское царство склонилось къ упадку. Это обыкновенная судьба древнихъ монархій, основанныхъ на завоеваніи и порабоженіи народовъ: онѣ стоятъ до тѣхъ только поръ, пока сильная рука сдерживаетъ порабоженные народы, съ ненавистію несущіе тяжелое иго. Пользуясь слабостію Валтасара, два родственные народа, мидяне и персы, соединились подъ предводительствомъ молодаго Кира и возстали противъ вавилонскаго ига. Войска вавилонскаго царя были разбиты; Валтасаръ заперся въ Вавилонѣ; побѣдители осадили Вавилонъ. Но Валтасаръ не унывалъ: надѣясь на крѣпость стѣнъ своей столицы, онъ проводилъ время въ пирахъ. Однажды во время подобнаго пира, опьянѣвши, онъ велѣлъ изъ царской сокровищницы принести священные сосуды Іерусалимскаго храма и сталъ съ своими сотрапезниками пить изъ нихъ и ругаться надъ Богомъ іудейскимъ. Вдругъ появилась рука и начертила на стѣнѣ какія-то слова. Отъ ужаса царственный богохульникъ измѣнился въ лицѣ и колѣни его затряслись. Никто изъ созванныхъ имъ мудрецовъ не могъ прочесть таинственныхъ словъ. По совѣту матери, онъ позвалъ Даниила, который въ это время былъ удаленъ отъ дѣлъ и жилъ въ забвеніи, и просилъ его прочесть слова, обѣщая ему третье мѣсто по себѣ. Напомнивъ сперва царю наказаніе, постигшее великаго его дѣда за надменность и обличивъ его самого за богохульство, пророкъ такъ прочесть и объяснилъ таинственные слова: «Написано: Мене, Текел, Перес.—*Мене* значитъ—Богъ исчислилъ твое царство и положилъ ему конецъ. *Текел*—ты взвѣшенъ и найденъ очень легкимъ. *Перес*—царство твое разделено и отдается мидянамъ и персамъ».

Приговоръ неба совершился въ ту же ночь: мидяне и персы ворвались въ городъ и Валтасаръ былъ убитъ. Напрасно, значить, нечестивецъ надѣялся на неприступность стѣнъ: отъ карающей руки Божіей не защитятъ никакія стѣны. Киръ отвелъ рѣку Евфратъ, протекающую подъ стѣнами Вавилона, и ворвался въ городъ по сухому руслу.

Такъ исполнились слова пророковъ (Исаіи и Іереміи). Пришли отъ сѣвера мидяне и персы, народы, которые не цѣнятъ серебра и не пристрастны къ золоту; Вавилонъ—краса царствъ, гордость халдеевъ — ниспроверженъ Богомъ, какъ Содомъ и Гоморра; истуканы его посрамлены, идолы сокрушены, младенцы разбиты предъ глазами родителей, дома разграблены, жены обезчещены. И теперь, гдѣ Вавилонъ, попиравшій народы, говорившій въ гордынѣ своей: «взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Вышнему?» Ахъ! онъ низверженъ въ адъ въ глубины преисподней. Тотъ, который вселенную превращалъ въ пустыню и города въ развалины, самъ теперь превратился въ необитаемую пустыню. Проходящіе всматриваются и изумляются:—нѣтъ слѣдовъ великаго, надменнаго города, — голая пустыня; не только нѣтъ жителей, даже аравитянинъ не раскидываетъ шатра своего и пастухи со стадами не отдыхаютъ тамъ; одни звѣри пустыни обитаютъ тамъ и дома наполняются филинами, страусы селятся и косматые скачутъ тамъ; шакалы воютъ въ развалинахъ чертоговъ и гіены въ увеселительныхъ домахъ.

Даніиль, а чрезъ него и народъ іудейскій, не только ничего не потерпѣли, но еще выиграли съ переменною властителя. Тестъ Кира, Дарій мидянинъ такъ уважалъ Даніила, что сдѣлалъ его однимъ изъ трехъ высшихъ сановниковъ и даже намѣревался поручить ему управленіе всѣмъ царствомъ. Это благоволеніе царя къ плѣнному іудею возбудило сильную зависть въ прочихъ сановникахъ, и они рѣшились во что бы то ни стало погубить его. Для этого они составили такой планъ, казавшійся имъ самымъ вѣрнымъ: они явились къ царю и просили его издать указъ, чтобы втеченіе мѣсяца никто ни съ какою просьбою не обращался ни къ кому—ни къ Богу, ни къ человѣку, кромѣ него, царя. Такое обоготвореніе царей было въ тѣ времена, какъ мы замѣтили прежде, очень обыкновенно и потому царь, ничего не подозрѣвая, охотно исполнилъ такую лестную для него просьбу. Но едва только

указъ былъ изданъ, какъ они являются къ царю и доносятъ, что іудей Данииль нарушилъ указъ: три раза въ день онъ молится своему Богу. Дѣйствительно, Данииль каждый день три раза отворялъ окно, обращенное на западъ, къ развалинамъ Іерусалима, преклонялъ колѣна и молился. Тутъ понялъ царь замыселъ вельможъ и цѣлый день защищалъ Даниила; но они настаивали на томъ, что нарушитель указа долженъ быть наказанъ, и царь долженъ былъ уступить. Данииль брошенъ былъ въ львиный ровъ, какъ предписывалъ указъ. Царь не спалъ цѣлую ночь. Но едва наступило утро, какъ онъ послѣшилъ ко рву и жалобнымъ голосомъ окликнулъ Даниила: «Данииль, рабъ Бога живаго! Спасъ ли тебя Богъ твой, которому ты неизмѣнно служишь?» — «Да, царь, отозвался Данииль изъ глубины рва, — Богъ заградилъ пасть львовъ и защитилъ меня, потому что я оказался предъ Нимъ чистъ и предъ тобою ничѣмъ не провинился». На мѣсто Даниила брошены были его враги и не успѣли они долетѣть до дна, какъ были растерзаны львами.

Но несмотря на любовь царя и свое высокое положеніе, Данииль не былъ счастливъ: онъ скорбѣлъ о своемъ несчастномъ отечествѣ. Срокъ 70-лѣтняго плѣна былъ уже на исходѣ, а ничего похожаго на приближающееся освобожденіе не было замѣтно: въ постѣ, во вретницѣ и въ пеплѣ умолялъ Данииль Господа умилосердиться надъ виновнымъ народомъ своимъ. Сокрушенная молитва была услышана: ангелъ явился ему и открылъ не только время окончанія плѣна, но и время того событія, ради котораго Богъ хранить свой избранный народъ и которое служить основаніемъ всего Вѣтнаго Завѣта. «Данииль, мужъ желаній! такъ называлъ его ангелъ за его скорбную любовь къ народу, — я посланъ возвѣстить тебѣ судьбу твоего народа и святаго города. Семьдесятъ седмиць (семилѣтій) опредѣлено для твоего народа и святаго города до того времени, какъ покроется преступленіе, загладятся грѣхи и беззаконія, приведется вѣчное оправданіе, исполнятся видѣнія и пророчества и помажется Святый Святыхъ (Святѣйшій). И вотъ какъ распредѣлятся эти 70 седмиць:

отъ изданія указа о возстановленіи Іерусалима, въ теченіе 7 седмиць народъ возвратится изъ плѣна въ отечество и городъ обстроится при трудныхъ, впрочемъ, обстоятельствахъ; затѣмъ, по истеченіи 62 седмиць, преданъ будетъ смерти Мессія; наконецъ, послѣдняя, семидесятая седмица утвердитъ Новый Заветъ, а спустя нѣсколько времени (черезъ 40 лѣтъ) придетъ вождь одного народа (Титъ, императоръ римскій), разрушитъ городъ и храмъ и произведетъ опустошеніе, какъ во время наводненія; тогда прекратятся жертвы и приношенія и на мѣстѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія, пока не постигнетъ гибель самого опустошителя».

Такъ великому пророку, мужу желаній, открыто было не только время окончанія плѣна, о чемъ онъ молилъ, но и время явленія Мессіи, Спасителя міра, Его крестной смерти, загладившей грѣхи рода человѣческаго, упраздненія Ветхаго Завета и установленія Новаго и разрушенія Іерусалима.

Это великое откровеніе какъбы замыкаетъ весь кругъ пророчествъ. Почти вся жизнь Мессіи была повѣдана пророками: оставалось открыть время Его пришествія и послѣднюю судьбу народа Божія. Даніилу, одному изъ величайшихъ и вмѣстѣ послѣднихъ пророковъ Богъ открываетъ эту тайну: черезъ 490 лѣтъ явится Мессія—и конецъ Ветхому Завету. Этимъ откровеніемъ почти запечатлѣваются пророчества: послѣ плѣна раздаются еще три, какъбы замирающіе, пророческіе голоса, послѣ которыхъ пророчества замолкаютъ и остается безмолвное ожиданіе.

Этимъ окончимъ мы, братіе, нашу бесѣду. Вы конечно поняли, чему научаетъ насъ исторія іудеевъ въ плѣну вавилонскомъ. Она учитъ, что судьбы царствъ и народовъ въ десницѣ Божіей; что Богъ *даетъ царство кому хочетъ*, возводитъ и низводитъ, *убожитъ и богатитъ*, низвергаетъ гордыхъ и возвышаетъ смиренныхъ. Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

Паремія въ четвергъ четвертой седмицы Великаго поста.

(Притч. 13, 20—26; 14, 1—6).

Гл. 13, ст. 20. **Желанія благочестивыхъ наслаждаются душою, дѣла же нечестивыхъ далече отъ разума.**

По правилу взаимнаго восполненія одного полустипія другимъ, сей стихъ можетъ быть изложенъ такъ: Желанія благочестивыхъ разумны, •и потому дѣйствія ихъ, согласныя съ этими желаніями, доставляютъ имъ удовольствіе. Напротивъ желанія нечестивыхъ неразумны (*далече отъ разума*), и потому все, что они дѣлаютъ для исполненія ихъ и чего достигаютъ, приносятъ имъ вмѣсто ожидаемаго удовольствія одно горе. Для уразумѣнія вѣрности этого приточнаго изреченія должно имѣть въ виду, что благочестивые для устроенія своего благосостоянія не гонятся за многимъ; ихъ житейскія желанія очень умѣренны, и потому имъ легче достигнуть того, чего они желаютъ, чѣмъ нечестивымъ, которые слишкомъ много требуютъ отъ жизни, малымъ не довольствуются, желаютъ себѣ разныхъ благъ какъ можно больше, и потому чѣмъ большаго они желаютъ, тѣмъ больше встрѣчаютъ затрудненій для достиженія своихъ цѣлей. Они увлекаются мечтами, гоня отъ себя мысль о несбыточности ихъ, и потому, если имъ придется обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, они испытываютъ неудовольствіе разочарованія, тѣмъ сильнѣйшее, чѣмъ неумѣреннѣе были ихъ желанія. Не только неудача въ борьбѣ съ неизбѣжными затрудненіями, но и самая эта борьба раздражаетъ и озлобляетъ ихъ.

Ст. 21. Ходяй съ премудрыми премудръ будетъ, ходяй же съ безумными познанъ будетъ.

Идетъ рѣчь о вліяніи на челоуѣка того общества, въ которомъ онъ обращается. Любящій обращаться въ обществѣ людей премудрыхъ и слѣдовательно благочестивыхъ,—ибо началомъ премудрости служитъ страхъ Господень, — испытываетъ на себѣ благотворное вліяніе ихъ мудрости и благочестія, самъ становится умнѣе и благочестивѣе. Напротивъ, кто находитъ для себя удовольствіе въ сближеніи съ людьми безумными,—чуждыми мудрости, основанной на страхѣ Божиѣмъ,—тотъ *будетъ узнанъ*, какъ таковой, т.-е. всякій судя по его рѣчамъ и поступкамъ пойметъ, съ какими людьми онъ водится. «Скажи мнѣ съ кѣмъ ты знаешь, и я скажу, каковъ ты».

Ст. 22. Согрѣшающихъ постигнутъ злая, праведныхъ же постигнутъ благая.

Безпечные и упорные въ нечестіи грѣшники надѣются избѣжать *зла*,—наказанія за свои грѣхи,—потому ли, что обладаютъ всѣмъ, что нужно для ихъ земнаго благосостоянія, потому ли, что располагая средствами для смягченія судьбы, не боятся кары закона, потому ли, что умѣютъ прятать концы своихъ темныхъ дѣлъ. Но напрасна ихъ надежда: рано или поздно покараетъ ихъ судъ Божій: если не въ здѣшней, то въ будущей жизни непременно *постигнутъ* ихъ *злая*. Не такова участь праведныхъ. Ревнуя объ угожденіи Богу дѣлами правды, т.-е. благочестія и добродѣтели, они поставляютъ свою честь въ служеніи Богу, а потому не ищутъ многого въ этой жизни и легко примиряются съ житейскими лишеніями. Но если они сами не гонятся за житейскимъ благополучіемъ, оно само *постигнетъ* ихъ, само придетъ къ нимъ безъ особыхъ съ ихъ стороны усилій, единственно по силѣ благословенія Божія. Господь воздастъ имъ за ихъ ревность объ угожденіи Ему даже внѣшними благами.

Ст. 23. Благій мужъ наслѣдитъ (сдѣлаетъ наслѣдниками) сыны сыновъ, сохранивается (сберегается) же праведнымъ богатство нечестивыхъ.

И благіе или праведные, и нечестивые одинаково могутъ имѣть многочисленное потомство. Тѣ и другіе доживаютъ до счастья видѣть сыны сыновъ. Это счастье достается и праведнымъ и нечестивымъ единственно по милости Божіей, независимо отъ ихъ нравственныхъ качествъ. Но наблюдатели путей Провидѣнія замѣчаютъ важное различіе въ судьбѣ потомства праведныхъ и нечестивыхъ: нажитое неправдами богатство нечестивыхъ недолго удерживается въ рукахъ потомковъ ихъ,— оно дѣлается достояніемъ рода праведныхъ. Дѣти и внуки нечестивыхъ быстро расточаютъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ отцовъ и дѣдовъ и разоряются, и все, что нажили нечестивые, законнымъ путемъ переходить въ руки людей, которые, происходя отъ рода праведныхъ, наслѣдовали отъ нихъ ихъ благочестіе, воздержаніе и трудолюбіе.

Ст. 24. Праведніи насладятся въ богатствѣ лѣта многа, неправедніи же погибнуть вскорѣ.

Праведные, благодаря правильному образу жизни, долголѣвны и потому много лѣтъ наслаждаются богатствомъ, которое приобрѣли собственнымъ честнымъ трудомъ, или наслѣдовали отъ предковъ. Неправеднымъ же не долго приходится наслаждаться своими стяжаніями,—они *вскорѣ погибаютъ*,—сокращаютъ свою жизнь неправильнымъ употребленіемъ ихъ неводержаніемъ и распутствомъ.

Ст. 25. Иже падитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего: любяй же наказуетъ прилежно.

Строгость къ дѣтямъ во время ихъ воспитанія необходима для утвержденія ихъ въ благочестіи, благодѣяніи, трудолюбіи. Посему, кто любитъ своихъ дѣтей и желаетъ имъ добра, тотъ не долженъ потворствовать ихъ проступкамъ, и не одними убѣжденіями, но вмѣстѣ тѣлесными наказаніями долженъ подавлять въ нихъ сѣмена зла. Потворство дѣтямъ, заслуживающимъ наказанія, свидѣтельствуетъ не о любви къ нимъ, а о преступномъ

пристрастіи къ нимъ, и равносильно ненависти къ нимъ, потому что избалованныя дѣти обыкновенно бываютъ дурными членами семьи, общества, Церкви. Но строгость родителей къ дѣтямъ не должна переходить въ жестокость: они должны наказывать дѣтей жезломъ или розгами *прилежно*, т.-е. внимательно и разсудительно, безъ злобы и раздраженія.

Ст. 26. Праведный ядый насыщаетъ душу свою, души же нечестивыхъ скудны.

Праведникъ всегда сытъ, потому что благодаря своему трудолюбію, бережливости и неприхотливости не знаетъ скудости въ средствахъ жизни. Напротивъ нечестивые доводятъ себя до скудости своею расточительностію, роскошью, и нерѣдко лишаются насущнаго пропитанія. — Можно и нѣсколько иначе толковать этотъ стихъ: не всегда праведникъ обилуетъ средствами жизни; но и немногое, прибрѣтенное трудами рукъ его, для него достаточно,—онъ сытъ, довольствуясь малымъ; излишняго онъ не имѣетъ, но и прихотей не знаетъ, и потому если есть у него насущный хлѣбъ, благодарить за сіе Бога, какъ за величайшую милость: *душа его насыщена*,—желанія его удовлетворены,—большаго онъ не желаетъ, тогда какъ нечестивые, одержимые ненасытнымъ сластолюбіемъ, никогда не чувствуютъ себя удовлетворенными ихъ ничѣмъ не насытишь, чревоугодію ихъ нѣтъ границъ

Гл. 14, ст. 1. Мудрыя жены создаша дома, безумная же раскопа руками своими.

Подъ домами здѣсь разумѣется домашнее хозяйство и семейная жизнь (Ис. 126, 1). Благоустройство хозяйства и семьи зависитъ не отъ одного мужа, но и отъ жены. Достоинство мудрой жены состоятъ въ томъ, что она—отличная хозяйка, трудолюбива и съ бережливостію соединяетъ умѣнье снабжать домъ всѣмъ, что нужно для продовольствія семьи; также въ томъ, что она отличная мать и воспитательница своихъ дѣтей и усердная помощница мужу въ домашнихъ дѣлахъ. Но горе дому, въ которомъ всѣмъ заправляетъ жена неразумная! Она только разстроиваетъ хозяйство

и своимъ вліяніемъ пагубно дѣйствуетъ на душу дѣтей. Положимъ, она можетъ быть причиною этого зла ненамѣренно; но зло отъ этого не перестаетъ быть зломъ. Она не только не противодѣйствуетъ ему, а какъбы намѣренно содѣйствуетъ ему, — она какъбы собственными руками, собственными усилиями разоряетъ домъ, разстроиваетъ хозяйство и губитъ семью.

Ст. 2. Ходяй право (прямо) боится Господа, развращаяй же (искривляющій) пути своя обезчестится.

Человѣкъ прямодушный можетъ имѣть непріятныя столкновенія съ людьми, которымъ не нравится его прямота; но онъ не боится людскаго мнѣнія, — онъ боится одного Господа. Онъ ненавидитъ неправду, потому что боится имѣть свидѣтелемъ, обличителемъ и судіею ея Господа всевѣдущаго, всесвятаго и всеправеднаго. У него одна цѣль — угодить Господу; а что касается людей, онъ знаетъ, что на всякаго не угодишь. Онъ идетъ прямою дорогою, не обращая вниманія на то, пріятно ли это другимъ или непріятно. Во всякомъ случаѣ онъ и отъ людей не обезчестится, — не потерпитъ отъ нихъ вреда для своего добраго имени. Его прямодушіе восторжествуетъ надъ враждою къ нему тѣхъ, которымъ оно не нравится: рано или поздно и они, видя его стойкость въ честныхъ правилахъ, отдадутъ ему справедливость и если не явно, то втайнѣ будутъ уважать его. Но горе человѣку *искривляющему пути свои* изъ человѣкоугодничества! Человѣкоугодничество, простертое до забвенія страха Божія, доведетъ его до того, что и люди, которымъ онъ старается угодить своими *кривыми путями*, — лестію, пронырствомъ, — будутъ презирать его: онъ обезчестится въ ихъ глазахъ.

Ст. 3. Изъ устъ безумныхъ жезлъ досажденія, устѣвъ же мудрыхъ хранятъ я.

Языкъ глухихъ и по глупости дерзкихъ, — врагъ ихъ. Дерзкими и оскорбительными словами (*досажденіемъ*) они словно жезломъ поражаютъ ближняго, причиняя ему сердечную боль, похожую на болѣзненное ощущеніе отъ удара жезломъ; но

ихъ дерзость не остается ненаказанною: они вооружаютъ противъ себя обиженныхъ ими и сами претерпѣваютъ отъ нихъ подобное тому, что сдѣлали имъ. Противоположное сему дѣйствіе производятъ рѣчи людей истинно мудрыхъ. Исходящія изъ ихъ устъ слова здравомысленныя, скромныя, доброжелательныя *хранятъ ихъ*,—оберегаютъ ихъ отъ позора и поддерживаютъ въ обществѣ заслуженное ими уваженіе.

Ст. 4. Идѣже нѣсть воловъ, ясли чисты (пусты), а идѣже жита многа, явна волу крѣпость.

Это хозяйственная замѣтка. Смысль такой: кто хочетъ получить хорошій урожай, тотъ долженъ держать воловъ, необходимыхъ для воздѣлыванія земли. Гдѣ нѣтъ воловъ, тамъ ясли пустуютъ, — т.-е. тамъ нѣтъ корма для воловъ вслѣдствіе того, что поля остаются необработанными. А гдѣ много для воловъ корма (*жита*), тамъ *явна волу крѣпость*, т.-е. обиліе корма свидѣтельствуетъ о пользѣ отъ рабочей силы воловъ,—безъ нихъ не было бы довольства для нихъ, слѣдственно и для людей.

Ст. 5. Свидѣтель вѣренъ не лжетъ, разжизаетъ же ложная свидѣтель неправеденъ.

Идетъ рѣчь о свидѣтелѣ въ судебныхъ мѣстахъ. Есть свидѣтели вѣрные и добросовѣстные. Они привыкли всегда и вездѣ говорить одну правду, и этому правилу не измѣняютъ, когда призваны бываютъ въ судъ для отобранія отъ нихъ показаній по дѣлу подсудимаго. Они покажутъ одну правду, по совѣсти; ихъ нельзя склонить къ лжесвидѣтельству ничѣмъ—ни мольбою, ни посулами, ни угрозами. Но есть и *неправедные свидѣтели*. Это люди недобросовѣстные. Они готовы не только дать ложное показаніе предъ судомъ, но еще *разжизаютъ ложь*. Они не затруднятся, въ оправданіе виновнаго и въ обвиненіе невиннаго, прибавить къ одному лжесвидѣтельству другое, подобно тому, какъ для усиленія огня въ кострѣ подкидываютъ одно полѣно за другимъ: поистинѣ *разжизаютъ ложь*, находя въ этомъ для себя выгоду, или безкорыстное бѣсовское удовольствіе (См. подобное въ пареміи въ четвергъ 2-й седмицы В. поста. Гл. 6, ст. 19).

Ст. 6. **Взыщеши премудрости и злыхъ, и не обрязащеши, чувство же (вѣдѣніе) у мудрыхъ удобно.**

Такъ какъ началомъ премудрости служитъ страхъ Божій или благочестіе, то у злыхъ, т.-е. чуждыхъ страха Божія, нѣтъ мудрости,—они мудры только на зло; у нихъ *не обрязащеши*, не научишься истинной мудрости, а научишься одному лжеумудрованію,—одному умѣнью дѣлать зло и увертываться отъ наказанія за него. Итакъ, если желаешь научиться истинной мудрости, ищи ее у людей, которые хранятъ мудрость въ чистомъ сердцѣ и удаляются отъ зла. Это благонадежные учителя: сообщаемое ими *вѣдѣніе удобно* къ пріятію и спасительно.

Паремія въ пятомъ 4-й седмицы Великаго поста.

(Притч. 14, 15—26).

Гл. 14, ст. 15. **Незловивый вѣру емлетъ всякому словеси, коварный же приходитъ въ раскаяніе.**

Довѣрчивости незлобиваго противопоставляется здѣсь недо-вѣрчивость коварнаго. Незловивый, т.-е. безхитростный и прямодушный, самъ никого не обманываетъ, со всякимъ говорить искренно, и другихъ не подозрѣваетъ въ обманѣ и двуличности. Случается, что иной, пользуясь до-вѣрчивостію незлобиваго, грубо и со вредомъ для него обманываетъ его; но несмотря на сіе незловивый *не раскаявается* въ своей до-вѣрчивости,—по добротѣ своей онъ склоненъ предполагать въ людяхъ лучшее, чѣмъ худшее. Онъ разсуждаетъ, что лучше потерпѣть обманъ отъ однихъ, чѣмъ обидѣть незаслуженнымъ подозрѣніемъ другихъ. Не такъ поступаетъ коварный. Онъ самъ имѣетъ привычку обманывать и другихъ подозрѣваетъ въ томъ же, по себѣ судя о другихъ. Но нерѣдко и ему приходится *раскаяваться* въ томъ, что онъ слишкомъ

далеко простираетъ свою недовѣрчивость, — нерѣдко и онъ горько убѣждается въ несправедливости своихъ подозрѣній. Напримѣръ, скажутъ ему объ опасности, угрожающей его жизни, чести, собственности. Онъ не вѣритъ и дѣйствительно подвергается этой опасности.

Ст. 16. Премудръ убоявся уклонится отъ зла, безумный же, на себе надѣваясь, смѣшивается (сообщается) съ беззаконнымъ.

Мудрому свойственно думать о себѣ скромно и смиренно. Онъ не почитаетъ себя непогрѣшительнымъ и въ затруднительныхъ случаяхъ, изъ опасенія потерпѣть зло, не пренебрегаетъ совѣтами людей благонамѣренныхъ, богобоязненныхъ и опытныхъ, и пользуясь ихъ добрыми совѣтами, *уклоняется отъ зла*, котораго боялся. Самонадѣянность, увѣренность въ своей непогрѣшимости, свойственна только неразумному и кромѣ вреда ничего ему не приноситъ. Почитая униженіемъ для своего достоинства совѣтоваться съ людьми благоразумными и доброжелательными, онъ не догадывается, что ходитъ посреди сѣтей, — и попадаетъ въ руки беззаконныхъ. Подмѣтивъ въ немъ самоувѣренность, они съ успѣхомъ пользуются этою его слабостію, чтобы подчинить его своему вліянію. Они притворяются поклонниками его проницательности и находчивости, и чрезъ это вкрадываются въ его довѣренность. Онъ не замѣчаетъ ихъ коварства, прикрытаго видомъ безкорыстнаго усердія къ нему, — они такъ искусно умѣютъ навязать ему свои мнѣнія, что они кажутся ему своими собственными. Послѣдствія происходятъ самыя плачевныя. Беззаконники, въ общество которыхъ онъ попалъ, вводятъ его въ непоправимыя затрудненія, и потомъ надъ нимъ же смѣются. По дѣломъ: не будь гордъ и самоувѣренъ.

Ст. 17. Остроагростный (вспыльчивый) безъ совѣта (безразсудно) творить (дѣйствуетъ), мужъ же мудрый многая терпитъ.

Вспыльчивость противопоставляется здѣсь самообладанію. Вспыльчивый изъ-за малѣйшихъ оскорбленій выходитъ изъ

себя и въ этомъ состояніи способенъ надѣлать много безразсудствъ (*творитъ безъ совѣта*), о которыхъ послѣ будетъ жалѣть. Ничего подобнаго не позволяетъ себѣ мудрый. Онъ отличается самообладаніемъ и *многая терпитъ*: на оскорбленія, какъ бы ихъ много ни было, онъ отвѣчаетъ не выраженіемъ негодованія, зная, что это еще пуще озлобило бы обидчика, но молчаніемъ, и тѣмъ обезоруживаетъ и приводитъ въ стыдъ обидчика.

Ст. 18. Раздѣляютъ (получаютъ въ удѣлъ) безумніи злобу (зло), коварніи же удержатъ чувство (въдѣніе).

Безумный въ противоположность *коварному* означаетъ здѣсь неразсудительный, легкомысленный. Онъ не заботится о стяжаніи вѣдѣнія (*чувства*) умозрительнаго и практическаго, не вразумляется уроками жизни, и потому получаетъ въ удѣлъ *зло*,—ему не хорошо живется на свѣтѣ. Ему противопоставляются *коварные* не въ худомъ, а въ добромъ смыслѣ (Слнч. Прит. 1, 4), т.-е. осмотрительные и осторожные. Они *удержатъ въдѣніе*: въ какихъ бы обстоятельствахъ они ни находились, они сохраняютъ ясный взглядъ на свое положеніе, ясно поймутъ, какъ надо вести себя. Они будутъ вести себя одинаково благоразумно въ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,—ни въ первомъ случаѣ они не возгордятся, ни въ послѣднемъ не упадутъ духомъ. Приобрѣтенное ими *въдѣніе*, или разумѣніе жизни, предостережетъ ихъ отъ той и другой крайности.

Ст. 19. Поползнутъ (преклонятся) зліи предъ благими и нечестивіи послужатъ предъ дверми праведныхъ.

Злымъ и нечестивымъ свойственно презирать и притѣснять праведныхъ. Послѣдніе много зла терпятъ отъ первыхъ; но случается, что обидчики и притѣснители праведныхъ, по суду правды Божіей, впадаютъ въ нищету и униженіе, и тогда отношеніе ихъ къ праведнымъ перемѣняется. Они съ поклонами начинаютъ заискивать благоволенія у тѣхъ, которыхъ презирали и унижали, и добиваются у нихъ чести служить у ихъ воротъ,—быть привратниками.

Ст. 20. Друзи возненавидятъ друговъ убогихъ, друзи же богатыхъ мнози.

Истинное дружество—рѣдкое явленіе. Пока человекъ богатъ, у него много друзей; но впадетъ въ бѣдность, его не только бросаютъ, но еще начинаютъ ненавидѣть друзья. Ихъ привязывала къ богатому не искренняя пріязнь, а гостепрѣимство и корыстные расчеты.

Ст. 21. Везчестяй убогія согрѣшаетъ, милуяй же нищія блаженъ.

Замѣтна связь этого стиха съ предыдущимъ. Презирающій обѣднѣвшаго друга тяжело грѣшитъ предъ Богомъ и навлекаетъ гнѣвъ Его. Но кто милостивъ къ своему обнищавшему другу, помогаетъ ему въ нуждѣ, тотъ поистинѣ блаженъ, ибо кто милостивъ къ ближнему, къ тому милостивъ Господь.

Ст. 22. Заблуждающіи (неправедницы) дѣлаютъ (строютъ) злая, милость же и истину дѣлаютъ (строютъ) благіи. Не вѣдаютъ милости и вѣры (вѣрности) дѣлателие злыхъ (строители зла), милостыни же и вѣры (вѣрность) у дѣлателей (строителей) благихъ.

Люди заблуждающіе, т.-е. сбившіеся съ пути добра, и люди добрые представляются здѣсь подъ образомъ строителей. Последніе дѣлаютъ свое дѣло (воздвигаютъ дома, работаютъ въ мастерскихъ) по предназначанному плану. Подобно сему поступаютъ въ нравственномъ отношеніи люди злые и добрые. Первые немилостивы и вѣроломны (*не вѣдаютъ милости и вѣрности*) не по мимолетному увлеченію, а намѣренно, предварительно обдумавъ способы повредить ближнему жестокостію и вѣроломствомъ. Вѣроломство ихъ состоитъ въ томъ, что они, вкравшись въ довѣріе неосторожнаго человека, злоупотребляютъ его довѣріемъ и обманываютъ его безсовѣстно, съ цѣлю, напримѣръ, поживиться на его счетъ. Противоположно сему ведутъ себя въ отношеніи къ ближнимъ *строители благіе*,—люди добрые: благо ближняго они

принимають къ сердцу, какъбы собственное благо, и съ усердіемъ добросовѣстныхъ строителей всячески стараются благоустроить состояніе нуждающагося въ ихъ помощи ближняго, и данныя ему обѣщанія свято исполняютъ.

Ст. 23. Во всякомъ пекущемся есть изобиліе, любостластный же (измѣненный) и безпечальный (безпечный) въ скудости будетъ.

Изобиліе и скудость бываетъ плодомъ благословія Божія къ трудящимся и неблагословія къ избѣгающему трудовъ. Трудолюбивый при помощи благословія Божія награждается тѣмъ, что пріобрѣтенное его честнымъ трудомъ достаточно не только для удовлетворенія его потребностей, но и для вспоможенія ближнимъ. Но Господь не потворствуетъ своею милостію человѣку, ведущему безпечную и измѣненную жизнь: онъ живетъ въ скудости.

Ст. 24. Вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ, житіе же безумныхъ зло.

Плохо живется на свѣтѣ человѣку неразумному, не принимающему ни отъ кого вразумленій и пренебрегающему наставленія: ему суждено жить въ скудости,—ибо если онъ и трудится для обезпеченія себя въ средствахъ жизни, но трудится неумѣючи и оттого бесплодно. Истинно мудрый наживаетъ себѣ богатство не только честнымъ, но и разумнымъ трудомъ. Посему пріобрѣтенное такимъ трудомъ богатство поистинѣ есть его *вѣнецъ*,—слава и похвала. Никто не упрекаетъ его за обладаніе богатствомъ: всякій видитъ, что оно нажито безъ обиды ближнему и разумно.

Ст. 25. Избавить злыхъ (отъ золъ) душу свидѣтель вѣренъ, разжизняетъ же лживая лестный (лживый).

Добросовѣстный свидѣтель правдивымъ показаніемъ на судѣ спасаетъ отъ бѣды невиннаго, способствуетъ его оправданію; а недобросовѣстный сплетеніемъ лжи подводитъ подъ бѣду невиннаго (Слич. гл. 12, ст. 17).

Ст. 26. Въ стражѣ Господни упованіе крѣпости, чадомъ же своимъ оставить утвержденіе мира (*твердый миръ*).

Страхъ Господень есть твердая опора въ жизни. Кто Бога боится, тотъ возлагаетъ упованіе на Него, и не посрамляется въ своемъ упованіи. Господь, на котораго онъ уповаешь, ограждаетъ свою силою его миръ и безопасность, спасаетъ его отъ бѣдъ и напастей. И не только онъ самъ находитъ въ Богѣ свою крѣпость и защиту, но и дѣтямъ *оставитъ твердый миръ*. Дѣти, наслѣдующія отъ отца страхъ Божій, наслѣдуютъ и благословеніе Божіе. «Господь крѣпость людемъ своимъ дастъ, Господь благословитъ люди своя миромъ».

Прот. В. Нечаевъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО САМОУБИЙСТВА.

Недавно, въ Петербургѣ, кончилъ жизнь одинъ докторъ-профессоръ самоубійствомъ. Поводомъ къ такому противоестественному преступленію была неудачная операція, дѣланная имъ одной больной женщиной, причинившая, какъ говорятъ, ей смерть, а ближайшею причиною преступленія было непомерно развитое самолюбіе, страхъ за потерю репутаціи, боязнь мнѣнія общественнаго. Друзья покойнаго и множество посторонней публики чествовали самоубійцу, восхваляя его рѣчами, украшая гробъ его вѣнками. Газеты старались выставить самоубійцу героемъ честности и самоубійство изображали чуть ли не святымъ подвигомъ. Такъ высказалось мнѣніе многихъ членовъ современнаго намъ общества о грустномъ и, къ сожалѣнію, нерѣдекомъ въ наше время явленіи. Прискорбно думать, что примѣръ самоубійцы, человѣка ученаго, принадлежащаго къ высокообразованному классу общества, увѣнчаннаго славою за самовольное лишеніе себя жизни, найдетъ подражателей не у однихъ легкомысленныхъ недоучекъ или темныхъ людей.

Нельзя не спросить самихъ себя, хорошо ли дѣлаетъ наше общество и наша литература, прославляя преступленіе? А что самоубійство есть тяжкое преступленіе, это очевидно для всякаго, похристіански и здравомысленно разсуждающаго. Христіанинъ признаетъ жизнь не «случайнымъ и напраснымъ даромъ», но даромъ Божиимъ; а Богъ ничего не даетъ ни случайно, ни напрасно. Если жизнь отъ Бога, то она и должна всецѣло принадлежать Богу, и самовольно уничтожать этотъ даръ милости Божіей значитъ дерзостно присвоивать и

губить собственность Божію. Сверхъ того, самоубійство есть преступленіе противоестественное. Господь, надѣливши разумное твореніе свое, человѣка, дарами мудрости и благодати для цѣлесообразнаго прохожденія данной имъ жизни, даровалъ ему и любовь въ жизни, стремленіе къ ея сохраненію и обезпеченію, или—то, что у насъ называется «инстинктъ самосохраненія», и потому *никтоже плоть свою возненавидѣтъ, но питаетъ и грѣтъ ю* (Ефес. 5, 29). Поистинѣ самое грустное явленіе представляетъ человѣкъ, утратившій инстинктъ самосохраненія и безумно поднимающій руку на самого себя. До такого несчастнаго состоянія люди доходятъ главнымъ образомъ путемъ невѣрія въ Бога, карающаго и милующаго, и невѣрія въ загробную, вѣчную жизнь, для однихъ исполненную небснаго блаженства, для другихъ—адскихъ мученій; а такъ какъ только *безумецъ рече въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Богъ* (Псал. 13, 1), то и самоубійство въ этомъ смыслѣ можно назвать безуміемъ. Какъ на знаменательное явленіе нашего времени, мы можемъ указать на современныхъ лжеучителей, которые просвѣщаютъ современное общество искусною диалектикою, софизмами и потворствомъ страстямъ человѣческимъ. Таковы напр. Шопенгауеръ и Гартманъ. Мы здѣсь не станемъ излагать ихъ ученія, а скажемъ только, что самая жизнь, по мнѣнію Шопенгауера, есть «призракъ, отрицаніе, отъ котораго нечего ждать; смерть—индійская *нирвана*, вѣчный покой, *блаженство небытія*», какъ будто не существуя можно ощущать блаженство!

Но мы будемъ судить поверхностно, если въ самоубійцахъ будемъ видѣть только невѣрующихъ, *отвергающихъ бытіе Божіе и загробную жизнь*. Нѣтъ, между самоубійцами есть люди, которые не чужды вѣры, но которые желаютъ согласить ученіе Вѣры и Церкви съ умствованіями лжеучителей, или просто съ собственными измышленіями, построенными не на основаніи, котораго *никтоже можетъ положить паче лежащаго*. Эта зыбкая почва, на которой многіе нынѣ строятъ домъ своей жизни, конечно постоянно колеблется и легко разрушается. Они забываютъ, или не вѣруютъ, что природа

человѣка искажена грѣхомъ, отъ котораго можетъ избавить только благодать Божія. Отсюда беззавѣтное покорство всѣмъ требованіямъ чувственной природы и стремленіе удовлетворить оныя вопреки требованіямъ религіи и Церкви. Нарушать эти требованія они не считаютъ грѣхомъ. Во имя естественной, на-примѣръ, потребности удовлетворять голодь и жажду для поддержаія своей жизни, они не почитаютъ грѣхомъ не слушаться Церкви, требующей воздержанія отъ пищи и питія въ извѣстные дни. Они не признаютъ для себя обязательнымъ терпѣніе, которымъ слѣдуетъ *стяжать души наши*, и среди житейскихъ невзгодъ не ищутъ себѣ утѣшенія въ размысленіи о будущей загробной жизни, въ которой всѣ плачущіе утѣшатся и алчущіе правды насытятся. Крестъ, терпѣніе, эта высокая добродѣтель, освященная примѣромъ нашего Спасителя, потомъ—Его святыхъ подвижниковъ, для естественнаго человѣка кажется юродствомъ. Вообще, уклонившись разъ отъ повиновенія требованіямъ религіи и Церкви на путь свободомыслія, человѣкъ, не переставая считать себя вѣрующимъ, позволяетъ себѣ измѣнять, ограничивать и дополнять ученіе Вѣры по собственному усмотрѣнію. Вольномысліе свое онъ старается оправдать благовиднымъ предлогомъ. «Что за грѣхъ, разсуждаетъ онъ, не сходить въ праздникъ въ храмъ Божій, если въ это время займемся непредосудительнымъ дѣломъ», относимымъ, по соображенію человѣческому, къ числу богоугодныхъ дѣлъ? «Что за грѣхъ поработать въ праздникъ, когда работа служить къ поддержанію семьи? Что за грѣхъ чиновнику присвоить казенныя деньги, когда недостаетъ ему казеннаго жалованья на жизнь, не безъ прихотей имъ устроенную? Что за грѣхъ, наконецъ, и лишитъ себя жизни, если она становится невтерпежь? Вѣдь всеблагій Богъ, *если Онъ есть*, не осудитъ человѣка за его стремленіе къ покою, который можно найти въ загробной жизни, *если она есть*?» Такими разсужденіями люди, *будто-бы вѣрующіе*, доходятъ до извиненія самоубійства. Къ сожалѣнію, наша литература, эта представительница образованной части общества, потворствуетъ такому взгляду на са-

моубійство. Въ Рус. Вѣст. за 1885 г., въ первыхъ шести книжкахъ помѣщена повѣсть: «Дорогою цѣною». Герой этой повѣсти—молодой князь Батуровъ, кандидатъ университета, съ прекрасными задатками умственными и нравственными. Онъ борется съ обстоятельствами, сложившимися враждебно для его добрыхъ намѣреній. Отецъ, котораго онъ любилъ горячо и которому жертвовалъ своимъ небольшимъ состояніемъ, оставшимся отъ матери, раззорилъ его и довелъ до сознанія необходимости жениться на богатой дѣвушкѣ безъ любви. Молодой человекъ любитъ другую и уступаетъ страсти къ этой послѣдней, послѣ нѣкоторой борьбы съ чувствомъ долга къ своей женѣ. Но любимая женщина была его недостойна, пренебрегла имъ и потеряла въ его глазахъ тѣ чувства чести и искренности, которыя онъ уважалъ въ ней. Сраженный всѣми этими обстоятельствами, утративъ уваженіе къ самому себѣ и лицамъ, близкимъ къ нему—къ отцу, къ любимой женщинѣ и остальному обществу,—чувствуя себя не въ силахъ вынести ярмо супружеской жизни съ нелюбимою и нелюбящею женою, молодой князь рѣшается на самоубійство. Но авторъ повѣсти, желая своего героя украсить всѣми добродѣтелями, предъ самоубійствомъ влагаетъ въ уста его молитву и даетъ ему въ руки Евангеліе, въ которомъ онъ читаетъ о всеблагомъ Богѣ, затѣмъ съ *умилленною* душою, въ *молитвенномъ настроеніи*, самоубійца стрѣляетъ себѣ въ лобъ и падаетъ мертвымъ а)... Это ли не кощунство? Это ли не грубое, безумное истолкованіе закона божественнаго? Нѣтъ, г. авторъ, что-нибудь не такъ: или вашъ герой не понималъ самыхъ начальныхъ правилъ христіанской религіи, всеу произносилъ слова молитвы и Евангеліе читалъ безмысленно; или, что всего вѣрнѣе, онъ вовсе не молился и не

а) Подобный случай былъ въ прошедшемъ году въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Здѣсь одинъ купецъ покончилъ съ собою, предварительно помолвившись Богу и заказавъ совершить поминованіе по своей душѣ. Но это кощунство скорѣе было дѣломъ грубаго невѣжества и чуть ли не имѣло связи съ начинавшимся умопомѣшательствомъ.

читалъ святой книги. Здѣсь ложь или въ недостаткѣ объясненія факта, или въ неправдоподобной выдумкѣ онаго. Грустно думать, что такая повѣсть, какъ и многія другія произведенія нашей литературы, приносятъ зло нашему обществу и поощряютъ его, такъ сказать, къ преступному самоубійству, какъбы примиряя это преступленіе съ закономъ нравственнымъ.

Доколѣ продлится это злосчастное броженіе? Доколѣ мы будемъ играть жизнью, потерявшею для насъ значеніе поприща, которое мы должны благочестно и терпѣливо пройти, чтобы приготовиться къ жизни будущей, вѣчной, предъ которою всѣ земныя страданія и радости—ничто? Не обинуясь отвѣчаемъ: дотолѣ, пока не проникнетъ насъ свѣтъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія, предъ которымъ всякое мудрованіе человѣческое есть только слабое мерцаніе, не освѣщающее и не согрѣвающее человѣка. Истинная свобода, которая нынѣ всѣмъ такъ желательна, состоитъ въ свободномъ послушаніи ученію Вѣры и Церкви, а не въ вольномыслии, которое не имѣетъ ничего общаго съ этимъ ученіемъ.

Р. К—въ.

4 марта.

МНѢНІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

«о постановленіяхъ Церкви по предмету содѣйствія ей христіанскихъ правительствъ противъ ересей» (1860 г.). а)

I. Христіанство въ первые вѣка распространялось, очевидно, не посредствомъ гоненій, а вопреки гоненіямъ, вслѣдствіе при-
сущей ему божественной силы. Но и здѣсь Промыслъ иногда избиралъ орудіями своими даже нѣкоторыхъ изъ языческихъ императоровъ, которые миролюбивымъ расположеніемъ къ христіанству не мало способствовали его успѣхамъ. Напротивъ того, гонители хотя и не могли истребить вѣру Христову, но нерѣдко и весьма значительно останавливали ея распространеніе. Наконецъ, при торжествѣ Церкви въ царствованіе Константина Великаго божественныя силы власти, направленныя дотолѣ противъ Церкви, обращены къ защитѣ внутренняго и внѣшняго ея благоденствія. Христіанскіе императоры содѣйствовали ей искорененіемъ остатковъ идолопоклонства и низложеніемъ еретиковъ. Когда же случилось, что ереси находили покровителей въ самихъ царяхъ, тогда онѣ разрастались такъ, что, напримѣръ, при вступленіи на константинопольскую кафедру св. Григорія Богослова, во всемъ Цареградѣ оставалась уже только одна часовня православная, а послѣ при содѣйствіи православныхъ императоровъ уже еретики удержали за собою только одну часовню. Вообще же содѣйствіе царей рѣшеніемъ соборовъ прекращало ереси, и наоборотъ, покровительство ересямъ угнетало христіанство. Императоры, покровительствовавшіе иконоборцамъ, возмутили всю Церковь, и только тогда въ ней водворился опять всеобщій миръ, а ересь иконоборческая подавлена, когда сами

а) Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета, издаваемое Саввою, архіепископомъ тверскимъ. Т. IV, стр. 462—470.

б) Константинъ Великій, римскій импер. † 22 мая, 337 г.

цари и царицы усиленно стали тому содѣйствовать. Позднѣе, латинское владычество въ Цареградѣ и вообще на Востокѣ развѣ не повредило православію? И магометанское иго развѣ способствовало его распространенію? Теперь же, когда противники Церкви безпрепятственно увлекаютъ слабыхъ въ ереси и расколь, не есть ли это прямое слѣдствіе усилившагося послабленія расколу отъ мѣстныхъ низшихъ властей, при равнодушіи и недостаткѣ покровительства вѣрѣ, нерѣдко и со стороны высшихъ. Неужели же отечество наше добровольно станетъ въ то положеніе, въ которое Востокъ поставленъ несчастными обстоятельствами невольнѣ?

II. Въ высшей степени поучительно ознакомиться ближе съ законами, изданными противъ язычниковъ и еретиковъ Константиномъ Великимъ и его преемниками Θεодосіемъ в), Юстиніаномъ г) и другими благочестивыми императорами. Когда христіанство восторжествовало, языческіе жрецы весьма естественно не могли уже оставаться при своихъ прежнихъ преимуществахъ, но сверхъ того у всѣхъ язычниковъ отнять доступъ къ почетнымъ и придворнымъ должностямъ, какъ такимъ, которыя увеличивали бы ихъ вліяніе на народъ,—повелѣнно было сокрушать идоловъ, капища разрушать или превращать въ христіанскіе храмы, или запираеть, воспрепятствуя входъ въ оныя, подъ опасеніемъ тяжелой пени; жертвоприношенія и вообще обряды языческіе были строжайше запрещены, и возобновителямъ языческаго богослуженія угрожало наказаніе. Строгость этихъ мѣръ была вызвана яснымъ сознаніемъ, что безъ нея невозможно было бы избавить вѣрныхъ отъ постоянного соблазна. Потому блаженный Августинъ д), упоминая о законахъ, имѣвшихъ цѣлю искоренить языческіе обряды, говоритъ: «конечно, между нами нѣтъ никого, кто бы не одобрялъ этихъ законовъ».

И въ отношеніи къ еретикамъ императоры помнили, что «мать должна миловать свои чада и защищать ихъ, и что она была бы немилостива и жестока, еслибы, охраняя волковъ, погубляла овецъ». Въ выборѣ же средствъ для охраненія вѣрныхъ отъ ересей благочестивые императоры сообра-

в) Θεодосій Великій, императ., владѣвш. цѣлою римскою имперією, † въ 395 г.

г) Юстиніанъ Великій императ. восточн. римск. импер., царств. съ 527 по 565 г.

д) Августинъ блаженный, еписк. иппонійскій, знаменит. учитель Церкви, † въ 403.

жались съ обстоятельствами, употребляли благоразумныя, но твердыя мѣры къ убѣжденію заблудшихъ, а въ случаѣ сопротивленія и буйства простирали строгость не на всѣхъ, а только на главныхъ лжеучителей и вообще не предпринимали того, что не принесло бы пользы, а только бы больше ожесточило противниковъ. Смертной казни подвергались еретики въ томъ только случаѣ, когда они доходили до ожесточеннаго сопротивленія властямъ или до преступленій противъ самой природы. Вообще же благочестивые императоры помнили изреченіе святыхъ отцевъ, что еретика должно не убивать, а исправлять.

Главные законы, изданные императорами для охраненія православія и обузданія еретиковъ, заключались въ слѣдующемъ:

Сборища еретическія были строжайше запрещены и нарушающіе это запрещеніе подвергались изгнанію или пенѣ. Запрещено было еретикамъ строить церкви, а тѣ дома, въ которыхъ они собирались, были конфискуемы. Запрещено было еретикамъ посвящать кого-либо въ епископы, священники и діаконы. Съ особенною строгостію поступаемо было съ тѣми, кто совращалъ другихъ. Лжесвященники подвергались тяжкой пенѣ, изгнанію или ссылкѣ. Особенными законами охранялись тѣ христіане, у которыхъ между родственниками были еретики. Еретики не имѣли права ни передавать другимъ свои имѣнія по завѣщанію, ни принимать завѣщанное. Приверженцы нѣкоторыхъ сектъ (напр. Манихеи) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ временно всѣ вообще еретики подвергались изгнанію или пенѣ.

Только одинъ императоръ подъ предлогомъ, что вѣра не терпитъ принужденія, отмѣнилъ всѣ законы противъ еретиковъ, возвратилъ сосланныхъ и сравнилъ въ правахъ съ православными. То былъ Юліанъ Отступникъ е).

За исключеніемъ его всѣ императоры сознавали пользу и необходимость законовъ, охраняющихъ правовѣріе и правовѣрныхъ. Понимая же, что законы должны быть не только издаваемы, но также и исполняемы, и видя вредъ и опасность отъ незаконнаго и своекорыстнаго снисхожденія нѣкоторыхъ правителей къ еретикамъ, императоры опредѣлили тяжкую пеню и лишеніе должности для правителей и судей

е) Юліанъ, прозванн. христіанами Отступникомъ, импер., визант., † 27 іюля, 363 г.

за отступленіе ихъ отъ сихъ законовъ; сами же въ своемъ лицѣ являли примѣръ ревности по православію. Законами запрещено было еретикамъ обращаться къ нимъ лично и утруждать ихъ прошеніями. вмѣстѣ съ тѣмъ императоры охраняли чистоту общественныхъ нравовъ, воспрещая зрѣлища въ праздничные дни и т. п., сознавая, впрочемъ, что содѣйствіе правительства есть хотя и необходимое, существенное, но не единственное условіе утвержденія вѣры. Тогда какъ государи старались разными законами приводить отторгшихся къ единенію съ Церковію, пастыри Церкви не переставали увѣщевать и поучать заблудшихся.

III. «Еслибы еретики (говоритъ блаженный Августинъ въ письмѣ къ Викентію) были только устрашаемы (государственными законами), но притомъ не были бы и поучаемы, то это могло бы казаться несправедливостію и насиліемъ. А еслибы они только были поучаемы, но съ тѣмъ вмѣстѣ не были устрашаемы закономъ, то изъ нихъ ожесточенные закоснѣlostію привычки слабо побуждались бы вступить на путь спасенія. Но къ полезному страху присоединяется спасительное наставленіе, такъ что не только свѣтъ истины изгоняетъ мракъ заблужденія, но также и оковы дурной привычки разрываются силою страха. Я самъ прежде былъ того мнѣнія, что не должно употреблять никакихъ внѣшнихъ побужденій къ единенію съ Церковію и что надобно дѣйствовать только словомъ, сражаться одними разсужденіями, побѣждать доказательствами, чтобы не имѣть намъ ложныхъ православныхъ въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые прежде были открытыми еретиками. Но это мнѣніе мое оспорено было не словами, а фактами. Многіе убѣжденные очевидною истиною, давно хотѣли быть православными, но боясь своихъ, ежедневно откладывали свое обращеніе. Многихъ удерживала сила привычки или нерадѣніе. Многіе думали, что нѣтъ различія, принадлежитъ ли кто къ числу православныхъ или нѣтъ, и оставались въ ереси потому только, что въ ней родились и что никто не побуждалъ ихъ перейти къ православію. Всѣхъ этихъ возвратили въ лоно Церкви законы (противъ еретиковъ изданные) и кого безопасность дѣлала нерадивыми, тѣхъ обратила попечительность о нихъ Церкви и правительства, и теперь они же торжествуютъ обращеніе свое, какъ самый свѣтлый праздникъ. Итакъ, да служатъ цари земные Христу, издавая также законы въ пользу ученія Христа». «Лучше, говоритъ тотъ же учитель Церкви въ другомъ

письмѣ,—лучше, конечно, (кто же сомнѣвается?) однимъ поученіемъ приводить людей къ истинному благочестію и не побуждать ихъ страхомъ наказанія. Но оттого, что одни изъ людей лучше, не должно оставлять безъ попеченія тѣхъ, которые хуже».

«Опытомъ дознано, что многимъ было полезно сперва быть понужденными страхомъ, чтобы послѣ они могли или научиться или на дѣлѣ исполнить то, чему учились на словахъ. Конечно, тѣ лучше, которыми управляетъ любовь, но тѣхъ больше, которыхъ исправляетъ страхъ. Не всякій, кто насъ щадитъ, намъ другъ, и не всякій, кто насъ не щадитъ, намъ врагъ. Кто можетъ любить насъ болѣе, какъ не Богъ? Однако и Онъ не перестаетъ не только нѣжно поучать насъ, но также и спасительно устрашать. Иногда тать, посыпая кормъ, отманиваетъ отъ стада, а иногда пастухъ, ударяя бичемъ, пригоняетъ къ стаду блуждающихъ овецъ. Еслибы кто, види врага своего въ горячкѣ и безпамятствѣ бѣгущаго къ пропасти, не схватилъ и не связалъ, а позволилъ бы ему бѣжать, то не воздалъ ли бы ему зломъ за зло? Сколько еретиковъ, по обращеніи своемъ, проклинали свою прежнюю жизнь и жалкія заблужденія, тогда какъ къ сему спасительному сознанію приведены были строгими законами! Нѣкоторымъ эти законы не послужили въ пользу, но развѣ должно бросать лекарство оттого, что безуміе нѣкоторыхъ неисцѣлимо?»

«Тѣ, которые не хотятъ видѣть законовъ противъ ихъ нечестія, говорятъ, что апостолы не просили помощи у земныхъ царей. Кто такъ говоритъ, тотъ забываетъ, что тогда было иное время, что все должно дѣлаться въ свое время. Ибо какой императоръ тогда увѣровалъ въ Христа и хотѣлъ бы служить Ему изданіемъ законовъ въ пользу благочестія противъ нечестія? Тогда исполнялось еще пророческое изреченіе: «Вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земли и князи собрашася вкупѣ, на Господа и на Христа Его» (Псал. 2 ст. 1—2). Тогда еще не приводилось въ дѣйствіе то, о чемъ говорится въ томъ же псалмѣ немного ниже: «И мнѣ царіе разумѣйте, накажитесь вси судящіи земли. Работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ». Какимъ же образомъ цари служатъ Богу со страхомъ, если не воспрещая и наказывая съ благочестивою строгостію то, что противно заповѣдямъ Господнимъ? Ибо иначе служить царь Богу, какъ

человѣкъ, и иначе, какъ царь. Какъ человѣкъ, онъ служитъ Богу, живя похристіански; но поелику онъ также царь, онъ служитъ Богу, издавая законы, повелѣвающіе то, что праведно, а противное сему воспрещая съ приличною строгостію. Такъ Господу служилъ Езекія (4 кн. Царствъ, гл. 18, ст. 4), который разрушилъ дубравы и капища языческія. Такъ служатъ Господу цари, поколику они цари, когда дѣлаютъ во славу Божию то, что могутъ дѣлать только цари.

«Никто изъ здравомыслящихъ не дерзнетъ сказать царямъ, что имъ нѣтъ нужды до того, каковы ихъ подданные, цѣломудренны, или развратны; и кто, кромѣ безумнаго, можетъ сказаť имъ: Не заботьтесь, въ какомъ бы состояніи ни находилась Церковь Господня въ государствѣ вашемъ, пользуется ли она миромъ или терпитъ бѣдствія отъ враговъ своихъ; благочестіе и нечестіе подданныхъ вашихъ не подлежатъ вашему смотрѣнію?»

«Пастыри церковныя просятъ помощи у христіанскихъ императоровъ, не отомщая за себя, но охраняя вѣренныя имъ паствы. Еслибы они этого не дѣлали, слѣдовало бы порицать ихъ за нерадѣніе. Ибо и апостоль Павелъ не о своей жизни заботился, но о Церкви Божіей, когда, узнавъ о составленномъ противъ него заговорѣ, прибѣгнулъ къ помощи тысячника».

Опираясь на всѣ сіи доводы, бл. Августинъ говоритъ: «укрощать и исправлять еретиковъ посредствомъ установленныхъ отъ Бога властей мнѣ кажется не бесполезнымъ. И такъ какъ апостоль говоритъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога», то, безъ сомнѣнія, когда цари оказываютъ Церкви помощь, помощь сія намъ о имени Господа, сотворившаго небо и землю».

Кромѣ бл. Августина, можно бы привести еще свидѣтельства св. Іоанна Златоустаго, совѣтовавшаго разорять сборища еретиковъ, и свидѣтельства многихъ другихъ св. отцевъ.

IV. Обратимся къ правиламъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

Святыми отцами кареагенскаго собора (правила котораго утверждены VI и VII вселенскими соборами) заблагоразсуждено просить царей объ искорененіи остатковъ идолопоклонства, объ истребленіи идоловъ, разрушеніи капищъ, воспрещеніи языческихъ пиршествъ и вообще обо всемъ, что усмотрятъ полезнымъ противъ еретиковъ и еллиновъ и противъ суевѣрій ихъ (прав. 69, 71, 95, 120); также признано при-

личнымъ просить начальниковъ областей о вспоможеніи общей матери, каеолической Церкви, противъ еретиковъ (прав. 78). Того же кареагенскаго собора 59 правиломъ и VI вселенскаго 23 правиломъ, антиохійскаго 5 и 11, константинопольскаго 9 правиломъ постановлено: «нарушающихъ церковное устройство удалять и неволею изъ царствующаго града; производящихъ въ Церкви возмущенія и крамолы и не хотящихъ покоряться кроткому увѣщанію церковныхъ пастырей обращать, какъ мятежниковъ, къ порядку свѣтскою властію». Сто четвертымъ правиломъ кареагенскаго собора было постановлено просить благочестивыхъ царей, Аркадія ж) и Гонорія з), чтобы возстановленъ былъ законъ Θεодосія В. о взыскиваніи по 10 фунтовъ золота съ еретиковъ, рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, а также и о запрещеніи еретикамъ передавать или получать что-либо по завѣщанію. «Царскому человѣколюбію (сказано при этомъ) предлежитъ пешица, чтобы каеолическая Церковь, родившая ихъ Христу и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ. Противъ неистовства отщепенцевъ просимъ дати намъ божественную помощь, не необычайную и нечуждую святымъ писаніямъ. Ибо апостоль Павелъ, какъ показано въ истинныхъ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою помощію». Вся церковная исторія полна примѣрами того, что святители побуждали императоровъ къ дѣйствованію въ пользу Церкви.

Въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ благочестивѣйшіе цари суть верховные защитники и блюстители правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія (основные законы російской имперіи), какимъ инымъ образомъ правительство ихъ можетъ соответствовать сему, отъ начала существующему коренному правилу, если не дѣйствуя противъ раскола тѣми мѣрами, которыя всегда принимались православными царями и которыя ободряются вселенскою церковію? И да не смущаетъ насъ мысль, будто примѣръ Европы обязываетъ насъ, во имя вѣротерпимости, не предпринимать ничего противъ раскольниковъ. И въ европейскихъ государствахъ вѣротерпимость имѣетъ предѣлы. Въ самой Франціи допускаются только признанныя вѣроисповѣданія, а для признанія требуется

ж) Аркадій, владѣтель восточн. импер., сынъ Θεодосія Великаго, положившій основ. визант. или греческ. импер.; † въ 408 г.

з) Гонорій (Honorius), владѣтель запад. имперіи, сынъ Θεодосія Великаго; † въ 423 г.

положительная извѣстность, въ чемъ именно состоитъ ученіе сего исповѣданія и что оно не угрожаетъ общественному порядку. Въ Швеціи же, землѣ протестантской, никто, кромѣ протестантовъ, не имѣетъ и права на общественныя должности. А чтобы допускать свободное существованіе обществъ, подобныхъ нашему расколу, скрывающихъ отъ правительства свои тайныя дѣйствія, требующихъ терпимости, когда сами не имѣютъ никакой терпимости, постоянно потрясающихъ въ народѣ понятіе о законности верховныхъ властей,—этого нельзя найти ни въ одной европейской землѣ, кромѣ развѣ Молдавіи и Валахіи, гдѣ нынѣ господствуетъ отсутствіе всякаго порядка и дѣйствуютъ всѣ разрушительные элементы подъ предлогомъ вѣротерпимости, по внушеніямъ чуждаго вліянія и) — i).

и) Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду неблагонамѣренныя дѣйствія румынскаго князя Александра Кузы, лишившаго въ 1859 г. Немецкую лавру и другіе православныя монастыри недвижимыхъ имуществъ.

i) Съ копій, хранящ. въ архивѣ Св. Синода. Опись № 110, докум. № 11.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1841, нояб. 9. «Дѣло сіе полно сомнѣній, а полноты нужной къ доказательству истины не имѣеть. Какъ-то: 1) въ незаконпорожденіи въ маѣ 1839 года отвѣтчица не признается. 2) Свидѣтельское показаніе Березиной (*маіорини*) по сему предмету не имѣеть силы предъ закономъ, потому что выпрошено истцемъ внѣ суда, и хотя подтверждено по требованію становаго пристава, но безъ присяги. 3) Притомъ Березина противорѣчитъ и истцу, выпросившему у ней свидѣтельство, и самой себѣ. Въ письмѣ говоритъ она объ отвѣтчицѣ, что сія не прекратила своего дурнаго поведенія, а въ объясненіи, что ничего въ его супругѣ предосудительнаго не замѣтила, и что подозрѣнія его ни на чемъ не основаны, а на однѣхъ догадкахъ. 4) Свидѣтельство мѣщанки Михайловой и двороваго челоуѣка Кириллова подозрительны по своему содержанію. Они не утверждаютъ, что свидѣтельствуя, какъ очевидцы; а напротивъ говорятъ, что Пахомова родила тайно. Но свидѣтельствующіе по слухамъ, и притомъ необъявляющіе, отъ кого слышали, не заслуживаютъ довѣрія. Притомъ оба они не объясняютъ, котораго числа родила, какого пола былъ младенецъ, какъ ему имя, и куда его дѣвали. Нѣтъ вѣроятія, чтобы достовѣрно знали о рожденіи младенца, и не знали, какого пола. Неточность же въ показаніи наводитъ подозрѣніе, что боялись быть обличены разнорѣчіемъ. 5) О семъ незаконнымъ объявляемомъ рожденіи въ маѣ 1839 года не сдѣлано справки по метрикамъ и причтъ не спрошенъ. 6) Истецъ говоритъ, что удалилъ жену изъ дома по ея желанію, но она въ семъ не признается, и онъ доказательства на сіе не представляетъ. 7) Онъ говоритъ, что удалилъ ее за пороки; но изъ вышесказаннаго видно, что сего не только не доказалъ, но и опроверженъ въ семъ свидѣтельницею Березиною, на которую самъ ссылался. 8) Истцу, какъ доброму и законнодѣйствующему супругу, надлежало, и склонную къ предосудительнымъ поступкамъ жену содержать въ своемъ домѣ для охраненія и исправле-

нія, а въ случаѣ безнадежности ея къ исправленію объявить о томъ начальству, и тогда уже удалить. Не исполнивъ сего, онъ не можетъ почитаться правымъ и самъ, отогнавъ жену произвольно и поставивъ ее чрезъ то въ трудное и опасное положеніе. 9) Но и отвѣтчица неправа въ томъ, что о своемъ изгнаніи отъ мужа не объявила тотчасъ начальству. Изъ сего возникаетъ подозрѣніе въ обоюдномъ соумышленіи разлучиться другъ отъ друга и нарушить бракъ. 10) По такимъ обстоятельствамъ дѣла нельзя съ довѣріемъ смотрѣть и на признаніе отвѣтчицы въ незаконнорожденіи въ августѣ 1840 года, а требуется точнѣйшее дознаніе. 11) Но въ дѣлѣ нѣтъ доказательства на то, когда именно она отлучилась отъ мужа, который говоритъ о семъ безъ означенія времени. 12) Мужъ говоритъ, что далъ ей свидѣтельство (*для прожитія отдельно отъ него*), но когда и какое, не видно, и оно къ дѣлу не истребовано, что нужно и для опредѣленія времени и для разрѣшенія вопроса, не подалъ ли онъ самъ причины къ отлученію отъ него жены. 13) Не сдѣлано дознанія по полицейскимъ книгамъ, не въ домѣ ли еще мужа находилась Пахомова послѣ того срока (*вытхала изъ дома 15 сентября 1839 года*), который она указываетъ. По симъ сомнительнымъ и неполнымъ обстоятельствамъ дѣла, и по признакамъ ббльшей или меньшей неправоты обѣихъ сторонъ, учинить слѣдующее: 1) призвавъ обѣихъ супруговъ въ консисторію, сдѣлать имъ порознь и совокупно увѣщаніе, дабы примирились и обратились къ законному сожитію, и дали добрый примѣръ дѣтямъ. 2) Если примутъ увѣщаніе: прекратить дѣло. 3) Если не примутъ (*онъ не принималъ*): дополнить неполноты и, смотря по тому, что откроется, постановить заключеніе».

Дѣлопроизводство, за смертію г. Пахомовой, прекращено.

1848, нояб. 22. «Показанія священника (*села Петровскаго близъ Уртини*), частію неудовлетворительны, частію несправедливы. Почему не доносилъ начальству о самовольныхъ постройкахъ, онъ не объяснилъ, и точнаго времени ихъ не означилъ. А симъ наводится сомнѣніе и на то, подлинно ли обличеніе сихъ построекъ было причиною неудовольствія церковнаго старосты. Въ первомъ показаніи между причинами неудовольствія церковнаго старосты показалъ по случаю повѣрки приходо-расходныхъ книгъ обличеніе показанія свѣчъ болѣе наличности, и прибавилъ, что о всѣхъ сихъ обстоя-

тельстввахъ доносили благочинному въ свое время. А во второмъ показаніи говоритъ, что несправедливая запись свѣчь значится за мѣсяць октябрь, и къ свидѣтельству священнику не представлена. Если неудовольствіе произошло по случаю повѣрки приходо-расходныхъ книгъ, какъ сказано въ первомъ показаніи, и это за мѣсяць октябрь, какъ сказано во второмъ показаніи: то сія повѣрка должна происходить не ранѣе 1 дня ноября, ибо книги повѣряются по окончаніи мѣсяца. Слѣдственно ложно, что сія повѣрка была причиною неудовольствія старосты, которое письменно изъявлено (*благочинному*) прежде 1 дня ноября. Если происходила повѣрка приходо-расходныхъ книгъ, какъ сказано въ первомъ показаніи: то ложно сказано во второмъ показаніи, что книги къ свидѣтельству не представлены. Ибо свидѣтельство книгъ и повѣрка книгъ есть одно и то же. Посему 1) священнику за неудовлетворительныя и несправедливыя показанія сдѣлать замѣчаніе, съ увѣщаніемъ, чтобы онъ за церковными хозяйственными дѣлами смотрѣлъ согласно съ законнымъ порядкомъ неослабно, но притомъ съ церковнымъ старостою обращался кротко и мирно. 2) Поручить благочинному, чтобы и старосту расположилъ къ прекращенію неудовольствій со священникомъ, и къ продолженію должности до узаконеннаго срока. Если же староста примѣчаетъ со стороны священника обиды или препятствія въ должности: то пусть представитъ о семъ съ ясными доказательствами».

1849, марта 29. «Священникъ сдѣлалъ на старосту извѣты. Имъ не дано вѣры, потому что священникъ пойманъ въ несправедливыхъ и взаимно противорѣчащихъ показаніяхъ. Но староста симъ не удовлетворился и представилъ благочинному возраженіе противъ извѣтовъ священника. Слѣдственно староста ищетъ правосудія, и не долженъ быть лишенъ сего. Дослѣдовать».

1854, сент. 7. «Поступить по заключенію преосвященнаго (*о посылкѣ священника въ монастырь на двѣ недѣли*).

Сообщ. Архим. Григорій.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1887 ГОДА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ.

Стран.

1. Первое соборное посланіе св. ап. и ев. Іоанна Богда слова, съ объяснительными примѣчаніями. 3— 21	131—166
259—287	387—403
2. Митрополитъ-схимонахъ Ѳеодоръ, просвѣтитель сибирскихъ язычниковъ.....	22— 42
3. Матери. Три бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ: а) Хананеянка (Матѳ. 15, 21—28). б) Наинская вдова (Лук. 7, 11—18). в) Избіеніе младенцевъ (Матѳ. 2, 13—18).....	43— 48
4. По поводу предубѣжденій противъ учебниковъ по Закону Божію и законоучителей.	49— 68
5. Древніе монастыри и пустыни Сиріи, Месопотаміи и Персіи, и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.....	69— 86 418—446
6. Въѣбогослужебныя бесѣды о страданіяхъ и смерти Спасителя.	87—100 167—183
288—303	404—417
7. Изъ катихизическихъ наоченій по ветхозавѣтной исторіи: а) Саулъ. б) Давидъ. в) Соломонъ. г) Исторія Іудейскаго и Израильскаго царствъ. д) О пророкахъ. е) Пророкъ Ілія. ж) Пророкъ Іона. з) Исаія и Іеремія. и) Плъненіе Вавилонское.	101—110 231—242
326—347	463—484
8. Суевѣріе и расколъ. Слово въ 14-ю годовщину Братства св. Петра митрополита, 21 декабря 1886 года.	111—118
9. Наученія по руководству Пролога.	119—122 250—254
	371—377
10. Записка вопросовъ о иконописаніи, съ отвѣтами московскаго митрополита Филарета.....	123—126
11. Письма моск. митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ.....	127—128 378—379
12. Резолюціи моск. митрополита Филарета..	129—130 256—258
	380—386 510—512

13. Пѣвцы небесные и пѣвцы земные. Слово въ празднованіе годовщины Общества любителей церковнаго пѣнія.....	184—189
14. Пещерникъ Авель.....	190—230
15. Толкованія на пареміи изъ книги Притчей.....	243—249
	318—325
16. Донесеніе моск. митроп. Филарета св. Синоду....	255
17. Стихиры страстной седмицы въ новомъ переводѣ на церковно-славянскій языкъ.....	304—317
18. О благоприличіи, свойственномъ служителямъ Церкви. Слово въ день трехъ святителей.....	348—351
19. О почитаніи церковныхъ праздниковъ. Слово въ день Срѣтенія Господня	352—355
20. Торжество истины. Слово въ недѣлю Православія..	355 - 361
21. Два поученія предъ исповѣдію.....	362—366
22. Три поученія предъ причащеніемъ.....	367—370
23. Размышленіе въ день св. Пасхи.....	447—456
24. Рѣдкіе примѣры христіанскаго вдовства и самоотверженія на пользу ближняго.....	457—462
25. По поводу одного самоубійства.....	497—501
26. Мнѣніе митрополита Филарета „о постановленіяхъ Церкви по предмету содѣйствія ей христіанскихъ правительствъ противъ ересей“ (1860 г.).....	502—509